4
М-34

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

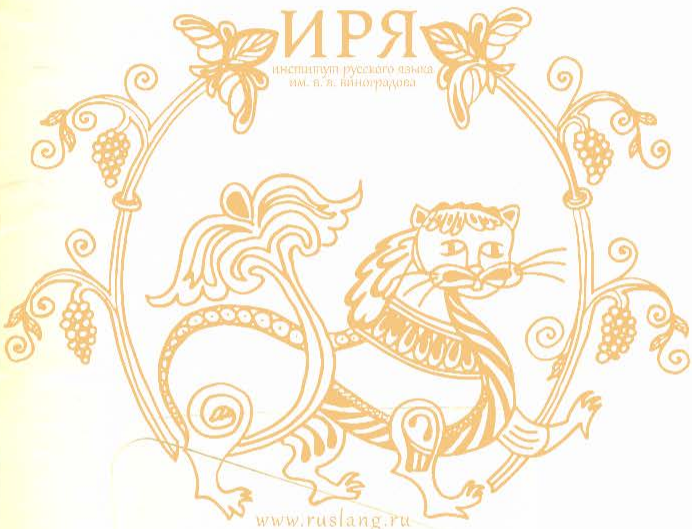
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1960 г.

Я - перерыв-обыз

ИРЯ
институт русского языка
им. В.В. Виноградова

www.ruslang.ru
55882

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

4
М-34
БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А.Н. СССР
55882

Ответственный редактор
член-корр. АН СССР проф. Р. И. АВАНЕСОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник состоит из двух разделов. В первом — три работы, содержащие описания отдельных памятников русского языка с палеографической, графико-орфографической и фонетической точек зрения.

Статья Л. Н. Карягиной, представляющая часть монографии о языке июльской служебной Минеи конца XI—начала XII вв., посвящена истории редуцированных гласных. Минея эта относится к тому комплекту, датированные части которой издал акад. И. В. Ягич. Близкий вопрос — о конечной стадии истории редуцированных в русском языке на материале более позднего времени — середины XIV в. (Галичского евангелия 1357 г.) исследуется в статье Л. П. Жуковской. В работе Т. А. Сумниковой по палеографическому и фонетическому изучению Чудовского сборника XVI в. устанавливается московское происхождение памятника, который ранее обычно относился (акад. М. Ф. Карским и др.) к памятникам белорусским.

Работы второго раздела открываются двумя монографическими исследованиями по исторической грамматике русского языка — работами С. В. Бромлей и А. И. Толкачева. Первая из них посвящена образованию несогласуемой формы сравнительной степени в русском языке, а также истории членных форм сравнительной степени, вторая — более частному вопросу об изменении *-ого* > *-ово* в флексии прилагательных.

Вслед за этими работами публикуется ряд статей меньшего объема по вопросам утраты родовых различий во множественном числе у слов, изменяющихся по родам (статья Н. В. Чурмаевой), образования наречий на *-ь* и о случае реликтового употребления формы аориста в русском языке (статьи Д. Н. Шмелева), об употреблении времен глагола в русском языке второй половины XVII в. (статья Е. Н. Прокопович).

Публикуемые в этом сборнике работы (за исключением статей Д. Н. Шмелева) представляют собой части защищенных или подготовленных к защите кандидатских диссертаций.

Л. Н. КАРЯГИНА

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В ЯЗЫКЕ ИЮЛЬСКОЙ СЛУЖЕБНОЙ МИНЕИ КОНЦА XI—НАЧАЛА XII ВВ.

Настоящая статья основана на изучении рукописи Центрального государственного архива древних актов (фонд Синодальной типографии 381 № 121), так называемой служебной Минеи за июль месяц, входящей в комплект служебных Миней, датированную часть которого издал И. В. Ягич[1]. Изданные Минеи исследованы С. П. Обнорским[2], В. Л. Комаровичем[3] и М. И. Корнеевой-Петрулан[4]. Исследуемая нами рукопись не датирована, не издавалась, языковые особенности рукописи не изучались. Поэтому материал, впервые вводимый в научный оборот, представит для историков русского языка определенный интерес. Рукопись изучена нами с точки зрения палеографической, графико-орфографической и фонетической. Кроме того, мы уделили большое внимание двум проблемам, без решения которых работа не имеет практической ценности: определение времени и места написания рукописи, поскольку она не датирована и не локализована. В настоящей статье мы не имеем возможности подробно осветить все эти вопросы. Мы изложим наши наблюдения над судьбой редуцированных гласных, основываясь на правописании букв ъ и ь, используя и некоторые выводы, полученные в ходе изучения всего комплекса затронутых нами вопросов, которые явятся предметом другой статьи.

Судьба редуцированных гласных в разные эпохи складывалась по-разному. Это находит отражение в нормах орфографии, которые не остаются неизменными. Поэтому анализ орфографии помогает решению вопроса о времени написания исследуемой рукописи. Таким образом, основные задачи нашей статьи — сообщить материалы исследования, до сих пор неизвестные, и дать анализ правописания букв ъ и ь как с целью выявления фонетических черт, свойственных языку писцов, так и с целью решения вопроса о времени написания исследуемой рукописи.

---

[1] И. В. Ягич. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. В кн.: „Памятники древнерусского языка", т. I. СПб., 1886.

[2] С. П. Обнорский. Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г. Изв. II, отд. РАН, т. 29, 1924.

[3] В. Л. Комарович. Язык служебной октябрьской Минеи 1096 г. Изв. ОРЯС АН, т. 30, 1925. Л., 1926.

[4] М. Корнеева-Петрулан. Язык служебной Минеи 1095 г., 6/м. и г.

Июльская служебная Минея, как о том свидетельствуют состав рукописи, данные графики и палеографии, — памятник древнерусской письменности конца XI — начала XII вв. Написана на пергамене. Современный объем рукописи — 52 листа в четвертку. Рукопись — результат труда двух писцов: первому принадлежат листы с 1 по 45п—15 и с 47—16 по 49п—7; второму — с 45п—15 по 47—16 и с 49п—7 по 52п. Материал соответственно разбивается на две части. Сделать это необходимо, так как орфографические нормы писцов различны. Примеры на то или иное явление, встретившиеся в рассматриваемой рукописи, приводятся обычно полностью, с указанием листа и строки, откуда взято слово. Например: все 26п—11, 14, 22. Первая цифра обозначает лист, строчная буква п — правую сторону листа, вторая и последующие цифры — строку на листе. Такой системы обозначения мы придерживаемся во всей статье. В случае, если буква недостаточно ясна, она пишется на своем месте в строке, но заключается в квадратные скобки. Буквы, вынесенные над строкой, помещаются нами в круглых скобках в строке. Для понимания слов, в написании которых допущены ошибки, мы помещаем рядом в круглых скобках параллели из Софийской Минеи № 208 того же состава, что и рассматриваемая рукопись (хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде).

Как известно, падение слабых редуцированных — причина коренных изменений в фонетической системе русского языка как в области вокализма, так и в области консонантизма. Фонетические черты, которыми различаются современные восточнославянские языки — в значительной мере результат развития фонетических возможностей, появившихся в результате падения редуцированных гласных. Изменение фонетической системы русского языка не могло не отразиться на его морфологическом строе. Поэтому с известным правом историю русского языка можно разделить на два основных периода: до и после падения редуцированных. В связи с этим определение временных и территориальных границ этого интересного языкового явления очень важно.

Раздел науки, посвященный гласным, обозначенным в древнерусской письменности буквами ъ и ь и получившим многочисленные названия (редуцированные, глухие, иррациональные, полукраткие гласные; гласные неполного образования и т. д.), наиболее разработан[5]. В истории изучения редуцированных выделяются три основные проблемы: во-первых, определение качества этих звуков; во-вторых, установление времени их исчезновения в говорах древнерусского языка; в-третьих, определение времени и последовательности падения редуцированных относительно различного положения их в слове. Все эти вопросы вызвали большое количество весьма разноречивых суждений.

По-разному определяется звучание гласных к моменту написания самых ранних из дошедших до нашего времени древнерусских рукописей. Некоторые ученые сомневались в существовании редуцированных гласных в этот период. Так, Ф. И. Буслаев считал, что уже в древнейшую эпоху с помощью букв ъ и ь обозначались краткие [о] и [е], в то время как долгие и ударенные обозначались буквами *о* и *е*[6]; того же мнения придерживался П. И. Житецкий. Главным доказательством отсутствия редуцированных гласных в период написания самых

[5] В нашей статье для обозначения звуков [ъ] и [ь] мы придерживаемся названия „редуцированные гласные". Оно, на наш взгляд, наиболее подходящее, так как точка зрения ученых, отстаивающих право этого названия на существование, кажется нам наиболее аргументированной.

[6] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1875, стр. 40—41, примеч. 1.

ранних из дошедших до нас древнерусских рукописей он считал пропуск букв слабых редуцированных, постановку в соответствии с сильными редуцированными букв *о*, *е* вместо *ъ*, *ь* и взаимную мену *ъ* и *ь*. Наблюдая в древнерусских рукописях взаимную мену *ъ* и *о*, *ь* и *е* в написании одних и тех же слов, П. И. Житецкий усматривал в этом звуковую близость скрывающихся за ними гласных и в связи с этим считал, что индивидуальная природа редуцированных, как ее осознавали творцы славянской азбуки, затмилась уже в то время, когда начали писать *ъ* и *ь* вместо *о* и *е* и наоборот. Он признавал лишь спорадическое существование [ъ] и [ь] в XI в.[7]

А. И. Соболевский утверждал, что буквы *ъ* и *ь* не обозначали редуцированных гласных уже с конца XI в., т. е. уже с момента появления первых рукописных книг. На эту мысль его наталкивают написания без букв этимологически слабых „ъ" и „ь" в „чисто русских" памятниках XI—XII вв. (грамотах, надписях) и написание Κασζήτ без буквы гласного после ζ у Константина Багрянородного[8]. И. В. Ягич на основании многочисленных пропусков в древнерусских рукописях букв слабых редуцированных и частых поправок писцами *о* на *ъ* полагал, что „в смысле слоговой службы" конечные редуцированные исчезли уже издавна, что уже в XI в. слоговое [ъ] очень незначительно отличалось от обыкновенного [о]"[9] и т. д. В противоположность им А. Х. Востоков, П. А. Лавровский, А. А. Потебня, О. Огоновский, М. А. Колосов, А. И. Томсон, А. А. Шахматов, А. М. Селищев и другие вопрос о существовании редуцированных гласных в древнерусском языке XI в. решали положительно. Наиболее аргументированной является точка зрения А. А. Шахматова, изложенная им в „Очерке древнейшего периода истории русского языка". В подтверждение своей мысли А. А. Шахматов приводит сначала единичные факты: подпись дочери русского князя Ярослава Владимировича Анны: ана рѣина (1063 г.), финские, латышские, литовские заимствования из русского, в которых русским [ъ], [ь] соответствуют гласные [u], [i], а затем, после подробного анализа орфографических приемов древнерусских писцов, — данные, имеющие массовый характер: выдержанное написание *ъ* и *ь* в соответствии с этимологическими „ъ", „ь" в русских рукописях XI—XII вв. и особенно отсутствие *о* и *е* в написании чисто русских сочетаний типа **tъrt*, **tьrt*, **tъlt*. И действительно, если в остальных случаях последовательное сохранение на письме букв *ъ* и *ь* можно еще объяснить влиянием протографа, который по происхождению мог быть южнославянским, то почти постоянные в древнерусских рукописях написания с *ъ* и *ь* перед плавным в сочетаниях типа **tъrt*, **tьrt*, **tъlt* в соответствии со старославянскими типа **trъt*, **trьt*, **tlъt*, **tlьt* влиянием со стороны объяснить трудно. В отсутствии написаний с *ѣ* вместо *е* в слогах, предшествующих слогам с исчезнувшим редуцированным [ь], характерных для рукописей южнорусского происхождения, А. А. Шахматов также видит доказательство существования в XI—XII вв. редуцированных гласных [ъ] и [ь][10]. Другие исследователи, кроме выдержанного написания букв этимологических редуцированных, приводят иные факты, подтверждающие наличие гласных, обозначенных в рукописях XI—XII вв. буквами *ъ* и *ь*: последовательная постановка нотных значков

---

[7] П. И. Житецкий. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв., ч. 1. Киев, 1889, стр. 76.

[8] А. И. Соболевский. Очерки по истории русского языка. Киев, 1884, стр. 71.

[9] И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 31.

[10] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915, стр. 203—216.

над буквами ъ, ь в нотных стихирарях и кондакарях (А. Х. Востоков, П. А. Лавровский. А. И. Томсон, А. И. Соболевский), употребление надстрочных знаков вместо букв ъ и ь (А. А. Потебня), употребление ъ и ь вместо *о*, *е* и *о*, *е* вместо букв слабых редуцированных (А. А. Потебня, О. Огоновский), существование в древнерусском языке групп согласных, способных удерживать редуцированный гласный (М. А. Колосов) и т. д. Мы, присоединяясь к точке зрения А. А. Шахматова, считаем, что в древнерусском языке к моменту написания древнейших из сохранившихся до нашего времени древнерусских рукописей существовали редуцированные гласные [ъ], [ь] как самостоятельные звуки, отличные от других элементов звуковой системы языка. В настоящее время можно считать общепризнанным, что „...это были гласные неполные в своем образовании. Их неполнота выражалась в особой краткости их: они были короче нормально-кратких гласных *о*, *е*. С их неполнотой в количественном отношении была связана неполнота и в работе органов речи. Наиболее характерной чертой в отношении работы органов речи при образовании гласных было то, что голосовые связки вибрировали короче, чем при гласных полного образования. Об ослабленности, редуцированности образования гласных ъ, ь свидетельствует их судьба в славянских языках: в тех положениях, в которых не было благоприятных обстоятельств для продления гласных ъ, ь (для их усиления), они совсем утрачивались... Но ъ, ь были и в таком положении, в котором происходило их усиление, некоторое продление“ [11]. Первые получили название *слабых*, вторые — *сильных* редуцированных гласных. Это были звуки качественно различные по степени редукции. В. Н. Щепкин считал, что начало такого различия восходит, очевидно, к общеславянской эпохе и что дальнейшая судьба этих звуков состояла в усилении различия. Редукция вообще увеличивалась. Она уменьшалась только там, где редуцированные гласные получали возместительное продление справа от слога с редуцированным гласным, продолжавшим сокращаться [12]. Слабые редуцированные постепенно сходят на нет, а сильные совпадают в своем звучании с нормальными краткими гласными [о] и [е], исконно бывшими в языке.

Если исследователям сравнительно легко удалось доказать существование и звуковое качество редуцированных, то гораздо труднее оказалось определить временны́е и территориальные границы процесса падения и нарисовать картину последовательного падения этих звуков относительно их различного положения в слове. Одним из основных доступных нам источников, по которым можно судить о живом языке интересующей нас эпохи, являются дошедшие до нас рукописи. Однако их отличают некоторые особенности, обусловленные определенными историческими причинами. Как известно, первые дошедшие до нас русские рукописи были созданы на Руси для нужд церкви. Они отражали в основном не живое русское произношение того времени, а произношение старославянского языка, который являлся литературным оформлением одного из македонских (солунского) говоров. Падение редуцированных в старославянском языке происходило раньше, чем в древнерусском, поэтому текст старославянских рукописей пестрит словами с опущенными буквами ъ, ь или другими буквами на месте последних. Это значительно затрудняет работу над исследованием древнерусских рукописей, так как орфография многих из них обнаруживает явное влияние со стороны старославянских протографов. В связи с этим

[11] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, стр. 152—153.
[12] В. Н. Щепкин. Рассуждения о языке Саввиной книги. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1889, стр. 176.

отступления от этимологически верного написания слов, говорящие об изменении звучания последних в живой речи, воспринимаются в первую очередь как принадлежащие старославянским, а не древнерусским рукописям. С такой меркой часто подходят и к случаям отсутствия или мены букв слабых редуцированных. Поэтому возможность ограничения процесса падения редуцированных в древнерусском языке во времени и пространстве весьма затруднена. Частичное падение слабых редуцированных, т. е. их утрата в определенных частных условиях, в древнерусском языке предполагается еще задолго до написания древнейших известных нам памятников русской письменности, подтверждением чему служат написания без букв ъ, ь даже в самых ранних из них. Относительно окончательного завершения процесса падения редуцированных принято думать, что оно произошло уже на почве отдельных говоров древнерусского языка в разное время и в разных условиях по-разному и протекало с известной постепенностью как в отношении охвата территории древнерусского языка, так и словарного состава его. А. И. Соболевский полагал, что к концу XI в. процесс падения редуцированных уже завершился[13]; С. П. Обнорский[14] считает началом процесса первую половину XII в., а А. А. Шахматов предполагал существование редуцированных в некоторых диалектах еще в XIII в.[15] А. А. Шахматов по этому поводу писал, что материал рукописей второй половины XII и первой половины XIII вв. свидетельствует об исчезновении редуцированных в диалектах уже в то время. Напротив, в первой половине XII в. они повсеместно удерживались. Следовательно, падение их в диалектах началось не раньше середины XII в.[16], когда, несмотря на обозначившиеся диалектные отличия, русский язык еще не утратил своего единства[17]. При этом А. А. Шахматов, а еще раньше и А. А. Потебня, высказывали мысль о несовпадении времени начала и окончательного завершения процесса падения редуцированных в древнерусском языке в разных его диалектах. Таким образом, начало падения редуцированных гласных, не частичное, а общее, А. А. Шахматов относит к середине XII в. Повсеместное падение редуцированных гласных, судя по памятникам, произошло, по его мнению, разновременно в отдельных русских наречиях и говорах, но завершилось вполне в течение XIII в. При этом раньше, чем на севере, пали редуцированные гласные на юге[18].

Что касается вопроса последовательности падения редуцированных гласных относительно их различного положения в слове, то одни (А. А. Потебня, П. И. Житецкий, О. Огоновский, И. В. Ягич и др.) утверждали, что оно началось с конечного слога слова. Другие (М. А. Колосов, Б. М. Ляпунов, В. Н. Щепкин, А. Мейе, А. М. Селищев и др.) связывали начало процесса с нахождением этих звуков среди определенной группы согласных. А. А. Шахматов считал, что падение началось с начального слога в положении перед следующим ударенным. В настоящее время наиболее отвечающей действительности кажется точка зрения И. А. Фалева. В основном, не расходясь с А. А. Шахматовым во взглядах на судьбу редуцированных гласных в славянских, и в частности в древнерусском языке, И. А. Фалев утверждает, что падение редуцированных в русском языке началось не в первом слоге

---

[13] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 46.
[14] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 33—35.
[15] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 217.
[16] Там же.
[17] Там же, стр. 287.
[18] Там же, стр. 228.

слова, а в корнях, в которых [ъ], [ь] слабые не чередовались с [ъ], [ь] сильными. Это повело к исчезновению редуцированных в других корнях, потом в суффиксах и префиксах. Исчезновение слабых редуцированных повело к переходу сильных в гласные полного образования, последней стадией в этом процессе было прояснение редуцированных в сочетаниях с плавными. В южнорусском языке падение редуцированных завершилось в половине XII в., в севернорусских — в первой половине XIII в.[19] А. М. Селищев, видевший причину падения редуцированных гласных в ином, как бы конкретизирует своими положениями мысль И. А. Фалева. Он указывает на четыре позиции, в которых, на его взгляд, слабые редуцированные, как об этом свидетельствуют русские рукописи, утрачивались раньше, чем осуществился общий процесс утраты их перед слогом с гласным полного образования:

а) в начале слова между согласными *п-с, п-ш, п-т, м-н, в-с;*

б) в суффиксе перед сонорным *н, л*;

в) в конце слова;

г) в местоимениях и наречиях, в связи с их ослабленным произношением[20].

Для диалектов болгарского языка, для сербского, словацкого и полабского языков А. М. Селищев на основании данных древних рукописей указывает фонетические условия, в которых „...редуцированный ъ перед слогом с гласным полного образования оставался и после окончательной утраты слабых ъ, ь. В этом гласном ъ в таком особом положении был не только давний ъ, но и совпавший с ним давний ь. Так, по диалектам был ъ между д-ц, т-ц, д-н, т-м, т-к, м-ст, м-зд, м-т, л-начального слога перед слогом с гласным полного образования: дъцери, дъцица, тъща „теща", тъщание, дъне, тъма, тъмѣ, тъкнѫти (прѣтъкнеши), мъстити (вм. мьстити), мъзда, мъгла (вм. мьгла), лъсти"[21]. А. М. Селищев ничего не пишет о возможности сохранения редуцированного перед слогом с гласным полного образования в русском языке или его говорах. Тем не менее, и в русских рукописях XIII—XIV вв. в указанных положениях буквы ъ и ь употребляются дольше, чем в других.

В рукописях ранней поры, в том числе в исследуемой нами июльской служебной Минее, не различаются буквы этимологического редуцированного в слабой позиции, в конечном счете исчезавшего из речи, и буквы редуцированного гласного в сильной позиции, становящегося впоследствии нормально кратким звуком, хотя степень редуцированности того и другого различна. Ср.: *посълъ — посъла, дьнь — дьне* и т. д. Поэтому при определении слабой позиции мы руководствуемся дальнейшей историей редуцированных в древнерусском языке, которые, как известно, в одних позициях (слабых) утрачивались, в других (сильных) изменялись в гласные [о], [е]. Буквы этимологически сильных редуцированных в исследуемой рукописи последовательно пишутся. Поэтому имеет смысл подробно рассмотреть лишь употребление букв этимологически слабых редуцированных и особенно случаи их отсутствия. Написания без букв ъ и ь представляют больший интерес, им будет уделено особое внимание, в то время как написания с буквами этимологических „ъ" и „ь" часто будут только перечислены.

Последовательность при рассмотрении примеров употребления или отсутствия букв ъ, ь в соответствии с этимологическими редуцированными устанавливается следующая.

[19] И. Фалев. О редуцированных гласных в древнерусском языке. „Язык и литература", т. II, вып. 1, 1927, стр. 121—122.

[20] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, стр. 283—284.

[21] Там же, стр. 285.

I. Редуцированные не в сочетании с плавными. Материал раздела располагается соответственно тому, этимологические гласные какой морфемы рассматриваются нами: корневой, префиксальной или суффиксальной. Внутри этих групп материал делится на более мелкие подгруппы.

II. Редуцированные в сочетании с плавными.

III. Редуцированные на конце полнозначных слов.

IV. Редуцированные на конце полнозначных слов в положении конца строки.

V. Редуцированные на конце полнозначных слов перед строчным знаком :·З ⌐.

VI. Редуцированные в полнозначных словах в заглавиях.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ НЕ В СОЧЕТАНИИ С ПЛАВНЫМИ

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В КОРНЯХ

Написания без буквы
этимологически слабого редуцированного „ъ".

Первый писец: прогналъ 22—7; ѿгнаста 30п—2; прогна 32—10; отъгна 34п—29; ѿгнасте 47—20; ѿгналъ 48п—21; 49—17; двѣма 41п—31; зла 49—14; злаго 29п—16; 38п—3; злобнѧ 12—22; злобою 36—17; злобу 34п—28; злобы 35п—28; 37п—16; 42—16; злобьноую 41—19; злобьѧ 20п—2; злобѣ 14п—25; зловѣрьноуму 40—3; зловѣрьныихъ 42п—8; зловѣрьѧ 41п—26; злочьстье 39п—19; злочье 38п—10 (злочьстик); злыими 47п—15; злыихъ 26—2; злѣ 26п—8; озлобленоую 23—2; 28—24; кнѧзь 5п—2; кнѧзѧ 29—3; 35—14; никто 45—7; кто 47п—4; многоцѣньноу 4п—5 + 12 раз; множаишь 5п—12; многое 13п—9; прѣмножствомь 19п—8; многыоулавлѧющи 21п—7; 27—16; 34п—4; множство 24—3; множьствоу 28—22; многыихъ 28п—3; 38—29; 43п—6; многѣмь 32—7; многами 33—23; многы 35—3; многыимъ 36—29; множства 38п—26; многомъ 40—9; многыи(мї) 45—29; многыими 47п—II; 48—20; мно(г)плодьнь 5—2; мно(г)мъ 5п—14; мно(г)бжиѧ 7—21; мно(г)е 13п—9; мно(г)плетыѧ 21п—9; мно(г) 25—12; прѣмножствовасѧ 2п—10; множствомь 4—10; множство 37—14; 43п—25; послалъ 42—7; посли 6п—14; 35п—27; 38—7; 48—19; сна 47п—17; оуспениемь 12п—16; оуспила 27п—26; оуспение 32—14; оуспе 42—13; възпила 26п—17; възпиемъ 31—5; вѫдхноувъшаго 45—25.

Второй писец: ѿгнали 46—13; многоплодьныи 51—6.

Написания без буквы
этимологически слабого редуцированного „ь".

Первый писец: Все 26п—11; 32п—4, 20; 39п—16; всегда 8п—10; 26—9; 30п—17, 28; 31—21; 47п—14; всего 10п—7; 21—6; 21п—11; 33п—14; 38—12; всеи 1—23; 6п—24; 14п—22; 30п—18; всею 24п—5; всѧ 1—2; 3—8; 32п—20; 45п—2; всеблгословленаѧ 41п—23; всеболѣньна 5—5; всегоубительство 16—14; вседобльни 40—17; всежелѣюща 3—8; вседьржителеви 18п—8; 36—19; вседьржителевы 17п—4; вседьржителю 30п—10; вседьржит(е)лю 16—1; вседьржителѧ 11п—4; 18—6; 36—16; вседьржител 16п—18 (вседержителѧ); всезнаемыѧ 36—19; всемогаи 7—3; 48—17; всемыслно 29—4; всенощьныи 49—18; всепитомо 32п—3; всѣпорабощена 33п—14; всесильне 6п—14; всеславьнаѧ 45—13; всеславьне 8п—9; всеславьнии 45п—8; всесъжьжение 42—23; всетихое 40—25; всеоутвьрдовала 3—3; всечистаѧ 6—6; всечьстьнаѧ 7п—22;

11—15; 20—2; 33п—11; 39—1; всечьстьное 5—12; всечьстьноую 36—5; всещедраго 28—23; всещедромоу 6—11; вси 2—18 + 15 р.; всу 2—11 + 6 р.; всудоу 14—13; всю 1—10; всѣми 36п—24, 29; всѣмъ 2—11 + 21 р.; всѣмь 3п—22; 28п—15; 42—25; всѣхъ 5—12 + 28 р.; всехъ 7—5; вса 1—22 + 34р.; всѧко 4п—12; всѧкого 7п—8; 18п—2; всѧкоѧ 10—16; 35п—28; 36п—20; 37п—16; всѧкоу 40—5; всѧкъ 6—3; 24—1; 25—15; всѧк 37п—18 (всѧкъ); всѧчьскыимъ 15—24; всѧчьскыми 13—6; всех[ъ] 4—22; всѧк[ъ] 5п—19; ведми 5—9; 29п—27; жданьноу 40п—21; помнѧща 9п—18; чтемъ 19п—13; 33—18, 22; почтѣмъ 35п—13; почтении 41—12; 42п—5; почтенъ 42п—17; причтова 35п—23; чтоущимъ 34п—1; 45—20; что 22—23; 30—15; ничто 22п—13; блгочстивьно 16—10; 44п—1.

Второй писец: все 51п—1; всегда 46—6; 46п—1; 50п—21; вседобрѧго 45п—26; вси 46п—4; всу 51п—18; всю 46—14; 46п—2; всѣмъ 46—8; всѣхъ 45п—20; всѧ 46п—10; 52п—3; всѧчьскаѧ 50—18.

Ниже даем список корней, встречающихся в исследуемой рукописи, количественный подсчет случаев употребления букв ъ и ь в составе этих корней[22].

Таблица 1

	Первый писец		Второй писец			Первый писец		Второй писец	
	количество написаний без ъ, ь	количество написаний с ъ, ь	количество написаний без ъ, ь	количество написаний с ъ, ь		количество написаний без ъ, ь	количество написаний с ъ, ь	количество написаний без ъ, ь	количество написаний с ъ, ь
Бъдро . . .	—	2	—	—	* вельми . . .	2	—	—	—
вълаемъ . .	—	1	—	—	бездьна . . .	—	4	—	—
гълѣба . . .	—	2	—	—	жьжение . .	—	9	—	—
разгънаша .	7	1	1	2	* жьданьноу .	1	—	—	—
бъдѣние . .	—	2	—	—	съзьдавъ . .	—	5	—	1
въдовоу . . .	—	2	—	—	льсти	—	16	—	—
ра(з)гъбениѧ	—	1	—	—	мьглоу . . .	—	5	—	—
дъвѣ	1	1	—	—	мьздоу . . .	—	1	—	—
дъжгѧ . . .	—	5	—	—	мьнѣвъши .	1	1	—	—
ѿдъхновениѧ	1	15	—	—	приобьщавъшюса . . .	—	1	—	—
дъщи	—	3	—	—	пользи . . .	—	—	—	1
зъвание . . .	—	6	—	—	попьравъши .	—	1	—	—
зълынихъ . .	22	3	—	—	испьщрена .	—	1	—	—
кънигы . . .	—	1	—	—	рьвениемь .	—	4	—	—
* кънѧзь . . .	3	—	—	—	рьцѣмъ . . .	—	1	—	—
* никъто . . .	2	—	—	—	стьзоу . . .	—	3	—	—
* мъногы . . .	43	—	1	—	въсьмѣвъши .	—	—	—	1
посълати . .	5	1	—	—	тьзоименитьница . . .	—	1	—	1
съна	1	1	—	—	тьлѣние . .	—	7	—	1
оусъпениемь .	4	1	—	1	тьма	—	14	—	1
тъгда . . .	—	1	—	1	въцьвла . . .	—	3	—	—
истъкаша . .	—	3	—	—	* чьто	3	—	—	—
тъщаниемь .	—	7	—	—	чьтемъ . . .	10	9	—	4
* възъпила . .	2	—	—	—	чьсти	2	26	—	1
оупъвание .	—	3	—	—	пришьла . .	—	3	—	—
избърана . .	—	—	—	1	съньмище . .	—	2	—	1
* вьсеѧ . . .	195	—	14	—					

[22] Каждый раз приводим только одну из форм, встречающихся в рукописи. Звездочкой отмечены формы с буквами этимологических („ъ“, „ь“ в корне, но употреб-

Как показывает количественный подсчет, общая сумма написаний без букв слабых этимологических редуцированных в корнях сравнительно велика, но эта внушительная цифра во много раз уменьшается, если написания без ъ, ь в пределах одного и того же корня считать за одно. Число корней, которые постоянно или эпизодически пишутся без букв этимологических редуцированных, в таком случае сводится всего лишь к восемнадцати. В основном это корни, постоянно встречающиеся в таком написании и в древнейших старославянских рукописях (в дальнейшем будут указаны древнерусские и старославянские рукописи, в которых эти корни пишутся также без букв этимологически слабых редуцированных). Поэтому некоторые ученые, например А. А. Шахматов[23], склонны объяснять подобные написания в древнерусских рукописях XI—XII вв. воздействием со стороны старославянской орфографии.

Но большинство, в том числе и А. А. Шахматов в другом месте той же работы, сходятся на том, что появление в древнерусских рукописях написаний без букв ъ и ь в составе корня имело фонетическую причину: падение слабых редуцированных в речи. Так, А. А. Шахматов писал: „...памятники XI—XII века дают основание утверждать, что в процессе падения полукратких гласных замечалась следующая последовательность: сначала исчезли полукраткие в начальном слоге слова; потом они исчезли в другом положении, т. е. в срединных и конечных слогах“[24].

С. П. Обнорский стоит также за фонетическое объяснение. Как и А. А. Шахматов, он считает, что первоначально слабые редуцированные исчезают в первом слоге слова, но С. П. Обнорский связывает этот процесс с определенными „темами“. Свои взгляды он излагает в исследованиях о языке Ефремовской Кормчей XII в.[25] и Минеи служебной 1097 г.[26]

В. Н. Щепкин[27] в противоположность А. А. Шахматову и С. П. Обнорскому считает, что первый слог слова, напротив, должен был произноситься с бо́льшей силой, чем срединные, которые примыкали в слоговом отношении вместе с согласными к предыдущему слогу, тем самым ослабляясь и в конце концов исчезая.

Принципиально новую позицию в этом вопросе занимает И. А. Фалев. Он также считает, что отсутствие букв ъ и ь в древнерусских рукописях XI—XII вв. нельзя объяснять только графически. Исходя из анализа орфографии тех же памятников, которые исследовал А. А. Шахматов, И. А. Фалев пришел к выводу, что падение редуцированных началось в русском языке (и в старославянском) в некоторых корнях слов, в которых редуцированный звук не играл никакой роли, не поддерживался другими формами с сильным редуцированным. И. А. Фалев указывает на постоянное в одних и частое в других рукописях написание *мног-*, *кнѧзь*, отчасти *кто* в противопоставлении более частому *зъло* и т. п. Факты, подтверждающие это предположение, слишком осложнены графическими явлениями, может быть влиянием соседних согласных, и требуют, по мнению И. А. Фалева, тщательного изучения всех рукописей древнейшего периода; тем не менее он считает, что имеется несколько корней, „склонных“ к употреблению

ляемые писцами постоянно без букв этимологических редуцированных. Слова под титлами при подсчете не учитывались.

[23] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 210—211.

[24] Там же, стр. 217.

[25] С. П. Обнорский. О языке Ефремовской Кормчей XII века. СПб., 1912, стр. 18.

[26] С. П. Обнорский. Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г. Изв. II Отд. РАН. т. 29, 1924, стр. 180.

[27] В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 130.

без редуцированных, и ряд других корней, долго удерживавших редуцированный гласный[28].

Анализ написаний без букв этимологических „ъ", „ь" в исследуемой рукописи, подкрепляет предположение И. А. Фалева: буквы ъ и ь не пишутся чаще в корнях, в которых этимологический редуцированный никогда не мог быть в сильной позиции: *кънѧзь, кто, чьто, мъногы* и др. Но нередко ъ и ь отсутствуют в корнях, имевших поддержку среди форм, употребляемых с буквами ъ и ь в соответствии с этимологическими редуцированными в сильной позиции. Отклонения от этимологически правильного употребления ъ, ь в рассмотренных корнях имеют место и в других памятниках XI—XII вв. как древнерусских, так и старославянских. Поэтому совершенно необходимо материал исследуемой рукописи сопоставить с материалом других памятников указанного периода, в которых корни, встреченные в исследуемой рукописи, пишутся то с буквами ъ, ь, то с пропуском последних. Укажем для каждого из корней древнерусские и старославянские рукописи, в которых тот или иной корень встречается в написании без ъ и ь.

„-гън-": прогна 32—10 и др. См. древнерусские рукописи: XIII слов Григория Богослова XI в., служебная Минея 1096 г.; старославянские: Саввина книга и др.

„дъв-": двѣма 41п—31 и др. См. древнерусские рукописи: служебная Минея 1096 г. (1 случай), Архангельское евангелие 1092 г. I почерк, Златоструй публичной библиотеки, Христинопольский Апостол, Ефремовская Кормчая XII в.; старославянские: Саввина книга, Зографское евангелие, Клоцов сборник и др.

„зъл-": зла 49—14 и др. См. также древнерусские рукописи: Изборник Святослава 1076 г., служебные Минеи 1095 и 1097 гг., Житие Кондрата, Путятина Минея, Христинопольский Апостол, Ефремовская Кормчая XII в. и др.

„кън-": кнѧзь 5п—2 и др. См. древнерусские рукописи: служебные Минеи 1095 и 1097 гг., Чудова псалтырь, Слова Кирилла Иерусалимского XI в., Пандекты Антиоха XI в.; старославянские: Зографское евангелие (1 случай) и др.

„-кът-" („-чьт-"): никто 45—7 и др., что 22—23 и др. Оба местоимения постоянно пишутся без букв этимологически слабого редуцированного. Предполагают, что утрата гласного в корне произошла задолго до появления известных нам славянских рукописных книг, поскольку редуцированный находился в условиях, благоприятствующих его раннему исчезновению: слово местоименное, с ослабленным произношением в связной речи, слабый редуцированный не поддерживается родственными формами и, к тому же, помещается между глухими. В написании *-кт-* корень „-кът-" встречается также в древнерусских рукописях: служебные Минеи 1095—1097 гг., XIII слов Григория Богослова XI в., Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г., Житие Кондрата, Туровское евангелие, Путятина Минея, Златоструй публичной библиотеки, Чудова псалтырь, Пандекты Антиоха XI в., Архангельское евангелие 1092 г. I почерк, Слова Кирилла Иерусалимского XI в.; старославянские: Саввина книга, Мариинское евангелие и др. В написании *-чт-* корень „кът-" встречается также в древнерусских рукописях: Изборник Святослава 1073 г., Житие Кондрата, Туровское евангелие, Путятина Минея, Златоструй публичной библиотеки, XIII слов Григория Богослова XI в., Пандекты Антиоха XI в.; старославянских: Саввина книга, Зографское евангелие (1 случай) и др.

---

[28] И. Фалев. О редуцированных гласных в древнерусском языке, стр. 120—122.

„-чьт-". Корень „-чьт-" в той же огласовке встречается в глаголе *чисти* || *чьтоу*: чтемъ 19п—13 и др. У первого писца 10 случаев написания корня без буквы *ь*, 9 — с буквой *ь*. У второго написания без *ь* совершенно отсутствуют. Такой разнобой в написании объясняется, очевидно, наличием редуцированного гласного в этом корне. В других рукописях написания без буквы *ь* также очень редки. См. древнерусские рукописи: служебная Минея 1096 г. (1 случай), Пандекты Антиоха XI в. (1 случай) и др.

„-мън-": прѣмножствоваѧ 2п—10 и др. В корне „-мън-" также очень рано исчезает редуцированный. Поэтому многие старославянские и древнерусские рукописи знают написание этого корня без буквы *ъ*. См. древнерусские рукописи: служебные Минеи 1095—1097 гг., Чудова псалтырь, XIII слов Григория Богослова XI в., Златоструй публичной библиотеки, Христинопольский Апостол, Архангельское евангелие 1092 г. I почерк, Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г., Туровское евангелие, Путятина Минея, Слова Кирилла Иерусалимского XI в., Пандекты Антиоха XI в.; старославянские: Саввина книга, Зографское евангелие, Мариинское евангелие и др. Но во всех этих рукописях имеются и написания с *ъ*. В отличие от них исследуемая нами июльская служебная Минея знает написание этого корня исключительно без буквы *ъ*. В Саввиной книге, Зографском евангелии, Мариинском евангелии и некоторых других старославянских рукописях наблюдается мена букв *ъ* и *ь*, что лишний раз свидетельствует о раннем падении в корне „-мън-" слабого редуцированного. Безразличное отношение писцов к внешнему оформлению этого корня при его написании объясняется, очевидно, отсутствием опоры в живом произношении.

Подобную группу встречаем в корне „-мьн-": мьнѣвъши 22—11 и др. В большинстве древнерусских и старославянских рукописей корень „-мьн-" пишется, как правило, с буквой *ь*: *мьноу*, *мьниши*, *мьнѣти* и др. См. древнерусские рукописи: Слова Кирилла Иерусалимского XI в., Архангельское евангелие 1092 г. 1 почерк, служебная Минея 1097 г. (лишь 1 случай без буквы *ь*); старославянские: Зографское евангелие и др. В то же время „-мън-", как мы уже отмечали, пишется постоянно без буквы *ъ* в соответствии с этимологическим редуцированным корня и принимает вид *-мн-*: мнѣ, мною, мног- и т. д. В. Н. Щепкин находит такое объяснение этому явлению: „Быть может, в приведенных формах язык пытался одно время сохранить старую численность слогов по аналогии других основ того же класса, т. е., напр., в зьрѫ, зьрѣти по аналогии горѫ, горѣти, в чьтѫ, чисти под влиянием плетѫ, плести. В I классе глаголов эта аналогия действовала, по-видимому, всего сильнее..."[29]. В исследуемой рукописи корень „-мьн-" встретился лишь два раза: в слове мьнѣвъши 22—11, которое употреблено с буквой этимологического редуцированного в корне, и в слове помнѧща 9п—18, где, в противовес общей закономерности, корень пишется без буквы *ь*.

Нужно отметить, что в преобладающем большинстве древнерусских и старославянских рукописей отношение между *мьнѣти*, *мьноу*, *мьниши*: *мънѣ*, *мъною*, *мног* — и *чисти*, *чьтоу*, *чьтеши*: мест. *чьто*, *къто* совершенно аналогичны, так как корень „-кът-" („чьт-"), как и „-мън-", пишется, как правило, без буквы *ъ* (*ь*), а корень „-чьт-" (*чьтити*), как и „-мьн-", с буквой *ь*. (Сравнение проводится лишь на основе однородного звукового состава). В исследуемой рукописи нет такой четкой картины написания, поскольку корень „-чьт-" из девятнадцати

[29] В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 143.

случаев в девяти, а „-мьн-" — из двух в одном пишется первым писцом без буквы ъ.

„-съп-" || „-сън-": сна 47п—17; оуспениемь 12п—16 и др. Корень почти постоянно пишется без буквы этимологически слабого редуцированного. В одном случае ъ отсутствует даже в написании корня с этимологическим редуцированным в сильной позиции: *неоуспѣною* 21—14. Нельзя считать, что написание без буквы ъ в данном случае символизирует исчезновение соответствующего звука. Скорее всего это перенесение графической манеры написания корня с редуцированным в слабой позиции без буквы этимологического редуцированного на написание корня, этимологический редуцированный которого находился в сильной позиции. Написание в данном случае расходится с реальным звучанием корня. В других рукописях в написании корня „-съп-" || „-сън-" часто употребляется буква ъ. См. древнерусские рукописи: служебные Минеи 1096—1097 гг., Изборник Святослава 1073 г., Чудова псалтырь, Архангельское евангелие 1092 г. I почерк, Ефремовская Кормчая XII в., Слова Кирилла Иерусалимского XI в; старославянские: Саввина книга и др.

„-ъп-": възпила 26п—17. Корень пишется без буквы этимологически слабого редуцированного, ему постоянно предшествует приставка *въз*. Обычно в положении перед следующим глухим звонкий [з] приставки звучит как [с], что без исключения находит отражение в орфографии. Отсутствие в данном случае следов оглушения конечного согласного приставки может свидетельствовать о наличии слабого редуцированного, мешающего изменению качества [з]. Написание корня без буквы этимологического редуцированного можно объяснить привычкой писца не ставить ъ после приставки *въз* перед буквой одного согласного, хотя в этом случае ъ должен обозначать этимологический редуцированный корня. Написание корня „-ъп-" без буквы ъ встречается и в других древнерусских рукописях, например, в служебной Минее 1096 г. (два случая написания корня без буквы ъ).

„вьс-" (omnis — омонимично в некоторых формах с vicus): всеѧ 1—2 и др. Корень „вьс-" встречается в 195 случаях у первого и в 14 случаях у второго писца. Написание корня без буквы ь, обозначающей на письме этимологически слабый редуцированный, не вызывает сомнения, так как в подавляющем большинстве древнерусских рукописей написание корня „вьс-" этимологически не выдержано. См. Остромирово евангелие, Архангельское евангелие 1092 г. I почерк, Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г., служебные Минеи 1095—1097 гг., Путятина Минея, Златоструй публичной библиотеки, Христинопольский Апостол, Ефремовская Кормчая и др.

Но в связи с этим явлением необходимо упомянуть о семи случаях, когда буква этимологического редуцированного, находящегося в сильной позиции, не пишется: вс҃ь 11п—23, 14п—10, 17п—18, 45—28, 49—8; вс҃ьде 21п—6, вс҃ь[де] 4—21. Такое написание объяснить нелегко, так как обычно буквы этимологически сильных редуцированных последовательно употребляются. Может быть *вс҃ь* только графический вариант формы *вьсь*, появившийся под влиянием косвенных форм, писавшихся, как мы уже отметили, без буквы ь, и за ним скрывается произношение, не соответствующее его графическому воплощению. В то же время подобное написание, поскольку писец не употребляет знака титла (вс҃ь) или какой-либо иной замены буквы ь, может говорить в пользу другого предположения, что написание *вс҃ь* отражает явление живого языка. Но большинство ученых характер влияния определяют скорее как графический, чем фонетический. В таком написании местоимение встречается и в других рукописях старославянского и древнерусского происхождения как раннего, так и позднейшего периодов.

См. древнерусские рукописи: служебные Минеи 1095—1097 гг., XIII слов Григория Богослова XI в., Ефремовская Кормчая XII в., Новгородские грамоты XIII—XIV вв.; старославянские: Зографское евангелие, Саввина книга и др. Но в этих рукописях оно не является единственным. Наряду со *вс-* находим *вьс-*. В противоположность этим рукописям в исследуемой нами служебной Минее встречается только форма *вс-*. В. Н. Щепкин утверждал, что эта форма имеется уже в ранних болгарских рукописях, где ее можно считать или графической манерой писцов, или отражением их произношения. Но для русской письменности такое написание прежде всего заимствованное. Оно является своего рода орфографическим правилом.

А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, И. В. Ягич допускали возможность влияния на местоимение *вьсь* местоименных форм *сь* и *тъ*. Б. М. Ляпунов в противоположность им считал, что оба редуцированных в *ьсь* в известную эпоху были одинаковы по силе звука, в связи с чем получал перевес то один из них, то другой. Это и вызывает колебание в написании: местоимение имеет вид то *вьсь*, то *всь*. Билабиальный сонант [в], по мнению Б. М. Ляпунова, звучит как сонант [w]. Сонантность первого согласного склонен признать и А. А. Шахматов. Мы не видим в разбираемой нами рукописи никаких данных, указывающих на то, что написание *всь* находит себе поддержку в произношении писцов. Поэтому присоединяемся к предположению В. Н. Щепкина о чисто графической роли написания *всь*.

Судить о том, как произносились наречия на „ьми“ || „ьма“ в говоре писцов исследуемой рукописи на основании единичного примера: *велми* 5—9, затрудняемся. В других рукописях древнерусского языка эти наречия пишутся с буквой *ь*, очевидно обозначающей на письме редуцированный гласный [ь]. Таким образом, как у первого, так и второго писца большое число корней пишется без букв *ъ* и *ь*, употреблявшихся в соответствии с редуцированным, находившимся в слабой позиции. Какова причина этого явления? Легко и просто было бы сразу же сослаться на влияние оригинала, отразившего южнославянский говор, в котором уже утрачены слабые редуцированные. Но возможность того или иного вывода необходимо обосновать. Поэтому отправным пунктом рассуждения должен служить не факт обязательного влияния извне, а данные письма рукописи. Только на основании последних можно заключить о степени влияния орфографической системы протографа на орфографию исследуемой рукописи. В связи с этим вывод об изменениях слабых редуцированных в корнях может быть сделан лишь по рассмотрении всего материала в сравнительном плане.

Написания с буквой этимологически слабого редуцированного „ъ“.

Первый писец: бъдри 47п—17; бъдро 48п—15; бъдѣнїѥ 34п—18; бъдѧ 49—18; въдовоу 14п—13; въдовица 15—2; вълаемъ 40—26; ра(з)гъбением 49—12; гълѣба 31—9; гълѣбе 30—21; разгънаша 41п—26; дъвѣ 12—11; одъжги 9—21; 14—5; 16—18; дъжгѧ 14п—3; 41—1; ѿдъхновением 11—18; бо̑дъхновена 12п—9; бо̑дъхновено 39п—2; бо̑дъхновене 17п—3; бо̑дъхновене 18п—2; бо̑дъхновенїѥ 14—3; бо̑дъхновеныихъ 43п—28; въдъхновение 44—11; мюродъхновением 49—12; огнедъхновена 16—16; огнедъхновеноу 14—17; сладъкодъхновеныи 27—19; тридъшениемь 15—5; дъх(н)оу[лъ] 1—6; бо̑дъхною 30п—22; (бо̑дъхновеною); дъщери 44п—14; дъщерию 31п—22; дъщи 32—7; възъвавыи 48п—1; зъвание 38—25; зъваниемь 40п—16; зъваныи 38—22; бо̑зъванѧ

3788

www.ruslang.ru

32—5; б̄озъванъ 40п—13; зълыихъ 31п—27; 38—4; 45—7; сына 47п—18; оусъпла 12п—15; тъгда 38—24; истъканоу 29—28; истъкаша 4п—6; притъчу 29п—24; тъщанiемь 42—13; тъщащамсѧ 28—11; потъщасѧ 10—14; 20—11; 44—12; потъщалъсѧ 1—18; потъщахъсѧ 9—16; оупъвание 32—21; оупъвании 26—11; оупъвающимъ 28—12; олъкавътомата 6п—5.

Второй писец: ѿгънавъше 45п—15; прогънасте 46—28; кънигы 52п—8; посълати 46—9.

Написания с буквой этимологически слабого редуцированного „ь".

Первый писец: бездьна 10п—9; 15п—4; 38п—11; бездьнѣ 40—14; жьжение 8—16; 21п—14; всесъжьжение 42—23; въжьже 31п—15; пожьженiѧ 23п—21; ражьже 7п—10; ражьжени 45п—7; ражьжение 38п—1; ражьжениемь 4—15; зьдавъшаго 39—25; зьданию 17п—23; зьданiѧ 49п—4; съзьдавъ 17п—21; съзьданiѧ 45—9; льсти 21—7, 13; 28—10; 39п—16; 40—15; 47п—2, 18, 22; льстивоую 48—8; облъщенъ 29—26; прильсти 36п—11; прѣльсти 1п—18; прѣльстивыи 44—20; прѣлъщающаго 21—17; прѣлъщение 40—15; прѣлъщеныѧ 21п—7; мьглоу 2—12; 41—19; 47—20; мьглоу 32—10; мьглы 41п—3; мьздоу 36п—12; мьнѣвъши 22—11; приобьщивъшюсѧ 19п—8; попьравъши 43п—16; испьщрена 26—6; рьвениемь 6п—2; 14—5; 15—23; 16п—9; рьцѣмъ 48—1; съньмище 9п—15; съньмоу 17п—7; стьзу 3п—8; 47—25; стьзи 17—8; тьзоименитьница 27—22; тьлѣние 41—2; тьлѣньна 41п—6; тьлею 48п—5; тьлѧ 39—26; 42—15; дшетьлѣньныихъ 22п—23; нетьлѣниѧ 35—15; тьма 38—6; тьмами 36п—17; тьмоу 2—11; 7—1; 9п—13; 22—1; 24—16; 48п—11; тьмы 1п—11; 25п—16; 29п—8; 35п—3; тьмѣ 9п—21; 40—27; въдьвла 27—20; продьвла 39—27; продьвтовавъшу 32п—13; чьтемъ 48п—6, 17; чьтъмь 40п—14; чьтенъ 41—23; чьтоуще 2п—12; 45п—10; чьтоущимъ 10п—17; 35п—21; почьтенъ 39—21; чьсти 1п—18; 14п—13; чьсти 35п—11; бл̄гочьстива 28п—8; бл̄гочьстиво 28п—6, 19; 30п—15; бл̄гочьстивыѧ 30п—3; бл̄гочьстивьно 6—21+2 р; бл(г)очьстивьно 30—11; бл̄гочьстителѧ 16п—9; бочьстиво 7п—19; нечьствии 30—10; 32п—5; нечьствьи 8—9; 27—17; 44—7; 44п—28; нечьствыихъ 1п—13; 39п—16; бочьствыихъ 2—2; нечьствымъ 24—8, нечьствыхъ 2—3; нечьствиѣ 11п—5; пришьла 32—6; прошьла 44п—26; прѣшьла 30—19.

Второй писец: избьрана 51—12; прьвозьданаго 46п—24; польди 52—17; въсьмъвъши 46—10; дшетьлѣющихъ 50п—22; тьзоименитьна 47—5; тьмоу 46—28; чьтоущимъ 46—9; чьтемъ 52—1; почьтѣмъ 45п—25; 46—1; чь(с)нѣиши 49—18; съньмища 50п—19.

Среди этих слов следующие вызывают особый интерес. *Бъдѣникъ*[30] — все древнерусские рукописи XI—XII вв. знают написание этого слова только с буквой ъ в корне (см. Остромирово евангелие, Архангельское евангелие, служебная Минея 1097 г., Пандекты Антиоха XI в., Ефремовская Кормчая XII в. и др.). Но в старославянских замечаем частую мену в корне ъ и ь: бьдѣникъ (см. Саввина книга, Мариинское евангелие и др.). С точки зрения этимологии правы древнерусские писцы, так как [ъ] представляет собою чередование в ряду дифтонгов с [u] (у): *бъдѣти* || *боудити*. Сохранение буквы ъ трудно объяснить лишь графической традицией. Очевидно, здесь нашло отражение живое явление языка.

Въдовоу — в соответствии с латинским vidua и сскр. vidhava мы должны ожидать в корне этого слова букву ь, но еще в общерусскую,

---

[30] Каждый раз приводим лишь одну из форм слова, встречающихся в исследуемой рукописи. Остальные см. выше среди примеров.

если не в общеславянскую эпоху, этимологический редуцированный корня „ъ" в этом слове заменяется [ъ]. Случаев с *оу* на месте *в* в рукописи не находим. Так же, как и в исследуемой рукописи (с ъ), это слово пишется в древнерусских рукописях: Остромирово евангелие, служебная Минея 1097 г., Пандекты Антиоха XI в., Ефремовская Кормчая XII в. и др.

Притъчу – в этом слове тот же корень, что и в *истъкаша*. В Изборнике Святослава 1073 г. так же, как и в исследуемой рукописи, он пишется постоянно с буквой ъ. В болгарском языке этот корень в дальнейшем не теряет редуцированного, может быть, и в русском стечение согласных надолго удерживает его.

Оупъвание — в большинстве древнерусских и старославянских рукописей XI—XII вв. корень этого слова пишется с буквой ъ. См. древнерусские рукописи: Остромирово евангелие, служебные Минеи 1096—1097 гг., Ефремовская Кормчая XII в., Пандекты Антиоха XI в.; старославянские: Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Саввина книга и др. Формально редуцированный корня находится в слабом положении, но, несмотря на это, дальнейшее развитие идет по пути его усиления и продления. Факт появления в дальнейшем нормального краткого [о] на месте редуцированного нельзя причислять к явлениям чисто фонетического порядка. Здесь, очевидно, сыграла свою роль грамматическая аналогия, которая глагол *оупъвати* отнесла к группе глаголов с исконной группой „-овати" (напр. *даровати, коуповати* и т. д.).

Бездьна. Этимологически здесь корень „-дън-". В самостоятельном употреблении *-дьн-* встречается реже, чем в соединении с приставкой *без*, после конечного [з] которой, как показывают некоторые южнославянские рукописи, наблюдается лабиализация гласных переднего ряда. В написании слова *бездьна* рукописи разделились на две группы: I. В Остромировом евангелии, Ассеманиевом евангелии, Саввиной книге это слово пишется постоянно с ь. II. В Супрасльской рукописи, Зографском евангелии и Мариинском евангелии — постоянно с ъ. Писцы исследуемой рукописи в соответствии с этимологическим „ъ" также произносят редуцированный [ь], о чем свидетельствует постоянное написание корня с буквой ь.

Жьжение — стечение в корне этого слова однородных согласных должно служить тормозом нарождающемуся процессу падения слабых редуцированных. В окружении таких звуков редуцированный держался, очевидно, дольше, что нашло отражение на письме.

Приобщиѥъшюсѧ — в других рукописях (см., например, Изборник Святослава 1073 г.) слова того же корня также пишутся в основном с буквой ь, постановка которой, очевидно, оправдывается живым произношением писца.

Чьсти — в рукописи нет ни одного случая написания *чьсти* и других слов того же корня без буквы ь. Нет также мены букв ь и ъ, как это наблюдается в старославянских рукописях: Саввина книга, Мариинское евангелие и др. Это, несомненно, отражение живой разговорной нормы, которая совпала с церковной произносительной нормой данного слова.

Среди написаний, употребляемых постоянно с буквами этимологически слабых редуцированных, встречаются такие, которые обозначали слова, где редуцированный гласный корня, будучи слабым по своей природе, в процессе дальнейшего развития, как о том свидетельствуют рукописи более поздних эпох, ведет себя как сильный. Главная причина усиления редуцированного состояла в том, что исчезновение гласного звука привело бы к стечению нескольких согласных, что противоречило бы произносительным нормам живого русского языка и в ряде

случаев привело бы к упрощению групп согласных и утрате этимологического облика слова, его связи с родственными образованиями. Ср. в древнерусском языке *цка* — доска, на которой пишется икона, *чан* (с корнем „дъск-") и *доска* „доска". Подобный фонетический процесс можно ожидать в словах: бъдро, одъжги, дъхновение, дъщери, испъщрена, тъгда, стьзу, тьзоименитьница, въцвьла, чьсти и др.[31] Сюда же нужно отнести *потъ҃чалсѧ*. Редуцированный в корне этого слова находился в аналогичных условиях.

Среди слов, употребленных с буквой этимологически слабого редуцированного „ь", имеются и такие, написание которых в памятниках, уже широко отразивших процесс падения слабых редуцированных, свидетельствует о том, что и в период написания исследуемой рукописи в корнях этих слов редуцированный произносился, очевидно, последовательнее, чем в корнях других слов. Это: *льсти, мьлоу, мьздоу* и другие слова с подобными корнями. Постоянное написание этих слов с буквой ь и в позднейших памятниках говорит о том, что в произношении начальных согласных могла иметь место некоторая добавочная слоговость, для обозначения которой писцы используют букву ь. В современном литературном произношении сонорный не после плавного перед менее звучным согласным имеет тенденцию сам стать слоговым: р̯ || тут', р̯ || та, м̯ || гла. Р. И. Аванесов так объясняет причину появления добавочной слоговости: „...начало начального слога в противоположность началу неначального слога может строиться не только по принципу восходящей звучности (1+3, 1+1+3, 1+1+3, 2+3 и т. д.): [сам], [сток], [стрлка́], [мак]. Оно может иметь также нисходяще-восходящую звучность, т. е. иметь сочетание сонорный + шумный + гласный (2+1+3): [рта], [ртӯ't'], [ржот], [ржы̯но̄i̯], [ржа́въi̯], [рд'ёт'], [лгу], [лба], [л'гóтъ], [л'на], [мга] (*Мга*), [мха], [мшы̄стъi̯], [мста] (*Мста*), [мцёнск] (*Мценск*) и т. д. Повышенная звучность перед минимальной (шумным согласным) создает условия для появления побочной слоговости, которая обычно и имеет место: [р̯та], [р̯д'ёт'], [л̯ба]"[32].

В заключение рассмотрим правописание корней, имевших этимологические редуцированные в с и л ь н о й п о з и ц и и.

Написания с буквой этимологически сильного редуцированного „ъ"

Первый писец: дъжгь 14п—16; зълъ 30п—12; лъжьныѧ 13—21; ногътъ 11—4; сънъ 21—13; 34—4; тънъцѣмь 13п—23; прѣтън[ъ]к[ъ] 15п—24; чьтъмь 40п—14; пслъмьскы 33п—23.

Второй писец: д(ъ)ждъ 45п—21.

Написания с буквой этимологически сильного редуцированного „ь"

Первый писец: дьврь 17—4; 17п—19; 18—14; 18—24; 18п—10, 23; 33—16; 34—13; въжгьгъ 23п—22; жьзлъ 31п—18; 32п—12; ражьгъ 6п—16; ражьгъшусѧ 6п—4; съжьглъ 7п—12; пожьрьшумоусѧ 36п—3; льсть 3п—19; 24п—8; 38—14; 43п—11; льстьна 42—8; льстьнаѧ 1п—4; 28—12; льстьное 1п—4; льстьную 9—9; льстьца 34п—15; прѣльстьчьи 44п—19; възмъздие 23п—20; 30—2; възмъздьѧ 38—26; безмъздьника 3э—1; обыцьницу 3э—20; распьнъше 8—9; порьвьн[о]ва 10п—23; рьвьноуѧ 16—1; рьвьнителѧ 24—24; сьсьца 32—29; несоумьньною 42—5; тьмьнаго 2э—3; 35—14; тьмьницахъ

---

[31] Каждый раз приводим лишь одну из форм, встречающихся в исследуемой рукописи. Остальные см. на стр. 17—18.

[32] Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 56—57.

44—8; тъзьнице 26п—14; начьнъши 3—22; зачьнъши 3п—9; 5п—18; 15—11; 22—14; 41—1; зачьнъшюѫ 32—13; чьсть 23—14; 26—23; 41п—30; чьстьное 21п—6; чьстьнословие 43—13; чьстьна 11п—8; 14—18; чьстьнаго 3—9; 14п—2; 41п—21; чьстьнаѧ 10п—22; 21п—3; 25п—8; 26п—5; 27—23; 49—9; чьстьныи 25п—14; чьстьныими 23п—3; чьстьныимь 17—23; 37п—3; чьстьныихъ 43—2; чьстьныѧ 44—4; чьстьноумоу 25—22; чьстьноую 36п—16; чьстьньѥ 22п—13; чьстьньи 11—16; чьстьньмь 48п—3; бл҃гочьстье 38п—8, 9; бл҃гочьстьно 29—7, 20; 47—24; бл҃гочьстьѧ 15п—5; 19—13; 38—26; 39—18; бо҃чьстьемь 1п—10; бо҃чьстьѧ 3п—13; всечьстьнаѧ 7п—22; 11—15; 20—2; 33п—11; 39—1; всечьстьноую 36—5; всечьстьное 5—12; злочьстье 39п—19; нечьстиѧ 2—20; 7—1; 7п—16; 38—12; почьсть 12—23; бещьстьнаго 49—15; пришьдъ 16п—6; пришьдъшаго 34—7; пришьдъше 20—19; прошьдъ 28п—2; прошьдъшумоу 21—6; прѣвъшьдъшюю 32п—21; съшьдъшаго 34п—23; 40п—8; съшьдъшесѧ 31п—23; 40п—28; въшьлъ 7п—20; пришьлъ 12п—11, 49—21; възьмъша 7—7; възьмъши 31—23; 31п—16; възьмъшиѧ 1п—7; възьмъш[и] 6—15.

Второй писец: дъбрь 47—15; льстьныи 46—13; чьстьное 52—18; прѣшьдъ(ше) 46п—10; съшьдъшаа 51п—12; съшьдъшесѧ 45п—25.

Среди этих слов следующие заслуживают особого внимания. *Тънъ҆ѥмь* — это слово в различных древнерусских рукописях пишется то с ъ, то с ь в корне. Большинство лингвистов (В. Вондрак, А. И. Соболевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др.) считали, что в корне этого слова еще в общеславянский период произошла слоговая ассимиляция: *„tъnkъ < *ten“* „растягивать“. Некоторые думали, что **ten* на основании закона индоевропейского чередования гласных на ступени редукции могло измениться не только в *tn̥n* (> *tъnkъ*), но и в *tn̥n* (> *tъnъkъ*). Таким образом, они полагают, что *tъnkъ* и *tъnъkъ* — независимые параллельные варианты когда-то общего корня. Писцы нашей рукописи, как и писцы Ефремовской Кормчей XII в., служебной Минеи 1097 г. и ряда других древнерусских рукописей, в которых корень „-тън-“ пишется также с ъ, в соответствии с последним произносят в корне гласный [ъ]. *Сѣсѣда* — в этом слове имело место фонетическое явление, по которому мягкий слог оказывал влияние на предшествующий твердый редуцированный [ъ], переходящий в связи с этим в [ь].

Таким образом, рассматривая материал, нельзя не заметить определенную закономерность написания корней с этимологически сильными и слабыми редуцированными „ъ“, „ь“. Как уже отмечалось, корни „-мьн-“ (*мьнѣти*) и „-чьт-“ (*чьтити*) в большинстве древнерусских и старославянских рукописей употребляются, как правило, с буквой ь. Писцы исследуемой рукописи в большинстве случаев букву ь не пишут, в связи с чем корни принимают вид *-мн-*, *-чт-*.

Орфография остальных корней, встречающихся в нашей рукописи, в других древнерусских и старославянских памятниках не отличается устойчивостью. В противоположность этому в исследуемой рукописи замечается стремление к определенной нормализации написания и этих корней. Таблица, приведенная на стр. 12, свидетельствует о том, что часть корней, утративших, по мнению большинства, редуцированный гласный еще задолго до появления известных нам памятников древнерусского письма, пишется, за небольшим исключением, без букв ъ и ь. В свою очередь корни, утратившие редуцированный в слабой позиции в более поздний период истории, в основном употребляются с буквами этимологических „ъ“ и „ь“. Случаи написания этих корней без ъ и ь очень немногочисленны.

Судя по материалу, орфография исследуемой рукописи может отражать говор на той ступени развития, когда слабый редуцированный

утрачивается лишь в незначительной группе корней и в определенных фонетических условиях. Это корни, звуковой состав которых изменился еще задолго до появления известных нам памятников древнерусского письма и которые издавна не поддерживались формами с сильными редуцированными. Но особенности какого говора: говора писца или говора, нашедшего отражение в орфографии протографа, передают писцы исследуемой рукописи? Ответ может быть дан лишь после рассмотрения всех случаев употребления или отсутствия букв этимологических редуцированных „ъ", „ь".

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В ПРЕДЛОГАХ И ПРИСТАВКАХ

Употребление букв ъ, ь в предлогах и приставках несколько отличается от употребления их в корневых морфемах. Это обстоятельство обусловлено, с одной стороны, большей повторяемостью предлогов и приставок: их немного по количеству, в то время как корней гораздо больше и они многообразнее, ввиду чего орфографическая традиция написания предлогов и приставок довольно устойчива. С другой стороны, большую роль играет парность большинства из них: почти каждой приставке соответствует по значению материально тождественный предлог, что способствует их активному взаимодействию. Явления аналогии среди предлогов и приставок развиты гораздо шире, чем среди корневых морфем. Отсюда ясно, что фонетические изменения этимологических редуцированных в составе корневых морфем отражены в древнерусских рукописях с большей последовательностью, чем те же процессы в звуковом составе предлогов и приставок. Естественно, что это заставляет нас смотреть на данные, полученные путем анализа употребления букв ъ, ь в написании предлогов и приставок, как на второстепенные, но все же важные, так как они могут подтвердить те общие положения, к которым мы пришли при рассмотрении написания букв этимологических редуцированных в корнях.

При анализе употребления букв ъ, ь в предлогах и приставках в исследуемой рукописи необходимо помнить, что по происхождению приставки — это предлоги, т. е. отдельные, хотя и не самостоятельные (служебные), слова, с течением времени слившиеся с тем словом, к которому они непосредственно относились, и ставшие его частью, т. е. морфемой. Отсюда возникает возможность их суммарного рассмотрения. Однако в большей части случаев написание предлогов и приставок мы анализируем отдельно, так как судьба этимологического редуцированного в них не всегда одинакова. Развитие этимологического редуцированного гласного в приставке теснейшим образом связано с развитием редуцированного в звуковом составе корня. Эта параллельность находит выражение на письме, что и дает основание говорить о различии судеб этимологических редуцированных гласных в разных проклитиках.

Предлоги и приставки будем рассматривать по группам, беря за основу их звуковой состав:

I группа — односложные предлоги-приставки *въ*, *съ* и предлог *къ*.
II группа — двусложные предлоги-приставки *надъ*, *подъ*, *предъ*.
III группа — предлог-приставка *отъ*.
IV группа — предлог-приставка *об*.
V группа — предлоги-приставки *из*, *без* и приставки *раз*, *въз*.

Правописание каждого из предлогов и приставок рассматривается в следующих положениях: 1) перед буквой гласного и йотированного гласного; 2) перед буквой согласного исконного или появившегося в результате дальнейшего упрощения исконной группы согласных; 3) перед группой букв согласных, обозначающей: а) исконную группу согласных,

б) новообразованную группу согласных, появившуюся в результате падения слабых редуцированных.

Так как различие в звучании [ъ], [ь] сильных и слабых не нашло отражения на письме, материал, характеризующий употребление *ъ, ь* в соответствии с сильными и слабыми этимологическими редуцированными, мы объединяем.

Редуцированный гласный в предлогах-приставках *въ, съ* и предлоге *къ*

При написании предлогов и приставок перед буквой гласного писцы последовательно употребляют букву ъ.

Первый писец: въ едино 39п—24; въ истиноу 2п—12+26р.; въ ис[тиноу] 12п—23; въ образѣ 18п—9; въ огн[и] 12—14; въ огнь 48—19; въ огни 15п—16; 32п—28; 38п—27; въ огньнѣи 13п—1; въ ограды 35п—23; въ олъкавътомата 6п—5; въ оправьдании 21—11; въ оскрилъ 24—22; въ оужасѣ 18п—15; въ оуности 39—16; въ оутробоу 30п—14.

Второй писец: въ истиноу 50—13, 20; 50п—11; 52—15.

Первый писец: съ архииорѣемь 13—11; съ англы 4—8; 8п—3; 22—19; 31п—22; 41—16; съ ермократъмь 36п—14; съ иермипъпмь 35п—18; съ оцмь 2—15.

Второй писец: съ англы 52—11.

Первый писец: въиноу 23п—5; въобразивъшаго 11п—19; въобразилъ 8—12; въороужи 13п—19; въороужившесѧ 6п—15; въороужиста 29—20.

Второй писец: въĭноу 50—15.

Первый писец: съобразисѧ 47п—5.

Три раза встретилось написание: выноу 2—23; 23—20; 30—20 (первый писец).

Перед буквой согласного предлоги *въ, съ* и *къ* обоими писцами пишутся с буквой ъ.

Первый писец: въ бездьнѣ 40—14; въ бесловесии 23—14; въ вихърѣ 13п—23; въ водоу 27—4; въ вону 27—12; въ вышьниимь 23п—5; въ вышьнихъ 1п—17; 14—12; въ вѣкы 19—3, 6; 35—17; 37п—6; 40п—23; (въ) вѣчьноую 40п—12; въ вѣ(к) 4—8; въ вѣк 30—13 (въ вѣк); въ вѣ 33—18 (въ вѣк); въ вѣк 40п—14 (въ вѣкы); въ вѣрьнѣмь 23п—8; въ вѣтрѣ 13п—23; въ галилѣистѣи 47—23; въ добротѣ 42п—2; въ жизнь 31—18; въ законѣ 32—24; въ коупинѣ 19—14; въ коньць 44п—11; въ лĭци 32п—21; въ ложеснѣхъ 15—10; въ мире 2п—18; 23п—8; 35—29; въ мори 14—16; 40—26; въ моукахъ 24п—24; 39—12; въ наше 34п—17; въ нищетоу 26п—5; въ нищетѣ 13—1; въ нощĭ 29п—8; 36п—11; въ ну 4п—6; въ нь 42—1; 42п—12; въ па(т) 31п—10; въ петровахъ 42п—25; въ пещĭ 1п—8; 24п—18; 42—29; 44п—24; въ пещь 40п—8; въ пещьныи 8п—18; въ подвигъ 39п—27; въ послѣдьнѧѧ 40—12; въ поучинѣ 24п—3; въ раи 44—20; въ раискыхъ 27п—21; въ ризоу 12—20; въ росу 30п—27; въ роуцѣ 30п—23; въ съборѣ 35—27; въ сънѣдь 30—10; въ тебе 14—23; 41п—11; въ тисѣ 33—24; въ тьмѣ 40—27; въ тьмьницахъ 44—8; въ тѧ 47—26; въ фаворѣ 16—5; 16—24; 16п—18; въ хоривѣ 15п—22; въ цѣломоудрии 48п—3; въ чистотѣ 10—3; въ чьртогъ 2—6; 12—8; 43—21; въ чьртог[ъ] 5—20; въ чьстьнѣмь 48п—3; въ чьстѣи 35п—11.

Второй писец: въ вѣкы 51п—21; 52—2; въ поучĭнѣ 46п—11; въ тебе 46п—22; въ бжствьныи 50п—7.

Первый писец: съ вои 3—13; съ безначално 23—6 (безначальное); съ безначал 17—1 (безначално); съ вкселиемь 12п—16; съ вышьними 29п—4; съ дьрзновениемь 13—12; съ ликы 43—9; 48п—16; съ лоуною 32—18; съ моудрыми 23—22; съ нею 31п—12; 32п—24; съ ними

1—20; 9—3; 9п—17; 21—20; 25—1; 35—22; 43—10; съ нима 30—13; съ нимь 29п—14; 37—4; 47п—24; съ ноцьюю 1п—9; съ поспѣвающи 22—7; съ похвалами 32—15; съ рабы 30—28; съ тимонѣмь 42п—19; съ тобою 31—25; 37—18; 37п—6; съ тѣми 41—23; съ тѣщаниемь 42—13; съ тьмами 36п—17;

Второй писец: съ силою 46п—18; съ ними 46—1.

Первый писец: къ бо||жию 12п—10; къ боудоущумоу 44п—4; къ высотѣ 27—5; 37п—5; къ жи(во)тоу 44—24; къ жизни 29—10; къ земи 4п—11; къ зижителѥви 45—9; къ неболѣзньноу 25п—20; къ немоу 28—2; къ раистѣи 43п—17; къ рацѣ 31—10; къ соудищю 7п—20; къ телеси 23—18; къ тихыимъ 37—9; къ чьстьноумоу 25—22.

В одном случае предлог *къ* оказался в положении перед сочетанием типа **tъrt* в старославянском написании: къ тръжству 39—2 (первый писец).

Второй писец: къ зижителеви 49п—14; къ томоу 50п—16; 51п—19.

Единственный случай отступления от общего правила: с ни || 41—5 — не показателен, так как встречается в заголовке молитвы и перед словом, сокращенным титлом. Это же сочетание в тринадцати случаях пишется с буквой ъ. На первый взгляд большие отступления от традиционного написания наблюдаются в употреблении первым писцом ъ в предлоге *къ*: к немоу 28—7; к тебе 19п—2; 32—22; 32п—15; 44—19. Но это лишь кажущееся нарушение привычных норм орфографии. В ряде других древнерусских и старославянских рукописей того же периода буква ъ в предлоге *къ*, если он стоит перед местоимением, тоже часто не пишется. Например: к тому (Изборник Святослава 1076 г., Толстовская псалтырь XI в., Ассеманиево евангелие, Саввина книга, Супрасльская рукопись), к тебе (Супрасльская рукопись) и т. д. Поэтому написание без буквы этимологического редуцированного скорее всего нужно объяснять влиянием протографа.

Приставки *въ* и *съ* перед буквой согласного обоими писцами постоянно употребляются с буквой ъ.

Первый писец: въвелъ 36п—12; въводими 7—2; въводѧщи 11—20; въданиемь 34п—22; въдастьсѧ 5п—17; въдаша 47п—17; въвьргоша 27—4; въдъхновение 44—11; въжагающе 48—7; въжагамсѧ 42—21; въжелѣвъши 11—16; 26—23; въжелѣсте 41п—5; въжьже 31п—15; възъвавыи 48п—1; възирающи 19п—10; 26п—15; възирам 39п—14; възываемое 40—15; възываемъ 9—5; възывающе 9—6; възывающи 9—13; възывам 9—18; 19—8; 25—2; 37—31; въкоупѣ 17—9; 29—7; 36п—16; съвъкоупи 26—21; съвъкоуписта 28п—16; съвъкуплена 29—7; съвъкуплено 29п—4; въкоусомь 35—18; въкушение 8п—14; въложи 27—17; въмѣни 34—4; въмѣстимаго 14п—21; 15п—3; въмѣстило 35п—2; въмѣстимыи 30п—15; въмѣсти 30п—14; 43п—17; въмѣстилище 29п—21; въмѣстисти 43п—28; въмѣщьше 43—1; въмещьше 47п—1; въмѣщьши 32п—23; въмѣщьшим 15п—3; въ[м]ѣстима 4—21; въпиемъ 19п—15; 22—15; 31—21; 35—9; 42—5; 43—12; 45—17; въпием 18—16 (вопиѥм); въпиета 35—2; въпиеши 28—2, 8; въпити 29п—25; въпиюща 5—18; 37—24; 37п—17; въпиюще 37п—12; въпиющи 5—21; 22—9; 33—1, 7; 35—4; въпиющии 28—13; въпиющихъ 27п—23; 38—20; 42п—29; въпиющиюмъ 1п—22; въпим 16—6; 44—27; въпимаше 12—16; 14п—19; 16—21; 27п—16; 44—27; въпимше 4—4; 19—11; 22—24; 22п—16; 27п—5; 39п—29; въсели 5—21; 34п—10, 28; 47—26; въселила 33п—3; въселитасѧ 35—27; въсельсѧ 40п—22; въсельшисѧ 3—12; 13—9; въсе(л) 12—9; въсылаемъ 31п—10; въсылающе 18п—7; въсѣкатель 14п—25; въходить 18—4; въхожение 17п—12; 34—11; прѣвъшьдъшюю 32п—21; въшьлъ 7п—20.

Второй писец: въселисѧ 50п—8.

Первый писец: събодоша 29п—9; събори 42—27; съборъ 5п—15; 25—13; 34—16; съборѣ 35—27; събьравъшесѧ 4—11; събытье 29п—20; съвитъкъ 34—13; с[ъ]вькоупистасѧ 28п—16; съвькуплена 29—7; съвъдкъши 33—13; съвыше 6п—9; 11—19; 13—23; 30п—7; съвьршаема 29—17; съвьршающи 33—19; съвьршена 29—16; 47п—13; съвьршеное 12—15; съвьршеноу 34п—19; съвьрши 4п—1; 32—24; съвьршьши 43п—12; съ[вьр]шила 12п—24; съвѣдаемъ 7п—23; 11—7; 40п—18; съвѣмь 39п—29; 40—14; съвѣсти 31п—15; съвѣсть 21—5; съвѣстьствующѣ 30п—20; съвѣтъ 44—2; съвѣтъмь 30—14; съвѧзала 4п—9; съвѧзана 29—19; съвѧзова 34—8; съдьржащаго 32—13; съдьржимъ 33—23; съдѣтель 34п—27; съдѣтелю 5—13; съдѣла 18—13; съдѣлалъ 36—20; съжагаемъ 42—11; съжегоми 25—1; съжьглъ 7п—12; съжьжение 42—23; съзывающе 31—9; съзывающи 39—2; съзьдавъ 17п—21; съзьданиѧ 45—9; съликоуеши 32п—10; 33п—5; съмыслъ 2—1; 6—4; 9п—13; 11п—22; 19п—19; 24—1; 25п—15; 38п—21; съмысла 26п—2; 10; съмыслъмь 28п—7; 48п—8; съмысльно 3—23; 29—10; съмысльныѧ 35—11; съмышление 30—7; съмышлениемь 28п—15; съмьрть 19п—22; 28—5; 43—21; 45—8; съмьрти 15—3; 40п—19; 48п—2; съмьртное 22—13; съмьртьною 48п—5; съмьртьныихъ 10—17; съмьртьныѧ 3п—10; бесъмьртьнаго 22—13; бесъмьртьноу 10—14; 44—23; бесъмьртьноумоу 12п—12; бесъмьртьною 31—18; бесъмьртью 12п—11; бесъмьртьѧ 8п—5; съмѣрена 34—3; съмѣрение 18п—13; съмѣрениемь 34—4; съмѣрениѧ 23—17; съмѣривъшюмоу 22—21; съмѣрила 3—1; 4п—10; съмѣрить 28—11; съмѣреныимь 34п—18; съмѣр[и] 7п—3; съмѣшении 11—1; съмѧтениемь 33—23; съподобимъсѧ 41п—4; съреченьными 42п—23; съсоуда 28п—23; съсоуди 43—1; 47п—1; съсоудъ 30—23; 32п—23; 34п—26; 35—5; съсудъмь 49—3; съсѣкаема 44—13; сътечесѧ 12—11; сътѧжа 5—20; 9п—16; сътѧжавъ 39—18; 39п—4; 40—5; сътѧжавъше 36п—19; сътѧжавъши 34п—20; сътѧжалъ 23—16; сътѧжаста 34—10; 34п—24; сътѧжасте 47п—20; сътѧжахомъ 32—21; съходѧщи 10п—22; съхожен 29п—22 (схожениѭ); съчетала 39п—25; съчетасѧ 10—2; съшьдъшаго 34п—23; 40п—8; съшьдъшесѧ 31п—23; 40п—28.

Второй писец: съвоузъ 46—24; съвѧзавъшаго 46п—10; съвѧзание 46—24; съдѣтель 52—2; съмыслъ 50—6; съмыслънъ 52—1; съмѣрилъ 50—16; съмѫщение 50—10; съподоби(с) 51п—6; съсоуда 47—1; сътоужающааго 51п—9; сътѧжалъ 49п—10; съшьдъшаа 51п—12; съшьдъшесѧ 45п—25.

В нескольких случаях приставка *съ* попадает в положение перед сочетанием типа **tьrt*, в написании которого писцы следуют южнославянской школе письма.

Первый писец: съмрьть 22п—1; бесъмрьтьныи 45—3; бесъмрь(т)ьѧ 40п—18; бесъмрь(т)на 40п—19; бесъмрь(т)нумоу 45—19.

Второй писец: съвьршивъше 45п—23; съмрьтоносьныихъ 51—20.

Случаи — вселеною 14—22; 34—25; вселенѣи 6п—24; 48—17 (первый писец) и вселеною 46п—10 (второй писец) — нужно по существу рассматривать в разделе, посвященном редуцированным гласным в корнях, так как здесь, по всей вероятности, налицо процесс переосмысления, в результате которого это слово ассоциировалось с местоименной основой „вьс-", и как последняя пишется без буквы редуцированного гласного. В остальных случаях не наблюдается отсутствия или мены букв этимологических редуцированных.

Приставка *съ* пишется без буквы ъ лишь перед словами: сконьчавшесѧ 25—2; сконьчавъша 47п—2; сконьчавъши 10—9; несконьчанѣи 33п—9; сѣнчавъ 42—13 (ср. Пандекты Антиоха XI в., где постоянно *сконьч-*); сказавъша 6—20; сказаемоую 47п—28; несказаньно 28п—24; несказаньномь 41п—12; несказаньныимь 42п—3; сподобила 3—10; спо-

страдательноу 10—24; смотрение 17п—7; 17п—24. Все они представляют собою слова с установившейся нормой написания без ъ во многих древнерусских рукописях. При этом отсутствие буквы ъ в *смотр-* особенно часто наблюдается в сочетании корня с приставкой *раз* (ср. Ефремовская Кормчая XII в., Изборник Святослава 1073 г. и др.). В связи с этим написание без буквы ъ можно рассматривать как орфографический прием, идущий от норм южнославянского правописания. Но это не исключает возможности соответствия последнего живому произношению. Такое предположение тем более вероятно, что первый писец, придерживающийся довольно четких норм орфографии (постоянное употребление букв ъ и ь в соответствии с этимологическими редуцированными), встречая слова в подобном написании, считает возможным заимствовать их без изменения.

При написании предлогов-приставок *въ, съ* и предлога *къ* перед группой букв согласных, обозначающей исконную группу согласных, писцы постоянно употребляют букву редуцированного гласного ъ.

Первый писец: въ гнѣзда 35—25; въ глоубиноу 37—7; въ глоубинѣ 15—8; 38п—28; 39—7; 49—6; въ глоуби 8п—1 (в глубины); въ гробѣ 19п—11; 21—21; въ крѣпость 7—8; въ плъти 27—1; въ пр(о)рцѣхъ 26п—22; въ свѣтъ 7—2; въ свѣтѣ 1—6; въ скипетра 29—29; въ скърби 8—18; въ славоу 30—22; въ славѣ 7п—9; 32—23; 48—16; въ слав 11—10 (въ славѣ); въ слѣдъ 12—17; 5—5; 33п—22; 39п—23; въ старьчу 39п—20; въ страхъ 47—19 (въ странахъ); въ стр(с)пческоѥ 2—6; въ страныихъ 40—1 (въ стр(с)тныхъ).

Второй писец: въ глоубинѣ 51—2; въ гробѣ 50п—13; въ дворѣхъ 51—5; въ плъть 46—18; въ своею 49п—19; въ свѣтълыи 52—10; въ свѣтѣ 46п—6.

Первый писец: съ прохомь 43—6; съ прочими 23п—2; съ словомь 43—3; съ слъзами 20—7.

Первый писец: къ кровоу 3—14; къ свѣтоу 1п—11; 36п—11; 37—13; 41—20; къ славѣ 11п—20; къ спсоу 40п—11.

Первый писец: въдвармѣтьсѧ 32п—22; въплътивъши 28п—14; въплътимъ 47—28; въплъщена 34—22; въплъплъщена 35—21; въплъщениѧ 16—24; въплъщено 20п—21; въплъщеноумоу 33п—26; въплъщьисѧ 24—13; въплъщьшасѧ 13—16; 29п—12; 44п—23; въплъщьшекѧсѧ 12—13; въплъщьшумусѧ 44—27; въплъщь[ша]сѧ 4—19; въцвьла 27—20.

Второй писец: въплъщаемъ 46п—7; въплъщение 46—23; въплъщьшагосѧ 50п—20.

Первый писец: съблазна 10—18; 38—20; съблазны 23п—12, 24; съблазньнаго 35п—22; съблазньныи 23п—4; съблудъши 34п—9; съблула 10—7; съблюдаема 9п—9; 11—5; 18—4; съблюлъ 18—15; съгрѣшающиимъ 18—18; съгрѣшении 37—6; съгрѣшению 36—10; съгрѣшили 48—9; съкровище 40п—29; съкроушаеми 24п—4; съкрушена 29—22; съкроушила 25п—18; съкроушиша 24п—22; съкроушающа 47п—22; съкрѣвеныихъ 47п—9; съставы 19—24; съставьно 4—18; състрадьника 38—2; състра(д)льникы 23п—19; сътвори 35п—24; 36—13; 39—12; сътворивъ 39—20; сътварѧемъ 19п—13; сътварѧющи 32—26.

Второй писец: съблюдаетьсѧ 50п—11; сътварѧетьсѧ 52—4.

Перед сочетаниями типа **tort* и др. в старославянском написании последних предлоги-приставки *въ, съ* постоянно пишутся с буквой ъ.

Первый писец: въ врѣмѧ 3п—12; въ прѣсвѣтлыи 13—9; въ странѣ 33—14; въ храмъ 13—10; въ храмѣхъ 23—21; въ чрѣво 34п—10; въ чрѣвѣ 14п—22; 32—29; 41—1.

Второй писец: въ мрачѣ 52—13; въ чрѣво 46п—5.

Первый писец: съ влдкою 40п—23; съ гла(с)мь 1—17; 5—10; 31—21.

Первый писец: съгласиемь 23—7; съгласно 5п—15; съдравие 2—13; съдравъ 30п—5; съдравы 30п—3; съдравыѧ 48—4; съпрѣменену 23п—16; съхранена 5—1; съхрани 33п—13; съхранила 10п—14; 11п—14; 12—5; съхраньшаго 30—18; съхранѧи 22п—22.

Случаи написания предлогов-приставок *въ*, *съ* и предлога *къ* перед группой букв согласных, обозначающей исконную группу согласных, можно рассматривать наравне со случаями написания этих предлогов перед буквой одного согласного, так как [ъ] в этой позиции также постоянно слабый. Употребление ъ в обоих положениях аналогично, но необходимо отметить, что перед группой букв согласных наблюдается более строгое следование правилам письма: без ъ употребляется только приставка *съ* перед корнем *-твор-*: створена 3п—15; створи 2—18; 14п—18; 16п—7; створилъ 16п—8; 38п—6; створить 23п—1; створшаго 1—16; 42п—11; створьшаго 14п—14. Впрочем, в способе написания *створ-* писцы исследуемой рукописи не оригинальны: ср. Саввина книга, где постоянно *створ-* (исключение составляют лишь два случая), Остромирово евангелие и др. Поэтому написание *створ-* можно рассматривать как орфографический прием, идущий от норм южнославянского правописания, утвердившийся, по всей вероятности, в результате соответствия написания живому произношению данного сочетания.

При написании предлогов-приставок *въ*, *съ* и предлога *къ* перед группой букв согласных, обозначающей новообразованную группу согласных, появившуюся в результате падения слабых редуцированных, оба писца последовательно употребляют букву ъ:

Первый писец: въ всѣхъ 18—20; въ многы 27—16; въ мно(г)плетыѧ 21п—9.

Второй писец: въ всю 46п—2.

Первый писец: съ всѣми 36п—29; съ двѣма 41п—31; съ многъмь 32—7; съ множствомь 4—10.

Первый писец: къ жданьноу 40п—21.

Первый писец: вздхноувъшаго 45—25.

Новая группа согласных, возникая в результате падения слабого редуцированного, обеспечивает гласному [ъ] в составе любой проклитики сильное положение. Может показаться, что к началу общего процесса падения редуцированных гласный [ъ] предлогов и приставок, бывший перед словами, чрезвычайно рано утерявшими слабый редуцированный, сильным, мог осознаваться уже как слабый, так как этимология этих слов могла быть забыта, то есть он оказывался как бы перед исконной группой согласных. В этой позиции, являющейся частным случаем позиции перед одним согласным, редуцированный всегда являлся слабым. В исследуемой рукописи, как показывает материал, перед словами такого типа (а в данном случае речь может идти только о словах типа *кънѧзь*, *дъва* и др.) писцы постоянно употребляют букву этимологического редуцированного в предлоге: первый писец в написании предлогов *въ*, *съ* и *къ*, а второй — предлога *въ*. Поэтому вряд ли эти предлоги произносились без гласного [ъ]. Материал рукописей более поздних эпох дает основание утверждать, что даже в период общего процесса падения слабых редуцированных слова типа *кънѧзь*, в которых редуцированный никогда не мог быть сильным, еще осознавались в большинстве случаев как носители (хотя и бывшие) редуцированных гласных в составе корня. (В конце XI—начале XII вв. эта тенденция была, конечно, еще сильнее). Поэтому перед словами, рано утратившими слабый редуцированный, долго еще произносились, очевидно, два

варианта предлогов: с [о] на месте [ъ] и без [о] (см. Лаврентьевский список I Новгородской летописи). Последний вариант в конечном счете побеждает. В современном русском языке в предлогах перед этими словами не употребляются *во, со, ко* — ни исключительно, ни наряду с *в, с, к*. Поэтому есть все основания говорить о наличии редуцированного гласного [ъ] в предлогах и приставках, перед группой согласных в составе слов, утративших слабый редуцированный задолго до появления первых памятников древнерусской письменности.

Редуцированный гласный в предлогах-приставках *надъ, подъ, предъ*

Все эти предлоги и приставки (за исключением приставки *надъ*, не встретившейся в исследуемой рукописи) во всех положениях пишутся с буквой ъ.

Первый писец: надъ гро(б)мь 30п—1.

Первый писец: подъ ногама 26—15; 44—21; подъ ногы 2—2.

Первый писец: прѣдъ ними 19п—18; прѣдъ лици 42—12; прѣдъ всѣми 36п—24.

Второй писец: прѣдъ прѣстоломь 51п—13.

Первый писец: подъложилъ 2—3.

Первый писец: прѣдъвъзираѫ 39п—14; прѣдъзьрѧ 23п—20; прѣдъложьшаго 32п—7; прѣдъстоита 30п—11; прѣдъстоиши 4п—8; прѣдъстоѧ 40—1; прѣдъставъши 13—4.

Второй писец: прѣдъстоѫще 46—6.

Другие писцы в конце XI—начале XII вв. придерживаются той же нормы написания предлогов-приставок *надъ, подъ, предъ*: с буквой ъ и буквой предшествующего редуцированному звонкого согласного [д]. Такое написание, идет, очевидно, от произносительной нормы писцов. Отсутствие следов оглушения звонкого согласного [д] обусловлено, по всей вероятности, отсутствием непосредственного контакта между конечным согласным предлога-приставки и звуком, начинающим следующую за предлогом-приставкой морфему, что свидетельствует о наличии в предлогах-приставках *надъ, подъ, предъ* после согласного [д] редуцированного гласного [ъ].

Редуцированный гласный в предлоге-приставке *отъ*

Для предлога-приставки *отъ* характерен особый графический прием написания: независимо от качества следующего гласного или согласного, почти постоянно употребляется лигатура Ѡ. В одном случае лигатура Ѡ употреблена первым писцом перед сочетанием типа **tьrt* в старославянском написании последнего: Ѡврьзе 33—15.

Нет необходимости в тщательном анализе подобного способа написания предлога. Бо́льший интерес представляют немногие в рамках исследуемой рукописи, но довольно многочисленные, сравнительно с некоторыми другими древнерусскими рукописями, отступления от традиционного приема написания, наблюдаемые как среди предлогов, так и приставок. В таких случаях предлог-приставка чаще всего пишется в строке и имеет вид *отъ*. На конце его независимо от слабого или сильного положения редуцированного предлога или приставки и качества следующего за ним звука постоянно пишется буква ъ. Взаимная мена ъ, ь не наблюдается.

Первый писец: оть июдѣѫ 37—11; оть оузь 10—17.

Первый писец: оть въстока 41п—8; от земѧ 2п—1; 33—2; 48п—1; отъ неплодьноу 31п—18; отъ нощи 36п—10; отъ работы 35п—22; отъ тьлѧ 42—15.

Первый писец: от своемѧ 24—22; отъ кръвии 52—3.

Первый писец: отъбѣжа 7—23; отъгонить 2—12; отъгониши 8—17; отълоучьшаго 40п—6; отъриновъше 12—18.

Первый писец: отъгна 34п—29.

Отсутствует буква ъ в отроκы 9—7; отроковицѣ 44—20. Но такие написания встречаются и в ряде других старославянских и древнерусских рукописей, например: отрокы, отрокъ, отрока и т. д. в Остромировом евангелии и др.

Два раза встречается форма: отиноудь 29—1; 47—20.

Один раз предлог имеет вид: ѻ 15п—19. Этот прием в период окончательного падения редуцированных становится в графике основным.

Написания с буквой редуцированного слишком малочисленны, но на основании их, пожалуй, можно утверждать о наличии в говоре писцов исследуемой рукописи в данном предлоге-приставке редуцированного гласного [ъ].

Редуцированный гласный в предлоге-приставке *об*

Предлог *об* в исследуемой рукописи не встретился. Приставка *об* постоянно пишется без буквы редуцированного гласного. Исключение составляет — обьходисте 45п—14. В остальных случаях приставка встречается перед буквой гласного: обиде 15п—4; необѧтьна 38п—29; обоукѧмлемъ 20—4; wбетъшавъша 28п—19 (первый писец) и перед буквами сонорных: —перед *н*: обнажилъ 7—9; обнавлѧѭ 24—14; обновление 16—10; обнобновлъшемоу 14п—5; обно(ви)ла 3п—23 (первый писец), обнищавъшоу 47—12 (второй писец); —перед *р*: ображахоу 40—12, образъми 47—18; образъмь 47п—27; образы 11п—23; wбразовасѧ 45—29; оброучение 44—5; wбрѣте 16—13; обрѣтоста 30—3; 45п—9; обрѣтохъ 9—12; обрѣтъ 34п—27; 38—27; 47—27; обрѣтъшюсѧ 7п—23; обрѧщемъ 40п—7; приобрѣла 29—13 (первый писец); обрѣтъ 46п—5; обрѣсти 51п—6 (второй писец); —перед *л*: обличеныимъ 16—14; обличи 13—21; обличилъ 45—12; облиѧна 22—23 (первый писец).

Писцы разбираемой рукописи не отклоняются от норм написания приставки *об*, принятых в древнерусской письменности, так как перед буквами сонорных в большинстве древнерусских рукописей встречается исключительно *об* без буквы ъ на конце. Написание предлога-приставки как *о* или *обь* (*объ*) перед буквами сонорных — явление очень редкое: оросилъ — служебная Минея 1097 г., обьрѣгаѧ — XIII слов Григория Богослова XI в., обьништаго — Синайская псалтырь, объназьити — Супрасльская рукопись, обънѣшчѣ — XIII слов Григория Богослова и др. Перед другими согласными в древнерусских рукописях чаще употребляется предлог-приставка *о*, чем *об* (например, ожилъ, обѣгалъ), а если используется последний, то всегда с буквами ъ или ь. Такого же правила придерживаются писцы рассматриваемой рукописи.

В нескольких случаях приставка *об* попадает в положение перед исчезнувшим этимологическим „в“ (объ + влакъ > обълакъ > облакъ — в старославянской огласовке): облакъ 14п—16; облакы 9п—22; 13п—7; облаци 41п—15; облѣчесѧ 24—22; обращающисѧ 5п—23; обращение 18—17; wбращеноую 17п—18; обълкълъ 6п—9; обълкъ 15п—19; 18п—24; 39—13; 40—4; обълкыисѧ 34п—16; обълчена 12п—10; объ(л)къ 7—8 (первый писец); облаци 45п—20 (второй писец).

Последовательное написание приставки *об* без буквы ъ скорее всего свидетельствует об отсутствии на конце ее в период написания исследуемой рукописи редуцированного гласного.

Редуцированный гласный в предлогах-приставках *из, без* и приставках *раз, въз*

По мнению большинства ученых, предлоги-приставки *из* („iz"), *без* („bez") и приставки *раз* („orz"), *въз* („vъz") в доистории не имели на конце гласного „й" или „і", которые позднее изменились бы в [ъ] или [ь]. Но мы рассматриваем написание этих предлогов и приставок, поскольку принято считать, что редуцированный на конце их появляется позже, под влиянием предлогов и приставок, имевших на конце этимологический „ъ". А. М. Селищев по поводу этого писал: „В разное время и в эпоху доисторическую, и в истории славянских групп появлялись эти предлоги и префиксы с гласным ъ или его заменой в сильном положении: „vъzъ", „izъ (īzъ)", „bezъ", „obъ", „otъ". Появление этих предлогов с ъ или с гласным, заменившим ъ в сильном положении, произошло под влиянием предлогов vъ, sъ, kъ, имевших издавна гласный ъ. В старославянском языке были эти предлоги в прежнем звуковом виде, без ъ, и в новом — отъ, изъ, безъ, с ъ"[33]. Некоторые ученые появление редуцированного перед нейотированными гласными объясняют фонетической необходимостью[34]. В современном русском языке имеются предлоги-приставки на „z" с конечным гласным [о]: см. *безо всякого, безо всего*[35], *изо рта, изо ржи, изо лба, изо льна, изо всех сил, изо дня в день, изойти, изобью, изолью, изорву, изотру, изолгаться, изоэлиться*[36], *разойтись, разобью, разовью, разолью, разобрать, разопреть, разостлать*[37] и т. д. Но какого происхождения здесь [о] трудно сказать. Причина его появления могла быть чисто фонетической, но скорее всего здесь сказалось влияние предлогов-приставок, имевших на конце этимологический редуцированный „ъ", развившийся затем в [о].

В рукописях XI—XII вв. немало случаев написания предлогов *из, без* перед одной или группой букв согласных с буквой ъ. См. старославянские рукописи: Зографское евангелие, Ассеманиево евангелие, Синайский требник, Супрасльская рукопись; древнерусские рукописи: Остромирово евангелие, Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г., служебные Минеи 1095—1097 гг., XIII слов Григория Богослова XI в., Ефремовская Кормчая XII в. и др.

Эти предлоги и приставки отличает еще одно обстоятельство: уже в общеславянскую эпоху благоприятные условия способствуют появлению в этой категории предлогов-приставок, на конце их, глухого согласного [с]. Процессу ассимиляции звука [з] глухому согласному следующего слога не препятствует тормозящий фактор в виде редуцированного гласного. Поэтому предлоги и приставки издавна выступают в вариантах: *из — ис, без — бес, раз — рас, въз — вс*. Писцы старославянских рукописей имели уже сложившуюся традицию их написания, отражавшую позиционные изменения: с конечным *з* перед буквами гласных, сонорных и звонких шумных согласных и с конечным *с* перед буквами глухих согласных. Писцы древнерусских рукописей ранних эпох, в том числе и рукописи, исследуемой нами, сохраняют эту традицию без изменения.

Редуцированный гласный в предлогах-приставках *из, без*

Рассмотрим написание предлогов-приставок *из, без* перед буквой и группой букв согласных.

---

[33] А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 158.

[34] См. Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предшествующий открытый слог. Изв. ОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 3.

[35] Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934—1939, стр. 112.

[36] Там же, стр. 1174.

[37] Там же, стр. 1183—1184.

Перед буквой звонкого согласного.

Первый писец: из виѳлеома 16п—22; из ложеснъ 10п—18; из напастии 39п—10; из начала 12—22; из небрачьныѧ 34—22.

Первый писец: без моужа 31п—5.

Второй писец: без божьства 45п—22; без начальна 52—7.

Перед буквой глухого согласного

Первый писец: ис кала 42п—14; ис корене 32п—12; ис пьрва 38п—2; ис тебе 4—19; 4п—21; 5п—2; 16—11; 16п—21; 21п—10; 24п—1; 32—9; 33п—26; 37п—15; ис те(б) 2—17.

Второй писец: ис тебе 46—19; 46п—7; 50п—20.

Первый писец: бес коньца 4—8; бес порока 21—10; 33—9; бес п(о)рока 35—12.

Перед группой букв согласных: а) обозначающей на письме исконную группу согласных, начинающуюся со звонкого согласного.

Первый писец: из глоубины 38—12; б) обозначающей на письме исконную группу согласных, начинающуюся с глухого согласного.

Первый писец: ис плътьны 34—9, ис твоего 11п—4.

Таким образом, предлоги *из*, *без* перед буквой звонкого согласного следующей морфемы пишутся с конечным *з* и постоянно без буквы ъ на конце (*из*, *без*), перед буквой глухого — с конечным *с* (*ис*, *бес*) и также без буквы ъ.

Приставки *из*, *без* намного употребительнее предлогов. Их написание выдерживается так же последовательно, как и написание предлогов: без ъ и с буквой конечного звонкого *з* перед буквами звонких согласных и гласных, без ъ, но с буквой *с* перед буквами глухих согласных.

Перед буквой звонкого согласного.

Первый писец: избави 28—10, 25; 35п—3; 36—24; 38—4; избавивыи 20п—2; избавимъ 19п—3; 36п—19; избависте 42п—14; избавите 41п—3; избавителева 20п—17; избавителѧ 11п—18; 32п—14; 33—2; избавити 21п—12; избавихомъ 42—15; избавиша 47п—18; избавѧщи 40п—19; избавленіе 17—24; избавление 3—16; 20—3, 10; 26—2; 31п—27; 33—21; 39п—22; избавленіѧ 30п—11; избавльша 33п—16; избавлѧть 25п—15; избавлѧы 35п—28; избавлѧющи 30п—16; избави[въ] 1п—12; избьра 45—27; избьрана 6—8; 25п—23; избьраниемь 41—12; 41п—17; избьрании 41—8; избьраникъ 35—27; избьраникы 42п—22; избьраномъ 42п—24; избьраною 28п—12; избьраныѧ 44—4; избьр(а)въ 39п—7; извилиста 30—1; изволение 41п—22; изволи 24—11; 21п—10; 42п—23; изволилъ 38п—9; извълкъ 24—7; извѣстое 36п—18; извѣстѣмь 1п—2; неиздаемоу 23п—15; неиздаемы 34п—21; изливающа 46—2; изли(ѧ)въшихъ 36п—26; излиѧсѧ 2п—11; измывъшисѧ 21—8, измѣнивъши 26—13; измѣ(ни)лъ 39п—3; измѣниста 35—1; неизнореноу 20—5.

Второй писец: избави 51п—20; избавити 50п—22; 51п—9; избавленіе 50—1; избьрана 51—12; изливающа 46—2.

Первый писец: безбожье 39п—3, 7; 45—13; безбожьноуму 40—2; 45п—8; безбожьныи 2—2; безбожьныихъ 7п—11; безбожьы 8—5; 16—18; 23п—21; 24—16; 37—21; бездьна 10п—9; 15п—4; 38п—11; бездьнѣ 40—14; безмълвьноую 21—5; безмьздьника 39—1; безначална 16—7; 40п—20; събезначално 23—6; безневѣстьнаѧ 15п—17.

Второй писец: безбожьноую 46—28.

Перед буквой глухого согласного.

Первый писец: искони 6п—17; искоупили 41п—16; искоушение 22—2; искоушениемь 27п—18; искоушенъ 38—29; неискоусобракоу 42—3;

неискоусьна 48—18; исповѣдавъше 37п—20; исповѣдание 37п—20; исповѣданими 24—17; исповѣдающа 22—5; исповѣдающемъ 34—11; испода 37п—19 (исповѣда); испоустивъ 13п—1; испълнена 3—18; испълни 14—6; испълнила 5п—17; испълнь 8п—2; испъщрена 26—6; испѣкаемъ 9п—6; истачаете 37п—27; истачаеть 8п—8; истачаеши 27п—11; истачають 44п—9; истачающую 20—4; истекше 1—10; истекъши 23п—21; истекъшимъ 11п—19; истоки 27п—10; источи 30—6; источилъ 2—22; 8—6; источьникъ 5—2; 8—6; 9—21; 11п—1; 34—25; источьника 20п—5; источьникомь 4Эп—6; истъканоу 29—28; истъкаша 4п—6; истязаемъ 17—22; прѣисходя 19—10; исходъ 35—16; исход[о]таи 37—4; исходаиши 35—15 (исходатаѥши); истиньнѣ 32п—29.

Второй писец: искапающе 46п—21; искапаша 51—3; искоусьнъ 51п—24; источьникомь 49п—6; истиньно 50п—17.

Первый писец: бесконьчьныя 40п—23.

Перед группой букв согласных: а) обозначающей на письме исконную группу согласных, начинающуюся со звонкого согласного.

Второй писец: избльвавъ 49п—8.

Первый писец: безгрѣшьныи 27—8; б) обозначающей на письме исконную группу согласных, начинающуюся с глухого согласного.

Первый писец: исправила 11—13; 44п—3; исправиша 44п—14; исправления 31п—28; исправи 7—20; 21п—9; испровьрже 2—1; испросии 3—16 (испросити); испроси 49—9.

Второй писец: испрсите 46—8 (испросите).

Первый писец: бесплътьнаго 7п—3; бесплътьныи 40п—3; бесплътьныими 32п—9; бесплътьныимь 32п—9; бесплътьныихъ 28—21; 42—26; 43—10; бесплътьныихъ 9—1.

В нескольких случаях приставка *из* оказывается перед сочетаниями типа **tъrt* и **tъlt* в старославянском написании.

Первый писец: испълънена 20п—5; 42—24; испълънение 35п—20; 48п—10; испълнения 48—14; испълни 20п—4; 41п—17; 42п—25; испълнитель 41—24; испълнь 8—14; 18п—6; 41—14; испълнѧема 32п—10; испълн(и) 35—6; истръгания 26п—8.

Второй писец: испълънилъ 49п—7; испълнитель 51п—22; испълнь 50п—10.

Перед сочетаниями типа **tolt* и **tert* в старославянском написании последних предлоги-приставки *из*, *без* постоянно пишутся без буквы ъ: ис прѣчистыя 20п—21; безвръменьнъ 1—14; безгласьноу 40—7 (первый писец), бес (п)рѣтыкания 50п—5 (второй писец).

Постоянное написание предлогов-приставок *из*, *без* перед буквой или группой букв согласных без ъ вероятнее всего указывает на произношение их без редуцированного гласного.

При написании предлога-приставки *из* перед буквами йотированных и нейотированных гласных писец постоянно употребляет букву ъ: изъ огнедъхновена 16—15; изъобрѣла 25п—19; изъшвленъ 16п—14.

Таким образом, правила употребления ъ в предлоге-приставке *из* перед буквами йотированных и нейотированных гласных по сравнению с употреблением ъ перед буквами согласных прямо противоположны. Если перед буквами согласных писец не видит необходимости в последовательной постановке буквы ъ, то перед буквами йотированных и нейотированных гласных ъ не пишется лишь в исключительных случаях: изиде 17—5; изимающи 33п—12; изящьноу 16—20; изящьнъ 14п—9; 24—21; изятъ 21п—15 (первый писец); изиде 46п—2; изити 51п—14 (второй писец).

Подобное написание характерно не только для исследуемой нами Минеи. Во всех древнерусских и старославянских рукописях перед

глаголами *имати*, *ѧти* и др. приставка *из* в большинстве своем пишется без буквы ъ.

Предлог *без* перед буквами гласных не пишется.

Приставка *без* встретилась два раза, в обоих случаях перед буквой *оу*: безоумьныихъ 30—1; безоумьныѧ 40—19. Буква ъ на конце приставки отсутствует. Последнее как будто противоречит сказанному выше о написании предлогов-приставок *из*, *без* в этом положении. Но такое написание, очевидно, исключение из общего правила и, на наш взгляд, вот на каком основании.

В большинстве старославянских и древнерусских рукописей (Супральская рукопись, Изборник Святослава 1073 г., XIII слов Григория Богослова XI в., Путятина Минея XI в., Христинопольский Апостол XII в., Златоструй публичной библиотеки XII в. и др.) постоянно встречается выражение *без оума*. Предлог *без* в этом выражении в подавляющем большинстве случаев пишется без буквы ъ. Приставка *без*, имея, как и все подобные приставки, параллельный материально однородный предлог, испытывала с его стороны большое влияние. Написание *безоумьныихъ* могло появиться под влиянием написания *без оума*.

Редуцированный гласный в приставках *раз, въз*

Рассмотрим написание приставок *раз, въз*.

Перед буквой гласного

Первый писец: разори 1п—5; 35—8; разоривъ 38п—3; неразорьное 49—2; боразоумиѧ 23п—22; 32—10; 34—1; 37—13; разоума 23—18; 42п—16; разоумъ 5—20; 17—3; 27—16; 39—17; 39п—22; 41п—15; разоумьнаго 49п—2; разоумьно 2п—1; 18п—13; разоумно 17—17; разоумьныи 38п—19; 41—18; разумьныихъ 23—21; боразоумьнъ 39—17; разоумѣ 27—18; 36—21; разоумѣваѭма 7—14; разоумѣвъше 27—24; разоумѣвъши 1п—6; 11п—9; разоумѣите 9—14; разоумѣниими 25п—14; ра(зу)мѣнию 1п—11; неразоумиемь 21п—8; неразоумиѧ 25п—15; проразумѣниемь 38п—13; 37—13; разоу[м]нъмь 6—18.

Второй писец: неразоримо 50п—12; разоума 46—29; разоумъ 46—17; разоумѣние 47—8; разоумѣваѧ 51п—13.

Первый писец: възатъсѧ 16п—10; възираите 20—12; възиграниѧ 17п—16; възиде 5—19; 23—17; 37п—5; възидосте 43—8; прѣвъзиде 27п—14; възъпивъ 13п—12; възъпиѧ 22п—5; възьмъша 7—7; възьмъши 31—23; 31п—16; възьмъшиѧ 1п—7; възьмъш[и] 6—15; възѧсѧ 27—5; възѧтъ 12—4.

Второй писец: възимающе 46—15; възѧтъсѧ 46п—26; възъпиѧ 51п—19.

Перед буквой звонкого согласного

Первый писец: разбиваеть 44п—28; разбогатѣвъша 11п—10; разгаракѧсѧ 15—23; ра(з)гъбениѧ 49—12; разгънаша 41п—26; раздаѧниѧ 11п—2; раздѣлила 10—8; различьно 12—1; 45—29; различьны 22—7; различьныими 5п—11; различьными 44п—16; различьныихъ 45—13; многоразличьны 35п—28; разлоучениѧ 38п—6; разлучити 3—7; размѣшение 35п—8.

Второй писец: раздаѧлъ 49п—10.

Первый писец: възведосте 42п—16; възведъши 6—16; 26п—2; възвела 45—3; възвелич[имъ] 6—21; възвеличимъ 45п—3; възвеличю 38п—25; възвеселик 14п—10; възвеселиемь 35—16; възвеселѧющї 35п—1; възвесеща 33п—11 (возвеселѧщи); възвышающисѧ 12—22; възвыси

38п—26; възвысисѧ 26—12; възвышена 44—17; възвышение 2п—21; възвышилъ 15п—11; прѣвъзвышенѣ 15п—12; прѣвыше 18п—4; възвѣсти 26—11; възвѣстити 20—11; възвѣщающа 20—9; провъзвѣстиша 27—25; въздание 4—7; 38—26; възданиѧ 22п—19; въздающи 40п—10; въздоивъшу 32п—1; въздоушьнѣи 15—8; въздыхание 22—22; въздѣлана 33п—7; въздѣланъ 32п—3; възлагаемъ 40—10; възлегъшюѭ 21—21; възлетѣвъши 27—5; възложено 44—15; възложивъ 16п—11; възложила 11п—15; възложихъ 32п—16; възлоще 32—21; възлюби 34—7; възлубивъ 1—3; 39п—6; възлубивъша 29—9; възлюбивъшаго 8п—20; възлубивъше 42п—1; възлюбивъши 10п—7; 12—15; 20п—13; 28—18; 43—26; 45—9; възлубивъшю 38п—22; възлюбила 11—4; възлюбилъ 24—19; възлубиста 28п—10; възлублена 4—2; 45—27; възлубленаѧ 29—21; възлублениѧ 21п—2; 22п—13; възлюбльшаго 12п—17; възлюбльши 21—11; 34—22; възлула 28п—20 (възлюбила); възможе 16п—12; 24п—4; възможеть 45—8; възмоущаеть 37—6; въамоущение 26п—10; въамьздие 23п—20; 25п—9; 30—2; въамьздьѧ 38—26; възненавидѣ 23—14; 38п—10; 39п—6; възненавидѣвъша 28п—21; възнесе 13п—2; 26—12; възнесъшаго 11п—21; възносима 19п—11; прѣвъзносим 25—14 (превозносимъ); прѣвъзносѧще 40п—17; прѣвъзнос 25—9 (превозносимъ); въ(з)пиющи 21п—15; възпиемъ 31—5; възпила 26п—17.

Второй писец: възвеличанъ 46п—19; възвысилъ 51—18; възвышаѧсѧ 50п—6; възлюбилъ 51—9; възлюбленыи 46—24; възмогъ 51—16; възможилъ 51п—2; възносими 47—14; възносисѧ 50—15.

Перед буквой глухого согласного

Первый писец: распали 30п—18; распалимъ 14—6; располѣвъсѧ 19—7; распьнъше 8—9; распѧтьемь 17—23; растописте 45п—9; растьр(з)аѭмоу 8—10; растьрзание 43—20; растьргни 12п—2.

Первый писец: въскоу 21—16; въскоую 29—18; 34—24; въско(ую) 4—23; въспитавъ 30—11; въспиташесѧ 26п—13; въспитѣ 1—18; въспоимъ 28п—6; 37п—25; 47п—27; въспоите 35—23; въспою 23п—7, 11; въспоющи 4—16; въспѣ 8п—18; въспѣва 18п—14; въспѣваш 16—17 (вспѣваше); въспѣваемъ 7—3; въспѣваите 16п—2; въспѣвающимь 13—13; въспѣвъша 23п—14; въспѣла 26п—7; 45—10; въспѣлъ 2—8; въспѣль 8п—22; въспѣ 12п—9 (въспѣваи); въстокъ 17п—18; въстока 41п—8; въсходѧщу 17—16; въсхожение 49—7; въсхожениемь 13—8; 23—18; въсхотѣвъ 18п—22.

Второй писец: въспѣваемъ 45п—17.

Перед группой букв согласных, обозначающей на письме исконную группу согласных

Первый писец: разгнѣвавъсѧ 29—23.

Первый писец: възблисталъ 23п—9; въздвиглъ 39п—18; въздвигни 21—15; въздвигнула 28—3; въздвигоша 44п—16; въздвиже 38—12; 39—9; въздвижена 41п—24; въздвижьноую 4п—10; въздвизающи 42—7.

Первый писец: распростър || 1п—23; 42п—13 (распростеръ); распрость || 45—6 (распростеръ).

Первый писец: въскрьсение 20—14; 20п—18; 21—10; въскрь(с)ніе 17п—22; въскрьсении 21п—5; въскрѣси 37п—5; въскрьсъшаго 20—19; въсхвалимъ 7—5, 6; 17—16; 23п—3; 29п—29; 41п—20.

Второй писец: въскрьсениемь 46п—3; въскрѣше 46п—28.

Таким образом, написание приставок *раз*, *въз* отражает их древнее состояние. Во всех случаях они употребляются без буквы ъ на конце. Оглушение конечного [з] приставок перед глухими согласными, проис-

шедшее в давние времена, находит выражение в двояком способе их написания: *раз* и *въз*, *рас* и *въс*. Последний встречается лишь в случае, если приставка попадает в положение перед буквой глухого согласного следующей за ней морфемы. Оба писца не пишут букву ъ на конце приставки даже перед буквой любого гласного (ср. с написанием в этом положении предлогов-приставок *из*, *без*). Это объясняется в первую очередь тем, что вообще написаний с конечным ъ среди приставок по сравнению с предлогами, безусловно меньше, поскольку предлоги в древности обладали большей степенью самостоятельности, приближаясь в этом отношении к наречиям, а кроме того, тем, что приставки *раз*, *въз*, не имея в древнерусском языке материально однородных предлогов, не могли получить редуцированного по аналогии со стороны их.

Приставка *въз*, по характеру конечного согласного входящая в группу предлогов-приставок на „z", выделяется наличием в звуковом составе этимологического редуцированного „ъ", занимающего срединное положение.

Наблюдения показали, что писцы исследуемой рукописи, последовательно употребляя приставку без буквы ъ на конце, с той же последовательностью пишут букву этимологического редуцированного, занимавшего срединное положение. Отсутствие после *з* в предлогах-приставках *раз*, *въз* буквы ъ указывает на их произношение без соответствующего редуцированного гласного.

Как мы уже говорили, два вида написаний предлогов-приставок на „z" перед буквами согласных отражает их древнее состояние. Орфография древнерусских рукописей, в том числе и исследуемой нами, сохранила для нас следы и других изменений фонетического порядка, происшедших еще в доистории как результат отсутствия на конце предлогов и приставок редуцированного гласного.

Это, во-первых, ассимиляция конечного звука предлогов-приставок [з] и начального согласного следующей морфемы (что можно объяснить только непосредственным контактом между ними, не затрудненным наличием редуцированного) и возможные последующие упрощения групп согласных. Такого рода написания встречаются в большинстве древнейших славянских рукописей, например ишьдъше, раширѧти, безаконие в Остромировом евангелии; иштистити, безаконие, бештѧдьнъ, бещьстьна, раштистити — в Мариинском евангелии и др. Еще в глубокой древности в этом положении были благоприятные условия для ассимиляции согласных. В исследуемой нами рукописи встретились следующие написания.

Первый писец: ичрева 11п—15; ищрева 1—9; 13—15; ищисты 35—21; исельша 21—17; исоушаеши 8—6; исуши 9—22; исоушила 20п—7; исоушилъ 27п—10; ицѣлѣвъ(ше) 3п—21; ицѣление 38—24; ицѣлению 31—11; ицѣлениѧ 21п—4, 29—11; ицѣли 38—19; ицѣлѧѧ 38—15, 39—4, 15; 40п—17; ицѣлѧеши 8—15; ицѣлѧти 30—3, ицѣлѧющи 10—5; неицѣльныѧ 8—15; ищезноу 5п—2; ищезоша 44п—11; ицѣли 8—20; безаконие 13п—9; безаконьна 38—13; безаконьнии 9—14; безаконьновавъша 13—22; безаконьныихъ 6п—11; 25—10; 42—22; безаконьныхъ 30п—16; безаконьствоующимъ 36п—4; безаконьствоующихъ 7—18; бесъмьртьнаго 22—13; бесъмьртьноу 10—14; 44—23; бесъмьртьноумоу 12п—12; бесъмьртьноую 31—18; бесъмрьтьныи 45—3; бесъмьртью 12п—11; бесъмьртьѧ 8п—5; бесъмрьт(ь)ѧ 40п—18; бесъмрь(т)на 40п—19; бесъмрь(т)ну 45—19; бесѣмене 16—7; 24п—14; 31п—4; 32—6; бесѣменьно 11—8; бесквьрньноу 10п—10; бесквьрньноую 37—29; бесловесии 23—14; бесловесьнии 42п—6; бестрастьною 11—22; бестрастьѧ 12—19; бестра(с)ѧ 11—23; бещисльнаго 12п—20; бещисльноую 22—22; бещисльныи 17—17; бещисльныихъ 37—6; бещисльно(у)ю 21п—10 (бещисленую); бещьстьнаго 49—15; ражги-

заемъ 8п—20; ражегома 44п—19; ражьгъ 6п—16; ражьгъшусѧ 6п—4; ражьже 7п—10; ражьжени 45п—7; ражьжение 38п—1; ражьжениемь 4—15; расѣѧ 39п—12; раширѧема 17—8; растоѧщасѧ 12—10; възагающе 48—7; вьжагаѧсѧ 42—21; вьжгеловавъ 23—13; вьжгьгъ 23п—22; вьжелѣвъши 10п—6; 11—16; 26—23; вьзва(х) 13п—18; възваша 24п—20; вьсиѧ 5п—3; 9п—11; 18—25; 18п—15; 21п—17; 21п—18; 31—8; 31п—19; 32—9; 33п—10; 35п—1; 39—1; вьсиѧвъ 10п—16; 35п—10; 39—16; вьсиѧвъша 29—21; 30—25; 41п—25; вьсиѧвъшемоу 11—21; вьсиѧвъшиимъ 42п—4; вьсиѧла 32—20; вьсиѧлъ 23п—8, 11; 35п—18; вьсивъшиѧ 15п—2; въста 20—12; 20п—19; въставъшаго 22—11; въсталъ 21п—16; въстани 15—3; въстание 40—5.

Второй писец: исоушаета 46—4; ицѣлениѧ 46—2; ицѣлении 50—16; 51—4; вьсиѧ 52—13; вьсѷвъ 50п—17; вьсьѧвъши 46—10; вьсивъша 46—27; въстахомъ 46п—4; въстока 46п—15.

Во-вторых, если следующее за предлогом-приставкой слово начинается с плавного [р], между согласными [з] и [р] развивался звонкий согласный [д].

Первый писец: издроукы 17п—3, 18—11; издрекоу 34—14; неиздре(ч)ьнаго 19—21; неиздреченьнаѧ 18—7; 19—16; неиздреченоую 17—15; неиздреченьно 12—12; 39п—25; 42—28; неиздре(ч)ьно 5п—3; неиздреченьною 14п—14; неиздреченьноую 34—18; 43—3; неиздреченьныихъ 11п—8; неиздреченьныѧ 32—4; неиздреченьнѣи 11п—20; раздроушена 26—15; раздроуши 6п—18; 7п—17; раздроушилъ 9—9; 24—16; 25—7; раздроушисте 24п—12; 48—8; раздроушити 24п—5; раздроушьше 48—9; раздроушьшу 43п—11; раздрѣшение 15п—13; раздрѣши 6—8; 23—1; 47п—12; раздрѣшьшисѧ 33п—3; въздрастиста 31п—18; въз(д)растомь 28п—27; въздрастъмь 38п—20.

Второй писец: неиздреченьно 46—18; раздрѣшѷсте 46—25; раздрѣшьше 46—23.

В-третьих, перед некоторыми мягкими согласными наблюдается смягчение [з]: иж неѧ 31п—19.

Подведем итоги.

В положении перед одной или группой букв согласных все предлоги и приставки на „z“ постоянно пишутся на конце без буквы ъ.

Конечный [з] сохраняет свое качество перед сонорными и звонкими шумными согласными, изменяясь в [с] перед глухими, что находит последовательное отражение на письме.

Изо всей группы родственных предлогов и приставок только предлог *из* перед любыми гласными буквами пишется как правило на конце с ѣ. Приставки *раз*, *въз* в этом положении употребляются постоянно без буквы редуцированного гласного.

На страницах рукописи находят отражение процессы ассимиляции конечного согласного предлога-приставки и начального звука следующей морфемы и последующие упрощения групп согласных, имевшие место еще в доистории (*ищрева*, *вьсиѧвъ* и т. д.). Такой способ написания предлогов и приставок для того времени является результатом отсутствия в звуковом составе предлогов и приставок редуцированного, а для нашего — показателем отсутствия такового.

Таким образом, написание предлогов и приставок *из*, *без*, *раз*, *въз*, отражая их древнее состояние, подтверждает, что они не имели после „z“ этимологического „ъ“. Редкие случаи употребления их с буквой ѣ, соответствующие определенным фактам современного русского языка, вернее всего объясняются аналогией со стороны предлогов и приставок с этимологическим редуцированным на конце, развившимся затем в [о].

Общий вывод, основанный на правописании предлогов и приставок в исследуемой рукописи, может быть таков: последовательное написание

с буквой ъ предлогов и приставок, имевших этимологический редуцированный, свидетельствует о сохранении в живом произношении писцов звука, обозначенного на письме буквой ъ. Несколько большее количество написаний без буквы этимологического редуцированного среди приставок возможно свидетельствует о более раннем, по сравнению с предлогами, падении в них редуцированного гласного. В древнерусских рукописях более позднего периода, уже широко отразивших падение редуцированных в живой речи, эта тенденция находит более яркое выражение, в то время как в исследуемой рукописи она лишь намечена. Предлоги и приставки, не имевшие на конце этимологического редуцированного, произносятся без гласного [ъ], за исключением некоторых случаев, где редуцированный появляется по аналогии.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В СУФФИКСАХ

Среди суффиксов встречается большее число отступлений от традиционных норм орфографии, чем среди предлогов и приставок. Отсутствие буквы этимологического редуцированного в любом суффиксе — не редкость. Причина такого написания, так как оно не обязательно является отражением соответствующего процесса в речи, требует серьезного анализа. Разнося материал по определенным рубрикам, мы постоянно будем объединять различные, с точки зрения этимологии, но одинаково оформленные, с точки зрения фонетики, суффиксы, так как выделение их в отдельные группы не имеет практического значения уже для письма конца XI—начала XII вв.

Редуцированный гласный в суффиксе *ъи*

Рассмотрим написания с буквой этимологического редуцированного.

После буквы согласного[38].

Первый писец. После *б*: прабабьнѣѫ 6—16; пра(б)бьную 35—8; прѣподобьноу 15—15; прп(д)бнѣи 33п—20; прпд(о)бнаѧ 23—9; злобьноую 41—19; братолюбнаѧ 29п—25; миролубьныи 6—3; неослабьно 14п—18; 37—7; особьноую 15п—19; таибьникъ 19—17; — после *в*: грѣховьнамоутьнаѧ 20п—7; грѣховьнаѧ 38—6; грѣховьное 6—9; грѣховьныи 21—13; 33п—16; грѣховьныимь 39—10; грѣховьныихъ 27п—13; грѣховьнымь 8—20; грѣховьныѧ 10—15; 12п—2; 21п—9; 36п—8; 47п—12; грѣвьныимь 33—23 (грѣховнымъ); дивьнаго 47п—5; дивьнаѧ 40—16; дивьному 11—12; дивьныи 41п—10; 42п—20; прѣдивьнаѧ 30п—5; дрѣвьнѧго 30п—24; дшевьнаѧ 18п—12; дшевьное 26п—11; 28п—10; дшевьноу 49п—1; дшевьноую 1п—5; дшвьно 39—18; дшвьноу 10—13; дшвьнѣи 34—20; дхвьна 14—19; дхвьно 31п—16; дхвьное 44—10; дхвьною 10—6; 14—22; 18п—5; 25п—13; дхвьноую 17п—11; дхвьныи 8—14; дхвьныими 43п—26; 45п—13; дховьныимь 24—7; 41п—17; дхвьнымь 41—17; дхвьныѧ 39—14; дхвьнопитоуемъсѧ 9—19; дхвьноповиноувъшї 10п—15; дхвьнасъблюдаема 9п—9; дхвьною 7—7; дховьныими 48—3; дховьною 48—7; дьржавьна 18—12; дьржавьна(ѧ) 28—9; дьржавьно 1п—14, 16—13; жидавьныи 24п—10 (жизнодавьныими); кръвьныими 37—21; кръвьныимь 2—20; идололоукавьнующимъ 24п—6; лубъвьна 40п—25; любъвьноумоу 44—19; любъвьноую 45—11; млствьноу 48п—14; про-

[38] Примеры употребления букв этимологически сильных редуцированных в суффиксах выделены особо и приводятся нами для каждого положения после примеров употребления букв этимологически слабых редуцированных.

тивьнаго 34п—28; противьныи 29п—8; противьныихъ 30п—28; противьныѧ 37п—16; равьно 10п—1; рьвьнителѧ 24—24; рьвьноуѧ 16—1; порьвьнова 10п—23; съставьно 4—18; славьна 21п—8; 33—22; славьнаго 28п—7; 41п—20; славьнаѧ 4п—17+13р.; славьне 1—21+12р.; славьнии 37—21; 41—14; 41п—16; 42п—23; 43—11; 47п—21; славьно 29—29; славьныи 17—7; 26п—22; 32—18; славьныѧ 2п—17; 32—16; славьнѣ 35—25; всеславьнаѧ 45—13; всеславьне 8п—9; всеславьнии 45п—8; достославьнаѧ 12—23; 22—2; 25п—10; достославьне 8—18; 36п—2; прѣславьнаго 6п—23; 31—16; прѣславьнаѧ 3—11+7р.; прѣславьне 13—23; 13п—3; 15п—7; 15п—10; 37п—20; прѣславьнии 42п—2; прѣславьно 29п—23; 30—16; 30п—13; 31п—3; 40—19, 26; прѣславьное 2—17; 2п—21; прѣславьною 17—13; прѣславьноу 15п—19; прѣславьноумоу 39—19; прѣславьноую 36—5; преславьныи 6п—18; прѣславьныимь 12п—16; прѣславь 2п—20-(преславному); славь(н) 8п—7; наставьнице 28—12; тьрпѣливьно 34п—4; цркьвьное 35п—20; цркьвьнии 37п—15; цркьвьнѣи 41п—25; бл҃гочьстивьно 6—21+7р.; дх҃вьнъ 39—28; 41п—15; дшевьнъ 34—13; — после д: неблудьноу 48п—15; бѣдьнѣюща 33—24; бовидьныи 17п—5; оугодьна 29—5; бл҃гоплодьна 39—29; неплодьноу 31п—18; побѣдьнаѧ 30п—9; побѣдьникъ 17—20; непобѣдьници 37п—9; побѣдьноую 14п—7; побѣдьныи 7—7; 29п—17; 35п—15; 43п—12; побѣдьныими 44п—15; побѣдьныѧ 6п—19; 12—23; проповѣдьникомь 43—6; безмьздьника 39—1; правьдьникъ 32п—22; правьдьна 14п—19; правьдьнаго 22—21; правьдьно 30п—19; правьдьное 32—9; правьдьны 29—26; правьдьныи 13п—14; правьдьныхъ 48п—17; прадьныихъ 40п—3 (праведныхъ); праздьникъ 41п—2; праздьничьскоумоу 39—3; праздьноуще 41п—3; бородьныѧ 30—11; кдинородьноую 30п—21; рѧдьникомь 13—12; нескоудьна 20п—6; наслѣдьникъ 19—19; послѣдьнаго 5п—12; послѣдьнаѧ 24п—7; 40—12; състрадьника 38—2; стоудьнии 25—22; стоудьныѧ 14—4; оугодьникъ 36—9; соудьныи 36—14; незаходьныѧ 41п—26; чудьныи 41п—10; нещадьна 36—25; мно(г)плодьнь 5—2; — после ж: безбожьноуму 40—2; 45п—8; безбожьныи 2—2, безбожьныихъ 7п—11; подвижьникоу 40—3; въздвижьноую 4п—10; ложьницю 49п—1; лъжьныѧ 13—21; мнсгомѧтежьнаѧ 12—18; многмѧтежьное 39п—7; ноужьноую 43—21; ороужьника 6п—23; ороужьникъ 36п—22; ороужьници 36п—13; страстоположьникъ 2п—7; ноужьнъ 16—2; — после з: звѣрос҃бразьно 12—21; многыобразьны 27—16; огнеобразьнѣ 16п—10; тьзьнице 26п—14; англо҃бразьнъ 15п—6; огнеобразьнъ 36п—7; — после л: весельна 33—10; вольноую 19п—22; бл҃гатодательноую 38п—4; недовьльни 30—9; дольнаѧ 29п—4; бл҃дтельна 32п—10; добродѣтельноую 24—9; добродѣтельныи 40п—27; добродѣтельныими 22—17; дѣтельнами 33—8; безначальна 16—7, 40п—20; бл҃гоначально 22п—20; живоначальноу 47п—27; неопално 15п—15; родительнице 5п—16; 29п—19; 45п—1; родительницоу 40—13; прародительныихъ 9п—15; свѣтильника 34п—8; свѣтильникъ 22—3; 38п—19; сильнаго 33п—19; 36—17; сильное 44—10; сильныи 9—24; всесильне 6п—14; пьрвостольникъ 41п—29; съпр(с)то(л)ьна 4—18; прстльникъ 13п—2; състра(д)льникы 23п—19; спострадательноу 10—24; томительныихъ 44п—22; похвальна 48—12; похвальнаѧ 33—18; прѣхвальнаѧ 3п—17+13р.; прѣхвальне 9—11; 9п—6; 36—8; прѣхвальн(е) 17п—7; прѣхвальнии 42п—26; 48—15; прѣхвальныи 42п—19; прѣх(в)альнаѧ 3—5; неицѣльныѧ 8—15; — после м: земьнаѧ 10—11; земьною 34п—3; земьную 29—11; земьныимъ 29—11; 30—3; 41п—16; земьныихъ 30—7; 31п—11; земьныхъ 16п—17; земьныѧ 45п—14; тьмьнаго 29—3; 35—14; тьмьницахъ 44—8; безоумьныихъ 30—1; безоумьныѧ 40—19; разоумьнаго 49п—2; разоумьно 2п—1; 18п—13; разоумьныи 38п—19; 41—18; разумьныихъ 23—21; оумьное 22—3; оумь-

ноумоу 44—15; оумьноую 31п—14; оумьнъмь 2п—2; умьныимь 25—6; умныѧ 1—9; 3—8; разоу[м]ънъмь 6—16; земьнъ 47—27; разоумьнъ 39—17; — после *н*: аньна 31п—20+8р.; аньно 32—1, 5, 15; 32п—1, 8; виньна 20—15; неповиньныма 15—22; врѣменьное 31п—2; врѣменьныѧ 4—5; жданьноу 40п—21; желаньное 6п—5; законьно 7—6; 10—9; 31п—14; 36—22; 37—3; 40—25; законьномь 43п—27; безаконьна 38—13; безаконьноставъша 13—22; безаконьныихъ 6п—11, 25—10; 42—22; годоименьница 9—4; гжеименьна 5—11; истиньнаго 13—20, 18п—5; 41п—15; истиньнаѧ 26—22; истиньно 19п—10; 31—19; истиньное 25п—17; истиньныи 15—17; 36п—1; истиньнѣ 32п—29; истиньнѣи 33—1; прѣистиньно 24п—16; прѣистиньноу 27п—2; истьньна 15—13; неоуклонъно 44п—26; коньнымь 15—7; маньноу 32п—23; оканьнии 30—9; оканьны 29—24; раньныѧ 4п—15; неиздреченьнаѧ 18—7; 19—16; неиздреченьно 12—12; 39п—25; 42—28; неиздреченьною 14п—14; неиздреченьноую 34—18; 43—3; неиздреченьныихъ 11п—8; неиздреченьныѧ 32—4; неиздреченьнѣи 11п—20; неиздре(ч)ньнаго 19—21; неиздре(ч)ньно 5п—3; съреченьными 42п—23; несказаньно 28п—24; несказаньномь 41п—12; несказаньнымъ 42п—3; скотиньнъї 40п—27; непостоѧньно 45—12; непостоѧньное 3—21; непрѣстаньно 2—8+8р.; непрѣстаньныими 12—3; стоѧньно 5п—6, 6; страньна 34—17; страньно 19п—21; 25—3; 34—16; 42п—7; несоумьньною 42—5; бесѣменьно 11—8; тьлѣньна 41п—6 ;тьлѣньное 3—21; тьлѣньныихъ 28п—21; нетьлѣньнаго 28п—24; 29—12; нетьлѣньнаго 4п—5; нетьлѣньно 10—7, нетьлѣньну 11—14; дшетьлѣньныихъ 22п—23; прѣнетьлѣньна 11—6; сла(дъ)кооуханьноу 43п—14; многоцѣньно 43—20; многоцѣньноу 4п—5, многоцѣньны 43п—5; ѧвленьно 20п—2; безврѣменьнъ 1—14; нетьлѣньнъ 25п—11, 33п—7; оуклоньнъ 3п—12; — после *п*: лѣпьно 24п—15; болѣпьна 5—5; боолѣпьно 4—1, болѣпьно 7—2; сверѣпьныихъ 27п—25; непрїстоупьна 4—3; застоупьникъ 40п—32; застоупьницю 36п—18; законопристоупьни(к) 29—24; непристоупьнъ 5—16; — после *р*: вѣрьнаѧ 48п—12; вѣрьнии 9—19; 28п—13; 48—1; вѣрьно 9—5; 17—8; вѣрьныимъ 9п—12; 24п—9; 27—21; 28—9; 35п—1; 42п—28; вѣрьныимь 24—6; 35п—14; 40п—1; вѣрьныихъ 7п—12; 42п—21; 48п—10; вѣрьнымъ 42п—5; вѣрьныѧ 47п—18; 48—14; вѣрьнѣмь 23п—8; благовѣрьно 41п—6; зловѣрьноуму 40—3; зловѣрьныихъ 42п—8; правовѣрьныимь 48п—8; невечерьнѧ 31—19; неве(ч)рьни 33—6; нечерьну(м) 49—20 (невернему); еѳирьнъ 16п—7; бозарьно 6—2; прѣзарьное 36—12; свѣтозарьнаѧ 21п—17; свѣтозарьно 22—16; свѣтозарьноу 43п—3; неразорьное 49—2; мирьнаго 32—28; примирьныѧ 22п—9; вѣрьнъ 32п—15; — после *с*: бѣсьноу 38—13; безгласьноу 40—7; неискоусьна 48—18; красьнаѧ 41п—5; красьноу 47—26; красьноую 11п—6; 37п—13; красьныи 13—14; красьныихъ 9п—3; прѣкрасьнаго 9—2; боносьна 10—12; 18п—12; 33—6; боносьнаѧ 5—23; вѣньченосьна 43п—8; живоносьноую 38п—3; побѣдоносьноу 26—17; свѣтоносьна 45—28; свѣтоносьнаго 49п—2; свѣтоносьнаѧ 30п—8; 42—24; свѣтоносьное 38п—12; свѣтоносьною 43п—21; свѣтоносьноую 31п—29, 36—5; свѣтоносьныи 41п—2; тоуженосьныѧ 13п—7; тоученосьныи 14п—16; свѣносьныи 10п—18 (свѣтоносьныи); свѣтосьноу 3—19 (свѣтоносну); бесловесьнии 42п—6; бословесьны 44п—21; телесьнаѧ 34—21; тѣльсьною 38п—18; тѣлесьноую 39—18; чюдесьными 2п—18; боносьнъ 39—13, 38—27; прѣкрасьнъ 39—19; — после *т*: бл(г)дѣтьныѧ 11п—1; бгатьно 41—18; богатьноую 40п—29; братьнѧ 37—16; пѧтьде(с)тьника 16—19; животьна 27—3; животьнаго 40п—6; животьныи 11—8; животьныѧ 11п—3; [жи]вотьнаго 6—19; боѿметьно 24—19; грѣховьнамоутьнаѧ 20п—7; бесплътьнаго 7п—3; бесплътьныи 40п—3;

бесплътьныими 32п—9; бесплътьныимь 32п—9; бесплътьныихъ 28—21; 42—26; 43—10; бесплътьныихъ 9—1; плътьны 34—9; плътьноую 34—19; плътьносьца 37—23; блгоприятьна 37—30; блгоприятьнаѧ 10—18; боприятьне 18—17; приятьни 37п—11; соуетьнаго 7—10; тьзоименитьница 27—22; тьзоименитьно 38—24; боприятьнъ 17—20, 17п—17; — после *ч*: небрачьно 34п—10; небрачьныѧ 34—22; вдачьнею 39п—12; вѣчьнаго 28—25; 38—7; 44—24; вѣчьноумоу 36п—28; вѣчьноую 5п—20; 40п—12; вѣчьныихъ 14п—20; вѣчьныѧ 48п—1; прѣвѣчьна 16—7; прѣвѣчьнаго 12п—19; прѣвѣчьныи 39п—14; бгозрачьныѧ 11п—7; источьника 20п—5; источьникомь 49п—6; источьникъ 5—2, 8—6, 9—21, 11п—1; 34—25; коньчьноую 31 п—3; 33—5; бесконьчьныѧ 40п—23; четвоконьчьнѣмь 14—1; личьника 40п—4; различьно 12—1; различьны 22—7; различьными 5п—11; различьныихъ 45—13; различьными 44п—16; многоразличьны 35п—28; мрачьнаго 23—9; обычьныими 38—4; непорочьна 4—14+6 раз; непорочьнаѧ 10—2+4 раза; непорочьноую 7—13; непорочьнаѧ 10п—16; прѣнепорочьна 11—6; 36—13; прѣнепорочьнаѧ 1—16; 5—14; 10—19; 12—13; 36—24; 45—5; поручьникъ 18—18; боточьныѧ 30—5; златоточьныими 23п—13; нетлачьнъ 16п—4; — после *ш*: вышьнєѥ 1—20; 31—27; вышьнии 33—15; вышьниимь 23п—5; вышьнимь 35—27; вышьними 29п—4; 36п—29; вышьнихъ 1п—17; 14—12; вышьнаго 1п—21; 18п—19; прѣвышьнимъ 13—8; прѣвышьнѧѧ 4п—13; въздоушьнѣи 15—8; кромѣшьнѧѧ 35п—3; поспѣшьне 36—27; поспѣшьника 25—21; помошьникъ 40п—32; страшьное 36—14; страшьнолѣпьно 14—2; страшьномь 41п—12; страшьноу 25—3; страшьнѣмь 21п—5; брашьнъ 14п—17; — после *щ*: мощьне 32п—4; немощьнаѧ 8п—8; немощьному 14—11; немощьноую 33п—19; немощьнымь 34п—15; всенощьныими 49—18; обыщьницу 39—20; пещьныи 8п—18; прїносущьнумоу 32—2; прѣсоущьнаго 42п—27; изѧщьноу 16—20; [пи]щьнѣмь 5п—21; изѧщьнъ 14п—9; 24—21.

Второй писец. После *б*: хоподобь(н) 49п—10; — после *в*: дрѣвьнюю 47—12; бопротивьно 51—15; славьнаѧ 47—2; славьне 49п—17; славьни 46—10; прѣславьно 50п—18; дховьнъ 46—8; — после *д*: жгодьникъ 52—19; проповѣдьниці 46—25; многоплодьныи 51—6; законьнопобѣдьныи 45п—23; правьдьнаго 46—10; правьдьныихъ 51—11; 51п—4; благородьны 51—20; досточюдьне 50—9; 52п—2; непостыдьнъ 52п—1; — после *ж*: безбожьноую 46—28; ложьница 51—14; — после *з*: сльзьныѧ 51п—15; — после *л*: безначальна 52—7; хвально 45п—17; хвальныи 46—20; прихвальнии 46—29; — после *н*: врѣменьнаѧ 50—11; нелюбодѣаньноую 51п—5; законьнопобѣдьныи 45п—23; истиньно 50п—17; неиздреченьно 46—18; пространьное 51—13; несквръньно 50—8; — после *п*: непристоупьнѣ 46п—6; — после *р*: вѣрьно 45п—25; 50п—19; вѣрьныи 45п—21; прьвовѣрьныи 50—6; горьнее 51п—3; свѣтозарьноу 46п—16; — после *с*: прѣкрасьное 51—13; небесьнаѧ 51—18; съмрьтоносьныи 51п—20; боносьни 46п—12; свѣтоносьноую 45п—18; — после *т*: боблгдатьнаѧ 51п—12; животьнаго 49п—16; именитьно 50п—17; тьзоименитьна 47—5; — после *ч*: позрачьна 46п—29; непорочьна 46п—25; — после *ш*: вышьнии 51п—3; страшьныи 51п—13; — после *щ*: свѣщьни(к) 51—14.

После группы букв согласных

Первый писец. После группы букв согласных, оканчивающейся на *в*: оубииствьны 16—15; бжствьна 16—25; бжствьнаго 2—23; 18—13; 19—21; 39—22; 40—6; бжствьнами 26п—13; бжствьнаѧ 6—4+6 раз; бжствьнии 44п—8; бжствьное 18п—23; 20—9; 32—27; 49—8; бжствь

ною 37п—25; бжствьноу 1п—11; бжствьноуму 10п—23; 11—17; 23—8; бжствьноую 41п—30; 47—20; бжствьныи 25п—11; 37—17; 39п—22; бжствьныими 4п—13+8 раз; бжствьныимь 17—2+7 раз; бжствьныихъ 18п—16; бжствьными 49—15; бжствьнымъ 49—3; бжствьнымь 44—26; бжствьныѧ 1—19; 8—2; 19—24; бжствьнѣ 17—16; бжствьнѣи 7—20; 7п—15; 18—19; 48п—23; бжствьно 42—23 (бжственое); бжствьноуму 29п—10; бо||жствьное 12—4; бо||жствьныи 41—23; бо||жствьныимь 20п—15; бж(с)твьнаго 18—10; бж(с)твьною 39п—9; бо||жствьныѧ 41—13; бжь||ствьноѥ 42—13; бжь||ствьныи 42п—17; бжь||ствьныимьмь 40п—13; бжжствьноумоу 43п—7; бж(с)твьнаы 7п—10; бж(с)твьное 2—16; 11п—2; 17п—23; 18—1; 22п—7; бж(с)твьною 18—14; 29—14; 37—20; бж(с)твьныи 18—24; бж(с)твьныѧ 8п—2; бж(с)твьныими 20—22; 25п—14; бж(с)твьныихъ 7п—1; прѣбж(с)твьне 37—18; божьствное 12—4; властьствьно 30п—20; дѣвьствьнаѧ 16—23; двьствьныимъ 43—17; двствьныимь 43п—23; двьствьныимь 12—7; ѥстьствьныими 49—19; естьствьныихъ 7п—5, 27п—14; прѣестьствьно 7п—6; безмълвьною 21—5; мтвьныимь 15п—12; присносоущьствьнаго 12п—19; — оканчивающейся на *г*: дъжгьныимъ 15п—9; — оканчивающейся на *д*: звѣздьно 25—12; милсрдьно 20—16; млсрдьно 20п—14; немлсрдьнаѧ 13п—11; праздьничьскоумоу 39—3; праздьнолюбьци 2п—16; 39—3; праздьноуемъ 17—11; 41—10; 43п—3; праздьнуе(м) 9п—14; праздьноуеть 43—5; праздьноуще 41п—3; праздьноующиихъ 26—1; 35п—17; 36—2; праздьноующихъ 22п—11; — оканчивающейся на *л*: добльно 38—11; всемысльно 29—4; ѥдиномысльно 22п—2; несъмысльныѧ 35—11; съмысльно 3—23; 29—10; бещисльнаго 12п—20; бещисльною 22—22; бещисльною 21п—10 (бещисленую); бещисльныи 17—17; бещисльныихъ 37—6; — оканчивающейся на *м*: чьрмьноу 43п—20; чьрм[ь]ноу 41—27; — оканчивающейся на *н*: болѣзньныихъ 40п—16; неболѣзньноу 25п—20; неблазньноу 48п—15; съблазньныи 23п—4; 25—24; съблазньнаго 35п—22; огньномь 30п—1; огньною 44п—17; огньныи 4п—15; огньнѣ 13п—19; 44п—24; огньнѣи 13п—1; 42—29; пѣсньно 23—16, 42—8; скврьньна 15—18; нескврьньна 4—13; нескврьньно 10—7; бескврьньноу 10п—10; бескврьньною 37—29; — оканчивающейся на *р*: быстрьно 4п—1; прѣвыспрьнѧѧ 16п—19; бомоудрьно 17—11; бомоудрьномь 44п—21; коупномоудрьно 3п—21; цѣломоудрьномь 28п—6; оутрьнѧма 11—5; оутрьнююще 26п—24; оутрьнюще 18—16; оутрьню(ю)щи 11п—13; — оканчивающейся на *т*: самовластьно 4п—3; блговѣстьница 20п—18; блговѣстьньца 20—17; завистьными 29—22; крьстьною 44п—13; льстьна 42—8; льстьнаѧ 28—12; 1п—4; льстьное 1п—4; льстьную 9—9; любъзномоудростьно 10—13; безневѣстьнаѧ 15п—17; боневѣстьнаѧ 4—20, 9—4; 11п—3; 17п—19; постьно 34п—12; постьныими 31—24; постьныимь 34п—8; 23; радостьно 22п—7+9 раз; прѣрадостьно 20—12; радостьноу 26п—7; съмьртьное 22—13; съмьртьною 44—23; 48п—5; бесъмьртьнаго 22—13; бесъмьртьноу 10—14; 44—23; бесъмьртьноумоу 12п—12; бесъмьртьною 31—18; съмьртьныихъ 10—17; съмьртьныѧ 3п—10; съмрьтьнаго 8п—12; сластьныимь 35—18; страстьничьскы 6п—12; страстьничьскыми 43—17; страстьно 22—24; бестрастьною 11—22; страстьны 48п—21; страстьныихъ 35п—7; страстьныхъ 43п—6; причастьникомъ 2п—8; 35п—23; причастьникъ 48п—11; прїчастьникы 35п—23; причастьниц 27—23 (спричастні(ча)); прчстьное 18п—6; чьстьна 11п—8; чьстьнаго 3—9; 14п—2; 41п—21; чьстьнаѧ 21п—3; 25п—8; 26п—5; 27—23; чьстьно 43—13; чьстьное 21п—6; чьстьною 36п—16; чьстьныи 25п—14; чьстьныими 23п—3; чьстьныимь 17—23; 37п—3;

чьстьныихъ 43—2; чьстьныѧ 44—4; чьстьнѣе 22п—13; чьстьнѣи 11—16; бещьстьнаго 49—15; бл҃гочьстьно 29—7; 20; 31п—23; 47—24; всечьстьнаѧ 7п—22; 11—15; 33п—11; 39—1; всечьстьное 5—12; всечьстьною 36—5; чстьно 34п—26; чстьныими 48п—18; чстьныихъ 29п—20; бл҃гочстьнаѧ 29п—24; прчстьне 40п—28; — оканчивающейся на *ч*: немълчьно 29—16.

Второй писец. После группы букв согласных, оканчивающейся на *в*: бжствьнии 45п—20; бжствьное 46п—2; бжствьныи 50п—7; бжствьныими 50—14, 15; 50п—6; 18; бжьствьныимь 46—3; праздьньствьныи 52—17; — оканчивающейся на *д*: праздьньствьныи 52—17; — оканчивающейся на *л*: земльныѧ 52п—5; съмыслънъ 52—1; — оканчивающейся на *н*: пѣсньно 51п—20; — оканчивающейся на *р*: ѫтрьнѧѩ 52—12; — оканчивающейся на *т*: чьстьное 46п—27; чьстьное 52—18; чстьныими 47—14; бл҃гчстьно 50п—21; ьстьныи 46—13.

Наряду со случаями употребления буквы этимологического редуцированного в суффиксе *ьн* в исследуемой нами рукописи встречаются написания без буквы *ь*.

После буквы согласного

Первый писец. После *б*: неослабно 31—17; — после *в*: б҃тодавно 45—25; — после *д*: оумовръдно 5—9; мъногострадна 5—8; чюдне 17—14; досточюдне 18п—19; 48п—19; — после *ж*: пожнемъ 6—17; прилѣжно 39—5; оупражнѧѩсѧ 49—13; оупражнѧеть 8п—10; — после *з*: образно 11—19; бообразно 10—23; бг҃оѡбразно 12п—8; бѣсоѡбразно 24п—17; огнеобразна 14—18; свѣтообразное 10—21; — после *л*: събезначално 23—6; свѣтилника 29п—25; — после *м*: гоумно 32п—2; оумно 1—6, 4п—7; 24—7; 24—19; 29—13; разоумно 17—17; — после *п*: коупно 28п—8, 18, 29п—16; 36п—23; 42п—18; коупномоудрьно 3п—21; — после *р*: вѣрни 33—22, 26; вѣрнии 6—6; 9п—5, 10; 23п—2; 33—18; 39—27; вѣрно 2—5+13 р.; вѣрныѧ 21п—18; 45п—9; вѣрнѣ 1—6; мирна 21—5; — после *с*: бл҃гасну 10—24; съгласно 5п—15; 19п—14, 47п—3; десноую 29п—1; колесница 47п—20; красна 28—18; 44п—6; 47—27; краснаго 21—12; краснаѧ 44—21; краснаѧ 32—29; красноую 26—18; красныи 28—19; краснѣи 35—24; ложесна 34п—27; ложеснѣхъ 15—10; присна 5—22; приснаѧ 5—3; присно 2п—2+18 раз; прѣсловьсно 26—22; ужасно 15—7; оумѣсни 14—23; ложеснъ 10п—18; — после *ч*: вѣчно 21—20; различно 45—29.

Второй писец. После *с*: десныѧ 51п—23; присно 51п—8; присноднаѧ 50—22; ѧснѣе 52—11.

После группы букв согласных только один случай без *ь*: дължноуеть 32—26 (первый писец).

Как показывает материал, суффикс *ьн* последовательно употребляется с буквой *ь*, написание которой этимологически выдержано. Исключение составляет лишь грѣховъныѧ 36—24. Наиболее упорно *ь* пишется после группы букв согласных. Случаи без *ь* наблюдаются в основном у первого писца в написании суффикса после одного согласного.

При этом между буквами двух тождественных согласных *н—н* и сходных по месту образования согласных *т—н* буква *ь* употребляется наиболее постоянно. Нужно сказать, что написание *ньн* характерно и для более поздних рукописей XIII и далее столетий, где *ь* играет обычно роль графического разделителя букв двух однородных согласных.

Таблица 2

После согласных	Количество случаев				Количество слов				Написания без ъ после согласного в процентах от общего количества случаев		Написания без ъ после согласного в процентах от общего количества слов	
	с ъ		без ъ		с ъ		без ъ					
	первый писец	второй писец	первый писец	второй писец	первый писец	второй писец	первый писец	второй писец	первый писец	второй писец	первый писец	второй писец
с	39	5	42	4	8	3	9	3	52	44	53	50
з	6	1	6	—	2	1	1	—	50	—	33	—
р	39	6	26	—	6	3	2	—	40	—	25	—
п	10	1	6	—	3	1	1	—	38	—	25	—
ж	16	2	4	—	7	2	3	—	20	—	30	—
м	31	—	7	—	3	—	2	—	18	—	33	—
д	48	11	5	—	21	7	3	—	10	—	13	—
б	12	1	1	—	7	1	1	—	8	—	13	—
л	57	4	2	—	18	2	2	—	3	—	10	—
ч	60	2	2	—	12	2	2	—	3	—	14	—
в	128	6	1	—	16	3	1	—	0.7	—	4	—
т	31	4	—	—	11	3	—	—	—	—	—	—
н	113	7	—	—	25	7	—	—	—	—	—	—
ш	24	2	—	—	7	2	—	—	—	—	—	—
щ	14	1	—	—	7	1	—	—	—	—	—	—
Итого .	628	53	102	4	153	38	27	3	14	7	15	7

В положении после букв других согласных тенденция к написанию суффикса без буквы *ъ* более ощутима и достаточно сильна[39]: 14% случаев без *ъ* от общего количества написаний с суффиксом *ьн* у первого писца и 7% — у второго. Количество случаев без *ъ* значительно сократится, если учесть, что многие слова повторяются. Но даже если слова одного корня считать за один случай и подсчет вести по количеству слов, процент написаний без буквы *ъ* от общего количества слов будет так же высок: 15% у первого писца, 7% — у второго. Это хорошо видно из таблицы, приводимой ниже, где вторая колонка учитывает не общее количество случаев, а количество слов.

Последовательное написание буквы *ъ* в суффиксе *ьн* свидетельствует о наличии гласного, обозначенного этой буквой; написания без буквы этимологически слабого „ъ", довольно многочисленные для рукописи конца XI — начала XII вв., не служат опровержением этого предположения. Они могут свидетельствовать лишь о начавшемся процессе падения слабых редуцированных. Материал показывает, что звуками, наиболее упорно удерживающими редуцированный, являются [в], [ш] и [щ], так как после букв, обозначающих эти звуки, постоянно пишется буква *ъ*.

[39] Как уже отмечалось, подсчет в этом и других разделах статьи для большей наглядности часто производим, во-первых, по общему количеству встретившихся случаев употребления или пропуска буквы этимологического редуцированного суффиксов; во-вторых, по количеству слов одного корня, в написании которых употреблена или опущена буква этимологического редуцированного суффикса. Слова, сокращенные титлами, приводятся, но не учитываются.

Редуцированный гласный в суффиксе *ъск*

Во всех случаях суффикс *ъск* пишется с буквой этимологически слабого редуцированного „ь". Рассмотрим написания с буквой *ъ* после буквы согласного.

Первый писец. После *в*: бѣсовьскоѥ 23—2; бѣсовьскомоу 4—2; — после *ж*: моужьскою 40—6; моужьскы 5—8; 29п—15; 36п—5; 44п—20; моужьскыихъ 21—19; — после *л*: англьстѣмь 22п—20; идольскаго 1п—12; идольскаѧ 6п—16; идольскоѥ 7—10; 27п—11; идольскоую 3п—19; 26п—5; идольскыѧ 39п—16; ильскоую 24п—8 (идольскую); — после *м*: пслъмьскы 33п—23; — после *н*: женьское 6—14; женьскоую 4п—1; женьскыимь 34п—16; иорданьскыѧ 16п—5; — после *р*: варварьскы 27—16; мирьскаѧ 32п—26; мирьскоую 27—20; — после *т*: плътьскаго 18п—3; плътьскаѧ 17п—16; плътьскыи 6—3; плътьскыихъ 35п—8; плътьскыѧ 25п—20; 28п—28; — после *ф*: фило(с)фьскы 12п—12; — после *ч*: всѧчьскыимъ 15—24, всѧчьскыими 13—6; моусичьскыим 5п—5 (мусикиискым); мчничьскоу 37—18; мчничьскыими 35п—9; мчничьскыми 28—15; мчничьскыхъ 27—19; очьское 38п—10; 39п—6; wтчьскыи 29—4; праздьничьскоумоу 39—3; страстьничьскы 6п—12, страстьничьскыми 43—17; члчьскоу 45—2; — после *ш*: жношьскы 28п—27, 29п—15, 40—4.

Второй писец. После *р*: мирьское 50—10; — после *ч*: всѧчьскаѧ 50—18; еретичьскыѧ 46—3; — после *л*: апль(ско) 46п—2.

После группы букв согласных также пишется *ь*: невѣстьскы 26—4 (первый писец).

Постоянное написание суффикса *ъск* с буквой этимологического редуцированного *ъ* свидетельствует о наличии в суффиксе *ъск* редуцированного гласного (об этом суффиксе см. также раздел: „Редуцированный гласный в суффиксе *ъств*").

Редуцированный гласный в суффиксе *ъств*

Рассмотрим написания с буквой этимологического редуцированного в суффиксе.

После буквы согласного.

Первый писец. После *в*: дѣвьствьнаѧ 16—23; неистовьствоу 40—3; нечювьствоующиимъ 25—7; двьствьныимь 12—7; двьствоующихъ 32п—26; двьствьныимъ 43—17; — после *д*: неплодьства 33п—3; неплодьство 33—13; родьство 24п—14; посѣдьствоующихъ 45—15; после *ж*: множьствоу 28—22; моужьствоу 7п—2; божьствьныимь 20п—15; — после *л*: гоубительство 24—20; всегоубительство 16—14, рачительству 45—11; мчтльства 42—16; мчтльствоу 40—2; — после *н*: безаконьствоующимъ 36п—4; безаконьствоующихъ 7—18; единьствоу 47—18; пьрвѣньства 49—10; таиньствию 25—3; таиньству 27—24; — после *р*: невѣрьствиемь 37п—1; невѣрьствиѧ 24п—11, коварьство 3—2; — после *т*: богатьство 39п—12; бгатьствиемь 20п—22; бгатьство 2п—10; 11п—2; 23—15; батьство 10—8; соуетьства 42п—14; — после *ч*: величьствию 14—9; еритичьство 24п—17; очьствиѧ 23п—14; пррчьствоуеши 17п—19; члчьствомь 29—18; — после *ш*: шьствие 16п—4, 8; шьствии 33—17; шьствиѧ 17—10; 36—27, 28; 41п—11; шьствова 15п—21; 23—8; шьствоваста 17—8; шьствоуете 37п—27; пришьствиѧ 13п—24; прѣшьствова 39п—11; — после *щ*: соущьство 22п—5; соущьствомь 47—18; послоущьствуеть 30п—4; соущьствьноу 3п—8.

Второй писец. После *ж*: безбожьства 45п—22; моужьствомь 47—5; — после *н*: воиньствы 50—19; — после *т*: батьство 49п—11, 51п—5; соуетьства 46п—4; — после *ш*: шьствиѧ 47—11, 15, пришьствие 46п—28; пришьство 50—4 (ришествова); праздьньствьныи 52—17.

После группы букв согласных.

Первый писец. После группы букв согласных, оканчивающейся на *л*: добльствомь 2—4; — оканчивающейся на *р*: моудрьствомь 6п—4; моудрьствоующа 37—16; — оканчивающейся на *т*: властьствьно 30п—20; естьства 7п—8+6 раз; естьство 4п—20+10 р.; естьствомь 20п—8; 47п—28; естьству 45—2; съвѣстьствующѥ 30п—20; ѥстьствьныихъ 27п—14; 7п—5; прѣестьствьно 7п—6.

Второй писец. После группы букв согласных, оканчивающейся на *т*: естьства 46п—23; естьствѣ 46п—8.

Наряду со случаями употребления буквы этимологического редуцированного в суффиксе *ьств* в исследуемой нами рукописи после буквы согласного *ж* встречаются у первого писца написания без буквы *ь*: божьствьное 12—4; множства 38п—26; множство 24—3; прѣмножствомь 19п—8; моужство 29п—26; ржствѣ 32п—27; трьжству 39—2.

Таким образом, материал показывает, что суффикс почти постоянно пишется с буквой *ь*. Употребление последней, за исключением одного случая: ликъствоуета 31п—22, этимологически верно. Написания без *ь* встречаются лишь в первой части рукописи. Преобладание написаний с буквой этимологического „ь“ говорит о наличии редуцированного в суффиксе. Позднейшие рукописи, уже широко отразившие процесс падения слабых редуцированных, используют для обозначения суффиксов *ьств* и *ьск* те же буквенные сочетания, что и рукописи XI—XII вв.: *ьств* и *ьск*. Причина написания *ь* кроется, очевидно, в живом произношении. Вполне вероятно, что суффиксы *ьств* и *ьск* удерживали редуцированный дольше, чем остальные, но звучал он, по всей вероятности, очень слабо. Объяснить это можно тем, что редуцированный заканчивал собою отдельный слог, предшествующий группе согласных.

Редуцированный гласный в суффиксе *ъц*

Рассмотрим употребление буквы этимологического редуцированного в суффиксе *ъц*.

После буквы согласного.

Первый писец. После *б*: праздьнолюбьци 2п—16; 39—3; — после *в*: живодавьца 20—9; живодавьцу 23—23; жизнодавьца 19—2; жизнодавьцу 16—16; зако(н)давьца 32—24; овьча 41п—31; ѡвьчати 37—28; пѣвьца 7—15; 29п—5; свѣ(то)давьць 18—25; бословьць 17п—6; златословьць 35—7; — после *д*: бовидьци 43—7; самовидьца 19—5; самовидьци 41—7; провидьче 13п—5; блгъвидьць 4п—11; бовидьць 16п—14; са(мо)видьць 17п—13; — после *л*: пьрвострадальць 42—2; страдальць 39—5; — после *н*: вѣньць 1п—19; вѣньца 24п—7; 36п—25; вѣньцемъ 43п—21; вѣньцемь 5п—7; 12—6; вѣньци 35—15; вѣньцу 29п—10; вѣньчавъ 25—20; вѣньчавъша 45—26; вѣньчавъше 44п—15; вѣньчаемъ 24—10; вѣ(нь)чала 39—26; вѣньчалъ 12—6; вѣньчание 43—14; вѣньчаса 5п—7; вѣньчатель 40—17; вѣньчающа 35—9; вѣньченосьна 43п—8; вѣньченосьнѣ 38—27; коньца 4—8; 23п—10, 45п—14; коньцу 40п—21; коньчанию 39—8; коньчати 36п—12; коньчасѧ 42—1, 22; коньчины 7п—2; кончинѣ 48п—23; сконьчавшесѧ 25—2; сконьчавъша 47п—2; съконьчавъшемъсѧ 24п—22; сконьчавъши 10—9; несконьчанѣи 33п—9; вѣньць 1п—19+9 р.;

коньць 40п—22, 42п—27, 44п—11; коньчьноую 33—5; 31п—3; бесконьчьнымъ 40п—23; — после *п*: коупьць 39п—5; — после *р*: старьцу 39п—21; старьчу 39п—20, творьца 27—6; великодарьць 38п—12; старьчь 39—17; творьць 47—26; — после *с*: плътьносьца 37—23; сьсьца 32—29; свѣтоносьць 10п—16; — после *ш*: мышьца 24п—21.

Второй писец. После *в*: живодавьца 51—16; после *д*: всевидьцю 51п—1; после *н*: коньцихъ 45п—20.

После группы букв согласных

Первый писец. После группы букв согласных, оканчивающейся на *н*: агньць 9—15; — оканчивающейся на *т*: льстьца 34п—15; мьртвьца 27—7, 39—9.

В нескольких словах в суффиксе *ьц* буква этимологического редуцированного не пишется.

После буквы согласного

Первый писец. После *н*: младенци 30п—27; — после *р*: ратоборца 29п—16; творца 15—24; 23—20; 32п—7; 36—22; творцу 1—19; 26п—7; 28—1; творча 44п—1; творць 1—2; 23—24.

Таким образом, суффикс *ьц* пишется без буквы этимологического редуцированного лишь в трех словах (12 случаях): в двух после буквы сонорного *р*, в одном — после *н*. В остальных случаях употребляется буква *ь*, что свидетельствует о наличии обозначенного этой буквой редуцированного гласного.

Редуцированный гласный в суффиксе *ьш*

Рассмотрим употребление буквы этимологического редуцированного в составе суффикса *ьш*.

После буквы согласного.

Первый писец. После *ж*: побѣжьше 25—24; побѣжьши 3—2; прѣдъложьшаго 32п—7; рожьшаго 4п—21; 11п—4; 30—5; рожьшасѧ 2—17; рожьши 8п—14; 9—22; 22—14; 25—4; 29—16; 31п—4; р(о)жьши 35—21; рожьшии 32п—26; рожьшимъ 26п—12; 32—2; рожьшу 40п—18; 44п—9; рожьшую 33п—4; рожьшюю 15—24; рожьшюѫ 32п—6; порожьши 32п—29; порожьшую 45—16; прирожьшекѧ 20п—10; рожьщюѫ 32п—6; слажьша 17п—4; — после *л*: прѣбольши 30п—13; прѣбольшюѫ 26п—4; въселькшисѧ 3—12; 13—9; исельша 21—17; — после *н*: оуединьшисѧ 12—12; съхраньшаго 30—18; — после *р*: пожьрьшумоусѧ 36п—3; створьшаго 14п—14; — после *ч*: получьши 22п—18; лоучьшаѧ 23—19; лоучьше 43—1; лоучьши 35—1; лоучьшюѫ 44п—29; прѣлоучьшекъ 39п—8; оулоучьши 44—25; оброучьшисѧ 3п—16; въчлчьшагосѧ 12п—20; — после *ш*: вышьшю 22п—3; 29п—3, 29п—3; 32п—27; прѣвышьши 1—2; прѣвышьшю 32—16; оукрашьшисѧ 5п—11; раздроушьшу 43п—11; раздроушьше 48—9; раздрѣшьшисѧ 33п—3; после *щ*: въмѣщьше 43—1, 47п—1; въмѣщьши 32п—23; въмѣщьшимъ 15п—3; уневѣщьшисѧ 43п—4; въплъщьшасѧ 13—16; 29п—12; 44п—23; въплъщьшекѧ 12—13, въплъщьшумусѧ 44—27; просвѣщьшасѧ 29—2; просвѣщьше 47п—26; просвѣщьши 34—1; просвѣщьшисѧ 3п—5; очищьшаго 37п—15; въплъщь[ша]сѧ 4—19.

Второй писец. После *ж*: заблоужьшиимъ 47—1; — после *р*: озарьшааго 52п—3; — после *н*: оуклоньшамсѧ 47—15; — после *ш*: раздрѣщьше 46—23; — после *щ*: въплъщьшагосѧ 50п—20.

После группы букв согласных

Первый писец. После группы букв согласных, оканчивающейся на *в*: оуѧзвьшаго 35—19; — оканчивающейся на *л*: избавльшаго 33п—16;

възлюбльшаго 12п—17; възлубльши 34—22; възлюбльши 21—11; прилѣпльшисѧ 10п—11; обнобновльшемоу 14п—5; словльшаго 23—16; оставльша 29—12; оставльшаго 30п—21; оставльше 41п—6; приставльше 41—19; прѣставльша 31п—3; прѣставльша(г) 33п—9; ѧвльшаго 13—16; 19—14; ѧвльшоусѧ 13—3; ѧвлью 18—2; — оканчивающейся на *р*: постьноудобрьшисѧ 34п—12; — оканчивающейся на *ш*: съвьршьши 43п—12.

В нескольких словах в суффиксе *ьш* после буквы сонорного *р* буква этимологического редуцированного не пишется: варши 21—8; оумьрша(го) 28—4; 37п—4; 38п—5; оумьршаѧ 8п—15; оумьрши 10—22; умьршю 31—18; оумьршу 36п—24; створшаго 1—16; 42п—11 (первый писец).

Таким образом, материал показывает, что суффикс *ьш* последовательно употребляется с буквой этимологического „ь". Буква *ь* не пишется лишь в нескольких случаях после буквы *р* (первый писец). Такая последовательность в употреблении вероятнее всего говорит о наличии в суффиксе *ьск* в соответствии с буквой этимологического „ь" редуцированного гласного [ь].

Редуцированный гласный в суффиксе *ъш*

При написании слов с суффиксом *ъш* оба писца в большинстве случаев употребляют букву этимологического редуцированного „ъ".

После буквы согласного

Первый писец. После *б*: прозѧбъши 11—8, 32п—12; 33п—7; прозѧбъшиѧ 32п—13; — после *в*: разбогатѣвъша 11п—10; забывъши 6—14; бывъша 27—8; 31п—25; 39—25; бывъшаго 34—17; бывъше 41п—1, 11; 45п—8; 47п—20; бывъши 25п—22+6 р.; бывъшихъ 47п—2; бывъшу 29п—11; бывъшю 19п—18; 27п—3; събьравъшесѧ 4—11; побѣдивъша 29п—15; бжившисѧ 43п—18; обживъшаго 20—16; варївъши 37—8; видѣвъше 30—17; видѣвъши 19п—20; 20—14; 20п—18; подвизавъшисѧ 4—5; повиноувъшїї 10п—15; 10п—24; исповѣдавъше 37п—20; повѣдавъша 20—20; проповѣдавъше 47—19; проповѣдавъши 20—2; вѣньчавъша 45—26; вѣньчавъше 44п—15; привѧзавъше 27—4; ѡбетъшавъша 28п—19; погасивъше 23п—4; оугасивъши 3п—19; погроузивъши 27п—20; подавъшу 14п—7; даровавъшаго 31—2; въздоивъшу 32п—1; въдхноувъшаго 45—25; въжелѣвъши 10п—6; 11—16, 26—23; [въ]желѣвъши 26—18; живъши 10—8; прѣживъши 3п—9; 45—4; прижившк 42п—27; безаконновавъша 13—22; зьдавъшаго 39—25; показавъшасѧ 29п—17; показавъшаѧ 31п—8; показавъше 44—11; пока(з)въша 25—22; пока(з)въшаго 26—17; закалавъшюмоусѧ 9п—7; приключивъшимъсѧ 43п—19; ковавъша 17—10; сконьчавъша 47п—2; съконьчавъшемъсѧ 24п—22; сконьчавъши 10—9; прикосноувъшусѧ 27п—4; украсивъшесѧ 36п—27; украсивъши 10—4; 43п—24; възлетѣвъши 27—5; изли(ѧ)въшихъсѧ 36п—26; низложивъши 12—21; низъложивъши 33п—19; ѡложивъши 20—18; оулоучивъши 43п—18; възлубивъша 29—9; възлубивъши 20п—13; 43—26; 45—9; възлубивъшю 38п—22; възлюбивъшаго 8п—20; възлюбивъши 10п—7; 12—15; 28—18; измывъшисѧ 21—8; мьнѣвъши 22—11; оумьртвивъша(г) 8п—7, умьртвивъшисѧ 11—11; измѣнивъши 26—13; възненавидѣвъша 28п—21; носивъшаго 7—9; въобразивъшаго 11п—19; прибощивъшюсѧ 19п—8; въплътивъши 28п—14; напоивъша 34—26; постивъшисѧ 11п—16; попьравъши 43п—16; сп(о)дбивъшю 28—20; въспѣвъша 23п—14; отъриновъше 12—18; родивъши 8—22, 12п—21; родивъшую 32—14; породивъши 27—9; 27п—15; въсиѧвъша 29—21; 30—25; 41п—25; просиѧвъше 30п—27; въсиѧвъшемоу 11—21; въсиѧвъшиимъ 42п—4;

въсивъшиѧ 15п—2 (восиѧвъшиѧ); сказавъша 6—20; слоуживъше 43—3; послоушавъша 42п—14; послѣдовавъши 10—10; съ приставивъшасѧ 31п—21; прѣставивъши 44—18; въставъшаго 22—11; прѣдъставъши 13—4; страдавъшаго 7—6; страдавъшю 43—22; пострадавъша 42—19; пострадавъшаго 22п—23; пострадавъши 6—14; стравъше 36п—16 (страдавше); посрамивъши 43п—25; пострамивъши 43—27; просвѣтивъша 30—25; просвѣтивъши 12п—14; 13—7; 43—18; остивъшаго 7п—22; сѣтѧжавъше 36п—19; сѣтѧжавъши 34п—20; оутаивъшисѧ 7п—5; търпѣвъши 25п—20; разоумѣвъше 27—24; разоумѣвъши 1п—6, 11п—9; научивъшесѧ 12п—11; научивъшисѧ 44—26; оучивъшксѧ 20—1; храбъровавъша 29п—15; процвѣтовавъшу 32п—13; идѣлѣвъ[ше] 3п—21; шьствовавъшю 23—8; оуѧзвивъшагосѧ 8—11; — после *г*: подвигъшасѧ 28п—27, ражьгъшусѧ 6п—4; възлегъшюѫ 21—21; непрѣгъшк 24п—19; — после *д*: съблудъши 34п—9; прободъшаго 8—23; възведъши 6—16, 26п—2; падъша 21п—9; пришьдъшаго 34—7; пришьдъше 20—19; прошьдъшумоу 21—6; прѣвъшьдъшюю 32п—21; съшьдъшаго 34п—23; 40п—8; съшьдъшесѧ 31п—23; 40п—28; ѧдъшую 40п—7; — после *к*: истекъши 23п—21; истекъшимъ 11п—19; — после *м*: приимъша 15п—9; 28п—9; 29п—18; приимъше 25п—1; приимъши 25—19; 25п—4; 32—18; приимъшую 40—29; въсприимъщ[и] 31—27; възьмъша 7—7; възьмъши 31—23; 31п—16; възьмъшиѧ 1п—7; възьмъщ[и] 6—15; — после *н*: зачьнъши 3п—9; 5п—18; 15—11, 22—14, 41—1; зачьнъшу 31п—11; зачьнъшюѫ 32—13; начьнъщи 3—22; распънъше 8—9; — после *с*: въскрьсъшаго 20—19; възнесъшаго 11п—21; понесъшее 32—28; понесъшюѫ 32—29; — после *т*: обрѣтъшюсѧ 7п—23.

Второй писец. После *в*: бывъша 50—20; бывъшее 46п—22; бывъши 51—14; бывъшии 46—12; видѣвъше 46—10; проповѣдавъше 46—23; съвѧзавъшаго 46п—10; съврьшивъше 45п—23; Wгънавъше 45п—15; обнищавъшоу 47—12; въсьѧвъши 46—10; насѣѧвъше 46—17; — после *д*: приведъшу 47—12; съшьдъшаа 51п—12; съшьдъшесѧ 45п—25; прѣшьдъ(ше) 46п—10; — после *к*: облъкъшасѧ 46—19.

После группы букв согласных также пишется *ъ*: Wвьргъши 27—3; 34—20 (первый писец).

Написания без буквы этимологического редуцированного в суффиксе *ъш* немногочисленны: — после *к*: истекше 1—10; текши 5—6; — после *н*: начьнши 26—21 (первый писец). Так как эти же слова встречаются в тексте исследуемой рукописи и в написании с буквой *ъ*, при этом в бо́льшем количестве, написания без *ъ* следует, по всей вероятности, отнести за счет каких-либо внешних причин, может быть, невнимательности писца. Но скорее всего они взяты непосредственно из протографа. Последовательное написание буквы *ъ* в составе суффикса должно свидетельствовать о звучании гласного, обозначенного этой буквой.

Редуцированный гла́сный в суффиксе *ък*

Оба писца при написании слов с суффиксом *ък* в большинстве случаев употребляют букву этимологического редуцированного в суффиксе.

После буквы согласного

Первый писец. После *д*: сладъка 41п—5; сладъкаго 21п—2; 27—11; сладъко 9п—4; 27—19; сла(дъ)кооуханьноу 43п—14; сладъкыихъ 44п—2; послѣдъкъ 16—9; — после *з*: оузъко 17—9; оузък[о]е 14—21; оузъкыи 44п—25; оузъцѣи 17—8; — после *н*: останъкы 14п—17; тѣнъцѣмь 13п—23; — после *п*: крѣпъкаго 7п—21; крѣпъко 4п—16; 39п—28; 40—4; 45—25; крѣпъкою 36п—4; крѣпъкоу 43п—10; крѣпъкоую 12—3;

крѣпъкымъ 2—4; крѣпъкъмь 11п—10; крѣпъцѣи 32п—15; шипъкъ 27—20; — после *т*: кротъко 16—3; съвит[ъ]къ 34—13; кротъкъ 15п—24.

Второй писец. После *к*: сладъкы 51—3; — после *п*: крѣпъко 51—19.

После группы букв согласных

Первый писец. После группы букв согласных, оканчивающейся на *з*: мьрзъкаѧ 1п—18; мьрзъкыѧ 15—22.

Написания без буквы этимологического редуцированного в суффиксе очень редки: крѣпко 25п—19; крѣпции 37п—9 (первый писец).

Таким образом, в суффиксе, за исключением двух случаев, последовательно пишется буква ъ. Написания без ъ, встречающиеся в одном и том же положении (в данном случае это положение после буквы глухого согласного [п]), не могут свидетельствовать о падении слабого редуцированного в суффиксе *ък*.

Редуцированный гласный в суффиксе *ък*

Употребление буквы этимологически слабого редуцированного в суффиксе *ък* для обоих писцов обязательно. Постоянство в написании буквы ь в суффиксе свидетельствует о наличии гласного, обозначенного этой буквой: тѫжька 47п—18; тѫжькаѧ 40—20; горькыихъ 7п—10; 24п—24 (первый писец); горькыи 49п—8 (второй писец).

Редуцированный гласный в суффиксе *ъд*

В исследуемой рукописи с этим суффиксом встретилось лишь слово *правьда* и производные от него. Суффикс пишется постоянно с буквой этимологического редуцированного, что объясняется, по всей вероятности, наличием в суффиксе гласного [ь].

Первый писец: правьдою 32п—19; оправьдании 21—11 (оправданиихъ); правьдьна 14п—19; неправьдьнаго 22—20; правьдьникъ 32п—22; правьдьнок 25п—16; 32—9; правьдьны 29—26; правьдьныи 13п—14; правьдьныхъ 48п—17; неправьдьно 30п—19.

Второй писец: правьдьнаго 46—10; правьдьныихъ 51—11; 51п—4.

Редуцированный гласный в суффиксе *ъб*

Слова с суффиксом *ьб* встречаются лишь у первого писца. Буква ь не пишется только в одном случае после буквы сонорного *л*: молбами 3п—1. В остальных, за исключением одного: целъбамъ 10—5, сохраняется этимологически верная постановка буквы ь, свидетельствующая о наличии редуцированного гласного в суффиксе.

Первый писец. После *ж*: слоужьбоу 9—9; — после *л*: цѣльбамъ 8п—8; 25п—12, 27п—11; 38—17; 38п—8; 40п—29; цѣльбоу 8—21.

Редуцированный гласный в суффиксе *ъв*

В обеих частях рукописи встретилось лишь одно слово с суффиксом *ъв* — любъвь. В двадцати четырех случаях редуцированный в суффиксе находился в сильной позиции, в двенадцати — в слабой. Написание буквы ъ для писцов обязательно. Оно этимологически выдержано и свидетельствует о наличии [ъ] в суффиксе.

Первый писец: любъве 3—7; ѥп—7; 22—19; 27—14; 44—16; любъви 7п—15; лубъве 24—4; 38п—1; 43п—14; 44п—1; лубъви 10п—11; лубъвь 48п—15; любъвь 30п—21; лубъвьна 40п—25; любъвьноумоу

44—19; любъвьноую 45—11; любъвию 35—18; лубъвию 44—17; лубъвью 37—20; любъвию 8п—20+14 раз.

Второй писец: любъве 50п—15; любъвь 51п—19; лоубъвью 49п—14.

Редуцированный гласный в суффиксе *ъл*

Как показывает материал, суффикс *ъл* пишется без буквы *ъ* в трех случаях, когда этимологический редуцированный суффикса находился в сильной и в 45 случаях — в слабой позиции.

После буквы согласного

Первый писец: свѣтлни 48—5; свѣтло 2п—16; 6—15; 22п—10; 36—11; 36п—27; 38п—18; свѣтлое 21п—16; 37п—13; свѣтломь 10п—3; свѣтлость 38п—10, 14; свѣтлостьми 26—7+7р; свѣтлостью 18—23; 29—20; 39—23; свѣтлоу 10—23; 17—4; 26—5; 31п—6; свѣтлоую 18п—10; свѣтлыи 13—14; свѣтлыимѣ 24—16; 37п—24; свѣтлыимь 25—9; свѣтлыихъ 25п—1; свѣтлѣ 31—3; свѣтлѣе 19—23; свѣтлѣ(и)ши 4—16; присвѣтлѣише 33п—10; прѣсвѣтло 26—20; прѣсвѣтлоу 6п—22; прѣсвѣтлыи 13—9, трьсвѣтлою 12п—14; трьсвѣтлоую 40—29; свѣтлъ 5—21, 40п—18; присвѣтлъ 33п—25.

Лишь в трех случаях в сильной и в пяти в слабой позиции этимологического редуцированного, после буквы согласного *т*, писцы употребляют букву *ъ*.

Первый писец: запечатьлѣноу 17—5; свѣтьлоу 12—19, свѣтьлоую 34—13; свѣтьлыи 41п—2; свѣтьлъ 2—6, 22—4, 49—8.

Второй писец: свѣтьлыи 52—10.

Редуцированный гласный в суффиксе *ъх*

Суффикс *ъх* встречается в первой части рукописи лишь в трех случаях, при этом писец последовательно употребляет букву этимологически слабого редуцированного „ъ“: ветъхаго 20п—23; 34п—15; wбетъшавъша 28п—19.

Редуцированный гласный в частице *жьд*

Частица *жьд* в исследуемой нами рукописи встречается лишь в одном слове, в котором этимологический редуцированный находился в слабой позиции и на письме не отмечен: комоуждо 14—11. В других рукописях периода XI—XII вв. эта частица нередко встречается также без буквы *ь*. Вполне возможно, что подобное написание идет от произносительной нормы писцов, так как в *жьд* имелись самые благоприятные условия для падения редуцированного. Частица носила энклитический характер, т. е. не имела собственного ударения. А как мы знаем, редуцированный в таких условиях, исчезал довольно рано. Кроме того, в *жьд* он всегда находился в слабой позиции. Таким образом, отсутствовала поддержка со стороны форм с сильным редуцированным, что также способствовало скорейшему исчезновению [ь] в речи.

* * *

Как видно из приведенного выше материала (см. также помещенную ниже таблицу), написания суффиксов без букв *ъ*, *ь* достаточно многочисленны для рукописи конца XI — начала XII вв. Нужно, однако, сказать, что основная масса написаний без букв *ъ*, *ь* в соответствии с этимологическим редуцированным наблюдается, во-первых, среди слов,

Таблица 3

Суффиксы	Количество написаний без ъ и ь							Количество слов без ъ и ь						
	после букв:							после букв:						
	ж	к	л	н	п	р	т	ж	к	л	н	п	р	т
ьств . . .	7	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—
ьц	—	—	—	1	—	11	—	—	—	—	1	—	2	—
ьш	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	3	—
ъш	—	2	—	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
ьб	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
ьл	—	—	—	—	—	—	45	—	—	—	—	—	—	1
ък	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Итого . . .				80							16			

встречающихся в тексте исследуемой рукописи в единичном употреблении, во-вторых, среди слов, употребляемых довольно часто, но так же часто встречающихся в большинстве древнерусских рукописей в написании без букв ъ, ь. Это слова: *оумовр҃дно, пожнемъ, прилѣжно, оупражнѧѣсѧ, свѣтилника, гоумно, коупно, десноую, колесница, ложесна, присна, ужасно, оумьни, ржтвѣ, трьжтвоу, младенци, ратоборца, варши, оумьршаѧ, молбами*. Большинство же слов в данной рукописи постоянно употребляется с буквами ъ и ь, написание которых этимологически выдержано. Поэтому случаи без ъ и ь еще не свидетельствуют об активном процессе падения слабых редуцированных [ъ] и [ь]. В этом возможно усмотреть влияние протографа не без определенного, конечно, воздействия на орфографию со стороны разговорного языка.

СОЧЕТАНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ С ПЛАВНЫМИ МЕЖДУ СОГЛАСНЫМИ

Славянская фонетическая система знала два ряда сочетаний редуцированного с плавным между согласными:

1. [ъ], [ь] + плавный (**tъrt, *tьrt, *tъlt, *tьlt*);
2. плавный + [ъ], [ь] (**trъt, *trьt, *tlъt, *tlьt*).

Редуцированные гласные в этих сочетаниях имели особую судьбу.

СОЧЕТАНИЯ РЕДУЦИРОВАННОГО С ПОСЛЕДУЮЩИМ ПЛАВНЫМ МЕЖДУ СОГЛАСНЫМИ ТИПА **tъrt ...*

Судьба редуцированного в сочетаниях типа **tъrt ...* в различных славянских языках не одинакова. Результаты его развития столь многообразны, что на основе их трудно установить исходную форму. История этого вопроса знает много решений. В наше время вслед за Ф. Ф. Фортунатовым принято считать, что формой, наиболее полно объясняющей всю совокупность сложных фонетических явлений, связанных с развитием сочетаний типа **tъrt ...*, является общеславянское **tr̥t*, где носителями слога являются плавные, а редуцированные гласные — неслоговые.

Остановимся на изменениях, которым подвергалось общеславянское **tr̥t* на русской почве, где его развитие, как считает В. Н. Сидоров,

идет по пути превращения сочетаний из односложного в двусложное. В. Н. Сидоров пишет, что в XI в. тенденция к открытости слога еще не завершила преобразования закрытых слогов в открытые, но уже распространила свое действие на сочетания типа *tъrt, которые из односложных превратились в двусложные: *tъ|rt|ta*[40]. Сочетания типа *tъrt... обладают двумя отличительными чертами, свойственными только им: во-первых, слог, который они образуют, в разные периоды исторического развития никогда не утрачивался, т. е. он никогда не примыкал к соседним слогам; во-вторых, сочетание „ръ", входящее в этот слог, никогда не теряло слоговости. Позднейшая утрата плавными слоговости, а может быть и долготы, является условием сохранения и усиления редуцированных, которые, будучи в связи с этим постоянно в сильной позиции, изменяются впоследствии как „ъ", „ь" сильные.

В исследуемой рукописи сочетания рассматриваемого типа встретились в следующих случаях.

Сочетания редуцированного ъ с последующим плавным между согласными

Первый писец: гърдаго 4п—9; 43п—11; гърдо 2п—21; гърдыню 4п—10; гърдо(с) 12—21; гърлица 27—6; гърлицѣ 35—24; скърби 8—18; 36п—20; скърбии 37—24; скърбщиимъ 40п—31 (скорбѧщю); накърми 23п—15; прѣтърже 3п—10; прѣтъргни 6—10; тържство 2п—16; тържствоуем || 30п—12.

Второй писец: скръби 51—1; оскрълѧющаго 51п—11.

Первый писец: съвълкъши 33—13; вълноующихъсѧ 27п—22; вълноующусѧ 27п—18; вълнѧщюсѧ 7—22; дълго 17—21; дългота 44п—6; прѣдългыи 15п—21; дълга 35п—22; дългъ 5п—18; дължноуеть 32—26; безмълвьноую 21—5; немълчьно 29—16; прѣмълкноуть 24п—16; извълкъ 24—7; обълкыисѧ 34п—16; обълкъ 6п—9; обълкъсѧ 18п—24; 39—13; 40—4; объ(л)късѧ 7—8; обълчена 12п—10; пълкы 6п—17; Wпълчение 12п—7; стопълкъ 29—24; испълнена 3—18; испълни 14—6; испълнь 8п—2; стълпъ 3п—13; 25—6.

Второй писец: облъкъшасѧ 46—19; испълнь 50п—10; испълнилъ 49п—7; испълнитель 51п—22.

Сочетания редуцированного ь с последующим плавным между согласными.

Первый писец: въвьргоша 27—4; низъповьргълъ 7п—4; Wвьргла 27п—8; Wвьргъши 27—3; 34—20; повьргоша 30—10; Wвьрзи 14—23; Wвьрзоу 7—4; 10п—4; 31п—26; испровьрже 2—1; привь(р)весѧ 11п—15; вьртоградарѧ 22—11; вьртоградъ 5—2; вьрху 30—29; съвьршаема 29—17; съвьршающи 33—19; съвьршена 29—16; 47п—13; съвьршеное 12—15; съвьршеноу 34п—19; съвьрши 4п—1; 32—24; съвьршьши 43п—12; дьржаву 4—22; 7п—16; 29—11; дьржавьна 18—12; дьржавьна(ѧ) 28—9; дьржавьно 1п—14; 16—13; дьржащумоу 16—20; дьржимомъ 36п—11; дьржимоую 39п—20; оудьржа 14—5; удьржаниемь 34—9; 34п—18; 35—19; оудьржати 44—9; съдьржащаго 32—13; съдьржимъ 33—23; вседьржителеви 18п—8; 36—19; вседьржителевы 17п—4; вседьржителю 30п—10; вседьржит(е)лю 16—1; вседьржителѧ 11п—4; 18—6; 36—16; вседьржител 16п—18 (вседержителѧ); дьрзновение 45—23; дьрзновениемь 12п—3; 13—12; 32—8; дьрзновению 30—28; дьрзость 40—20; дьрзостью 40—21; жьртва 1—11; 1—12; 9п—6; 37—30; жьртвы 18п—19; 37п—10; жьртвоу 37—29; 39п—15; пожьрти 1—17; мьрзькаѧ 1п—18;

[40] В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI в. — „Труды ин-та языкознания АН СССР", т. II. М., 1953.

мьрзъкыѧ 15—22; мьртва 30—27; мьртвость 17п—21; мьртвыихъ 17п—22; мьртвьца 27—7; 39—9; оумьртви 8п—6; оумьртвивъша(г) 8п—7; умьртвивъши 11—11; оумьртвила 11п—12; 27п—24; съмьрть 19п—22; 28—5; 43—21; 45—8; съмьрти 15—3; 48п—2; съмьртьное 22—13; съмьртьною 44—23; 4Ɛп—5; съмьртьныихъ 10—17, съмьртныѧ 3п—10, бесъмьртьноу 10—14, бесъмьртьноу 44—23, бесъмьртью 12п—11, бесъмьртьѧ 8п—5, бесъмьртьнаго 22—13, бесъмьртьноумоу 12п—12, умьрщвевавъ 39п—1, оумьрщвена 39—10, 12; умьрщвениѥмь 12п—10; умьрщвению 33—13; ѫмьрщвеноу 45—2; умьрщвеноую 21—21; оумьрщвенъ 37п—1; оумьрщвенѣи 34п—6; оумьрщвии 22—24; оумьрщвлѣть 42—20; първаго 1—1; 20—15; първаѧ 20—17; първа 38п—2; първаѧ 20п—17; първо 47—23; първое 20—14; първомчкъ 29п—13; първостольникъ 41п—29; първострадальць 42—2; първоую 20п—13; първыѧ 4п—20; 42—16; първѣе 4п—10; 6—5; 30—14; 39—9; първѣньства 49—10, скьврны 10—15, 16, 18; скьврньна 4—13; 15—1Ɛ; скьврньно 10—7; бескьврньноу 10п—10; бескьврньноую 37—29; осквьрнѣлъ 48п—4; оскьврнити 11п—6; смьрдѧщаго 8п—10; твьрдо 31п—9; 43п—1; твьрдоу 11п—11; 32—20; 36п—23; твьрдыи 39—4; оутвьрди 1п—2; утвьрдитасѧ 34—9; оутвьржа(е)ми 11—9; оутвьржаѧ 25—6; оутвьрже 26п—1; оутвьржение 23п—9; 31—3; оутвьржен 36—15 (оутверженѣе); растьргни 12п—2; растьр(з)ѧкмоу 8—10; растьрзание 43—20; тьрзанияѧ 26—4; простьрлъ 38—23; тьрпѣвъ 42—10; тьрпѣла 44п—17; тьрпѣливьно 34п—4; тьрпѣлъ 7п—11; тьрпѣниемь 2—4; 39п—28; тьрпѣрадоующи 34п—5; тьрпѧше 44—14; прѣтьрпѣ 39п—13; прѣтьрпѣвъ 47п—6; прѣтьрпѣвъ 40—5; тьрпѣвъши 25п—20; 43п—1; прѣтьрпѣла 4—6; 5—8; 26п—9; прѣтьрпѣлъ 17—21; прѣтьрпѣние 44п—29, прѣтьрпѣниемь 5—7; прѣтьрпѣсте 35—3; очьрвленоу; 26—5; чьрмьноу 41—27; 43п—20; очьрниша 23п—23; чьртогъ 2—6; 5п—9; 12—8; 13—9; 33п—25; 43—21; чьртога 34—11; 34п—7; чьртогоу 43п—7; чьртозѣ 28—20; чьртозѣхъ 23—21; чьртог[ъ] 5—20.

Второй писец: съврьшивъше 45п—23; ѫдрьжание 50—10; одрьжанїѧ 51п—11; дрьзновениѧ 50п—15; прьвовѣрьныи 50—6; прьвозьданаго 46п—24; нескврьньно 50—8; ѫтврьжаѧ 47—7.

В двух случаях второй писец отклоняется от этимологии в написании сочетания типа **tьrt*: почрѣпающе 45п—19, чрѣтогъ 52—11.

У первого писца находим случаи отклонения в написании сочетаний редуцированного с последующими плавными между согласными в сторону старославянской орфографии: трьжству 39—2, облъчена 4п—7; плъкы 35п—15; плъна 48—11; исплъни 20п—4; 41п—17; исплъни 42п—25; исплънена 20п—5; исплънена 42—24; исплънение 35п—20; 4Ɛп—10; исплъненияѧ 48—14; исплънитель 41—24; исплънь 8—14; 18п—6; 41—14; исплънѧема 32п—10; исплън 35—6 (исполни); ѿврьзе 33—15; дрьжитьсѧ 40—23; неск(в)рньна 5—1; неск(в)рньное 24п—1; съмрьть 22п—1; съмрьтьнаго 8п—12; бесъмрьтьныи 45—3; бесъмрьт(ь)ѧ 40п—18; прѣтрьпѣваѧ 39п—28; прѣтрьпѣла 45—14.

Таким образом, сочетания типа **tьrt* ... обозначаются писцами различно: первый писец предпочитает чисто русское обозначение (согласно этимологии и древнерусскому произношению): *гърдо, дълго, жьртва*; второй писец — старославянское: с буквой редуцированного после *р, л*. Написания без *ъ, ь* или мена букв *ѣ* и *ь* не наблюдаются.

Единичное написание в виде *трьжству* 39—2 также не отражает реального звучания основы. Мена букв (*ъ* > *ь*) вызвана, вероятнее всего, влиянием опущенной на письме буквы *ь*, которая в положении после *ж* в суффиксе *ьств* нередко не пишется. Писец мог механически перенести ее на место буквы *ъ*. Кроме того, в таком же написании это слово встречается и в других древнерусских рукописях. Отсутствие написаний без букв этимологических редуцированных и взаимной мены

ъ, ь свидетельствует о сохранении в живой фонетике языка в сочетаниях типа **tьrt*... звучания редуцированного гласного. Но указывая на то, что в написании этих сочетаний первым писцом нашла отражение фонетика живой речи, нужно иметь в виду возможность влияния на написание сочетаний протографа исследуемой рукописи. Имея его постоянно перед глазами, писцы или вынуждены были с ним считаться, или могли машинально копировать отдельные слова и строки. Влиянием протографа можно объяснить случаи немногочисленных отступлений от господствующего типа написаний; но их слишком мало, чтобы иметь возможность предположить произношение иное, чем *гърдо, дълго, жьртва*.

Преобладающее число написаний редуцированных перед плавными свидетельствует о сохранении исконного порядка гласного и плавного согласного в сочетаниях типа **tьrt*... .

Сочетания плавного с последующим редуцированным между согласными типа **trъt*...

Редуцированные согласные в сочетаниях этого типа во всех славянских языках разделили общую судьбу в том отношении, что в положении под ударением и перед слогом со слабым редуцированным, будучи в сильном положении, они прояснились в гласные полного образования. В слабом положении, подчиняясь общей закономерности, они исчезли. Затем произошло различного рода обобщение основ. В одних языках обобщалась основа с *r*, *l* (в сербском *l* > *u*), а в других, в частности в древнерусском языке, возобладали формы с результатами этимологически сильных редуцированных. Появление в древнерусском языке в соответствии со слабыми редуцированными звуков [о], [е] в редких случаях результат фонетического процесса, в основном это влияние аналогии. Что касается формы исходного сочетания, вероятнее всего это была форма **trъt*, где носителем слога являлся редуцированный, а плавные представляли собою обычные согласные.

Ниже приводим написания отдельных разновидностей сочетаний плавного с последующим редуцированным типа **trъt*... Ввиду неразличения на письме сильного и слабого положений, материал нами объединяется.

Сочетания плавного с последующим редуцированным ъ между согласными.

Первый писец: брѣви 35—20, крѣве 4п—4, 20п—22, 24—22, 26—5, 30—11, 35—21, 36п—13; съкрѣвеныихъ 47п—9, крѣви 3п—18, 23п—21, 27п—10; 43п—6; крѣвии 36п—26; крѣвию 6—1; 37п—23; крѣвьми 8—4; 23п—13; крѣвь 25п—8; 29—28; крѣвьныимь 2—20; стрѣганиѧ 26п—8.

Второй писец: грѣзны 51—7; грѣзновие 46п—20; крѣвии 52—3.

Первый писец: плъти 16п—1; 24п—19; 26—3; 27—1; 37п—9; 43—20; 44—12; 48п—5; въплътивъши 28п—14; въплътила 14п—22; въплътимъ 47—28; въплъщева 16п—17; въплъщена 34—22; въплъщениѧ 16—24; въплъщено 20п—21; въплъщеноумоу 33п—26; плъть 10п—15; 16п—21; 33п—19; плътию 2—17; 3п—9; 7п—3; 16—9; 26—21; 42—19; 44—23; 47п—10; плътьскаго 18п—3; плътьскаѧ 17п—16; плътьскыи 6—3; плътьскыихъ 35п—8; плътьскыѧ 25п—20; 28п—28; бесплътнаго 7п—3; бесплътныи 40п—3; бесплътныими 32п—9; бесплътныимь 32п—9; бесплътныихъ 28—21; 42—26; 43—10; въплъплъщена 35—21; плътьносьца 37—23; плътьны 34—9; въплъщьисѧ 24—13; въплъщьшеѥсѧ 12—13; въплъщьщасѧ 13—16; 29п—12; 44п—23; въплъщьшумусѧ 44—27; въплъщь[ша]сѧ 4—19; [плъ]ть 3п—22.

Второй писец: плъть 46—18; плътьскоую 51—16; плътью 47—15; въплъщаемъ 46п—7; въплъщение 46—23; въплъщьшагосѧ 50п—20.

СОЧЕТАНИЯ ПЛАВНОГО С ПОСЛЕДУЮЩИМ РЕДУЦИРОВАННЫМ *ь* МЕЖДУ СОГЛАСНЫМИ

Первый писец: въскрьсение 20—14; 20п—18; 21—10; крьста 3—3; крьстино 25п—22; въскрь(с)нѣе 17п—22; 20—10; стрьмление 22—13; хрьстина 25п—17; хрьстино 26—7, 12; 27—3; въскрьсѣшаго 20—19; крьстьною 44п—13.

Второй писец: въскрьсениемь 46п—3.

Первый писец: бльщащисѧ 28—16; сльзами 20—7; 21—8; 22—23; сльзы 5—13; сльз[а]щи 19п—21; облъщенъ 29—26.

Второй писец: избльвавъ 49п—8.

В написании слова плътьноую 34—19 первый писец отклоняется от этимологии. Первую букву *ь* в этом слове нельзя объяснить меной редуцированных. Здесь, по всей вероятности, описка или влияние протографа. Последнее возможно ввиду того, что в таком написании это слово встречается и в других древнерусских рукописях раннего периода.

Таким образом, оба писца не знают ни одного случая отступления от старославянского способа написания сочетаний плавного с последующим редуцированным между согласными типа *trъt....

Отсутствие букв *ъ* и *ь*, взаимная мена или постановка на их месте букв других гласных, что свидетельствовало бы о тех или иных фонетических процессах, не наблюдается. Это ни в коем случае нельзя объяснить влиянием протографа. Причину нужно искать в фактах живой речи, которая, очевидно, сохранила гласные, входящие в состав этих сочетаний.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ НА КОНЦЕ ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВ

На конце полнозначных слов оба писца последовательно употребляют буквы этимологических редуцированных гласных „*ъ*“ и „*ь*“. При этом строго выдерживается этимологический принцип написания. Редкие случаи отсутствия *ъ*, *ь* почти постоянно обусловлены какими-либо внешними обстоятельствами, не имеющими никакого отношения к фонетике. Подобные случаи имеют место во всех древнерусских и старославянских рукописях. Поэтому во избежание перегрузки статьи материалом не будем приводить относящиеся сюда примеры.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ НА КОНЦЕ ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВ В ПОЛОЖЕНИИ КОНЦА СТРОКИ

На конце полнозначных слов в положении конца строки оба писца последовательно употребляют буквы этимологических редуцированных гласных „*ъ*“ и „*ь*“. Такое оформление конца строки определяется общим правилом завершения ее какой-либо буквой гласного. Этот графический прием явился следствием особой фонетической структуры слога. Слог был открытым, поэтому писцы с целью облегчения чтения старались целиком уместить его в пределах строки не разбивая. Это правило приводит к появлению написаний *олумь||пще* 34—4; *пань||тельимоне* 38—15, где *ь* этимологически не обоснован, и *бжь||ственыи* 25п—4, 40п—13, 42—13, 42п—17; *свѣть||лостию* 3—23, 31—19, где *ь*, с точки зрения этимологии, употреблен правильно, но написание слов нетипично. Во всех остальных случаях, приходящихся на начало или середину строки, эти же слова пишутся постоянно без буквы *ь*: *бжственыи*, *свѣтлостию*.

Единственной категорией слов, в написании которых допускается отступление от правила обязательного завершения строки буквой гласного, являются слова, содержащие в своем составе сочетания редуцированного с плавным между согласными. Первый писец, обозначающий эти сочетания в большинстве своем чисто по-русски, в случае переноса много раз заканчивает строку буквами сонорных *р* или *л*: бесъмьр||тьною 22—13, 12п—12; оумьр||щвии 22—24; пьр||вал 20п—17, 38п—2; нескврр||ньно 10—7; чьр||тогоу 43п—7; объл||кыисл 34п—16; извъл||къ 24—7.

У второго писца случаев отступления не находим, так как он использует старославянский способ обозначения сочетаний: съмрь||тоносьныихъ 51п—20 и др.

В написании слов в конце строки без букв ъ и ь писцы рассматриваемой Минеи не оригинальны. Во многих рукописях конца XI—начала XII вв. наблюдается аналогичная картина.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ НА КОНЦЕ ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВ ПЕРЕД СТРОЧНЫМ ЗНАКОМ :· з—

На конце полнозначных слов, завершающих смысловой отрывок, перед строчным знаком :· з—, часто не пишутся буквы этимологических редуцированных „ъ“ и „ь“. Но мы находим вполне вероятным, что редуцированные гласные в этом положении, несмотря на отсутствие букв ъ и ь, имелись, так как при написании этих же слов в начале или середине строки буквы ъ и ь постоянно употребляются: знаем :· з— 14п—23, ср. знаемъ 36—19; оц̄ :· з— 25—2, ср. оць̄ 24п—21, 25—5, 29п—25, 37—15; нам :· з— 25п—2, ср. намъ 3—3, 2п—9, 5п—16; всѧк :· з— 37п—18, ср. всѧкъ 6—3, 5п—19, 24—1 и т. д.

Кроме того, возможность такого написания нужно рассматривать как разновидность правила, позволяющего писцам исследуемой рукописи непосредственно перед строчным знаком :· з— опускать конечные буквы слов.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВАХ, В ЗАГЛАВИЯХ

Несмотря на соблазнительную мысль, что писец, хорошо зная содержание заглавий молитв, писал их по памяти, откуда возможность более частых отступлений в сторону фонетики живой речи, нужно сказать, что написание без ъ и ь и в данном случае не свидетельствует об утрате обозначенных этими буквами редуцированных гласных. Оба писца придерживаются очень оригинального способа написания слов в заглавиях: они часто не пишут не только отдельные буквы, будь то буквы редуцированных гласных или буквы, обозначающие гласные полного образования, но и целые слоги, например: хвал :· з— 9—11 (прехвалне); просл :· з— 9—24 (прославлѧю); недоуг :· з— 9п—1 (недоугом); прѣславьн :· з— 19п—16; (преславное); до :· з— 18п—11 (дошедъ) и т. д. Иногда от слова сохраняется лишь одна буква, остальные опущены, например: нб(с)нымъ ч :· з—. При этом писцы не руководствовались определенным правилом: в разных заглавиях принцип написания одного и того же слова различен. Поэтому можно говорить лишь о правиле обязательного сокращения многих слов, входящих в состав заглавий. Сокращение тех или иных слов в заглавии строго обязательно, даже если в строке достаточно места для написания их полностью. Все

это говорит о том, что написание полнозначных слов в заглавиях дней и молитв перед строчным знаком :·З·— без букв ъ и ь вызвано отнюдь не фонетическими изменениями в звуковом составе слова.

Общий анализ написания букв редуцированных гласных в исследуемой нами июльской служебной Минее дает возможность сделать некоторые выводы относительно орфографических и фонетических норм в период, когда рукопись была написана, а на основании полученных данных уточнить, насколько позволит материал, временны́е рамки этого периода.

Состав рукописи, данные палеографии и графики дают возможность судить об исследуемой нами июльской служебной Минее как о памятнике конца XI—начала XII вв. Анализ написания букв ъ и ь подкрепляет это предположение, поскольку с точки зрения орфографии наша рукопись ничем не отличается от ряда рукописей XI—XII вв., которые, по мнению Н. Н. Дурново, по характеру употребления в них ъ и ь можно разбить на несколько больших групп. Н. Н. Дурново писал, что в Остромировом евангелии[2] буквы ъ и ь почти не пропускаются даже в основах, наиболее часто встречающихся в остальных рукописях с пропуском ъ и ь; Туровские евангельские листки, слова Кирилла Иерусалимского XI в., Синайский Патерик, Архангельское евангелие[1], Кирилловская часть Реймского евангелия, Успенский сборник XII в.[2] и т. д. за немногим исключением пропускают ъ и ь только в основах, но не в приставках и суффиксах; близко к ним стоят Чудовская псалтырь, отрывок церковного Устава и Кондакарь Московской Типографской библиотеки № 142, служебная Минея за сентябрь 1095 г., Мстиславово евангелие, в которых ъ и ь в приставках сохраняются, а в суффиксах пропускаются очень редко; служебная Минея за октябрь месяц 1096 г., служебная Минея за ноябрь 1097 г., Устав Патриаршей библиотеки № 330 XII в. пропускают ъ и ь и в основах и в суффиксах, но не в приставках; Изборник Святослава 1073 г.[1], Изборник Святослава 1073 г.[2], Архангельское евангелие[2], Успенский сборник XII в. пропускают ъ и ь, кроме того, и в приставках, но пропуск ъ и ь в приставках и суффиксах сравнительно редок. В XIII словах Григория Богослова XI в. пропуск ъ и ь вообще редок; этот пропуск в приставках и суффиксах не реже, чем в основах; в Пандектах Антиоха XI в. пропуск ъ и ь в суффиксах значительно чаще, чем в основах и приставках[41] и т. д.

Оба писца исследуемой рукописи очень последовательно употребляют на письме буквы ъ и ь в соответствии с сильными и слабыми этимологическими редуцированными „ъ“ и „ь“. Все случаи употребления ъ и ь, за исключением ликъствоуета 31п—22, грѣховъныѧ 36—24, цѣлъбамъ 10—5, которые в таком написании встречаются и в других древнерусских рукописях, этимологически оправданы. Такая последовательность в употреблении ъ и ь, очевидно, находится в прямой зависимости от норм фонетической системы, в которой в период написания рассматриваемой рукописи продолжают сохраняться редуцированные гласные как особые фонемы. Отсутствие взаимной мены букв ъ и ь свидетельствует о существовании в этот период двух самостоятельных редуцированных гласных переднего и заднего ряда.

В данной рукописи, как мы знаем, имеются написания без букв этимологически слабых редуцированных, что говорит о возможно начавшемся процессе падения слабых редуцированных гласных. Учитывая количество тех или иных морфем, употребленных без буквы этимологического редуцированного, мы можем расположить их в определен-

---

[41] Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI—XII вв. как памятники старославянского языка. „Јужнословенски филолог“, кн. V, 1924, Београд, стр. 111.

ном порядке: на первом месте стоят корни, в написании которых замечено наибольшее число случаев без ъ и ь, затем следует назвать суффиксы, предлоги, приставки и на последнем месте конец слова. Таким образом, исследуемая рукопись по характеру употребления в ней букв ъ и ь ближе всего стоит к древнерусским рукописям XI—XII вв., которые отнесены Н. Н. Дурново к четвертой группе: служебная Минея за октябрь месяц 1096 г., служебная Минея за ноябрь месяц 1097 г., Устав Патриаршей библиотеки № 330 XII в. Но цифровые данные, позволяющие включить исследуемую Минею в группу рукописей, перечисленных выше, нельзя ставить во главу угла при решении вопроса о последовательности падения слабых редуцированных в отдельных частях слова. Бо̀льшее постоянство в написании предлогов и приставок может быть обязано не живому произношению, а тому, что к их правописанию, благодаря более частому использованию в тексте, привыкнуть намного легче, чем к правописанию корней. Но, принимая во внимание даже это обстоятельство, нужно сказать, что материал целого ряда древнерусских рукописей конца XI—начала XII вв. и рукописи, исследуемой нами, скорее всего свидетельствует о том, что процесс падения слабых редуцированных охватывает в первую очередь корневые морфемы, этимологический редуцированный которых находился постоянно в слабой позиции. Это повлекло за собой исчезновение редуцированных в других корнях; вслед за этим процесс падения затрагивает суффиксальные и затем префиксальные морфемы, и в первую очередь (что, на наш взгляд, находит отражение в исследуемой рукописи) морфемы слов, имеющих, очевидно, ограниченное практическое применение. Это проявляется в очень редком, иногда единичном употреблении этих слов в той или иной рукописи. Несколько бо̀льшее число написаний без буквы этимологически слабого редуцированного среди приставок возможно свидетельствует о более раннем, по сравнению с предлогами, падении в них гласного, обозначенного этой буквой. Падением слабых редуцированных в конце слова завершается этот интереснейший процесс, послуживший толчком целому ряду изменений в фонетической системе древнерусского языка. В частности, падение слабых редуцированных повлекло за собой переход сильных в гласные полного образования; последней стадией в этом процессе было прояснение редуцированных в сочетании с плавными.

А. П. ЖУКОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О КОНЕЧНОЙ СТАДИИ ИСТОРИИ РЕДУЦИРОВАННЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(По материалам Галичского евангелия 1357 года)

Вводные замечания

О редуцированных имеется значительное количество работ. Почти все исследователи языка древнерусских памятников письменности большую долю своего внимания уделяли их судьбе. И это понятно, так как падение редуцированных вызвало существенные изменения в фонетике и фонологической системе русского языка в его говорах: процессы ассимиляции согласных по звонкости-глухости, по твердости-мягкости, некоторые процессы диссимиляции согласных; сделало возможными утрату мягкости некоторыми согласными, оглушение конечных согласных; подготовило условия для редукции гласных полного образования.

Общепринятой является точка зрения, согласно которой падение редуцированных завершилось в XIII в. Однако в рукописях второй половины XIII в. и даже XIV в., написанных до так называемого второго южнославянского влияния, буквы ъ и ь в разных положениях по отношению к этимологическим редуцированным продолжали употребляться. К числу таких памятников относится Галичское евангелие 1357 г. — рукопись Государственного Исторического музея (собрание Синодальное, 68). В нем встречается немало примеров, когда буквы редуцированных на месте „ъ", „ь"[1] сохраняются на письме не только в конце слова и в конце строки при переносе, но и в других случаях. Признавая, что редуцированные как фонемы в середине XIV в. уже не существовали, сохранение букв ъ и ь на письме можно было бы приписать простой орфографической традиции. Можно было бы также отдельные случаи написаний букв ъ и ь объяснить техникой переписывания памятника: при условии слитного написания слов в рукописи и в списках, ей предшествовавших, а также при сравнительной сложности технической стороны письма писцы не могли всегда в достаточной степени следить за смыслом переписываемого и переносили в свои списки буквы ъ, ь, обозначавшие в ранних списках-предшественниках особые гласные фонемы. Отдельные буквы ъ, ь могли оказаться в Галичском евангелии также из непосредственно предшествовавшего списка,

[1] Здесь и ниже в тексте автора настоящей работы проводится следующее различение графическими средствами буквы, звука и этимологического звука: этимологические звуки обозначаются в кавычках, буквы памятника — курсивом, звуки речи заключаются в квадратные скобки.

в котором они могли быть написаны по правилу конца строки (см. ниже), т. е. чисто механически. Тем не менее некоторые случаи употребления букв ъ, ь в корнях нельзя объяснить только орфографическими и графическими причинами.

Изучение употребления букв ъ, ь хотя и в одном, но большом памятнике (Галичское евангелие 1357 г. — полный апракос с месяцесловом) дает материал для суждения о судьбе редуцированных не только в языке писцов[2], но и для постановки более общего вопроса о судьбе фонем [ъ], [ь] на последнем этапе их существования. Мы присоединяемся к положению А. А. Шахматова, который писал, что если „ъ", „ь" слоговые (т. е. в сильном положении) до XIV в. изменились в [о], [е], то в слабом положении „историю их исчезновения в языке (а в языке они исчезли окончательно) нельзя понимать так, что в известный момент исчезли в языке все такие звуки при всяком их положении в слове"[3]. Б. М. Ляпунов пытался определить качество сопровождающих глухой согласных, задерживавших падение слабых редуцированных в русском языке. По его мнению, „таковыми являются, по-видимому, *в*, *р* и шипящие, в особенности сложные шипящие (*ч*) или сочетания с шипящими (*жг*, *жд*)"[4]. „Я не могу согласиться с Шахматовым, — писал Б. М. Ляпунов, — чтобы ъ в *дѣѣъка*, *даѣъше* и даже в *емъше* мог сохраняться только под влиянием форм и слов *дѣвокъ*, *давыи*, *имыи*; я принимаю во внимание здесь особые фонетические условия (после *в* и перед *ш*)"[5]. В других славянских языках были свои условия, когда задерживались редуцированные. Так, в диалектах болгарского, сербского, словацкого и полабского языков, по мнению А. М. Селищева, существовали фонетические положения, в которых „редуцированный ъ перед слогом с гласным полного образования оставался и после окончательной утраты слабых ъ, ь. В этом гласном ъ в таком особом положении был не только давний ъ, но и совпавший с ним давний ь. Так, по диалектам был ъ между *д—щ*, *т—щ*, *д—н*, *т—м*, *т—к*, *м—ст*, *м—зд*, *м—г*, *л-* начального слога перед слогом с гласным полного образования: *дъщери*, *дъщица*, *тъща „теща"*, *тъщание*, *дъно*, *тъма*, *тъмѣ*, *тъкнѣти (прѣтъкнеши)*, *мъстиши* (вм. *мьстиши*,) *мъзда*, *мъгла* (вм. *мьгла*), *лъсти*"[6].

Ниже на основании материалов исследуемого памятника намечаются группы согласных, в которых слабые редуцированные или какие-то близкие к ним призвуки гласных задерживались еще в XIV в., а потом в некоторых случаях, подобно редуцированным в сильном положении, совпали с гласными [е], [о].

В Галичском евангелии 1357 г. буквы ъ и ь встречаются более или менее часто не только там, где ранее имелись соответствующие звуки, но в отдельных случаях также и там, где „ъ", „ь" не было. Такие единичные написания букв ъ и ь, не обусловленные этимологией, встречаются в группах согласных, не имевших ранее „ь", „ъ", и лишь очень редко — на месте этимологических „о", „е". Все изложенное побуждает подробно изучить употребление букв ъ, ь в нашем памятнике, несмотря на то, что он относится к середине XIV в., т. е. ко времени, когда

[2] См. об этом нашу работу „Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357г.)". „Труды Ин-та языкознания АН СССР", т. VIII. М., 1957, стр. 5—106.

[3] А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики, отдельный оттиск. Варшава, 1893, стр. 30—31.

[4] Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи, вып. 1. В кн.: „Исследования по русскому языку", т. II, вып. 2. СПб., 1900, стр. 48.

[5] Там же, стр. 49.

[6] А. М. Селищев. Старославянский язык, часть первая. Учпедгиз, 1951, стр. 285.

фонемы [ъ] и [ь] уже отсутствовали в произношении на всей территории, занимаемой русским языком. Исследование подготовит материал для суждения о состоянии изучаемых явлений в эпоху, непосредственно следующую за эпохой падения редуцированных, когда разного рода морфологические процессы, а также прямо или косвенно связанные с падением редуцированных фонетические процессы, имевшие место в последующее время, еще не успели изменить в довольно сильной степени общую картину. Кроме того, оно даст материал для суждения о школах письма. При этом следует заметить, что данные исследуемого памятника имеют тем бо́льшую ценность, что они относятся не к одному, а к четырем разным лицам[7].

В дальнейшем при рассмотрении вопроса о редуцированных мы руководствуемся следующими принципами: 1) наличие на месте этимологического редуцированного написаний без той или иной буквы (надстрочные знаки в этом положении в исследуемой рукописи не встречаются) указывает на то, что в произношении писцов здесь не было никакого гласного; 2) наличие букв *о*, *е* на месте этимологических редуцированных „ъ“ и „ь“ при условии отсутствия написаний без ъ, ь означает, что писцы в этих случаях произносили свои обычные [о], [е] или весьма близкие им звуки; 3) последовательное написание букв ъ, ь в каких-либо категориях указывает на орфографическую традицию писца или писцов рукописи, если не свидетельствует об особом произношении в этих случаях; 4) поскольку в памятнике вообще нет взаимной мены букв ъ и ь, написания только с буквой ъ или только с буквой ь после парных по твердости-мягкости согласных указывают соответственно на твердость или мягкость этих согласных (если это написание не является следствием орфографической традиции; впрочем, критерий для суждения в таких случаях неустойчив[8]).

Редуцированные рассматриваются в зависимости от окружающих звуков в каждом слове и отдельно в разных морфологических категориях. Поэтому, во-первых, они анализируются отдельно в предлогах и приставках, в корнях, в суффиксах, окончаниях и на конце слов, не имеющих энклитик. Во-вторых, внутри этих групп проводится деление на слабое и сильное положение и учитываются некоторые другие условия, например соседство тех или иных согласных или гласных, наличие групп согласных и т. п. Особо учитывается правописание слов, сокращенных под титлами, поскольку оно имеет свои особенности. Специальному рассмотрению подвергаются примеры, отражающие колебания в написании тех или иных слов. В таких случаях обобщение делается первоначально для данного слова или формы и только потом — для фонетического или морфологического положения. Изучается весь материал рукописи[9]. Когда он велик, для каждого писца приводится

---

[7] Палеографический анализ и анализ графики, на основании которых устанавливается принадлежность того или иного текста определенному писцу, дается нами в указанной выше работе (стр. 9—36, 43—44). Ниже материал рассматривается не отдельно для каждого почерка, но для удобства сопоставления вместе. Однако каждый раз римской цифрой отмечается, какому писцу принадлежит данное написание.

[8] Этот вопрос также специально рассматривается нами в указанной работе „Из истории языка северо-восточной Руси“ (стр. 88—95).

[9] Мы придерживаемся той точки зрения, что при исследовании языка по материалам древних памятников письменности (дело весьма трудоемком) весь имеющийся в них материал, характеризующий с той или иной стороны определенное языковое явление, необходимо приводить полностью, так как, во-первых, выводы первого исследователя могут оказаться уже, чем их позволяет сделать материал памятника, и, во-вторых, с течением времени научная мысль может пойти по другим направлениям, и возникнет потребность пересмотреть собранный материал в другом аспекте.

Однако объем настоящей статьи не позволяет полностью представить материал, характеризующий редуцированные. Желающие ознакомиться с ним более полно, могут

несколько примеров, но при этом, как правило, указывается общее число встретившихся написаний; лишь при совершенно однородном материале подсчет всех примеров не производится. Исключения, как правило, приводятся полностью. Примеры даются в алфавитном порядке корней или основ.

В исследуемой рукописи всеми четырьмя писцами последовательно соблюдается как бы особое „правило конца строки": все они оканчивают строку буквой, обозначающей гласный звук, или буквами *ъ*, *ь*. При этом последние встречаются не только там, где редуцированные, будучи в слабом положении, уже исчезли из произношения и потому не употреблялись на письме в аналогичных случаях в середине строки, но и в сочетаниях, в которых они этимологически не обусловлены. Сюда относятся: земь|ля I 53г; приемь|лете III 86в; клятъ|вы I 26г; помышь|ляющимъ IV 169г; зъ|наю IV 173в; позъ|нають IV 161г; оусрамь|ляються IV 125в; свѣдительсть|воують IV 137г; жать|вѣ IV 158г.

Соблюдение писцами Галичского евангелия указанного правила позволяет нам ниже в некоторых случаях отводить написания с буквами *ъ* и *ь* в группах согласных при переносах как непоказательные и вносящие искажение в общую картину. Написания букв *о*, *е* в аналогичных случаях учитываются, поскольку написание именно этих букв не является простым следствием указанного орфографического правила.

Прежде чем рассматривать вопросы, непосредственно связанные с историей редуцированных, освещаются написания букв *ъ*, *ь* на месте этимологических „о", „е". Включать их в основные разделы работы нецелесообразно ввиду малочисленности этого материала.

1. Буквы *ъ*, *ь* на месте этимологических гласных полного образования

Галичское евангелие 1357 г. относится к числу памятников с упорядоченной в отношении редуцированных орфографией: оно написано после падения редуцированных как особых фонем, но в нем уже нет беспрядочного смешения букв *ъ*, *о* и букв *ь*, *е*; причем в памятнике употребляются все четыре буквы (иная картина в некоторых новгородских берестяных грамотах, написанных упорядоченной орфографией, но без буквы *ъ* в одних и без букв *ъ*, *ь* в других [10]). В рассматриваемой рукописи имеется совсем небольшое количество написаний буквы *ъ* на месте этимологического „о" и буквы *ь* на месте „е", а именно: *ъ* на месте „о": хлѣбъ живѣтныи I 10а; късну въ языкъ IV 117в (М., Э. — коснѫ и въ ꙗзыкъ); на онъ полъ мъря I 8а; плоть мъю I 11г; якъ | дши I 38б; скърпия (в грецизме) при скорпия III 76в, 87в; *ь* на месте „е": а) в настоящем и будущем времени глагола *реку*, *нареку*, *рекуть* на месте „е" не только пишется буква *ь*, но у I и III писцов отмечены даже случаи пропуска буквы гласного между *р* и *к*: нарьку(т)|ся I 25г; рьку, рькуть I 104б, IV 124а, 124г, 151в, 167а; рькоуть I 113г; ркоу, ркоуть (у I писца), рку, ркуть (у III писца) I 19в, 26а, 41б, 42б, 69а, 112в, III 85б (2), 86а; б) в формах имперфекта: бѣашь|та IV 175а; эря|шьта IV 151а; идя|шьта IV 154г; хожа|шьта

найти его в нашей кандидатской диссертации „Из истории языка северо-восточной Руси середины XIV в. (Палеографическое и фонетическое исследование рукописи Государственного исторического музея, Патр. 68)". М., 1953, имея в виду, что в ней последовательно приводится весь материал, отсутствуют лишь написания (как правило, сокращенные) заголовков всех чтений, в том числе и месяцеслова.

[10] См. нашу работу „Новгородские берестяные грамоты". М., Учпедгиз, 1959, стр. 103—107.

IV 167г; в) в разных случаях: и|с цркъвь I 16б — здесь *ь* вместо *е*; кажници (ἐυνοῦχος) I 48г (2 сл.) — здесь пропуск *е*.

Употребление форм имперфекта на *-шьта*, *-шьте* во 2 лице двойственного и множественного числа и 3 лице двойственного числа не является исключительной особенностью рассматриваемой рукописи, они встречаются и в других северно-русских памятниках XIII—XIV вв.[11] Свойственные только культовому церковно-книжному языку, эти окончания могли испытывать влияние со стороны окончаний *-ста*, *-сте*; могла отразиться в них и редукция заударного [е] не в конечном открытом слоге[12].

Глагольные формы *рькоу*, *рькоуть* также были присущи только книжному языку. На исчезновение гласного „е" могли оказать влияние формы повелительного наклонения *руци*, *рцѣте*, в которых ранее был слабый „ь". В этом случае писцы произносили, вероятно, то же, что в случаях *руци*, *рцѣте*, *льстецъ*, *мъзда* и др. с сонорным согласным перед шумным согласным в начале слова (см. ниже). На написания без *е* в формах *реку*, *рекуть* могли, кроме того, оказать влияние и чисто графические ассоциации писцов. Для обозначения действия по глаголу „говорить" в 3 лице прошедшего времени в евангельском тексте употреблялась форма аориста *рече*, которая постоянно писалась под титлом с выносным *ч*: *ре*᷍. Этот вид написания имел тенденцию стать всеобщим. Так, в памятнике встречалось *ретъ* I 55 в, вместо *рекуть* (в М. и З. — рекѫтъ), где употребление выносного *ч* не может соответствовать форме глагола. В форме настоящего времени написания *ркоу*, *ркоуть* без титла также могли быть закреплены традицией; произношение без [е] (отсюда написания с *ь* для обозначения дополнительной слоговости, см. ниже) явилось в этом случае вторичным, и закрепиться оно могло лишь постольку, поскольку в обыденном языке писцов это слово не употреблялось, а потому не было критерия для его произношения.

Написания *ъ* вместо *о* очень похожи на описки.

Встретившееся единичное написание *твориць* IV 124 г вместо *твориши* указывает на соответствующее произношение во 2-м лице единственного числа настоящего времени глаголов. Буква *ь* в этом случае звукового значения не имеет, само же написание должно рассматриваться в связи с вопросами морфологии.

2. Редуцированные на конце самостоятельных слов

На конце слова редуцированные „ъ" и „ь" были в слабом положении, и в эпоху падения слабых редуцированных и совпадения сильных с [о], [е] они как особые фонемы должны были исчезнуть.

Все четыре писца Галичского евангелия 1357 г. последовательно пишут на конце слов после согласных букву *ъ* или *ь*. Случаи опущения конечных *ъ* и *ь* очень немногочисленны. Из них значительное большинство падает на пропуск конечных *ъ*, *ь* в положении перед энклитиками *же*, *ся*, *ли*[13], т. е. фактически не на конце слова. Встретился единичный пропуск буквы *ь* во 2 лице ед. числа повелительного наклонения: *даж ми* I 39а. Вероятно, в этом случае имеет место не опущение буквы *ь*, а описка — пропуск *е*. Это можно предполагать потому,

---

[11] См. П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 193.

[12] См. указанную выше работу „Из истории языка северо-восточной Руси. . .", стр. 71.

[13] Примеры см. в указанной выше работе „Из истории языка северо-восточной Руси...", стр. 93—94.

что указанная форма в исследуемой рукописи обычно встречается в написании *даже* I 47а, 49а, 51а, 96б, 104а, III 76б (2 сл.), 81г, 94г, 114г; *продаже* I 51а, 96б. Написание *даже* вместо *дажь* (старославянское *дажде*), *продаже* вместо *продажь* и произношение [е] на месте слабого „ь" на конце в этой форме были вызваны, видимо, требованиями культового произношения. Поскольку в обыденной речи форма *дажь* отсутствовала[14], ничто не препятствовало закреплению в церковном произношении формы *даже* с [е] на конце.

В памятнике встретилось аналогичное написание *повѣже* I 52в, а в остальных случаях постоянно *вѣжь*, *повѣжь* I 54г, 58б, 101в, III 93г, IV 123а, 126а. Таким образом, прямых указаний на отсутствие гласных на месте слабых „ъ", „ь" в конце слова в памятнике нет. Но есть материал, косвенно указывающий на отсутствие гласных фонем на конце слов на месте древних редуцированных в живом говоре писцов Галичского евангелия. Сюда относятся, во-первых, примеры, показывающие беспорядочное употребление букв *ъ*, *ь* в окончаниях „-мь" и „-мъ" в творительном падеже ед. числа существительных, прилагательных и причастий муж. и ср. рода, в местном падеже ед. числа прилагательных муж. и ср. рода, в дательном падеже множественного числа существительных и прилагательных и в 1 лице ед. и мн. числа нетематических глаголов. Этот материал[15] свидетельствует об отвердении конечного [м] в соответствующих окончаниях, где этот звук был мягким или полумягким в окончании „-мь". Во-вторых, на утрату конечных „ъ", „ь" указывает отвердение [т] в 3 лице глаголов[16]. Отвердение конечных [м] и [т] в определенных морфологических категориях не могло бы иметь места, если бы на конце слов существовали две особые фонемы редуцированных гласных[17].

Однако редуцированные исчезли на конце слова не во всех случаях. Во-первых, они могли сохраняться в положении перед энклитическими местоимениями „тъ", „сь", где они, естественно, оказывались в сильном положении и совпали с [о]. Об этом свидетельствуют, например, следующие написания: в годось I 96г (М., З. — въ врѣмя се); иноплеьникось I 92г (М., З. — иноплеменьникъ сь); мирось I 16г (М. — миръ сь, О. е. — въ сь миръ); народось I 24г (М. — народось, О. е — народъ сь), IV 127а (М., З. — народось); родось I 60в (М. — народось, З. — народъ сь), 61а (М., З. — родось, О. е. — родъ сь), 62г (М., З. — родось, О. е. — родъ сь), 103а (М. родось), II 32г (М. — родось), III 78а (М. — родъсь, З. — родось), IV 124б (М., З. — родось, О. е. — родъ сь); родо|сь III 93а (М. — родось); хлѣбось I 11г (М., О. е. — хлѣбъ съшедыи); храмось I 107б (М., З. цръковь сию, О. е. — црквь сию); чловкось I 113б (М. — о члвцѣ семь). Указанные написания отражают культовое произношение писцов. Встречаются также написания с буквой ъ в аналогичных случаях: образъ сь IV 126б (М. — образось); образъ се и написание I 100а (М. — образъ сь, З. — образось); на позоръ. сь... IV 150а (М., З. — на позорось); праздникъ сь I 11в (2сл.); родъ сь I 48а (М. — родось), III 91г (М. — родось), члвкъ 'сь I 108г и

---

[14] А. И. Соболевский отмечал: „форма *дажь* в значении повелит. накл. уже в XIV в. была непонятна переписчикам, и они обыкновенно, вместо нее, писали *даи же*" (См. его „Лекции по истории русского языка". Изд. 4, М., 1907, стр. 251).

[15] Материал приводится в указанной работе „Из истории языка северо-восточной Руси" (стр. 88—90).

[16] Там же, стр. 92—95.

[17] Иначе рассматривается этот вопрос в статье А. И. Томсона „Исчезли ли конечные звуки ь и ъ в русском языке?". „Ученые записки высшей школы г. Одессы", отдел гуманитарно-общест. наук, т. II, Одесса, 1922, стр. 9—12.

др. Произношение в этих случаях либо совпадало с указанным выше (*родось*), что было закономерно в положении перед энклитиками, либо гласный звук произносился в местоимении, ср. образъ се I 100а.

Перед местоимением-энклитикой „тъ" отмечены такие написания с буквой *о* на конце существительного: домотъ I 51г (М. — домотъ, З. — домъ тъ); работъ I 49а (2сл.) (М. — работъ, О. е. — рабъ тъ), 99в (М. — рабоу томоу), III 84б, рабо|тъ III 81б (М. З. — рабъ тъ), 90б; оученикотъ I 24б (М. — оученикъ тъ); чл҃вкотъ I 106а (М. — чл҃вкотъ, З. — чл҃вкъ тъ). Наряду с ними встречаются и более частые написания с буквой ъ на конце указанных слов, например, рабъ тъ I 48б (М. — рабъ тъ) и мн. др. Можно полагать, что в исследуемом памятнике написания *работъ* и под. сохранились еще от старославянского протооригинала, но они, вероятно, были поддерживаемы живой речью писцов, так как не были чужды северновеликорусским говорам.

Следующие примеры являются описками: само | бо вѣдяше I 16б (вместо самъ); оно чл҃вкооубица I 15в (вм. онъ).

В рассматриваемой рукописи встретилось несколько написаний буквы *е* на месте старого конечного слабого „ь"; приступле III 83б, 114а, IV 154а; оставле I 70в; преломле I 42в. Несмотря на то, что эти слова относятся к одной морфологической категории — причастию прошедшего времени действительного залога мужского рода единственного числа именительного падежа, в этих написаниях отражено явление фонетическое в своей основе, а не морфологическое. После падения редуцированных плавный [л], находясь за согласным, должен был оглушиться, либо образовать дополнительную слоговость. В исследуемом нами говоре в предшествующую эпоху, по-видимому, имело место последнее. Эта дополнительная слоговость, возможно, уже тогда своеобразно выражалась на письме. Эти формы принадлежали только культовому языку и были чуждыми разговорному языку XIV в., поэтому книжники, чтобы не допустить их искажения, употребляли подобные формы с дополнительным слогом. Поскольку в памятнике нет написаний с буквой *е* перед конечным *л*, правильнее полагать, что написание буквы *е* после *л* (*приступле* и др.) передавало произношение этих слов с конечным [е], а не обозначало дополнительной слоговости конечного [ъ̯].

Написания на месте „ъ", „ь" на конце слова показывают, что обычно пропускается этимологический „ъ". Буква *ь* в соответствии этимологическому „ь" опускается главным образом в тех положениях, где в других аналогичных случаях в исследуемой рукописи имеются написания как с буквой ь, так и с буквой ъ. Такая мена свидетельствует не столько об утрате звука „ь", сколько уже и об отвердении предшествовавшего согласного. Таким образом, фактически в Галичском евангелии 1357 г. конечные буквы ъ и ь опускаются писцами в тех случаях, когда они находятся после немягких согласных[18]. После парных мягких согласных (а в говоре писцов они уже были противопоставленными по твердости-мягкости) в исследуемой рукописи пишется последовательно буква ь. Отсюда следует, что, во-первых, в XIV в. уже складывалась орфографическая норма, закрепляющая за буквой ь значение знака, указывающего на мягкость предшествующего согласного, и, во-вторых, сами буквы ъ, ь на конце самостоятельных слов не обозначали особых фонем.

---

[18] Единичный пропуск ь в местоимении *и* („jь") с предлогом *въ* (*в он же* II 30в) обязан своим появлением влиянию местоимения *онъ*, поскольку отвердение исконно мягкого „н" не было свойственно живому русскому языку.

3. Редуцированные в предлогах и приставках

Предлоги и приставки рассматриваются вместе, поскольку одни и те же морфемы во многих случаях употреблялись и как предлоги, и как приставки, причем предлоги были проклитиками (а если несли ударение, то энклитикой было следующее значимое слово). Предлоги и приставки по отношению к редуцированным разбираются нами отдельно по группам, деление на которые обусловливается самим их звуковым составом. Так, одну группу составляют односложные предлоги и приставки „въ", „къ", „съ", другую — первоначально двухсложные предлоги и приставки „надъ", „подъ", „предъ". Особо рассматривается предлог-приставка „отъ" („от"), в написании которой у писцов существовал определенный графический прием. Самостоятельную группу составляют предлоги-приставки „из", „без", „раз", „въз-", история которых была особой с весьма отдаленных времен; при этом приставка „въз" выделяется особо, как имеющая редуцированный в своем составе. Каждая из этих групп предлогов и приставок рассматривается отдельно в положении перед гласными, перед одним согласным, в положении перед несколькими согласными, причем в последнем случае учитывается также, является ли данная группа согласных исконной или она образовалась в недавнее для писцов время вследствие исчезновения слабого редуцированного, находившегося между согласными этой группы. Предлоги и приставки в положении перед гласными и перед начальным [j] мы вынуждены не разъединять, поскольку графика писцов не всегда дает возможность точно фиксировать наличие или отсутствие начального [j].

Предлоги-приставки „въ", „съ" и предлог „къ"[10]

Предлоги-приставки „въ", „къ", „съ" перед словами, начинающимися с гласных или с [j], представлены в Галичском евангелии 1357 г. в следующих написаниях:

1. Перед ѩ ([a], [ja]): въ ѩвленье III 74б; въ ѩзыкъ IV 117в; въ ѩмоу I 62б, II 34в; въ ѩмоу I 39г; въ ѩслехъ IV 165г, 166а (2 сл.); съ ѩковомь I 50а.

2. Перед к, *е* ([e], [je]): въ кдиноу I 5в, 8г, 19б, 43г, 67а, III 81в, 87г, IV 155г, 156в, 157б; въ | кдино I 23г, IV 145б; въ кзеро I 71г, II 31а, III 77г, 95б, 95в; въ | кзеро I 43б; въ кфрѣмъ I 19б; въ ку(аг)е I 49в; въ крихонъ I 97б, III 83а; въ | крихонъ I 99в; въ ерданѣ IV 168в, 169в, 170а; въ егоупетъ IV 167а (2); въ | егоуптѣ I 167б; в ерусолимъ — см. ниже; къ единои I 65г; къ | единомоу IV 147б; къ етероу IV 134г; съ етеры IV 155а; съ единѣмъ I 43а, III 95б.

3. Перед к, *ик*, чередующимися в одних и тех же словах ([je], [ie]): в икр(с)лмъ I 2в, 3а, 4г... — всего 13 сл., III 82а, IV 122а, 171г, 172в; въ | икрлмъ I 10г, IV 122г, 168а; во икр(с)лмъ I 98в, III 86г, 87в, IV 177б; въ крлмъ I 14г, 41б, 44б... — 7 сл., IV 121в, 166б, 167г (2 сл.), 172а; въ | кр(с)лмъ I 44а; въ икрданѣ I 5а; въ крданѣ I 49в, IV 168в, 169а, 170а.

4. Перед *и* ([и]): въ июдѣи I 5а, 19б, IV 123в, 165г; во июдѣи I 11б, 17а, IV 131г; во | июдѣи I 11б, 62б, IV 120а, 167б; во июдоу I 92а, IV 131г; въ имя I 23б (2 сл.), IV 155б; во имя I 1г, 6а, 7г (2 сл.)... — всего 22 случая, III 82в, 88б, 94б, IV 123а, 127б, 139б, 139г, 140в, 142а (2 сл.), 143г; во | имя I 74а, 101в, III 94б, IV 121г, 122г, 142г; въ истиноу I 3в, 16в, 21г... — всего 7 сл., III 81б, 114а, IV 133а, 149в, 150а; въ | истиноу I 24г, 112б; во истиноу I 3а, 13в, 13г... — всего 9 сл.,

[10] В дальнейшем для сокращения изложения предлог „къ" мы будем давать в ряду предлогов-приставок, не делая для него особых оговорок.

IV 142г, 143а (2 сл.), 153г, 174г; во | истиноу I 14в; въ изрли I 40г, II 34б, IV 172б; во изрли I 65г, 75б, IV 175б; въ искоушение I 106в, 111а, III 114г; во ирода IV 167б; во иноу I 43б, 54в, 66в, 74б; во | ис(с)а IV 122г; къ исоу I 3б, 53а, 55а... — всего 6 сл., III 77г, 80а, 82б, 82г, IV 188б, 120в, 137а, 151а, 177б, 177г, къ | исоу II 34г; ко исоу I 4а, 36б, 39г... — всего 21 сл., III 93а, 84а, 86б... — всего 8 сл.; ко | исоу I 47а, 48в, 99г; къ иоаноу IV 169б; ко иоаноу I 5б, 7б; къ | иродоу IV 166г; ко иродоу I 113а; къ июдѣмъ IV 146а, 160а; къ иваноу IV 170б; къ иномоу III 84а; ко | истинѣ I 98г; съ исмь I 36а, IV 137а, 138а, 145б (2 сл.), 145в; съ | исмь IV 138а; со исомь III 83г, IV 144а, 145б; съ иродьяны IV 126а; со иродьяны I 51б; со | иродьяны I 52в; со июдѣи I 5а.

5. Перед *оу* ([у]): въ оумывальницю IV 133в; во оумывальницю IV 135а, 147г; въ оушью I 65в; въ оуши IV 117в; во оухо IV 162а; во | оушью IV 173а; въ оуста I 39г; въ | оуста I 40а; въ оутрѣи I 3б, 8б, IV 122г, 154б; во оутробоу I 3г; во | оутробѣ III 91в; во ѳбрусѣ III 87б; къ оучнкомъ III 85б, 94а, IV 136в, 136г, 157г; ко оучнкомъ I 42а, 47б, 72б, 76а, III 79б, 85г; ко | оучнкомъ I 70г, 106г, 111г; къ оухоу III 79б; къ оустомъ IV 150в; съ оучнкы I 8б, 19б, 51б, IV 132а, 134г, 143в (2 сл.); съ | оучнкы IV 143в; со оучнкы I 36а, 60г, 105г, 110в, IV 119а.

6. Перед *о* ([о]): въ огнь I 109г; въ одежю I 54б, 103г, IV 161г; в одѣньи I 101а; во одежю I 8г, 70б, II 28г; въ оца I 13г (2 сл.), II 29б, IV 139а, 139в, 139г; во оцѣ ('отец') I 17г, 21а (2 сл.), 21б, 21в, II 29в, во | оцѣ I 21б; въ оцѣ ('око') I 69б (3 сл.), II 29в; въ очи I 40в; въ | очью I 53а; во оцѣ ('око') II 29в; во очью I 99в; во | очью IV 125г; во очеси I 69б; въ очьство I 38а, 38г (2 сл.), 56г, IV 161б; въ | очьство I 55б, 56г; во очьстви I 65г; въ | онъ III 82в; въ | оны IV 165в; въ огнь I 22в, 43а, 47б, 109г, II 28г, IV 130а, 140б, 168г; въ | огнь I 42а, IV 118в; въ облакъ IV 177в; въоружився III 77а; въ окроугнихъ I 57в; въ окр(с)тьняя I 72б; въ ѳкровенье IV 172б; въ ѳпоущенье IV 136а; въ оправданье IV 175а; въ оставленье IV 169б, 176б; въ | оставленье IV 169а; во обители IV 165г; во осмыи IV 125г; во | ѳрадоу I 65в; къ оцю I 21а; 104б, IV 139а, 139г, 141в, 141г, 157а (2 сл.); къ | оцю IV 133б, 139а, 141б, 142б; ко оцю I 4г, 7г, 21б, 22а, 22г, 23а, 23в, 104б; къ овчии I 10г; къ овцамъ I 64а, IV 162г; ко овцамъ II 30б; къ олтарю I 26б; съ ороужьемь I 106г, IV 137а; съ | ороужьемь IV 137б; со ороужьемь I 107а; съ обѣма IV 135а; съ онъ полъ I 25г.

6а. Написание оборота *въ оно время*: въ оно I—114 сл., II—14 сл., III—30 сл., IV—55 сл.; во оно I—63 сл., II—нет, III—1, IV—нет.

7. Перед *а* ([а]): во адѣ I 75в; къ англоу IV 173в; къ | англоу IV 175в; къ аплмъ IV 156б; къ | архиерѣомъ I 24г, IV 131в, 132а, 134г; къ | аньнѣ IV 144а; съ арамаѳы IV 151а; съ аврамомь II 34б.

Из рассмотренных примеров следует выделить две группы, которые меняют реальное соотношение случаев употребления предлогов „въ", „къ", „съ" с *о* или *ъ* в положении перед гласными.

1. Написание оборота *въ оно время* (примеры №6а) всегда с *ъ* в предлоге у II, III, IV писцов не является абсолютным доказательством отсутствия у них произношения [о] в этом случае. Оборот *въ оно время* для этих писцов был чем-то вроде окостенелой формулы[20]. Написания

[20] Характерно, что именно у этих трех писцов проявляется вообще стремление к нормированию употребления той или иной буквы и надстрочных знаков, а II и IV писцы вообще отличаются педантизмом в работе, проявляющимся в строго выдер-

этого оборота с предлогом *во* свойственны I писцу. Они составляют примерно одну треть всех имеющихся в рукописи случаев, и почти все они (63 из 64) находятся на листах, написанных I писцом — Фофаном. Это свидетельствует о произношении [о] в предлоге „въ" [во] перед последующим [о]: [во оно].

2. Также должно быть выделено из общей массы примеров написание предлогов „въ", „къ", „съ" перед словами, начинающимися на письме то с *ик*, то с *к* (см. группу примеров № 3). Написания типа *ик҃рслмъ* при существующих наряду с ними *крслмъ* указывают на возможность двоякого произношения этих слов: с начальным [и] и без него. Как показывают примеры, только при написании начального *и* в этих словах писцы могли написать в некоторых случаях предлог *во*. Такое написание имеет место у Фофана—98в; у III-го писца—86г, 87в и у IV—177б. Написание же предлога *въ* перед *ик* в остальных случаях и постоянно перед *к* может указывать лишь на то, что в разговорном произношении писцов слова *Иерусалим* и *Иордан* не имели начального [и].

За вычетом двух указанных групп примеров (№ 3 и № 6а) количественные соотношения написаний предлогов „въ", „къ", „съ" с буквой *ъ* или *о* перед словами, начинающимися с букв, обозначающих гласный звук (а также букв, обозначающих гласные с предшествующим [j] или [и]), можно представить в таблице:

Таблица 1

Начальная буква	Написание предлогов-приставок					
	въ	*во*	*къ*	*ко*	*съ*	*со*
и	8	—	—	—	1	—
ѥ	31	—	4	—	2	—
а	—	1	8	—	2	—
о	45	17	16	9	5	1
оу	9	7	7	9	8	5
и	22	77	23	36	8	6

Приведенные в табл. 1 данные позволяют сделать следующие выводы.

1. Особую группу составляют примеры на употребление предлогов „въ", „къ", „съ" перед начальными *ы*, *ѥ*, т. е. перед сочетаниями [j]+гласный. В рукописи нет случаев написания предлогов *во, ко, со* (с *о*) перед сочетанием [j]+гласный. На основании этого можно утверждать, что гласный звук в этих предлогах в положении перед сочетанием [j]+гласный писцами не произносился. Отсутствие опущения буквы *ъ* в предлогах указывает на разделительное значение *ъ* в этом положении.

Как будет показано ниже, писцы не произносили никакого звука на месте *ъ* в этих предлогах перед словами, начинающимися с одного согласного звука. Таким образом, случаи употребления предлогов „въ", „къ", „съ" перед звуками, обозначаемыми буквами *ы*, *ѥ*, могут и должны быть рассматриваемы, как частный случай положения перед одним согласным — -[j]-.

2. Употребление предлогов „въ", „къ", „съ" непосредственно перед гласными имеет определенную закономерность, которая находит отражение в табл. 2.

жанной однотипной разлиновке, характере почерка и т. д. В противоположность всем им I писец — Фофан — проявляет бо́льшую свободу во всех этих отношениях, а также и в написании оборота *въ оно время*.

Таблица 2

Начальный гласный	В предлоге пишется		Написание предлога с буквой о в процентах от общего числа случаев
	ъ	о	
а	10	1	9%
о	66	27	29%
о в обороте *въ оно время*	213	64	23%
су	24	21	47%
и	53	119	63%

Как видно из табл. 2, написания предлогов „въ", „къ", „съ" с буквой *о*, по сравнению с написаниями тех же предлогов с буквой ъ, составляют 9% от числа всех встретившихся употреблений, если за ним следует слово, начинающееся с гласного [а], 29% — если слово начинается с [о], 47% перед начальным [у], 63% перед начальным [и]. Иными словами, количество написаний *о* в предлогах „въ", „къ", „съ" в положении перед гласными следующего слова возрастает в последовательности, образующей такой ряд: [а]<[о]<[у]<[и]. Если учесть, что гласные верхнего подъема имеют более высокое образование в переднем ряду, чем в заднем, то этот ряд соответствует ряду, образуемому гласными русского языка по степени подъема языка. Таким образом, употребление *о* на месте этимологического „ъ" в предлогах „въ", „къ", „съ" перед гласными в Галичском евангелии не случайно: число их возрастает соответственно возрастанию степени подъема языка при образовании различных гласных, то есть чем выше подъем языка и чем у́же полость рта при образовании гласного звука, тем чаще перед буквой этого гласного в указанных предлогах пишется буква *о*. Это обстоятельство свидетельствует о том, что буква ъ в этих предлогах в других аналогичных случаях, видимо, не употреблялась только в разделительном значении и не обозначала только твердость предшествовавшего согласного[21]. Л. Л. Васильев объяснял причину написания предлогов, оканчивающихся на этимологический „ъ", с буквой *о* перед гласными тем, что в общерусскую эпоху начальные нейотированные гласные (терминология Л. Л. Васильева) были склонны стать неслоговыми звуками, и в следующую эпоху эта склонность их или увеличивалась, и гласные, становясь неслоговыми, превращали „ъ" в [о], или уменьшалась, ограничиваясь гласным [о][22].

Таким образом, написание предлогов с *о* на конце вместо ъ в тех случаях, когда за ним следовали гласные среднего и верхнего подъема, должно было иметь разные причины. Перед гласными верхнего подъема [и], [у] происходило усиление предшествующего „ъ" в [о]. Перед гласным [о] написание *о* вместо ъ в предлоге могло явиться следствием ассимиляции „ъо" → [оо] еще в период до падения редуцированных, а не следствием редукции („склонности" к неслоговости)[23]. В положении перед [у],

---

[21] Иного мнения придерживается О. А. Князевская. См. „К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.)". — „Труды ин-та языкознания АН СССР", т. VIII. М., 1957, стр. 135—137.

[22] Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. ИОРЯС, т. XIII, кн. 3, 1908, стр. 211.

[23] Окончательно этот вопрос может быть решен только после специального изучения его по памятникам более ранним.

[и] и [а] такой ассимиляции быть не могло, и там можно видеть только редукцию гласных [у], [и] (последняя широко представлена в украинском и белорусском языках и некоторых русских говорах, теперь немногих).

„Въ", „къ", „съ" перед согласными. Предлоги-приставки „въ", „къ", „съ" в положении перед одним согласным встретились в нашей рукописи только в написаниях с ъ или без него в конце предлога-приставки. Замечено только три случая, где на месте этимологического „ъ" в предлогах „въ", „къ", „съ" в положении перед одним согласным написана буква *о* — *вовергите* I 62а, и при написании со словом, сокращенным под титлом, — *во цр*|*ство* III 83в, 95а, отражающие, по-видимому, церковное произношение писца. Остальные написания делятся на две категории: а) в конце предлога-приставки не пишется ни ъ, ни какая-либо другая буква; б) пишется буква ъ. Буква ъ пишется постоянно в положении перед однородными согласными[24]: *въ* перед следующим *в* (например, въ великоую, въ весь, въ вертоградѣ и т. п.); *къ* перед следующим *к* и *г* (например, къ горюшьноу, къ гостиньникоу, къ каияфѣ, къ коеи, къ копачю и т. п.); *съ* перед следующими *с*, *з*, *ж* (например, съжагають, съжалиша, съ женою, съзади, зади, съ звѣрми, съзижю, съ села, съ силою, съ собою, съ суперникомь и т. д.); перед *ш* обычно пишется съ (сьшедъ I 4а, 4в, 9г... — всего 6 сл., II 35в, III 82в, IV 127б), но встретилось два исключения: сшедъ IV 154в, 159в.

Есть весьма показательные написания *з* вместо *с* в предлоге-приставке „съ" перед следующим звонким, причем имеются написания как без ъ, так и с ъ; зборище, збудется, з горы и др., зъбоудоуться IV 137б, 150б.

Правописание предлогов „въ", „къ", „съ" в положении перед одним согласным может быть в количественном отношении выражено в табл. 3[25].

Таблица 3

Позиция	Писцы	Написание предлогов-приставок								
		в	*въ*	*во*	*к*	*къ*	*ко*	*с*	*съ*	*со*
Не перед однородными согласными	I	419	73	—	160	20	—	194	11	—
	II	51	2	—	12	—	—	20	—	—
	III	141	—	2	28	3	—	42	—	—
	IV	166	68	—	59	8	—	161	26	—
Перед однородными согласными	I	—	61	1	—	3	—	—	31	—
	II	—	4	—	—	—	—	—	2	—
	III	—	10	—	—	2	—	—	8	—
	IV	—	44	—	—	3	—	2	17	—

[24] Однородными согласными (не вполне фонетически точно) здесь и ниже в таблицах названы согласные, близкие к согласным [в] — предлог-приставка „въ", [с] — предлог-приставка („съ"), [з] — предлоги-приставки „из", „без", „раз", [к] — предлог „къ", по месту и по способу образования (или по одному из этих признаков). Для [в] такими являются твердые и мягкие [в], [ф], для [к] — [к], [г], для [с] и [з] звуки [с], [з], [ш'], [ж'], [ш̂'ч'], [ж̂'д'ж'], [ч'], [ц']. Все это — звуки, ассимилирующие с которыми, согласные предлогов-приставок могли бы образовать долгие согласные.

[25] В общий подсчет примеров не вошли написания предлогов перед словами, сокращенными под титлами, и написания предлогов в положении на концах строк. Когда написание предлога падает на конец строки, в Галичском евангелии всегда пишется буква ъ, нет ни одного написания буквы *о*. Перед словами, сокращенными

Характерно, что орфографическая традиция особенно сильна у писцов старой школы, I и отчасти IV. Так, у Фофана на 773 написаний без ъ приходится 104 с ъ, то есть соотношение примерно 7,5:1, у IV 386 на 102, т. е. 3,8:1. Совсем иное у II и III писцов. У II встретилось лишь два написания с ъ: въ бытье II 28а и въмѣтають II 29г на 83 случая без ъ (соотношение 40:1). III писец дал всего три написания с ъ (причем все три — названия лиц): къ женѣ 95г, къ пилатоу 114а, къ соудьи 81г, — при более 210 написаниях без ъ (отношение 70:1).

Окончание согласного в предлоге, отсутствие примеров на замену буквы ъ буквой *о* при наличии значительного количества случаев пропуска буквы ъ свидетельствуют о том, что в этом положении между согласными предлога-приставки и корня в произношении писцов Галичского евангелия не было гласного звука. Постоянное наличие ъ в положении между однородными, сходными по артикуляции согласными указывает, видимо, на чисто графический прием, употребляемый писцами для разграничения предлога и слова, к которому он относится.

Правописание предлогов и приставок „въ", „къ", „съ" перед словами, начинающимися с группы согласных, не имевшей ранее в своем составе этимологических редуцированных, сравнительно строго выдержано, что можно видеть на табл. 4.

Таблица 4

Положение в строке	Писцы	Написание предлогов-приставок								
		в	*въ*	*во*	*к*	*къ*	*ко*	*с*	*съ*	*со*
В середине	I	—	77	—	—	11	1	24	18	4
	II	—	7	—	—	2	—	4	1	—
	III	—	18	—	—	5	1	42	6	1
	IV	—	46	—	—	12	—	73	32	—
На конце	I	—	25	—	—	2	—	—	5	1
	II	—	1	—	—	—	—	—	—	—
	III	—	8	—	—	—	—	—	3	—
	IV	—	15	—	—	1	—	—	10	—

Значительно преобладают[26] написания предлогов с буквой ъ, причем для „въ" они являются единственно возможными, для „къ" отмечены два исключения: ко гробоу I 2г; ко дроугу III 89б. Особо стоит предлог „съ". Он отмечен в написании без ъ (или о) в положении перед этимологической группой согласных в 143 случаях. Однако 123 из них (причем у I-го и II-го писцов все имеющиеся у них написания *с*,

под титлами или сокращенными при помощи выносных букв, предлоги всеми писцами пишутся постоянно с буквой ъ. Исключение представляет лишь одно слово, с которым III и IV писцы предлог пишут без ъ, это — сокращение *с нбсе* — III 76г, 89а (2 сл.), 91в, IV 124а, 124г (2 сл.) и *во црство* у III писца. Написание ъ в предлогах при сокращенных словах является только графическим приемом и не связано с произношением, что можно видеть в таблице 3.

[26] Поскольку предлоги и приставки „въ", „къ", „съ" в положении перед исконной группой согласных, не имевшей в своем составе этимологического редуцированного, пишутся обычно всеми писцами с буквами ъ или *о* на конце предлога, в общий подсчет примеров на равных основаниях включены случаи написания предлогов на конце строки.

то есть без ъ) относятся за счет глагола *створити* и его форм (особенно част аорист *створи*), который в написании с буквой ъ в приставке встретился только один раз: сътво|рить IV 139а (случаи переносов на съ| I 108в, IV 119в, 123а, 130г, 139в, 158б, 168а — значения не имеют). Всегда без ъ отмечены слова с корнем *крэв-*, *кры-*: скровища, скры, скровенъ и др. III 80г, 86г, 88в, 95а, 115а (4 сл.), 115б, IV 161б, 166г, и формы глагола *крушити*: скроуши III 82г, 89в, IV 130в, 150г, 164в, но при переносе — съ|кроушиться IV 154а. Отмечены без ъ также единичные написания: с плодомь III 87б (другие отсутствуют); сплетъше IV 152в (при съплетъше IV 147г, 148а); стрясе, стрясоша IV 118в, 154в (при сътрясъ I 50а и съ|трясе III 82г).

Написание предлогов *ко* и *со* (*во* не встретилось) с буквой *о* на месте „ъ" отмечено лишь в положении перед следующим звонким согласным. Наоборот, случаи опущения ъ падают на положение перед глухим согласным. Может быть, это не случайно. Но пока кажется вероятнее, что причина появления в этом случае *о* на письме и произношение [о] на месте этимологического „ъ" в слабом положении кроется в церковном произношении, ибо 7 случаев из 8 относятся за счет слов согрѣши I 17г, 52а, 99б, 104в, III 85б; согрѣшить I 43в; ко гробу I 2г; только один случай — ко дроугу III 89б — не имеет столь ярко выраженного церковного характера, но и принадлежность его к русским диалектам древности сомнительна.

Встретилось единичное написание сь свѣтилы IV 143в; оно может указывать на отсутствие здесь гласного звука и мягкость всей группы согласных с долгим [с] в начале ее.

Написание предлогов с буквой ъ в подавляющем большинстве случаев указывает на орфографическую традицию, которую в этих случаях соблюдать было легче по чисто внешним причинам: следуют две буквы, обозначающие согласные. Поэтому характеризовать здесь произношение труднее. Мы предполагаем, что вопрос о произношении в подобных сочетаниях должен решаться так же, как и для соответствующего положения перед одним согласным, поскольку этимологические сочетания согласных, между которыми отсутствовали редуцированные, были построены по нормам звуковой системы языка предшествующей эпохи и потому в принципе не отличались от слогов, в которых за одним согласным непосредственно следовал гласный звук.

Правописание предлогов перед словами, начинающимися с неполногласных форм, рассматриваем особо, так как слова эти были вначале специфическими для старославянских памятников, и степень освоения их живым разговорным языком в середине XIV в. не вполне ясна.

Относящийся сюда материал таков:

Предлог-приставка „въ": въ власяници II 33а; во власяници I 74г; въ врата IV 13ѣа; во врата I 53а, 73б (2 сл.), 93г, III 81б, 86б, 89а, IV 127г, 175в; въврещи II 31б (2 сл.), III 79в, 81в; въ главоу I 53а, IV 125 г; въ градъ и другие формы этого слова I 14б, 15а, 20г...—14 сл., II 30б, 31б, IV 124в, 127а, 134г...—9 сл.; въ | градѣ III 77г, IV 166а, 169г; въ кладязь III 94в; въ класѣ I 53г; въ | пламени I 75в; въ плеломленьи I 3а; въ праздникъ I 11в (4), 19б, 63б, 103в, IV 122г, 130в, 134б; въ | праздникъ I 11в, IV 167г; въ предѣлы I 45б, III 95в; въ | предѣлы I 60б (2 сл.); въ преполовленье I 12б; въ прѣсѣдѣ I 108б; въ сласть I 101а; въ храмѣ I 62б, 101а, 105б, 112а, II 31а, III 77в, 79в, IV 116а, 123в, 158а; въ | храминоу IV 166г; въ чревѣ I 4б, 40а, 60а, II 35а, IV 165а, 165б...—5 сл.; в чревѣ IV 172г; кроме того, перед тремя согласными в неполногласных сочетаниях: въ страноу I 19б, 36а, 40а...—6 сл., III 91в, IV 167в; въ | страноу I 166г.

Предлог „къ": ко властемъ III 79г; ко | вратомъ I 70г; къ храминѣ I 69в.

Предлог-приставка „съ": съблазнити, съблажняти и др. формы I 10в, 36г, 3бг...—11 сл., III 85б, 95б; съ|блажняти I 26в, III 95в, 106б; соблазнити и др. I 26в, 43а (3 сл.), 73г, 106б, II 32б, III 85б, 95б, IV 131а, 136а (2 сл.), 141а; со|блазняться IV 123б; совладають I 111а; со властью I 66а; съвлекше, съвлекоша III 83а, IV 143г, 148б, 152г; съ|влекоша IV 148а; съградъ I 52г, 107б; здрави I 36а, 40б; въ|здрави IV 155г; сдрава I 56г, 104г; съкратилъ I 102г; съ|кратилъ I 102г; съ требами III 82а; ситрежахоуть (вместо сътрежахоуть) IV 148г; стрежахуть IV 152г; съхранихъ I 21г, 22а, 96б; съ|храниша IV 142г (2 сл.); схранится I 19в, 65б; схранихъ III 95а; (с)хранить (ошибочно пропущенное первоначально *с* вставлено сверху) I 20б.

Относящиеся к этой группе примеры могут быть сведены в табл. 5.

Таблица 5

Положение в строке	Писцы	Написание предлогов-приставок								
		в	въ	во	к	къ	ко	с	съ	со
В середине	I	—	43	5	—	1	—	6+1	19	8
	II	—	7	—	—	—	—	—	—	1
	III	—	8	3	—	—	1	1	3	3
	IV	—	25	2	—	—	—	2	3	4
На конце	I	—	5	—	—	—	1	—	3	—
	II	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	III	—	1	—	—	—	—	—	2	—
	IV	—	4	—	—	—	—	—	3	1

Случаи опущения букв ъ (или *о*) после предлога-приставки в положении перед корнями, начинающимися группой согласных в неполногласных сочетаниях, относятся за счет слов *съхранити* и *съдравъ*. Предыдущий вывод о произношении предлогов-приставок перед этимологической группой согласных может быть применен и к случаям с неполногласными формами, так как слова с неполногласными формами на месте сочетаний *tort, *tert для языка XIV в. были уже лексическим фактом. Слова с неполногласными формами, проникшие из старославянских памятников, не были чуждыми фонетической системе языка писцов и не заменялись соответствующими словами с полногласием, поскольку в языке имелись свои слова типа *трава*, *брат*, аналогичные южнославянским *брада*, *глава*, *брегъ* и т. п.

При заметном преобладании написаний предлогов-приставок с ъ есть случаи, где в них пишется буква *о*: соблазнится — 15 сл., во врата, ко вратамъ — 10 сл., ко властямъ, со властью — 2 сл., совладают — 1 сл., во власяници — 1 сл. Возможно, не случайно их употребление именно перед группой звонких согласных. Имеющийся материал Галичского евангелия позволяет, однако, выдвинуть предположение о том, что особое церковное произношение указанных предлогов-приставок — [во], [ко], [со] — с некоторыми словами не проникло в книжный язык только в результате второго южнославянского влияния, но складывалось постепенно еще в период самостоятельного развития русского литературного

языка. Сосуществование написаний *створи, скруши, скровища, стрясе, сплетъше, схранить, здравъ* в этом памятнике, отражающих результат падения слабого редуцированного в приставке „съ" — с одной стороны, с написаниями *ко вратамъ, ко властямъ, со властью, совладають, соблазни, во власяници*, указывающими на произношение [о] в том же самом фонетическом положении — с другой стороны, свидетельствует о том, что слова последней группы уже воспринимались писцами как принадлежащие к иной языковой системе, чем соответствующие им в их собственном языке слова *ворота, волость, володеть, волосы, болозе* и т. п. Предлоги и приставки в словах, специфических для церковнокнижного языка, писцы произносили со звуком [о], согласно требованиям культового произношения, которое впоследствии стало называться „хомовым". В этот круг неполногласных слов, старославянизмов по происхождению, вовлекались некоторые слова, не относящиеся к неполногласным (ср. написания *согрѣшити, ко гробоу, ко дроугоу*[27]).

Был ли такой путь развития всеобщим, или это было свойственно лишь тому культурному центру и школе, к которым принадлежали писцы Галичского евангелия, трудно сказать до того времени, пока этот вопрос не будет изучен по другим памятникам XIV в., написанным в разных местах Руси.

Предлоги-приставки „въ", „къ", „съ" перед новыми группами согласных. Указанные предлоги-приставки в положении перед группами согласных, образовавшимися после падения редуцированных, бывших в слабом положении, отмечены в следующих написаниях:

Предлог „въ": въ всю и др. формы I 20в, 50а, 63в, 103г, II 32б, IV 116в, 131а, 133б; во вся, всю и др. формы I 33б, 59а, 72б, 74в, III 81а, 91г, IV 134г, 158г, 167а, 169б, 176а; во | всемь IV 131в; въ вси ('селения') III 93г; въ второую III 90а; во | двѣ I 57а; во днехъ IV 175в (2 сл.); во | днехъ IV 175б, кроме того, под титлом — во дни I 61а (2 сл.), 65г, IV 127в (2 сл.), 165б, 173б, 175а, 175г; во | дни I 2в, IV 175а; въ книгахъ I 5г, 103в, III 91а, IV 161а; въ лжю I 26г; въ мнозѣ III 114в; во мнозѣ I 97а (2 сл.); въ мнѣ I 17г, IV 133а, 140а (2 сл.), 142б; въ | мнѣ I 11б; во мнѣ I 7г, 21а (2 сл.)... — всего 13 сл., IV 139а, 139в, 140а (2 сл.), 140б, 143б; во | мнѣ I 21а, 22б, IV 133а, 139г; во мьнѣ IV 143а; воньзи IV 143г; въ сборищи I 49г, 55в, 65в (2 сл.), 66а, III 114б; въ | сборѣ I 49г, 56г, 72г; въ свѣдѣние II 30г, 31г, III 80а; въ свѣдѣтельство I 1в, IV 116г, 123в; въ скончание I 37в, 38а; въ снѣ IV 147в, 152б; во снѣ IV 165б, 166г, 167б (2 сл.); въ срѣтенье IV 128б; въ тмѣ I 20б, III 79б; въ тьмоу IV 129в; въ тьмѣ IV 162а; во тмѣ, во тмоу I 1в, 12г, 19г, 25а, 56б, II 31а, 32а, 34б; во | тмоу I 62а; во тьмоу IV 130б; во тьмѣ IV 171б; во что I 18г, II 32а, III 80г; воньзи IV 143г.

Предлог „къ": ко звавшемоу III 83в; ко князю III 81г; ко мнѣ I 7г, 9в, 10а...—10 сл., II 33в, III 86в, IV 170б; ко | мнѣ I 9г, IV 129г, 130б; ко мьнѣ IV 173а.

Предлог-приставка „съ": събра и др. I 50а, 104а, IV 116г, 126г, 144г... — 11 сл.; събьравшю IV 161б; събраша I 52б, IV 166в; собраша и др. I 16в, 19а, 25в... — 12 сл., II 30а, III 82в, 85г, IV 134б; собраша III 79б, IV 127а, 137в; съвкоупи I 48в; совкоуплеша I 3а; съвъпрашати I 50а; совсѣмъ I 113б, согноувъ I 65в; съ двѣма I 105в, 105г; съ | двѣма I 97г; съзвавъ I 113б; създалъ III 95г, IV 137в; создати и др. I 5а, 69г, 75а, 98г, II 31а (2 сл.), III 95г, IV 125б, 144г;

[27] В связи с этим встает вопрос, в какой степени слова *грѣхъ, гробъ, другъ* были свойственны живому разговорному языку северо-восточной Руси XIV в.

съ книжники I 108а, IV 148г; съ | книжьники IV 149а; съ мною III 76б, 77а; со мною I 10в, 13в, 23г...—9 сл., II 34г (2 сл.), III 70а (3 сл.), 80г, IV 132в, 132г, 133г...—8 сл.; со | мною I 23в, 111а; со мъ|ною IV 153а; сътреть III 89в; съ тъ|щаниемь IV 172г. Кроме того, отмечен один случай написания *о* перед буквой *ж*, обозначающей здесь долгий согласный, сожеть IV 170а (З. — съжежеть).

Предлог „въ“ перед местоимениями „тъ“, „и“ (*ĭь) представлен следующими написаниями: во нь I 60в (2 сл.), 64а, II 30в, IV 118г, 127г, 128а...—10 сл.; во | нь I 92б, IV 128в, 159в; въ нь I 110в (2 сл.), IV 128а; въ | нь I 110в, IV 132а; въ онь IV 131г (М., З. — въ нь), въ он же II 30в (в двух последних примерах можно видеть влияние местоимения „онъ“), во тъ I 47в, 62а, 64б...—7 сл., IV 142а; въ тъ II 28г, 34а, 35в, IV 137б, 139б, 159а...—6 сл.; въ | тъ I 113а, IV 142а.

Из примеров следует, что предлоги-приставки „въ“, „къ“, „съ“ перед новыми группами согласных, образовавшимися после падения слабых редуцированных, пишутся двояко: с буквой ъ или с буквой *о*. Написания без ъ или *о* не встречаются. Следовательно, можно признать, что во всех приведенных примерах имело место произношение [о] в предлогах-приставках.

Данные современного русского языка требуют большой осторожности при разрешении этого вопроса. Как известно, слабые „ъ“ и „ь“ в корнях, где они не чередовались с „ъ“, „ь“ сильными, исчезали очень рано, до того, как процесс падения слабых редуцированных захватил и случаи, в которых они могли чередоваться с „ъ“ и „ь“ сильными. Можно предполагать, что в предлогах „въ“, „къ“, „съ“ и других, находящихся перед словами с редуцированными в абсолютно слабом положении, „ъ“, „ь“ могли постепенно терять свое качество „сильных“ и вести себя так, как если бы они были исконно слабыми, т. е. находились перед этимологической группой согласных. К таким случаям относятся, видимо, положение перед словом *книгы* и производными (раннюю утрату „ъ“ в этом слове фиксирует Остромирово евангелие), перед словами *два*, *свѣдѣтельство* и производными от них и некоторыми другими. Предполагать так заставляют данные современного русского языка: в предлогах перед этими словами не употребляется [во], [ко] и т. д. рядом с [в], [к] и т. д. и тем более не произносится только [во], [ко], [подо] и т. п. Данные исследуемой рукописи не противоречат этому предположению. Однако для окончательного суждения нужно иметь большее количество материала из разных памятников.

Анализ всех написаний предлогов и приставок „въ“, „къ“, „съ“ показывает, что они были проклитиками, при произношении сливались в одно целое со словом, к которому относились, и подчинялись общим для редуцированных законам, исключая редкие случаи лексикализации.

Предлоги-приставки „надъ“, „подъ“, „предъ“

Предлоги-приставки „надъ“, „подъ“, „предъ“ рассматриваются особо, поскольку они были первоначально двусложными, и это могло отразиться на их последующей судьбе.

В памятнике встретились следующие случаи употребления предлогов-приставок „надъ“, „подъ“, „предъ“ в положении перед словами, начинающимися с гласных и [j]: подъимшимъ I 44а; подъ одромь I 53в; предъ англы III 79в, 84в, IV 162а, 162в; подъя II 34а; подъемлеть IV 121г, 127в (описка вместо поемлеть); предъидеши I 97в, IV 176б; пре|дъ игѣмономь IV 152а; предъ гѣмономь IV 147а; надъ оучителемъ I 69б, II 31а, IV 162а; предъ оученикы IV 174б; предъ оцмь

www.ruslang.ru

II 27а, 28а, 31б; предъ | оцмь I 25б; пре|дъ іса I 68б; пре|дъидоуще I 105б; надъ сна IV 116б. Поскольку нет случаев пропуска ъ или написания на его месте *о*, нельзя установить, оказывал ли начальный гласный усиливающее воздействие только на односложные энклитики (см. выше) или на любой конечный „ъ". Что касается начального гласного, то можно отметить написание *предъ ѥмоноль* IV 147а, в котором, очевидно, отражена утрата начального гласного, ср. *пре|дъ иѣмоноль* IV 152а. Однако поскольку перед нами заимствованное слово, возможно не вполне понятное писцу, степень показательности этого примера снижается.

Предлоги-приставки „надъ", „подъ", „предъ" в положении перед одним согласным представлены такими написаниями: надъ вами III Ɛ0г; надъ домомь I 4Ɛ6, IV 127г; над нами III 87а; над нею I 66г; над нимь IV 149г; надъ нь же IV 170в; подъкопати I 48б, IV 127г; по|дъкопати I 61б; подъкоповаютъ III 115а, 115б; поднеб(с)нѣ III Ɛ6а; подножье I 27а; под ногама I 60в, II 20в; по|дъ ногама I 57б; подъ собою I 75б, II 34а; подъ сѣнью I 54а; пред вами I 113б; пре|дъ воеводами I 62б; предлагаютъ I 60г; пре|дложите I 60г; пред лицемь I 70б, 74б, 74в, II 32г, IV 158г, 16Ɛг, 172б; предъ людми III Ɛ9г; предъ народомъ IV 147г; пред ними I 57г, 68в; пред нимь I 56, 16г (2 сл.), 20а . . . — 7 сл., III 76б, Ɛ0б, 94в, IV 119б, 121г, 148а, 152г; пре|д нимь I 111г, IV 129в, 177в; пред ногама I 40б; предъ собою III 114б; предъсѣданья I 103г, IV 147б; предъ тобою I 70б, 104б, 104в, II 33б, III 87в, 92в, IV 164б. На конце строк в этих случаях всегда пишется ъ.

Сосуществование написаний с ъ и без ъ при полном отсутствии *о* на месте „ъ" свидетельствует об отсутствии в произношении писцов гласного звука на конце рассмотренных предлогов и приставок, несмотря на то, что нет примеров на оглушение конечного [д].

Предлоги-приставки „надъ", „подъ", „предъ" в положении перед группой согласных, не имевшей этимологического редуцированного в своем составе, последовательно пишутся с ъ. Написаний *о* вместо ъ нет. Написаний, отражающих оглушение согласного, также не встретилось. Единственное отклонение — предверми I 107г. Если оно не является опиской, то может указывать на то, что прежде самостоятельно артикулируемые два звука совпали в одной артикуляции с одним общим (возможно долгим) затвором, и безусловно свидетельствует об отсутствии гласного на месте этимологического „ъ" между предлогом и знаменательным словом.

Предлоги-приставки „надъ", „подъ", „предъ" в положении перед новыми группами согласных встретились в следующих случаях: надо всѣми I 2в, 5б (2 сл.), 4Ɛ6, 64б, III 81б, IV 127г; надо | всѣми I 75г; надо многими I 61в, 61г, IV 129а; надо | многими IV 129а; предъ всѣми IV 138а, 145б; пре|дъ всѣми IV 117б; предо всѣми III Ɛ0б, Ɛ4г; предъ званья III 94в; предо мною I 1г, 2б, 65а, III Ɛ7в; предо | мною IV 170в. Наличие и тем более преобладание в приведенном материале написаний с *о*, наличие написаний с ъ или *о* перед всеми встреченными словами с исчезнувшими слабыми этимологическими „ъ" и „ь" говорит о том, что предлоги в них произносились с гласным [о] на конце.

Предлог-приставка „отъ" („от")

Совершенно особняком от других предлогов стоит написание предлога-приставки „отъ". Все писцы, как правило, передают ее лигатурой, состоящей из омеги (реже *о* широкого) и вынесенным над ней *т* с укороченной мачтой: Ѿ. Написания *отъ* без сокращения единичны: отъ

обою IV 136г, 152а, 152б; отъиде IV 147а; о|тъиде IV 151г; отъ|иде IV 154б; ѿтаѣти I 42в; отъ | о҃ца I 43б; отрѣшивша и др. I 105а, 110а (2 сл.); отрѣшающема I 110в; отъвѣща IV 144б; отъ каияфы IV 145в; отъ нихъ IV 149б; Ѿтсу|диться II 29в; отъ гроба IV 156а, 156в; отъ | земля IV 157г; отъ | шестыя IV 149а; отъ двора IV 158в; отъ снвъ IV 147а; отъ | тебе IV 142а; о|тъ того IV 146в; о|тътрясаемъ IV 158г. Кроме того, отмечены описки: ѾгѢто|лѣ I 12а; отииде IV 128г.

Материал рукописи свидетельствует, следовательно, о хорошо выдерживаемой всеми писцами графической норме в написании предлога-приставки „отъ“ („от“). Единичные отклонения позволяют предполагать, что реальное произношение этого предлога-приставки на стыке с корнем совпадало с произношением других, ранее двусложных предлогов.

Предлоги-приставки „из“, „без“ и приставка „раз-“

Имеются разные теории этимологического состава указанных предлогов-приставок, но, по-видимому, этимологически на конце предлогов и приставок „из“, „без“, „раз-“ гласного „ъ“ не было. Однако мы имеем право рассматривать их в настоящей работе, так как буква ъ на конце их, а в некоторых случаях и звук, появились позже под влиянием предлогов, имевших на конце этимологический „ъ“. Судьба их в современном русском языке указывает на наличие в какой-то период [ъ] или, если влияние аналогии сказалось после падения редуцированных, [о] на конце их. Ни в одном из четырех почерков исследуемого памятника нет единства в их употреблении. Все это вместе взятое побуждает нас рассмотреть указанные предлоги-приставки наряду с остальными, имевшими этимологический „ъ“.

„Из“, „без“, „раз“ перед словами, начинающимися с гласных и с [j]. На указанное положение в памятнике имеется следующий материал: бе|зъ основанья I 69г; безъ о҃ца IV 162б; безо очьство III 76б; без оума I 10в, IV 141а; безоумнеи III 78в; безъ оустава I 59г; изиде и др. I 3б, 16б, 17а... — всего 18 сл., II 32в, III 77в, 77б, 77в, 80а, 82г, IV 118г (2 сл.) 121а, 122а... — 10 сл., и|зиде I 42а, IV 116в (2 сл.), 118г, 122г, 158б; изъ о|трочины IV 118в; изъ очесе I 69б, 69в, II 29в (3 сл.); из оустъ I 40а, 65г (2 сл.), IV 170г; изъ оустъ I 39г; и|з оустъ IV 122а; изоутра I 92а; изъ оутрь I 60б; изъ оутробы I 60б; изяти I 69в; изѣдъ I 104г; изъѣсть I 98а, изъѣдають I 103г; разидеться IV 136а, 142б; не ра|зоумни I 60а; разоумѣти и др. I 7г, 36б, 36в, 36г... — 18 сл., II 34в, 35г (2 сл.), III 88в, 89в, 89г... — 7 сл., IV 117а, 122в, 127в... — 15 сл.; ра|зоумѣти I 36в (2 сл.); разоумѣша I 46в; разорити I 4г. Кроме того, в положении перед этимологическим „ъ“ отмечены написания: изми I 43а, 69б (2 сл.); изметь II 34в, IV 140а; изму II 29в; иземъ (З. — изьмъ) III 83б.

Из приведенных примеров видно, что в словах *безоума* (в значении „напрасно“), *безоумнеи*, *изиде*, *разидется*, *разумѣти* и производных от них, в которых *из*, *без*, *раз-* выступают в качестве приставок, ъ на конце этих приставок в нашем памятнике не пишется. В остальных случаях материал неоднороден. Предлоги пишутся перед начальным гласным слова в основном с ъ (*безъ о҃ца*, *безъ оустава*, *изъ отрочины*, *изъ очесе*, *изъ оутробы*), но встретились также написания с конечным о в предлоге (*безоочьство*) и написания без какой бы то ни было буквы между предлогом и следующим гласным корня (*из оустъ*, *из оутра*, впрочем, в двух последних случаях *из-*, возможно, является приставкой, а сами приводимые слова — наречиями). Приставки пишутся в основном без ъ (*изодеть*, *разидется*, *разоумѣти*, *разорити*, *безоумнеи*, *изяти*,

изѣдъ), однако встретились и написания с буквой ъ в тех же словах (*изъѣсть*)[28]. В положении перед этимологическим слабым „ь“ (*изми*) и сильным (*иземь*) в корне „-ѣм-“ нет никаких следов предшествующего „ъ“ в приставке.

Приводимый материал показывает, что в случаях, когда „из“, „без“, „раз-“ выступали в качестве приставок, на конце их гласный не произносился, так как на 94 написания без ъ встретилось только одно написание с ъ: изъоутрь бо о(т) срца человѣчьскаго помысли исходять прелюбодѣяния... I 60б, к тому же в нем *изъ* нельзя с уверенностью считать приставкой. Написания предлогов показывают, что в середине XIV в. в северо-восточной Руси уже было известно употребление буквы ъ в разделительном значении.

Предлоги-приставки „из“, „без“ и приставка „раз-“ перед согласными. Имеющийся в памятнике материал мы сводим в табл. 6. При дальнейшем подсчете как непоказательные исключаются написания, в которых рассматриваемые предлоги и приставки находятся перед словами, сокращенными под титлами, или на концах строк, поскольку написаний буквы *о* в этом положении (что одно могло бы здесь служить доказательством) не встретилось (единственный пример — изо дчере I 60в — не на конце строки).

Таблица 6

Положение в слове	Написание предлогов-приставок		
	из без раз	*изъ безъ разъ*	*изо (безо) (разо)*
1 — перед одним согласным	436	14	—
2 — перед группой согласных, не имевшей этимологических «ъ», «ь» (в том числе в неполногласных сочетаниях)	17	14	—
3 — перед новой группой согласных, ранее имевшей этимологический редуцированный	50	10	1

Из табл. 6 видно, что написания предлогов-приставок *изъ*, *безъ*, *разъ* с буквой ъ на конце составляют 3% по отношению к общему числу встретившихся написаний в положении перед одним согласным. Это, естественно, указывает на то, что в произношении писцов не было гласного в рассматриваемом положении. Но результаты сравнения являются, на первый взгляд, совершенно неожиданными в отношении положения 2 и 3. Оказывается, что написания предлогов-приставок *изъ*, *безъ*, *разъ* с буквой ъ на конце относительно превалируют не в положении перед новой группой согласных (здесь написания с ъ составляют 16,4% и написания с *о* — 1,6%), а в положении перед этимологической группой согласных, не имевшей „ъ“, „ь“, или перед группой согласных в словах с неполногласными сочетаниями — 45%, так как в последнем случае написания с ъ на конце предлога-приставки встречаются почти в три раза чаще, чем в сочетаниях перед новой группой согласных. Это соотношение свидетельствует о том, что 1) рассматриваемые предлоги-приставки исторически действительно не имели на конце гласного; 2) появление буквы ъ на письме в конце указанных предлогов-приставок не связано с процессом падения слабых редуцированных. Наоборот, можно предполагать, что в период падения слабых редуцированных после

[28] Примеры изяти I 69в, изѣдъ I 104г, при изъѣсть I 98а, изъѣдають I 103г следует исключить из общего рассмотрения, так как в них приставка „из-“, видимо, уже находилась в положении перед протетическим [j].

конечного (з) в предлогах-приставках „из", „без", „раз" не было гласного звука.

В положении перед группой согласных (исконна эта группа или нет, для рассматриваемого вопроса, как мы уже имели возможность убедиться, значения не имеет) количество написаний с ъ в два раза больше, чем написаний без ъ, а в приставках примерно в пять раз меньше, чем написаний без ъ, что видно из табл. 7.

Таблица 7

Писцы	Предлоги		Приставки	
	изъ, безъ	*из, без*	*изъ-, безъ-, разъ-*	*из-, без-, раз-*
I	5	4	6	33
II	—	1	—	2
III	1	—	—	4
IV	5	—	6+1	23

Поскольку общее количество предлогов-приставок „из", „без", „раз" в нашей рукописи невелико (за исключением случаев написания их в положении перед одним согласным, что не представляет существенного интереса, так как появления здесь буквы ъ не следовало и ожидать), нижеследующие выводы имеют предварительный характер.

1. В положении собственно перед гласными („нейотированными", по терминологии А. А. Васильева) на конце приставок и особенно предлогов было уже принято употреблять букву ъ в роли разделительного знака. Она передавала не звуковое значение гласного, а указывала только на твердость предшествующего согласного.

2. В положении перед одним согласным, в том числе [j], написания *-зъ* единичны (3% от общего числа случаев) и обязаны своим появлением графической аналогии: писцы восстанавливали предлог-приставку перед следующими за ними *з, ж, ц, ч, ш, с* и буквами, обозначающими гласные. По аналогии с этими написаниями появились написания буквы ъ перед следующими за предлогами-приставками буквами, обозначающими звонкие и глухие взрывные согласные.

3. А. А. Васильев писал, что „ъ гораздо чаще и последовательнее ... встречается у предлогов, нежели у приставок"[29]. Это наглядно видно из статистических данных табл. 7.

4. В положении перед группой согласных написания с *-зъ* и *-з* сосуществуют (причем сосуществуют даже в одних и тех же словах), если на конце группы согласных имеется [р], [л], [н] (например, *из града, без плода, разнѣвася*), что свидетельствует об отсутствии в них гласного звука. Написание *исъбранымъ* IV 149 г[30], в котором писец восстановил несуществовавшую приставку *исъ*, подтверждает эту точку зрения. Перед новой группой согласных, построенной не по нормам начала слога, действовавшим в предшествующую эпоху, пишется *-зъ* или *-зо* (*изъ дщери, изо дчере*, последнее написание представляет русскую форму и безусловно отражает произношение писцов как носителей живого русского языка). Наличие написаний с ъ и с о указывает на произношение звука [о] в этом положении. Появление гласного после рассматриваемых

[29] А. Васильев. Указ. соч., стр. 224.

[30] Впрочем, написания *с* вместо *з* перед сонорными и звонкими согласными встречаются у IV писца не только в приставке *из-* (см. нашу работу „Из истории языка северо-восточной Руси", стр. 97).

предлогов-приставок перед слогом с исчезнувшим глухим было вызвано аналогией со стороны предлогов с древними конечными глухими. Материал Галичского евангелия не позволяет осветить вопрос о времени, когда началось влияние этой аналогии — в процессе падения глухих или после него.

Приставка „въз-"

Ниже материал по установленным выше рубрикам рассматривается в целях краткости сразу и для „ъ", находящегося внутри приставки, и для возможного ъ на конце ее. Переносы типа *во|з* или *въ|з* (при сосуществовании написаний *воз-* и *въз-* не на конце строки) в данном случае являются показательными и при изучении примеров приняты во внимание.

Приставка „въз-" в положении перед корнями, начинающимися с гласного или с [j] (различить по написаниям эти случаи невозможно) представлена следующим материалом: взалкати и другие формы этого слова I 9в, 44а, 45в... — всего 9 сл., II 29б, 33в (2 сл.), IV 116а; възалка и др. формы IV 124в, 129г, 130а, 170г; взиде I 4а, 4в, 10г... — 10 сл., IV 157а, 170б; въ|зиде IV 165в, 177а; възиде IV 159в, 164в; взискати и др. формы I 13б, 26а... — 5 сл., III 79а, 81в, 86б, IV 138в, 168а; взыграите I 18б; възыграся IV 173а; въ|зыграся IV 172г; взяти и др. формы I 11а (2 сл.), 16б, 17в... — 20 сл., III 79б, 86б, 93а, 93б, IV 121б, 127в, 128а... — 8 сл.; въ|зять IV 123в; вземлеши и др. формы I 37б (2 сл.), 47а, 57г... — 11 случаев, III 87б, IV 117б, 170в; въземъ IV 157г; взопьеть I 110в, III 88в; воспиша I 50в (2 сл.), 108в (2 сл.); во|спиша I 45б; въспи и др. формы I 54в, 64а, 108б, 113б; возметь, возми и др. формы I 11а, 17а, 17б... — 18 сл., II 33в, IV 133а, 142а, 143а... — 8 сл.; во|змоуть и др. формы I 11а, 73в, IV 160в; възметь и др. формы 41в, 53в, 68в (2 сл.), 111в, III 79г, 87б, 93в, IV 117б (2 сл.), 117г, 129б... — 9 сл.; въ|зми I 50в, 68в, IV 117г; възь|меть IV 148в. Таким образом, в положении перед гласным корня (как исконным гласным полного образования, например *взалкати*, так и из этимологически „ъ", „ь" сильных — *взопьеть*) I, II и III писцы пишут только *вз-*. У IV писца таких написаний две трети, при одной трети написаний *въз* (точнее, 15 и 8).

Написания *въз-* у IV писца при отсутствии в рассматриваемом положении написаний *воз-* и наличии *вз-* указывает либо на графический прием, свойственный только этому писцу, либо на влияние другого оригинала (в разделе „Палеография" было установлено, что у второй части Галичского евангелия 1357 г., написанной IV писцом, был иной оригинал, чем у первой части, написанной первым писцом — Фофаном, II и III писцами[31]). Можно полагать, что IV писец, как и первые три, в данном положении произносили рассматриваемую приставку как [вз]. Это обстоятельство и факт оглушения конечного [з] приставки (*воспиша*, *въспи* и др.) указывает, что в конце приставки „въз-" гласного элемента вообще не было. Этимологический „ъ" внутри приставки в положении перед гласным (или сочетанием [j]+гласный) был в слабом положении и потому исчез из произношения писцов.

В положении перед корнями, некогда начинавшимися с редуцированного слабого, приставка „въз-" пишется двояко: *воз-* и *въз-* (*возметъ*, *възметъ*). У I писца примерно две трети написаний *воз-* при одной трети написаний *въз-*, у IV писца тех и других написаний встречается примерно поровну, у III писца только *въз-* (3 сл.), у II — *воз-* (1 сл.). Преобладание в целом написаний *воз-* ($^3/_5$) свидетельствует

[31] См. указ. работу „Из истории языка северо-восточной Руси", стр. 36, 40—41.

о произношении [о] и роли буквы ъ как графического дублета буквы *о*. Единичное написание *възъ|мѣть* IV 148в — свидетельствует только о мягкости конечного [з'] приставки, а не о наличии гласного элемента между [з] и [м]. Это написание обязано своим появлением тому, что приставка *въз-* оказалась в конце строки.

В приставке „въз-" последовательно всеми писцами в середине ее пишется ъ в случаях, когда за приставкой следует корень, начинающийся с одного согласного (примеры многочисленны, опускаем их).

В тех случаях, когда конечный [з] ([с]) приставки ассимилировался с последующими [з], [с], [ж], [ш], пишется только одна буква корня, а конечный согласный приставки опускается: взовуть III 83в (2 сл.), 87а; вжегъ III 77в, 78б; вжагають IV 158а; вжелѣють III 86а; въжелѣ(х) IV 132а; вжадати I 9в; въжада и др. I 14в, 109г, IV 129г, 130а; въ|жадати I 14в; въсадиша I 110б; всѣлъ I 105а; въсѣде I 105б, 110а, IV 121г, 122г; въ|сѣдъ IV 121г; восияеть и др. формы II 31а, 35в, IV 171в. Часть этих слов известна в таких написаниях уже древним памятникам. В этом положении приставка произносилась без гласного на месте старого „ъ" в середине приставки.

В написаниях приставки „въз-" четырьмя писцами Галичского евангелия в положении перед группой согласных, не имевшей ранее в своем составе слабых редуцированных, нет полного единообразия. Поэтому ниже приводится весь имеющийся материал: възгнѣтившимъ I 112а; въздвигъ и др. формы I 20г, 98б (2 сл.), II 34в, III 91г; въ'здвигнеши I 5а; въздиже (ошибочно пропущено *в*) I 50а; възъдвиже IV 118г, 126б, 159б, 168в, 169в; възъдви|гъши IV 159б; въздрѣмаша I 63г, IV 128б; въсклонить III 87г, 91г; въскрича I 45в; въ|скричаша I 58а; въ во|скршние I 46г; въ|скрѣшаите II 30б; въсъ|крѣсноути IV 122б, 156а; въ|скр(с)ноуть I 110в; въсплачються I 23а, 48а, 62г; въсъ|плачете IV 141г; въ|сплачють IV 124а; въсприметь и др. формы I 1г, 68г (2 сл.), III 86г, 115а, IV 150а; въспросять и др. формы I 2а, 18в (2 сл.), 23б ... — всего 14 сл., IV 126г, 142а (2 сл.); въ|спросите I 23б, 107в, 108б, 110б; въ|съпроси IV 150г; въ|струби III 114б; перед вставным [д] в сочетании [здр]: въздрадовашася IV 131г и со вставкой *в* в этом положении: възврадовася III 87в (описка?) при обычном възрадовася IV 131а, 139г, и др., всего 7 раз, и в переносе въ|зрадовася IV 164а; кроме того, в слове въ|здрися I 99б (описка — в корне пропущено *е*).

Слово *въстати* и производные от него не должны рассматриваться наряду с приведенными выше, поскольку уже в древнейших памятниках они известны в написаниях с одним *с*, отражающих процесс ассимиляции и утраты долготы. Встретились они в следующих случаях: въста и др. формы I 2б, 3а (2 сл.), 8а ... — 46 сл., II 29а, 32в ... — 6 сл., III 76б (3 сл.), 76г (2 сл.), 78б ... — 11 сл., IV 117а, 117б (2 сл.), 118г ... — 36 сл.; о встаньи IV 126в; востане(т) I 51г; кроме того, в переносах: въ|сташа и др. формы I 5б, 24а, 42в ... — 7 сл., II 30г, 35а, III 90г, IV 155в, 156б; въставить (в значении 'воскресить') I 46в, 100б.

Слово *въскрѣсноути* и производные от него часто бывают сокращенными под титлом. В этих случаях они всеми писцами пишутся с приставкой, имеющей вид *въс-*, однако встретилось два отклонения: во|скршние I 46г, вскршнье I 76.

В положении перед группой согласных в неполногласных формах встретились следующие написания приставки „въз-": възбрани и другие формы I 69а, 103в, 112г, III 79б, 94б; възбраниша I 74а; възъбраняше IV 170б; възвратити и другие формы I 3а, 44г, 45в ... — 13 сл., II 29г, 30в, 35а, III 77а, 78а (2 сл.), 80в ... — 10 сл.; въ|звратися и др. I 65б,

74в, 92г, III 114а; възъврати и др. формы IV 123в, 137а, 166г ... — 7 с
възъ|врати IV 146г, 150б, 156б, 167г; въ|зъврати IV 124в, 151г, 16
166б; на възглавьи I 54а; възгласи и др. I 75в, 104а, 112б, III 80в, 113г, и т
титлом I 3в, 18б; въ|згласи I 18в, III 85г; възъ|гласи IV 138г, 144в, 145б (2 с.
въ|зъгласить IV 136б; не|зъгласить (описка, опущены *въ*) IV 13
възъгласи IV 123а, 133а, 138а, 150а; въспрѣщахоуть I 63б; въ|спрѣщахоу I 9

При написании *въз-* в словах, сокращенных под титлами, между п
фиксом и корнем, написанным под титлом, часто ставится буква ъ, ко
рая имеет здесь чисто графическое значение: *възглете*, *възъбл(д)*
възъблгодаритъныя и др. В случаях переносов, падающих на гран
между префиксом и корнем, буква ъ также не имеет звукового зна
ния и пишется согласно орфографическим нормам конца строки (нап
мер, въсъ|плачете IV 141г). Эти случаи исключаются нами при изу
нии материала.

Однако и после исключения этих двух групп слов остаются напи
ния, в которых между приставкой и корнем находится буква ъ. Ск
относятся: *възъдвиже* 6 раз у IV писца, при 6 написаниях *въздви*
у I, II и III писцов; *въ|съпроси* — 1 раз у IV писца, при четырех на
саниях *въ|спроси* у I писца; *възъбраняше* 1 раз у IV писца при 6 на
саниях *възбрани* I писца; *възъврати*, *въ|зъерати* и др. формы вст
чаются 11 раз у IV писца, при *възврати*, *въ|звратн* 30 раз у I, I
III писцов; *въ|зъгласить*, *възъгласи* — 5 раз у IV писца, при *възгла*
въ|гласи 9 раз у I и III писцов. Полагаем, что в этих случаях име
место индивидуальная манера письма IV писца, не всегда последо
тельно выдерживаемая им (ср. у того же писца: *въздрѣмаша*, *въ|спл*
чють, *въсприметь*, *въспросять*). Буква ъ, стоявшая между приставк
„въз-" и корнем, гласного звука не обозначала.

После [в] в приставке „въз-" в словах культового языка на мес
старого „ъ" писцы Галичского евангелия произносили звук [о]. І
это указывают единичные написания с буквой *о* слов *воскрщение*, *в*
танеть. В остальных случаях последовательно пишется ъ. Эта пос
довательность показывает стремление писцов соблюсти единство нап
сания морфемы, благодаря чему строго выдерживается традиционн
написание.

Группа слов с приставкой „въз-" перед новой гру
пой согласных, имевшей ранее в своем составе этим
логический редуцированный в слабом положении, весь
немногочисленна. Сюда относятся: възъдхноувъ IV 117в; възрите
другие формы этого слова 8г, 42в, 51а ... — 11 сл., II 32а, III 93в (2 сл
IV 116б, 117в, 150г, 154а; въ|зрѣвъ I 3б, 96б, 112б; возрить и д
формы I 26в, 72б, III 89б; възва I 20б, 49г, III 87г, IV 145г; въ|з
I 45г; возва и др. формы I 12г, 71а, 97г, 113б, II 30а, III 87г, IV 167
вьжьжень I 53в. Написания с *о*, как видим, отмечены у всех писцо
В положении перед группой согласных, утратившей слабый „ъ" или „ь
этимологический „ъ" в середине приставки „въз-" оказывался в сильно
положении и закономерно должен был совпадать с [о]. В этих случа
произношение [воз] ([вос]) было свойственно не только церковнокни
ной речи писцов, но и бытовой, в той мере, в какой те или иные сло
употреблялись в последней.

Значительное количество написаний во всех положениях приста
„въз-" („въс-") с буквой ъ указывает не на произношение в этих сл
чаях особого звука [ъ] в приставке, а на стремление писцов выдерж
вать единство написания морфемы. Наряду с ними в одном положен
прорываются написания *вз-*, в другом — *воз-*, которые и указывают
реальное произношение.

Приставка „об-"

В исследуемой рукописи не встретилось предлога „об". Выражение *об он полъ* мы вслед за Л. Л. Васильевым[32] рассматриваем как наречие; *обнощь* квалифицируем также как наречие, и *об* как приставку в нем, а не как предлог с существительным, поскольку уже О. е. имеет написание *обнощь* 90а (хотя А. Х. Востоков рассматривал его как предлог *объ* при существительном *нощь*[33]).

Приставка „об-" перед гласными встретилась в следующих случаях, представляющих собою упрощение более древнего сочетания „б+в": оби, обитъ и др. I 8г, III 114а, IV 151а (2 сл.), 154а; оболчена III 77г; обяза и др. III 83б, IV 121 в (2 сл.); обѣсять I 43а; обѣшеною IV 153а; обѣщаша I 105в, кроме того, в положении перед исконными начальными гласными: обаче II 33а, III 81а, 82в, 86в, 87в; об онъ полъ IV 171б; обидоша I 17б и др.

В этих примерах приставка „об-" непосредственно присоединялась к последующему гласному корня. Несомненно, что она искони кончалась согласным.

Приставка „об-" в положении перед начальным [j] представлена в памятнике незначительным количеством случаев: обьемлють I 69в, IV 161г; объемлють I 69в, II 28г; обятъ I 1в; обьяденьемь I 109б, и, по-видимому, обуимуть III 88в. Для обозначения [j] в этих случаях писцы пишут между приставкой и корнем букву ъ или ь, которые, видимо, в этих случаях не обозначали гласного звука (ср. в О. е. объимъ 248г, обьемлють 231а). На отсутствие гласного после [о] указывают примеры с опущением ъ и самое сосуществование написаний *объ* и *обь*. Значение букв ъ, ь в положении перед словами, начинающимися с [j]+гласный, по-видимому, аналогично значению их в этом же положении в современной русской графике (разделительное).

В положении перед одним согласным, как исконным, так и получившимся в результате упрощения более древних сочетаний, всеми писцами последовательно пишется приставка „об-" без ъ на конце ее.

В положении перед группой согласных, имевшей до падения глухих слабый редуцированный, встретилось написание *обльстять* IV 126а. Гласный [о] между приставкой и корнем мог бы восходить к „ъ", который в данном случае оказывался в сильном положении.

Поскольку же „ъ" на конце приставки „об-" не было, появление [о] в слове *обльстять* надо объяснять влиянием аналогии со стороны сильного положения ъ в других предлогах и приставках, имевших на конце этимологический „ъ", и спецификой самого этого слова (см. ниже).

Предлог „близь"

Предлог „близь" последовательно всеми писцами пишется с буквой ь на конце. Можно предполагать, что значение буквы ь в нем не отличается от значения ее на конце самостоятельных слов: ь указывает только на мягкость конечного согласного, но не на наличие гласного на конце предлога.

---

[32] См. указ. работу Л. Л. Васильева, стр. 240, примечание.

[33] А. Востоков. Остромирово евангелие 1056—57 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями. СПб., 1843, Словоуказатель, стр. 184.

4. Слабые редуцированные в суффиксах и флексиях

При изложении материала ниже за основу берутся те или иные этимологические суффиксы, а не наличие или отсутствие в определенных случаях букв ъ и ь. Материал, относящийся к тому или иному суффиксу, группируется в зависимости от окружающих суффикс согласных.

Суффикс „-ьн-"

Суффикс „-ьн-" после губных согласных сравнительно последовательно пишется с пропуском буквы ь. Так, после *в* написаний *-ьн-* не встретилось, за исключением случаев переноса, падающих непосредственно на этот суффикс, и слова *црковьныи* с корнем, сокращенным под титлом. После корневого [м] в суффиксе „-ьн-" буква ь пишется последовательно лишь в конце строки. Встретилось только четыре написания *-ьн-* после *м* не в переносе: наимьникъ IV 158в (3 сл.); темьная III 112а. Однако буква ь пишется после группы согласных, кончающейся на [м]: хризмьная IV 130г, чьрмьноуеть I 41а (2 сл.). После *б* встретилось одно написание ь в суффиксе „-ьн-" в положении не на конце строки: подобьна IV 126г и, кроме того, после группы согласных: прискорбьни IV 136б. После *п* встретился всего один случай употребления суффикса „-ьн-" и тот без ь: коупно I 37а.

Суффикс "-ьн-" после зубных взрывных [д], [т] (но не в группе согласных) обычно пишется без буквы ь. Встретилось лишь два исключения: послѣдьняя IV 151в; прапрудьноую IV 146б. При переносах обычно пишется ь|*н*, но встретились единичные написания с буквой ъ: праведъ|ныи I 102а; невъзбл̀годаритъ|ныя I 68г. После [д], [т], оканчивающих группу согласных, буква ь в суффиксе пишется чаще. Так, IV писец в этих случаях пишет всегда *ьн* (7 примеров). У III писца встретилось одно написание: причастьникъ III 89б; у II писца также лишь один пример, но без буквы ь: невѣстникъ II 29б. У Фофана два написания с буквой ь, одно из них в слове, сокращенном с выносной буквой — окр(с)тьняя I 72б, другое после переноса — бещестьна I 99а, и 19 написаний без буквы ь. Из последних 15 падает на слово *праздникъ* и производные. В произношении этого слова писцом, по-видимому, уже не только не было никаких следов старого „ь", но и произошло упрощение группы согласных, о чем свидетельствуют два написания *празникъ*, встретившиеся у того же Фофана.

После свистящих [с], [з] суффикс „-ьн-" пишется обычно без буквы ь. Встретилось лишь как исключение: лозьнаго I 110г, IV 135а.

После [ж] и [ш] (но не за сочетанием плавный+[ж], или [ш]) Фофан и II писец последовательно пишут суффикс *-н-*. III писец в положении после *ж* пишет обычно *н* (11 сл.), но встретилось два написания *-ьн-*: възможьно III 95а (2 сл.); после [ш] у III писца имеется лишь пример грѣшникъ 4 раза, других написаний не встретилось. У IV писца, наоборот, преобладают написания *-ьн-* (16 случаев *-ьн-* на 3 написания *-н-*): должни IV 135в; долъ|жни IV 134а; то|ръжникомъ IV 129б. После *ш* у IV писца 4 раза встретилось написание *-ьн-*, при 11 написаниях *-н-*. После *ч* у Фофана, II и III писцов встретилось только написание *-чн-* (без ь), у IV писца на 6 написаний *н* встретилось одно написание слова под титлом с указанным суффиксом в виде *-ьн-*: *пр̀рьно* IV 172б. После *щ* у Фофана встретилось; 12 написаний *-н-* и одно написание *-ьн-*: мощьно I 106в; у II и III писцов примеров с суффиксом „ьн-" после [щ] не встретилось; у IV писца имеется хыщници IV 161г и два написания *-ьн-*: немо|щьна IV 136г; нощьноую IV 165г. Представляет

интерес новообразование — округнихъ I 57в — единственный случай. Оно могло получиться после падения редуцированных, когда к основе, оканчивающейся на задненебный [г] присоединился суффикс [-н-]. Можно, однако, считать, что [г] в этом слове сам был восстановлен по аналогии, когда стали возможны сочетания задненебных с гласными переднего ряда. В положении после *л* у Фофана на 18 написаний *н* встретилось 3 написания *-ьн-*: больна I 100г; дово|льно I 111в; хоульныя I 107в. У II писца примеров не встретилось. У III писца встретилось 9 написаний *н*, случаев *-ьн-* после *л* у III писца не отмечено. У IV писца на 17 написаний *н* имеется одно написание *-ьн-*: оумывальницю IV 133в (при трех случаях пропуска *ь* в этом же слове). После [р] у Фофана, III и IV писцов суффикс „-ьн-" пишется всегда без *ь*; у II писца примеров нет. Можно утверждать, что в положении после одного согласного [р] или [л] перед [н] в суффиксе „-ьн-" никакого гласного писцы не произносили, в противном случае не было бы возможно написание мюръ|ная I 63б, отражающее отвердение согласного после утраты в суффиксе „ь".

Особого внимания заслуживают написания суффикса „-ьн-" в слабом положении в виде *-ен-*". Два случая вѣтрена I 54а, 71г являются, очевидно, фонетическими: после группы согласных „шумный согласный+[р]+[ьн]" „ь" проявлял себя так, как если бы он был в сильном положении. По-видимому, в эпоху утраты слабых редуцированных, для того чтобы избежать слоговости [р] в новом закрытом слоге, „ь" переходил в гласный полного образования [е]. Таким же образом объясняется написание *сребреникъ* Фофаном, III и IV писцами всегда через *е* в суффиксе „-ьн-" (у II писца это слово не встретилось). В написании искрь|нимъ можно видеть традиционный *ь*, а в произношении предполагать звук [е]. Если распространить это объяснение на случай „шумный согласный+[л]+суффикс [-ьн-]", то в приведенном выше написании слова несмысленая I 2г можно видеть за буквой *е* звук [е]. Встретившееся единичное написание вѣре|ныи IV 118в при 14 написаниях без *е* или *ь* (в том числе три примера у того же IV писца), — если оно не простая описка, — появилось вследствие морфологической аналогии: влияния сильного положения в других формах, например *вѣренъ*.

Написание игльнѣ I 96в (2 случая) следует рассмотреть особо. Здесь пропущен сильный „ъ" в корне. Возможно, что пропуск его имел место уже в оригинале, с которого списывал Фофан. Надо заметить, что в Остромировом евангелии это слово встречается с суффиксом *-ин-*: игълинѣ 77в, 111б. Если это образование с суффиксом „-ин-", то понятно исчезновение „ъ" в корне, но зато становится непонятным появление суффикса „-ьн-" в написании этого слова в данном случае. Можно думать, что в русской разговорной речи это слово бытовало с суффиксом „-ьн-" (ср. в современном русском языке „игольное ушко"). Если так, то написание *игльнѣ* следует рассматривать как контаминацию основы, типичной для орфографии старославянских памятников, отражающих утрату слабого „ъ", и русского живого, разговорного суффикса.

В положении после согласного [н] суффикс „-ьн-" последовательно пишется в виде *-ьн-*. Случаев опущения буквы *ь* не встретилось. Такое написание обязано своим появлением орфографической традиции, а не тому, что *ь* обозначал в самом говоре писцов гласный звук. Последовательность объясняется, видимо, легкостью этого случая для запоминания и отсутствием вообще в системе правописания сочетаний двух одинаковых букв, обозначающих согласные. Но возможно, что в отчетливом культовом произношении между одинаковыми согласными по нормам того времени должен был произноситься глас-

ный звук. На это указывает и последовательность написания *-ньн-*, и написание *истиненыи* I 1в, на первом листе Галичского евангелия. Как известно, начало рукописи всегда писалось особенно тщательно, и это не позволяет видеть в написании *истиненыи* простую описку.

После группы согласных, оканчивающейся на [н], встретились следующие написания: огненѣи, огненое I 26б, 43б, IV 162б при написаниях огньнѣмь, огньное двумя другими писцами: II 31а, III 71в, 90б, 95в. Они отражают произношение звука [е]. Это же относится к слову болѣзньнии I 71г. Здесь во избежание слоговости [н] в период падения слабых редуцированных „ь" изменялся в [е] так же, как если бы он находился в сильном положении. (По-видимому, такие просторечные выражения как „истиный бог" и „ах, ты мой болезный" появились в языке несколько позже, если только они не присущи исключительно западным и южным диалектам).

На основании анализа приведенного материала можно заключить, что судьба гласного в этимологическом суффиксе „-ьн-" находится в зависимости от качества предшествующего согласного основы. В положении после одного согласного иного места образования, чем [н], имела место простая утрата слабого „ь", а звук [н] вместе с предшествующим согласным примыкал к следующему слогу. По относительной употребительности написаний буквы *ь* перед *-н-* в суффиксе „-ьн-" после одного согласного разного качества эти согласные образуют такой понижающийся ряд: *ч* (50 написаний с *ъ*, без *ь* — 1) > *д* (72 с *ь* и без *ь* — 2) > *р* (25 и 1) > *б* (24 и 1) > *щ* (56 и 3) > *л* (43 и 3) > *в* (41 и 4) > *щ* (15 и 2) > *м* (29 и 7) > *ж* (55 и 14) > *з* (2 с *ь* и 2 без *ь*) > *т* (написаний с *ь* нет, без *ь* — 34) > *с* (написаний с *ь* нет, без *ь* — 43). Примеры на *п* и *г* не показательны, так как встретилось лишь по одному написанию без *ь*. Общий вывод на основании этих данных сделать затруднительно. Впрочем, обращает на себя внимание последовательное отсутствие написаний *ь* после глухих зубных согласных и относительно малое число их после зубных же звонких, но фрикативных.

В написаниях после группы согласных нашли отражение разные школы письма и разные типы произношения писцов. Из-за малочисленности примеров у II и III писцов утверждать о их произношении что-либо определенное трудно. У Фофана же и IV писца имеются известные расхождения. Правописание Фофана, очевидно, отражает его произношение: сочетания [дн], [тн] он произносил без какого бы то ни было призвука гласного. В частях, написанных IV писцом, последовательно выдержано правописание *-тьн-*, *-дьн-* после согласных. Это может указывать на более прочное усвоение им традиционной орфографии или на культивируемое им, поддерживаемое церковным пением произношение таких написаний отдельным слогом с [д^{ь}], [т^{ь}] мягкими. В положении после группы согласных с конечным плавным перед [н] произносилось [е] (*вѣтрена*, *несмыслена*, *искренимъ*).

Суффикс „-ьств-"

Суффикс „-ьств-" почти совершенно последовательно в любых положениях писался всеми писцами с буквой *ь*. Пропуска *ь* нет совсем, но встретился один случай замены *ь* буквой *е*: свѣдѣтелство I 2а, и два примера с заменой *ь* на *ъ*: въслѣ|дъствоующими IV 155г; наслѣдъствоуите I 109в (в последнем примере *ь* переправлен на *ъ*). Упрощение суффикса „-ьств-" отражается в написаниях четверовла|ствоующе IV 169б; четверовласть|воующе IV 169б. В этих случаях опущены повторяющиеся буквы *ст* в написании суффикса, что отражает, по-видимому, закрепившееся в произношении упрощение в этом чуждом живому языку

слове (в М. и О. е. еще последовательно пишется *четвръτовластъ-ствоуѫштоу* — М., *четвртовластьствоуѫщоу* — О. *е.*).

При рассмотрении всех данных необходимо исключить слова *бѣство* и *шествие* (*пришествие*). Слово *пришествие* встречается в написании только через *е*: пришествие I 47г, 58б, 61а... — 7 сл., прише|ствие I 61а. Написание этого слова через *ь* и без предшествующего ему согласного [д] имеет место уже в Мариинском и Остромировом евангелиях — *шьствие*. В этом слове *ь* является корневым элементом, а суффикс, по мнению Ф. Ф. Фортунатова и В. Н. Щепкина, был только „stv" еще в период появления старославянской письменности[34]. Тот же суффикс „-ств-", а не „-ьств-" имеется в слове *бѣство*[35]. В нашем тексте слово *бѣство* встретилось в написаниях: бѣство IV 102в, бѣ|ствьо IV 123г. Нарушение правописания суффикса „-ьств-" после [д]: (*наслѣдъ-ствоуите* — 2 случая) указывает на исчезновение старого „ъ". Можно распространить соображение об исчезновении в этом случае „ь" и на положение после [т], т. е. такие случаи, как *богатьство, десятьствуете*. Однако на слово *естьство* это, по-видимому, не распространяется, так как в нем имеет место не одиночное [т], а группа [ст]. Видимо, здесь либо произошло упрощение группы согласных, не отраженное на письме, либо буквой *ь* обозначен какой-то гласный звук, вернее всего типа [е], как в современном литературном языке. (Впрочем, слово *естество* в современном литературном языке нет необходимости выводить из древнерусского, поскольку формы с огласовкой суффикса „-ьств-" как [еств] получили особое распространение в период после второго южнославянского влияния).

Слово *четверовластьвующе* (в соответствии с *четвръτовласть-ствоующе* в М. и О. е.) указывает на распадение первоначального суффикса: в сочетании „ст+ст" упрощается стечение согласных, чуждое писцу по своей структуре. Написание *ь* после *ст*, видимо, не имеет никакого отношения к вокализму и появилось под влиянием орфографии слова *власть*. Сравнивая слово *четверовластьвующе* и слово *естьство*, можно думать, что в написании *естьство* буква *ь* обозначала гласный, иначе выпало бы одно из повторяющихся сочетаний [ст].

Один пример написания *свѣдѣтглество* с буквой *е* в рассматриваемом суффиксе, при отсутствии случаев пропуска *ь*, может указывать на произношение в этом слове гласного полного образования. Объяснить это явление можно тем, что в период падения редуцированных слогораздел в этом слове продолжал проходить перед [л] и после него. Поэтому во избежание образования слогового [л] „ь" — здесь слабый — перед группой согласных в период падения слабых редуцированных сохранялся, а затем совпал с [е], подобно тому, как если бы он был в сильном положении. После других сонорных традиционное написание суффикса „-ьств-" выдержано последовательно, и поэтому нет указаний на возможность отнести написание суффикса после сонорных к типу написания его после [л] или квалифицировать как-либо иначе.

Сравнительно строго выдержанное написание суффикса „-ьств-" с буквой *ь* указывает на хорошую орфографическую выучку писцов. Выше при рассмотрении „ъ", „ь" в других суффиксах, предлогах и даже конце слова не было отмечено столь последовательно выдержанного правописания. Если бы в рассматриваемом положении произносился

---

[34] См. Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова евангелия. Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Ч. 2. СПб., 1908, стр. 1428; В. Н. Щепкин. Рассуждение о языке Саввиной книги, СПб., 1899, стр. 138.

[35] Ф. Ф. Фортунатов. Указ. соч., стр. 1427.

звук [е], можно было бы ожидать написаний буквы *е*. Имеющиеся два случая замены *ь* на *ъ* после *д* безусловно свидетельствуют об утрате в них старого „ь". Если наш вывод в предыдущем разделе о том, что между глухими зубными согласными утрата слабых редуцированных происходила особенно рано, правилен, можно полагать, что не в положении после сонорных, особенно в окружении глухих согласных, имела место давняя утрата „ь" (в самом начале процесса падения слабых редуцированных).

Отсутствие отражения на письме в этих случаях изменения [дс] в [тс] и [тс] в [ц] объясняется, видимо, двумя причинами: 1) стремлением писцов сохранить основной вид корня, ясный писцам по родственным словам (наслѣдствуите — наслѣдие, богатство — богатыи), 2) наличием в произношении писцов каких-то данных для постановки в этих случаях буквы *ь* (может быть, только мягкости первого согласного элемента в этом сочетании согласных). В положении после сонорных и [в] граница слога, видимо, проходила перед следующей за „ь" группой [ств], начинающейся с глухих согласных. В положении после [ш] (встретилось 18 написаний), [ч] (11 написаний) и [ж] (10 написаний) нет примеров, отражающих ассимиляцию, поэтому можно предполагать наличие какой-то, хотя бы и очень незначительной, переходной артикуляции, т. е. наличие слабого гласного элемента, указывающего на границу слога перед группой [ств].

Суффикс „-ьск-"

Еще более выдержанным является написание буквы *ь* в суффиксе „-ьск-" (и его разновидности — „ьст"): пропуска буквы *ь* в нем не встретилось, замены *ь* на *е* или *ъ* также нет. В связи с этим приобретает интерес встретившееся написание этого суффикса в обычном виде в положении, где следовало бы ожидать изменения „ь" в гласный полного образования [е]: силуамьскъ III 82а. При столь последовательно выдержанной орфографии в написании суффикса „-ьск-" („-ьст-") вывода о произношении звука, обозначаемого буквой *ь*, или об отсутствии за этой буквой какого то ни было гласного звука сделать нельзя. Возможно, что значение буквы *ь* в суффиксе „-ьск-" такое же, как и значение ее в аналогичных положениях в суффиксе „-ьств-".

Суффиксы „-ьш-" причастий и сравнительной степени

Вместе с суффиксом „-ьш-" в причастиях в исследовании по фонетике можно рассматривать и суффикс „-ьш-" сравнительной степени прилагательных, тем более что последняя категория представлена незначительным числом примеров.

В положении после одного согласного нет написаний указанных суффиксов с буквой *е* на месте „ь", но есть единичные примеры пропуска буквы *ь*. Можно полагать, что в случаях, где буква *ь* пишется, она обозначает мягкость предшествующего согласного. Написания с пропуском *ь* указывают на отсутствие гласного звука в этих сочетаниях (но не на твердость согласных).

В положении после группы согласных ни у одного из писцов нет случаев пропуска буквы *ь* без замены его другой буквой. Наоборот, сравнительно часты случаи написания буквы *е* на месте старого слабого „ь": мыслышю IV 165б; после сочетания губного с [л]: оставльше IV 126а; оста|влеше I 52г; оставлеше IV 137б; приступльше IV 137в, 138а, 145б, 153а, 154г; приступлеше I 71г, 72б; со|вкоуплеша

I 3а. По-видимому, в период падения слабых редуцированных „ь“ в этом положении задерживался группой согласных (особенно, если она начиналась с плавного) и после исчезновения из языка редуцированных как фонем совпал с [е], как если бы „ь“ был здесь в сильном положении.

Суффикс „-ьц-“

Правописание буквы ь в суффиксе „-ьц-“ отражает в основном фонетические изменения, происшедшие после падения слабых редуцированных. В положении перед слогом с гласным полного образования (этимологическим или из „ъ“, „ь“ сильных в падежных окончаниях) буква ь в суффиксе обычно не пишется. Однако у IV писца есть отдельные отклонения: *градьца*, *коньца*, *перевьньца*, *птеньца*, *старьци*, *чадьца* — всего 7 случаев на 21 написание без ь у него же. У первых трех писцов буква ь в аналогичных случаях не на переносе не встречается. Буква ь здесь не обозначала гласного звука. На это указывает количественное соотношение примеров у IV писца и, главное, неодинаковое написание суффикса в одном и том же слове. Так, слово старьци IV писец пишет лишь один раз с буквой ь в суффиксе „-ьц-“ при 12 написаниях без ь.

В написаниях а|гньца I 74в и мертвеца III 85в можно предполагать указание на наличие гласного в суффиксе в положении после группы согласных с сонорным на конце. Оба они относятся к писцам, обычно не употребляющим ь в суффиксе „-ьц-“ (Фофан и III писец).

Суффиксы „-ък-“

Материал показывает, что в положении после одного согласного, как правило, ъ в суффиксах „-ък-“ опускается. Исключения следующие: оузъкыми IV 161в; по пятъцѣ IV 151б; книгъчия I 49г, при пропуске ъ в тех же словах: оузка II 28в; книгчия I 41г, 59б. Эти исключения считаем данью орфографической традиции. Кроме того, ъ пишется после букв, обозначающих согласные того же места и способа образования (различающиеся лишь звонкостью-глухостью): мягъкы, мякъкы I 70б, II 32в; мя|къки II 32в. После группы согласных пишется ъ и лишь иногда вместо него буква *о*: опрѣснъ|ци IV 130в; при опрѣсноци I 68б, 103б; жестъко I 11г; высокоме|разъко III 85а. Замена ъ через *о* в слове *опрѣсноци*, видимо, объясняется тем, что сочетания согласных с сонорным между шумными не существовали в языке предшествующей эпохи и потому оказались трудно усвояемыми для носителей языка в дальнейшем развитии последнего. Таким образом, мы видим здесь еще пример того, что слабые редуцированные в соседстве с сонорными между шумными согласными вели себя так, как если бы они были в сильном положении, и потому совпали с [о] и [е] и соответственно заменялись через *о*, *е*. Написание *жестъко* представлено единичным примером и потому не поддается фонетической трактовке. Может быть, в написании с ъ следует видеть отражение уже начавшегося семантического расхождения (ср. современные *жесткий, жестокий*).

Суффиксы „-ъш-“, „-въш-“

Писцы Галичского евангелия различно передавали суффиксы причастий действительного залога прошедшего времени („-ъш-“, „-въш-“). У II и III писцов встретились лишь единичные написания этих суффиксов с буквой ъ, а именно: у II писца один раз влѣзъше II 29а (при 9 написаниях без ъ), у III писца падъши III 80б и шедъ|ша III 88а

с разделением слова на строке на две части из-за дефекта пергамена. У Фофана встретилось 16 написаний с ъ при 182 без ъ, у IV писца 32 с ъ и 156 без ъ (написания с ъ при переносе в подсчет не вошли). В столь явном преобладании написаний с ъ у IV писца (5%) и, особенно, у Фофана (11,5%) по сравнению с III писцом (у II писца слишком мало примеров) могло сказаться различное с их стороны отношение к традиционным буквам ъ оригиналов, с которых они списывали рукопись. Эти факты, а также полное отсутствие написаний буквы *о* на месте „ъ" показывают, что гласного звука на месте этимологического „ъ" в живом произношении писцов не было.

В последовательном написании ъ перед [ш] после группы согласных, начинающейся с плавного (извергъше I 110б; померкъшю IV 150а; отве|ргъше I 70б; отве|рзъше IV 166г) можно было бы видеть особое произношение с сохранением гласного на месте старого редуцированного, но встретившийся материал слишком малочислен и недостаточно убедителен для того, чтобы утверждать это.

Суффиксальная частица „-шьды"

Она встретилась в следующих сложениях: три|шьды IV 145б; многажьди IV 118в, 143в; многажды I 42а, 43а (2 сл.), 47б (2 сл.) и др.; седми|жды III 85б; дважды I 108а; тришды I 108а; сътижь|ды I 96 г. На отсутствие какого-либо звука на месте слабого „ь" в ней указывают приведенные примеры с озвончением „ш" в [ж] перед [д].

Редуцированные в падежных флексиях

Вопрос о редуцированных в падежных флексиях является вопросом морфологическим, так как здесь, как нигде, проявляется влияние аналогии. При слабом положении „ь" во флексиях в рукописи встретились написания с буквой ь или без ь: дверми I 16г (2 сл.), 103а, 107г; дньми I 107б, IV 137в, 148в, 149а; съ звѣрми I 49в; людми I 2в, III 80б, 89г; печальми I 109б, стр(с)тьми I 25в; четырьми I 5а; четы|рьми IV 117а и т. п., но треми IV 137в, 144г, 148в, 149а, 153б; тре|ми I 107б. В этих случаях написание *треми* отражает произношение писцов: в положении после согласного и плавного перед следующим согласным „ь" не только удерживался, но в период после падения редуцированных изменялся в гласный полного образования [е]. Такие примеры встречаются в рукописи в аналогичном положении в корнях (они рассматриваются ниже) и в суффиксах (см. выше).

5. Редуцированные в корнях и непроизводных основах слов (не в сильном положении)

Исследование правописания букв ъ, ь в корнях слов имеет самое существенное значение для выяснения их судьбы, так как в них возможно лишь обобщение корня по слабому или сильному положению, тогда как в предлогах-приставках, суффиксах и окончаниях к этому присоединяется значительное влияние морфологической аналогии. Нельзя не учитывать также, что запомнить правописание отдельных морфем (традиционное или как-либо регламентированное той или иной школой письма) легче, чем правописание отдельных корней, где необходимо запоминание каждого отдельного случая.

Этимологический „ъ" в положении перед слогом с гласным полного образования.

В Галичском евангелии 1357 г. постоянно без ъ в положении перед слогом с гласным полного образо-

вания пишутся следующие слова: забвена, отъ пчелъ (если не считать, что в корне „ъ“, ср. О. е — отъ бьчелъ 44в), вторыи, вторицею и др., ветхы, ветсѣ, ветъ|хая, обетшающа (если здесь „ъ“, ср. О. е. — ветьхое 227г), гнати, гугнива, разъгнувъ, согнувъ, два, двою, дважды, двѣ и др., возва, званъ и др., зло, злоба, злодѣи, злыя и др., книгы, книжьникъ и др., князь и др., кто, никто, нѣкто, многъ, мнози, множьство и др. (ме|ножицею III 86г считаем опиской, так как в этом слове буква *е* переделана из какой-то другой буквы, по-видимому, писец первоначально не понял слово), полма, притча (и даже причю IV 161а, 161б), птица и др., птеньца, послати, посланыи, послаю, пошлю, смокви, смо|кве, спати, спяще, оуспе, оуспение, сто, стижьды, стократицею, исшеть (корень „съх-“), оусше, исхноу, воспи, въ|спи.

Ряд слов, имевших этимологический редуцированный „ъ“ в корне, в нашей рукописи пишется то с ъ, то без ъ: бдите и др. I 48а, 48б, 61б... — 8 сл., III 90а (2 сл.), IV 136а, 136в (2 сл.), бъдить и др. I 103б (2 сл.), 106в (2 сл.), 109б, IV 127г (2 сл.), 128в[36]; дщери I 60в, 113г, 178б, IV 121г; изо дчере I 60в; дщерь I 40б, III 87г; от дъщери IV 175а; дщи (им. и зват. пад.) I 38б, 39а... — 7 сл., III 80а, 80б, 81в, IV 172б; дъщи IV 163г; лжюще I 26а, въ лжю I 26г, лжа 137в, 144г (2 сл.); лжии IV 123б (2 сл.); лжи- (в сложных словах) I 62в (2 сл.), 96б, III 94г; лжомъ (дат. п. мн. ч.) IV 137в, 144г; глть лъжю I 15в; лъжа IV 156б; лъжепослоушьствовахоу I 107б; любве I 7г, III 78г; лю|бви IV 140б; любьви, любьве IV 140б, 140в; мнѣ, мною I 1г (2 сл.), 2б, 3в... — более 115 сл., III 76б, 77а (4 сл.), 77в... — 11 сл., IV 117г, 119б... — 88 сл.; мьнѣ IV 147а; роптахоу I 9г, 99 г; ро|птаху III 84а; ропчѣте I 9г; ро|пъшють I 11г; въ це|рькви I 13а; изъ це|ркве I 98а; въ це|ркъви IV 147а, обычно же это слово пишется под титлом.

Кроме того, существует третья группа слов, в которых всегда пишется ъ, случаев пропуска его нет: въпрашати, въпросити и др. формы I 8в, 11а, 18б (2 сл.)... — 15 сл., IV 118а, 124г (2 сл.), 143г... — 11 сл.; одъждить I 27а; дъскы I 4г; дъшицю IV 176а; издъше I 108г, III 114а; възъдъхнувъ IV 117в; лобъжю I 106г, 111г, IV 137а; лобъзаи, лобъзаниемь I 107а, 111г; полъспоудья I 92а; отмечено единичное употребление *о* на месте этимологического „ъ“ в слабом положении: умованами I 40а, 59в; неплодови I 113 г, IV 173г.

Этимологический „ъ“ в служебных словах, уже имевших сложную непроизводную основу, представлен в следующих примерах: едва III 82г; нѣкли III 89б; ондѣ I 62в, III 85г; о|ндѣ III 86а; онъде I 102г; токмо I 2а, 4а, 4в... — 8 сл., II 33б, IV 122в, 124в, 127в... — 10 сл.; то|кмо I 50г, IV 143а; токъмо IV 118г, 139а; то къмо IV 135б; кде, никде, кдѣ, гдѣ I 2а, 3б (2 сл.), 8г... — 13 сл., III 85б, 85г, 86б, IV 121а, 132а, 151а... — 8 сл., къдѣ IV 131г, 134г.

Слова *егда*, *всегда*, *когда*, *тогда* постоянно пишутся без буквы ъ между *г* и *д*. Впрочем, наличие этимологического „ъ“ между ними в позднюю общеславянскую эпоху вызывает сомнение у исследователей[37].

Этимологический „ь“ в положении перед слогом с гласным полного образования. Постоянно без ь всеми писцами пишутся следующие основы: избра, собра и др. (изба|раныхъ III 80в — описка под влиянием *а* в следующем слоге), вдова, вдовиць и др., вся, всю, всякъ и др. (одинаково у всех писцов, всего более 200 случаев, но один раз: вьсе IV 129б), вселеную, всегда, довлѣеть, гоумно, дни, дня, днми и др. (всегда только под титлом и с пропуском „ь“ → [е]

[36] Примеры с написанием ъ, ь на конце строк опускаются как непоказательные.

[37] Ф. Ф. Фортунатов. Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков. Пг., 1922, стр. 129; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951 г., стр. 104.

в форме дн̄ь; также и слово о̄ци, о̄ца, о̄цъ); до днешняго дне, безъ|дну, бездь|ная (корень дьн-, ср. в сильном положении до дьньняго I 107б и диалектное дёнышко)[38], раздрася[38], жрети, жряхоу, жречьска и др. (жеречьска I 113б, видимо, описка), созда, здания, оузрѣ, зряста, возрить, прозрѣние, зракъ и др., ковчегъ, кослища, медлить, медлящю, орлы, ослии, ошли (притяжательное прилагательное от осьлъ), оцта, запечатлѣ, правда, правдѣ (один раз въ правъдоу IV 150а), оправдишися, распря, пря, простри, простросте, пси, псомъ, пшеница, пшенично и др., сребро и производные, тля, тлить, оутлизна, стре, сътреть, простри, оугобзися, чваномъ, ць|саря, чтець, чтеть, отшли, пришлець (формы с *шьд-* см. ниже), изми, возметь.

Следующие слова, имевшие этимологический „ь", представляют колебания в написании (с *ь* и без *ь*): жняи I 15б; жнеши I 61г, III 87б; жнють II 32а, но: жьню I 61г, IV 129б; жьняи IV 129а; прелщени I 109а, III 91в; прельщаете I 46в, 100в; прельщени I 24г; прельщени I 102г; мнити, мню, мнѣша, мняся (в значении 'думать', 'полагать', 'считать'), помнити, оусумнитеся и др. образования и формы этих глаголов: I 7г (2 сл.), 10г, 20б... — всего 14 сл., II 31б, III 81в, 82а (2 сл.), 83б... — 7 сл., IV 119г, 120б, 124в... — 18 сл.; мьнить IV 137б; мнити, мнѣтися и др. (в значении 'уменьшаться', 'быть меньшим') I 5б, 62а (сравнительную степень прилагательного *мьнии* см. ниже); оумреть I 9а, 13б, 19а, 39в, 46в, III 90в (2 сл.), IV 120г, 121а, 166б; оумретъ I 38б; оумремъ IV 120в; оумрети I 9а, 10г, 19б, III 106б, IV 136б, 144а, 145г, 146б; оумре I 8в, 55а, 75в, 100б, III 80в, 90г, IV 126в (2 сл.); оумроша I 10а, 11г, IV 167б; оумьреть IV 150г; оу|мьрыи IV 122б; распни, пропноуть, пропнѣте и другие формы I 44б, 108в, IV 146б (2 сл.)... — 9 сл.; ра|спонуть I 108в; ра|спни I 113в; распь|ноуть IV 148б; распьни I 108в, IV 152б, 160а; распьноуть IV 147г, 160а, пропьноу, распъноу IV 146г, 160а; пцѣте I 62а, II 28б (2 сл.), 30г, 32б, III 79г, 80г, IV 162в; пьцѣте I 102б; рци, рцѣте I 9а, 25б, 40г... — 15 сл., II 31а, 34а, III 80в, 82в, 88г, IV 121г, 132а, 134г... — 11 сл.; рьцѣте I 62а; сонмище и др. формы I 10в, 11г, 18в... — 7 сл.; на со|ньмища IV 161в, 162в; на соньмищихъ и др. формы IV 116а, 116в, 141а; стькляницю I 63б (2 сл.), 71а, 103в; стькляницю I 103в, III 78б; тма, тмѣ и др. формы (также в значении 'тысяча') I 1в (2 сл.), 6в, 8а... — 11 сл., II 31а, 32а (2 сл.), III 78в, 79б (2 сл.), 84а, 113г; тьма, тьмѣ II 32а, IV 129в, 149а, 150а... — 6 сл.; ищтени II 31б; ищьтени IV 162б; ращтеть III 83г; что, ничто, нѣчто I 1в, 2а (2 сл.), 2в... — 30 сл., II 32а, 32б, III 79б, 79г... — 9 сл., IV 116а, 119в, 121г... — 35 сл.; чьто I 105а, 113а; чсо IV 116г, 122б, 131б... — 12 сл.; чьсо I 108б, 111г, 113в; вонъзи IV 143г.

Следующие корни представлены в Галичском евангелии постоянно с буквой *ь* или иногда с буквой *е* на месте этимологического слабого „ь": бисера IV 161а (2 сл.); двери I 63г, III 92в, IV 128в; от дверии I 18г, IV 154в; надъ|дверии IV 154б; дверемъ I 5в, 5г; при дверехъ I 62г, IV 124б, 144а; въжьженъ I 53в; зажьже I 56а; жгома I 50а; сожеть IV 170а; жьдоуще IV 175в; ижьноуть (διώξωσιν) II 30в, III 79г, 80г, IV 140г; льстець IV 151б; лестьць (в том же тексте) IV 154б; льсти (род. п. ед. ч.) I 3в; льстити, прельстять, обольстять I 52в, 62в, 101в, 101г, IV 123а, 123б, 123г, 126а; ль|стить I 11в, 58б; прель|стять IV 123а; мьада, мьадоу I 15б, 26а, 27а... — 8 сл., II 30в, III 114б, 114в, 115а; мь|адоу I 40б, 40в, III 94б, 114в; сравнительная степень прилагательного „*мьньjь*": „мнѣе I 37б; мнии I 74а, IV 158б; мьнии I 111а,

[38] А. М. Селищев считал, что в этих случаях было представлено чередование этимологических гласных „ъ", „ь". См. „Старославянский язык", часть первая, стр. 157.

IV 132в; мении I 104а; мне I 71в; мнѣ I 53г; мьстить III 79а; мьщю I 101г; мечеть I 45б; промьчеся IV 155а; польза I 73в; праведенъ (правьдьн-) I 7б (2 сл.), 97а, III 114а, IV 172а; праведенъ IV 150а; слоужьба и др. I 10г, IV 141а, 159б, 175г; стегнахъ (корень „стьгн-") III 114б; стегнахъ III 114в; постьланоу IV 132а; безъ чьсти I 56г; бес щести I 38г (корень „чьт-" см. также выше); съшедыи I 4а, 4в, 9г, 10а, 11г; сшедыи IV 159в (см. этот корень также выше); исшедшь I 60в.

Этимологический „ъ" и буква ь в служебных словах и наречиях, уже имевших сложную непроизводную основу, представлены в словах со следующими написаниями: больма I 50в; дондеже I 20а, 20г, 26б... — 8 сл., III 87а, 91г (2 сл.), 106б, IV 118а, 127б, 132б... — 7 сл.; доньдеже III 91а; доньдеже IV 132б, 133а, 136б, 138г, 164в; елма III 76б; колиждо I 25в, 42б, 59а, 74в; колиждо I 21б, 59а, 74в; колижьдо IV 118б, 120в, 130г, 139б, 162в; кождо I 16б, 22в, 23в, 49б, III 87б, IV 140б, 140в; кожьдо IV 135в; когождо I 66г; комуждо I 41г, 61б, 103б; колько III 82в; колми II 28в, III 76в, 81а; кольми IV 162а; сде, зде, здѣ I 8г, 16б, 20в... — 17 сл., II 33г, 35а (2 сл.), III 78б (2 сл.), 85г, 86а, IV 118а, 120в, 121а... — 8 сл.; сьде I 112г, III 106б; сьдѣ 123г, 136а, 154г; весдѣ I 62а.

Выводы о произношении на месте старых „ъ", „ь" в слабом положении в корнях слов имеют самое существенное значение для выяснения вопроса о явлениях, характеризующих последнюю стадию истории редуцированных в русском языке. В основном именно на них построена заключительная часть настоящей статьи, поэтому здесь, во избежание повторений, эти выводы не излагаются.

6. Редуцированные в сильном положении не в сочетаниях с плавными между согласными

Редуцированные в положении перед слогом со слабым редуцированным в говоре писцов Галичского евангелия 1357 г. перешли в гласные полного образования [о], [е]. На письме это находит отражение в том, что в указанном положении, как правило, пишутся буквы *о*, *е*. Буквы ъ, ь сохраняются на письме в этих случаях редко. В суффиксах „ъ" и „ь" совпали со звуками [о], [е], и это последовательно отражается в орфографии нашего памятника. Так, суффикс „-ьн-" постоянно пишется через *е*: *-ен-*. При постоянном написании суффикса „-ьск-" в виде *-еск-* отмечено лишь единичное написание *-ьск-* в слове силуамьскъ III 82а. Оно могло бы быть объяснено либо влиянием более древнего оригинала, с которого списывали писцы исследуемую рукопись, либо стремлением писца сохранить единое написание суффикса (влияние графемы слабого положения). В написании суффикса „-ьк-" в значительном большинстве случаев представлена замена на письме „ь" через *е*, что также дает непосредственное указание на произношение. Встретились два отступления. Одно из них в слове коньць I 109а, при 14 написаниях этого же слова с *е*: конець. Этот пример, если он не отражает традиционного написания, может быть объяснен как описка под влиянием последующей буквы ь на конце слова (описки такого рода довольно часты у Фофана). Другое отступление — это написание лестьць IV 154б при также одном, правильном с точки зрения орфографии суффикса, написании льстець IV 151б. Написание *лестець* не является простой опиской, но объясняется живым произношением писца. Суффиксы „-ъш-", „-вьш-" в памятнике в сильном положении почти не встречаются, так как позиция эта редка (форма родительного падежа множественного числа причастий мужского рода). В рукописи встретилась форма исшедшь I 60в, в которой отражено исчезновение „ъ"

в сильной позиции, что, видимо, объясняется влиянием аналогии со стороны других косвенных падежей и членной формы. В написаниях суффикса „-ъкъ-" с редуцированным, бывшим в сильном положении, последовательно отражен переход „ъ" в |о|.

В сильном положении в падежных флексиях имен существительных „ъ" и „ь" последовательно передаются буквами, обозначающими гласные полного образования [о], [е], что отражает живое произношение писцов. В некоторых флексиях изменение „ъ", „ь" в [о], [е] поддерживалось влиянием тех типов склонения, в которых в соответствующих падежных формах должны были быть гласные полного образования. Написания букв ъ, ь на месте старых сильных „ъ", „ь" единичны, они принадлежат IV писцу и встречаются главным образом в словах, сокращаемых под титлами: дхъмь IV 164а; съ ісъмь IV 137а, 145б (2 сл.); со ісъ|мь IV 145б, при более обычном сокращении іс(с)мь, например, IV 138а (2 сл.) и др. У того же IV писца отмечено написание во дньхъ IV 175в, при более обычном днехъ, как, например, IV 154б (2 сл.), 168а и др. и единичное домъмь IV 127г. Таким образом, встретившиеся отклонения от обычной нормы правописания окончаний ни в коей степени не опровергают положения, что во флексиях сильные „ъ", „ь" последовательно изменились в [о], [е].

В корнях слов на месте сильного „ъ" систематически пишется о в следующих словах: доволни IV 162г, („ь|" перешли в „ъ|" до падения редуцированных); золъ I 26а, 41а, 70а, 71г; кождо I 16б, 22б, 23в; ложь (отвлеченное понятие) I 15в; ложь ('лжець') I 16а; ложная I 40а; ропотъ I 11в; роптахоу I 9г, 99г; ропчѣте I 9г; ро|пъщють I 11г; ро|птаху III 84а; свекровь II 31б; смоковь I 44г; смоко|вь I 45в; смоковницю IV 124б; стропотная IV 163б, 169б; токмо I 2г, 4а, 4в, 6в, 21а, 23а и др.; тощь, тощно I 49а, 75а, III 89а; оусохшю I 98б; це|рковь I 12б, IV 172а, 175а; црко|вь IV 137в; обычно же это слово пишется под титлом: црквь.

В следующих словах, наряду с о отмечены написания буквы ъ на месте этимологического сильного „ъ": вопль I 69г, IV 167б; вопья, вопьеть и др. I 57б, 97в, III 84г, IV 147г; взопьеть III 88в; взопь|еть I 110в; во|пьяхоу, во|пьющаго IV 146г, 150а, 152б, 168г, 169б; въпль IV 127б; въпья I 54в; въ|пиюще I 105б; въ|пьяхоу IV 146в; въпь|ющаго I 168б; сонмищь, на сонмищи и др. формы (это слово умышленно рассматривается в корнях, так как писцы, очевидно, не осознавали в нем приставку „сън-"); у I писца это слово встречается всегда только без ь, у IV б ез ь — 6 написаний и с ъ: на соньмищи и др. формы IV 116а, 116в, 141а... — 6 сл.; есть (съ)нмишу (описка: буквы съ пропущены и надписаны сверху) I 26б; сотъ, сотника I 8в, 20в, 636... — 7 сл., II 34а (2 сл.), III 114а, IV 150а, 150г; сътникъ IV 149в, 153в; солникь (ошибочно вместо *сотникъ*) I 75а.

В следующих словах на месте этимологического „ь" в сильном положении систематически пишется буква е: биселъ I 37б; вертепъ IV 143в, 151б (2 сл.); в дебрь III 79в; же|злъ I 57а; жерди I 107б; жердемь I 72в; же|рдю I 67а; поемъше IV 160а; вземъ I 96б, 106а (2 сл.); възнезъ I 103г; прилепшии I 74г; лестью, лесть IV 130в, 134б, 151в, 154б; медлить, медлящю I 48б, III 81б, IV 128б, 175в; оумерша IV 150в, 153г; мечетъ I 45б; взнезъще IV 150в; възнезъ I 108г, IV 149б, 153в; обещника ('товарища') I 66в; отерши IV 120а; оте|рши IV 122б; оцетъ IV 148в, 150в, 152г; праведныи и др. формы I 12в, 27а, 38а... — 11 сл., III 83в, IV 150а, 172а; пропенъше IV 148г; распенъше IV 152г; снемь ('сонмъ', 'сонмище') III 114а; снемъ IV 144г; съ|немъ IV 137в; скрежетъ II 34б; суперникъ I 96б (2 сл.), 101г, III 87а; тесть IV 144а; простеръ I 45в,

67а, 72г, II 31г, 35б, IV 137а; отерши IV 120а; оте|рши IV 122б; шедъ, пришелъ и др. приставочные образования I 3б, 6в, 7б... — 70 сл., II 28а, 31в, 32в... — 6 сл., III 77б, 78в (2 сл.), 79а... — 15 сл., IV 117б, 118г (2 сл.)... — 56 сл.; ше|дъ I 43г, 47а, 60б... — 6 сл., II 35б, III 77а, 83б, 94в, 94г, IV 131г, 136г, 147а... — 7 сл., ше|дси (пропущено *дше*) I 54г; отше|ши (пропущено *д* или *дъ*) I 54г; при(ш)дши(м) I 47в (2 сл.); вшедъ|ши I 178в; наченъ I 108а; наченшю I 49а.

В следующих словах наряду с написаниями буквы *е* на месте этимологического сильного „ь" отмечены написания буквы *ь*: вертепъ IV 151б (2 сл.); вертьп IV 151б; меншихъ и др. формы I 40в, 71в, 104а; мьншихъ I 110а; сесда IV 159б; сьсди I 113г; в темници и др. формы I 5а, 26б, 39а... — 14 сл., IV 129г, 130а (2 сл.), 130б, 133а; тьмьная I 112а. В перечень примеров не вошло слово *день*, пишущееся всегда в сокращении под титлом.

Слова *вьсь* (существительное и местоимение) встречаются в написаниях с буквами *е*, *ь* и без них в корне: весь ('деревня') I 2б, 2г (2 сл.), 74б, 92г, III 77в, 93г, 106б, IV 117г, 118а, 120г... — 6 сл.; вьсь (вин. п.) III 88а, въ вьсь I 74б, 105а, 110а; весь (местоимение) I 1г, 8а, 19а... — 15 сл., II 28г, 29в, 31б, 31в, 34г, III 76б (2 сл.), 84а, 85а, 85б, IV 117г, 120г, 121г... — 8 сл.; всь народъ I 60а; всь ('всякъ') II 31в, III 89в.

Единичное написание *ъ* вместо *е*: вевъди III 114г (вместо *въведи*) квалифицируется нами как описка.

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что в написаниях Галичского евангелия на месте этимологических редуцированных в сильном положении в корнях отражен результат процесса перехода соответствующих звуков в гласные полного образования [о], [е]. Отдельные написания с буквами *ъ* и *ь* проявились в рукописи, по-видимому, под влиянием орфографической традиции. Пропуск букв *ь*, *е* в слове *вьсь* (во всех его значениях) представляет собой лишь орфографический прием, широко известный не только в древнерусской письменности и притом даже периода до падения глухих, но и в старославянских памятниках. В Остромировом и Мариинском евангелиях (судя по словарям) таких написаний нет. В Зографском евангелии имеются написания *всь*, не всегда сопровождаемые диакритическим знаком. В. Ягич в исследовании о редуцированных в Зографском евангелии указывает следующие примеры: всь (omnis) Мф. VIII 34. 16в, XIII 38. 32в, всь (vicus) Мф. XXVI 36. 66в, Лук. IX 52. 168а; кроме того, с диакритическим знаком в'сь Лук. XVII 12. 195в[39]. В Саввиной книге (судя по словарю) написания без буквы *ь* во всех значениях заметно преобладают над написаниями *вьсь*. Но Саввина книга, как это доказано В. Погореловым[40], является черновым автографом исправителя. Поэтому написания сокращенного типа там могли появиться совершенно самостоятельно и независимо от других рукописей. Все же возможно, что написание слова *всь* без *ь* было шире распространено в старославянской письменности. В Новгородской Минее 1097 г., написанной в период до падения редуцированных, также отмечено написание *всь* без *ь* на месте „ь" сильного[41]. Написание местоимения *всь* с пропуском гласного между *в—с* сравнительно широко представлено и в других русских рукописях XIII—XIV в.

---

[39] V. Jagić. Studien über das altslovenische Zographos-Evangelium. Archiv für slavische Philologie, Bd. I, Berlin, 1876, S. 31.

[40] Валерий Погорелов. Из наблюдений в области древне-славянской переводной литературы. III. Опыт изучения текста Саввиной книги. Sborník Filosofické fakulty University Komenského v Bratislavě, r. V, č. 46 (I). Bratislava, 1927, стр. 85.

[41] С. П. Обнорский. Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г. Изв. ОРЯС, т. XXIX, Л., 1925, стр. 174—175.

Так, А. А. Шахматов приводит соответствующий материал Новгородских грамот[42] и указывает аналогичное явление во многих других древнерусских памятниках, в том числе Синодальном списке I Новгородской летописи (то же у Б. М. Ляпунова[43]), Житии Бориса и Глеба, Сильвестровском сборнике, Златоструе XVI в., Толковом апостоле 1220 г., Слове об Ипполите и Антихристе XII—XIII вв.[44]

Учитывая приведенные данные, можно признать, что четыре написания *всь* в Галичском евангелии обязаны своим существованием влиянию орфографической традиции (подобно написаниям слова *днь*, *дни* всегда сокращено под титлом независимо от положения этимологического „ь" в слове); титла же могли быть пропущены писцами ошибочно.

7. Сочетания редуцированных и плавных между согласными

Сочетания редуцированных после плавных между согласными (типа *trъt) и редуцированных перед плавными между согласными (типа *tъrt) мы намеренно рассматриваем вместе, так как это позволяет легче заметить общее и специфическое в их судьбе. Положение о том, что редуцированные перед плавными между согласными были всегда в сильной позиции, а после плавного между согласными могли быть и в слабой и в сильной позициях, подобно редуцированным не в сочетаниях с плавными, с нашей точки зрения, нуждается в дополнительном исследовании. В самом деле, что такое сильная и что такое слабая позиция? Поскольку наука не располагает экспериментальными данными и в применении к древним диалектам никогда не будет ими располагать, нашим критерием при определении слабой и сильной позиций для редуцированных неизбежно может служить лишь их дальнейшая судьба в разных славянских языках и диалектах. При разрешении рассматриваемой проблемы встает вопрос, можно ли слабую и сильную позицию устанавливать для всех славянских языков. Слабая и сильная позиции редуцированных противопоставляются (и, видимо, возникают) лишь в период падения редуцированных, т. е. когда перестает действовать тенденция к открытости слога. Но процесс падения редуцированных — это уже такой процесс, который является общеславянским лишь по своему направлению, но не по своему проявлению. Еще в период, когда редуцированные существовали как особые фонемы во всех славянских диалектах, на месте этимологических сочетаний редуцированных перед плавными между согласными произносились разные звуки в южнославянских и в восточнославянских диалектах: в первых были слоговые плавные, во вторых „обычные слоговые редуцированные гласные"[45]. Есть основание полагать, что если редуцированные в сочетаниях с плавными в славянских диалектах, на базе которых сложился позднее русский язык, были в сильной позиции перед плавным, то они должны были быть сильными и после плавного, так как в случае утраты тех и других образовалось бы одинаковое стечение согласных с плавным посередине. Убедительного материала, доказывающего существование таких сочетаний в русских говорах, нет, так как единичные примеры вроде *кстить* и *Кстыславль* доказательной силы не имеют. Вопрос о соответствующих сочетаниях в украинском и белорусском языках требует, очевидно, особого рассмотрения.

[42] А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV веков. „Исследования по русскому языку", т. I, вып. 2. СПб., 1885—1895, стр. 146.

[43] Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка . . ., стр. 74.

[44] А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII—XIV веков, стр. 146, примечание.

[45] См. В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке. „Труды Института языкознания АН СССР", т. II. М., 1953, стр. 205.

Сочетания плавных и редуцированных между согласными в положении перед слогом со слабым редуцированным (типов „trъtъ", „tъrtъ" и т. д.)

Данные сочетания представлены в Галичском евангелии следующим материалом.

а) Сочетания плавного с последующим редуцированным перед слогом, имевшим слабый редуцированный, встретились в таких случаях: кровь I 1г, 10б (2 сл.), 11г, 16б, III 79а, IV 147а, 160в, 176в; кро|вь I 106а, III 82а, IV 127а, 135г; кровью I 110г; плоть I 48в (2 сл.), 62в, 106в, III 95г, IV 123г, 136г, 169в, 176в; трость VI 149б, 152г.

б) Сочетания редуцированного с последующим плавным перед слогом, имевшим слабый редуцированный на конце слова, представлены написаниями: волкъ I 74в, IV 158г; во|лкъ IV 158в; изво|лкъ I 107а; долгъ I 49а, 49б, 57в; до|лгъ I 49б; исполнь I 1г, 16в, 22г... — 7 сл., IV 149б, 153б; полнъ III 93б; по|лнъ IV 150б; столпъ I 52г, III 82а; сто|лпъ I 98г, III 83г, IV 125б; скорбь IV 123б, 123г; холъмъ IV 169б; повергъ I 66а, 70б, 97г, 110б; отверзъ I 25г; жертвъ I 101а; ме|ртъ I 105а; въ смерть IV 133а; оумершь I 70г; оу|мерлъ IV 120в, 121а; оуме|рлъ IV 120б; оумертъ IV 150г; перстъ I 5г (2 сл.); перъ|стъ IV 117в; милосердъ I 68г; простертъ IV 116б; червь IV 95б (2 сл.), 95в, IV 115а, 115б.

в) Сочетания редуцированного с последующим плавным перед слогом, имевшим слабый редуцированный в середине слова, должны быть рассмотрены отдельно от только что описанных сочетаний, так как в них плавный и следующая за ним новая (образовавшаяся после падения слабых редуцированных) группа согласных могли входить в разные слоги. Материал таков: горъ|стью I 59б; приско|рбьна IV 136б; скорбь|ны IV 142б; торжникомь I 61г; то|ръжникомъ IV 129б; торъ|жникомъ I 44г; торъжникомъ I 4г; съволкъ|шеи IV 152в; должни IV 135в; долъ|жни IV 134а; должникъ, должникомъ III 76б, IV 135в; должьникомъ, должьнѣиша III 82а, 114г; долъжника I 71б, III 84г; долъжникъ I 49а; долъжни I 99в; съ золчью IV 152г; съ зълчью IV 148г; слово слнце обычно сокращено под титлом; бернье I 18а; берньемь I 18а; бе|рнье I 18а; отве|рзъше IV 166г; отвергъше I 66а, 70б, 97г, 110б; высокоме|рзъко I 85а; померктшю IV 150а; жестосердию I 48г, III 95г; смертьнѣя IV 171в; тернье, тернья, в терньи I 36г, 52б, 53б... — 8 сл., II 28г, 35в, IV 146а, 148а, 152в, 161г; це|рькве I 98а; въ це|рькви I 13а; въ це|ркъви IV 147а; чермьноуеть I 41а; чьрмьноу I 41а; почерпъ|ше I 6б.

На основании этих данных можно отметить, что редуцированные в сочетаниях с плавными (как перед плавными, так и после плавных) в положении перед следующим слогом со слабым редуцированным в XIV в. уже изменились в гласные полного образования [о] и [е]. Этот переход нашел отражение в орфографии: на месте „ъ", „ь" последовательно пишутся буквы *о*, *е* (встретилось лишь два исключения: чьрмьноу I 41а; зълчью IV 148г). Поэтому интерес могли бы представлять лишь написания, имеющие отношение к проявлению так называемого второго полногласия.

Рассматривая материал именно с этой точки зрения, нельзя не заметить выдержанность орфографии в случаях, где сочетания гласных [о], [е] (из „ъ", „ь") с плавными и следующим за ними согласным находятся на конце слова, и колебания в положении не на конце слова. После плавного перед конечным согласным (одним — например, *долгъ*, или двумя — например, *жертвъ*) не встретилось написаний букв *о*, *е* или *ъ*, *ь* после букв, обозначающих плавные (см. приведенные выше

примеры в группе б). В середине слова сочетания [ор], [ол], [ер], [ел], образовавшиеся из соответствующих сочетаний редуцированных с плавными, оказываются в рассматриваемом положении перед двумя и более согласными. В этих случаях перед буквой плавного пишутся, в соответствии с произношением, буквы *о* или *е*, а в части слова, следующей за плавным, пишутся буквы ъ или ь либо на месте соответствующих этимологических слабых редуцированных (*прискорбьна*, *должьникомъ*, *должьнѣиша*, *отверзъше*, *отвергъше*, *высокомерзъко*, *померкъшю*, *церкъви*, *чермьноу*; сюда же может быть отнесена форма *жестосердию*), либо после плавного (*долъжни* и др., *торъжникомъ*). Наряду с указанными отмечены написания без букв ъ, ь в том и другом положениях: *должни*, *бернье*, *тернье* (в двух последних случаях буква ь с предшествующей буквой согласного и последующей буквой гласного обозначает сочетание согласный + [j] + гласный).

Здесь, как и в изложенных выше разделах, мы считаем возможным разнобой в написаниях примеров, сходных в фонетическом отношении, рассматривать как отражение фонетического явления, но не следствие применения определенного графического приема. Разнобой в написаниях сходных случаев вызывается, видимо, тем, что группы согласных, состоящие из „плавного + шумный + любой согласный" не были свойственны языку предшествующей эпохи (эпохи до падения редуцированных). Поэтому плавный в этих сочетаниях не начинал слог, а либо примыкал к предшествующему слогу (дол|), как было в языке до периода действия тенденции к открытости слогов (дъл|жь|ни), либо образовывал отдельный слог (до|л|жни), подобно тому, как было в период открытости слогов (дъ|л̆|жь|ни)[46]. Таким образом, в группе согласных „р (л) + группа шумных" создавались условия, способствующие сохранению редуцированных, что и нашло свое отражение в соответствующих написаниях.

Наличие колебаний в написаниях отдельных слов (а не только фонетически сходных примеров) указывает на колебания в произношении и свидетельствует о том, что изложенные нами положения намечают лишь определенные фонетические тенденции, но не устоявшиеся фонетические закономерности. Приведенный материал еще раз показывает, что образование новых сочетаний звуков не могло произойти сразу последовательно и прямолинейно.

Сочетания редуцированных и плавных между согласными перед слогом с гласным полного образования

а) Сочетания плавного с последующим редуцированным перед слогом с гласным полного образования всегда представлены в Галичском евангелии написаниями с буквами *о*, *е* или ъ, ь: крови I 1г, 10б (2 сл.), 11г, 16б, 56б, III 79а (2 сл.), 80б, IV 127а (2 сл.), 136в, 147а (2 сл.), 151г (2 сл.), 163в; кр(о)ви I 38б; плоти I 1г, 3г (2 сл.), 4б (2 сл.)... — всего 10 сл., IV 142в; дрекольемь IV 137а; искрь|нимъ IV 122в; крьстящая IV 155б; кре|щениемь I 44в; кре|стившеся I 70б; крь|щюся I 44б; крь|щахоуся I 168в; крьщеше IV 170б; крь|ститься и др. IV 155в, 170в (2 сл.); въсъ|кресноути IV 156а; крь|стителя I 178в (в остальных случаях производные этого корня сокращены под титлом); скрежетъ I 37г, 38а, 48в... — 6 сл., II 34б; скрежеть IV 128а; скрекчеть IV 118б; тро|сти I 70а (М., З., О. е. — трьсти).

б) Сочетания плавного с предшествующим редуцированным между согласными перед слогом с гласным пол-

[46] См. В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 208.

ного образования представлены в Галичском евангелии следующими примерами. Сочетание „-ър-": горличища IV 172а; на кормѣ I 54а; накормихомъ I 129б; скорби и др. формы I 23б, 24а, 53б, IV 116б, 124а, 135в, 136б, 141г; ско|рби, ско|рбяща I 22в, IV 168а; на торжища и др. формы I 43г, 59б, 70в; на то|ржищихъ I 101а, III 78г; проторжеся IV 157г; исторъгнется I 39г; въсторгати II 33в; истергнеть III 94в; растергнуть II 29г. Сочетание „ьл" — представлено такими написаниями: волци II 28г; волчець II 28г; волнами I 45б, II 29а; волъхвовъ IV 167а; волъсви IV 166б; волъ|хвы IV 166в; волъ|хвомъ IV 167а; оболкы II 113а; оболчена III 77г; долгы, долженъ и др. формы I 49а, 71б, III 76б, 84г, 114г; на долзѣ I 101г, 112б; до|лженъ I 49б, IV 146б; молва, молвити и др. формы I 63б, IV 130в, 134б, 147г, 152в, 159б; мо|лва I 103в; молнии I 46г, III 86а; молонии IV 164а; мълонья (первый ъ переправлен из первоначально написанного *о*) IV 124а; молча, молчи и др. I 56б, 66а, 97в, 107в, III 94а, IV 175г; оумолчалчаша IV 177в (описка); мо|лча I 50в, IV 116б, 144г; молъ|чаше IV 137г; оумолъкнуть I 110в; оумо|лкне(т) I 97г; полна, исполнитися и др. I 1г, 5б (2 сл.), 6а (2 сл.)... — 10 сл., III 78в, 90в, 91в, IV 140в, 142а, 157г... — 12 сл.; испо|лнися, испо|лняися и др. I 23б, 56а, IV 122б, 143а, 153б, 167г, 172г; и|спол(н)ша(с) I 27а, 65а, III 113г; слнце обычно под титлом, например, I 27а, III 113г и др.; толчи III 92в; толкущемоу II 29г; толцѣ II 29г; толъ|кнувшю III 90а; холъ|момъ III 113г.

Сочетания „ър": от вервии I 4г; отверзе и др. I 3а, 16г, 18б... — 22 сл., III 76в (2 сл.), IV 117в, 121а, 176а; отве|рзе, отве|рзоста и др. I 18а, 18б, 18г... — 6 сл., III 90а, IV 123в, 170б; верьзися IV 124г, 171а; отвержеся, опровержеть, вержение, въверженоу и др. I 2а, 4г, 11а... — 24 сл., III 88б, 92г, 93в, IV 118в, 133а, 136б... — 14 сл.; отве|ржеться и др. I 41в (2 сл.), 73в, III 106б, IV 138а, 145б (2 сл.); вържену в море III 85б (видимо, пропущен слог *ве*); (по)вергоша, ввергноуть и др. I 16б, 38а (2 сл.), 39в... — 7 сл., III 95б, 106б, IV 136б, 157в, 161б; отвергиися IV 162в; пове|ргоша I 40а; отвергуся, отвержени II 28а, 29г (2 сл.), 30а; въве|ргоуть I 37г; въверзите, отверзоша и др. IV 129в, 149в, 153в; разве|рзися IV 117в; вертепъ IV 143в, 151б (2 сл.); вертоградъ IV 143в, 144в; ве|ртоградарь IV 157а; до верха I 6а, 66а, 73б, IV 121г; свершенъ, сверши и др. I 7в, 15а, 21г... — 7 сл., III 83г (3 сл.), 93г, IV 122а, 143б... — 5 сл.; све|ршени I 27а (2 сл.); сверьши(хъ) IV 142в, 150б; держать, одержима и др. I 2в, 5в, 10г... — 7 сл., III 75а, 81в, 83б, 91в, 94в; де|ржаше I 112б; обде(р)жаше I 66в (пропущенное *р* надписано сверху); дерзаите I 45б, де|рзаи IV 123в, 142б; деръ|зноу I 8в; деръзноу IV 150г; жерновъ I 43а, 61б, IV 127в; жерътвоу IV 172а; зерно I 19в, 37б, 47б, 53г, 99б; мерзость I 62б, 97б, 102в, IV 123в; меркнеть I 47г; померче IV 113г; померь|кнеть IV 124а; оумерла I 55б, III 80в; оуме|рла I 38б; оумерша IV 160в, 167б; смерти IV 137г, 145а; сме|рти I 73г, 107в. 113в; до оумерътвия IV 167а; ме|ртвии I 7а, IV 154в; меръ|твыи IV 121б; меръртвыя, меръртвыхъ IV 126г, 154г, 155в... — 8 сл.; ме|ръртвыхъ IV 122б, 126в, 157б; от мртвыхъ I 39а, IV 123а (нарушая этимологический принцип, можно рассматривать написание *мертвеца* III 85в в данной категории случаев); первии, первая, первѣиши и др. I 1г, 11г, 12г... — 19 сл., II 28б (2 сл.), 30а, 35б, III 79б, 84г, 87а, 90б, 90г, IV 125а, 125в, 126в... — 9 сл.; первѣнець IV 165в, 165г; пе|рвыхъ и др. I 52г, 60в, 100в, IV 150в, 151в; сперва I 10в, IV 141б, 174г; перси I 24б, 102б, III 114а, IV 150б; перьстень I 104в; перстомъ III 78г; перъ|ста, перъ|стомь I 55в, 75в; осквернити и др. I 40а, 60а (5 сл.), 60б, IV 145в; скве|рнить I 39г (2 сл.), 60б, IV 144в; смердить IV 121б; оутверди, твердѣ и др. I 72г, 74б, 75г, 107а, 111б, IV 116б, 151б, 151в,

154в; оутве|рди IV 132г, 154б; оутверженья IV 175а; оутвержающю IV 155г; растерза I 107в, III 77в, IV 137г, 145а; въсте|рзахоуть, проте|рзахоуся I 66в, 72в; претерзахоу I 54б, IV 116а; въстергающе I 37а; въстерь|гнѣте I 37а; терновъ IV 148б; терпить, претерпѣвыи, терплю и др. I 42а, 47г, 49а...—8 сл., II 30г, IV 123а; терь|плю I 47б; вытерьплю III 82г; терпьлю IV 118в; в терпѣньи III 91б; черьвленою IV 152в; че|рьвленою IV 147г; черна I 25г, 26г; почерпатъ, почерпѣте I 6а, 14в; почерь|пала I 14б; чертѣ III 85б; че|рта IV 158б; четвертоую I 45б, 58а; це|рковь I 12б, IV 175а (обычно же это слово сокращается под титлом).

Из приведенных примеров следует, что сочетания типов **tьrt* и **trьt* (также **tьrt* и **trьt* и т. д.) в положении перед слогом с гласным полного образования (этимологическим или новым — безразлично) отражаются совершенно одинаково: на месте этимологического „ъ" в этих случаях пишется буква *о*, на месте „ь" буква *е*. Такая замена в написании отражает, безусловно, близость этих звуков в рассматриваемом положении с этимологическими „о", „е". Одинаковые замены доисторических сочетаний **tьrt* и **trьt* и других перед гласными полного образования могут быть объяснены тем, что в период падения слабых редуцированных в этих сочетаниях должна была бы возникнуть группа согласных, состоящая не менее, чем из трех согласных, с плавным в середине ее. Произнесение таких сочетаний оказывалось невозможным для носителей языка того времени, так как в фонетической системе до этого не было подобных сочетаний. Поэтому в период падения слабых редуцированных в этой позиции редуцированный сохранялся. Затем, когда фонемы [ъ], [ь] полностью вытеснились из языка, в остальных случаях (изменились в [о], [е] в сильном положении и выпали в слабом положении), „ъ" и „ь" в сочетаниях с плавными между согласными перед слогом с гласным полного образования изменились в [о], [е], как если бы они были в исконно сильной позиции.

При положении „р" („л") перед группой согласных в написаниях отдельных слов между согласными встречаются дополнительные, не соответствующие этимологии, буквы ъ или ь (ср. написания: *волъхвовъ*, *волъсви*, *оумолъкнуть*, *жертъву*, *перъстень*, *вытерплю*), хотя наряду с ними встретились и написания без ъ, ь (*растергнеть*, *оумолкнеть*). Вряд ли в этих случаях имеет место сохранение слабых редуцированных, как в рассмотренных выше аналогичных сочетаниях редуцированных с плавным перед согласным и следующим за ним слабым редуцированным (например, *померкъшю*, *отверзъше* и др.)[47]. Но, с другой стороны, нельзя в этих написаниях видеть и стремление писцов к насыщению текста буквами ъ, ь. Такое стремление прежде всего должно было бы проявиться в частях, написанных II и III писцами. Эти писцы, как мы уже видели, особенно тщательно придерживаются некоторых графических и орфографических норм. Вообще у русских писцов в период до II южнославянского влияния нельзя заметить стремления к сохранению букв ъ, ь и тем более злоупотребления ими. Буквы ъ, ь пишутся ими только по каким-то орфографическим нормам, установленным определенными школами писцов (например, на конце слова)[48], или отражают стремление писцов к передаче звуков своего языка. Написания букв ъ, ь в этот период только вслед за более древним оригиналом, конечно, имели место, но не следует им придавать слишком большого значения. Важнее определить фонетическое значение таких написаний, чем указать на возможность появления их вслед за оригиналом, по традиции.

[47] В этих написаниях мог сохраниться какой-то след произнесения старых слабых редуцированных, вызванный положением в особой группе согласных.

[48] Ср. также употребление букв ъ и о в новгородских берестяных грамотах в XIII в. (см. нашу работу „Новгородские берестяные грамоты", стр. 97—108).

С этой точки зрения, такие написания с буквами ъ, ь после плавных в сочетаниях типа *tъrtta* (т. е. перед двумя согласными и гласным полного образования), как *волъхвовъ*, *жертва*, *перьстень* и другие, отражают произношение писцов. Но буквы ъ, ь в этих случаях указывают не на наличие особой фонемы, а на характер произношения данных сочетаний согласных. В написаниях слов *волъхвы*, *перьстень* и подобных отразилось, видимо, факультативное произношение их в три слога в связи с тем, что звук [л], также и [р], еще не примыкал к предшествующему слогу, а вместе с последующим сочетанием согласных не мог образовать одного слога. Предполагаем произношение [пе|р^{ь}|стен'], [во|л^{ъ}|хвы], как и [до|л^{ъ}|жник], с гласным призвуком после плавного (вряд ли [вол|х^{ъ}вы], [пер'|стен'] или [дол|ж^{ъ}|ник]). Аналогичное явление имеет место в словах *долъжни*, *торъжникъ* (см. выше). Таким образом, в группе согласных, безусловно препятствующей выпадению слабого „ъ", „ь", независимо от того, был ли в ней ранее этимологический „ъ", „ь" или нет, побеждает одна тенденция — стремление к сохранению слогообразующего призвука. Это же, видимо, отражается и в написаниях *померкъшю*, *отверъгше* и др. Можно полагать, что аналогичный призвук имелся и в положении на конце слова после сочетания редуцированного с плавным перед согласным: *долгъ*, *жертвъ* (см. выше).

8. Сочетание „jь"

В положении после гласного, т. е. в конце слова и в конце слога перед следующим согласным на месте старых сочетаний „jь" или „ì" последовательно пишется буква *и* или ее графические дублеты *ӥ*, *ı*, *i*, *ї*, т. е. *и* восьмеричное с двумя точками, *ı* десятеричное без точки, с одной или двумя точками. Вследствие этого на письме не различаются какими бы то ни было графическими средствами звуки: слоговое [и], неслоговое [й] и согласный [j]. Например, в конце слова звук [j] или [й] в форме им. пад. ед. числа обозначен буквами *ı*, *и*: фарисѣı I 71а; фарисѣи III 78в; для обозначения звука [и] в форме им. пад. мн. числа употреблены знаки *i*, *и*, *ӥ*: фарисѣı I 58в, 59а и др.; фарисѣй I 59в; фарисѣи I 98б, II 29б, 31в, III 79а и др.; для обозначения того же звука [j] в форме род. пад. мн. числа также могли употребляться различные буквы: Ѿ фарисѣı I 100а; фарисѣй I 26а; фарисѣи I 18б, III 88б; Ѿ фарисѣй I 4а. То же имеет место в именах прилагательных, причастиях, в формах сравнительной степени прилагательных и наречий и др. Все эти написания сами по себе не дают материала для суждения о произношении. Лишь на основании рассмотренных в начале настоящей работы аналогичных форм со слабыми „ъ", „ь" на конце слова после согласного, можно предполагать, что и в положении после [j] на конце слова слабый „ь" исчез из произношения, а буква *и*, употребляемая на письме, возможно, обозначает здесь согласный [j] или [й].

В середине слова на месте редуцированного слабого также всегда последовательно пишется буква *и* или заменявшие ее графические варианты (*ӥ*, *ı*, *ї*). Случаев пропуска буквы *и* или написания буквы *ь* не встретилось. Вот некоторые примеры написаний такого рода в корнях и суффиксах: ѥица III 76в; достоино II 33г; разбоиникы и др. I 16г, III 83а, 83б, 88г; таины, таинѣ I 11б, 36б, 73а, II 35г; не боися III 89г, IV 122г; оубоитеся и др. I 8б, 20б, III 77в, IV 154г, 162б; любодѣица I 46б; старѣишина III 87г; фарисѣиска III 79б, 83в, 93а, 94б; куриниискa IV 152г; галилѣистѣмь и др. II 29г, IV 117б, 122а, 167в, 170а; еврѣискы IV 146г,160 а (2 сл.); лютѣиши II 35б; множаиша I 52г, II 33а; первѣиши I 100в, 100г, и многие другие.

В приведенных примерах и во многих других с редуцированным в слабом положении, как это можно полагать на основании судьбы редуцированных в аналогичном положении не после [j] и данных современного русского языка, буква *и*, видимо, не обозначала слогового гласного, а служила лишь для обозначения [й] или [j], ранее предшествовавшего редуцированному. Группы согласных, препятствовавшей в некоторых случаях падению слабого редуцированного, в этих случаях не получалось, поскольку [й] был гласным в роли сонанта и мог примыкать к предшествующему слогу. Находящаяся за этим звуком группа согласных (если это группа) была исконной, например фарисѣ|ска. В подавляющем большинстве случаев группы согласных вообще не образовывалось: бо|ся, старѣ|шина, разбо|ники и др.

В сильном положении, как правило, пишется буква *и*: заимъ I 68в, 68г (2 сл.); наимникъ I 104б, 104в; от воинъ IV 153г; галилѣискъ, июдѣискъ и др. Но встретились следующие единичные отклонения: поемъ IV 117в; приемъ IV 133в, поемъше IV 160а, при поимъ I 72а, III 90г, IV 177а, приимъ I 7в, 56б, 92б, IV 141г, 149б, 153в и др.; гноемь III 82б; моисѣемь I 1г, при обычных окончаниях *-имь* в соответствии с нормой общерусской графики обозначать [jь] после гласных буквой *и*. Произносился в этих случаях, вероятно, звук [е], но не исключено, что культовое произношение могло соответствовать написанию, т. е. и в бывшем сильном и в бывшем слабом положении произноситься [и].

9. Редуцированные „ŭ“ и „ĭ“

Редуцированный „ĭ“ в слабом положении

В положении после согласных на месте „ĭ“ редуцированного перед [j] и следующим гласным или перед редуцированным сильным пишутся буквы *и* (*-ия, -ие, -ию, -ии*) в одних случаях и *ь* в других (*-ья, -ье, -ью, -ьи*). Различное написание зависит не от морфологических условий, а главным образом от окружающих согласных и отчасти от употребительности слов в разговорной речи повседневно или только в культовом произнесении.

Этимологический „ĭ“ после одного согласного

Относящийся сюда материал на этимологический „ĭ“ в положении после одного согласного перед гласным полного образования представлен следующими написаниями:

а) В корнях слов: бьяше, бьяхоуть, бьяся, оубьеть, оубьемъ, оубьеноу, оубьють, бьюще, оубь|ють, пребь|ють, дьяволъ, дьяволоу, вопьеть, въ|пьяхоу, въпь|яхоу, во|пьяхоу, въпьющихъ, въпьющаго, вопья, вопьяхоу, въпья, во|пьющаго, взопьеть, пьемъ, пья, пь|яхуть, ядяхоуть и пьхуть (описка: пропущено ѩ), пью, пьють, оупьються, пь|ю, пьюще, пьеть, испьета, пья, пьяи, съ пьяницами, пьяньствомь, поясъ оусьянъ (ὲρμάτινος, М. — оуснѣнъ, З. — оусъмѣнъ), оу|сьянъ (то же). Но единично отмечены написания *и* и *е*: въ|пияхоу IV 152б; въ|пиюще I 105б; вопиюще I 105б; оубеесть I 10г, 26а.

б) В твор. пад. ед. числа и род. пад. дв. числа всегда пишется *ь*: заповѣдью, кровью, мощью, нощью, с похотью, солью, подъ сѣнью, надъ челядью, цркввю, точью, днью, очью, воочью, w҃чь|ю нашею (описка, пропущена буква *о*), въ оушью, во оушью.

в) В падежных окончаниях существительных собирательных написания с *ь* и *и* сосуществуют. В следующих словах отмечена исключительно или преимущественно буква *ь*: акридье, братья, братьи, братью, братьею, днье, доубья, дубь|е, каменье, каменья, каменью и т. д., ко-

реньи, -коренья, вся оружья, пу|тье, рожье, татье; но: братию I 96г; голубие II 30г; камение I 44б, 52г, 110в; людие I 59б, 59в, 64б, 70б, 97в, 98г при: людье III 88а, 88г, 89а, IV 147г, 149г, 152в, 175в.

г) В различных падежных формах имен существительных на *-ение* (*-енье*), *-ание* (*-анье*), *-ие* (*-ье*) написания менее однородны. Возможно, что в этих случаях имеется определенная лексикализация, поэтому приводим полностью имеющийся в памятнике материал: алканиемь I 47в; безаконье, безаконья II 29а, IV 123в; безаконие, безакония I 37г, 47в; безоумье I 60б; блговоленье III 87в, IV 164б, 166а; блговоление II 33б; блистаньемь III 78б; блоужения I 60б; бытье II 28а; въгодье I 108в; величье III 82г, IV 173а; вержение I 111в; видѣнье, видѣнья IV 175г, 177г; на възгланьи I 54а; въданье III 83в; възлежанья I 101б; възмоущенья, възмоущеньи I 10г (2 сл.); възмоущения I 109а; вскрсенье, вскрсенью I 110б, III 90в, 90г, IV 126б, 126в, 136а; по въскрсньи IV 149в, 153в; въскресению I 100б; вскршнье I 7б (2 сл.), III 83в (2 сл.), 90г, IV 120г, 126в; вскршние I 46в, 46г; въскршению I 46в; въстанье III 106б, IV 172б; о встаньи IV 126в; невѣрованью I 57а; по глаголаньи IV 155г; въ мнозѣи|глании III 114в; гоненья I 36г; грабленья III 78а; граблениe I 60б; хоульноглание I 46г; дрекольемь IV 137а, 137б; дѣяньихъ III 114а; дѣлании III 81г; еоуанглье I 25в, IV 117г, 123в, 131а... — 6 сл.; еванглие I 40г (обычно же сокращение: суае); желаньемь IV 125в, 127а, 132а; жестосрдью IV 155в; житие, жития I 12а, 54б, 96г, 101б; запоустѣньe, запустенья I 102в, III 91в; запоустѣния I 62б; званья III 94в; зданья IV 127б; зе|лья III 78г; знаменье, знаменья, знаменьемь I 4г, 5г, 6б... — 13 сл., II 34г, III 76г, 78а (4 сл.), 91в (3 сл.), 93а, IV 123а (2 сл.), 124в... — 7 сл.; знаменьи (твор. пад. мн. ч.) IV 155г; знамение, знамения I 40г, 41а (3 сл.)... — 11 сл., II 35а (3 сл.); знань|и IV 168а; избавленье, избавленья III 91г, IV 119г, 172в, 176б; избавление I 44в; по изгнаньи I 96г; имѣнье, имѣнья, имѣньемь I 51а, 61б, 99г, III 77а, 80а, 80г... — 10 сл., IV 128а, 128г, 163в; имѣние, имѣния I 37г (2 сл.), 48б... — 11 сл., II 28в; искушениихъ I 111а; искушенье I 65б, III 114г; искушение I 106в; исцѣлѣнья III 82б; исцѣления I 72б; ищадья IV 168в, 169в; о окаменени (описка, чтение слова неясно) IV 116б; (с)кончание I 37в (2 сл.), 38а, 88б; копье IV 149б, 150в, 153в, 153г, 160в; крщнье III 81в, 88г, IV 119в (2 сл.), 124г, 168в; крщние I 46а, 98г; лихоиманья III 80г; лихоимания I 60б; лицемѣрия I 47в; лишения I 104а; лобызанья I 71в; лоукования I 60б; любодѣянье I 14а, 96а, III 85б, 95г (2 сл.); (пре)любодѣяния I 40а, 48г, 60б; мчнья I 71г; мь|щенья III 91в; наводненью I 69г; написанье III 89г, IV 126б, 148в, 149г, 165в; написание I 52в; наслѣдье I 53а, IV 125в; по насѣянью II 33в; нестроенья I 109а; нечаянья I 109а; низхоженью III 88а, 88б; низхожению I 110б; обрѣзанье I 12в (2 сл.); обьяденьемь I 109б; обѣтованье I 20г; одѣнье, в одѣньи I 104а, IV 154в; омывания I 59б; оправданьихъ IV 175а; ороужье, ороужьемь I 106г, 107а, IV 137а, 137б, 143г, 172б; основанье, основанья I 69г, III 83г; основания I 69г; оставленье IV 169а, 169б, 176б; оставления I 52а; осоуженье I 2в, 101б, IV 153а; осужение I 103г; откровенье IV 172в; отпощенье IV 136а, 172б; оцѣщенье I 5а, оцѣщенью I 6а, 58г, III 91а; оцѣщении I 67а; очищенье IV 116г; паденье IV 179б; писанье, писанья III 86г, IV 148в; писание, писанию, писания I 53а, 65в, 99а, 100в, 107а, 111в; в плеломленьи I 3а; плюновенья I 18а; повелѣнье IV 165в; погрѣбанье IV 151г; погребенье I 63в, IV 122в, 130г, 131б, 134в; погребение I 103г; поданья III 76в; подножье, подножью I 26г, 27а, 58г, III 91а; подножию I 100а; покаянье I 36а,

70г, III 84в, IV 119б, 168в, 168г...—6 сл., полъспоудья I 92б; помазанья III 114б; поморья I 40а, 67г, 68а; помышленья, помышленьемь I 20б (2 сл.), 73г (2 сл.), III 76г, 83а, IV 172б; помышления I 40а, 68в, 72г; поновленья I 17б; поношенье IV 173б, 175г; пороугание I 44б; посѣщенья III 88г; похотѣнья I 53в; прегрѣшения I 98в; преданью, по преданьи I 49в, 59б; предания, преданию, преданиемь I 39в (2 сл.), 59б, 59в (3 сл.), 59г (2 сл.); предложенья I 72в, IV 116а; предъсѣданья III 78г; прежесѣдания I 55г; прельщение I 102г; препловленье I 12б; на препоутьи I 59а; преселенья IV 165а (2 сл.); привидѣние I 58а; о приставленьи III 84г; приставления I 67б, 67в; притяжания I 96б; прозрѣнье I 65в, III 93в; прозрѣние I 70а; прокажение, прокажения I 67а (2 сл.); в проповѣданьи II 35а; прошенья III 114г; прошению I 113в; пѣние I 104г; раздѣленье III 81в; разорение I 69г, II 31в; разоумѣнья III 79б; распоутья, на распоутьи I 42в, 56а, 74г, 105б, III 90б, 90в, 92в, 114в (2 сл.), IV 158г, 164в; распятье IV 134б, 148а, 152г; распятие I 113в; роженья, въ роженьи I 59г, III 83в, IV 168а, 176а; рыданье IV 167б; свершенье III 83г, IV 173а; свѣдѣнье, свѣдѣнья I 7в, III 80а; свѣдѣние II 30г, 31г; связанье I 5а; сложенья I 24а, IV 129г, 143б; сложения I 109в; слышанья IV 123а; слышания I 58в; смѣренье IV 173а; съблюденьемь III 85г; сътрѣшенья III 114г, 115а; согрѣшения I 52а; созданья III 95г; съмѣшенье IV 151а; сп(с)нье, сп(с)нья, сп(с)ньи I 14г, 92г, IV 120б, 169в, 172б, 176б; срѣтенье IV 128б; строенье, строенья III 84г (2 сл.); сѣдания I 103г; сѣнь|я IV 116а; сѣяния I 72в; сѣянии I 53б, 53в; в терпѣньи III 91б; в перпѣньи (описка, *п* вместо *т*) I 73б; в теченьи I 56б, III 80а, IV 163б; в течении I 38б; съ тъ|щаньемь IV 172г; по оубьеньи III 79в; оумноженье IV 123б; омывание I 59в; оутверженья IV 175а; оученье, оученья, о оученьи I 12б (2 сл.), 66а, 98б, IV 126г, 144б, 170а; оучения, оучении I 39г, 41б, 46г, 49г, II 31г; хотѣниемь I 110г; хоуления I 52а; цѣлованье, цѣлованья III 78г, IV 172г, 173а, 173в; цѣлование, цѣлования I 55г, 113г; чаяния I 109а; чреженье I 70в; явленье, явленья I 2г, III 77б, IV 176б; явление I 53в.

д) В существительных на *-ии*: мѣлонья IV 124а; въ свинья I 29в, 54в, 54г, 104б, III 77г; судья, к судьи I 26б (2 сл.), 81г, II 34г, III 77а, 81г; кроме того, надъдверии гробоу (Мт. XXVII. 60) IV 154б (вместо „на двери гроба"). Своеобразие представляет форма князьимь I 24г; в этом случае буквы *ьи* обозначают звуки [ји].

е) В именах прилагательных и местоимениях то или другое правописание выдержано последовательно для отдельных слов. Так, только: бжия, бжию, бие, бию, бия, бии, биимь, сия, сию, но при этом всегда: велья, вельемь, велью, вельимь, вельбоужьи IV 169а; вражью III 87в, IV 164а; третьее, третьяя, третьюю, третьяго, третьицею I 43г, 106г, III 82б, 90а, IV 136г, 148в, 151б...—6 сл.

ж) В именах собственных и образованных от них притяжательных прилагательных неславянского происхождения отмечены такие написания: авиниею IV 169б; от аримафия IV 150г, 151а, 154а; по всеи асурии I 25в; варионинъ (не ясно, были ли здесь [j]) IV 176в; варахиина III 79а, IV 127а; от вифанья IV 120а; въ вифанию, вифания I 20г, 44г, 97г...—6 сл., III 93в, IV 120а, 120в (2 сл.)...—6 сл., въ вифаньи I 26, 63б, IV 130в, 131а; въ вифании I 103в; въ вифсагию I 105а; вла(с)фимию, власьфимию IV 137г (2 сл.), 145а (2 сл.); о властвимии I 17в; газофилакию I 101б (2 сл.), 103г, 104а; въ газъ|фикии I 13а; газафилакии I 101б; захарья, а также прилагательное захарьинъ и др. III 79а, IV 127а, 169б...—11 сл.; илья, илью, ильи, ильины I 2а, 2б, 41г...—10 сл., II 32г, III 93г, IV 118а, 149б (2 сл.)...—10 сл.; илия I 41г; иродьяны I 51б, 52в, IV 126а; иродьядѣ I 64б; иродьядина I 39а;

иродья ради (описка, пропущено *ди*: иродьяди ради) I 39а; иродьянъ, иродьяны I 51б, 52в, 100а; краньево IV 148б, 149в, 152г, 160а; кустодью IV 151в, 154в; с кустодьею IV 151в, 154в; кюриния I 113в; кѣсария IV 118а, 176в; мрия, марию, мриею I 8г (2 сл.), 38г, 71г, 109а, IV 120а, 120в (2 сл.), 120г... — 39 сл., мрья I 8г, 108г, IV 120в, 165а; мрьинъ I 56г, IV 165а; осиина IV 154а; в годъ темья IV 175в; тивьрья IV 169а; от тиверьяды I 8б; тиверьядьскаго I 8а.

а) В слове *абие*: абье I 8а, 8б, 9в... — 32 сл., II 29г, 30а, 35в, III 80а, 80б, 80в... — 7 сл., IV 116г (2 сл.), 117а... — 28 сл.; абие I 126, 366... — 19 сл.; у II, III, IV писцов написание *абие* не отмечено.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в положении после одного согласного все писцы Галичского евангелия сравнительно последовательно пишут ь + „йотированную букву гласного" на месте старых сочетаний „і + j + гласный". Это указывает на то, что „і" в слабом положении исчез. Буква ь, стоящая на месте „і", выполняет лишь так называемую „разделительную" функцию; в произношении имеет место сочетание „согласный + [j] + гласный". Отдельные написания *„и* + буква гласного" указывают не только на орфографическую традицию, но, повидимому, могут свидетельствовать и о произношении согласно написанию „согласный + [и] + [j] + гласный". Такое произношение в большей степени свойственно отглагольным существительным на *-ение-, -ание, -ие*, представляющим в значительной части церковнокнижную лексику. Однако и в этих словах в большинстве случаев наряду с написаниями с буквой *и* сосуществуют написания с буквой ь, что указывает на возможность двоякого произношения. Даже такие слова как *согрѣшение, глаголание, възмоущение, бытие, писание, проповѣдание* и подобные, встречаются в написаниях с буквой ь в интересующем нас положении: *согрѣшенье, глаголанье* и т. д. Только с *-ие* отмечены слова: *алкание, блужение, вержение, възнесение, лицемѣрие, лишение, лукование, поругание, прельщение, привидѣние, притяжание, пѣние, слышание, сѣдание, сѣяние, хожение, хуление, чаяние* (все эти слова встретились в тексте лишь по одному разу; *прокажение* — два раза, но в одном и том же столбце; слова *житие, кончание* — встретились по четыре раза, *разорение* — два раза. Часто встречающиеся слова *бие, бжие* пишутся только под титлом и всегда с *ие* (однако сокращение под титлом, видимо, само по себе не требует написания *-ие*, ср., например, мрья, мрьинь I 8г, 56г, 108г, IV 120в, 165а). Ввиду того, что значительная часть этих слов встретилась в исследованном тексте по одному разу, не представляется возможным установить норму их произношения. Можно указать лишь, что написания *ие* преобладают у I писца. В греческих словах написания „ь + буква гласного" и *„и* + буква гласного" сосуществуют. В словах, встречающихся чаще в тексте, преобладают написания с буквой ь.

Таким образом, можно утверждать, что произношение [и] на месте слабого „і" в середине XIV в. не было нормой даже для слов, относящихся к церковной лексике. По-видимому, оно было факультативным, а укрепилось и возобладало после второго южнославянского влияния. В словах разговорного языка (см., например, некоторые падежные формы) гласный перед [j] на месте старого „і" отсутствовал. Встретившееся дважды написание *оубеить* могло появиться под влиянием сильного положения, если не является опиской.

Слабый „і" в положении после группы согласных

а) В корнях слов положение „і" слабого после группы согласных представлено в Галичском евангелии 1357 г. следующими написаниями: аки змия II 30в; змия (вин. пад. ед. числа) IV 155г; змию I 4а, 4в,

II 28в, III 76в; на змия III 87в, IV 164а; възлия I 63б, 103в, III 83б, IV 130в, 131б, 131в, 134б, 134в; восияеть, восиявъшю (принимаем, что в этом слове „ї" предшествует долгий согласный из „с" + „с") I 8г. II 31а; книгчия I 41г, 49г, 56б.

б) В твор. пад. ед. ч. „-і" основ пишутся последовательно буквы *ью*: властью, горъ|стью, золчью, крѣпостью, льстью, лестью, лесть|ю, областью, премудростью, радостью, тростью, оужастью.

в) В падежных формах существительных собирательных правописание непоследовательно: берньемъ I 118а (3 сл.), грезнья I 69в; листвие I 44г, 48а, 62г, 98а (2 сл.), 103а, IV 124в; рождье I 22б; терньe, тернья, в терньи I 36г, 53в...—6 сл., II 28г, 35в, IV 146а, 148а, 152в, 161г; терние I 52б.

г) После группы согласных в существительных на *-ие* отмечены такие написания: жесто(с)рдью IV 155в; жестосердию I 43в; мсрдья IV 176б; невѣрьствию IV 118г, 155в; остриемь III 91г; во очьствии I 65г; причастье I 99а, III 89б; пришествие, пришествия I 47г, 58б, 61а (2 сл.), IV 123а; на оутрие II 28б, III 83б; црствие. въ црствии и др. I 4б, 25г, 37г...—34 сл., II 32г, 34б, 34 г, III 77а, 83б, 85а...—6 сл., IV 125б, 125г, 128а...—8 сл.

д) В следующих греческих словах всегда пишется буква *и* в рассматриваемом положении: левгию I 70в, IV 119в; леонтиемь IV 133в, 135а; параскевгию IV 146г, 150в, 153г, 160а, 160в; параскивгию IV 151б; скорпия, скорпию III 76в, 87в, IV 164а.

е) Отмечено только написание первие I 11г, 37а, 60в, 69б; при—первѣе I 74в.

В положении после группы согласных „ї" слабый в говоре писцов Галичского евангелия разделяет в общих чертах судьбу слабых „ъ", „ь" в группе согласных, но выделяется положение, когда непосредственно перед [j] оказывается сонорный. В языке предшествующей эпохи не было групп согласных „любой согласный + сонорный + сонорный". В рассматриваемых примерах (*острие, утрие, царствие, пришествие, листвие, возлия* и др.) это сочетание приобретало вид: „любой согласный + сонорный + j". Когда было возможно разложение этой группы согласных на два слога, в Галичском евангелии встречаются написания с буквой *ь: берньемь, терньe*, что отражает отсутствие гласного звука перед [j]. Но в начале слова и после группы согласных, в свою очередь предшествующих сонорному, такая группа не могла существовать, отсюда написания *змия, трие, острие, царствие* и др., свидетельствующие о сохранении в этих положениях какого-то гласного звука на месте этимологического „ї" (ср. в современном русском *змея́, остриё*).

Этим в основном и ограничивается параллелизм в изменении слабого „ї" и слабых „ъ", „ь" в группах согласных. В отличие от „ъ", „ь", слабый редуцированный „ї" широко сохранялся в церковном произношении групп слов и отдельных слов. Таковы греческие слова на *-ие*, слова *абие, въсияешю* и др. В заключение следует отметить, что в одной морфологической категории, именно твор. падеже ед. числа „-і" основ последовательно во всех случаях пишется *-ью*. Это указывает на произношение „согласный + [j] + [у]". Окончание *-ию* не известно писцам Галичского евангелия. Если так обстоит и в других рукописях XIV в., то можно считать окончание *-ию*, бытовавшее параллельно с *-ью* вплоть до последнего времени, вторичным, позднейшим (появилось после II-го южнославянского влияния—?).

Редуцированные „ŭ", „ĭ" в сильном положении

В рассматриваемом положении в нашем памятнике почти совершенно последовательно пишутся сочетания букв *ы, и*. Встретились лишь отдельные исключения из этого правила, которые ниже специально оговариваются.

1. В корнях слов последовательно пишутся всеми писцами буквы *ы, и*, например, оумыися, оумыеши, оумыю I 10г, 18а (3 сл.), III 115а, IV 133а, 133в, 133г (2 сл.), 135а (3 сл.), 135б; открыется, скрыся и др. I 20а (2 сл.), 76а, III 73б, 88в, 113г, 115а (2 сл.), IV 162а, 172б; винопиица I 70в, II 33а, пиите (повелительного наклонения) IV 135г; не оубии III 94г; житиискыми I 73б; оубиица I 56а; оубиство I 113б, 113в. Исключение имеется в родительном падеже числительного: вяще треи сотъ I 63б, 103в; здесь написание согласно русской фонетике слова.

2. Последовательно пишется *и* в словах *молнии, судии:* молнии I 46г, III 86а; молонии IV 164а; судии (им. пад. ед. ч.) I 101г, 102а.

3. В формах род. (вин.) падежей мн. числа преобладают написания *ии*, отмеченные в следующих случаях: болѣзнии IV 123б; вервии I 4г; дверии I 8г, IV 154в; дънии I 5г, 47г, III 87г, IV 170г; дѣтии I 42г, 43в, 45б, 96а, III 86в; заповѣдии I 100г; зелии I 37б; знамении I 4б, 8в; имѣнии I 71г; людии I 67г, 113б, 133в, III 89в, IV 131г, 172б, 175а; нощии I 49в, IV 170г; писании IV 125г; прегрѣшении I 98в; ратии I 101г; свинии I 104б; стадии I 2б, 8а, IV 120в и многие другие.

Наряду с ними встретились исключения, в которых незакономерно пишется *ьи*: голеньи IV 153г; зельи I 54а; знаменьи и чудесъ I 9а; от имѣньи III 80г; стадо свиньи I 36б, 54в; съгрѣшеньи вашихъ III 115а. Написания *-ьи* в этих примерах нельзя рассматривать как обозначение звуков [ји], так как это противоречит данным последующей истории развития русского языка и его диалектов.

4. В греческих словах и именах собственных в нашей рукописи в положении перед *и* пишется буква *и* или реже *ѣ*, например, моисии I 46в, 67а, б, II 31г, III 90в (2 сл.), 90г; моисѣи I 7г; иногда моиси I 46б, 48в, 48г, 100б; и даже моси, мосиинахъ I 100в, и наряду с ними моисѣмь I 1г; саломии I 8г, 109а; въ газъ|фикии I 13а; леонтии (λεοντιον) IV 133в.

5. В им. падеже ед. числа мужского рода и дат. падеже ед. числа женского рода имен прилагательных, в том числе и в сравнительной степени, в причастиях, в порядковых числительных, в местоимениях последовательно пишутся сочетания *ыи, ии*: кии, кыи, чии, которыи, болии, велии, мнии, мьнии, мении, меншии, вящии, вящьшии, крѣплии, вторыи, первыи, другии, дроугыи, третии, добрыи, злыи, нѣмыи, ослии, нѣкыи, давыи, имыи, падыи, створивыи, коснувыися, к овчии и т. д., исключение: то есть *грядъи* I 2б.

Почти полная однородность материала не позволяет сделать обоснованного вывода о произношении звуков на месте „ŭ", „ĭ" в сильном положении.

10. Заключение о редуцированных в письме Галичского евангелия и в языке его писцов

Из рассмотрения написаний букв ъ, ь, с одной стороны, и написаний любых букв или отсутствия их на месте этимологических „ъ", „ь", „ŭ", „ĭ", с другой стороны, вытекает следующее.

Редуцированные на письме

1. Писцы Галичского евангелия 1357 г. принадлежали к той русской школе письма, которая уже выработала в известной степени нормированное правописание на месте этимологических „ъ", „ь". В памятнике нет смешения букв *ъ*, *ь* как такового. Отдельные исключения обусловлены качеством предшествующих согласных и характеризуют это качество. На месте этимологических „о", „е" буквы *ъ*, *ь*, как правило, не употребляются (исключения единичны).

2. Буквы *ъ* и *ь* писцы употребляют на месте слабых „ъ", „ь" по традиции или на основании особых графических норм в следующих случаях: а) на конце самостоятельных слов и предлогов перед следующим согласным; б) в середине слова между двумя согласными, а также в группах согласных, подобные которым были в языке предшествующей эпохи; в) в положении на конце строки при переносах как на месте этимологических „ъ" и „ь", подлежащих здесь исчезновению, так и в группах согласных, не имевших в своем составе этимологических „ъ", „ь".

3. Буква *ь* пишется на месте исчезнувшего „ĭ" слабого, употребляясь в данном случае в „разделительной" функции.

4. На месте этимологических „ъ" и „ь" сильных последовательно употребляются буквы *о* и *е*. Лишь в отдельных исключениях сохраняются буквы *ъ*, *ь*, играющие в этих случаях роль графических дублетов букв *о*, *е*.

5. На месте „ŭ" сильного последовательно употребляется буква *ы*.

6. На месте „ĭ" сильного употребляется преимущественно буква *и*.

Редуцированные в языке

1. В Галичском евангелии 1357 г. отражено такое состояние языка, когда этимологические сильные редуцированные „ъ" и „ь" перешли в гласные полного образования, совпавшие соответственно с гласными [о], [е] из этимологического „о" (не под восходящим ударением) и этимологического „е".

2. Этимологические слабые редуцированные в галичском говоре в XIV в. не существовали. Однако в отдельных немногочисленных случаях они могли сохраняться как очень краткие призвуки после согласных при сочетании нескольких согласных, особенно после сонорного в начале слова перед шумным согласным, благодаря чему образовались полусложки.

3. В сильном положении звуки „ъ", „ь" в предшествующую эпоху были представлены: а) в слоге перед слогом со слабым редуцированным; б) в любых сочетаниях с плавными между согласными; в) рано были обобщены в сильном положении редуцированные в некоторых корнях слов перед слогами с „ъ", „ь", „ŭ", „ĭ", если последние в различных морфологических формах одного и того же слова находились то в слабом, то в сильном положении; г) после сонорных согласных, не примыкавших к предшествующему слогу, перед некоторыми согласными, где в случае утраты редуцированных образовались бы группы согласных, отсутствовавшие в языке предшествовавшей эпохи и потому трудные для произношения (подробнее см. ниже).

4. Слабые редуцированные в некоторых группах согласных задерживались. Если бы имело место только сохранение слогообразующего гласного призвука и полная утрата слабыми „ъ" и „ь" в рассматриваемых группах согласных своего собственного качества, то при последующей полной вокализации этого призвука до гласного полного

образования не должны были бы возникнуть различающиеся новые [о] или [е] в соответствии этимологическим „ъ“ и „ь“, но были бы основания для появления какой-то одной гласной фонемы. Между тем в галичском диалекте, как и в других диалектах русского языка, в словах с рассмотренными группами согласных позднее из гласных призвуков образовались различающиеся гласные фонемы [о] или [е], из которых первая соответствует этимологическому слабому „ъ“, а вторая этимологическому „ь“.

Возможно, впрочем, и другое толкование. Если принять точку зрения, что в диалектах, из которых позднее образовался русский язык, согласные перед гласными переднего ряда еще в эпоху существования редуцированных как особых фонем были не полумягкими, а мягкими, то можно говорить не о сохранении слабых редуцированных в некоторых группах согласных, а о сохранении только слогообразующего гласного призвука, из которого впоследствии могли развиться гласные звуки, различающиеся лишь благодаря качеству предшествующих согласных (а именно: после мягких развивался звук [е], после твердых — [о]).

11. Фонетические позиции, в которых в эпоху падения редуцированных они не задерживались, т. е. были в слабом положении

Из рассмотрения приведенного выше материала об употреблении букв ъ и ь в Галичском евангелии 1357 г. можно заключить, что написание букв ъ и ь на месте этимологических „ъ“ и „ь“ в слабом положении (т. е. перед слогом с гласным полного образования или совпавшими с ними редуцированными сильными) или систематический пропуск букв редуцированных наблюдается в зависимости от положения их между определенными согласными. Так, редуцированные звуки не задерживались в тех случаях, когда они, будучи в слабом положении, находились между следующими согласными.

1. Между шумным и сонорным и между двумя сонорными. В Галичском евангелии 1357 г. с опущением букв ъ, ь всегда пишутся слова, в которых этимологические „ъ“ и „ь“ оказываются в положении перед буквами сонорных *р, л, м, н*. Например: гнати, гугнива, зло, книгы, князь, многъ, мнѣ, нѣкли, слати, пошлю, мнити — 'полагать' (на 41 пример одно написание с ь), токмо (с одним исключением), собра, гоумно, дни, безъдна, довлѣти, раздрася, жряхоу, жречьска (исключая единичные жьречьскымъ I 112а и жеречьска I 113б, по-видимому, последнее — описка), оузрѣ, зракъ, изми, возметь, кослища, медлить, орли, осли, ошли, пря, распря, простри, сребро, тля, отре, начнеть, пришлець, жнеши (4 без ь и 3 с ь), оумреть (2) написаний без ь, одно с ь и одно с ъ; написание с ъ указывает лишний раз на то, что определенного гласного между [м] и [р] писцы не произносили), распни (13 сл. без ь, 4 с ь, 2 с ъ и при переносе 1 с ъ; случай аналогичный слову *оумреть*), сонмище (преобладают формы без ь), тма (19 без ь у первых трех писцов, 7 написаний с ь, из них 6 принадлежат IV писцу), чли, а также различные слова с суффиксом *-ьн-*.

Исключения среди корней представлены следующими написаниями. Сравнительная степень прилагательного *мьнии*: при 5 написаниях без ь встретилось одно написание с ь и одно написание *мении* (им. падеж ед. числа). Вероятно, здесь имеет место аналогия по отношению к сильному положению. Так же объясняется написание *бисера* (если не отсутствием в прошлом в языке сочетания „ср“, заменявшегося в доисторический период сочетанием „стр“). Однако существует точка зрения,

что написание *е* в слове *мении* обусловлено ударением на бывшем слабом „ь" в начале слова. Так, общепризнано, что редуцированные „ъ", „ь" были сильными в первом слоге слова под ударением. На это указывал Ф. Ф. Фортунатов, писавший, что „о. слав. ъ и ь мéньшего количества... подвергались с течением времени утрате... как скоро такая гласная не была защищена от утраты сохранившимся на ней ударением, а в словах неодносложных случаи сохранения ударения на такой гласной известны нам из новых славянских языков лишь в первом слоге"[49]. Это положение Ф. Ф. Фортунатова прочно вошло в последующую литературу. В нем отмечаются две стороны: 1) ударение, 2) положение редуцированного в начале слова. Однако этот вопрос, видимо, требует уточнения. Положение под ударением само по себе не имеет значения. Так, ударенные редуцированные, будучи на конце слова, исчезали из произношения, тогда как перед энклитиками, где они оказывались в сильной позиции, они сохранялись (ср. приводимые А. И. Соболевским примеры: *днéсь, ночéсь, онóмéдни*, а также *мирóсь, родóсь* из Чудовского нового завета Алексия); сохранялись они (с соответствующими изменениями) и в членных формах прилагательных им. падежа ед. числа муж. рода (*сырóй, удалóй* и пр.). Не оказывало влияния ударение или отсутствие его и на судьбу редуцированных в сильном положении. Ф. Ф. Фортунатов отмечал: „Что же касается о. слав. ъ и ь бóльшего и мéньшего количества, то они употреблялись, между прочим, и под ударением, причем история о. слав. ъ и ь бóльшего количества в отдельных славянских языках не представляет старого различия в судьбе этих гласных в зависимости от того, являлись ли они без ударения, или под ударением..."[50]

Впрочем, для доказательства положения о том, что место редуцированного в слоге под ударением не делало его сильным, нужно значительное количество примеров. Случаев, в которых было бы известно ударение на старых слабых редуцированных в середине слова, либо нет (по Фортунатову: „Во внутренних слогах слов нам не известны случаи, в которых из о. слав. языка получено было бы ударение на гласных ъ и ь мéньшего количества"[51]), либо в них слабые глухие исчезли по общему закону падения слабых редуцированных (так считал А. И. Соболевский: „... есть основание думать, что и в середине слов глухие исчезли кое-где в некогда ударяемых слогах"[52]). Что касается слабых ударяемых редуцированных в начальном слоге, то они представлены единичными случаями (*дъ́ску, тъ́ща, стъ́кла* и др. формы мн. числа, *нъ́не*), недостаточными для того, чтобы по ним определять закономерность.

2. Редуцированные не задерживались между любым согласным (кроме [р], [л], [н] в начале слова) и следующими фрикативными [с], [з], [ш], [ж], [х], [в]. Например, сюда относятся: забвена, два, едва, возва, исшеть, ветхы, ветсе, вся, всякъ, пси, пшеница, оугобзися, чванъ, чсо (12 написаний без ь при трех написаниях с ь только у IV писца; слово книжное). Имеются следующие исключения: зажьже — его можно объяснить орфографической нормой обозначать двойной согласный при помощи двух тождественных букв с буквой ь или ъ между ними (ср. суффикс *-ьн-* после *н*, *-ък-* после *к* в слове *мякъкы* и др.); лобъжю, лобъзаи — только с ъ — сохранение буквы ъ не вызывается фонетическими причинами и объясняется церковным

---

[49] Ф. Ф. Фортунатов. Краткий очерк сравнительной фонетики, стр. 99—100.
[50] Там же, стр. 101—102.
[51] Там же, стр. 101.
[52] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 47.

характером слова, а также, может быть, влиянием со стороны основы *лобыза-*.

3. Редуцированные не задерживались между фрикативным согласным и последующим взрывным или аффрикатой: *вдова, воспи, вторыи, спати, оуспение, сто, созда, ковчеѣ, правда, колиждо, кождо* (оба последние слова отмечены как с ь между *ж* и *д*, так и без ь), *когождо, комуждо, зде, позде* и др., *жгома*, частица *-жды* (из „шьды") — трижды, многажды и др.

4. Редуцированные не задерживались между [т] и аффрикатами, при этом звук [т] может как предшествовать аффрикате, так и следовать после нее. Примеры обоих типов немногочисленны.

а) Звук [т] предшествует аффрикате: *притча, отца*. Оба слова всегда пишутся без ъ и ь в указанном положении, кроме того встретилось написание, отражающее полную ассимиляцию [т] и [ч]: *причю*. В этом положении можно предполагать наличие в произношении длительного затвора перед взрывом, как это имеет место в современном литературном произношении слова *притча*.

б) Аффриката предшествует [т]: *оуча, что* (слово *что* лишь два раза встретилось в написании с буквой ь после *ч* при огромном числе написаний без ь). Кроме того, сюда относятся слова *ищтени, ращтеть* (два раза без ь при одном написании с ь: *ищьтени*).

5) Редуцированные не задерживались между двумя взрывными согласными разных мест образования. Сюда относятся написания *птица, птенець, роптаху*, в которых редуцированные были между губным [п] и зубным [т], т. е. в положении, где А. М. Селищев отмечал раннюю утрату „ъ", „ь"[53]. Соответствующая звонкая пара представлена в нашей рукописи написаниями слова *бдить: бъдить* — 8 сл. и *бдить* 13 сл. Написания с ъ здесь, таким образом, составляют большой процент. В положении между звонкими взрывными согласными, которые к тому же не могли диссимилироваться по способу образования, редуцированный, видимо, задерживался дольше, чем между соответствующими глухими согласными. Но наличие буквы ъ на письме в этом случае можно объяснить и тем, что слово *бъдить* принадлежало церковнокнижному лексическому пласту.

Сюда же относятся примеры *кто, где, когда, всегда, егда, тогда* и подобные, в которых редуцированный находился между заднеязычным и зубным согласным. В этих случаях могла происходить диссимиляция согласных по способу образования, и тогда само сочетание превращалось в более типичное, помещенное выше под цифрой 3.

6) Редуцированные не задерживались в группах из трех согласных, если они образовали сочетания по 3 и 1 из рассмотренных выше типов, т. е. „фрикативный + (редуцированный) + шумный + сонорный", либо „фрикативный + шумный + (редуцированный) + сонорный". Сюда относится слово *створи* и производные, возможно, также слово *исхну*, отмеченное в написании без ъ. Слово *възъдъхнувъ* сюда отношения не имеет, поскольку в нем после исчезновения редуцированного возникло бы сочетание четырех согласных ([здхн]) и, что важнее, взрывной в нем предшествует фрикативному, находящемуся перед сонорным.

Перечисленные случаи, в которых утратились старые редуцированные звуки „ъ", „ь", характерны тем, что в них после падения слабых редуцированных образовались группы согласных, имевшие себе подобные в языке до падения редуцированных, благодаря чему возникающие новые сочетания артикуляций ничем принципиально не отличались от старых привычных сочетаний артикуляций.

---

[53] А. М. Селищев, Указ. соч., часть первая., стр. 283—284.

Что касается собственно редуцированных, то из анализа употребления букв ъ, ь на месте этимологических редуцированных можно сделать вывод, что редуцированные были в слабом положении и в эпоху падения их исчезали из произношения в русских диалектах, если редуцированный находился перед слогом с гласным полного образования (или совпадавшими с ними редуцированными сильными) между нижеследующими согласными или группами согласных: 1) после любого согласного перед следующим сонорным, 2) между взрывным и фрикативным, 3) между фрикативными, 4) между двумя взрывными разных мест образования, 5) в сочетаниях [т] с аффрикатами, 6) в группах согласных „фрикативный, шумный, сонорный". Видимо, слабыми были редуцированные также на конце самостоятельных слов.

12. Группы согласных, препятствовавшие падению слабых редуцированных или способствовавшие появлению образований по аналогии

Препятствовало падению редуцированных в положении перед слогом с гласным полного образования (или совпадавшими с ними редуцированными в сильном положении) наличие иных, по сравнению с рассмотренными выше, групп согласных.

Внешне все случаи с последовательным сохранением буквы ъ, ь на месте этимологических слабых редуцированных или заменой их через *о*, *е* объединяются положением их в группе согласных, в которой в случае падения их образовалось бы стечение трех и более согласных. Таковы следующие случаи в наиболее показательной категории — в корнях слов: *въпрашати*, *одъждить*, *въздъхноувъ*, *льстити*, *стькляницю* (впрочем, есть два написания этого слова с пропуском ь), *мьзда*, *мьстити*, *стьланоу*, *чьсти*. На месте этимологического „ь" при сочетаниях согласных такого рода в отдельных случаях встречаются буквы *е*, например, *двери*, *жезла*, *лестець*, *стегна*. Однако положение „ъ", „ь" в группе из трех-четырех согласных не является само по себе фонетической причиной, способствующей сохранению слабых редуцированных (см. пункт шестой в предыдущем разделе), поскольку в приведенных примерах имеют место различные фонетические условия. Стремление избежать скопления трех и более букв, обозначающих на письме согласные, и сохранение для этой цели букв ъ, ь могло бы быть чисто графическим приемом. Между тем в приведенных примерах видеть только графический прием нельзя, потому что: 1) в них имеет место правильное употребление букв на месте этимологических „ъ", „ь", а если бы писцы придерживались только графической нормы, следовало бы ожидать появления букв ъ, ь, необусловленных этимологией; 2) в ряде примеров встречается написание буквы *е*, что свидетельствует о произношении в них гласного звука, близкого к [е]. Следовательно, в сохранении ъ, ь на письме в группах из трех и более согласных следует видеть причины, кроющиеся в особом произношении слов, в которых пишутся эти ъ, ь.

Можно было бы принять одно из следующих двух наиболее часто встречающихся объяснений: 1) в случаях, подобных *мьстити*, *мьзда*, *стьлати*, *стькляница*, *льстити* можно видеть стремление отразить мягкость согласного, предшествующего „ь"; однако это объяснение неприемлемо для материалов Галичского евангелия, поскольку в нем буква ь не употребляется столь последовательно для указанной цели; 2) часть написаний с буквой *е* можно объяснить влиянием аналогии с сильным положением. Этой причиной объяснял, например, А. М. Селищев написание *е* в слове *дверь*: „Обобщалась основа dvьr- с силь-

ным ъ или его заменой. Так в восточнославянских языках: *дверь, двери, дверка, дверци*“ [54]. Аналогично объясняет слово *доска* Л. А. Булаховский: „В других случаях выравнивание в пользу гласного поддерживалось тем, что иначе образовался бы в отношении звукового сходства слишком большой разрыв между формою именительного (ед. или мн. ч.) и другими: *дъска* фонетически изменялось в *дска* и далее в *цка*..., но потом под влиянием *дъ́скы* — ‘доски’ восстанавливалось *доска*“ [55].

Конечно, влиянием аналогии со стороны именительного падежа или, наоборот, со стороны косвенных падежей на именительный, можно объяснить подавляющее большинство случаев произнесения гласных звуков на месте старых слабых редуцированных. Но и само влияние аналогии в тех или иных формах нуждается в объяснении. В самом деле, почему, например, нет выравнивания основы по аналогии в таких случаях, как: *сон—сна, день—дня, пень—пня, красен—красна, болен—больна, купец—купца, молодец—молодца, сладок—сладка* и под., и проявляется влияние аналогии в таких случаях, как *дверь—двери, ропот—ропота, меньший—менее, пестр—пестра, лесть—лести, яблоко—яблок, кузнец—кузнеца, мудрец—мудреца, мертвец—мертвеца, подлец—подлеца, Смоленск—Смоленска, стек(о)л—стекло* и многих подобных им? Ср. по этому поводу замечание А. И. Соболевского: „Уже издревле: *кузнеци* Слова Григория Богосл. XIV в. Син. Библ. 28, им. мн., *мертвѣца* Триодь 1311 г. 2 об и т. п., *мудреца*, из *кузньци, мьртвьца, мудрьца*“ [56].

В древнейших памятниках, отражающих процесс утраты слабых „ъ“, „ь“ и с буквами гласных *о, е* на месте слабых „ъ“, „ь“ отмечены слова: *„броня* (Псалтырь 1296 г., запись), *блоха, дохнуть, (вдохнувъ*, Псалтырь 1296 г., зап.), *доска, мозгнуть, яблоко, нонѣ* (Лаврентьевск. список лет. 111, 114, 190, 196, 212, 216, 217, 247, 253; Румянц. Измарагд XIV в. 97; полоцкая грам. 1478 г.; зап. русск. Четья 1489 г. 238...), *сосу́* — где *о* из *ъ*; *тревога, пестръ, теща, стекло, звенѣть, гнею* (Кормчая ок. 1282 г....), *остреé*... — где *е* из *ь*“ [57]. „Паремейник 1378 г.: *пехаете* 72 об., Лаврентьевск. сп. лет.: *спехнуша* 73“ [58]. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку знает: *„досками* 110 об., но и — *дска* 140 об. *а*; возможно писец так и говорил“ [59]. „Лаврентьевск. сп. лет.: *лсти* 249 и др.“ [60] „Слова Григория Богосл. XIV в. Син. Библ.: *чстить, чстять, почстившаго* и т. п.... То же мы видим в... *пехать, пехнуть* (Паремейник 1378 г.: *пехаете* 72 об.; Лаврентьевск. сп. лет.: *спехнуша* 73) и *пхать, пхнуть* (*въпхати, въпхнути*)... Слово *дврь* имеет в одних (немногих) древних памятниках формы косвенных падежей *дври, дврехъ* (Галицкое ев. ок. 1266 г.; Кормчая ок. 1282 г.), тогда как другие имеют *двери*, вероятно, — *дверѝ* (как Чудовский Новый Завет XIV в.), *дверехъ*, при современных *двери* и др“ [61]. „...памятники имеют от *тьсть* форму род. п. *тсти, цьти, сти, тстя, цьтя* (Пандекты 1296 г.: Иофора *сти* своего 38 об.; Ипатский сп. лет.; Скорина, Бытие, 55; Исход, 9 об.; ср. соврем.

---

[54] А. М. Селищев. Указ. соч., ч. I, стр. 306.
[55] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 72—73.
[56] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 50.
[57] Там же, стр. 47.
[58] Там же, стр. 49.
[59] В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. „Труды комиссии по русскому языку“, т. I. Л., 1931, стр. 34.
[60] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 48.
[61] Там же, стр. 49.

белорусское *цця, сця*), а от *чьсть* форму того же над. *чести, чти* (Кормчая ок. 1282 г.: *чти* приложити; Рязанск. Кормчая 1284 г.: *о чти* 14 об., 53 об., 60; Лаврентьевск. сп. лет.: *въ чти*; Домострой: *чти* достоины; *во чти*; Слово о п. Игореве)" [62].

Приведенные материалы Галичского евангелия 1357 г. и других памятников показывают, что написание букв *ъ, ь* на месте слабых редуцированных „ъ" и „ь" и написание букв *о, е* вместо них, свидетельствующее об изменении старых редуцированных в гласные [о], [е], которое обычно объясняется влиянием аналогии со стороны сильного положения, имеет место в тех позициях, когда в случае утраты редуцированного образовалось бы значительное стечение согласных, не известное до того времени фонетической системе древнерусского языка.

Еще И. В. Ягич и Ф. Ф. Фортунатов обращали внимание на то, что глухие пали в сочетаниях, которые легко произносились без гласного звука. В критическом разборе первого издания книги А. И. Соболевского „Лекции по истории русского языка" И. В. Ягич писал: „У первоначальных глухих было этимологическое значение, это были когда-то полные гласные, сделавшиеся «глухими» только после продолжительного постепенного ослабевания, обусловленного положением этих гласных, чаще всего в конце слова, но иногда и внутри, в неударяемых, без полной гласной легко произносимых звуковых сочетаниях (разрядка наша. — *Л. Ж.*). Новые глухие, как раз наоборот, понадобились именно там, где вследствие исчезнувшей этимологической гласной, принявшей наконец вид очень незначительной глухой, образовалось накопление согласных, неудобно произносимое. Чтобы извести эти накопления, явились новые, вспомогательные гласные, не имеющие уже никакого отношения к первоначальным глухим. О них было бы лучше говорить отдельно, это так называемые «сварабактические» гласные, вроде «маноτья» Новгр. требн. XIV в. 54 (изд. Общ. ЛДП) или «харотью», «харотьяхъ» Панд. Ник. Черног. XIII в. Понятие удобопроизносимости — конечно очень переменчиво, смотря по месту и времени, поэтому существовали также двойные формы" [63].

Ф. Ф. Фортунатов отмечал: „Что касается о. слав. ъ и ь мéньшего количества, то фонетически (помимо новообразований по аналогии) эти гласные в отдельных славянских языках... подвергались с течением времени утрате, как скоро в том или другом из отдельных славянских языков не препятствовало утрате гласной влияние известных звуков или звуковых сочетаний, соседних в слове..." [64] (разрядка наша. — *Л. Ж.*).

А. А. Шахматов также признавал задерживающее влияние группы согласных. Характеризуя язык Новгородских грамот XIII—XIV вв., он писал, что в них „все прарусские неслоговые ъ и ь исчезли (исключая случаев, где их задерживала группа согласных)" [65] (разрядка наша. — *Л. Ж.*).

Употребляя понятия „трудные сочетания", „удобопроизносимые" и т. п., следует иметь в виду, что они не столько являются категориями общей фонетики, сколько категориями определенного языка в определенную эпоху: что трудно для носителей одних языков, может быть

---

[62] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 50.

[63] И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, СПб., 1889, стр. 33.

[64] Ф. Ф. Фортунатов. Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков, стр. 99—100.

[65] А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV в., стр. 182.

употребительно в языке других, что трудно в одну эпоху, то обычно в другую. Например, в эпоху до падения редуцированных в славянских языках в какой-то период времени существовали лишь открытые слоги, а в языках XIII—XIV вв. наличие некоторых типов закрытых слогов стало уже нормой. Таким образом, „трудные сочетания согласных" следует понимать лишь как такие сочетания, артикуляции которых не были привычными и не имели себе подобных в языке предыдущих поколений. Но как только те или иные артикуляции усваиваются, становятся обычными для носителей языка, соответствующие звуки или сочетания звуков уже не могут быть названы трудными.

До сих пор еще не выяснено, какие именно группы согласных не могли существовать в эпоху, непосредственно следующую за временем падения слабых редуцированных и изменения их в [е], [о] в сильном положении. Исследование вопроса о сохранении слабых редуцированных в группах согласных (до какого времени — ?) и последующем переходе их в соответствующие гласные полного образования (в каких случаях — ?), а также выяснение случаев вторичного появления гласных [о], [е] с целью выравнивания основного вида того или иного слова (аналогия) может быть произведено только на массовом материале древнерусских памятников, обследованных исчерпывающим образом.

На основании изучения написаний с буквами *о, е* на месте этимологических слабых редуцированных можно предварительно наметить такие группы согласных, в которых слабые „ъ", „ь", „ї" задерживались даже перед слогом с гласным полного образования.

1. Слабые редуцированные задерживались в группе согласных с сонорным в начале слова. Сюда относятся написания Галичского евангелия *лъстити, мьзда, мъстити*. Полагаем, что в этих случаях начальный [м] или [л] произносился как слоговой и составлял отдельный слог, что нашло отражение на письме. Возможно, что сюда же относится постоянное написание с ъ слова *въпрашати* и родственных форм, поскольку в них сохранился без оглушения сонорный [в].

Такое же произношение можно предполагать в слове *алъчна*, в котором после падения слабого „ь" в суффиксе „ьн" после [л] перед новой группой согласных могла образоваться некоторая побочная слоговость. Возможно, что именно следы сохранявшейся вокализации этих слогов содействовали тому, чтобы позднее (отчасти в период второго южнославянского влияния) в некоторых из этих случаев появился гласный [о]. Но, как правило, в положении не в начале слова сонорный перед группой согласных, аналогичной имеющимся ранее в языке, мог примыкать к предшествующему слогу, ибо в языке стали возможны закрытые слоги, например, прел'|стити ал|чна. В таких случаях не образовывалось группы согласных, препятствующей падению слабого редуцированного.

2. Слабые редуцированные задерживались в сочетаниях с сонорным между любыми согласными. Сюда относятся: а) большая категория случаев с плавными между согласными, образовавшимися как из старых сочетаний с редуцированным, предшествовавшим плавному (типа *tьrt, *tъrt и т. п.), например, *первии, скорбь*, так и из старых сочетаний с плавным, предшествовавшим редуцированному (типа *trьt, *trъt и т. п.), например, *крестити, крови*; б) сочетания сонорного с „ї" в положении между любым согласным и [j], например, *острие, оутрие, царствие, пришествие, лиственье, возлия, змия* и т. п.; в) сочетания редуцированного с [в] между любыми согласными, например, *двери, звенѣти* и т. п.

От приведенных случаев следует отличать следующие, в которых редуцированные задерживались нефонетическим путем и затем переходили в гласные полного образования: *теща*, *дочи*, *тестя*, *чести*. В этих словах в случае утраты слабого редуцированного должны были образоваться звуки, подобные обычным аффрикатам, и тем самым возникнуть сильно отдалившее друг от друга формы одного слова чередование аффрикаты [ч] с сочетаниями [тещ-], [доч-], аффрикаты [ц] с сочетанием [тес-] и сочетания [чт] с сочетанием [чест-]. Между тем разный звуковой вид основы в древнерусском языке был сравнительно широко представлен лишь в двух случаях: 1) различие в звуковом виде основы при чередовании гласных (имеются в виду как древние чередования, так и новые чередования [е], [о] с „нулем гласного"); 2) сохранилось чередование звукового вида основ, возникшее в доисторический период благодаря палатализациям согласных перед [j] и гласными переднего ряда. Этот тип чередований стал широко употребительным в различных словообразовательных морфемах, но в составе же одной и той же основы, как правило, этот тип чередований сокращался. Вытеснение шло двумя путями. Первый из них — выравнивание звукового вида основы, широко представленное в парадигме существительных почти во всех говорах русского языка и в литературном языке, а в парадигме глаголов — по многим говорам. Второй — лексикализация чередований, что имело место в различных словообразовательных суффиксах. Древнерусскому языку в последующем его развитии была свойственна тенденция к устранению чередования согласных в одних и тех же основах при сохранении и дальнейшем упорядочении и развитии чередований гласных в основах. Этой тенденции должны были противоречить возникающие в процессе утраты редуцированных чередования [ч] || [тещ], [ч] || [доч], [ц] || [тест], [цк] || [доск], [чт] || [чест], и эти чередования не укрепились в языке. Приведенный выше материал показывает, что по говорам в известный период времени могли сохраняться некоторые чередования (слово *цка*, например, в особом значении сохранялось до последнего времени в языке „богомазов"), но затем в большей части говоров они устранялись. Наличие [е] в косвенных падежах слов *жезл*, *стекло* и под. (*жезла*, *стекла*), в которых в случае утраты слабых „ь" должны были бы возникнуть чередования [зла] ([жжла]) || [жезл], [скла] (форма *скла* известна) || [стекл], объясняется также выравниванием звукового вида основы, именно состава согласных основы.

Надо полагать, что процессу выравнивания состава согласных основы в некоторых случаях способствовало церковнокнижное произношение, которому в большинстве случаев свойственно читать в соответствии с написанием.

Возникает вопрос о том, как звучали рассматриваемые гласные приведенных выше слов с этимологическими слабыми „ъ", „ь" в эпоху после падения редуцированных. Мы полагаем, что там, где гласные появились вследствие выравнивания звукового состава согласных основы, видимо, не было сохранения „ъ", „ь". Возникающие новые гласные в этих случаях произносились как обычные для звуковой системы того времени гласные [о], [е].

Вопрос о произношении гласных в словах, в которых старые слабые редуцированные не исчезли, но задерживались группой согласных, решается сложнее. В части случаев, где имеет место написание букв *е*, *о* (например, *двери*, *звенѣти*, *лестець*, *ропотъ* и др.) в произношении писцов уже были обычные гласные [е], [о]. В словах типа *мьзда*, *мьстити* и других, где последовательно пишутся *ь*, *ъ* без чередования их с написаниями *е*, *о*, произношение было иное. В этом положе-

нии имел место, видимо, только гласный призвук, означающий наличие в начале слова отдельного слога, состоящего из сонорного. Фактически это было сохранение в рассматриваемом положении старых слабых редуцированных. Возможно, слабые „ъ", „ь" в предшествующую эпоху произносились сходно, то есть как очень краткие звуки переднего или заднего образования, роль которых, как гласных, сводилась только к способности дать слог в сочетании с предшествующим согласным.

* * *

Рассмотрение материала Галичского евангелия 1357 г. о буквах ъ, ь и этимологических звуках „ъ", „ь", „ў", „і" показывает, что ставшая традиционной классификация редуцированных по позициям (слабое и сильное положение только в зависимости от качества гласного последующего слога и ударения) не является окончательной, а сама проблема требует дальнейшего углубленного изучения. В ходе этого изучения особое внимание должно быть обращено на согласные, окружающие редуцированные; должен быть пересмотрен также вопрос о значении ударной и безударной позиций и ограничен объем случаев, в которых отклонения от общих фонетических закономерностей объясняются аналогией. При рассмотрении указанных вопросов на обширном материале многих рукописей (а не одного памятника, как это было в настоящей работе) нужно будет в дальнейшем уточнить время исчезновения в отдельных диалектах редуцированных как особых гласных фонем и время, когда они еще сохранялись как гласные призвуки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

З. — Зографское евангелие, изданное В. Ягичем: „Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus". Berolini, 1879.
М. — Мариинское четвероевангелие, с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича, Спб, 1883.
О. е. — Остромирово евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843.
С. кн. — Саввина книга, издана В. Н. Щепкиным („Памятники старославянского языка", I, вып. 2. СПб., 1903).

Сокращения имен евангелистов, при цитировании текстов (или ссылках на них) указанных памятников письменности:

И. — Иоанн
Л. — Лука
М. — Марк
Мт. — Матфей

} Римские цифры, следующие в ряде случаев за начальными буквами имен евангелистов, обозначают главу соответствующего евангелия; арабские цифры, стоящие следом за римскими, обозначают стих соответствующей главы.

Т. А. СУМНИКОВА

ЧУДОВСКОЙ СБОРНИК XVI ВЕКА

(Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского сборника № 264)

Предлагаемая работа представляет палеографическое и фонетическое исследование одного из памятников, не имеющих записей о времени и месте написания, — рукописи № 264 Чудовского собрания бывшей Синодальной библиотеки, хранящейся в настоящее время в Государственном Историческом музее.

В Сборник входят статьи толковые, исторические, но главным образом житийного характера. Состав сборника определил его языковый стиль: он написан церковно-книжным языком, обычным для русских памятников XVI в. подобного же содержания, но с различной степенью сохранения архаических черт в морфологии для разных статей.

Для историков языка рукопись представляет значительный интерес, так как ее правописание содержит в себе очень большое количество отступлений от традиционной орфографии, что дает определенный материал для выводов о звуковых особенностях языка писца.

В литературе рукопись № 264 Чудовского собрания известна под названием „Белорусский соборник", т. е. сборник Чудова монастыря. Такое определение ее было дано впервые А. Н. Поповым, сделавшим описание этого памятника[1]. В беглых замечаниях палеографического характера, предшествующих самому описанию, А. Н. Попов замечает, что рукопись написана „полууставом белорусского письма 16-го века (2-й половины)"[2], и несколько ниже, что рукопись „драгоценна по особенностям правописания: все статьи громадного соборника по правописанию составляют особую б е л о р у с с к у ю (выделено А. Н. Поповым. — Т. С.) редакцию; другими словами: все статьи переписаны по выговору писавшего белоруса"[3].

В дальнейшем это мнение с ссылкой на работу А. Н. Попова было повторено Е. Ф. Карским в его труде „Белоруссы"[4]. Однако, основываясь на отсутствии в рукописи полонизмов, Е. Ф. Карский высказал предположение, что памятник был написан где-то в восточной Белоруссии[5]. Предположение А. Н. Попова нашло свое отражение и в примечаниях

---

[1] См. „Соборник Белорусский Чудова монастыря в библиографических материалах, собранных А. Н. Поповым" (XV—XIX), изданных под ред. М. Сперанского. М., 1889. — Целью этого описания было определить содержание сборника.

[2] Там же, стр. 3.

[3] Там же, стр. 4.

[4] Е. Ф. К а р с к и й. Белоруссы, т. I. Варшава, 1903, стр. 392.

[5] Там же.

к статье „Поучения Исидора митрополита", извлеченной А. С. Павловым из интересующего нас памятника и изданной им. Он пишет: „... рукопись письма белорусского с резким отпечатком тамошнего говора"[6].

Правда, приведенное мнение относительно происхождения рукописи не было единственным. А. И. Соболевский был знаком с рукописью Чудова монастыря № 264 и с работой А. Н. Попова и, тем не менее, полагал, что рукопись написана „едва ли не в Москве"[7]. Но это высказывание осталось незамеченным.

Высказав свои предположения о происхождении памятника, ни А. Н. Попов, ни А. И. Соболевский никак не обосновали его. Очень может быть, что убедительным, по мнению А. Н. Попова, аргументом является широкое отражение аканья в орфографии писца и беглый почерк, производящий необычное впечатление. Однако аканье, как известно, не является особенностью только белорусского языка, оно характерно и для значительной части русских говоров. Кроме того, при определении типа языка нельзя основываться только на одной его черте, а необходимо привлекать всю совокупность данных, характеризующих его.

Таким образом, рукопись Чудовского собрания № 264, несмотря на имеющееся описание, не была определена с точки зрения места ее написания. Не исследован до сих пор предполагаемый памятник и со стороны языка. Правда, отдельные примеры из него приводят в своих работах А. И. Соболевский[8], Е. Ф. Карский[9] и Р. И. Аванесов[10].

Известно, что языковые факты, полученные в результате анализа орфографии памятника, в случае, если они не могут быть соотнесены с известным периодом в истории какого-либо языка и закреплены за определенной территорией, для историка языка в значительной мере теряют свою ценность. Поэтому собственно лингвистическому исследованию предпосылается палеографическое описание рукописи Чуд. № 264, цель которого — определить, когда и где она могла быть написана.

В целом же задача настоящей работы — ввести в круг научного использования богатый материал памятника, написанного, как это будет показано ниже, в Москве в середине XVI в.; извлечь из него данные, характеризующие с вероятностью звуковые особенности разговорного языка писца, попытаться на основании этого воссоздать (в той мере, в какой это возможно) звуковую систему языка писца, а тем самым осветить одну из сторон языка Москвы в период завершения процесса образования русской (великорусской) народности.

При реконструкции звукового строя языка по памятникам письменности исследователю приходится сталкиваться с целым рядом трудностей, связанных, во-первых, с природой самого буквенного письма (не звучащая речь, а графическое, опосредственное, часто крайне непоследовательное отражение ее), во-вторых, с тем, что в орфографии могут быть отражены различные стили произношения, а также произношение, характерное для языка оригинала, в-третьих, наконец, с возможностью искусственных написаний, вызванных культурным влиянием и не связанных со звуковой системой языка писца. Поэтому при восстановлении

---

[6] См. РИБ, т. 6, ч. 1. СПб., 1908, № 116, стр. 785—788.

[7] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 78.

[8] Там же.

[9] Е. Ф. Карский. Белоруссы, т. II, вып. 1. Варшава, 1908, стр. 88, 91, 95—103, 135—156, 201—211, 234—240 и др.

[10] Р. И. Аванесов. К вопросам образования русского национального языка. — ВЯ, № 2, 1953, стр. 69. — Извлеченные примеры А. И. Соболевский привлекает для характеристики изменений, происшедших в XVI в. вообще в русском языке, Р. И Аванесов ими иллюстрирует изменения в великорусском языке, Е. Ф. Карский с их помощью пытается обосновать наличие тех или иных явлений в истории белорусского языка.

звуковой системы языка по памятнику письменности следует рассматривать орфографию памятника в целом, выявляя ее закономерности и отклонения. При анализе необходимо учитывать данные истории языка и истории культуры и корректировать полученный материал показаниями современных говоров и других памятников письменности. При исследовании же взятого нами сборника приходится принимать во внимание данные памятников и говоров не только русского языка, но и белорусского, поскольку ранее было высказано предположение о белорусском происхождении памятника.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Как уже было сказано, рукопись № 264 Чудовского собрания не имеет указания на время и место ее написания. Но в составе сборника есть датированные записи на л. 749 о рождении „молады", т. е. молодого месяца[11], и на л. 84 об. о запоздалой весне (см. фото).

Содержание последней записи, как нам представляется, таково. В каком-то неизвестном нам году весна была очень поздней. На троицын день в этот год липы еще не только не распустились, но даже почки у них не набухли. (Стлали липовый хворост, на котором „не токма листѣ, но и пѣрьѧ не была".) 23 и 24 июня были морозы („Ѡкѣпалници два великиѧ мраза были" — вероятно, имеются в виду морозы на день Аграфены Купальницы и следующий за ним день Ивана Купалы). Результатом запоздалой весны явилось отсутствие корма и вследствие этого падеж скота и прилетевшей птицы.

Дата в записи на л. 749 не вызывает сомнений и в переводе на современное летосчисление означает 1540 год (7048 — 5508 = 1540).

Дата же на л. 84 об. имеет необычный вид. Как прочесть ее? $\cdot \overline{\text{ѕ}}\cdot = 7000$, $\cdot \overline{\text{м}}\cdot = 40$, $\cdot \overline{\text{иѳ}}\cdot = 18$. Год, который бы состоял из этих чисел, представить себе невозможно. Если предположить, что имеется в виду 7040-й год, а 18 — число месяца, то почему окончание -го стоит не после числа лет, к которому оно должно относиться, а после числа месяца? Если думать, что это 7048 год, то к чему тогда относится буква ї (10) и почему она стоит с буквой и (8) под одним титлом? Очевидно, дата записи на л. 84 об. требует уточнения и проверки. Определение же времени написания рукописи по одной и к тому же косвенной дате на л. 749 не является бесспорным. Запись с датой могла быть и механически перенесена из оригинала.

Время написания рукописи можно определить, рассмотрев ее внешнее оформление, материал, на котором она написана и почерк. Поэтому наше палеографическое описание строится по следующему плану: 1) внешние палеографические данные рукописи; 2) анализ почерка; 3) анализ водяных знаков бумаги.

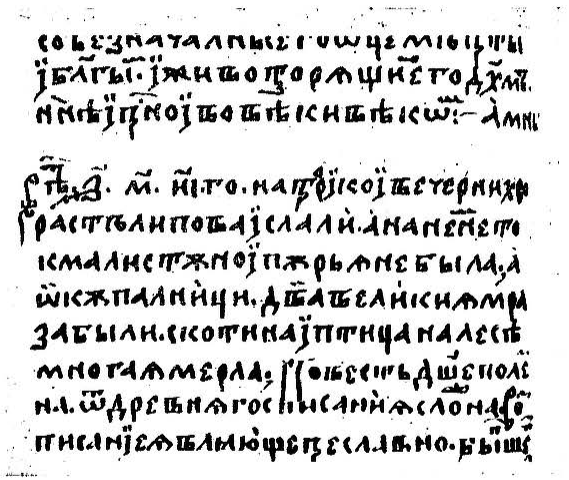
§ 1. ВНЕШНИЙ ВИД РУКОПИСИ

Исследуемый памятник представляет собой объемистую, хорошо сохранившуюся рукопись, размером в 1^0, написанную на бумаге одним почерком — беглым полууставом XVI в.

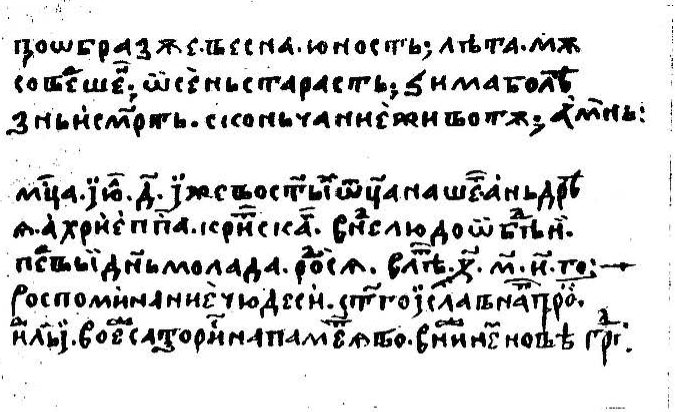
Рукопись заключена в переплет, обычный для большей части рукописей, составляющих теперь Чудовское собрание Государственного Исторического музея, и сделанных во второй половине XIX в.: кожа,

---

[11] Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, стр. 332.

л. 84 об.

л. 749.

которой обтянуты доски, имеет по краю узкую полоску золотого тиснения травного стиля, типа мелких колокольчиков. Переплет стягивается двумя застежками из зеленой меди. К нижней крышке прибиты четыре круглые, сходящие на конус жуковины из того же материала, что и застежки. На корешке четыре валика. По-видимому, в переплете современны рукописи лишь доски, не выступающие над обрезом и не имеющие желобков, — тип досок, характерный для рукописи не позднее XVI в.[12]

Рукопись состоит из 755 пронумерованных листов размером 29 см × × 19 см. В начале и конце добавлены 5 чистых листов бумаги XIX в. Все листы разлинованы через всю страницу. Подавляющее большинство листов разлиновано на 24 строки. В некоторых листах, особенно в конце тетрадей, количество строк колеблется от 26 до 31. (См., например, листы 46 об., 164, 203, 272, 280 и др.)

Рукопись состоит из 94 полных и 2 неполных перенумерованных тетрадей. Большинство их (87 из 96) имеет 8 листов (4 перегнутых пополам листа). В остальных количество листов колеблется от двух до десяти; листы в них частью изъяты, (см. тетради № 1, 45, 50, 57, 96), частью, наоборот, добавлены (см. тетради № 28, 77, 78, 92). Так, в тетради № 28 (лл. 212—221) вместо 8 листов 10: последние 2 листа (л. 220 и л. 221) добавлены. На листе 220 внизу стоит даже славянская цифра ·кк· (28), написанная очень мелко и повторяющая помету на л. 212. Два листа добавлены также в тетрадь № 92 (лл. 720—729). То же самое следует сказать о тетради № 78 (лл. 604—613 об.). Из 5 листов состоит тетрадь № 77 (лл. 509—603). По 7 листов заключает в себе тетрадь № 45 (лл. 350—356) и № 50 (лл. 383—395). В тетради № 40 статья заканчивается на л. 353 об., л. 356 оставлен пустым. В тетради № 50 пустыми оказались листы 395 и 395 об. Отсюда легко заключить, что первоначально все эти тетради состояли из 8 листов, но потом неисписанные листы были изъяты. На подобную практику указывает тетрадь № 57 (лл. 443—446), где конец статьи помещен на л. 446 об., а от последующих 4 листов остался лишь один аккуратно обрезанный корешок.

Нумерация тетрадей начинается на л. 5, где на полях внизу стоит буква к, очевидно обозначающая цифру 2. Четыре начальных листа подобной пометы не имеют. Это указывает на то, что в момент написания рукописи они не были начальными. Исходя из того, что обычно тетради исследуемой рукописи состоят из 8 листов, можно полагать, что имеющимся сейчас 4 начальным листам предшествовали еще 4, утраченные до переплетения. Все вместе они составляли первую тетрадь. Последняя тетрадь № 96 (лл. 754—755) также неполная. От нее сохранились лишь первые два листа.

При переплетении начальные 60 листов рукописи были перемешаны. Так, между тетрадями № 3 и № 4 вклинились тетради № 6, 7 и 8. За тетрадью № 5 следует тетрадь № 9. Далее путаницы не наблюдается.

Текстологическое сличение статей, помещенных в рукописи, с изданием этих же статей в старопечатных книгах XVIII в. позволило установить правильную последовательность листов и тетрадей. Так оказалось, что начало „Слова о страшном суде" Палладия мниха, ошибочно приписываемое писцом Иоанну Златоусту, начинается на л. 50—53 об., а продолжение и окончание его находится на л. 21—36 об., начало „Беседы 3-х святителей" на л. 38, конец — на л. 54.

Вся рукопись написана коричневыми чернилами, то более темными, то светлыми. Заглавия статей и номера глав выполнены киноварью. Размер киноварных букв такой же, как и у обычных, строчных. Кино-

[12] См. В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1920, стр. 29.

варные буквы иногда стоят в середине текста, чаще всего для выделения какой-либо ее части. (См. л. 38 об., 72—81 об., 737—749 и др.)

Статьи начинаются большими киноварными инициалами простого рисунка с крупными травными украшениями. Подобные инициалы характерны для рукописей XV—начала XVI вв.

Заставок ни одной нет, хотя на л. 4 для заставки, видимо, было оставлено место. Отсутствие там заставки оставляет впечатление какой-то незаконченности рукописи. Рукопись отличается хорошей сохранностью, но обилие восковых пятен (см. лл. 1—4, 25, 31, 71, 76, 117, 173, 194 и т. п.) указывает на то, что ею часто пользовались. Некоторые листы подклеены по краям (см. лл. 203, 204, 717, 727). Бумагой XIX в. подклеены начальные и конечные листы.

§ 2. ПОЧЕРК

Почерк, которым написана рукопись,—беглый полуустав с лигатурами, выносными буквами и юсом большим, который почти полностью вытеснил в графике писца букву *у*.

Рукопись написана одним почерком, простым, не манерным, без вычур (кроме ѫ), обычных для южно- или западнорусских рукописей. Почерк производит не одинаковое впечатление. Начальные листы, примерно листов 70, написаны довольно аккуратным и простым почерком. Толстые и тонкие линии здесь различаются.

На последующих листах ровный и спокойный почерк сменяется неровным, размашистым. Буквы здесь часто выходят из строки, оказываются то чуть выше, то, наоборот, ниже, становятся крупнее, увеличивается их округлость. Дужки над выносными буквами принимают вид небрежных росчерков. Вертикальные линии иногда подламываются и производят такое впечатление, будто их выводила дрожащая старческая рука. Эти замечания относятся в первую очередь к листам 173—185, 212—222, 607—622 и др. Спешность, неровность почерка на этих листах в сочетании с буквой ѫ производит необычное впечатление. Вероятно, судя по этим листам, А. Н. Попов назвал почерк рукописи белорусским. А между тем даже на этих, наиболее ярких в отношении небрежности и торопливости листах почерк постепенно переходит к прежней, обычной манере, какой написано начало рукописи. Особенно показательными в этом отношении являются листы 212—222, 456—463, где спокойное, ровное письмо сменяется сначала спешным, размашистым, а потом постепенно вновь принимает свой обычный более аккуратный вид. Поэтому считаем, что листы 173—185, 212—222 и далее нельзя принять за образец для характеристики основного вида почерка, как это, видимо, сделал А. Н. Попов.

Что же касается почерка на остальных листах, в том числе и начальных, то его никак нельзя назвать белорусским. Он скорее характерен для рукописей, написанных на территории Московского государства в конце XV—начале XVI в. Этому не противоречит наличие в рукописи лигатур и почти постоянное употребление буквы ѫ вместо *у*, относящихся к числу манерных написаний, так как в данной рукописи лигатуры употребляются не для украшения, а для ускорения письма. Кроме того, лигатуры и юс большой встречаются в качестве украшений не только в западнорусских рукописях, но и в московских, к тому же написанных в более позднее время, чем время написания исследуемого памятника. Так ѫ вместо *у* находим в Никоновском томе лицевого летописного свода, написанном во второй половине XVI в.[13], а лигатуры

[13] См. Син. № 962, рукопись ГИМ.

в Годуновских минеях за март и апрель[14], написанных в Чудовом монастыре в 1600 г.

Следовательно, лигатуры и юс большой не могут служить достаточным основанием для того, чтобы считать почерк рукописи белорусским.

На л. 640—647 об. почерк несколько мельче обычного. Но это, видимо, объясняется более тонкой и гладкой бумагой данных листов.

Важно отметить, что, несмотря на некоторые колебания в почерке, основные приемы написания букв для всех листов рукописи остаются едиными. Поэтому считаем, что рукопись написана одним лицом.

В рукописи употребляются следующие строчные буквы: а, б, в, г, д, е, ж, ѕ, з, и, і, к, л, м, н, о, ѡ, ѳ, п, р, с, т, ѫ, у, оу, ѵ, ф, ѳ, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ь, ы, ю, ѧ, ѩ, ѣ.

Изредка употребляются ижица и пси, обе в заимствованных словах.

Остановимся на приемах написания отдельных букв, выбрав лишь те, которые содержат приметы времени. Буква *е* отмечена только одного рисунка, как перевернутая цифра 3 с угловатой головкой.

Буква „земля“ негеометрического рисунка, пишется в виде цифры 3 с длинной шейкой, доходящей до строки. Для буквы и в рукописи сохраняется ее старый тип начала XV в. с косой перекладиной, идущей от самого верха левой части к середине правой. У буквы ѡ середина высокая. Буква *т* в рукописи встречается в двух ее разновидностях: новое на 3-х ножках ⫪ и старое — на одной т. Буква *ч* односторонняя. Ее неглубокая округлая чаша своим дном сдвинута влево.

Буква *ѣ* имеет высокую мачту, выступающую над строкой; от левого конца опускается толстая вертикальная черта. Такая же толстая вертикальная черта опущена сбоку у ъ. Буква *ы* всегда пишется через ерь.

Характерной особенностью рукописи является обилие лигатур. Очень часто в лигатуры соединяются буквы: *т—в*, *т—р*, *п—р*, *і—р*, ѡ—*т*. Реже *ц—р*, *к—р*, *д—р*, *к—в*, *л—в*, *ч—к*, *с—т*, *е—г*. Для писца характерна лигатура из *а* и *у* с выносом согласной над ней.

Отметим, что употребление буквы „земля“ в виде цифры 3, одностороннего *ч*, нового, трехпалого *т*, *ы* с ерем и ѡ с высокой серединой, наличие косой перекладины в букве *к*, удлинение загибов в буквах ъ и ѣ, а также наличие лигатур — все вместе характерно для русского полуустава конца XV—начала XVI в.[15]

В исследуемой рукописи почти все согласные буквы, за исключением *п*, *ц*, *щ* встречаются и над строкой. К выносной букве *д* могут присоединяться выносные *о*, *и*, *е*. С буквами *ж*, *ш* иногда выносится *и* в виде двух наклонных черточек. В конце строки писец нередко выносит *ѣ*, *и*, *е*. При выносе вид отдельных букв меняется. Так, выносное *в* пишется в виде квадратика (тогда как строчная буква *в* имеет вид либо вытянутого четырехугольника, к которому справа приставлен второй поменьше, либо пишется как узкое „калачиком“ *в*); надстрочное *с* принимает вид точки под титлом; *р* становится „лежащим“ — ⌒; *и* принимает вид двух наклоненных влево черточек; *м* становится низким и распластанным.

Выносные буквы *д*, *ж*, *з*, *л*, *м*, *р*, *х* пишутся уже без титла, что также характерно для русских рукописей конца XV—начала XVI века. С другой стороны, выносная „лежащая“ буква *р* и выносная буква *и* в виде двух черточек отмечается по рукописям только с первой по-

[14] См. Чуд. № 312, 313, рукописи ГИМ.

[15] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 123.

ловины XVI в.[16] Это позволяет пока отнести написание рукописи к указанному периоду, т. е. предположить, исходя из данных почерка, что рукопись написана в первой половине XVI в.

§ 3. ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ

Для рукописей, написанных на бумаге, есть еще один и к тому же более точный способ определения времени их написания — по водяным знакам, или филиграням, бумаги.

Водяные знаки рукописи не отличаются большим разнообразием. Они представлены четырьмя видами руки.

Первый тип — рука в простом рукавчике, над средним пальцем розетка (см. тетради № 12, 13, 22—24, 27, 28, 30, 37—40, 43—46, 58—70, 76—81, 83—85, 90, кроме листа 706). Эта филигрань известна по рукописям с 1485 по 1540 год[17].

Второй тип — рука в простом рукавчике с четырьмя косыми полосками на нем, над пальцами розетка (см. тетради № 29, 31—36, 47—57). Этот водяной знак встречается в рукописях с 1535 по 1547 год[18].

Третий тип — рука в рукавчике с фестонами, над пальцами корона. (См. тетрадь № 14 и в № 90 л. 706). Данная филигрань известна по рукописям с 1529 по 1567 год[19].

Четвертая филигрань, представляющая собой открытую руку, похожа на перчатку с расставленными пальцами под короной. (См. тетради № 1—11, 15—20, 25, 26, 41, 42, 71—75, 82, 86—89, 91—96.) Наибольшее сходство этот водяной знак имеет с филигранями, помещенными у Брике под № 10967, 10986, известными по рукописям с 1540 по 1565 год[20].

Итак, годы употребления бумаги с водяными знаками, имеющимися в рукописи: 1 — с 1485 по 1540; 2 — с 1529 по 1567; 3 — с 1535 по 1547; 4 — с 1540 по 1565. Данные сорта бумаги могли встретиться на рынке в течение 1540 г. Сделав поправку на 10 лет в обе стороны (±5) на возможную залежность бумаги (с момента изготовления до поступления ее на рынок и с момента покупки до использования), определим время возможного написания рукописи[21]: между 1535 и 1545 годами.

Данные, полученные в результате анализа филиграней, не расходятся с показаниями почерка, а подкрепляют и уточняют их. Не противоречат они и дате в летописной записи на л. 749—1540 год.

Обратимся теперь к дате в записи на л. 84 об. ·ѕ҃·м·ні·го. (См. фото.)

При более внимательном рассмотрении этой записи обнаружилось, что сначала здесь так же, как и в записи на л. 749, было написано только ·ѕ҃·м·и·, т. е. 7048. Буква ї вписана на месте поставленной ранее точки. (Она и сейчас видна из-под этой буквы.) Возможно, писец решил отметить в дате не только год события, но и его число. Для этого он использовал конечную цифру ·и· не только для передачи

[16] В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 127.

[17] Н. П. Лихачев. Палеографическое значение водяных знаков. Спб., 1898, т. III, № 1327, 1329, 1330, 1439, 1444, 1605, 2978; т. II, стр. 345.

[18] Там же, т. III, № 1603, 1604, 1662, 1725; т. II стр. 347.

[19] Там же, № 1549, 1688—1690, 1760, 1919, 3447, 3448, 3453; т. II стр. 145, 155, 166, 185, 191.

[20] Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique marques du papier. Geneve, 1907, t. 3.

[21] Такой способ датировки рукописей по водяным знакам разработан В. Н. Щепкиным и имеет место в практике Государственного исторического музея. См. В. Н. Щепкин и М. В. Щепкина. Палеографическое значение водяных знаков. „Проблемы источниковедения", VI. М., 1958, стр. 344—346.

года — 7048, но и для обозначения числа — 18, подставив еще букву ї. При этом новая точка, ограничивающая число, была перенесена им ближе к окончанию -го. Этим писец сузил обычно широкое расстояние между последними цифрами и окончанием. Следует думать, что писцом была допущена ошибка: вместо даты троицына дня — 16, как это должно было быть, им проставлено 18. (Троицын день в 1540 году приходился на 16 мая: пасха 28 марта + 50 дней = 16 мая[22]).

Итак, в рукописи находятся две летописные записи, в которых сообщается о событиях, происшедших весной и летом 1540 г. Эта дата не противоречит показаниям почерка и водяных знаков рукописи. Поэтому есть основание считать, что указанные записи не переписаны из оригинала, с которого списывалась рукопись № 264, и что сама исследуемая рукопись была написана в 1540 г.[23]

§ 4. СОСТАВ РУКОПИСИ И ВОПРОС О МЕСТЕ ЕЕ НАПИСАНИЯ

В исследуемой рукописи нет прямых указаний на место ее написания. Принять за таковые пометы на л. 3 чѫдо(в)скои[24] и на л. 4 об. Чюдова мн(с)тырѧ, сделанные скорописью XVI в., без проверки нельзя. Взятые сами по себе, они указывают только на то, что в XVI в. рукопись принадлежала Чудову монастырю, но не свидетельствуют о том, что там же была написана. Проверка по русским летописям записей на л. 84 об. и 749, очень незначительных по своему сюжету, естественно, не привела к положительным результатам.

В ряде случаев ответ на вопрос о месте написания сборника может дать его состав. Поэтому обратимся к рассмотрению подбора статей в исследуемом памятнике.

Сборник Чудовской № 264 состоит из 80 статей, которые расположены в 71 главе, перечисленных в оглавлении на л. 1—3[25]. По характеру и назначению статьи, входящие в него, можно, условно конечно, распределить по четырем типам.

К первому следует отнести статьи, предназначавшиеся для чтения по большим церковным праздникам и постам. Это чтения, связанные, например, с великопостным и пасхальным циклом (на мясопустную, страстную неделю, пасху, неделю о расслабленном, жен мироносиц и др.), а также с некоторыми двунадесятыми праздниками: на благовещение (л. 71—85), на рождество богородицы (л. 95—106), введение во храм (л. 106—117), преображение (2 статьи на л. 117—135 об.), на успение богородицы (3 статьи на л. 135 об. — 161 об.). Обращает на себя внимание то, что в сборнике даны статьи не на все двунадесятые праздники, а только на пять, и притом неодинаковое количество статей на каждый из них: по одной статье на благовещение, рождество, введение, две на преображение и три на успение. Большой церковный праздник покрова богородицы также отражен в сборнике чтением на л. 720—730.

---

[22] См. Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, стр. 58 (таблицы № 15, 16).

[23] В свое время нами была названа дата написания рукописи — 40-е годы XVI в. См. Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 69.

[24] Здесь и дальше буква в скобке обозначает букву, написанную в рукописи над строкой, буква „юс большой" в примерах заменена буквой *у*, буква и — буквой *и*, буква и — буквой *и*, буква щ — буквой *щ*.

[25] Полный перечень статей, составляющих сборник, см. в указанном описании А. Н. Попова или в рукописной описи книг Чудова монастыря, имеющийся в Отделе древних рукописей ГИМ.

Второй тип статей — это чтения на дни памяти отдельных святых и церковных событий. Помимо чтений на дни памяти святых, канонизованных греческой церковью, сюда входят жития и похвальные слова собственно русским святым: князю Владимиру (л. 329 об. — 334), митрополиту Петру (лл. 357—373), митрополиту Алексею (3 статьи на лл. 373—396, 725—726 об.), Леонтию Ростовскому (2 статьи на л. 396—408 об.), Кириллу Белозерскому (2 статьи на лл. 408—447), Варлааму Новгородскому (2 статьи на лл. 447—470), Дмитрию Прилуцкому (лл. 470—492 об.), Никите Столпнику (2 статьи на лл. 492 об. — 503 об.), Исидору Твердислову (лл. 503 об. — 509 об.), Борису и Глебу (2 статьи на лл. 568 об. — 586 об.). Заметим, что Петр и Алексей были первыми собственно московскими святыми. Остальные русские святые, чтения которых приводятся в рукописи, кроме Дмитрия Прилуцкого, были общепочитаемыми, а в одной из рукописей начала XVI в. Волоколамского монастыря они отмечены уже как московские святые[26]. Почитание Дмитрия Прилуцкого, по свидетельству Е. Е. Голубинского, „к концу XV века из местного монастырского превратилось не только в местное епархиальное, но и в более или менее общерусское“[27]. Следовательно, можно полагать, что в середине XVI в. он почитался и в Москве. В остальных статьях этого типа приводятся жития святых и похвальные слова святым, канонизованным греческой церковью, но почитавшихся и у нас. Помимо житий и похвал, например, Петру и Павлу, Марку, Матфею, Филиппу, Стефану, Паисию, Марии Египетской, Екатерине и др., приведены по две статьи на дни Дмитрия (лл. 591—607) и Георгия (лл. 607—634 об.) — военных святых, особенно почитавшихся на Руси и считавшихся патронами великокняжеского рода. Четыре статьи приведены на день Иоанна Предтечи (лл. 187 об. — 198), в честь которого был крещен Иван IV[28]. Обращает на себя внимание и детальная разработка чтений на день Михаила архангела (три статьи на лл. 173—187 об.). В честь него в Москве в XIV в. был учрежден Чудов монастырь (монастырь Чуда Михаила архангела в Хонех), в котором уже в XVI в. хранилась исследуемая рукопись.

Третий тип чтений образуют статьи, в которых с той или иной степенью достоверности нашли отражение факты русской церковной и гражданской истории. Например: „Сложение осьмого собора“ (лл. 704—713 об.) „Приход Исидора митрополита в Москву“ (лл. 713 об. — 718) и „Об отпадении латынского языка, како раздѣлися от православия греческие веры и преложися в лотынство“ (лл. 718—721) — статьи, в основу которых легли события, связанные с подписанием Флорентийской унии 1438 г., после чего русская церковь объявила себя независимой от церкви византийской[29]. Сюда же относится одна из редакций[30] „Сказания о князьях владимирских“ с родословием литовских князей (лл. 730—736 об.) — произведение, идеи которого были официальными политическими воззрениями Русского государства XVI в. Оно призвано было помочь Русскому государству в его борьбе за собирание русских земель, в том числе и временно подпавших под власть Польско-Литовского государства, а также „в идейной борьбе за укрепление авторитета великого князя, а затем царя“[31].

---

[26] См. сноску на стр. 91 в книге Е. Голубинского „История канонизации святых в русской церкви“ (М., 1903).

[27] Там же, стр. 73.

[28] ПСРЛ, т. VIII, стр. 147.

[29] Макарий. История русской церкви, т. V, кн. 2. СПб., 1866, стр. 339—367.

[30] См. Р. П. Дмитриева. Указ. соч. стр. 69—70.

[31] Там же, стр. 152.

Статья „Чин поставления на великое княжение православных князей русских" (лл. 736—740 об.) описывает церемонию поставления на великое княжение внука Ивана III, Дмитрия Ивановича в 1498 г. На лл. 740—747 помещена так называемая смешанная коллекция ханских ярлыков русским митрополитам[32], составленная после собора 1503 г., на котором впервые публично был поставлен вопрос о секуляризации церковных земель[33]. Эта коллекция так же, как краткая и пространная, должна была, по мнению ее составителей, оградить церковь от секуляризационных поползновений со стороны светской власти, проявлявшихся особенно ярко на протяжении конца XV и всего XVI в. На лл. 754—754 об. в статье „О ереси новгородской" описываются события собора 1490 г., где были осуждены новгородские еретики[34]. Обрывается сборник отрывком „Поучения против еретиков" (лл. 754—755 об.).

Четвертый тип статей сборника — это статьи толкового содержания. Например, чтение на лл. 63—64 об. „О яйце. Почто человеци имеют на велик день яйцо черлено, егда ся целуют", или на лл. 64 об.—71 „О преложении пасхали на седьмую тысячу" и др.

Состав сборника, как нам кажется, позволяет высказать следующие соображения. Рукопись предназначалась не для частного пользования, а для общественного, вероятно, монастырского употребления. В противном случае трудно объяснить наличие в ней статей третьего типа и некоторых статей четвертого, в частности, такой, как „О преложении пасхалии на седьмую тысячу".

Если сборник был составлен для монастыря, то монастырь этот должен был быть тесно связан с великокняжеским кругом, так как в сборнике при детальной разработке чтений на дни памяти Дмитрия, Георгия и Иоанна Предтечи находятся еще „Сказание о князьях владимирских" с родословием литовских князей и „Чин постановления на великое княжение", сыгравшие определенную роль в политической жизни XVI в. в деле собирания русских земель, складывания и упрочения самодержавной власти.

Кроме того, монастырь, очевидно, был тесно связан и с митрополичьим окружением. В противном случае составитель сборника не смог бы воспользоваться ханскими ярлыками, находившимися в ведении митрополита, чтобы составить ту коллекцию, которая дошла до нас в составе только данного сборника. Последнее влечет за собой необходимость признать, что монастырь должен был быть московским. На эту мысль, кроме основного аргумента — коллекция ярлыков, наводит еще и то обстоятельство, что помимо чтений на дни памяти общерусских святых, приведенных в сборнике, здесь есть еще и чтения на дни памяти собственно московских святых, митрополитов Петра и Алексея. К тому же в рукописи помещено чтение на день встречи москвичами иконы Владимирской богоматери (лл. 164 об. — 173), которая была московской святыней.

По господствующим в нем убеждениям, монастырь должен был быть иосифлянским, т. е. быть противником секуляризации и сторонником сохранения церковного землевладения. Иначе не могло бы быть оправдано включение в сборник коллекции ярлыков.

---

[32] М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг. 1916, стр. 51—52, 54, 107.

[33] См. А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1. Одесса, 1871.

[34] См. Я. С. Лурье. Новгородско-Московская ересь конца XV—нач. XVI в. в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные и еретические движения на Руси XIV—нач. XVI века. М.—Л., 1955.

Итак, монастырь, в котором был составлен исследуемый сборник, должен быть московским по месту нахождения, и осифлянским по господствовавшим в нем убеждениям и, кроме того, близким великому князю, митрополиту и их окружению.

Здесь уместно вспомнить о владельческих пометах, сделанных скорописью XVI в. на лл. 3 и 4 об.: „чудовскои", „чюдова монастыря". Нельзя ли эти пометы в данном случае истолковать как прямое указание на то, что сборник не только хранился в XVI в. в Чудовом монастыре, но и был там составлен? Такое предположение представляется нам весьма вероятным.

Чудов монастырь в Московском кремле, основанный в середине XIV в. митрополитом Алексеем и в дальнейшем на протяжении своего существования связанный с митрополитами, не мог не быть близок великокняжескому двору. Через посредство митрополитов он был теснейшим образом связан с кремлевскими соборами, в частности с Успенским, в котором совершалась не только церемония венчания на царство, но и обряд избрания и рукоположения митрополитов.

В XVI в. Чудов монастырь принадлежал к числу обителей, располагавших большими земельными владениями и, конечно, мог быть заинтересован в том, чтобы иметь у себя под рукой такие „неоспоримые" доказательства своих прав на землю, которые представляли коллекции ярлыков. К моменту составления сборника в Чудовом монастыре было две церкви: одна — Чуда Михаила архангела с Благовещенским приделом, другая — в память митрополита Алексея[35]. Предположение, что интересующий нас сборник не только хранился в Чудовом монастыре, но и был там составлен, объясняет как детальную разработку чтений на день Михаила архангела (3 статьи), так и выделение из всех двунадесятых праздников Благовещения и Успения (3 статьи).

Таким образом, состав исследуемого памятника дает возможность высказать предположение, что сборник был составлен в Москве, в стенах Чудова монастыря, а не в Белоруссии.

Однако данное предположение не снимает еще вопроса о происхождении писца и тем самым вопроса о том, памятником какого языка является данная рукопись. Ответ на эти вопросы даст ее языковой анализ.

* * *

Как уже отмечалось, рукопись не отличается тщательностью оформления: место для заставки не заполнено, оставлены иногда пустые места, предназначенные для киноварных букв. Простота, а порой примитивность выполнения инициалов, наводит на мысль, что заглавные буквы рисовал в меру своих сил сам писец, а не мастер, которому после написания писцом рукописи надлежало художественно оформить ее: нарисовать заставку, инициалы. Вообще обработка рукописи, видимо, в силу каких-то обстоятельств не была закончена. Возможно, что причиной этому явилось обилие в ней не только описок, но и орфографических ошибок, в частности, отражающих аканье, — обилие, с которым не под силу было справиться никакому правщику.

Выборочно рукопись правилась в том же XVI в. (См. например, лл. 360 об., 361, 363 об., 364 и др.) По всей вероятности, ее пытался провести некий Савва Якимович, оставивший по себе приписку, сделанную скорописью XVI в., на л. 221 об.: „помилуй мы бже по велице(и) мл(с)ти твоеи помилуи мѧ бже по велице мл(с)ти твое(и) сава екимович".

---

[35] И. Снегирев. Памятники московской древности. М., 1842—1845, стр. 134—136.

Почерк и чернила приписки и исправлений совпадают, но отличаются от почерка и чернил самой рукописи.

О дальнейшей истории рукописи известно немного. Судя по записям на лл. 10 и 20, до 1853 года она хранилась в Чудовом монастыре. В конце XIX в. вместе с другими книгами этого монастыря рукопись поступила в бывшую Синодальную библиотеку. А в 1918 г. в составе этой библиотеки была передана в Государственный исторический музей, где и хранится в настоящее время.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГРАФИКЕ И ОРФОГРАФИИ ПИСЦА

§ 1. УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГЛАСНЫХ И НЕКОТОРЫХ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

В абсолютном начале слова, после букв парных твердых согласных, задненёбных, *ж*, *ш*, *ц*, *ч* в ударенном слоге буква *а* обозначает звук [а]. Например: во а(д) 5[36], гора 5, камень 125, во(з)прошаю(т) 5, чае(м) и т. п. После букв, обозначающих парные мягкие согласные и [j], звук [а] обозначается буквами ѧ или ꙗ. Причем дифференциации в употреблении их писцом не наблюдается: буква ꙗ обозначает, как сочетание [j + а], так и ['а], а буква ѧ обозначает не только ['а], но и [j + а]. Например: ꙗко 13, акоꙗ(н)не 13, тꙗ 61, покорыйте 19, всѧ 11, мѧ 10 об., приѧтно 38 и т. п.

Буквы *о*, ѡ, ѻ, *оо* в абсолютном начале слова, после букв парных твердых согласных, *г*, *к*, *х* в ударенном слоге обозначают звук [о]. Буква ѡ употребляется в абсолютном начале слова и иногда в середине, по преимуществу тогда, когда над ней выносная буква. Буквы ѻ, *оо* употребляются редко и только в начале слова. Например: сподоби(с) 358 об., ѡбразо(в) 359, ѳеѡ(до)ра(м) 413, рѡ(д) 749, ѡ(н) 655 об., саваѡ(ѳ) 323 об. ѡною 234, ѡ(т) ообласти 373, ѡ(т) ѻчию 411 и т. п. Употребленные в безударных слогах по традиции, эти буквы служат для обозначения других звуков, о качестве которых говорится ниже. Встретившиеся написания с буквой *о* после буквы мягкого [р'] рассматриваются особо.

Буквы ѫ, *у*, *оу*, ꙋ служат для обозначения звука [у] после твердых парных согласных, задненёбных, шипящих и *ц*, а также в начале слова. Чаще всего употребляется ѫ. Редко оу и ꙋ: первая в начале слова, вторая — в конце строки. Например: слѫжѫ 28, бѣдѫ(т) 27 об., оубо 406, гꙋ‖сли 56, емꙋ 42 об. и т. п. После букв мягких парных согласных, [j], иногда шипящих и [ц] звук [у] обозначается буквой *ю*. Например: чю(до) 2, мню, в мою 81, ѫ(т)ню(д), воста‖ющe 133 и др.

Буквы *и* и ї пишутся в начале слова после букв мягких парных согласных, задненебных и передают звук [и]. После букв гласных звуков они обозначают звук [j] или [j]: їспытанїѧ, страшнѣїшѫю, днь тои и т. п. Употребляясь по традиции после *ж*, *ш* и *ц*, служат для обозначения звука [ы] (см. ниже). В начале слова чаще пишется буква ї, в других положениях разграничения в употреблении ї и *и* нет.

Буква ѣ употребляется после букв мягких парных согласных в заимствованных словах после *г*, *к*, *х*, а во флексиях, кроме того, после *ж*, *ш*, *ц* и обозначает в слоге под ударением особый звук, о качестве которого говорится ниже.

Буква *е* обозначает как [е], так и сочетание [j + е]. Например; деснѣ(т), пе(р)выѣ, сие, твое и т. п. Буквы ѥ, ѥ в графике писца отсутствуют.

---

[36] Здесь и далее цифры указывают на лист рукописи.

Буква „зело" собственного звукового значения не имеет, на что указывают случаи написания одних и тех же слов то с буквой ѕ, то с s: на поѕо(р) 57, поѕоры 57, ѕима 749 и ѕимѣ 749, еѕеро 627 и еѕера 627[37] и т. п.

Специальной буквы для обозначения звука [j] в графике писца не имеется. В начале слова и после гласных звуков „йот" передается йотированной буквой гласного звука (ꙗ, ю) или остается без обозначения: ꙗко 75, тобою 78, стаꙗнимѧ 77, нашествиѧ 78, земнаѧ 78, во(з)даꙗнїе 675 и т. п. После согласных звуков [j] обозначается сочетанием буквы ь с буквой, обозначающей последующий гласный: кнѧ(ж)ньї 734, кестутье(м) 734, пурьѧ 84 об., дьѧконы 172.

§ 2. УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВ ъ И ь

В исследуемом памятнике, как и во всех рукописях, написанных после падения глухих, ъ и ь не имеют собственного звукового значения. В правописании писца они выполняют, во-первых, функцию показателей конца самостоятельного слова, оканчивающегося на согласный, в том случае, если буква согласного не вынесена над строкой. Например: столпъ 497, 502 об., жезлъ 498 об., миръ 504, снѣгъ 495 об., месть 569 об., русь 486 и т. п. Случаев пропуска ъ и ь в этом положении не встретилось[38].

Во-вторых, буквы ъ и ь являются показателями конца строки, опять-таки, если последняя оканчивается на согласную. Например: снабь‖дѣние 443, ре(ч)ть‖ 386 об., къ ‖праве(д)ны(м) 21, насиль‖ство(м) 29 и т. п. Правда, в рукописи встретились случаи отклонения от этого правила, например: м‖ѧ 243 об., с‖вое(г) 246, есмь‖ 277 об., елик‖о 251, не с‖мѣ(х) 8, п‖ути 258 об., ра(до)с‖тно 484, в‖сю 259 и др.

Однако такие написания не характерны для писца[39] и, по-видимому, носят случайный характер: всегда в том случае, когда количество знаков в строке превышает обычное.

В-третьих, буква ь употребляется писцом в качестве разделительного знака. Например: wбьѧто 440 об., дьѧво(л) 625, дьѧконї 331, 332, васильеви(ч) 704 и т. п.

В завершение перечня функций, выполняемых буквами ъ и ь в графике исследуемого сборника, отметим еще употребление их в качестве знаков твердости и мягкости. После букв мягких парных согласных в конце слова всегда пишется буква ь и отсутствуют случаи написания буквы ъ[40]. Это дает право считать букву ь знаком, обозначающим мягкость предшествующего согласного. Например: брань 11, црь 13, любовь 350, русь 486, заповѣдь 375 об., 542, рать 485 об., путь 410, памѧть 489, 492, 503, 602 и т. п.

---

37 В дальнейшем в примерах „зело" и „земля" заменены буквой ѕ.

38 Предлоги, будучи несамостоятельными словами, часто пишутся без буквы бывшего редуцированного. Пропуск ъ в этом положении широко известен не только по рукописям, современным сборнику, но и более ранним. В качестве примера можно сослаться на Евсевиево евангелие 1283 г., Суздальскую летопись по Лаврентьевскому списку, Московское евангелие 1358 года, Новгородские и Двинские грамоты XIV—XV веков и др.

39 Написаний с согласным на конце строки отмечено всего 148, что составляет лишь 0,5% от общего количества строк в рукописи (1510 страниц по 25 строк в среднем на каждой).

40 В случае гроз(д)ъ 492 употребление буквы ъ нельзя рассматривать как замену буквы ь, так как в памятниках древнерусского языка встречаются написания „гроздь" и гроздъ, представляющие, возможно, одно и то же слово. (Употребляются в одном и том же значении.) См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, пол. 595.; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914, стр. 159—160.

Буква ъ употребляется только после букв твердых парных согласных и обозначает твердость предшествующего согласного: во(з)растъ 15, б(г)ъ 388, 502 об., во(з)рѣвъ 611, волкъ 255, ѡ(т) злобъ 492, твердъ 548 и т. п.

Однако необходимо отметить, что обозначение твердости согласного проведено в памятнике непоследовательно: в одних и тех же случаях на конце слов после букв твердых парных согласных, *г*, *к*, *х* писец наряду с буквой ъ ставит ь. Например: ѡ(т) нихь 487, 508, внукь 567 об., слышавь 574 об., рабь 576, члкь 483, 487, ѡ(т) здѣшнихь 513, ѳеѡ(до)рь 422, здравь 383, и(з) глубинь 534 об., побеж(д)ень 560, видѣвь 9 об., 532 об., 571, хлѣбь‖ 575, во(з)духь 146, ребрь‖ 39 и др. Особенно часто буква ь пишется в предлогах. Например: кь стѣи 584, кь высотѣ 93, кь члку 450 об., 566, кь брату 563, съ плаче(м) 88, съ дары 87, съ б(г)мь 452, вь крове 394 об., 555 об. и много других. В приведенных примерах употребление буквы ь не может быть оправдано ни этимологией слов, ни их дальнейшей историей. Эти написания искусственны и не отражают живого произношения писавшего. Наличие их в рукописи ставит вопрос об отражении второго южнославянского влияния в орфографии писца.

Как известно, в конце XIV и особенно XV в. наша письменность испытала воздействие со стороны южнославянской письменности[41]. Одним из проявлений этого влияния была замена конечной буквы ъ буквой ь, написание ъ и ь после букв *р*, *л* в старых сочетаниях редуцированных с плавными, а также отсутствие обозначения [j] между гласными и др. Все эти особенности, заимствованные из болгарских рукописей и объясняющиеся теми изменениями, которые произошли к этому времени в болгарском языке, были совершенно чужды живому русскому языку. Не находя поддержки таким искусственным написаниям в своем собственном произношении, русские писцы даже в XV в., в период наиболее сильного воздействия южнославянской письменности, нередко отступали от чуждых им норм и писали так, как предписывала им собственная орфографическая традиция и живой язык. В XVI в. письменность освобождается от таких написаний.

Приведенные выше примеры с заменой буквы ъ буквой ь, которая противоречит всему ходу развития русского языка, мы считаем написаниями, обязанными своим появлением южнославянскому влиянию.

Помимо указанных случаев такое употребление буквы ь, правда, значительно реже, встречается в корневых и формальных морфемах. Например, в корне: на дьску 506, кьто 365, мь‖нога 304, гьво(з)дие 614 об., варьва(р)ска 390; в приставках: вьше(д) 585 об., вьсылае(м) 580 об., по вьыскани 580 об., ѡбьхо(д) 749, ѡбьхож(д)ение(м) 65 об., 67, абьстоѧху 144, изьбра(н)нную[42] 600 об., изьбран(н)а(г) 743 об и др.; в суффиксе *-ъщ-* и *-въш-*: видѣвьше 447 об., 453 об., пѣвьше 376, вь‖ровавьшаѧ 214, преписавь‖ше, состарѣ‖вьшююсѧ 192, текьше 157, погребьше 210, припо(л)зьшу 533, затворивьше 679 об., приѣмьше 250об., па‖дьша 230, рекьшу 531 об., усопьши(м) 132, поживьше 187 и др.

Данью южнославянскому влиянию являются также написания с ь (реже ъ) после буквы *р* в бывшем сочетании редуцированного с плавным „tьrt". Например: дрьзновение 206 об., 233, 383 об., 503, дрьзну(л) 383 об., дрьзну 360 об., со дрьзновение(м) 255 на прьси 230, трьпѧ 177,

[41] См. А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894.

[42] Предлоги-приставки на *-з-* уже в общеславянском языке не имели на конце редуцированного, но в рукописях старославянских и древнерусских по аналогии с другими предлогами-приставками иногда писались с ъ.

391, трьплю 261, трьпѣти 226 об., 253, 363 об., 393, трь‖пиши 615, трьпѣние 614, дрьжа(ти) 357 об., 722, дрьжава 87 об., 372, дрьжа 368, 379 об., содрьжими, дрьжите 278 об., вседрь(жи)телю 115 об., трьзатисѧ 229, чрьвие 696 об., умрьша 233, мрьтвецу 229 об., мрьтвеша 258, не умрьтви 244, прьвие 268, 274, 436, прьвое 267 и т. п. Основанием для такого заключения является не столько употребление в них буквы *ь* и *ъ*, сколько их место, после буквы плавного, что характерно для болгарских рукописей.

В один ряд с приведенными примерами следует поставить еще такие случаи, как например: мѣ(д)ныа 208, мрьтвыа 208 об., бжиа 210 об., еа 248, и(з)сц(е)‖ленїа 213, сеа 1, ї(з)правленїа 219 змїа 28 об., ѳилиповьскїа 289, моа 455 ближнеа 373 и т. п., — где вместо ожидаемой буквы ѩ стоит *а*.

Приведенные написания можно было бы отнести за счет влияния правописания оригинала, с которого списывался текст сборника, если допустить, что сборник является списком с одной какой-то рукописи. Однако статьи, входящие в него, вероятнее всего, списывались с нескольких рукописей. Иначе совершенно необъяснимо было бы наличие неисписанных листов или их частей в конце отдельных тетрадей (см. лл. 40 об., 158, 158 об., 187 об., 201, 395, 395 об., 446 об. и др.). Черты же южнославянского влияния обнаруживаются во всей рукописи, а не в отдельных статьях. Поэтому нельзя не признать, что отмеченные искусственные написания являются отголоском южнославянского влияния в орфографии самого писца.

§ 3. ОБОЗНАЧЕНИЕ ПИСЦОМ МЯГКОСТИ И ТВЕРДОСТИ СОГЛАСНЫХ

Мягкость или твердость согласного перед гласным на письме находит выражение в букве гласного. После твердых парных согласных употребляются буквы *а*, *ы*, *у*. Например: праве(д)ны(х) 125, быша 123 об., лучьша 129 и т. п. После мягких согласных — буквы ѧ (ѩ), *и* (ї), *ю*, *е*, *ѣ*. Например: кропѧ‖ть 125, искони 123 об., чю(до) 173, селениѧ, вѣдѣ 129 и т. п.

На конце слова и в середине перед согласным твердость и мягкость согласного обозначается буквой ъ и ь. Например: рабъ 167 об., постъ 410 об., жїзнь 390, нощь 394 об., мысль 411, чювъство 139, татьба 481 об., судьба‖ми 654 об., мольбы 189 об., ть‖мою 349 об. и т. п. Как и во всех памятниках русской письменности до XVIII в., в исследуемой рукописи мягкость согласного перед согласным в середине слова часто не имеет графического выражения. Например: тму 16 об., полза 260 об., свѣ(ти)лни(к) 73, волное 21, донде(ж) 117 об., посылници 25 об. и др.

Пропуск букв ъ и ь наряду с консервативностью письма и связанным с этим традиционным употреблением ъ и ь представляют большие трудности при определении твердости и мягкости согласных. Наличие же написаний, связанных с южнославянским влиянием, еще больше осложняет задачу определения самостоятельной и позиционной мягкости и твердости согласных и вызывает необходимость выяснить, на основании каких написаний можно судить, тверд или мягок согласный в конце слова или перед согласным.

Считаем, что указанием на мягкость конечного согласного является последовательное, ничем не нарушаемое употребление после буквы этого согласного буквы ь. Когда наряду с буквой ь употребляется буква ъ, в том числе в окончании 3 лица глаголов настоящего времени и творительного падежа единственного числа существительных и прилагательных мужского и среднего рода и местного падежа при-

лагательных, заключаем о твердости согласного. Например: здравъ 383, 458 об. и здравь 389, онъ 384, онь 451 об., верхъ 385 об., и ве‖рхь 500, исходитъ 720 и исходить 721 об., со ѡ(т)цемъ 411 и ѡ(т)цемь 329 и т. п.

Одновременное сосуществование написаний с буквой ь в середине слова между буквами согласных и без буквы ь (при отсутствии написаний с буквой ъ) дает право считать предшествующий согласный мягким. Например: пользу 449 и полза 260 об., доньде(ж) 82 об. 218 об. и донде(ж) 117 об. и др.

Выводы, сделанные на основании употребления букв ъ и ь необходимо сопоставлять с данными предшествующих этапов истории языка, контролировать показаниями других памятников письменности и проверять показаниями живого языка в его говорах.

Гораздо сложнее обстоит дело с определением мягкости и твердости согласных перед согласным в том случае, когда в рукописи сосуществуют написания с буквой ъ и буквой ь. В таких случаях сопоставление с данными предшествующих и последующих эпох в истории языка приобретает особо важное значение, так как без такого сопоставления можно сделать неправильные выводы, в частности приняв искусственные написания, вызванные вторым южнославянским влиянием за написания, отражающие произносительную норму писца. Считаем, что если наряду с традиционным употреблением буквы ь после буквы ранее смягченного согласного встретились написания с буквой ъ (например: в воиньства(х) 308 и в воинъства(х) 608, еллиньскы(х) 688 и еллинъски(и) 247 об.) и это, как в приведенных случаях, не противоречит данным истории русского языка, то можно с полным основанием делать вывод об отвердении в говоре ранее смягченного согласного.

§ 4. НАДСТРОЧНЫЕ ЗНАКИ

Из надстрочных знаков в рукописи встретилась двоица, ставящаяся обычно над ѡ, ѕ (например: ѡбрѣте 77 об., со ѕнѣ(м) 73 и др.) и знак похожий на ударение, который чаще всего стоит над *и*, *е*, *ѫ*, *ѧ*, реже над *а*, *оу*.

Определить назначение последнего знака в графике писца мы затрудняемся. Иногда он стоит над гласной того слога, который в современном русском языке является ударным, например: ѡ(т) а̀да 64, во йстину 63 об., напйсана 650 об., мйру 65 об., и т. п.

Но наряду с этим стоит и над гласным, находящимся в явно безударном слоге, о чем говорит орфография самой рукописи, например: у а̀ки реки 167 об., а̀билно 611, по(д) а̀дро(м), ѐму (при ѡму) 10 и т. п. Кроме того, нередко этот знак стоит над несколькими буквами гласных в слове, например: прйзываѣте 47, ученѣ̀е 250, васйлйѐ 250, йстйнноѐ, тймоѳѐю 384 и т. п. и даже над буквами согласных при их стечении в слове, например: ѡгнѣна 52 об., гласы 94, цвѣ(т) 74, айны 73 и т. п. В последнем случае этот знак выступает в более удлиненном и наклоненном варианте.

В связи с этим ни один из надстрочных знаков нельзя принять за знак ударения [43]. Между тем при решении некоторых фонетических вопросов, в частности при определении характера безударного и ударенного вокализма, необходимо определить место ударения в слове. В таких случаях приходится опираться на косвенные данные. К их числу мы относим показания акцентированных рукописей XVI в. и старопечатных

[43] В дальнейшем в примерах все надстрочные знаки опускаются.

книг XVII в.[44], орфографию самой исследуемой рукописи, довольно широко отражающую явление аканья, а также указания на старое место ударения в тех или иных формах, имеющиеся в литературе предмета.

§ 5. ОПИСКИ

Текст чтений, помещенных в сборнике, изобилует описками, которые свидетельствуют о большой спешке и невнимательности писца, а иногда о непонимании им отдельных мест.

Вот основные типы описок, встреченные в рукописи:

1) пропуски одной или нескольких букв, например: Wбруника 75 об. (пропуск *ч*), вь сеза(х) 187 (проп. *л*), гобъ (проп. *р*), лоди 449 (проп. *в*), ѣкии 187 (проп. *н*), вѣи 528 (проп. *ру*), жезныма 653 (проп. *лѣ*), побель 353 (проп. *ги*), при трѣ 203 (проп. *пе*), снѣ(х) 653 (проп. *до*) и мн. др.;

2) ошибочные повторения букв, слогов, слов, например: белѣлѣе млека 60, что ра(ди)ди 351, та‖тамо 17, поипоиде(м) 344, вѣтхаго и нова(г) ї нова(г) 131 и др.;

3) ошибочное написание буквы из соседнего слога, например: бы(х) имѣлѣ 563 об. (*ѣ* вм. *ъ*), во(з)дахание(м) 571 об. (*а* вм. *ы*), по‖кашае(м) 536 об. (*а* вм. *ж*), побубили 36 об. (*б* вм. *г*), одусную (*у* вм. *е*) и др.;

4) ошибочное написание вместо одной буквы другой, близкой к первой по начертанию, например: вь хлѣнѣ 496 об. (*н* вм. *в*), чѧкв 590 об. (*в* вм. *ъ*), ползѧшим 496 (А вм. *ж*), убоднїку 449 (*б* вм. *г*) и др.;

5) перестановка букв, например: ахра(г)лъ 31, тчо(ж) 299 об. свѣ(х) слави(м) 198, быти с тобаю 272 (аканье и перестановка) и многое другое;

6) недописывание отдельных частей букв и слов, например: вьшне(г) 131 (вм. *вышнего*), сьновне 449 об. (вм. *сыновне*), во слѣ арла 106, (вм. *во след*), во пло бе(з)грѣшну 121 об. (вм. *во плоть*), Wбите 477 (вм. *обитель*), моею сило 537 (вм. *силою*), на мѣ сие 277 (вм. на *мѣсте*);

7) ошибки вследствие непонимания текста, например: насыщающе чресла своѧ (ѧд)ми ра(з)личными 34 (вместо *чрева*), про начѣ(н)наѧ (вместо *начертания*), зрѧ огнь в злацѣ 130 (вместо *в зерцалѣ*), прощение(м) и покланѧние(м) 37 (вместо *покаѧние(м)*) и др.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА ОРФОГРАФИЯ И ВОКАЛИЗМ

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ В УДАРЕННОМ СЛОГЕ

§ 1. БУКВА ѣ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ „Ě“

Для характеристики системы вокализма необходимо установить, какой звук произносится на месте старого „ě“. Выводы о качестве звука на месте „ě“ складываются из наблюдений над употреблением букв на месте этимологического „ě“ и из рассмотрения употребления буквы *ѣ*, издавна служившей для обозначения особого звука на месте старого „ě“.

В материал, приводимый для определения судьбы „ě“ в живом разговорном языке писца, не включаются, как лишенные показательной силы, отдельные слова и формы церковно-книжного языка, чуждые живому разговорному языку, в написании которых уже в древнейших

[44] Например, псалтырь 1594 г. (Годуновская, Чуд. № 57, ГИМ); Книга со словами об иноческом житии Симеона Нового перв. четв. XVI в. (Чуд. № 240, ГИМ); рукопись № 265 Уваровск. собр. ГИМ; Печатный пролог за март—август. М., 1660 г.; Апостол 1564 года и др.

памятниках наблюдаются либо колебания при передаче старославянского *ѣ*, либо последовательно проведенная замена буквы *ѣ* буквой *е*. Под такими непоказательными написаниями имеется в виду замена буквы *ѣ* буквой *е* в следующих случаях.

1. В лексике с неполногласием. Как и во всех памятниках восточнославянского извода, в исследованной рукописи указанная категория слов пишется только с буквой *е*: брег, не брегоша, время, вовреши, древо, жребья, мрежа (но мрѣжа 123 об.), умрети, пре-, посредѣ, стрежаху, чрево, чреда, чресла. Слово *плѣнъ* и его формы чаще встречаются написанными с буквой *ѣ*.

2. В формах косвенных падежей существительного „тѣло", образованных с суффиксом *-ес-*: телеса, телесным и др. Формы без суффикса *-ес-*, свойственные живому разговорному языку: тѣло, тѣла и т. д. постоянно (кроме одного случая — тело у 456 об., о котором будет сказано ниже) пишутся с буквой *ѣ*.

3) В чуждой для живого разговорного языка XVI в. форме аориста: узре 450 об., вѣде 368, седе.

В основной материал не включаются также многочисленные случаи с заменой буквы *и* буквой *ѣ* в корне *-вид-*, широко представленной древнейшими восточнославянскими памятниками, и объясняющиеся путаницей корней *-вид-* и *-вѣд-*. В исследуемой рукописи эта путаница нашла отражение в таких случаях, как: умными очима вѣдѣ 123, зе(м)ны(х) во(з)ненавѣдѣ 193 и др.

Встретившиеся четыре случая написания корня *-ѣх-* с буквой *е*: приеха(в) 402 об., приеха 574 об., наехаше 704, переехоли 753, — также не имеют отношения к определению судьбы „ѣ" в говоре писца. Старый „ѣ" в данном корне был йотированным. За отсутствием буквы йотированного *ѣ* и, главное, в силу звуковой близости йотированного „ѣ" и звука [е] с предшествующим йотом, сочетание [j+ѣ] очень часто передавалось в русских памятниках буквой ѥ, в том числе и в памятниках, различающих [é] и [è] в других положениях. Употребление же в указанных примерах буквы *е* вместо ѥ объясняется тем, что в графике писца исследуемой рукописи, как уже отмечалось, есть только одна буква *е* как для обозначения звука [е], так и для передачи сочетания [j+е].

Кроме того, не включаем в основной материал случаи смешения букв *ѣ*, *е*, *и* в формах повелительного наклонения и употребление буквы *ѣ* вместо *и* в окончании дат. мест. падежей ед. числа мягкой разновидности основ на „-о", так как мена букв в них объясняется морфологическими причинами.

Основной материал сборника рассматривается ниже в связи с данными современной диалектологии. Известно, что в современных русских говорах качество звука на месте старого „ѣ" зависит, во-первых, от положения его по отношению к ударению, во-вторых, от положения его в слове: а) перед согласным, в этом случае качество звука в соответствии с „ѣ" зависит от того, является ли следующий за ним согласный мягким или твердым; б) на конце слова не перед согласным. Вследствие этого употребление в рукописи букв на месте этимологического „ѣ" рассматривается в работе соответственно в разделах о вокализме ударенного слога и безударного. При этом принимается во внимание качество последующего согласного или его отсутствие. Наряду с фонетическими условиями учитываются морфологические категории, в которых употребляется этимологический „ѣ", т. е. отдельно рассматривается употребление буквы на месте старого „ѣ" в корнях, суффиксах и во флексиях. Необходимость дифференцированного подхода вызывается тем, что в указанных морфемах в различной степени

проявляется зависимость от грамматической аналогии. Материал ввиду обилия его и сравнительной однородности подается следующим образом. На правильное употребление буквы *ѣ* на месте „ě“ материал полностью не приводится. Дается лишь общая характеристика его. Материал располагается в алфавитном порядке корней, формы словоизменения опускаются. Все случаи отклонений приводятся полностью, без исключений (кроме указанных выше) и рассматриваются в связи с фонетическими условиями: отклонения перед твердым и перед мягким согласным и отклонения в конечном открытом слоге.

Этимологический „ě“ в закрытом слоге

1. В корнях[45]. В следующих корнях на месте „ě“ перед твердыми и перед мягкими согласными в исследуемой рукописи последовательно употребляется буква *ѣ*:

бесѣда, бесѣдование, бесѣдовати, бесѣдую, бесѣдовалъ, бесѣдовахъ, бесѣдуя, бесѣдуще, бесѣдовавшему, побесѣдовати, собесѣдовати, собесѣдую, собесѣдова, собесѣдникъ; бѣдъ, бѣдныхъ, безбѣдно; бѣсъ, бѣси, бѣсныи;

внѣшнии; вѣкъ, вѣчно, вѣчные, превѣчныи, средовѣченъ; вѣтръ; вѣсть, вѣстникъ, извѣстенъ; повѣсити, повѣсивше, завѣсивше, извѣсивша, свѣсивше, повѣси; вѣтвь; увѣтливое;

гнѣвъ, гнѣвно, гнѣвенъ, гнѣвается, гнѣвающемуся, безгнѣвное, прогнѣваеши, прогнѣваше, прогнѣва, прогнѣваися, разгнѣвавъ;

дѣва; дѣдъ; предѣлъ, по удѣламъ, удѣльныи, въ предѣле, раздѣльно, недѣля, недѣльныи; дѣти, дѣтьскыи, дѣтьства, бездѣтенъ, дѣтородия[46];

дѣиствуетъ, дѣиствовати, дѣиствующе, дѣяти, дѣю, дѣи, дѣюще, дѣемое, дѣя, содѣяти, содѣявше, содѣтель, воздѣюще, дѣиство, дѣиствие, чюдодѣиствие, чародѣиство, чародѣи, злодѣи, прелюбодѣи, великодѣиственныи, злодѣиственнымъ, добродѣтель, надѣюся, надѣехся, надѣевшесь, надѣющу; одѣлся, одѣвся;

желѣзо, желѣзнымъ;

звѣрь, звѣренъ, звѣронравенъ, звѣрообразну, звѣроподобныхъ; здѣшнея;

клѣть; колѣну, колѣнопреклоненныхъ; крѣпко, крѣпокъ, крѣпость крѣпли, укрѣпльшесь, укрѣплься; кромѣшнеи;

лѣность, лѣностна; лѣпо, лѣпостно, прелѣпа, великолѣпное, бл҃голѣпно, лѣпотне, прелѣпа, многолѣпотными, ст҃олѣпа, бл҃голѣпие, велелѣпие, бл҃голѣпнеише;

мѣдныи, мѣденъ, мѣдь, мѣдници; измѣньшесь; мѣхи, мѣси; девятомѣсечна, девятомѣсячного;

в нѣдрахъ; нѣмъ;

побѣде; полѣно; пѣна, распѣнившимь; прѣснокъ, опрѣсночныи; пѣть; нерѣдко; обрѣза, обрѣзание, порѣзати, срѣзаста; рѣкъ, рѣхъ, рѣчь, нарѣчие, велерѣчию; отрѣяти, отрѣющего, рѣема, рѣюще;

свѣтъ, свѣтлыи, свѣтелъ, свѣтлость, всесвѣтлыи, пресвѣтлое, свѣтозарная, свѣтозрачия, свѣтоносное, свѣтоносче, свѣтолития, свѣтопоказаниемъ; слѣпъ; смѣхъ; снѣгъ; стѣнъ; срѣте, срѣтение; к сѣвернымъ, на сѣверномъ; сѣнь; разсѣяти, всѣи, насѣявь, сѣюще, сѣяние; сѣть, сѣтовати, сѣтование, сѣтовное;

[45] При распределении материала не всегда строго придерживаемся грамматического определения корня, суффикса, флексии.

[46] Сложные слова имели ударение на двух составляющих их элементах. См. Л. Васильев. С. М. Кульбакин. К истории и диалектологии польского языка (СПб., 1903, VIII, стр. 224). ЖМНП, 1904, август, стр. 497; его же. К истории звука ѣ в московском говоре XIV—XVII веков. Изв. ОРЯС, т. X, кн. 3, 1905, стр. 208.

тѣсное, тѣсно; утѣха;
хлѣбъ, в хлѣбню, хлѣбники, в хлѣбници;
человѣкъ;
обѣдъ, до обѣдни; снѣдное;
медвѣдие.

Необходимо отметить, что в данной морфеме буква *ѣ* употреблена этимологически правильно свыше 4600 раз, из них в 3400 случаях в слоге перед твердыми согласными.

2. В суффиксах глаголов III и IV классов перед твердыми и мягкими согласными. Последовательно в соответствии с этимологией буква *ѣ* употребляется в следующих глаголах и образованных от них существительных:

бдѣхъ, бдѣние, болѣти, болѣзновати, болѣзнуетъ, возболѣхъ, болѣвше, болѣзнымъ, болѣзнь, болѣзнего; богатѣти;

повелѣхъ, повелѣлъ, повелѣвъ, повелѣвыи, повелѣнъ, повелѣнное, повелѣша, повелѣние, повелѣтелно, вожделѣетъ, вожделѣтель, вожделѣнно, вожделѣвыи; видѣние, привидѣние; владѣти, владѣя, владѣи, овладѣетъ; гордѣние, говѣти, говѣнья; горѣти, горѣния, згорѣше, изгарѣше, погорѣвщия, разгорѣния; грѣю, грѣя, согрѣвъ, согрѣему;

довлѣти, довлѣеть; дѣти (инф.), воздѣти;

жестѣеть;

зрѣхъ, зрѣла, зрѣти, зрѣние, прозрѣши, презрѣхъ, возрѣвъ, зазрѣвъ, прозрѣлъ, узрѣста, презрѣние, прозрѣти, возрѣнию;

коснѣти, окаменѣша, окаменѣвшихъ.

В приведенном материале отмечены только те случаи, в которых последовательно употреблена буква *ѣ* на месте „ѣ", как перед твердыми, так и перед мягкими согласными.

Кроме перечисленных случаев, буква *ѣ* в соответствии с этимологическим „ѣ" только перед твердыми согласными отмечена последовательно в следующих корнях:

бѣлъ, бѣлость;

вѣра, вѣрныи, вѣровати, вѣрую, вѣровалъ, вѣровахъ, вѣруи, вѣруя, вѣруяхъ, вѣровавшая, вѣрование, блговѣрныи, достовѣрно, единовѣрно, маловѣрныхъ, правовѣрный; завѣтъ, извѣтъ, навѣтъ, отвѣтъ, привѣтъ, совѣтъ, совѣтование, совѣтую, совѣтующу, совѣтуемыхъ, совѣтного, совѣтова;

лѣто, многолѣтныи, трилѣтну, лѣторасли;

мѣра, безмѣрно, лицемѣрное;

пѣвше, воспѣтъ, воспѣвше, отпѣвъ, отпѣша, спѣвъ;

сѣдшимъ, въсѣдъ, всѣдша; сопѣли, сопѣлнику;

цѣлыи, цѣлъ.

3. В окончаниях. Последовательно в соответствии с этимологическим „ѣ" буква *ѣ* употребляется в следующих окончаниях:

а) дательного и творительного падежа двойств. числа местоимений и числительных;

б) местного падежа ед. числа прилагательных муж. рода *-ѣмь* (окончание по происхождению старославянское);

в) местного падежа ед. числа членных прилагательных жен. рода *-ѣи*. (окончание по происхождению также старославянское).

Этимологический „ѣ" в открытом слоге

В конечном открытом слоге буква *ѣ* последовательно пишется в следующих случаях:

1) в форме 3 лица ед. числа аориста следующих глаголов III и IV классов: богатѣти, болѣти, повелѣти, горѣти, одолѣти, озрѣти, прозрѣти

презрѣти, узрѣти, возжелѣти, запечатлѣти, опустѣти, оскорбѣти, оскудѣти, преспѣти, поспѣти, успѣти, стерпѣти, отерпѣти, утерпѣти, хотѣти, восхотѣти, исцѣлѣти, оцепенѣти;

2) в следующих окончаниях существительных: а) в дательном падеже ед. числа твердой разновидности основ на „-о“ и „-а“; б) в местном падеже ед. числа твердой разновидности основ на „-о“ и „-а“; в) в местном падеже ед. числа краткого прилагательного — имеется в виду случай на белѣ озере — 317 об., где, по мнению Л. Васильева, ударенным было окончание прилагательного[47]; г) в дательном и местном падежах личных и возвратного местоимений, в том числе образованных от основы *теб-, себ-* (последние, по наблюдениям М. А. Гадолиной[48] в XV—XVI вв. употреблялись наравне с формами *тобѣ, собѣ*, а в XVI—XVII вв. вытеснили исконно русские формы из языка различных жанров древнерусской письменности);

3) в наречиях: внѣ, горѣ, злѣ.

Наряду с этимологически правильным употреблением буквы *ѣ* на месте „ě“ в слоге под ударением в исследуемой рукописи встретились единичные (для данного памятника) случаи нарушения этого принципа. Для удобства рассмотрения отклонений начнем с положения перед мягкими согласными.

Буква *е* вместо *ѣ* перед буквами, обозначающими мягкие согласные

Буква *е* вместо *ѣ* отмечена один раз в корне *-бѣл-*: вь бели ѡдеж(д)и 398. (Но: бѣльскы(и) 135.) В корне *-вѣд* -количество отклонений больше: 51 при 58 этимологически правильных написаниях с буквой *ѣ*. Например: ведѣти 235, 308, 313, 384, 387, 631, ведѣ 80 об., 81 об., 132 об., 533, 654 об., ведѣ(х) 449, уведѣ(л) 276, уведѣвшу 398, уведѣ(в)ше 200 об., 207 об., 319, 421 об., 702, уведѣ(в) 85 об+еще 10 раз, уведѣша 284, уведѣ(х) 75, уведѣти 215, 362, 369, 566 об., 692, а также: на уведение 341, уведениѧ 620, веде 29 об., не ведѧше 207 об., 435 об., 456, 508, 526 об., 650, 665, неведение 276, 526, неведениѧ 524, неведении 220 об. Однако последние 14 примеров можно квалифицировать как описки. На описку под влиянием буквы в соседнем слове похоже употребление буквы *е* вместо *ѣ* в написании: в завете 708. В корне *-вѣр-* обычно в соответствии с этимологией пишется буква *ѣ*. Например: увѣрити 127, 397, увѣрили 643, увѣри 119, 526, 75 ввѣре(н)ны(и) 472 об., невѣрие 326, 367 об., 368, 596 об., зловѣрие 16 об., 717+еще 58 раз. Но в одном случае отмечена буква *е*: уверити(с) 227. В шести случаях буква *е* употреблена вместо *ѣ* при написании слова „благовѣщение“. Например: блговещение 191, 193, 73 об., блговещениѧ 381 об., 383 об., блговещение(м) 77 об. Но все они могут быть квалифицированы как описки. В остальных же случаях данное слово пишется с буквой *ѣ*. (См. л. л. 190, 190 об., 191 об., 449, 740). Также похоже на описку употребление буквы *е* вместо *ѣ* в случаях: бе(з)делиѵ 176 об., добраде‖те(л)ны(и) 599 об., умере(н)но 296, свиде‖тельствоваше 236, семени 336 об. К числу подобных примеров можно было бы отнести такие написания, как: ѡбре‖те 532, ѡбрете(сѧ) 246, 256 об., 753 об., если бы мы были вполне уверены в том, что писец произносил эти слова с ударением на корневом слоге. Ста-

[47] См. Л. Васильев. К истории звука ѣ в московском говоре XIV—XVII вв. Изв. ОРЯС, 1905, т. X, кн. 2, стр. 182.

[48] См. М. А. Гадолина. К истории некоторых форм личных и возвратных местоимений. „Труды Ин-та языкознания АН СССР“, т. V, 1954, стр. 34—80.

ропечатные книги XVII в. действительно дают указание на такое ударение[49]. Но Л. Васильев предполагает, что оно было на суффиксе[50]. Один раз при 85 случаях правильного написания с *ѣ* корень *-пѣт-* написан с *е*: по ѡ(т)петьи утрене(м) 398, (но: пѣниѧ 31 об., 625, 643, по ѡ(т)пѣтии 345, 403 об., 461, пѣти 179, 367, 409, 558 об. и др.) Восемь раз при 288 случаях правильного написания в основе *-имѣ-* отмечено употребление буквы *е*: имеѧше 175 об., 232, 268 об., 377 об., 381, 383, 630, имеѧху 621. Употребление буквы *е* вместо *ѣ* в случае не‖киѧ 129 могло быть вызвано аналогией с отрицанием *не*. Обычно же слова, первая часть которых представляет собой отрицание *нѣ*, пишутся с буквой *ѣ*. Наконец, буква *е* имеется в написании церковнославянских слов с корнем *-цѣл-*: многоцелба 326, цельбоносна(г) 403 об., к цельбоносному 391, у цельбоно‖сныѧ 383.

Буква *е* вместо *ѣ* перед буквами, обозначающими твердые согласные, и в исходе слова

В двух случаях корень *-вѣд-* написан с буквой *е*: не веды(и) 195 об., не ведуще 252. (В остальных 399 случаях в нем употреблена буква *ѣ*.) Однако написания с буквой *е* фонетически не показательны, так как их можно квалифицировать как описки. Также опиской может быть объяснено употребление буквы *е* в корне *-лѣз-*: изьле(з)‖ше 279. (но: влѣ(з) 57 об., 562 об., 637, влѣзу 655 об., влѣзьше 268 об., влѣзшима 245 об., и(з)лѣ(з) 562 об., и(з)лѣзше 239 об.) Той же причиной могло быть вызвано употребление *е* вместо *ѣ* в корне *-спѣш-*: поспешествующе 312 об. (В остальных шести случаях он написан с *ѣ*: спѣшно 358, 488, успѣшно 376 об., приспѣша 457, успѣша 388 об., успѣше 486.) Явление прежде всего графического порядка следует видеть в замене буквы *ѣ* буквой *е* в случае: гре(ш)на(г) 496. Здесь сочетание „гр" написано в виде лигатуры, а маленькая буква *е* втиснута между нею и буквой *н* и сверху прикрыта выносной буквой *ш*. В остальных случаях приводимый корень пишется исключительно с *ѣ*. На единственный случай те‖лу 456 об., с буквой *е* (при 232 случаях с *ѣ*), видимо, оказало влияние написание форм этого слова, образованных с суффиксом *-ес-*. Замена буквы *ѣ* буквой *е* отмечена в словах: семо 264 и делатель 420. Считаем их не показательными для характеристики произношения звука на месте старого „ѣ" в разговорном языке писца, так как указанные слова принадлежат к церковно-книжному слою лексики и писец мог произносить их со звуком [*е*]. Слова с корнем *-слѣд-* пишутся по-разному. Последовательно с буквой *ѣ* в том случае, если слово принадлежит живому разговорному языку. Например: слѣ(д) 35 раз, в том числе на лл. 79, 215 об., 687, 703, слѣду 724, послѣда(к) 106, 117 об., до послѣ(д)ка 336 об. В церковнославянских формах отмечена замена буквы *ѣ* буквой *е*. Например: последуѧ 364 об., 472 об., 538 об., 545 последу‖юще 310 об., последовати 548 об., последова 538 об., последоваше 10 об., после(до)ваше 285 об., последствоваху 260, последуѧ 472 об. 538 об., 545, после‖дуи 326. В корне *-лѣв-* в трех случаях отмечено употребление буквы *ѣ* в соответствии с этимологией: вь лѣвой 558 об., ѡ(т) лѣвыѧ 312 об., на лѣва(м) 739. В одном случае писец употребил букву *е*: гл҃ѧ(до)ша на десно ѵ҃ на лево 664 об. Но находится ли звук на месте старого „ѣ" в этой форме под ударением или нет, с уверенностью сказать трудно. Может быть, это ударение было на предлоге. Наконец, в двух случаях

[49] См. Печатный пролог за март—август. М., 1660, стр. 1396 (Собрание Щапова, № 252, ГИМ).

[50] Л. Васильев. Богдановский Златоуст XVI века, стр. 322.

в корне *-бѣг-* отмечено употребление буквы *е*: и(з)бе(г)ша 453 об.-бе(г)ство(м) 282 об. (при 32 случаях правильного написания с *ѣ*, например: бѣгъству 624, бѣгае(т) 400, 672, бѣгаѧ 195, 489, 578 об., 659 об., бѣгание 86 и др.). Однако первый случай является ошибочным написанием формы 3 лица мн. числа аориста (вместо: избѣгоша), где ударенным был гласный [о]. Следовательно, данный случай не может быть привлечен к рассмотрению судьбы старого „ѣ" под ударением.

Буква *е* вместо *ѣ* на конце слова

В открытом слоге замена буквы *ѣ* буквой *е* отмечена при написании некоторых наречий. Выше отмечалось, что наречия типа *внѣ*, *горѣ*, *злѣ* пишутся этимологически правильно, только с буквой *ѣ*. Написание же наречий, имеющих на конце частицу *дѣ* (в русском языке *дѣ*, в старославянском *де*) такие, как: сдѣ, здѣ, вездѣ, весдѣ, кдѣ, гдѣ, дѣ в исследуемой рукописи, впрочем как и в других памятниках древнерусской письменности, в том числе и различающих *ѣ* и *е* в других положениях[51], не отличается последовательностью. В подавляющем большинстве случаев они пишутся по-русски, с *ѣ*. Но отмечено несколько случаев (кде 236, где 465, иде 219, 280, 692 об.), в которых они написаны с *е* по нормам старославянской орфографии. При постоянном этимологически правильном употреблении буквы *ѣ* в окончании местного падежа ед. числа основ на „-*о*" отмечено одно отклонение: а само(м) х(с)е 372. Употребление буквы *е* вместо *ѣ* здесь могло быть вызвано влиянием формы местного падежа других существительных с безударным окончанием, — положения в котором, как будет показано ниже, „ѣ" совпал по звучанию с [е]. Аналогия могла поддерживаться еще и тем, что в сочетании с предлогом *о* данное слово переставало находиться под ударением. Такое ударение в данной форме засвидетельствовано апостолом 1564 года[51a].

Отклонение от этимологически правильного употребления буквы *ѣ* выразилось еще в замене буквы *е* буквой *ѣ*.

Буква *ѣ* вместо *е* перед буквами мягких согласных

Употребление буквы *ѣ* вместо *е* в указанном положении в исследуемом сборнике отмечено в слове обьщьникъ (*obьtjьnikъ), которое обозначает „участник, член, товарищ"[52]: wбѣщникы 138 об., wбѣщни(к) 189, wбѣщници 408 об. Но приведенные написания могут быть фонетически не показательными. Слово было чуждо живому разговорному языку и появление буквы *ѣ* вместо *е* в нем могло быть вызвано возможным влиянием глагола *обѣщати* (*obvětjěti). С буквой *ѣ* вместо *е* отмечены 8 случаев написания корня *-мѣзд-*: во(з)мѣз(д)ие 24, 137, 466 об., 578, 578 об., во(з)мѣздиѧ 314. Буква *ѣ* дважды встретилась в написании: приведѣниѧ 654. Отождествлением с *нѣсмь* и *нѣкоторыи* можно объяснить употребление буквы *ѣ* вместо *е* в случаях: нѣ си ли почита(в) е|си писаниѧ 342, нѣ w(т) котора(г) 454 об.

---

[51] Например, в Галичском евангелии 1357 года (Л. П. Жуковская. Из истории языка Северо-восточной Руси в середине XIV века. „Труды Ин-та языкознания АН СССР", т. 8. М. 1957, стр. 55), в Московском евангелии 1358 года (О. А. Князевская. К истории русского языка Северо-восточной Руси в середине XIV века. Там же, стр. 155), в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку (В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. „Труды комиссии по русскому языку, т. 1. Л., 1931, стр. 31) и др.

[51a] Л. Васильев. Богдановский Златоуст XVI века, стр. 329.

[52] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПБ, 1893, пол. 583—84.

Наконец, в рукописи имеются случаи употребления буквы ѣ в соответствии с [и] перед [j] в некоторых церковнославянских словах. Имеются в виду такие написания, как: витѣи 243 об., ѡ(т) витѣи 671 об., витѣе(м) 672 об., 674, 675 об., в витѣе(х) 671 об., витѣиствую(т) 135 об. Полагаем, что в данном случае перед нами живые народные формы церковно-книжного слова *вития*, в котором буква ѣ употреблена в соответствии не со звуком [и], характерного для церковно-книжной огласовки данного слова, а [е], заменившего в живом разговорном языке звук [и] в положении перед [j] в бывшем сочетании „ïj“ [53]. Буква ѣ на месте [е] такого происхождения отмечена в случаях: виза(н)тѣю 292, виза(н)тѣение 292, арьменѣискы 169 об., во алеѯандрѣю 294 об., во алекѯа(н)дрѣи 293 об.

Буква ѣ вместо *е* перед буквами твердых согласных

Употребление буквы ѣ в этом положении встречается лишь в следующих книжных словах: бе(з)мѣз(д)но 580, бе(з)мѣ(з)дно 116 об., безоимѣ(н)но наре(ч)ⷭ 504, безоимѣ(н)но ставити 527 об., ѡбы҃мѣ(н)ное свидѣтельство 111 об.

* * *

Подведем некоторые итоги. Из приведенного материала следует, во-первых, что в подавляющем большинстве случаев на месте этимологического „ё“ пишется буква ѣ; во-вторых, отклонения приходятся в основном на положение перед мягкими согласными, т. е. на положение, являющееся для гласных фонем в славянских языках слабым; в-третьих, случаев взаимной мены букв ѣ и *е* перед буквами, обозначающими твердые согласные и в абсолютном конце слова, т. е. в положении наибольшей противопоставленности для гласных фонем, встретилось ничтожно малое количество — всего 30 случаев, тогда как написаний с этимологически правильным употреблением буквы ѣ в корнях перед буквами твердых согласных более 3400. К тому же все почти случаи замены в сборнике буквы ѣ буквой *е* перед буквами твердых согласных не имеют отношения к определению судьбы старого „ё“ в живом разговорном языке писавшего. Замена буквы ѣ буквой *е* в них могла быть вызвана: или принадлежностью слова к церковнославянской лексике (имеются в виду такие написания, как: *семо*, *делатель*, *вследую* и т. п.), или — воздействием старославянских по происхождению форм данного слова (например, *тело*), или — влиянием старославянской орфографии (*где*, *кде* и др.), или, наконец, явлением графического порядка (*грешного*, *поспешествующе* и др.).

Последовательно проведенное во всех морфемах употребление буквы ѣ в соответствии с этимологическим „ё“, наблюдаемое в исследуемой рукописи, можно истолковать только как признак того, что на месте этимологического „ё“ в слоге под ударением писавший произносил особый звук, противопоставленный другим гласным звукам и обозначавшийся буквой ѣ. Единственный случай замены буквы ѣ буквой *е* в корне *-бѣг-*: бе(г)ство(м), которую нельзя объяснить перечисленными выше причинами, не может поколебать высказанного предположения в силу своей единичности. Кроме того, при определении судьбы старого „ё“ следует иметь в виду, что о совпадении по звучанию в том или ином

[53] В том, что писец произносил слово *вития* не с [и], а с [е], убеждают нас случаи написания его с буквой *е*. Например: витеи 245, 672, 672 об., 673, витеиство 672, витеистеи 672, витеискы(х) 673 об., витеиствующу 142, витеиствую(т) 137 об. и др.

положении „ѣ“ со звуком [е] можно говорить лишь тогда, когда в памятнике имеется не только употребление буквы *е* вместо *ѣ*, но и буквы *ѣ* вместо *е* в том же положении. Употребление же буквы *ѣ* вместо *е* перед буквами твердых согласных, как указывалось выше, ограничено лишь непоказательными случаями книжных слов: бе(з)мѣ(з)дно, тезоимѣ(н)но, безоимѣ(н)но, wбы‖мѣ(н)ное. Буква *ѣ* вместо *е* употреблена в них в соответствии с „е“ [54] перед согласными, отвердевшими сравнительно поздно. Буква *ѣ* в написании безмѣздно могла появиться под влиянием написания писцом с буквой *ѣ* данного корня с мягким *зд*: во(з)мѣздие 24, 45, 137, во(з)мѣздиⷨ. В последнем случае: wбы‖мѣ(н)ное свидетельство, можно заподозрить еще и образование от существительного „имѣние“ [55].

Следовательно, есть все основания полагать, что в языке писавшего на месте старого „ѣ“ в слоге под ударением произносился какой-то особый звук, качественно отличавшийся от других гласных звуков и обозначавшийся на письме буквой *ѣ*.

Определить звуковое качество буквы *ѣ*, как известно, можно лишь относительно, рассматривая употребление этой буквы сравнительно с ее возможными заменами, буквами *е* и *и*, а также учитывая данные современной диалектологии. Как уже отмечалось, в большинстве случаев замена буквы *ѣ* буквой *е* имеет место перед буквами, обозначающими мягкие согласные (по w(т)петьи, уверити(с), в бели, уведѣти 37 раз, имеⷭху и др.). Случаев употребления буквы *ѣ* вместо *и* и наоборот в рукописи (кроме *свѣдительство*) не отмечено. Принимая во внимание тот факт, что в современном русском литературном языке звук [е] (открытое) в положении между мягкими согласными звучит как [ê] (закрытое), можно думать, что употребление в рукописи буквы *е* на месте „ѣ“ перед буквами, обозначающими мягкие согласные, было вызвано звуковой близостью [е] в положении перед мягкими согласными к звуку, произносившемуся на месте старого „ѣ“. Употребление же буквы *ѣ* вместо *е* в том же положении (*витѣи, византѣя*) дает возможность говорить о полном совпадении по звучанию старого „ѣ“ со звуком [ê].

Итак, исходя из наличия в рукописи случаев взаимной мены букв *ѣ* и *е* в положении перед мягкими, а также основываясь на данных современного русского литературного языка и современных русских говоров, как средневеликорусских, так и северновеликорусских (владимирско-поволжского типа), полагаем, что в положении перед твердыми согласными этимологический „ѣ“ в языке писца звучал как [ê] (закрытое), в положении же перед мягкими степень закрытости, возможно, была большей.

Важно отметить, что в памятниках, написанных на территории белорусских говоров и некоторых русских, примыкающих к ним с востока, в частности смоленских, уже с XIII в. наблюдается взаимная мена букв *ѣ* и *е*, указывающая на совпадение в них „ѣ“ с [е] открытым [56].

---

[54] Для данного исследования не важно, какого происхождения звук [е] из „е“ или из „ь“, также как и ['а] из „'а“ или „ѧ“. Это существенно для древнейшего периода истории восточнославянских языков. Поэтому в дальнейшем, говоря о соответствующих этимологических гласных, мы имеем в виду эпоху после исчезновения носовых и падения редуцированных.

[55] См. В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. „Труды Комиссии по русскому языку“, т. I. Л., 1931, стр. 31.

[56] Е. Ф. Карский. Указ. соч., т. II, вып. 1, стр. 233—256.

Орфография же исследуемой рукописи, свидетельствующая о наличии в говоре писца особой фонемы на месте „ѐ“ лишний раз указывает на небелорусское происхождение рукописи.

Если же обратиться к московским памятникам XVI в., в частности к грамотам[57], то их орфография свидетельствует о существовании в языке Москвы этого времени особой фонемы на месте старого „ѣ“.

Как особый звук, [ѣ] в языке Москвы сохранялся не только в XVI в., но и в течение XVII[58], и лишь в середине XVIII в. совпал по звучанию со звуком [е] (открытым), на что указывает „почти полный отказ от буквы *ѣ* с последовательной заменой ее на *е*“ в записках Наталии Долгорукой[59], хотя в книжном стиле речи [ѣ] и [е] в тот период еще различались.

§ 2. О ЗВУКЕ ['О]

В большей части современных русских говоров под ударением после мягких согласных перед твердыми вместо [е] произносится звук['о].

Однако определить это явление по памятнику письменности довольно трудно, так как для обозначения звука ['о] в русской графике долгое время не было особой буквы (она появилась лишь в XVIII в.). Употреблению же буквы *о* после букв мягких согласных препятствовало то, что в представлении и писавшего и читавшего буква *о* связывалась с мягкостью предшествовавшего согласного. Поэтому чаще всего это явление оставалось без обозначения на письме: писцы по традиции продолжали писать букву *е*.

Рассмотрев орфографию исследуемого памятника с целью определения произношения звука на месте [е] перед твердыми согласными в слоге под ударением, приходится сказать, что рукопись не дает возможности решить, имелось ли в языке писавшего изменение [е] в [о] перед твердыми согласными или нет. В подавляющем большинстве случаев в слоге под ударением на месте [е], как после парных мягких согласных, так и непарных, перед твердыми согласными употреблена буква *е*: пче(л) 694, мерла 84 об., теплаѧ 170 об., тве(р)дыѧ 33, твердое 729 об., ре‖бра 123 об., ребръ 39, мои(х) сле(з) 40 об., закле‖пы 33, четвѣрты(и) 724, четве(р)таѧ 61, 722 об. и мн. др. Случаи же отклонений от традиционной орфографии малочисленны, не выразительны и, следовательно, не дают основания для решения вопроса ни в том, ни в другом направлении. Так, написания — сатроша 465, умроша(с) 447 об., умроста 693, и(з)мроще 692, — где буква *о* употреблена после буквы мягкого парного согласного [р']⁶⁰ на месте [е] перед твердыми согласными, фонетически мало показательны, так как данные слова представляют собой форму аориста, форму мертвую для живого разговорного языка XVI в. Буква *о* в этих словах могла появиться по аналогии с другими аористными формами, например: бѣгоша, несоша, ре-

[57] См. Л. Л. Васильев. К истории звука ѣ в московском говоре XIV—XVII вв. В. В. Виноградов. Исследование в области фонетики северновеликорусского наречия. Изв. ОРЯС, т. XXIV, кн. 1 и 2, 1919, стр. 223—281.

[58] К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Язык писем и бумаг Петра Великого. „Вестник МГУ“, № 10, 1947, стр. 111—112.

[59] Р. И. Лихтман. Из истории московского просторечия в середине XVIII века. Автореферат кандидат. диссертации. Омутнинск, 1953.

[60] Орфография рукописи не указывает на отсутствие в говоре писца звука [р'] мягкого. Случаи употребления буквы ы в соответствии с [и] после [р'] представлены единственным словом товарыщи 754 об. Однако это слово в таком написании встречается во многих памятниках московской письменности, неключающих белорусское влияние, в частности в так называемом Никоновском летописном своде XVI в.: с товарыщи 104, 332, 352, 445 и др. (См. рукопись № 962 Синод. собр. ГИМ.)

коша, — где употребление буквы *о* было вполне закономерно. Употребление же *о* вместо *е* в случае се(д)морочисленико(м) 66 можно квалифицировать как описку. Употребление буквы *ѣ* в соответствии с *е* перед твердым согласным должно было бы указывать на отсутствие изменения [е] в [о]. Однако имеющийся в рукописи случай бе(з)мѣз(д)но также не показателен, так как буква *ѣ* употреблена перед согласным позднего отвердения. (Это слово и в современном русском языке произносится со звуком [е], а не [о].) Поэтому считаем, что орфография исследуемого памятника не содержит в себе каких-либо данных для определения произношения [е] под ударением перед твердыми согласными в языке писца.

§ 3. ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ БУКВ НА МЕСТЕ ПРЕЖНИХ РЕДУЦИРОВАННЫХ „ў", „ї" В СИЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

В различных формах глаголов *мыти, рыти, крыти* и существительном *змии* в соответствии с [о] и [е] современного русского языка перед [j] в слоге под ударением в исследуемой рукописи последовательно пишутся буквы *ы* и *и*: мыесѧ 228 об., мыю(т) 70 об., 198 об., умыю 352 об., умы(и) 42, да умые(т) 279 об., рыюща 183, крыю||ще 222, сокрыю 80 об. 81 об., 101 об., укрыю, покрыю 298 об., 652, ѡ(т)крые(т) 79 об., 225 об., 25, сокрыи 46, 81 об., 170, ѡ(т)кры(с) 164, не укрые(т)сѧ 501 об., змии 621, змиѧ род. п. 621 об., змию 621, змиеви 621 об. и др.

В приведенных написаниях буквы *ы* и *и* употреблены в соответствии с прежними редуцированными „ў" и „ї" в прежних сочетаниях ъj̆ь, ьj̆ь. Судьба редуцированных „ў" и „ї" в данных сочетаниях в отдельных восточно-славянских языках, как известно, оказалась различной. В белорусском и украинском языках они изменились в [ы] и [и] полного образования. В русском языке на их месте произносятся [о] и [е]. (В акающих говорах и говорах с неполным оканьем, владимиро-поволжских, они звучат только под ударением). Произношение [о] и [е] в соответствии с „ў" и „ї" находит свое отражение в московских памятниках, начиная с XIV в. (Например, в записи Московского евангелия 1339 года: кнѧзь великой). Но, исчезнув из живого разговорного языка, звуки [ы] и [и] перед j в указанном положении продолжали произноситься в церковнокнижном стиле языка, а употребление букв *ы* и *и* в соответствии со старыми редуцированными „ў" и „ї" в сильном положении долго оставалось орфографической нормой русских писцов. В качестве примеров церковных памятников, написанных в XVI в. в Москве и последовательно сохраняющих написания типа *змии, рыю, крыю, мыю,* можно назвать псалтырь толковую 1512 года[61], минею служебную 1558 г.[62] и Годуновскую псалтырь 1594 г.[63]

При ближайшем рассмотрении приведенных написаний и сопоставлении их с орфографией всей рукописи в целом нельзя не прийти к выводу, что в данном случае перед нами написания, отражающие не живое произношение писавшего. В живом же разговорном языке писца на месте „ў", „ї" в слоге под ударением произносились звуки [о] и [е]. На это указывают, во-первых, случаи употребления буквы *о* в окончании именительного падежа ед. числа прилагательных мужского рода на месте старого „ў" того же происхождения, что и в случаях *рыю, мыю*: касой 736 об.; во-вторых, отдельные случаи употребления в безударном

[61] Чуд. № 180, 1°, рукопись ГИМ.
[62] Увар. № 464, 4°, рукопись ГИМ.
[63] Увар. № 564, 1°, рукопись ГИМ.

слоге буквы *а*, которая обозначает здесь нелабиализованный редуцированный гласный звук, появляющийся на месте *о* и *а* в заударном положении: литовь‖скаи 736, удѣлнаи кнѧ(з) 705, хворастъ липовaї 84 об.[64] и т. п.

Исходя из сказанного выше, считаем, что, во-первых, в живом, разговорном языке писавшего, в слоге под ударением на месте бывших редуцированных „ў", „ї" в сильном положении произносились [о] и [е], что случаи употребления букв *ы* и *и* в указанном положении обязаны своим появлением традиции и жанровым особенностям памятника и, следовательно, во-вторых, отражением этой черты орфография памятника опровергает существовавшее мнение о белорусском происхождении данной рукописи.

§ 4. ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЗВУКА [а] В ЗВУК [е] МЕЖДУ МЯГКИМИ СОГЛАСНЫМИ

Среди современных русских говоров, как известно, имеются такие, в которых на месте гласного [а] между мягкими согласными в слоге под ударением произносится звук [е]. На письме это явление может быть выражено заменой буквы *а* (ѧ) буквой *е* в ударенном слоге между буквами мягких согласных.

Наличие в сборнике таких написаний, как: чеѧние 476 об., чеѧху 456, ѡ(т)чеѧние 36, 49, 49 об., 454 об., ѡ(т)чеѧ(н)ниї 26, 29 об., ѧ(т)чеѧ(н)наго 520, ѡ(т)чеѧнны(х) 25 об., ѡ(т)че‖ѧ(н)ны(м) 28 об., ѡ(т)‖чеѧвши(м)сѧ 429, 468, ѡ(т)чеѧ(в)‖шу(с) 506, во ѡ(т)чеѧнии 589, ѧвлеї ми сѧ 205, евле‖ї ми сѧ 330 об. — свидетельствуют о том, что писавший относился к числу носителей именно такого говора, и делает исследуемую рукопись одним из тех немногих памятников, орфография которых отражает данное явление[65].

Помимо приведенных написаний замена буквы (*а*) (ѧ) буквой *е* в рукописи имеет место еще перед буквой отвердевшего шипящего в прилагательном *тяжкий*: ѡ(т) сна те(ж)ка(г) 329 об., в те(ж)каѧ звони(ти) 457 об., тма те(ж)ка‖ѧ, тежка е(г) желѣза 498 об., 499, 499 об., 500, 500 об. 2 раза (но тѧжкаѧ 232 об.).

Эти написания позволяют поставить вопрос об относительной хронологии изменения [а] в [е] под ударением между мягкими согласными

---

[64] Последний пример взят из летописной записи, автором которой был сам писец.

[65] Из более поздних московских памятников обращают на себя внимание письма и бумаги Петра I, где слова *пять* и *князь* пишутся то с буквой *я*, то с *е*. Исследовавшая материал К. В. Горшкова (см. К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Язык писем и бумаг Петра Великого. стр. 30 — 33) объясняет колебания иными причинами, чем изменение [а] в [е] между мягкими в ударенном слоге. Она отмечает, что в том случае, когда слово *князь* выступает как самостоятельное слово, если оно несет на себе логическое ударение, то всегда пишется с буквой *я*. Если же выступает в неизменяемом виде, без согласования с собственным именем и потому может быть неударяемым, то нередко пишется с буквой *е*: *князь Лука*, *двла князь Ивана*, *князь Якову* и др. Основываясь на этом наблюдении, К. В. Горшкова связывает написание „князь" с отражением неразличения гласных „е" и „а" в безударных слогах и распространяет это объяснение на написание „петь". («Формы с неударяемым ѧ типа: „пети", „киезей" могли поддерживать произношение „петь", „кнезь" в слабо ударяемом или безударном положении, которое, возможно, могло быть наряду с „пять", „князь"».) Принимая приведенное объяснение появления написания „кнезь", пожалуй, нельзя все-таки признать его достаточным для объяснения всех случаев написания „петь". Если в сочетании с предлогом *на* числительное могло быть слабоударяемым или вообще безударным, то в отсутствии логического ударения и слабой ударенности числительного хотя бы в таких примерах, как: „мы в петь дней получили" IV, 1088, „петь тысячь ружья". IV 1068, — можно сомневаться. Поэтому нам представляется возможным рассматривать написание „петь" как реликт изменения „а" в [е] между мягкими под ударением, сохранявшийся в московском говоре конца XVII — начала XVIII в.

в говоре писца и высказать предположение, что оно началось до отвердения шипящих.

Написание мнѣше(с) к рассматриваемому явлению отношения не имеет, так как употребление буквы *ѣ* вместо *ѧ* в данном случае могло быть вызвано аналогией с формой инфинитива *мнѣти*.

§ 5. О ЗВУКАХ [И] И [Ы]

Звуки [и] и [ы], существуя в языке писавшего сборник во взаимно исключающих позициях, очевидно, были функционально объединены, как и в современном русском языке. Наличие звука [и] или [ы] определялось мягкостью или твердостью согласного. Звук [и] мог произноситься после мягкого согласного и в абсолютном начале слова (если в последнем случае он сохранялся). В абсолютном начале слова после твердого согласного предлога или после твердого согласного приставки в слове с полной морфологической членимостью звук [и] заменялся звуком [ы], что нашло отражение в написаниях: с ывано(м) 223, в ыну дь и нощь 56 об., 562, взы||щете 47, взыще(т) 742, взыщеши 444, взыще(т)сѧ 379 об., ѡбыде 269, ѡбыде(т) 33, обыду(т) 30 об., изыде 465 об., 486 об., 450 об., 458 об.+еще 26 раз, изыди 79 об., 398, 283 об., 228 об., 278 об.+еще 21 раз, изыти 415 об., 393, 255 об., 234 об., 589, 181, 8 об., 157 об., 354, взыде 258, 493, 316 об., 342 об., 416, 530 об., 173+еще 8 раз, изыде(т) 273 об., 256 об., 237, 52, 73, 59, 59 об., превзыде 219 об., 541 об. 339 об., взыдетъ 361 об., 48, произыде(т) 465 об. 448 об., 470 об., 113, 299 об. и т. п.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ В БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ

В исследуемом памятнике имеется большое количество случаев с отклонениями от этимологического принципа употребления букв в соответствии с безударными гласными. В предударных слогах и заударных, после твердых согласных и после мягких во всех морфемах имеют место случаи употребления одних букв гласных звуков вместо других, что свидетельствует о неразличении писцом гласных в безударном положении.

§ 1. ЯВЛЕНИЯ НА МЕСТЕ ГЛАСНЫХ НЕВЕРХНЕГО ПОДЪЕМА В ПЕРВОМ ПРЕДУДАРНОМ СЛОГЕ

1. Употребление букв в соответствии с гласными неверхнего подъема после парных твердых согласных и задненебных

В орфографии памятника наряду с этимологически правильным употреблением буквы *о* на месте „о“ [66] и буквы *а* на месте „а“ имеются случаи взаимной мены букв о и а.

Для большей отчетливости выводов о характере предударного вокализма после парных твердых согласных и задненебных опускаются все написания, которые могут быть не показательными в фонетическом отношении:

1) написания, в которых мену букв *а* и *о* можно было бы квалифицировать в первую очередь как описку. Например: авца 18, 140, потапта 351 об., аграды 439 об., каварьство 539 об., коко(в) 432, живоначалны||ѧ 77 об., расподоша 661 и т. п.;

[66] Здесь и далее под „о“ подразумевается звук [о], исторически восходящий как собственно к „о“, так и к „ъ“.

2) случаи мены букв *о* и *а* в словах иностранного происхождения, в том числе в именах собственных, — разряд слов, колебания *о* и *а* в которых знают древнейшие памятники письменности, — а также в именах-географических названиях и образованных от них прилагательных, поскольку нет уверенности в том, что последние не могли быть усвоены через посредство акающих говоров, например: ва‖лыньскаѧ, 278 об., ка(р)суни 331 и т. п.;

3) написания с меной букв *о* и *а* в корнях глаголов и отглагольных существительных с древним чередованием о‖а, объясняющимся морфологическими причинами;

4) случаи употребления буквы *а* вместо *о* в сложных словах, в том числе и тех, которые могут быть объяснены ассоциацией со словами, воспринятыми писцом как словосочетание, например: многагрѣшны(и) 509, с‖ме(р)таносие 431 об., месапусты 67 и т. п. по аналогии со случаями: богамольци 744, великам(ч)нка 596, 607, чл҃калюбиѧ 78 об. и т. п.;

5) наконец, написания, мену букв *о* и *а* в которых можно объяснить, как вызванную переосмыслением слова писавшим, например: кознена(г) змиѧ 409 об., вместо казненаго — с *о* вместо *а* по аналогии с часто встречающимися сочетанием „злокозненный змеи" и т. п.

Остальной материал, бесспорно показательный в фонетическом отношении, приводится полностью, но в случае обилия однородных примеров указания на листы заменяются цифровым подсчетом отмечаемых написаний[67].

Буква *а* вместо *о* употреблена в следующих случаях:

а) в корнях: бравима (дв. ч.) 203; побалѣ 431 об.; вдави‖ца 357, вдавица(х) 640, вдавица(м) 365 об.; вады 543; вастока 53 об., васто(ч)ными 683 об.; втарою 52 об., втаро(м) 69 об., 70, втарицею 543, втарыѧ 735, втарому 143, + еще 31 раз в данном корне; в вы‖сату 306;

угади(в)ше 462 об.; по галуби 683 об.[68]; га‖нителю 213, да гары 183; агарода(м) 745 об.; гато(в) 537, 541 об., 536, 710, гатовы‖и 424 об., га‖товаму 555, гатовы(м) 65, гатовыѧ 542, 146, гатови(с) 78 об., гатови(т)сѧ 569 об., угатови(с) 75 + еще 12 раз в данном корне; у грабовъ 739 об.; гразѣ 50;

даброта[69] 200 об., 492, дабро‖ты 132, 538 об., 575, дабротаю 135, 302, 669, 682 об., даброту 125 об., 340, 473, 677, дабро‖тами 381 об., 383, 182 об. + еще 44 раза в данном корне; давлѣе(т) 248 об.; даволно 24, 149, 251 об., 290 об., 319, даволь‖нѣ 461 об., даволное 477 об., даволну 707 об. + еще 58 раз в этой основе; прода(л)же(н)ны(х) лѣ(т) 413; дамо(в)ныѧ потребы 478 об., ц(т) даму 81, 81 об., 82, 248 об., 485 об., в даму 82, 235, дамы 82, дамо(м) 742, 745 об. + еще 6 раз в этом корне; ѡдалѣе(т) 612 об; долаты 34 об.; содрабле(н)но 612, содрабле(н)ну 613, дастигнути 456, дасти(г)ше 457; дастоиньство 80, 375, 455, 663, дастои(н) 227, 252 об., 272 об., дастоїное 79 об., дастоина(г) 444, дастоины(х) 748, дастоине 357 об. + еще 57 раз в данной основе;

жестако 293, 707, жестакое 529 об., жестаку 517, жестакую 405 об;

на розарении 269 об., завуть 704 об., заве(т)‖сѧ 705, завомо 305, завома 241 об., 233 об., 253, 254, завоме(м) 240, 282, завомы(и) 242 об., прозаву(т) 346 об., прїзави 291 об., созави 135 об.; про‖за(р)ливы(и) 187, 505 об., проза(р)лива(г) 749 об., 452, про‖за(р)ливаму 186, про‖зарьливу 426 об.;

---

[67] Материал на этимологически правильное употребление букв здесь и далее опускается в целях уменьшения объема статьи.

[68] Ударение, вероятно, было на гласном [у].

[69] В слове *доброта* ударенным был второй слог. См. словарь Академии Российской, ч. II. СПб., 1790, стр. 701.

кавче(г) 114 об., 131 об., в ка(в)чезѣ 324 об.; калико 196 об., 342 об., 374, 567 об., калици 539 об., каликы(х) 572 об калику 211 об., 371 об.; калѣн(и) 616, калѣну 35, калѣна 35; василеи касои 736 об.; качевици 167; канець 358, 471 об., каньчина 280 об.; канѧ 50 об.; каторы(и) 15 об., 316, 428 об., 744 об.+еще 21 раз в данном корне; покравено 505 об., ц(т)краве(н)наго 132; ка(р)ми|телю 452; крамѣшнюу 33; по мае(м) 436 об., по|маемь 431 об.; масковь|скы(и) 733 об.,[70] ма|сковьское 740, масковь|ска(м) 734, масковьскому 705, маско(в)скы(м) 737, масковскиѧ 421, 717 об., масковьски(м) 704; и(з)немагоша 465; цбнавление 131, цбнавленїѧ 406 об. цбнавь|лае(м)сѧ 406 об.; нагу 132, нагою 390 об., 532; нахты 611 об.;

асмому 717, вь се(м)сотъ асмое 742 об.; аре(л) 57, 683 об., 684 арло(в) 525; аконьце 59 об., 566, аконьца 65 об., 563 об., 567, акно(м) 685; ани 233, 575 об., ане 195; абиду 576; абою 750; алень 723, 724, аѣ и снѣ 233 об.; атрокь 565, атроча 752 об.; абилно 611; абитель 477; во абители 380 об., 395, 425, 726 об., абителища 427 об., во абитель 392; ц(т) ако(в) 585 об., аковы 585 об., 586; абычеи 183 об., абычныѧ 140 об., 341;

пазо(р) 672, 672 об., пазорище 725; па(д)во(д) 745; падобие 127 490, па(до)бию 125 об., па(до)бно 478, падобнаѧ, па(до)бна 30 об., 613 об., 518, 748 об., 749, падобнае 125 об., 521, падоба 124, па(до)бе(н) 542, 613, падо|бна(г) 547, падобнѣ 133 об., спадоби 738; пакои 418, 478 об., 518 об., 521, 545 об., пакоѧ 409 об., 434 об., 340, 519, 544; папо(в) 743, 754 об., папове 332, 747; непарочную пренепарочную 452; па|рода 728 об.; пропавѣ(д)ника(м) 668, парока 82, 109; пато(в) 161 об., пато(м) 48 раз; пладо(в) 492, простату 422, простатѣ 422, простато|ю 532 об.; радо(в) 113 об., 137 об., ради(л) 687 об., ра(ди) 121 об., 171 об. пора(ди)ши 449 об., ра(ди)телѧ 410 об., ра(ди)те|ле(м) 457; цраси(т) 33, цраси(в)ша 74, расою 84;

сабою 16, 30, 53, 150, 331, 558 об.+еще 21 раз; сабо(р) 2 об., 49, 72, 147 об., 177 об., 186, сабора 2 об., 3, 207, 369 об., 713, 713 об., сабору 101 об., 295 об., 311, саборе 709 об., 711, саборо(м) 368 об., саборы 718, сабори 72 об., 462, сабора(в) 70, саборного 369 об., саборную 69 об., 315 об., 716, саборныѧ 124 об., 169, саборище 115 об. 80 об., 79, саборавати 704 об., 705, 712+еще 95 раз в данной основе; савѣ(т) 177, савѣта 420 об., 623, савѣты 727 об., совѣтна(г) 79 савѣтника 81 об.; саколници 743 об., саколника(м) 741, 743; совакупле 577 об., савакупльше 74; сакровище 113 об., 110 об., 149, 275 об., 5, сакровищу 183, 402, 581, сакровища 45; ска(р)би 438, скарбѣ народа 195 об., цска(р)бл|ѧема 445, ска(р)бѧше 434 об., не ска|рбите 434 об.; сазданїа 245; сапѣлнику 55 об., 56, сапѣли 56; самнѣние 67; сасу(д) 11, 49, 554 об. 612, 654+еще 14 раз, сасуда 613, сасуда(м) 610, сасуды 8, 331, 348, 358, 423 об., 507 об., 682; состаѧние 135, постаѧне(н) 25, стаѧщи(м) 481, стающе 275 об., стаи(т) 723, стаиши 609 об., стаѧти 403 об. ц(т)ста|и(т) 306; сталѣ 749 об.; ста(л)пу 214 об., 724, сталпѣ 724;

табою 17 об., 33 об., 40, 60 об.,+еще 113 раз; тваеи 597 об., тваи(х) 36; талико(м) 637 об., в таликыѧ 82, таликую 101 об., 409, 479+еще 50 раз в данном слове; уталить 380; тамление(м) 677, тами(м) 456, 713, тамиму 359 об., тамительны(и) 483; та(л)куе(т)сѧ 722 об., проталкуе(т)сѧ 166, прота(л)куѧ 254; бли(з) таргу 202 об., 206 об.; утапо(х) 751 об., 752 об., потапле(н) 205, 258, потапле(н)на(г) 205 об., потапи 559 об., потапи(т) 179; крово|точивеї 587;

[70] Данные случаи при опущении других географических названий приводятся только потому, что предполагается московское происхождение рукописи.

хатѣнию 204, хатѧ 244, хатѧщему 83, восхатѣша 177;

б) в приставках и предлогах: даколе 76, 79, 298, 336 об., 536 об., 614 об., 615 об., 705 об., 722, дако‖лѣ 55, датолѣ 298, даспѣла 634, да дому 427 об., да тысѧщи 166, да уска(г) 723, да мѣста 417 об.; ка‖многи(м) 726; а ко(м) 5 об., а трие(х) 219, а змиї 621, а по(л)зе 323, а рыба(х) 425 об., а немь 189 об., а то(м) 41 об., 69 об., 390, 551 об.+еще 12 раз, а зло(м) 351; па(д)солно‖чної 125 об., пато(к) 304 об., патокы 724 об., паги‖бель 200 об., пагибели 700, памо(ж)ть 32, патребу 332 об., 478 об. пакро(в) 498 об., памоста 494, пано‖сное 755 об., пато‖не(т) 724, пави(н)на 81 об.; са мною 15, 28, 123, 154+еще 18 раз, састрои(в) 278 об. састроиста 613, сатворьше 37, 160 об., 354 об., 568, 610, 690, 627, сатворь‖шу 303 об., сатворьшему 50 об., сатворша 321 об., 686 об., сатворьши(м) 215 об., сатворьшу(с) 368, сатворьшему 81 об, сатворьше(м) 546, сатворь 60, 60 об., 62, 62 об., 150 об. 318 об., 325 об., сатворь‖ше(г), 172, 213 об., сатворьша(г) 76, 333, 405;

в) в суффиксах: в до(л)гату 179, какаво дѣло 741, миравы(х) 672, ц(т)рокавица 98, 109, 623 об., 690 об., атро‖кавице 622, 623 об., чистаты 74, 711 об., чистату 98, чистатою 112, 396;

г) в окончаниях: таго 29 раз, в том числе на л. л. 54 об., 65, 115, 122, 170 об., каго 56, 121 об, 123, самаму 219 об., 364 об[71].

Наряду со случаями замены буквы *о* буквой *а* в памятнике наблюдаются еще написания с буквой *о* в соответствии с „а". Употребление *о* вместо *а* имеет место в следующих случаях:

богѧно 60; ц(б)оѧние(м) 321; загрожати(с) 27 об.; ц(т)доваху 315, предоѧше 350, ра(з)доваше 359[72]; козна 423, козны 423; кожа... путь 54; накозанїе 233, 274 накозанию 48 об., 275 об., 407, 569, к накозанию 358 об., 747, накозание(м) 212, накозанїи 479 об., накозати 163, накоза(л) 261 об., накоза(н)ныѧ 336, накозахаву 285, накозателю 717, накозателе(м) 470 об.; лоскатель 556; в ночалѣ 705 об., ноча(т)ка 674; нованочалники 536 об., нованочалны(м) 502, бе(з)ночальна(г) 164 об., бе(з)ночална 733, со бе(з)ночальны(м) 161 об., бе(з)ночалное 465 об.; спосаха(м) 459 об.; полата 710 об., ис полаты 74 об.; напо‖дае(т) 574 об., приподаете 27, наподе 172, 188 об., 253 об., 432 об., 437 об., 474, скозати 60, 330, 538, 549 об., скоза 60 об., 315, 293 об., нескоза(н)ную 300 об.[72]; настовлѣти 363, настовлѣ‖юще 513, настовлѣе(м) 512, настовлѣ‖еши 149, предстовлѣюще 454 об.; насож(д)аѧ 315 об., насож(д)енныѧ; насоди(х) 20; наслo(ж)датисѧ 447, наслo‖жати(с) 432, наслo(ж)дати(с) 447, наслож(д)ениѧ 464 об., наслоди(м)сѧ 462; то‖кы(и) ѧзы(к) 193; упро(ж)нѧ‖ющесѧ 514. Замена буквы *а* буквой *о* отмечена также в префиксе *на-*: в нопасте(х) 634.

Приведенные случаи взаимной мены букв *о* и *а* нельзя объяснить иначе, как тем, что звуки „о" и „а", обозначаемые этими буквами, в произношении писца в первом предударном слоге не различались.

Неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных в первом предударном слоге — явление аканья — характерная черта белорусского языка, южновеликорусских и средневеликорусских говоров. Частичное неразличение „о" и „а" в указанном положении известно и некоторым северновеликорусским говорам, предударный вокализм которых представляет собой одну из стадий перехода от оканья к аканью. В одних говорах такого типа неразличение „о" и „а" наступает перед

[71] Впрочем, написания „таго", „каго" могли возникнуть и под влиянием церковнокнижного окончания *-аго*, а в случаи „самаму" можно квалифицировать как описку.

[72] Правда, в современных окающих говорах слова с корнем *-да-*, а также *-каз-* (*давать*, *сказать*) произносятся со звуком [о]. См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949 стр. 64.

слогом с гласным [а] под ударением, в других — различение „о" и „а" имеет место перед слогом со звуком [о] ударенным или по соседству с губными согласными[73]. В третьих — принцип аканья проникает прежде всего в положение перед слогом с ударенным гласным верхнего подъема: *вады*, *сталу*, но: *вода*, *воде*, *водой*[74]. В четвертых — аканье распространяется на положение перед ударенным слогом с гласным нижнего или верхнего подъема при сохранении оканья перед слогом с гласными среднего подъема: *вада*, *вады*, *сталу*, но: *воде*, *водой*, *столом*[75]. В том, что предударный вокализм писца не был переходным от оканья к аканью, а был акающим в узком смысле этого слова, не может быть сомнений, так как в противном случае в памятнике не было бы написаний типа: *вастока*, *втарою*, *даволное*, *табою* и т. п. или типа: *обнавление*, *калѣну*, *по маемь* и т. п.

Диалектология знает два типа аканья в узком значении этого термина: недиссимилятивное и диссимилятивное. При первом типе фонемы [о] и [а] реализуются в одном варианте — звуке типа [а], независимо от того, какой гласный находится в слоге под ударением. Отражением этого типа аканья на письме может быть взаимная мена букв *а* и *о*, не зависящая от того, буква какого гласного находится в ударенном слоге. Написания с буквой *а* вместо *о* при этом рассматриваются как написания, соответствующие произношению, а случаи с буквой *о* вместо *а*, как написания, не соответствующие произношению, но косвенно указывающее на аканье. При втором типе аканья — диссимилятивном — фонемы [о] и [а] совпадают не в одном варианте, а в двух, причем качество варианта зависит от гласного в слоге под ударением. Диссимилятивное аканье известно современной диалектологии двух типов: один — параллельный жиздринскому типу аканья, при котором в первом предударном слоге произносится не-[а], если под ударением находится [а], другой — параллельный обоянскому яканью, при котором не-[а] произносится в том случае, если в ударенном слоге находятся [а], [о] исторически под нисходящим ударением или из „ъ" и [е] в том числе и из „ь"[76].

Качество звука не-[а] различно: это либо звуки типа [ы] ([ъ^{и}], [ы^{ъ}]), [е] ([е^{ъ}], [ъ^{е}]), либо звуки с заметной лабиализацией типа [о] ([ъ^{о}], [о^{ъ}]), [у] ([ъ^{у}]), либо звуки пониженно среднего образования [а^{ъ}], [ъ^{а}][77].

Однако звук не-[а] по своему звучанию очень не определенен и не совпадает по звучанию со звуками [ы], [у], [е], [о]. Видимо, поэтому памятники ни русского языка, ни белорусского, для северовосточных говоров которого характерна диссимиляция гласных в первом предударном слоге, не знают написаний типа *выда*, *трыва*, *стылом*, *дылеко*, *кынец* и т. п. (равно как и с буквами *е* и *у*) и тем самым не отражают диссимилятивного аканья.

Орфография исследуемой рукописи также не знает случаев замены букв *о* и *а* буквами *е* и *у*. Употребление же буквы *ы* вместо *о* ограничено лишь одним написанием: обыше (д) ши (х) 85 об., примером, не

---

[73] Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектической карты русского языка в Европе. М., 1915, стр. 47.

[74] Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. ВЯ, 1952, № 6, стр. 35.

[75] А. П. Евгеньева. Третья диалектологическая экспедиция филологического факультета. „Докл. и сообщ. филолог. ф-та ЛГУ", вып. 1, 1949, стр. 213—214.

[76] См. Т. Ю. Строганова. Одна из особенностей южнорусского вокализма. ВЯ, 1955, № 4, стр. 94 — 103. — Т. Ю. Строганова полагает, что в пределах южновеликорусских говоров должны существовать говоры с соответствием предударного вокализма после твердых и мягких согласных и при других типах аканья, а не только при диссимилятивном яканьи жиздринского и обоянского типов.

[77] См. названную статью Т. Ю. Строгановой, стр. 96.

показательным в фонетическом отношении. Замена здесь допущена в приставке *обо-*, являющейся вариантом приставки *об-* и находящейся перед корнем *-шед-*, который совпадает по значению с корнем *-ид-*. Поэтому есть основания полагать, что буква *ы*, не отражая диссимиляции гласных, употреблена здесь в результате ассоциации с глаголом, например: *обыдоша*, где [и] после твердого согласного заменялся звуком [ы].

Таким образом, употребление букв на месте „о" и „а" в исследуемой рукописи, так же как и в любом другом памятнике русского и белорусского языков, рассматриваемое само по себе, не позволяет заключить, было ли аканье писца диссимилятивным или недиссимилятивным. Ответ на этот вопрос может иногда дать рассмотрение употребления букв в соответствии с гласными неверхнего подъема после мягких согласных, так как некоторые типы предударного вокализма после мягких согласных, в частности еканье, не совместимо с диссимилятивным аканьем.

2. Употребление букв на месте гласных неверхнего подъема после парных мягких согласных и йот

На месте этимологических „'а", „е", „ѣ" в положении после букв, обозначающих мягкие парные согласные и [j] наряду с правильным употреблением букв гласных звуков наблюдаются многочисленные случаи мены букв *ѧ*, *е*, *ѣ*. Предварительное рассмотрение материала показало, что мена выражается в предпочтительной замене букв *ѧ*, *ѣ* буквой *е* и что характер замены не определяется ни качеством последующего согласного, ни тем, какой гласный находится в слоге под ударением. Поэтому в дальнейшем при приведении материала не выделяются особо положения перед твердыми согласными и перед мягкими, равно как положения перед слогом с определенными гласными под ударением. В силу особой сложности определения типа предударного вокализма после мягких согласных по памятнику письменности при рассмотрении приводится весь материал, без каких бы то ни было исключений, в том числе случаи с заменой букв в заимствованных словах и случаи, похожие на описку.

Для удобства и большей наглядности выводов о вокализме первого предударного слога после мягких согласных анализ употребления букв начинается с рассмотрения того, какие буквы употребляются в соответствии со старым „ѣ".

а. Употребление букв в соответствии с „ѣ"

Так же как и в орфографии московских грамот XVI—XVII вв.[78], наряду с этимологически правильным употреблением буквы *ѣ* наблюдается частая замена *ѣ* буквой *е*. Буква *е* вместо *ѣ* употреблена в следующих случаях.

1) В корнях: бегуне 226, 227, 228, прибегаеши 545, прибегае(м) 693 об., прибегоха(м) 696 об., прибегоше 589, прибегоша 578, прибегающи(м) 666 об., W(т)бегоша 219 об., 220, 499, бежати 59, 349, бежи(т) 400, бѣ6, бежаше 557, 179, бежа(в) 286 об., бежи 419, 227, 623 об., бежите 578 об., 686, и(з)бежати 414 об., 419 об., и(з)бежю 321, забежю 689 об., убежати 71, 165 об. + еще 30 раз в данном корне; беда 54 об., 223, 390, 549, беду 199, 273, 241, в беда(х) 189 об., 171, 492, бедами

[78] См. Л. Васильев. К истории звука ѣ в московском говоре XIV—XVII вв., стр. 177—227.

34 об., 661, бедѣ 54 об., 84, 241, 242, 243 об. + еще 21 раз в данном корне;

беди(м) 376 об., 555 об., победити 419 об., 260 об., 530, 696 об., победить 83, 197, 557, 560, победи 491 об., 343 об., 618 об., 17, победиши 292, 723 об., победи(л) 37, 10 + еще 55 раз в этом корне;

белы ризы 232 об., 289, на бело озеро 417 об., на белое езеро 418, на белѣ езере 317 об., убелю 492 об., убелиши 495 об., убелени 406 об., убеле(н)на 146, белевьскии 426 об., бельце(м) 741 об., бе(л)мо 442; бесо(в) 483 об., 487, 491 об., 211 об., бесо(м) 231 об., 623 об., бесуете 335, беснующеи(с) 501 об., бесовьскаѧ 326 об., 546, бесовьски 535 об., бесовьска(г) 516 об., бесовьски(м) 538 об., бешение 441, бесѧсѧ 333 + + еще 11 раз в данном корне;

во(з)веста 684, возвестити 181, 253 об., 508, 539 об., 500, 597, во(з)вестиши 451 об., во(з)вести(м) 508, возвести 127, 224, 431 об., 432, во(з)вестиша 65, 153, 206 об., во(з)вещае(т) 185, 425, 438, во(з)вещаѧ 490 об., 591 об., и(з)вестити 725 об., и(з)вестить 120, 220, и(з)вестите 576, и(з)вещати 194 об., и(з)вещениѧ 192, 497 об., прово(з)вести 121, 123 об., провещаниѧ 466, провещати 458, ѡ(т)вещати 406, ѡ(т)вещаеши 228, увеща 735 об., увещание 229 об., + еще 86 раз в данном корне;

неисповедимую 31 об., испове(ди)ма 25, неисповедимой 50, неисповедимое 51 об.; венець 38 об., 136 об., 206, 315, веньча 41, 129 об., 315 об., 333 об., 577, веньце(м) 216 об., 491 об., 502 об., 632 об., 732, веньци 11 об., 314, 640, 716 об., веньце(в) 32, веньцема 325, веньчаю 684, веньчае(т)сѧ 747 об., венчаи(м) 1, 137, венча(н) 44 об., 732 + еще 51 раз в данном корне; уверение 83, 112, 585 об., 624 об., на уверениѧ 318, не увериле(т) 558, уверяю 74 об.;

гне(з)да 567, гне(з)дѧсѧ 622 об.; ѡ(т) гневлива 48; греха 335 об., 404 об., греху 195, 522, грехо(в) 246, 585, греховны(и) 469, греховну 63 об., погрешити 521, 531, погреши(х) 524 об., погрешима 721 об., погреши 578 об., во гресѣ 519, 745 об., грехи 5, 23, 37 об., 253 + еще 30 раз в данном корне;

делениѧ 84, ра(з)делити 294 об., ра(з)дели(т) 723 об., раздели(т) 722 об., ра(з)делими 249, раздели(с) 177, 191, 306, 718, ра(з)делѧше(с) 312 об., ра(з)делени 312 об., ра(з)делима 548, ра(з)деляѧ 528 об., разделение 138, 155, ѡ(т)делиша(с) 481 об.; детеи 122, 171 об., 268, 472, 511, 739 об., 746 об., детьми 386 об., 556 об.; девица 287, 334 об., девици 142, 692 об., девицу 336 об., 500 об., 623 об., девице 622 об.; деѧние 407 об., 697 об., деѧнии 406 об., в деѧнии 501 об., чародеѧние 180 об., любодеѧниѧ 326 об.; содеваета 582;

звездою 135; зело 9 об., 25, 72, 219, 301, 327, 411, 536 + еще 187 раз; звереи 395 об., звери(н) 241;

колебати 21; крепити 168 об., крепи(т)сѧ 164 об., крепь‖чаише 87, креписѧ 342, 342 об., 593, 729 об., по(д)крепление 390 об., укрепити 523, 535, укрепляеши 405, укрпляе(м) 537 об., укрепляю(т)сѧ 74 об., укрепи(л) 654 об., укрепи(в) 532, укрепляѧ 506 об., укреписѧ 82, укрепитесѧ 261 об., 316 об., 314 об., укрепление 501 + еще 28 раз в данном корне;

излегоша 240; прилепитасѧ 157 об., прилепита(с) 157, прилепляхусѧ 597, прилепляше(с) 324; ленива(г) 519 об., не лени(с) 700 об., 228 об., лени(м)сѧ 404 об., лени(т)сѧ 241 об., не ѡблениті(с) 382, ѡблени(м)сѧ 470 об., 488, не ѡблените(с) 298, ѡблени(в)шусѧ 537, не ѡблени(с) 652;

вместити 667 об., 668, вмести 119, 148, вместила 114 об., вмести(в)шую 136, вмести(в)ше 114 об., вместима 114 об., невместима(г) 77 об., 73 об., 728 об., вмещающе 137, 295 об., вмещение 144, вместилище 728, 107, 160, бговместимаѧ 78; вметати 676, вметаше 676; вменить 480, 633, вменяше 113 об., 475, вме‖ни(в) 65, 384 об., 505, 591 об.,

вмени(х) 357, вменѧѧ 472, вменѧе(м) 504 об., и(з)менение 147, измени 129 об., 226 об., 328, и(з)мени(в) 509, изменении 220 об., пременение 725 об., 391 об., применениѧ 392 об., пременение(м) 300, 394, 128, премени(с) 393, премени(т)сѧ 191 об., 437, + еще 23 раза в данном корне; смеси 189, 450 об., смесиша(с) 447 об., смеси(в) 294, смесиша(с) 447 об., смешение 106 об., 43, смешае(т)сѧ 249 об., смеше(н) 630, примеси(х)сѧ 658, 657, примесисѧ 159;

не ѡбещалисѧ 632, ѡбеща(в)шѧ(с) 714;

певаемое 301 об., воспевати 541, воспеваю 113 об., 134 об., воспевае(м) 301, певець 125; посетити 449, 467 об., посети(т) 535 об., посети 476 об.;

река 31, 177, 264 об., 287, 750, рекы 33, 266, 561 об., реку 32 об., 50 об., 177, 499 об., 560, 561, рекою 205 об., 709 об., река(х) 559, реки 33 об., 285 об., 453, 750 + еще 59 раз в этом корне;

светло 490, светилни(к) 189, 471 об., 463 об., 340 об., светилника 206 об., 221, 354 об., 401 об., светлѣе 60, светлѣишии 466, 690 об., просветитель 262, просветителю 315, просветити 270 об., 248, просвети 60 об., 175 об., 407, просветиши 39, 117, 118 об., 127 об., просветише(с) 271, просвети(л) 716, просветивше(г) 20 об., светѧщу 164 об., 702, свеща 386 об., 48, свещи 383, свещу 164, 333, свещами 633 об., 677 об., свещение 652 об., + еще 72 раза в корне-свѣт- | -свѣщ-; сени(в) 496 об., сенѧше 132 об., сенѧюще 181, сенѧю(т) сѧ 125, сенение 128 об., сенение(м) 500; во(з)смеѧсѧ 215, посмеѧ(с) 508, смеюще(с) 672 об.; слепы(и) 584 об., слепа(г) 442, слепа 389, 429, 484, слепое 217, слепыѧ 208 об., 322, 122 об., 579, слепы(х) 490 об., 164 об., слепы(м) 319 об., 383 об., слепоту[79] 453, ѡслеплении 586. ѡслепление(м) 720 об. + еще 25 раз в данном корне; стены 59 об., 401 об., 481 об., 498, стеною 418 об. стена(м) 59, 62 об., 486, стена(х) 59 об., стенѣ 59 об., 187, 346 + еще 27 раз; седи(н) 451, 562 об.; стретае(т) 382 об., 520, стретоша 172, 343 об., 575 об., стреташе 506 об.; по(д)стрекаѧ 11; стенати 294 об.; спешитї 366, поспешение(м) 371, 374, 538 об., 725, преспеваѧюще 396, 411, поспешение 265, 413 об., поспешителю 576, преспеваше 231 об.; стрелѧще 289 об., стрелѧюще 421, стрелами 309 об.;

еда(т) 272, едѧще 118, 175, едо(х) 535, снедаю(т) 518, поедаѧ 621, едѧху 268 об., снедение 165 об., 458 об.

2) В суффиксах: повелеваю 585 об., 216, повелеваеши 543, 622, повелевае(т) 528, 415 об., 185, 506 об. + еще 7 раз, повелевае(м) 299 об., повеленаше 413 об., 308 об., 353, 434, повелевающа 430 об., повелеваѧ 521 об., 594, 490 об., повелевающе 303, 385 об., 433, повелевающу 545 об., повелевающа 359 об., повелевающеѧ 311, повелевание(м) 310 об.; разумеваеши 245, не(до)умевающе(с) 292, не(до)умевахусѧ 435, недаумевающу 397 об.; терпели(в) 465 об., те(р)пеливое 475.

Необходимо отметить, что написаний с буквой *е* вместо *ѣ* в два с лишним раза больше, чем случаев этимологически правильного написания тех же морфем.

Буква *ѣ* употреблена вместо *е* в слове дѣѧволу 692 об. Остальные случаи замены буквы *е* буквой *ѣ* фонетически не показательны. Употребление буквы *ѣ* в отрицании: нѣ дасть 9, нѣ ѡной 72 об. могло быть вызвано аналогией с отрицанием нѣсть, написание пре(э)рѣ(л) ѣ|си 705 об. можно квалифицировать как описку.

Употребление буквы *и* вместо *ѣ* ограничено одним случаем во(з)виша 688.

Итак, орфография памятника свидетельствует о том, что в первом

[79] Ударенным был, вероятно, второй слог, ср. *слепотаю* 452 об., творительный падеж единственное число.

предударном слоге старый „ѣ" и „е" не различались и совпали в одном звуке. Предпочтительное же употребление буквы *е* во всех положениях: как перед буквами твердых согласных, так и мягких и независимо от того, какой гласный обозначала буква в слоге под ударением, позволяет считать, что этим звуком был [е].

б. Употребление букв на месте этимологических „'а" и „е"

Отклонения от традиционного употребления букв на месте „'а" выражается по преимуществу в употреблении буквы *е* вместо ѧ. Так буква *е* вместо ѧ написана в следующих случаях:

бредаѧ;

уведае(т) 610, не уведаемы(и) 574; взета 543; завеза(в) 441, навеза(ти) 218, навезание 184 об., 195, привезати 331 об., 352, 637 об., 679 об., 702, привеза(в)ше 319 об., 701 об., привеза(л) 18 об., привезаста 692 об., привезаше 638 об., 634, привезаше 441 об., привезасѧ 129 об., привезахуть(с) 688 об., свеза 44 об., 254 об., 280 об., 395, 441 об., 536 об., не свезасѧ 6 об. 194 об. свеза(в) 12 об., 15, 560, 697, не свезаше 238 об., свеза(в)шую 111, свезаниѧ 50 об., свеза(в)шу 665, свезание 280 об. свезаста 213 об., свезанъ 284, свезати 130 об., 245, 556 об., 697 об., ѡбезати 344 об., ѡбеза(в) 255;

гредуща 58, 485 об., во гредущеѧ 337 об., гредыше 272 об., 660, 634 об., гредѧху 171, греде(т) 63 об.;

кленуть 743 об., кленусѧ 184 об., прокленуть 36; треклетаѧ[80] ѡна жена 538 об.; кне(ж)ниѧ 165, 166, 570, по кне(ж)ние(м) 569, по кне(ж)ниѧ(м) 568 об., на кне(ж)ньи 731;

помепути 600 об., помену(в) 9, 12, воспомену(в) 494, 692 об., воспоменуша 457, помене(м) 478, помене(т)сѧ 42 об., воспомени 52; поесы 557 об., поеса вин. п. мн. ч. 557 об.; сопреза(х)сѧ 617, по(д) петами 673 об.; плеса 194 об., 197, плесание 55 об., 195 об., на плесании 195 об., плесаньѧ 407 об.; прозебати 108 об.;

ѡ(т)режа[е(т) 731 об.;

ѡсезаше 281 об., ѡсеза 123 об., 453, ѡсеза(в) 394, ѡсезаема 74, ѡсеза(в)ше 457, ѡсезанѣи 293 об.; досегающе 651 об.; стежати 140 об., стежа 24, 124, 166, 392 об., 416, 428 об., 541, 690 об., стежа(х) 76, 422, 471, стежа(л) 592 об., 737 об., стежаще 340 об., стежасте 579 об., стежахо(м) 371 об., стежавы(и) ед. ч. 128 об., стежание 287 об., 306 об., 421, 593 об., 683, стежанияѧ 290 об., 443 об., стежание(м) 219 об., притежание 23, ѡ(т) нестежания 516, притежа 734 об., стежа(в)ше 139, 387, стежа(в)ши(и) 377, состезатисѧ 82, їстезание 80 об., 81 об., їстезанияѧ 314, їстезаи 536 об., їстезуе(т) 660 об., їстезуѧ 512 об., їстезавше 200; свещеньству 416, свеще(н)ныѧ 78 об.;

потресесѧ 180 об. потресе(т)сѧ 273 об., землѧ тресаше(с) 39, 46, 132 об., тресение 221 об., ѡ(т)тресете 412 об.[81]; те(х)чаишеѧ 538 об., ѡ(т)е(х)чение(м) 133 об., те(ж)чаїше 357;

уе(з)вліше 309 об.; евлиесѧ 496 об., евлеї ми сѧ 330 об. евле(н)на 304 об., евлѧють(с) 54, еви ми члка 119 об., 564 евѧ(т) 278, 622 на еѣ 485, 488, евлеть 527, евлѣеми 511 об., 544, евлѧе(т)сѧ 128 об., 265, 286, 467 об., 527, 528 об., 540, евлиа 534, 714, евлиесѧ 513, 542, евленѣе(м) 109, 435 об., 487, 583 об., евлѣти(с) 515, евлѣти 526 об., 532 об., евлише(с) 114, 183, 267, 365 об., 480 об., 534, 547, 549 об., евлѣхуся 313 об., 546, еѣвлѣеши 15, евлѣе(т) 12 об., 69, 109, 339 об., 364 об., 440 об., 653, евлюше(с) 130 об., 750, евѧ(т)сѧ 21, 521, и(з)ев-

[80] Ударение, видимо, было на окончании.
[81] Описка: писец написал лишнюю букву *т*.

ѧіе(т) 115 об., пре(д)евлѣемы(и) 131, пре(д)евлѣа 71, проевлѣа 480, а также в заимствованных словах: ерлы(к) 742 об., ноебрѧ 2, 325 об., 447, 634 об., 680, ное(м)бриа 452 об., ное(м)врия 680, 681 об., ѡ(х)тебрѧ 729 об., се(н)тебрѧ.

В слове ѡбѣзание (=обвязание) 525 об., вместо ѧ употреблена буква *ѣ*.

В двух случаях: по(д)в(и)‖за(л)сѧ 46 об., трису(т) 628, — вместо буквы ѧ написана буква *и*.

В соответствии с этимологическим „е" в первом предударном слоге чаще всего стоит буква *е*. Однако в том же положении писец иногда употребляет букву ѧ. Замена буквы *е* буквой ѧ отмечена 160 раз, но она наблюдается в лексически и грамматически ограниченном круге случаев: 150 из них являются формами родительного и дательного падежей личного местоимения 3 лица ед. числа: ѧго 17 об., 112, 185, 256, 285, 322 об., 354 об., 401 и др., ѧво 5, 63, 189, 457, 418 и др., ѧму 61, 62, 221, 256 об., 335 об., 349 об. и др. В эти 160 случаев входят также написания ѡблѧ(г)чи 552 об., просѧзи(х)сѧ 18, ѧ(ди)нъ 616, ѧди(н) 340, не ѧдиною 447, 515 об., не ѧдиному 418 об., не ѧдиного 651, замена буквы *е* буквой ѧ в книжном слове ѧпархъ 216 и такие фонетически не показательные написания, как: преимѧни(т) 706, зе‖млѧдѣлца 47, где буква ѧ могла появиться под влиянием *имя* и *земля*.

В следующих случаях вместо буквы ѧ употреблена буква *и*: іди(н) 185, 559, стичю(т)сѧ 720 об., во(с)колибаше(с) 171, во(з)весіли(м)сѧ 236 об., іго 20, ни дышуше 165 об., ни сѣ‖туите 44, трищи 170 об., илика 730. Правда, отрицание *не* писец мог спутать с отрицанием *ни*, а последние два примера можно квалифицировать как описку.

Случай употребления буквы *ѣ* вместо *е* был приведен выше.

Данный материал свидетельствует о том, что гласные „'а", „е" и „ѐ" в первом предударном слоге в произношении писца не различались.

Попытка лингвистически интерпретировать встречающиеся в памятнике случаи замены буквы ѧ буквой *е* и буквы *е* буквой ѧ была сделана еще Е. Ф. Карским в его труде „Белоруссы". Правда, в названной работе нет специального анализа орфографии Сборника 1540 года. Отдельные написания, извлеченные из исследуемого нами памятника, вместе с примерами из других рукописей (и те и другие без исследования их в системе орфографии каждого из цитируемых памятников), проводились Е. Ф. Карским изолированно, вне связи друг с другом, что привело к неверным выводам. Так, все случаи замены буквы ѧ буквой *е* на месте „'а" (без учета положения этого „'а" в слове) рассматриваются Е. Ф. Карским как написания, соответствующие произношению и иллюстрирующие, по его мнению, „изменение звука *а* в звук *е* в белорусском языке". Например: свезасѧ 6 об., гредуща 68, ноебрѧ 325 об., ѡ(т)чеѧние 36 об., кнезѧ 168 об., поеса 330, паметь 135 об. и др.[82] С другой стороны, написания ѧво 5, 749, ѡво 85, ѧму 56 об., 61 об., 167 об., землѧдѣлца 47, ежа 164, чадо моѧ любовнаѧ 47, дмитриеѧвича 165[83] — с заменой буквы *е* буквой ѧ рассматриваются им также, как написания, соответствующие произношению и иллюстрирующие „переход *е* безударного в *а* с предыдущей мягкостью согласного в белорусском наречии"[83]. Таким образом, оказывается, что случаи со взаимной меной букв *е* и ѧ в Сборнике 1540 г. отражают, по Е. Ф. Карскому, разные явления, что в говоре, отразившемся в памятнике, в одном и том же безударном слоге, в одних и тех же условиях на месте звука „е" произносится звук ['а], а на месте „'а" произносится звук [е]. Но таких

[82] Е. Ф. Карский. Указ. соч., т. II, вып. 1, стр. 98—99.
[83] Там же, стр. 202—204.

говоров современная диалектология не знает. Поэтому с выводом Е. Ф. Карского трудно согласиться, как вообще трудно принять метод цитирования памятников (без учета общего „орфографического контекста" каждого памятника в отдельности), которого придерживался автор „Белоруссов".

Судить о том, в каком звуке совпали гласные неверхнего подъема после мягких согласных в языке писца и был ли этот звук единственным для всех положений, трудно. Тем не менее, пожалуй, есть основания полагать, что вариантом для „'а", „е", „ě" в первом предударном слоге был звук [е].

Высказанное предположение основывается на следующем. Во-первых, вместо ѧ (ꙗ) довольно часто пишется буква *е*, а слова с этимологическим „е" в первом предударном слоге по преимуществу пишутся в соответствии с традицией, с буквой *е*. Во-вторых, фонетически показательные случаи замены буквы *е* буквой ѧ не многочисленны и ограничены лексически и грамматически. В-третьих, в памятнике отсутствуют случаи употребления буквы ѧ вместо ѣ, тогда как при любом типе яканья звук [а] в первом предударном слоге произносится не только на месте „'а", „е", но и на месте „ě". Наконец, в рукописи имеется случай употребления буквы ѣ вместо ѧ (wбѣзание), а на месте этимологического „ě" в первом предударном слоге, как уже отмечалось выше, писец произносил звук [е]. Все это вместе взятое, пожалуй, дает больше оснований говорить о совпадении всех гласных неверхнего подъема после мягких согласных в первом предударном слоге в звуке [е]. Если это так, то все написания с буквой *е* на месте „е", „'а" и „ě" в первом предударном слоге следует считать отражающими произношение, а написания с буквой ѧ вместо *е*, кроме местоименных форм, являющимися косвенным указанием на неразличение этимологических „'а" и „е". В написаниях же „ѧго", „ѧму", „ѧво", собственно дающих повод подозревать яканье, можно видеть написания также соответствующие произношению. Последнее может не противоречить предположению об еканье, так как местоимения в своем звуковом оформлении нередко отклоняются от системы вокализма говора[84].

в. Употребление букв в соответствии с гласными неверхнего подъема после шипящих и [ц]

И в этом положении мена букв по преимуществу выражается в замене букв ѣ и *а* (ꙗ, ѧ) буквой *е*.

Так буква *е* вместо ѣ употреблена в следующих случаях: цена 265, цены 43, ра(з)цеплѧ 249 об., целуе(т) 346, целую 188 об., целующе 348, целуите 279 об., целба 484 об., цельбы 456 об., 500 об., 587 об., 595 об., 624 об., целбу 593, 587, целба(м) 497, 500 об., целебна(г) 596, исцелити 267 об., 275, 310 об., 393 об., 395, 699 об. + еще 3 раза, исцели(т) 274, 267 об., 584, исцелѧеши 587, исцелѧше 10, 318, 8, исцели 390, 395, 305, 318 об., 700 об., 726 об., 264, и(з)целиша 444 об., исцели(в) 112 об., исцели пов. накл. 699, исцелѧюще 582, целѧщи(м)сѧ дат. п. мн. ч. 174, и(з)целевѧ 368 об., неи(з)це(л)ны 275, исцелена 305 об., целита 319 об., целителна 344, род. п., исцеление 355, 161, 146 об., 580, 573 об., 444 об.,

---

[84] Отклонения эти наблюдаются в ю.-в.-р. говорах, но известны также и ср.-в.-р. с сканьем. В качестве примера можно сослаться на екающий говор д. Маланьинской Кривандинского р-на Московской обл. и д. Мэкрой Курловского р-на Владимирской обл. См. карту п. п. 8 (№ 288 и 318) и комментарии к ней в „Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" (М., 1957).

435 об., 402, 386 об., 390 об. + еще 10 раз, исцелениѧ род. п. 63, 5, 405 об., 393 об., 368 об., 717 об., исцелении 254, исцелении род. п. мн. ч. 148 об.

В некоторых случаях буква *е* употреблена вместо буквы *а* (ѧ, ꙗ). Например (после букв отвердевшего шипящего): не ужесаю(с) 77 об., ужесающи(м)сѧ 508, ужесаше(с) 270 об., 348, 680, ни ужесаисѧ 179 об., ужеса(в)шисѧ 180, ужесае(т) 76 об., 81 об., ужесаютсѧ 148, ужесахусѧ 134, не уже‖саюсѧ 82, ужесо(х)сѧ 14 об., ужесе‖сѧ 324 об., 652 об.; шете(р) 571 об., в ше‖те(р) 572 об., и(з) шетра 573, коло шетра 572, к шетру 572 об., шетры 577 об., шетро(в) 572, шета‖ние 87, 580, 692, шеташе(с) 628 об., шетающесѧ 294 об.; после буквы мягкого шипящего: зачела 81, 660, причещание 7, причещение 520 об., причещениѧ 539, причещаше(с) 514, причеща(с) 517, 541, причеща(х)сѧ 566, шедѧще(с) 120 об.

Употребление буквы *а* вместо *ѣ* и *е* ограничено всего лишь четырьмя случаями: и(з)цаленїе 389 об. (*а* вместо *ѣ*), чалѣ 161 об., ѡчаса 184 об., печанѣгъ 577 об.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что употребление букв на месте гласных неверхнего подъема после мягких и отвердевших шипящих представляет собой примерно ту же картину, что и употребление букв на месте этих гласных после парных мягких согласных и йота.

Из этого следует, что отвердевшие уже в говоре [ж], [ш], [ц] продолжали выступать по отношению к гласным как мягкие согласные. А это обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует о том, что система вокализма первого предударного слога после мягких согласных в том виде, как она есть в языке писавшего, сложилась до отвердения шипящих.

Разница в употреблении букѣ на месте этимологических „е", „ѣ", „'а" после парных мягких согласных и шипящих заключается в меньшем количестве отклонений от традиционной орфографии в последнем положении (что может быть объяснено сравнительно небольшим количеством слов с гласными неверхнего подъема после шипящих и [ц] в корневой морфеме в русском языке) и в наличии случаев замены буквы *ѣ* буквой *а*. Но в отличие от употребления букв на месте гласных неверхнего подъема после парных мягких согласных и йота все случаи отклонения от традиционного употребления букв на месте указанных гласных после шипящих и [ц] (за исключением ѡчаса) можно рассматривать как соответствующие произношению. Это нисколько не будет противоречить предположению об екающей системе предударного вокализма после мягких согласных в говоре писца, так как произношение звука [а] на месте „е" и „ѣ" в рассматриваемом положении в отдельных словах — не редкость для современных екающих говоров[85].

Подводя итог анализу употребления букв в соответствии с гласными неверхнего подъема в первом предударном слоге, можно сказать следующее:

1) гласные неверхнего подъема в языке писца не различались, говор был акающим;

---

[85] В качестве примера можно указать на екающие говоры деревень Рыжево (пъцалу́йт), Полбино Егорьевского р-на Московской обл. (цалу́йит, пъцалу́йу, жана́тый, жалу́док, пшано́). Липовая Поляна Курловского р-на Владимирской обл. (цана́, цано́й, цалу́йу, цаны́, цан'йт) — № 285, 291, 323, в Архиве Атласа русских народных говоров к востоку от Москвы, хранящемся в Ин-те русского языка АН СССР, или д. Наследничье Касимовского уезда Рязанской губ. (цалую́, цалко́вай, учара́сь, почарпну́ть) — „Труды Московской Диалектологической комиссии", вып. 8. М., 1919, стр. 13.

2) после мягких согласных на месте гласного неверхнего подъема произносился, вероятнее всего, звук [е], т. е. вокализм после мягких согласных характеризовался еканьем, в отдельных случаях, а именно в личном местоимении 3 лица ед. числа (его, ему), а также в отдельных словах на месте „е" и „ѣ" после шипящих и [ц] произносился звук [а];

3) в виду того, что в народных (крестьянских) говорах при диссимилятивном аканьи известны лишь различные типы яканья[86], отсутствие указаний на диссимиляцию гласных неверхнего подъема после твердых согласных в первом предударном слоге в сочетании с отражением орфографией екающего произношения свидетельствует о том, что аканье у писца было недиссимилятивное;

4) отвердевшие согласные [ж], [ш], [ц] по отношению к гласным продолжали выступать как мягкие согласные;

5) предударный вокализм говора после мягких согласных в том виде, как он отразился в орфографии писца, сложился до отвердения в нем [ж], [ш], [ц].

§ 2. ЯВЛЕНИЯ НА МЕСТЕ ГЛАСНЫХ НЕВЕРХНЕГО ПОДЪЕМА В ОСТАЛЬНЫХ ПРЕДУДАРНЫХ СЛОГАХ

В остальных предударных слогах, как и в первом предударном слоге, также имеются случаи взаимной мены букв *о* и *а* после букв, обозначающих парные твердые согласные и задненебные.

Буква *а* вместо *о* имеет место в корнях, предлогах и приставках. Например: поваева 167, гатовлѧше 287, даброро(ди)ѧ 570, дабротворение(м) 36 об., даброво(л)на 563 об., дабродѣтель 316, 373 об., 378 об., 410 об., дамочадець 562, 563, дастовѣрными 181 об., дастовѣрно 726, дасо(ди)телнаю 412, дастоѧние 720 об., 75 об., 407 об., калесница 553 об., непокалебима 407 об., ѡблабызаю 622, нега(до)вати 420; ѡ(т)раковица 672 об., 624, 622, попа(л)зновенїѧ 503 об., прастото'ю 532 об., пакоѧниѧ 481, паловиною 487, саборава(в)ше 708 об., скаврады 582 об., на скаврадѣ 552 об., ска(р)лупа 63 об., старожа 741 об., савокупленїе 87, 114 об., сахранити 648, сахрани(л) 46 об., 694, сахрани 46 об., тваего 732 об., та(р)жество 405, ва ѡбои(х) 124, да свое(г) 375 об., да великои 722 об., да пришестиѧ 699 об., да сысоѧ велика(г) 710 об., да колѣна 279 об., да послѣднего 53 об., 517 об., да полуноши 556, ка игумену 184, ка ц҃рю 247 об., патаму 741 об., са пр(о)ркы 193, а своеи 453, давести 387, даскончаю 653 об., по па‖велѣнию 163, 392 об., 445, паучение 117, правож(д)ение 169 об., прасловлѧюще 368[87], сабла(з)нивше 671, саблюду 82 об., саблюденїи 360, саде(р)жима 282 об., сакруши(с) 172, састовлениѧ 476 об. и еще в 112 случаях.

Буква *о* вместо *а* употреблена в случаях: на кокаво 741, накозаваше 359 об., на зокаление 623 об.

В абсолютном начале слова также отмечены случаи замены буквы *о* буквой *а*: абличи‖телю 235 об., абьстоѧху 144 об., абрѣтенїи 753, абьхождению 67, аграблениѧ 24, агароды 741 об., 744 об., 745 об., агарода(м) дат. п. 745 об., адолѣти 347 об., асу(ди)ти 228, аснованиѧ 131, атрачатеви 83, атро‖кавице 622 об., 623 об., атлучениѧ 7 об., ачеса 122 об., акиѧна род. п. 479.

Случаев замены буквы *о* или *а* в абсолютном начале слова буквами *у* или *и* в памятнике нет.

[86] Только лишь в мещанских говорах некоторых южнорусских городов у лиц, усваивающих литературное произношение, можно наблюдать в настоящее время сочетание диссимилятивного яканья с еканьем. Но предполагать такие отношения между говорами и литературным языком для времени писца было бы более, чем натяжка.

[87] Здесь и в предыдущем слове можно допустить и аналогию с приставкой *пра-*.

Итак, отступления от традиционного употребления букв в соответствии с „о" и „а", во втором, третьем предударном слогах выражаются, как и в первом предударном слоге, во взаимной мене букв *о* и *а*. Однако из этого еще не следует, что в данном положении на месте гласных неверхнего подъема произносился тот же звук, что и в первом предударном. Такое предположение противоречило бы данным современного русского языка в его говорах. В большинстве русских акающих говоров и в современном русском литературном языке на месте „о" и „а" после твердых согласных во втором, третьем и других предударных слогах произносится нелабиализованный звук среднего ряда среднего подъема, обозначаемый в транскрипции буквой ъ. Этот же звук в данном положении вероятнее всего произносил и писец исследуемой рукописи. Исключение, видимо, представляло положение абсолютного начала слова, где в современном русском языке на месте гласных неверхнего подъема произносятся более полновесные звуки. В этом положении писец, вероятно, произносил звук [а].

После мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема в говоре писца, по всей вероятности, произносился звук, колеблющийся в своем качестве между [е] и [и]. Это предположение основывается на том, что отступления от традиционного употребления букв в соответствии с гласными неверхнего подъема в данном положении выразились в отдельных случаях замены буквы ѧ (и) буквой *е* и в единичных написаниях с буквой *и* вместо традиционной *е*. Приведем материал:

Буква *е* вместо ѧ (и): вечеслава 571 об., месапусты 67, плесавица 194 (2 раза), 193 об., ре(до)ваѧ 64 об., чередѣѧние 289 об., чередѣѧниѧ 594 об., ѡчерава 224, ѡчероваете 243, 237 об., ѡчерева(л)[88] 252 об., езы‖ки 672, едовиты(х) 53, ерослa(в) 568 об., 575, 576, 577 об., 578, 578 об., 579, 581 об., ерослава 568 об., 575, е‖раславль 439 об., ерославѧ 500 об., а также в заимствованном слове *ярлык*: ерлыку 746, ерлыки 741, 745 об., 747, е(р)лы‖ци 746 об., ерлыко(в) 741 об.

Буква *и* вместо *е*: симїѡ(н) 364 об., симиѡ(н)на 373.

Слов с этимологическим „ѣ" во втором, третьем предударном слоге, за исключением слов типа „древеса", „телеса" и слов со старославянской приставкой *прѣ-*, написанных, кстати, всегда с буквой *е*, в рукописи не встретилось.

§ 3. ЯВЛЕНИЯ НА МЕСТЕ ГЛАСНЫХ НЕВЕРХНЕГО ПОДЪЕМА В ЗАУДАРНЫХ СЛОГАХ

Факт неразличения гласных неверхнего подъема в предударных слогах делает бесспорным наличие этого явления для гласных в заударных слогах. В орфографии памятника неразличение гласных неверхнего подъема в конечных и неконечных заударных слогах, закрытых и открытых, выражается в многочисленных случаях взаимной мены букв *о*, *а*, *ы* после букв парных твердых согласных и задненебных. Причем преобладает замена буквы *о* буквой *а*. После букв мягких согласных и *ж*, *ш*, *ц* наблюдается мена букв е, ѧ (и), *ѣ*, *и*, основная масса случаев приходится на замену букв *ѣ* и ѧ (и) буквой е.

Судить о том, в каких именно звуках совпали они в конечном и неконечном слоге, открытом и закрытом, не представляется возможным, так как для реализации гласных неверхнего подъема в заударном положении для всех говоров, а акающих особенно, существенным является наличие или отсутствие паузы после слова. Но это условие остается неизвестным для исследующего памятник письменности. Кроме

[88] Вторая буква *е* вместо *о* — описка.

того, флексии, и отчасти суффиксы, в русском языке подвержены различным изменениям по аналогии с другими флексиями и суффиксами. Произношение известного гласного в окончании в связи с этим может явиться следствием морфологических причин. Поэтому в случаях типа мука(м) ра(з)лична(м) 39, муками ра(з)личнами 637 исследующему памятник остается неясным, что собственно скрывается за нарушением традиционного употребления буквы во флексии: является оно только отражением неразличения в произношении [а] и [ы] в заударном положении, указанием на произношение [а] вместо [ы] в данной морфеме или, наконец, опиской, вызванной графическими причинами, схожестью окончаний.

Написания типа: скудѣющею исти(н)ну 690, высоту множаѣшиею 301, множаѣшию бра(ти)ю 319, малѣишию часть 762 об., — где вместо буквы *у* употреблены *и* и *е*, пожалуй, позволяют предполагать утрату лабиализации звуком [у] и редукцию его в заударном положении.

Из явлений заударного вокализма открытого слога отметим неразличение в произношении окончаний именительного падежа прилагательных среднего и женского родов. (Окончания именительного-винительного падежа существительных среднего рода произносились так же, как и окончания женского, например: здравое ѡка 442, слова разумное 381 об., адова чрево 45, велие блюда 710 и мн. др.). Об этом свидетельствуют такие написания, как, с одной стороны: твое.... всенепорочнаѧ тѣла 247 об., чародѣѩние нѣкотораѧ 534 об., бже‖ственаѧ писание 447, мимоше(д)шаѧ дѣло 459, радостьнаѧ славословие 411, тивириѩ(д)скою море 305, бы(в)шеѧ чю(до) 388 об., 482, множаишеѧ богатество 478 об., житие настоѧщеѧ 509 и мн. др.; с другой: нѣкае снѣдь 479 об., удоль плачевнае 304 об., црковнае похвала 490 об., жаж(д)ущае дша 490.

Однако делать вывод об утрате категории среднего рода в говоре писца на основании подобных написаний еще нельзя. Случаи же употребления прилагательных и местоимений женского рода с ударенным окончанием или мужского при существительном среднего рода в исследуемом памятнике отсутствуют.

Видимо, также одинаково писец произносил окончания им.-вин. падежа ед. числа существительных жен. и ср. рода и окончание род. падежа ед. числа существительных ср. рода, так как только этой причиной можно объяснить написание буквы ѧ и *а* в окончании им.-вин. падежа ед. числа существительных ср. рода: в презрѣниѧ 667, на восприатиѧ е(г) веньца 619 об., царствиѧ мое 30, вь ср(д)да 574, во ср(д)да 612, ср(д)да твое 155 об., ѡконьца 417 об., аконьца 59 об., 65 об., 565 об., 567, слнца 317, ѩко слнца 725 и употребление буквы *е* в окончании им. п. ед. ч. сущ. ж. р.: держа‖внаѧ помощьнице 172 об., вниде ѡтроковице 98 об., 141 об., атроковице 622 об., 623 об. и в окончаниях им.-вин. п. ед. ч. сущ. ср. р. на *-мя*: в то(ж) време 457, в то време 184 об., а име сну 271 об. и род. п. ед. ч. сущ. ср. р. на *-ние*: бе(з) сомнѣнїе 323, ѡгне(м) бѣсование 607 об. Если обратиться к литературному произношению в его старомосковском варианте, то окажется, что в окончаниях им.-вин. падежа ед. числа существительных и прилагательных ср. рода, а также в окончании род. падежа ед. числа существительных ср. рода произносился звук непереднего ряда [ъ][89]. Р. И. Аванесов отмечает его в указанных формах в архаическом стиле

[89] См. Р. Кошутин. Грамматика руског езика. Пг., 1919, стр. 113—117.

современного литературного произношения[90]. О наличии в данных морфемах этого звука в московском говоре конца XVII и середины XVIII в. свидетельствует орфография „Писем и бумаг Петра I“[91] и „Записок княгини Долгорукой“[92]. В свете этих данных полагаем, что в исследуемом памятнике написания с буквой ѧ (типа: царствиѧ, аконьца, восприѧтиѧ) указывают не только на неразличение упомянутых окончаний, но и на произношение в них звука непереднего ряда [ъ].

ОРФОГРАФИЯ И КОНСОНАНТИЗМ

§ 1. О ЗВУКАХ [В] И [Ф]

Современному русскому языку в его говорах известно двоякое образование звука [в]: губно-зубное, оглушающееся в [ф] и губно-губное. Первое широко представлено в северновеликорусских говорах, литературном языке, а так же в южновеликорусских (перед гласным); второе является принадлежностью южновеликорусских, хотя известно и некоторым северновеликорусским, в частности вологодским.

В современном белорусском языке звук [в] образуется путем неплотного смыкания нижней губы с верхними передними зубами. Перед глухими согласными и в абсолютном конце слова на его месте произносится звук [ў] (у — неслоговое)[93]. Звук [ф] имеется в немногих заимствованных словах (в литературном языке), в говорах вместо него произносятся звуки [х], [хв], [п]. В памятниках белорусского языка это явление отразилось в написаниях Хведя (вм. Федя), Хому (вм. Фому) в Гродненских актах XVI в., Мичипорца, Пилипца и др. в грамоте 14ѳ6 г.[94] В написаниях: у дворѣ, у змию обратилсѧ, да не оуменитсѧ вам в безумие, оускормити и др. (библия Скорины)[95], — отразился губно-губной характер звука [в] в белорусском языке XVI в.

В исследуемом Сборнике 1540 г. буква ѳ (*ф*) употребляется в заимствованных по происхождению словах в соответствии с греческими буквами φ и υ. Например: неѳгнастъ 368 об., стеѳанъ 341 об., сонею 353 об., тимоѳѣю 384 и т. п. Замена буквы ѳ (*ф*) буквами *х*, *п* отсутствует. Из этого можно заключить, что в заимствованных по происхождению словах имелся звук [ф]. В двух случаях: витаѳъ 734 об., витаѳ(т) 735 — вместо буквы *в* писец употребил букву ѳ. Обычно дифтонг [au] литовского имени Vitautas передается через *в*. Ср. вита(в)тъ, вита(в)та, вита(в)ту 736 — в исследуемом памятнике и 37 раз (при одном с ѳ) — в Московском летописном своде XV в.[96] Обращает внимание то, что замена *в* на ѳ произошла перед буквой, обозначающей глухой согласный звук. Полагаем, что приведенные написания косвенно свидетельствуют о двух явлениях в языке писца: во-первых, что помимо звука [ф] „иностранного„ появился уже [ф] позиционный, получившийся в результате оглушения звука [в] и, во-вторых, что сам звук [в] был губно-зубным по образованию.

Фонетически показательных написаний, свидетельствовавших бы о наличии [w] в языке писца, рукопись не дает. Нельзя принять за

[90] См. Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1950 стр. 41.
[91] См. К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII—начале XVIII в. (Диссертация), стр. 79—83 и 82.
[92] Р. И. Лихтман. Из истории московского просторечия в середине XVIII в. Диссертация, 1952.
[93] Т. П. Ломтев. Белорусский язык. Изд-во МГУ, 1951, стр. 35—38.
[94] Е. Ф. Карский. Указ. соч., т. II, вып. 1, стр. 431.
[95] Там же, стр. 416.
[96] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 275.

таковые редкие случаи замены буквы *в* буквой *у* в греческих по происхождению словах, например: еоу҃имиѧ 713, 282, еуставиѧ 731 об., еу(г)лие (постоянно), так как орфография этих слов с давних пор не отличалась устойчивостью. Они пишутся то с *оу*, то с *в*. Слова эти — необходимая принадлежность евангельского текста, а так как большую часть исследуемой рукописи составляют житейные чтения, то полагаем, что в написании их могло проявиться подражание оригиналу. В русских словах замена *в* на *у* встретилась лишь в существительном *новгородец* и образованных от него прилагательных (10 раз на л. л. 447, 457 об., 713 об., 733 об., 739, 735). Написания: ѳаѡрьстеи 127, ѳаѡрьскую 130, на ѳаѡрѣ 135 об. (при: ѳоворьстеи 127, ѳоворьскую 130, ѳаворѣ, на ѳоворѣ 131 и др.) также не показательны, так как слово заимствованное и, кроме того, пропуск *в* имеет место главным образом тогда, когда для „о" писец избирает омегу. В числе лигатур, имеющихся в рукописи, встречаются такие, в которых объединены буква ѡ и *т*, *в*. Поэтому в приведенных примерах можно заподозрить еще и описку.

Итак, отсутствие фонетически показательных случаев замены буквы *в* буквой *у* и, напротив, наличие мены буквы *в* на ѳ перед буквой, обозначающей глухой согласный звук, свидетельствует о том, что в говоре писца звук [в] был губно-зубным по образованию, оглушающимся в слабом положении в [ф] и что, следовательно, звук [ф] был не только в словах заимствованных, но и образовывался в своих словах в результате оглушения [в]. Все это вместе взятое лишний раз говорит не в пользу Белоруссии.

Если обратиться к московским памятникам, то они дают следующий материал. В середине XIV в. (по свидетельству московского евангелия 1358 г.) звук [в] в языке Москвы имел губно-губное образование. Но в положении перед нелабиализованными гласными, возможно, уже произносился губно-зубной [в]. Звук [ф] встречался лишь в немногих заимствованных словах в соответствии с греческими φ и ѳ[97].

Московский летописный свод XV в. (сп. первой трети XVI в.) дает пример с заменой *в* на *ф*: витоѳту 345.

§ 2. ФОНЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БУКВЫ *г*

Современным русским говорам известно двоякое образование звука [г]: для северновеликорусских говоров характерен звук [г] взрывной, оглушающийся в [к], для южных — фрикативный [ɣ], парой по глухости для которого является звук [х]. И тот, и другой на письме обозначается буквой *г*[98], поэтому определить произношение звука [г] в говоре по памятнику письменности очень трудно. Существует, пожалуй, единственный способ определения качества данного согласного — по результату оглушения.

Исследуемая рукопись дает очень небольшой материал. Это единственный случай, отражающий на письме оглушение — черток: ї вѧ‖зоша черто(к) ї сѣдѣ на столѣ златѣ 562 об. (при: изыде из чертога 562 об.), — свидетельствующий о взрывном характере [г].

Помимо этого примера в памятнике есть написания с заменой буквы *к* буквой *г* перед буквой звонкого согласного: г дружине 581; г дѣтищу 57 об.; г добра‖дѣтели 139 об.—140; г дабродѣтели 749 об.; г гена(ди)ю 754 об.; г горьке рыдающе 40 об.; гь земли 323.

[97] О. А. Князевская. К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. „Труды Ин-та языкознания АН СССР", т. VIII, 1957, стр. 165.

[98] Правда, в некоторых западнорусских памятниках [г] обозначается сочетанием *гк*, но написания с *гк* вместо *г* в исследуемом сборнике отсутствуют.

Данные написания при *черто(к)* можно было бы рассматривать как отражающие озвончение [к] в [г] перед звонкими согласными в говоре писца и, следовательно, как написания, косвенно свидетельствующие о взрывном характере [г], если бы наряду с ними не было написаний с буквой *х* в том же положении. Например: х горе 130, 217, х диклитиану 285 об., х болѣзни 574 об., х горд(и)нало(м) 705, х го(ди)не 96 об.; х бе(з)законию 574 об. Но сосуществование написаний с *г* и *х* вместо *к* перед буквами звонких согласных говорит о другом фонетическом явлении, которое рассматривается ниже, в параграфе „Еще о некоторых явлениях консонантизма".

Отклонения от традиционного употребления буквы *г* в исследуемой рукописи наблюдаются в положении перед буквами гласных переднего ряда. Это, с одной стороны, случаи пропуска буквы *г*: е(р)ману патриарху 340 об. (при: ге(р)манъ 339 об., 342 об., ге(р)ману 340), едиманть 736 (при: ге(ди)манта(в) снъ 736), кнѧ҃гинѧ 168 об., 424, кнѧ҃гинѧми 169 об. (при: кнѧгини 424 об. и др.), с другой — случаи с буквой *г* перед буквами, обозначающими сочетание йота в последующей гласной переднего ряда: вь гезеро 621 (при: езере 317 об.), иныги дары 732.

Среди современных северновеликорусских говоров с [г] взрывным имеются такие, в которых [г] перед гласными [и] и [е] изменяется в [ɣ] и далее в [j]: ([г'е] > [ɣ'е] > [je])[99]. Очевидно, говор писавшего относился к говорам подобного типа.

Случаи пре|ложи(с) г бежа(ж) 587 об., где буква *г* употреблена в соответствии с союзом *и*, рассматриваем как описку, не имеющую отношения к определению качества [г] в говоре писца.

Московское евангелие 1358 г. позволяет говорить о взрывном характере [г][100].

§ 3. О ЗВУКАХ [Щ] И [Ч]

Буквы *щ* и *ч* в памятнике употребляются этимологически правильно, что свидетельствует о различении писцом звуков [щ] и [ч].

Написание слов, образованных от корня *-чист-*, то с *ч* (примеры не приводим ввиду их многочисленности), то с *щ*: оцисти 496, 619, оцистиши 250 об., оцищаще 319 об., оцищахусѧ 576 + еще 12 раз, не противоречат этому. Написания с *щ*, видимо, являются результатом смешения двух корней *-цѣст-* и *-чист-*, имеющих одно и то же значение и этимологически восходящих к одному и тому же корню. Различение в звуковом оформлении последнего было вызвано древним чередованием гласных в нем: дифтонг ōi̯ и ei̯, или ī (-koi̯st- > -kēst- > -цѣст- и -kēi̯st- (или -kьi̯st-) > -kist- > -чист-[101].

Нельзя считать указанием на неразличение [щ] и [ч] написания елечь, елеческа(г) 167, отмеченные в исследуемом памятнике и Духовной грамоте Ивана III от 1504 г. (сь елче(м), еле(ч)скими мѣсты)[102], так как этимология слова *елец* до сих пор не ясна. Не может быть достаточным основанием для подобного вывода написание на|рича 281 в силу своей единичности в памятнике.

В середине XIV в. [щ] и [ч] в говоре Москвы различались[103].

---

[99] Р. И. Аванесов. О качестве задненебной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке. „Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР", № 2. М., 1952, стр. 41.

[100] О. А. Князевская. Указ. соч., стр. 167—168.

[101] А. М. Селищев, Старославянский яз., ч. 1, М., 1951, стр. 200—201.

[102] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.—Л., 1950, стр. 354.

[103] См. О. А. Князевская. Указ. соч., стр. 177.

§ 4. О долгих шипящих

В исследуемой рукописи глухой долгий шипящий согласный последовательно передается буквой щ. (Встретившееся написание: и гортанѧ их пресыщуть 27 об. — представляет собой случай неправильно осмысленного слова *пресушать*.) Эта же буква употребляется иногда на месте сочетания „tj" в словах церковно-книжных и некоторых обиходных, но употребленных писцом в церковно-книжном звуковом оформлении, хотя наряду с последними сосуществуют написания с буквой ч: начное 490 и ѡчютиша 165 об. и др.

По-видимому, буква *щ* обозначала долгий глухой звук со взрывной артикуляцией. Об этом свидетельствует употребление буквы щ на месте сочетания „с + ч" на стыке морфем в слове *обесчестие*: ѡбещество л. 12, если допустить, что это написание не дань орфографии какого-то протографа. Если признать приведенное написание случаем, отражающим произношение писавшего, то, приняв во внимание, что отвердение долгого шипящего со взрывным элементом наблюдается в говорах с твердым звуком [ч], а в языке писца он был мягким, необходимо предположить мягкость долгого шипящего, т. е. что писец произносил звук [ш'ч'] ([ш̂'т'ш']).

Еще сложнее решить, какой звук произносился на месте этимологически долгого звонкого шипящего. Все слова, имевшие этимологический долгий звонкий шипящий, даны в рукописи с буквой *д*: дож(д)ь 272, 631 об., дож(д)ѧ 553, дож(д)ю 505 об., дож(д)еве 320, ѡблака дож(д)еро(д)ныа 405 об., рож(д)ие 404 об., и(з)жденете 365. И только один раз без *д*: во(з)жену 379.

Данные написания, будучи взяты сами по себе, не могут пролить свет на произношение интересующего нас звука. Поэтому для определения его качества обратимся к орфографии слов с долгим звонким шипящим вторичного образования, получившимся из „жьж" после падения редуцированных.

Долгий шипящий вторичного образования передается обычно сочетанием *жж*: сожже 220, со(ж)жешь 351, жжи 227, пожже(т) 242, во(з)жже(м) 236. Один раз писец употребил *жд*: всесож(д)е‖ние 112, хотя сочетание „жьж" никогда не имело взрывного элемента. Последнее написание с выносной буквой *д* носит явно искусственный характер. Его можно объяснить вторым южнославянским влиянием, которому в значительной мере подвержена орфография писца. Кстати, нужно отметить, что для исследуемой рукописи характерны написания *жд* на месте старого сочетания „dj", хотя наряду с ними существуют, правда, в значительно меньшем количестве, русские написания с *ж*: ѡдежа 36 об., надежа 21 об., межю 25 об., вижу 58 об., рожающе 103 об., рожениѧ 449, восхоженѣе 358 об., ѡ(т)хожу 452, повѣжь 458 об., услажаема 409 и т. п.

Полагаем, что именно написания с *жж* передают долгий шипящий звук и соответствуют произношению.

Пожалуй, можно думать, что и в лексике со старым сочетанием „ždž" употребление буквы *д* (тоже всегда выносной), являясь данью тому же воздействию, не отражает произношение долгого звонкого шипящего со взрывным элементом.

Предположение об отсутствии взрывного элемента у долгого звонкого шипящего при наличии такового у глухого шипящего представляется вероятным, так как известно, что звонкий шипящий по говорам легче теряет взрывную артикуляцию, чем глухой[104].

[104] Р. И. Аванесов. О долгих шипящих в русском языке. „Докл. и сообщ. филолог. фак-та МГУ", вып. 6, 1948.

Был ли он долгим или кратким? По-видимому, следует предположить его долготу (хотя в написании во(з)жену это качество графически осталось не обозначенным), так как долгота этимологически долгих шипящих — качество, которое по говорам изменяется в последнюю очередь.

§ 5. О КАЧЕСТВЕ ШИПЯЩИХ И [ц]

Выяснить качество шипящих согласных и [ц], история которых в русском языке заключается в утрате ими былой мягкости и отвердении, на материале исследуемой рукописи очень трудно, если вообще не невозможно. Сделать вывод о твердости или мягкости [ж], [ш], [ч], [ц] можно лишь рассмотрев, какие буквы гласных звуков употребляет писец после букв шипящих и [ц].

Показателем твердости является употребление после букв названных звуков букв *ъ*, *ы* и отчасти *у*, тогда как употребление *ь*, *и*, *ю*, будучи традиционным, не позволяет решить вопрос о их качестве [10].

В исследуемой рукописи не отмечено ни одного случая употребления буквы *ъ* после *ж*, *ш*, *ц*, а только *ь*. Следует заметить, что написания с *ь* в данной рукописи можно рассматривать не только как традиционные, но и как связанные со вторым южнославянским влиянием.

Для обозначения звука [у] после названных согласных писец в большинстве случаев употребляет юс большой и лишь в незначительном количестве случаев по традиции пишет букву *ю*. Это, пожалуй, дает основание предполагать скорее твердость [ж], [ш], [ц] перед гласным [у], чем их мягкость.

После букв *ж*, *ш*, *ц* употребляется буква *и* и нет написаний с *ы*. Так как в некоторых северновеликорусских говорах, в частности в вологодских, известны случаи произношения мягких [ж], [ш] перед гласными переднего ряда, то можно было бы предположить, что и в говоре писавшего мягкость шипящих сохранялась перед гласными переднего ряда. Но с другой стороны, написания с *и* можно объяснить и традицией. При таком истолковании сосуществование в данной рукописи традиционного употребления *и* после букв шипящих и [ц] с широким отражением аканья может иметь свое объяснение. Дело в том, что правила употребления букв, обозначающих гласные звуки после шипящих, и правила употребления букв в соответствии с безударными гласными — явления разных планов. Первое относится всецело к области графики и легко усваивается на первых этапах обучения письму. Второе принадлежит собственно орфографии и, как известно, усваивается с большим трудом.

Косвенное указание на твердость [ж] можно видеть в написаниях: *ежа* (вместо еже) 96, 136, + еще 40 раз, жа (вместо же) 9 об. 283 + еще 65 раз, на немь жї ха(м) злѣ wкаѫ(н)нїи 51, ѥко жї на иконѣ 459 об.,— где буквы *а* и *ї* вместо *е* в безударном слоге. Писец произносил здесь тот же звук, что после твердых согласных в заударных слогах. Близость его к [ы] вызвала употребление буквы ї. Употреблению *ы* помешала традиция.

Что касается звука [ч], то полагаем, что он продолжал оставаться мягким. Основанием для этого утверждения является: 1) отсутствие случаев употребления после буквы *ч* не только букв *ы*, *ъ*, но и буквы *у*: пишутся только *и*, *ь*, *ю*. (Единственный случай лѫчѫ 53 об. можно

---

[10] Употребление букв *е*, *ѣ*, *о*, *а*, *ѧ* (*и*) ничего не дает для решения этого вопроса.

рассматривать как описку.); 2) мягкость этого звука почти во всех русских говорах, различающих [ц] и [ч].

Если обратиться к памятникам московской письменности, то отвердение [ж] и [ш], в том числе и перед гласными переднего ряда, отражено уже во второй духовной грамоте Дмитрия Ивановича 1389 г.,[106] а твердость [ц] — в духовной Ивана Юрьевича Патрикеева 1499 г.[107]

§ 6. ПОЗИЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ПО МЯГКОСТИ И ТВЕРДОСТИ

Единственным показателем этих изменений на письме является характер употребления в рукописи букв ь и ъ между согласными[108].

1. Губные согласные

Рассмотрев употребление букв ь и ъ в середине слова после букв, обозначающих губные согласные, отметим следующее.

а) Написания: wбьвесели(в)сѧ 55 об., вь пе(р)вѣмь 18, вь пе(р)вы(х) 127, вьмѣсте 286, при отсутствии случаев употребления в этом положении буквы ъ, свидетельствуют о смягчении в говоре писца ранее твердых губных согласных перед мягкими губными. Как известно, смягчение губных перед мягкими губными, свойственное многим современным русским говорам, до недавнего времени было и в литературном произношении[109], но отсутствует в белорусском языке[110].

б) Твердые губные согласные в положении перед мягкими зубными становились мягкими. На это указывает употребление буквы ь после букв ранее твердых согласных в положении перед буквами мягких зубных согласных. Например: ко мьнѣ 257, вь се(ди)не 375 об., вьзирае(т) 508 об., вьзираи 414 об., 599 об., вьсице 134, вьсели 137 об., вьсѣ(д) 596 об., вьселе(н)нѣи 290 об., вьзе(м)ше 409 об., 453, вьзе(м) 220, 318 об. 381, wбьде(р)жаше 64 об., wбьдержима 27 об., wбьрыщи 82 об. декобьрѧ 338 об., ра(з)гнѣвавьсѧ 628 об. и др.

Принимая во внимание тот факт, что вплоть до последнего времени в индивидуальном литературном произношении твердые губные согласные в положении перед мягкими зубными смягчались[111], считаем, что буква ь здесь является показателем мягкости согласного.

в) Постоянное употребление „разделительного" ь вместо этимологически правильного ъ после букв ранее твердых губных согласных для обозначения сочетания губного согласного с последующим [j], например: wбьѧви 79 об., 343 об., wбьѧдение 176, wбьи(т) 114 об., 426, wбьѧта 40, wбьѧто 440 об., wбыыти 153 об. — позволяет предположить, что в языке писца, как и в современном русском литературном языке, губные согласные смягчались перед [j].

г) В рукописи встретился лишь один случай употребления буквы ь вместо ъ после буквы этимологически твердого губного согласного перед мягким задненебным: вь геwньстеи 521.

Смягчение губных согласных перед мягкими задненебными во многих современных русских говорах (до недавнего времени оно являлось

---

[106] См. „Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков", стр. 33—37.

[107] См. там же, стр. 345—349.

[108] См. стр. 133—134 настоящей работы.

[109] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1950, стр. 72—73.

[110] См. Е. Ф. Карский. Указ. соч., т. II, вып. 1, стр. 408.

[111] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, Л., 1925, стр. 71.

характерной чертой и литературного произношения[112]) и небольшое количество случаев с этим сочетанием в памятниках дает возможность предположить на основании данного примера смягчение губных согласных перед мягкими задненебными в языке писца.

2. Зубные согласные

а) Написания: сьписа(х) 681 об., сь‖вѧтостию 488, сь бесмертны(м) 135 об., 137 об., преись‖пещре(н)на(г) 112 об., матьѳѣѧ 320 об., — по всей вероятности свидетельствуют о смягчении ранее твердых зубных согласных в положении перед мягкими губными.

б) Твердые зубные в положении перед мягкими зубными, видимо, также подверглись смягчению. На это указывают такие написания, как: в жизь‖ни 23, арьтемиду 173, зьрѧху 179, сь силою 485, предь лице(м) 524, ѡ(т) ань‖тиѡхиѧ 225, возьлюблен‖и 725, в виза‖ньтию 304, в визань‖тии 307, инокеньтею 433, леньтие(м) 7, итьти 8 об., 11. Смягчение зубных перед мягкими зубными является нормой современного литературного произношения и широко известно по русским говорам[113].

в) Судя по написаниям: сь ѧростию 691 об., сь еретикы 46, сь юношею 200 об., сь е(г) бѣсы 29 об., сь епа(р)ха(м) 702, — твердые зубные согласные испытывали смягчение также и перед [j].

г) Судить о качестве согласного [р] в бывшем сочетании его с редуцированными на основании имеющихся в исследуемой рукописи примеров приходится с большой осторожностью из-за второго южнославянского влияния.

В бывшем сочетании „tьrt" согласный [р] первоначально был мягким. Случаи: дрьзновение(м) 173, дрьзну(х) 445, равно как: содрь(жи)ма 22, дрь(жи)мо 370 об., вседрь(жи)телю 115 об., умрьшу 230 об., — в фонетическом отношении не показательны, так как обусловлены вторым южнославянским влиянием. В случаях: деръзновениѧ 11, соверъш‖вьшю(с) 389 об., деръжащь 402 — на месте редуцированного в соответствии с русским произношением написана буква *е*. Но только ли данью южнославянской орфографии можно объяснить здесь употребление буквы ъ? Или здесь, как и в других случаях написания корней со старым сочетанием „tьrt" (кроме, конечно, написанной по южнославянской орфографии, типа умрьшу), употребление букв ъ следует рассматривать, как показатель качества [р]? Полагаем, что последнее будет вернее. Во всяком случае, это предположение не противоречит судьбе [р] из сочетания „tьrt" перед твердыми зубными и шипящими в русском литературном языке и его говорах. Если это так, то не будет ли употребление здесь буквы ъ перед *жи* служить косвенным указанием на отвердение шипящих и перед гласными переднего ряда?

Согласный [р] в старом сочетании „tьrt" был твердым. В языке писца в положении перед мягкими зубными и губными согласными он, видимо, смягчался: в борьзѣ 691, горьстию 136, во корьмле‖ние 449 об., корьчаше(с) 456, скорьчи(в)шуюсѧ 395, ѡ(т) корьчмита 48, скорьбни(к) 238 об., в скорьби 243, 519 об., 222 об., ѡскорьбл‖ѣемы(м) 222 об., скорьбѧще 445.

Употребление буквы ь в случае скорьбну 83 об. перед буквой отвердевшего губного могло быть вызвано действием аналогии со стороны формы им. падежа ед. числа существительного *скорбь*, где [р] смягчается перед [б] мягким.

---

112 Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 157—158.

113 Случаи с буквой ь типа: дрьзновение 41, соверьшитисѧ 83 об., дерьжаще 155 об. и т. п. — не приводятся.

Губные и зубные согласные, ранее мягкие перед старыми суффиксами „-ьств-", „-ьск-", „-ьн", видимо, уже отвердели. Об этом можно заключить, сопоставив такие написания, как во(л)шебъство 327 об., во(л)шебъство(м) 629, чювъство 139, ер(с)лмъскиѓ 719, иер(с)мъ‖скаѧ 143, в воинъства(х) 608, егупетъски(м) 516 об., егупе‖тъскую 730, ѡ(т) миръски(х) 412, варьваръскиѧ 288, еллинъскы(и) 247 об., прекрасъ‖ны(х) 32, бл҃говѣръ‖ны(м) 720 (при большом количестве традиционных написаний с буквой ь) с данными современных русских говоров.

3. Задненебные согласные

Употребление буквы ъ в таких написаниях, как: кь первоѡбра(з)ному 115, кь нищимь 68, прогъ‖нѣвахо(м) 31 об., кь симь 83 об., кь чесому 145 об., об(л)егьчи 446, кь дьѧволу и т. п. считаем фонетически не показательными, так как современный русский язык в его говорах не знает смягчения задненебных согласных в таком положении. Употребление в них буквы ъ относим за счет проявления влияния орфографии южнославянских памятников.

4. Прогрессивная ассимиляция задненебных согласных

В рукописи встретился ряд написаний, свидетельствующих о наличии в говоре писца прогрессивной ассимиляции задненебных по мягкости:

горьке (наречие) 40 об., 216 об., 280, 688, 698, горке 39 об., 40, 51, го(р)ке 39 об., 693, в горы‖кюю 321, горькюу 393 об., горькею 272 об., го(р)кѧго 51 об., а также деньгѧ‖ми 740, деньгѧми 379 об. 2 раза, если только считать, что употребление буквы ѧ вместо а в заударном закрытом слоге не было вызвано морфологическими причинами.

Прогрессивное смягчение задненебных согласных, как известно, — черта, свойственная только русскому языку. В других восточнославянских языках она отсутствует. Поэтому отражение этой черты орфографией данной рукописи является еще одним доказательством в пользу небелорусского происхождения исследуемого сборника.

Д. К. Зеленин, изучавший происхождение и распространение интересующей нас диалектной черты, отмечал ее в Московской губернии: в Коломенском и Верейском уездах, а также в Серпуховском, Бронницком, Богородском и Московском. Но, как замечает Д. К. Зеленин, „на север не достигает эта черта нигде гор. Москвы и в самой Москве не известна. Но в старину, как то необходимо предполагать по многим основаниям, область распространения м. к. (мягкого [к] — *Т. С.*) в пределах нынешней Московской губернии на север и на запад простиралась гораздо дальше"[114].

Наиболее ранними по времени написания рукописями, свидетельствующими о смягчении задненебных в языке Москвы являются жалованная грамота вел. кн. Василия Васильевича, где имеются такие написания, как Володкю (2 раза), а также отрывок из розыскного дела о бегстве из Москвы рязанского князя Иоанна Иоанновича от 31 августа 1521 г., в котором отмечено написание Наскя вместо Наська — уменьшительное от имени Анастасий[115]. Как видим, они имеются и в исследуемой рукописи.

[114] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных. СПб., 1913, стр. 525.

[115] Там же, стр. 24, 25, 31; эти написания приводит и А. И. Соболевский в „Лекциях" (изд. 4, стр. 131).

5. О мягкости и твердости парных согласных, не зависящей от влияния последующей согласной

В языке писца наблюдается наиболее последовательное сохранение этимологической мягкости перед согласным, чем в современном русском литературном языке. Так, например, мягкий [р] в древнем сочетании „tьrt", отвердевший в современном русском литературном языке, сохранял, видимо, свою мягкость не только перед мягкими губными, зубными и задненебными, но и перед отвердевшими губными. На это указывает отсутствие случаев употребления буквы ъ при написании корней, восходящих к сочетанию „tьrt". Например: черьплю‖щи(м) 490 об., не стерьпѣвы‖ша 292, терьпѧ 476, терьплю 351, черьвиї 284 об., серьгиева 409ᵃ об., черьмное 130 об., 64, черьмнующае(с) 131, и(з)черьпа‖тї 357 об., неисчерьпаемы 490 об., перьвеньство 287 об., перьвы(и) 205, перьва(г) 421 об., перьвому 312, 361 об., 423, на перьво(м) 70 и т. п.

Вероятно, мягкость такого [р] сохранялась также и перед твердыми задненебными согласными. Об этом свидетельствует постоянное употребление буквы ь в слове *верх* (верьху 444, 624 об., верьхо(в) 182, верьховниї 40 об. и т. п.). Сохранение этимологической мягкости [р] в данном положении известно ряду современных русских говоров, кроме того, еще недавно такое произношение считалось нормой литературного языка.

Постоянное употребление писцом буквы ь после букв мягких согласных перед *ц* говорит о сохранении в языке писца мягкости зубных и губных согласных в положении перед [ц]. Так, буква ь отмечена в следующих примерах: немьци 329 об., немьцемь 706, хромьца 726, 726 об., жерьцї 335 об., аконьце 69, 59 об., 563 об., 567, старьца 80, старь‖цу 60, 536 об., птеньца 567, черньце(м) 741 об., лесьца 211, 215, 209, бговидьца 511, студеньци 122, 16 раз в формах косвенных падежей существительного *младенец*, 13 раз в сложных словах, одним из компонентов которых является существительное *творец*, 23 раза в формах косвенных падежей от слова *конец* и 14 раз от слова *вѣнец*.

Как и в современном русском литературном языке, мягкие зубные сохраняли свою мягкость перед мягкими зубными. Об этом свидетельствуют написания: доньде 68, 82 об., 218 об., 519 + еще 12 раз, пыть‖ли(в) 243.

Мягкие губные согласные перед мягкими зубными продолжали произноситься мягко, на что указывает употребление буквы ь в таких словах, как: мьсти 577, ѡ(т)мьсти(т) 260, мьстислави(ч) 736, ѡ(т)омьститель 213, вь‖сѣми 85, со вь‖сѧкы(м) 82, вь‖сѧ 15, во вь‖семирномь 84 об.

6. Позиционное оглушение и озвончение согласных

Согласные звуки, образующие в современном русском языке соотносительные пары по звонкости и глухости, различались в языке писца перед гласными, сонорными согласными, [в] и [j], на что указывает употребление букв этих согласных в соответствии с этимологией слова перед буквами гласных, *л*, *м*, *н*, *р*, *в*, а также перед разделительными ь и ъ. В других фонетических положениях наблюдаются случаи взаимозамещения букв согласных, свидетельствующие об определенных позиционных изменениях согласных в говоре писца.

Перед буквами *б*, *г*, *д*, обозначающими как твердые, так и мягкие звонкие согласные, в ряде случаев на месте глухого согласного писец употребил букву звонкого. Например, он пишет *з* вместо *с*: з бо͡знию 699 об., згорѣ 581 об., згарѣше 34, з горы 133 об., зь ‖главы своеѧ 273,

здати 100; букву *г* вместо *к*: гдѣ 13 об., 14, 15, 33 об., 34 + еще 57 раз.

С другой стороны, перед буквами *т*, ц, *ч*, *к*, т. е. перед буквами, обозначающими глухие согласные звуки (твердые и мягкие), на месте звонких согласных писец употребляет буквы глухих согласных. Так букву *п* вместо *б*: хрепто(м) 455 об., ѡ‖пщему 444 об.; *т* вместо *д*: итьти 313, 539, 341 об., 382, 586, рѣтько (т. е. редко) 656, тщерь 621 об. 2 раза, тщи 110 2 раза, 194 об., 197, 199, 248 об., тщери 32 об., тщерѧ 250 об. и др.; *с* вместо *з*: стезю уску 297, уска(г) 723, ме(р)ска 48, 562 об; *ѳ* вместо *в*: витаѳть 734 об., витаѳ(т) 735.

Эти примеры говорят об оглушении этимологически звонких [б], [в], [д], [з] перед глухими согласными.

На наличие оглушения звонкого [д] перед глухими согласными указывают еще такие написания, как: потве(р)жениѧ 432, где *т* обозначает долгий глухой согласный звук, образовавшийся на стыке морфем в результате оглушения звонкого [д] перед глухим корня.

На позиционные изменения согласных по звонкости—глухости указывают написания: ѡ(т) одше(д)ши(х) 54, ру(з)скиѧ 361 об., при(д)чами 47, в которых писец пытается восстановить якобы этимологически правильное написание.

Попытку совместить этимологический принцип написания с фонетическим можно видеть в таких случаях, как: бе(з)конечна 36 об., и(з)с кораблы 362, бе(з)с памети 502, 52, бе(з)спло(т)ны(м) 116, во(з)сприимеши 611, во(з)списа 220, и(з)справление 375 об., и(з)справи 502 об., и(з)сѣцаю(т) 109 об., бе(з)с тебѧ 343, из(с) твоего 112 об., во и(з)ступлении 221, и(з)счадие 195, бе(з)счестие 48 об., бе(з)счиньство 348, и(з)сцелити 310 об. + еще 49 раз в различных формах этого глагола и существительного *исцеление* и др. Как известно, предлоги-приставки на „з", не имевшие в прошлом редуцированного звука на конце, уже в старославянских памятниках писались с буквой *с* перед буквой глухого согласного звука. Но написания, подобные приведенным, оказались возможными только после того, как [з] и [с] в сознании писавшего стали осознаваться как звуки, образующие пары по звонкости-глухости.

Написания да (з)ве(р)гнуть 348, з ми(р)ною 46 своим появлением в рукописи, вероятно, обязаны влиянию орфографии оригиналов, некоторые из которых могли быть южно- или западно-русскими.

Итак, с одной стороны, вместо *с* перед *б*, *г*, *д* писец употребил букву *з*, с другой, вместо *б*, *в*, *д*, *з* перед *т*, ц, *ч*, *к* употребил буквы *п*, *ѳ*, *т*, *с*. Такая мена букв указывает на неразличение звонких и глухих согласных в рассматриваемых положениях, в частности на озвончение [с] перед звонкими и оглушение [б], [в], [д], [з] перед глухими. Учитывая данные современного русского языка, можно утверждать, что позиционное оглушение или озвончение в середине слова испытывали все те согласные, которые в современном русском языке образуют пары по звонкости-глухости.

Написание черто(к) с буквой *к* вместо *г* свидетельствует об оглушении звонких согласных на конце самостоятельных слов.

7. Еще о некоторых явлениях консонантизма

Орфография исследуемого памятника свидетельствует о том, что в языке писавшего встречались и следующие явления.

а) Диссимиляция задненебных взрывных согласных *к* и *г* в положении перед взрывными согласными — явление широко представленное

по русским говорам и частично характерное для литературного языка (в прошлом более широко).

О наличии этого явления в говоре свидетельствуют случаи употребления буквы *х*, *г* вместо *к* и *х* вместо *г*.

Например: хто 55 раз, в том числе на л.л. 15, 68, 83, 123, 188 об., 216 и т. д., проти(х)то(р) 238 об., 241, проти(х)тори 239 (при про‖тиктори 239 об.), инди(х)та 749, ѡ(х)тебрѧ 596 об., 729 об., венедхтъ 718 (с пропуском буквы *и*), х концу 383 об., 384, 450 об., 467 об., х кому 80, 353 об., 518 об., х ковчегу 297, 597, х колеснѣци 688 об., 256, 257, х коло(м)‖нѣ 167 об., х которамуж(д)е 303 об., х кароблю 350 об., х ку‖ми(р)стеи 607 об., 608, х калѣнику 699 об., х калѣну 702, х киеву 331, х тому 54, 259, где *х* употреблена вместо *к* перед буквой глухого взрывного согласного. Буква *х* вместо *г* употреблена также перед буквой глухого взрывного и аффрикаты: нохтеи 464 об., 472, но(х)ти(ма) 481, на(х)ты 611 об., ле(х)ки(м) 58, 379, ле(х)кы(и) 116, 472, сле(х)ка 734, ле(х)ка 363 об., ле(х)чаише 525 об., ле(х)чаиша 363 об., ле(х)чаишеѧ 26 об., ле(х)чае 488 об., ѡбле(х)чение 371, ѡте(х)чение(м) 133, те(х)чаишеѧ 538 об., ѡтѧ(х)чиши(с) 363, ѡ(т)ѧ(х)чении 133 об., те(х)чаю(т) 71, мѧ(х)кость 611 об., мѧ(х)кы(х) 195, мѧ(х)киѧ 193 об., мѧ(х)чае 611 об.

С другой стороны, перед буквами звонких взрывных согласных, как уже отмечалось выше (см. раздел „О фонетическом значении буквы *г*"), писец употребил букву *г*: г дружинѣ 581, г дѣтицу 57 об., г добра‖дѣтели 139 об. — 140, г дабродѣтели 749 об., г гена(ди)ю 754 об., г горьке рыдающе 40 об., гь земли 323, и даже *х*: х горѣ 130, 217, х диклитиану 282 об., х горд(и)нало(м) 705[116], х болѣзни 574 об., х го(ди)не 96 об., х бе(з)закониюо 574 об.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в говоре писца задненебные согласные в положении перед взрывными и аффрикатами испытывали диссимиляцию по способу образования, а перед глухими [г] теряет еще звонкость, в результате чего вместо [к] и [г] звучал [х], а перед звонкими — [ɣ], который писец передал в одних случаях буквой *г*, в других — *х*.

Диссимиляция [к] перед взрывными согласными в московском говоре известна уже по духовной Симеона Гордого 1358 г.: хто[117].

б) Упрощение групп согласных *здн, стн,* на что указывают такие написания, как: в бе(з)ну 119, 131, пра(з)никъ 71 об., 106, 126, пра(з)нуе(м) 107, упра(з)ни(т)сѧ 34+еще 11 раз в словах с корнем *-праздн-*, в том числе на лл. 34 об., 67, 72, 80 об., 124 об., 125 об. и т. д., посникъ 38, 196 об., посника(м) 490 об., поснически 481, наперьсни-ко(м) 40 об.

в) Вставка согласного [т] имеет место в словах с корнем -сърѣт-. Например: стрѣте, стрѣтение, стре‖тоша — всего 37 раз, в том числе на л.л. 1 об., 122 об., 164 об., 169 об., 172, 172 об., 325, 694 об. и т. д.

г) Написание раз(д)рушае(т) 145 свидетельствует о вставке [д] в корне *-руш-*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление орфографии памятника с показаниями русских и белорусских памятников письменности, а также с данными современного русского и белорусского языков в их говорах позволили восстановить

[116] В рукописи слово „кардинал" пишется только с буквой *г* (см. лл. 704 об., 706, 707, 708 и др.). Видимо, оно было известно писцу только в такой огласовке.

[117] См. „Духовные и договорные грамоты...", стр. 14.

основные элементы звуковой системы живого разговорного языка писца и определить возможное их качество.

Фонетическая система языка, отразившегося в памятнике, характеризовалась, видимо, следующими чертами.

В ударенном положении различались гласные звуки [а], [о], [у], [и], [ы], [е], [ê]. Звук [у] произносился после любых согласных, твердых и мягких. Звуки [и] и [ы] находились в тех же отношениях, что и в современном русском языке: [и] произносился после мягких согласных и в абсолютном начале слова, [ы] — после твердых согласных. Оба этих гласных представляли, как и теперь, разновидности одной фонемы. Звук [е] произносился после парных мягких согласных, йота, шипящих и [ц]. Изменение его в [о] перед твердыми согласными в слоге под ударением в орфографии писца, не нашло отражения. В говоре в соответствии со старым „ѣ“ имелся гласный звук, в качественном отношении отличавшийся от других гласных и произносившийся, вероятно, более узко, чем современное [е] открытое перед твердыми согласными. В положении перед мягкими согласными он произносился, видимо, как [ê] закрытое. Звук [а] под ударением между мягкими, а также после мягких перед отвердевшими шипящими терял свою противопоставленность и совпадал по звучанию со звуком [е].

В безударном положении гласные неверхнего подъема не различались. Говор был акающим. Предударный вокализм после твердых согласных характеризовался недиссимилятивным аканьем.

После парных мягких согласных, йота, шипящих и [ц] звуки [а], [е], [ê] также не различались и совпадали в одном звуке, видимо, типа [е]. В отдельных случаях, в местоименных формах, можно предполагать элементы яканья.

В остальных предударных слогах, кроме абсолютного начала слова, на месте гласных неверхнего подъема после твердых согласных произносился звук среднего ряда среднего подъема [ъ], после мягких — [ь]. В начале слова произносились более полновесные звуки.

В заударном закрытом слоге редукцию испытывал и звук [у].

Консонантизм в основном был таким же, как и в современном русском литературном языке. Звук [в] имел губно-зубное образование и оглушался в [ф]. Звук [г] был взрывным, оглушавшимся в [к]. Перед гласными переднего ряда в заимствованных и широко употребительных словах [г] изменялся в [j]. Звуки [ц] и [ч] различались. Глухой долгий шипящий, видимо, имел в своем образовании взрывной элемент. У звонкого согласного взрывной элемент, вероятно, был утрачен.

Согласные звуки различались по мягкости и твердости, звонкости и глухости и образовывали соотносительные пары.

Пары по мягкости и твердости образовали звуки [б] — [б'], [в] — [в'], [д] — [д'], [з] — [з'], [л] — [л'], [м] — [м'], [н] — [н'], [п] — [п'], [р] — [р'], [с] — [с'], [т] — [т'], [ф] — [ф'] — 12 пар.

Звуки [ж], [ш], [ц] (видимо, уже твердые) соответствующих пар по мягкости не имели. Звуки [г], [к], [х] перед звуком [и] испытывали позиционное смягчение. Позиционную мягкость они приобретали также перед гласным [е] в заимствованных словах и перед звуком [ê] в заимствованных словах и во флексиях. Звуки [ж'], [ш'ч'], [ч] всегда были мягкими.

В отношении звонкости-глухости пары образовывали звуки [б] — [п], [б'] — [п'], [в] — [ф], [в'] — [ф'], [г] — [к], [д] — [т], [д'] — [т'], [з] — [с], [з'] — [с'], [ж] — [ш]. Можно считать также, что парой звуку [ж'] в языке был звук [ш'ч']. Остальные согласные пар по звонкости-глухости не

имели: [л]—[л'], [м]—[м'], [н]—[н'], [р]—[р'], йот — звонкие, а [х], [ц], [ч] — глухие.

Звонкие и глухие парные согласные различались в тех же положениях, что и в современном русском литературном языке.

Парные звонкие согласные оглушались перед глухими согласными и на конце слова, а парные глухие перед звонкими озвончались.

На месте задненебного взрывного [к] перед следующим взрывным произносился фрикативный звук [γ] или [х] в зависимости от положения его перед звонким или глухим согласным.

Мягкие и твердые согласные различались в основном в тех же положениях, что и в современном русском литературном языке. Губные и зубные согласные, находившиеся до падения глухих перед „ь" в положении перед мягкими зубными оставались мягкими. Мягкость согласных сохранялась перед [ц] старого суффикса *-ьц-*. Мягкий согласный [р] в старом сочетании с предшествующим редуцированным „ь" между согласными в языке исследуемого памятника, вероятно, сохранял свою мягкость перед всеми мягкими согласными, а также перед твердыми губными и задненебными.

В ряде случаев согласные, парные по мягкости — твердости, испытывали позиционное смягчение. Так, твердые губные согласные смягчались перед всеми мягкими согласными. Парные твердые зубные согласные смягчались перед мягкими губными и зубными. После мягких согласных твердые [г], [к], [х] испытывали прогрессивную ассимиляцию по мягкости. Согласный [р] из старого сочетания с предшествующим редуцированным „ь" между согласными, возможно, произносился твердо перед парными твердыми зубными и [ж], [ш].

Рукопись № 264 Чудовского собрания ГИМ, написанная в 1540 г., является памятником русского языка. В правописании писца не отразилась ни одна из черт белорусского языка, существовавших в нем ко времени написания сборника и отличавших язык белорусской народности от языка народности великорусской[118]. В частности, на месте прежних редуцированных „у", „і" произносилось [о], [е], как в русском языке, а не [ы], [и], как в белорусском. Кроме того, в памятнике отразились черты, присущие части говоров русского языка и отсутствующие в белорусском. К ним относятся: 1) наличие [ф], в том числе и получившегося в результате оглушения звука [в]; 2) позиционное смягчение губных согласных перед следующими мягкими губными; 3) прогрессивная ассимиляция задненебных согласных по мягкости, а также 4) наличие особой формы [ê] на месте старого „ѣ".

Таким образом, и палеографический, и лингвистический анализ рукописи опровергают распространенный в литературе взгляд на нее как на памятник белорусского языка. Писавший его, если судить по тем звуковым особенностям, которые нашли отражение в орфографии памятника, был носителем так называемого средневеликорусского говора, совмещающего в себе северновеликорусское [г] взрывное, оглушающееся в [к], и [т] в окончании 3 лицъ ед. числа глаголов настоящего времени с такой яркой южновеликорусской чертой, как аканье.

Графические особенности памятника, подбор статей в нем (в сочетании с владельческими пометами) позволяют предположить, что сборник был составлен в Москве в стенах митрополичьего Чудова монастыря.

[118] Автор этой работы не ставил своей целью дать лексический и грамматический анализ языка памятника. Однако нужно сказать, что при наблюдении над правописанием в языке не было обнаружено ни одной лексической или грамматической собственно белорусской черты.

Но был ли писавший его москвичом по происхождению? Дать ответ на этот вопрос можно, лишь сравнив орфографию исследуемой рукописи с показаниями группы памятников, или какого-то одного, о котором было бы известно, что он написан москвичом и, если не в то же время, то во всяком случае не позднее 40-х годов XVI в. В 50-х годах XVI столетия в связи с реформами Ивана IV, в частности с учреждением опричнины, в составе населения Москвы могли произойти и, вероятно, произошли значительные изменения. Поэтому подкреплять показания московского памятника 40-го года XVI в. показаниями рукописей, написанных после 50-х годов (кроме, конечно, памятников, написанных коренными москвичами), было бы не верно.

К сожалению, работ, специально посвященных исследованию звуковой стороны языка Москвы первой половины XVI в. (до 1550 г.), если не считать замечаний Б. Унбегауна, касающихся отдельных сторон языка Москвы, сделанных им попутно в связи с изучением морфологического строя делового (приказного) языка Москвы этого периода, в литературе предмета нет. Поэтому для сравнения мы были вынуждены привлечь данные более ранних памятников: московского евангелия 1358 г. и некоторых московских грамот, приняв, конечно, во внимание, что за период, отделяющий их написание от составления и написания исследуемого сборника 1540 г., звуковой строй говора не мог не претерпеть каких-то изменений. Например: сравнивая орфографию сборника 1540 г. с орфографией евангелия 1358 г. в отношении отражения в них [в] и [ф] мы не должны были бы удивляться тому, что, судя по второму из этих памятников, [ф] был только в заимствованных словах, а [в] вообще был губно-губным по образованию [w] и только в положении перед нелабиализованными гласными, видимо, произносился губно-зубной звук [в]. А у писца первого памятника [в] по образованию был уже только губно-зубным, оглушавшимся в слабом положении в [ф] и вследствие этого звук [ф] произносился не только в заимствованных словах. В отдельных случаях мы обращались к показаниям московских памятников, написанных после 1550 г. для того, чтобы проследить направление дальнейшего развития отдельных компонентов фонетического строя говора Москвы.

Итак, сравнение орфографии исследуемой рукописи с показаниями других московских памятников показывает, что отдельные особенности звуковой системы языка писца корреспондируются с особенностями московского говора иных эпох (например, в вокализме ударенного слога). Наличие особого звука на месте „ѣ" отражается как исследованным памятником, так и московскими грамотами XIV—XVII веков. Изменение звука [а] между мягкими в [е] есть в говоре писавшего сборник, реликты этого явления нашли отражение в письмах Петра I. Известные параллели могут быть отмечены и для отдельных сторон консонантизма. Например, различение [щ] и [ч], [г] взрывной, диссимиляция [к] перед взрывными согласными и др. Но сказать, что московские памятники в своей массе отражают неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах (как это имеет место в орфографии сборника) — нельзя. Московские грамоты 1500—1550 гг., исследованные Б. Унбегауном, свидетельствуют об окающем произношении их писцов[119]. Нет аканья и у Грозного. Единственный случай „принели" вместо „приняли"[120], отмеченный в его послании английской королеве

[119] B. Unbegaun. La langue russe. Paris, 1934, стр. 17.

[120] „Послания Ивана Грозного". М.—Л., 1951 стр. 559. — Издание вообще мало пригодное для лингвистов из-за упрощенной транскрипции, но все же передающее орфографию памятника в части употребления букв *а*, *о*, *е*, *ѧ* (*и*), последняя изменена буквой *я*.

Елизавете, не показателен для вывода об аканье, так как частичное неразличение гласных неверхнего подъема между мягкими согласными в заударном положении известно очень многим северновеликорусским говорам. Аканье в языке коренных москвичей отражается лишь начиная с XVII в.. в частности, в письмах царя Алексея Михайловича[121], Н. И. Одоевского[122], Петра I[123]. Поэтому говорить о том, что писец сборника 1540 г. был москвичом по происхождению, не приходится. Вероятнее всего, он происходил из ближайшего юго-западного Подмосковья (в акающих говорах которого, по наблюдениям С. С. Высоцкого, можно предполагать исконное еканье), или юго-восточного, акающе-екающие говоры которого характеризуются примерно теми же особенностями, что и говор писавшего исследуемый сборник. Тем не менее материал данной рукописи может быть привлечен для характеристики языка Москвы середины XVI в., население которой в это время (да, вероятно, и в более раннее) по своему составу было смешанным. Наряду с окальщиками здесь были и акальщики. Это естественно для любого крупного города, тем более столицы, расположенной к тому же в непосредственной близости к границе северно- и южновеликорусских говоров. Но лицо говора, вероятно, продолжали еще определять окальщики. „Победа" акающего произношения над окающим, нашедшая отражение в языке коренных москвичей XVII в., была связана, по всей вероятности, с теми изменениями в составе населения Москвы, которые произошли в бурные годы правления Ивана IV и далее польской интервенции начала XVII в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ — Государственный исторический музей
Син. — Синодальное собрание.
Увар. — Уваровское собрание.
Чуд. — Чудовское собрание.

---

[121] „Письма русских государей". М., 1896, вып. 5.
[122] Материал приведен в работе П. Я. Черных „Язык Уложения 1649 года" (М., 1953, стр. 82 и 55—62).
[123] „Письма и бумаги Петра Великого", т. 1. СПб., 1887. (См. указанную работу К. В. Горшковой.)

С. В. БРОМЛЕЙ

ОБРАЗОВАНИЕ НЕСОГЛАСУЕМОЙ ФОРМЫ И ИСТОРИЯ ЧЛЕННЫХ ФОРМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(*По материалам памятников письменности XI—XVII вв.*)

В области истории образования форм ср. степени в русском языке, помимо судьбы двух типов ее образования (с суффиксом **-jьs* и с суффиксом **-ějьs*)[1], весьма существенный интерес представляет изучение взаимодействия (внутри каждого из этих типов образования) двух разновидностей основ, характеризующих парадигму форм ср. степени: основы в формах им.-вин. п. ед. ч. муж. и ср. р. *мьнии, новѣи* (муж. р.), *мьне, новѣе* (ср. р.) и основы в формах косв. падежей, напр. *мьньша, новѣиша* (род. п. ед. ч. муж. и ср. р.), совпадающей с основой в форме им. п. ед. ч. жен. р. — *мьньши, новѣиши*.

С проблемой взаимодействия этих двух разновидностей основ, характеризовавших первоначально разные формы в парадигме словоизменения сравнительной степени, связаны как основные вопросы истории членных (согласуемых) форм, так и история формирования несогласуемых форм сравнительной степени в русском языке.

Как показывают данные современного русского языка, бытующие в нем формы ср. степени восходят к обеим основам: членные (согласуемые) формы выступают только с основой, восходящей к основе косв. падежей (*меньший, ближайший*); несогласуемые формы, имеющие формальный признак типа образования с суффиксом **-ějьs*, восходят только к основе им.-вин. п. — это формы на *-ее, -ей* (например, *милее, добрей*); несогласуемые же формы, имеющие формальные признаки типа образования с суффиксом **-jьs*, восходят как к формам с основой им.-вин. п. — это форма на *-е*, (например, *шире, выше*), так и к формам с основой косв. падежей (например, *меньше, старше, дольше*). Разграничение последних разновидностей образования в современном русском языке носит строго лексический характер. Однако еще в XVIII и даже XIX в. круг образований с основой косв. падежей был значительно у́же; ср. примеры: Незнаемые вам народы, что *далe* севера живут (Ломоносов); Не говори мне *боле* (Капнист, Ябеда); Но тем ответ сей был не *мене* бестолков (Богданович, Душенька); Если бы она была *реже* и *тоне* (Кантемир, Письма о природе человека); Чуть солнце просияло, желанье позывать бедняжку *дале* стало (Крылов).

[1] Разработке этого вопроса посвящена моя статья „К истории образования форм сравнительной степени в русском языке" („Труды Института языкознания АН СССР", т. VIII, 1957), построенная на материале тех же памятников, что и настоящая.

Закономерности в соотнесенности элементов *-ш-* и *-ѣйш-* (*-айш-*) с отдельными разновидностями образования, в частности, причина утверждения и лексической закрепленности элемента *-ш-* в некоторых несогласуемых формах при отсутствии в них элемента *-ѣйш-*, (*-айш-*), как и остальные вопросы формирования несогласуемой и членной форм ср. степени, составляют проблематику настоящей статьи.

При изучении поставленных вопросов чисто формообразовательного характера приходится однако сталкиваться с целым рядом сложных и еще недостаточно изученных проблем синтаксического характера, а именно, с историей синтаксических функций членных и нечленных форм и связанной с ней проблемой утраты форм согласования нечленными формами ср. степени в предикативном или полупредикативном употреблении. Поэтому, прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению материала по поставленной проблеме формообразования, необходимо остановиться, хотя бы в общих чертах, на основных синтаксических вопросах, чтобы определить основное направление процессов, имевших место в этой области, и их связь со сферой формообразования. Это поможет более четко и правильно подойти к изучению истории форм ср. степени в разные исторические периоды.

Остановимся вначале на характеристике синтаксической роли членных и нечленных форм с целью наметить основное направление в истории их синтаксических функций.

В древнейших памятниках русской письменности употребление членных форм ср. степени имеет весьма ограниченный характер. Это проявляется в сравнительно редком их употреблении в языке древнейших памятников вообще. Для примера приведем данные Галицкого Четвероевангелия 1144 года. На 43 формы ср. степени прилагательных (при подсчете исключены формы им.-вин. п. ед. ч. муж. р. типа *новѣи, мьнии* и формы им.-вин. п. ед. ч. ср. р. типа *новѣе,* так как различие членных и нечленных форм в них морфологически не выражено), встретившихся в памятнике, падает лишь 7 случаев употребления членных форм ср. степени; остальные — нечленные. Если же этот материал рассматривать с точки зрения тех синтаксических функций, которые выполняют членные и нечленные формы, то вырисовывается следующая картина.

Членные формы встречаются только в качестве определений или в субстантивированном употреблении. Примеров предикативного употребления членных форм ср. степени не обнаружено. Ср. примеры.

В атрибутивной функции: Си ѥсть пьрвaм и *большiѥ* заповѣдь (Мат., XXII, 38); ѥдиномоу ѿ сїхъ малыхъ братъ моихъ *мьньшїхъ* (Мат., XXV, 40); не сътворїсте ѥдіномоу ѿ сїхъ *мьньшї* (Мат., XXV, 45); въ нихъ же быша *множѣшaѧ* силы его (Мат.. XI, 20); и оставїсте *тяжьшaѧ* закона соудъ и мл҃стъ и вѣроу (Мат., XXIII, 23).

В субстантивированном употреблении: *лишєѥ* бо сею ѿ неприѧзни ѥсть (Мат., V, 37); и начaша кнїжнїцы и фарїсеи лютѣ ѧко гнѣватїсѧ и прѣстaти и о *множaншїхъ* (Лук., XI, 53).

Нечленная форма гораздо менее ограничена в своих синтаксических возможностях. Она господствует в предикативной функции, нередко встречается в функции определения, а также может довольно свободно выступать и в субстантивированном употреблении. Ср. примеры:

В атрибутивной функции: сїи прімоуть осоуженьѥ *больше* (Лук., XX, 47); еда *больша* знаменьѧ сътворїть (И., VII, 31); разорю жїтнїцѧ моѧ и *большѧ* съзїжю (Лук., XII, 18); сего радї прімете *лїше* осоуженьѥ (Мат., XXIII, 13); їсъ *множaишѧ* оученїкы творїть (И., IV, I); възметь послѣдъкъ ѥго новоѥ ветїхаго и *горьшї* дїра боудеть (Мар., II, 21);

ꙗко *пръвѣшїи* заповѣдь ѥсть всѣхъ (Мар., XII, 29); Тъгда идеть и поиметь дроугы *горьшь* себе седмь (Лук., XI, 26); пакы посла ины рабы *множаишѧ* пръвых (Мат., XXI, 36).

В субстантивированном употреблении: *лꙋшьшѧ* просѧть ѿ нѥго (Лук., XII, 48); изволѩсѧ и мнѣ *хѡжьшю* исьпърва по всѣх въ истѩноу по рѧдоу пѩсаті тобѣ, (Лук., I, 3).

Такое распределение синтаксических функций, при котором в предикативном употреблении целиком господствуют нечленные формы, а в функции определения[2] в основном выступают членные формы (при достаточно свободном использовании в этой же роли и нечленных форм), говорит о наличии уже в языке определенных предпосылок для дальнейшего обособления синтаксических функций, связанных с атрибутивным или предикативным употреблением форм ср. степени, посредством противопоставления членных форм в атрибутивной функции нечленным формам в предикативной функции.

Следует заметить, что в отношении синтаксической роли членных и нечленных форм ср. степени, картина представляется весьма сходной с распределением членных и нечленных форм прилагательных „положительной степени" в древнейший период истории русского языка[3]. Сходство в распределении членных и нечленных форм ср. степени и прилагательных „положительной степени" дает основание и для проведения некоторых аналогий, связанных с вопросом о том, какие закономерности отражаются в использовании в качестве определения в одних случаях членных, в других — нечленных форм.

Существующее мнение о том, что употребление членных и нечленных форм первоначально оформляло значение определенности и неопределенности того существительного, которое определялось прилагательным, принадлежит Миклошичу[4] и, бесспорно, является правильным как характеристика первоначальных отношений. Справедливость этого утверждения подтверждается наличием сходных по существу отношений в других индоевропейских языках, например, современных германских и романских, где именно определенность и неопределенность существительного в контексте речи обусловливает употребление при нем так называемого определенного и неопределенного артиклей (или его отсутствие).

Однако уже язык древнейших славянских (в том числе и русских) письменных памятников указывает на то, что эти отношения оказываются к началу письменного периода в значительной степени нарушенными. Исследователи древнерусских памятников, подтверждая наличие в основе распределения членных и нечленных форм отношений определенности

---

[2] Субстантивированное употребление рассматриваем как одну из форм атрибутивного употребления, возникшую в результате опущения определяемого члена предложения.

[3] См. работы: F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen, Bd. 4., Syntax. Wien, 1868—1874, стр. 139; Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, вып. 2. Историческая морфология. Харьков, 1913, стр. 34—36; Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи. Пг., 1923; Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I-й Новгородской летописи. Изв. ОРЯС АН, т. XXIII, кн. I, 1918; G. Gunnarson. Recherches syntaxiques la decadance de l'adjektif nomial dans des langues slaves et particulierement dans le russe, Paris, 1931, §§ 43—44; С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946; С. Д. Никифоров. Из наблюдений над языком Домостроя по Ковшинскому списку. „Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина", XLII, 1947, стр. 71—75; Л. П. Якубинский. Из истории имени прилагательного. „Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР", вып. I, 1952; А. Г. Руднев. Внутренние закономерности в употреблении именных и местоименных прилагательных в русском языке. „Slavia", Ročnik XXVI. Praha, 1957.

[4] См. F. Miklosich. Указ. соч.

и неопределенности (см., например, названную работу С. П. Обнорского), вместе с тем отмечают уже в древнейших памятниках факты, не вполне укладывающиеся в намеченные рамки. Так, Е. С. Истрина в своей работе „Употребление именных и местоименных форм прилагательных в Синодальном списке I-й Новгородской летописи" приходит к выводам, если не прямо противоречащим формуле Миклошича, то значительно ее видоизменяющим.

Миклошич, говоря об определенности членного прилагательного, имел в виду прежде всего факт вторичной упоминаемости существительного, к которому относится данное прилагательное в тексте. Е. С. Истрина же выделяет в характеристике этих отношений прежде всего значение прилагательного как такового. Если прилагательное обозначает „признак предмета известный, обычный, само собою вытекающий для данного случая и вообще не отражающийся ярко в сознании", то оно как правило оформляется в виде членной (местоименной) формы, в этом случае в сочетании прилагательного с существительным „первостепенное значение принадлежит последнему, а местоименное прилагательное более или менее тесно с ним сливается" (стр. 51—52). „Именная форма, — пишет Е. С. Истрина, — употребляется в тех случаях, когда определение-прилагательное означает признак, применяющийся к предмету как результат акта мысли, результат умозаключения: в силу этого оно означает всегда признак, энергично проявляющийся, существенный для данного предложения, превышающий значение существительного-определяемого. Значение именной формы прилагательного может быть определено, как значение предикативное" (стр. 52). Развивая эту мысль, Е. С. Истрина далее указывает, что эта форма (нечленная) как более предикативная, употребляется в обособленных выражениях: вторые падежи, оппозиция и т. д., ср. примеры: і створиша волость іхь *поустоу* 265_2; і оумыслиша свѣтъ *золъ* 278_8.

Попытка объяснения причин распада наметившейся в древности категории определенности и неопределенности, представляющаяся вполне убедительной, дана в указанной выше работе Л. П. Якубинского. Он выдвигает два основных фактора, подрывавших категорию определенности и неопределенности.

Первый из них состоит в нечетком оформлении категории определенности и неопределенности в русском языке, где лишь понятие определенности получило грамматическое оформление, выразившееся в постановке члена (*и, я, е*), между тем, как „отсутствие члена выражало и понятие неопределенности и невозможность или ненужность применить в данном случае категорию определенности и неопределенности" (стр. 213); к последним случаям он относит собственные имена, названия общеизвестных „определенных" местностей, территорий, городов и праздников и т. д.; не нуждаются в выражении определенности, по его мнению, также и притяжательные прилагательные. Такие отношения Л. П. Якубинский сравнивает с соответствующими во французском языке, где все три случая оказываются грамматически выраженными постановкой артикля *le* (определенного), *un* (неопределенного) и отсутствием артикля.

Второй и главный фактор, по мнению Л. П. Якубинского, подрывающий категорию определенности и неопределенности, — это то, что помимо функции выражения определенности и неопределенности противопоставление членных и нечленных форм в русском языке выполняло еще одну и, как оказалось впоследствии, более важную нагрузку. Дело в том, что „местоимения *и, я, е* ставились при кратких прилагательных, превращая их в полные, только тогда, когда прилагательные выступали в роли определений-атрибутов; когда же прилагательное стояло в качестве сказуемого-предиката, т. е. в предикативной функции, то при нем опре-

деленный член первоначально никогда не ставился. Это объясняется тем, что предикат в именном сказуемом выступает сам по себе как признак, приписываемый или открываемый в уже известном, определенном предмете" (стр. 215).

Вот это двойное противопоставление членных и нечленных прилагательных, — с одной стороны, как определенных и неопределенных, с другой стороны, как атрибутивных и предикативных, — в котором противопоставление атрибутивности и предикативности перевешивало по своей значимости в языке, и явилось основным фактором, подрывавшим категорию определенности и неопределенности.

Таким образом, древнейшие памятники русского языка в отношении употребления членных и нечленных форм прилагательных обнаруживают определенный этап разрушения старых отношений определенности и неопределенности. Внешне сходная картина употребления членных и нечленных форм ср. степени, выражающаяся в возможности постановки в качестве определения как членной, так и нечленной формы, для первых этапов истории русского языка детально не исследована в отношении значений, связанных с этим разграничением.

Однако для старославянского языка неоднократно отмечалось, что случаи употребления членных форм ср. степени в качестве определений без дополнения в родительном падеже, в котором бы конкретизировался объект сравнения, а также случаи субстантивированного употребления членных форм ср. степени с большей или меньшей определенностью можно трактовать как выражение превосходной степени. Эта же линия, сложившаяся при ведущем влиянии норм старославянского языка, прослеживается и в книжном русском языке[5] (особенно в эпоху второго южнославянского влияния); она оставила свои следы и в современном русском литературном языке.

Закрепление за членными формами ср. степени значения превосходной степени представляется не случайным, а связанным с первичным значением определенности, свойственным в древности членным формам. При рассмотрении этого вопроса следует принять во внимание первоначально недифференцированное выделительно-усилительное значение форм с древними суффиксами так называемой ср. степени. Такие отношения возникли в славянских языках в результате утраты в них специального индоевропейского суффикса превосходной степени. Поэтому обобщенный в славянских языках „суффикс *-*jes* первоначально был суффиксом интенсивности, указывающим на высшее качество одного предмета по отношению к неопределенному количеству других предметов. Развившись в суффикс сравнительной степени, он выражал в славянском не только сравнение между двумя словами, но и сравнение множественное, — одновременно и сравнительную и превосходную степень"[6]. Дальнейшая история развития языка обогащает эти формы, как все части речи, служащие в качестве определений, способностью вступать в согласование в двух видах — членном и нечленном, причем за первым из них закрепляется значение определенности в широком смысле (вышеупомянутость, общеизвестность, обычность для сознания говорящего — по определениям различных исследователей для прилагательных). На базе таких отношений представляется вполне оправданным закрепление

---

[5] См. А. И. Соболевский. Из введения в морфологию церковнославянского языка, отдельный оттиск из „Филологических записок", вып. IV, Воронеж, 1902. А. А. Шахматов. Курс истории русского языка (Литограф. лекции.), ч. III. СПб., 1910—1911.

[6] См. A. Vaillant. Le comparatif slave en -ějĭ. „Revue des études slaves", t. XI, f. 1—2, p. 10.

за членной разновидностью форм с суффиксом ср. степени значения превосходной степени.

Основными признаками в области значений, характеризующими превосходную степень в отличие от сравнительной, являются:

1) Понятие множественности в отношении объектов сравнения. Этот признак не является основным, определяющим для формы превосходной степени как таковой, так как он в большинстве случаев находит свое особое синтаксическое выражение в постановке дополнения, указывающего на множественный характер объекта сравнения: *старѣи* изъ нихъ, ... в нихъ... мытаремъ и др.

2) Выделение одного из всех предметов в отношении степени проявления того или иного качества. Один предмет противопоставляется всем другим по степени проявления в нем качества, выделяется по данному признаку из числа других однородных предметов, в той или иной мере обладающих тем же качеством, что делает его вполне определенным со стороны этой качественной характеристики. Чтобы пояснить мысль, следует обратиться к другим индоевропейским языкам, обладающим также грамматически выраженными понятиями определенности и неопределенности, и посмотреть, связывается ли оно там со значением превосходной степени и в каких формах эта связь осуществляется. Возьмем, например, французский язык. Отношения определенности и неопределенности, а также неохарактеризованности в этом плане выражается в нем соответственно в первом случае постановкой так называемых определенных артиклей le (муж. р.), la (жен. р.), les (мн. ч. обоих родов), во втором случае un (муж. р.), une (жен. р.), des (мн. ч. обоих родов) и в третьем случае — отсутствием артикля вообще. Степень сравнения выражается во французском языке аналитически формулой: наречие plus или moins + имя прилагательное; союз que соотносит ее с объектом сравнения (например: la platine est plus cher que l'or). Для выражения же превосходной степени используется определенный артикль или один из притяжательных детерминативов (mon, ton, son), который ставится перед формулой ср. степени[7] (например: L'etudiant la plus douée a reçu le prix или mon plus grand désir est de servir ma patria). Таким образом, мы видим, что превосходная степень формируется здесь на базе сравнительной путем введения элемента, выражающего определенность. Следовательно, определенность выступает здесь как специфика превосходной степени. Поэтому постановка неопределенного артикля (а следовательно, и понятие неопределенности в отношении к субъекту сравнения) исключена по отношению к оборотам, выражающим превосходную степень; наоборот, в сравнительных оборотах постановка неопределенного артикля при существительном, выражающем субъект сравнения, вполне допустима (ср., например, un home plus fort le pourrait faire).

Эта аналогия, которую можно было бы расширить примерами из других романских, а также германских языков, подтверждает наличие закономерной связи между категорией определенности, выраженной в первоначальном противопоставлении членных форм ср. степени нечленным, и развившимся впоследствии и закрепившимся за членными формами значением превосходной степени в некоторых славянских языках.

Определенная стадия становления этих отношений отражена в памятниках старославянской письменности. В русском языке членные

---

[7] Ср. у Миклошича (Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. 2., Stammbildungslehre. Wien, 1875. См. замечание в связи с русскими формами на *-ěišij* в значении превосходной степени: „Это же значение имеет сравнительная форма в романских языках и новогреческом, когда она имеет артикль".

формы со значением превосходной степени утвердились благодаря старославянской письменной традиции и оказались здесь достоянием не народного языка, а лишь языка книжного. Только через посредство этого звена они постепенно укреплялись и в литературном языке (в большей или меньшей степени на разных этапах его развития). Ниже при изложении конкретного материала мы постараемся вскрыть своеобразие истории членных форм ср. степени на русской почве.

Описанное выше распределение синтаксических функций между членными и нечленными формами ср. степени, как известно, повело к специализации нечленных форм ср. степени на выражении предикативных и полупредикативных отношений, что, в свою очередь, привело к их существенной морфологической перестройке — утере ими форм согласования.

По вопросу об утрате согласования нечленными формами ср. степени нет специальной литературы. Отдельные замечания, касающиеся этого процесса, встречаются в общих курсах по истории русского языка. Все они носят самый общий характер, являясь лишь констатацией факта без попыток показать специфику и детали процесса, и иллюстрируются незначительным числом примеров[8].

Между тем, в проблеме в целом имеется ряд не лишенных интереса вопросов, остающихся до настоящего времени нерешенными. Они относятся прежде всего к общим закономерностям утраты согласования нечленными формами ср. степени, которые, подобно ряду других форм, могли первоначально совмещать функции определения и предикатива; ср., например, напрашивающиеся сюда аналогии с историей нечленных форм прилагательных и причастий страдательного залога, где тот же процесс (с точки зрения общих побудительных причин) привел к несколько отличным результатам: не к полной утрате согласования, а к сохранению его только в роде и числе[9].

Утрата согласования в форме падежа вытекает из общего направления синтаксической перестройки отношений — специализации нечленных форм на выражении предикативных отношений. Утрату же согласования в формах числа и рода для одних из категорий языка, переживающих синтаксическую перестройку, обусловленную одной и той же причиной, и сохранение этого согласования у других можно, как нам кажется, объяснить, исходя из различий в оформлении системы словоизменения этих языковых категорий. Система словоизменения нечленных форм прилагательных и причастий страдательного залога построена по продуктивному типу (по основам на *-o* и *-a*), тогда как система словоизменения нечленных форм ср. степени представляется для своего времени раритетом. В ее сложении сыграли роль моменты, относящиеся к разным эпохам. Так, следом былого функционирования форм ср. степени как основ на согласный являются формы им.-вин. п. муж. и ср. р., а также флексия *-e*, восходящая к индоевропейскому *-es*, в им. п. мн. ч. муж. р. Более позднее оформление их по типу основ на *-jo* сказалось на остальных формах, причем и среди тех им. п. ед. ч. жен. р. был

---

[8] См. в курсах: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 223—224; А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. III, стр. 553; Н. Н. Дурново. Очерки истории русского языка, вып. 2. Историческая морфология. Харьков, 1913; из новейших курсов: П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд. МГУ, 1953.

[9] В более далеких отношениях к процессу утраты согласования ср. степенью стоит тот же процесс в причастиях действительного залога настоящего времени, что объясняется спецификой их синтаксической роли как второстепенного сказуемого.

оформлен по непродуктивному типу на *і* (ср. *мьньши*, как *богыни*,— окончание, которое толкуется как *ја* на ступени редукции)[10].

Решающее значение имело то, что родовые различия и различия, связанные с противопоставлением форм ед. и мн. числа в им. падеже, особенно важном для предикативной функции, оказались оформленными по непродуктивной в языке модели (ср. такие же отношения только в деепричастиях действительного залога): в противопоставлении по родам (*мьнии* : *мьне* : *мьньши*) и по числам (*мьнии* : *мьньше* — муж. р.; *мьнѣ* : *мьньша* — ср. р.; *мьньши* : *мьньшѣ* — жен. р.); буквально каждая из форм противопоставлена другой посредством раритетных для языка средств. Непродуктивная система флексий, по сравнению с системой продуктивной (прилагательные и причастия страдательного залога), естественно, легче могла подвергнуться разрушению даже при наличии равных к этому предпосылок.

Вторым из неизученных вопросов, касающихся утраты форм согласования, является сам ход этого процесса. В данной статье процесс утраты форм согласования освещается в основном под тем углом зрения, который дает возможность уяснить вопросы формообразовательного порядка, связанные с выработкой в языке несогласуемой формы ср. степени.

При изучении истории нечленных форм ср. степени следует различать два периода. Первый период характеризуется наличием у нечленной разновидности ср. степени форм словоизменения не только в атрибутивной, но и в предикативной функции. Этот период охватывает отрезок времени с начала письменного периода по XIV в. включительно. Наличие форм словоизменения означало актуальность для языка противопоставления основы им.-вин. падежа ед. числа муж. и ср. рода основе косв. падежей в обоих типах образования ср. степени, как одного из средств противопоставления разных форм одной парадигмы, еще живой в системе языка. Для этого периода представляется важным проследить в области словообразования те процессы, которые в дальнейшей истории могли оказать влияние на образование несогласуемой формы ср. степени:

1) осуществление в пределах действующей еще системы словоизменения влияния основы косв. падежей на членные и нечленные формы им.-вин. падежа муж. и ср. рода;

2) становление первичной словообразовательной базы для формирования основы несогласуемой формы ср. степени в ранних случаях утраты согласования.

Второй период в истории синтаксической роли ср. степени (XIV—XVII вв.) характеризуется установлением несклоняемой формы ср. степени для случаев предикативного и полупредикативного употребления.

Этот сдвиг повлек за собой полную перестройку отношений, связанных с образованием нечленной формы. Разноосновность форм словоизменения, которая в период наличия согласования являлась одним из актуальных средств противопоставления разных форм одной парадигмы, с утратой согласования превратилась в фактор чисто словообразовательный. Таким образом, в результате перестройки синтаксических отношений, средства словоизменения были как бы переданы в арсенал словообразования. И если для первого периода синтаксической истории ср. степени можно говорить только об образовании отдельных форм парадигмы словоизменения, то для второго периода закономерно ставить вопрос об образовании единой неизменяемой сравни-

---

[10] С. Кульбакин. Древне-церковнославянский язык. Изд. 2, 1913, стр. 147.

тельной формы как таковой с использованием для этого средств, употреблявшихся раньше в другой функции.

Установление в языке несклоняемой формы ср. степени завершило собой процесс морфологического обособления нечленных форм в предикативном употреблении и окончательно оформило грамматически специализацию бывших нечленных форм ср. степени на выражении предикативных отношений и связанный с этим разрыв атрибутивных связей.

В результате утраты согласования в языке возникла несклоняемая форма ср. степени, употребляющаяся в функции предикативного или полупредикативного определения.

Форма этой несогласованной ср. степени в рассматриваемый здесь период (XIV—XVII вв.) стабилизируется, причем, естественно, на базе тех средств языка, которыми располагала ср. степень как словообразовательный тип в предшествующий период.

В языке издавна существовала неизменяемая форма ср. степени, употреблявшаяся в роли наречия как характеристика глагола. Она совпадала с формой им. падежа ед. числа среднего рода ср. степени прилагательных, с которой несомненно была связана и своим происхождением. Однако, как и формы наречия „положительной степени", формы ср. степени, выступавшие в функции наречия, уже в древнерусском языке частично утратили свою соотносительность с прилагательными. Так, помимо форм, имеющих общую основу с соответствующим прилагательным, можно указать на ряд форм ср. степени, известных только в значении наречия и не имеющих соответствующих (той же основы) форм прилагательных; ср., например, такие очень употребительные в русском языке формы наречий, как *прѣжде* (русская форма *переже*), *паче* (заимствование из старославянского языка), *древле*, *послежде* (ср. наречие *послѣдь*, *послѣди*).

Благодаря этому применительно к древнерусскому языку той эпохи, когда нечленные формы ср. степени сохраняли в предикативной функции согласование, считаем возможным рассматривать неизменяемую форму ср. степени, выступающую в функции наречия, и согласуемые нечленные формы ср. степени, выступающие в предикативной функции, как две разные части речи: наречие ср. степени и прилагательное ср. степени. Эти отношения представляются нам в общем аналогичными тем отношениям, которые в современном русском языке существуют между наречиями и прилагательными „положительной степени", с той лишь оговоркой, что категория наречий в современном языке формально гораздо более четко отграничена от категории прилагательных по сравнению с древнерусским языком.

Однако в дальнейшем, в связи с утратой форм согласования нечленной разновидностью ср. степени и выработкой несогласуемой формы ср. степени, эти отношения изменились.

Наличие издавна в языке неизменяемой формы ср. степени — наречия ср. степени, — естественно, не могло не отразиться на судьбе той несогласованной формы ср. степени, которая возникла взамен согласованных нечленных форм ср. степени прилагательных.

Как будет показано ниже, исторический процесс взаимодействия несогласованной формы ср. степени прилагательного и наречия ср. степени вылился в конечном счете в процесс выработки общей формы. Таким образом, возникла единая по своему оформлению категория слов, объединившая две синтаксические функции: функцию предикативного и полупредикативного определения, выполнявшуюся некогда нечленными формами ср. степени прилагательных, и функцию, выполнявшуюся раньше ср. степенью наречия — обстоятельственную. Мы вслед за Пеш-

ковским[11] считаем, что при установившихся в современном русском языке отношениях речь относительно ср. степени должна идти не о двух разных словах, в одном случае — прилагательном, в другом — наречии, а об одном слове с двоякой синтаксической функцией; таким образом, нам кажется возможным говорить о несогласуемой форме ср. степени как об особой группе слов со значением ср. степени признака предмета или действия. Разрыв же единой по своему грамматическому оформлению группы слов на две части речи представляется нам искусственным и лишенным грамматической основы, поскольку единственным основанием для такого разрыва является различие синтаксических функций.

Резко разошедшаяся синтаксическая роль членных и нечленных форм ср. степени не могла не сказаться и на расхождении их в словообразовательном плане. Если для образования несогласуемой формы ср. степени (в ее разновидностях, соответствующих двум исторически различавшимся типам ее образования) стали типичными одни из охарактеризованных выше словообразовательных средств, то для членных форм ср. степени в тех же разновидностях стали типичными другие. Однако общность происхождения несогласуемой формы и членной формы обусловила на всем протяжении истории русского языка сложные линии аналогических взаимодействий между основами этих форм. Эти отношения были вдобавок осложнены факторами жанрово-стилистического порядка, которые также прослеживаются нами по ходу изложения.

Из сказанного выше о своеобразии синтаксической истории ср. степени вытекают основные методические требования к исследованию, посвященному истории ее форм. Процесс формирования несогласуемой ср. степени может быть правильно понят только в том случае, если материал будет рассматриваться с учетом тех изменений, которые произошли в синтаксическом плане. Специфика этого процесса образования несогласуемой формы в ее разновидностях и особенности в истории образования членных согласуемых форм ср. степени должны выступать на фоне соотносительности этих форм, связанных общностью происхождения.

* * *

Переходя непосредственно к рассмотрению поставленной проблемы, остановимся вначале на характеристике фактов, представленных в памятниках старославянского языка.

Противопоставление форм одной парадигмы не только посредством флексий, но и посредством вариантов основ издавна характеризовало в языке, легшем в основу отдельных славянских языков, систему изменения форм ср. степени как в нечленной, так и в членной разновидностях.

Древнейшие русские памятники, как и памятники старославянского языка, захватывают тот период в истории форм ср. степени, когда противопоставление форм, образованных от разных основ, в целом еще

[11] Ср. у А. М. Пешковского („Русский синтаксис в научном освещении". М., 1938, стр. 60): „В школьной грамматике их (сравнительные формы — *С. Б.*) относят обычно и к прилагательным и к наречиям, трактуя их как разные слова: то *хуже*, которое образовано от *худой*, считается сравнительной степенью прилагательного, а то, которое образовано от *худо*, считается сравнительной степенью наречия. Но так как никакой другой разницы между двумя *хуже* констатировать невозможно и так как эта разница обусловливается исключительно ролью данной формы в словосочетаниях, то ясно, что речь идет об одном слове с двумя синтаксическими значениями".

сохранялось; ср. существующее в этот период противопоставление нечленных форм *новѣи, мьнии* (им.-вин. п. ед. ч. муж. р.), *новѣѥ, мьнѥ* (им.-вин. п. ед. ч. ср. р.) формами *новѣиши, мьньши* (им. п. ед. ч. жен. р.), *новѣиша, мьньша* (род. п. ед. ч. муж. и ср. р.) и т. д., как и противопоставление членных форм *новѣи*, мьнии** (им.-вин. п. ед. ч. муж. р.), *новѣѥ*, мьнеѥ* (им.-вин. п. ед. ч. ср. р.) формам *новѣишаѩ, мьньшаѩ* (им. п. ед. ч. жен. р.), *новѣишего, мьньшего* (род. п. ед. ч. муж. и ср. р.) и т. д.[12].

Однако уже материал старославянского языка показывает, что эти отношения начинают разрушаться. В работе Р. Шолвина[13] приводятся данные из Клоцева сборника, Супральской рукописи, Саввиной книги, Мариинского, Зографского и Ассеманиева евангелий, характеризующие употребление форм ср. степени в им.-вин. падеже муж. и ср. рода нечленной и членной разновидностей. По его данным, среди нечленных форм им. падежа ед. числа ср. рода на 83 случая употребления форм на -ѥ или -ѣѥ приходится всего два случая употребления форм от основы косв. падежей; ср. в Супр. р.: *чьстьнѣише* (59, 29) и *множаише* (70, 25); среди нечленных форм вин. падежа ед. числа ср. рода (Шолвин включает в этот же подсчет и формы наречий) на 128 случаев употребления форм на -ѥ или -ѣѥ приходится всего 4 случая употребления форм от основы косв. падежей. Ср. примеры: *больше* (Супр. р., 303, 25); *честьнѣише* (нареч., — там же, 438, 27); *больше* (Савв. кн., 94, 24); *больше* (Мар. Ев., Лук. XX, 47). Формы им.-вин. падежа муж. рода, кроме одного случая из Асс. Ев. (*меньше*, — 95, 10), образованы без суффикса -**jo*; ср. для вин. п. примеры: *болии* (Клоц. сб., К., 445); *множаи* (Супр. р., 278, 20); *хоуждеи* (там же, 278, 20); *болiиI* (там же, 279, 28); *гореи* (там же, 250, 2); *больи* (Савв. кн., 4, 2; 93, 23); *вашти* (там же, 107, 30). Все случаи употребления членных форм от основы косв. падежей на месте форм от основы им.-вин. п. муж.-ср. р. относятся к вин. п. ср. р.: на 2 случая употребления форм на -ѥѥ (*вышеѥ*, Супр. р., 223, 7; *болеѥ*, там же, 408, 12) приходится 9 случаев употребления форм от основы косв. падежей, ср. примеры: *горьшеѥ* (Супр. р. 157, 16; 402, 7); *чьстьнѣишеѥ* (там же, 87, 27); *большее* (там же, 233, 6; 312, 9; 429, 24); *большеѥ* (там же, Лук. XX, 47).

Приведенный Шолвином материал свидетельствует о том, что на почве старославянского языка процесс вытеснения форм, представляющих исторически чистую основу на согласный, уже начался. Этот процесс охватывает прежде всего вин. падеж: в членных формах образования с основой косв. падежей преобладают в этом падеже.

Этот же процесс отражен и в древнейших русских памятниках. Ниже постараемся показать ход этого процесса и его следствия для всей системы образования форм ср. степени в ее развитии.

I. ЧЛЕННЫЕ ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ

1. Взаимодействие основ в истории членных форм сравнительной степени

Противопоставление основы им.-вин. падежа ед. числа муж. и ср. рода основе косв. падежей (=основе им. падежа ед. числа жен. рода) в формах ср. степени членной разновидности представлено очень не-

---

[12] Формы, отмеченные звездочкой, совпадают с соответствующими нечленными формами.

[13] См. R. Scholvin. Beiträge zur Deklination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen. „Archiv für slavische Philologie", Bd. II, Hf. 3.

последовательно уже в древнейших памятниках; частые случаи употребления основы косв. падежей в им.-вин. падеже муж. и ср. рода свидетельствуют о том, что начало процесса обобщения основы косв. падежей следует относить еще к доисторической эпохе.

Прежде всего следует отметить, что процесс обобщения основы прошел в членных формах совершенно последовательно и закончился в течение первых трех веков существования русской письменности.

Процесс обобщения основы членных форм ср. степени проходил только в направлении обобщения основы косв. падежей. Такое направление этого процесса характеризует все славянские языки, сохранившие в области имен флективный характер, кроме сербского языка, где через все склонение членных форм типа с суффиксом *-*ějьs* проходит основа им.-вин. п. ед. ч. муж. и ср. р. (им. п. stariji, род. п. starijega и т. д.[14]).

Процесс обобщения основы косв. падежей по своей сущности, как нам кажется, связан с охарактеризованной уже выше тенденцией к обособлению форм ср. степени, выступающих в функции определения, от форм, употребляемых предикативно. Если формы, выступающие в роли предикатива, утратили в результате этой тенденции формы согласования, то формы, употребляемые в качестве определения, не только их сохранили, но и совершенствовали эту систему согласования. Распространение основы косв. падежей на им.-вин. падеж муж. и ср. рода, означало, во-первых, что непродуктивное в системе членного склонения противопоставление форм посредством противопоставления вариантов основ устранялось, в результате чего парадигма изменения членных форм ср. степени переходила в тип склонения прилагательных мягкой разновидности; во-вторых, этим самым устранялось совпадение форм им.-вин. падежа ед. числа муж. и ср. рода (*мьнии, новѣи, новѣе*) с соответствующими нечленными формами, что совпадало с тенденцией к синтаксическому обособлению этих форм.

Как уже отмечалось выше, процесс обобщения основы косв. падежей уже широко был представлен в старославянских памятниках. То же следует отметить и для древнерусского языка XI—XIV вв. Приведем примеры.

В образованиях по типу с суффиксом *-ьjьs*:

им. п. муж. р.: *вѧ|ьшии* гневъ (Злат., IX, стр. 104); *лоущьшии* огнь (там же, VIII, стр. 96); и рече *меньшии* снъ (Тип. Нед. XII в., Сим. 1270 г., — по вариантам, приведенным в Гал. Ч.-Ев., Лук. XV, 12);

им.-вин. п. ср. р.: на *лоучьшеѥ* (субст.) (Сл. мин., сент., 5 б); горьшимъ *лоучьшеѥ* ты поработи (там же, 110 а); на *горьшеѥ* (Злат., стр. 47); надеждамъ на *вѧщьшеѥ* (Син. пат.); на *большее* мучение (Серап. Влад., II); перемѣните на *лучьшее* (там же, II); вѧще и *меньшеѥ* въ ѥдиносоущьство искомо ѥсть (Хр. Георг. Ам., 223 г, сп. XIII—XIV в); *большеѥ* зло (Лавр. лет., 262); подобаѥть ѿ болшаго зла изволити *меншеѥ* (Пам. кан. пр., № I, сп. XIV в.); *лоучьшеѥ* (субст.) (там же, № 10, сп. XIII в.); на *большее* рыдание (К.-Печ. пат., л., 181); *большее* зло начнуть творить (там же, л. 53); преходѧ ѿ дѣла в дѣло *ѕньшеѥ* (Лавр. лет., 214); в покаяния мѣсто *горшее* зло створиша (Новг. 1 лет., Син. сп., XIV в.).

---

[14] См. С. Кульбакин. Сербский язык. Харьков, 1915.

В образованиях по типу с суффиксом *-ějьs:

им.-вин. п. ед. ч. муж. р.: *чстѣишии* пркъ (Сл. мин., сент., 112 а); имоу же *старѣишии* бѣшѧ Сельвестръ (Изб. Свят., 1073 г., 55); *старѣишии* ею (Б. и Г., стр. 59); даю вы сынъ свой *старешии* Костянтин (Новг. I лет., Син. сп., 1205 г.); и придоша *старѣишии* Рюрикъ (Лавр. лет., 20); ты еси *старѣишеи* братъ (там же, 149); *старѣишеи* гра (там же, 230); снъ кго *старѣишии* (Суздал. лет., 295); яко братъ ему *старѣиший* на столѣ сѣдить отчи (Б. и Г., стр. 8); Потомъ на *старѣишии* путь (Дух. дог. гр. 1350—51 гг.); А сына Ивана благословлю на *старешьи* путь (там же, 1401 г.); *старѣишии* нашъ (К.-Печ. пат., л. 125); и рече *юнѣишїи* снъ (Конст. Ев. 1383 г. — по вариантам, приведенным в Гал. Ч.-Ев., Лук. XV, 12);

им.-вин. п. ср. р.: дѣтѧ сѧ роди *старѣишее* Новгородское (Лавр. лет., 247); ничто же есть убо *злѣишее* сего (Пам. кан. пр. № 20, сп. XV в.).

Сюда же следует отнести и случаи атрибутивного употребления нечленных форм им.-вин. падежа ед. числа муж. и ср. рода, образованных от основы косв. падежей. Примыкая по своей синтаксической функции к членным формам, эти формы и в отношении образования теснее смыкаются с ними, чем с нечленными формами: так, распространение основы косв. падежей на формы им.-вин. падежа ед. числа муж. и ср. рода в нечленных формах, выступающих в функции определения, осуществляется значительно раньше, чем в соответствующих нечленных, выступающих в предикативной функции. В то время как первые примеры наличия основы косв. падежей в нечленных формах, употребленных предикативно, относятся главным образом к XIII—XIV вв. (см. ниже), те же формы, употребленные в качестве определения, находим уже в древнейших памятниках.

В образованиях по типу с суффиксом -*jьs:

им. пад. муж. р.: да не вниде в *болши* гнѣвъ (Серап. Влад., I, стр. 2);

вин. пад. ср. р.: тѣмь же приложи ѵѵ варваръ на *оуньше* (Сл. мин., сент., 92 а); сїи прїмоуть осоуженьк *больше* (Гал. Ч.-Ев., Лук., XX, 47); пакы *больше* зъло начьнутъ ти твори (Усп. сб., стр. 33).

В образованиях по типу с суффиксом -*ějьs:

им. пад. ср. р.: кже истинно кдинѣник *незавидьнѣише* (Хр. Георг. Ам., 222 а, сп. XIII—XIV вв.);

вин. пад. ср. р.: аще бо Адамъ... провѣданик имѧше паче *множаише* (Сл. мин., сент., 92 а).

Объединение нечленных форм, выступающих в функции определения, по признаку образования основы с формами членной разновидности еще раз свидетельствует о том, что морфологический процесс обобщения основы косв. падежей теснейшим образом связан своим возникновением с обособлением функции определения от предикативной функции. Процесс этот по-разному характеризует не старые категории членной и нечленной разновидностей ср. степени, а формы, выступающие в качестве определения (членные и нечленные) в отличие от форм, выступающих в качестве предиката (только нечленных). В русских памятниках нечленные формы в атрибутивной функции зафиксированы на пути к их исчезновению (замены посредством членных

форм). Утрата их явилась завершением одной из сторон процесса морфологического обособления атрибутивной и предикативной функций, выражаемых формами ср. степени; второй его стороной явилась утрата форм согласования и становление несогласуемой формы ср. степени в предикативной функции.

Однако параллельно с ранним использованием членных форм от основы косв. падежей в формах им.-вин. падежа ед. числа муж. и ср. рода продолжается и использование в этих же падежах форм исторически закономерной разновидности. Приводим материал XI—XIV вв.[15].

В образованиях по типу с суффиксом -**jьs*:

им.-вин. п. муж. р.: еда ли дшь нашихъ кость како *мьнии*, (Злат., I, стр. 15); и *поущіи* огнь отъ того бываѣть (там же, VIII, стр. 96); бъ е и снъ, нъ *болии* е оцъ (Изб. Свят., 1073 г., 12); иже бо и томлникмь не быхъ *оунии* (там же, 93); азъ бо есть *мьньи* аплъ (Панд. Ант. XI в.); его же *болии* въ прчѣхъ не въстанеть (Сл. мин., сент., 140 а); родъмь сы *мьнии* блжныи Костѧнтинъ (Усп. сб., стр. рz); а лоуче не прещати силою, али *болии* грѣхъ (Пам. кан. пр., № 2, сп. XIII в.); но ли боуду *лучии* тъгда (там же); кто *лучеи* створить пиръ (там же, № 1, сп. XIV в.); но бра его *мнии* болии буде (Сб. Царского, стр. ks); им.-вин. пад. ср. р.: чьто бо намъ чрѣво въздасть *вѧщеѥ* погоублѧи (Злат., X, 118); *Бол'еѥ* и *хоуждеѥ* о кдиномь пытакмо кость и расѧждакмо (Изб. Свят., 1073 г., 23); *лишеѥ* бо сею ѿ неприязни кость (Гал. Ч.-Ев., Мат., V, 37).

В образованиях по типу с суффиксом -**ě̆jьs*:

Им.-вин. п. муж. р.: *старѣи* сын (Изб. Свят., 1073 г., 13); ты ми буди отець, ты ми братъ и *старѣи* (Б. и Г., стр. 30); слышаниѥ бо ради стыѣ отроковица. *множаи* народъ приде (Усп. сб., стр. рѣї); *свѣтльѣи* въ црихъ, подаю ти црство моѥ (там же, стр. рz); и отъ пьрьваго нбсе въсхожаше *славьнѣи* и не прѣобразовашесѧ (там же, стр. рѧѕ); приде *старѣи* пекоущимъ (там же, стр. п); въ соудьѣ же тѣхъ бы *старѣи* нарицаемь именемъ Июда (Хр. Георг. Ам., сп. XIII—XIV вв., 72 г.); и рече *юнѣи* снъ, (Нов. Зав. св. Ал., Лук. XV, 12).

Материал показывает, что формы старой основы встречаются исключительно в памятниках церковно-книжной письменности. В деловой письменности и летописях ранних изводов совершенно отсутствуют формы старой основы; все примеры этих памятников, падающие на им.-вин. падеж ед. числа муж. и ср. рода, образованы от основы косв. падежей. Правда, в этих документах отсутствует материал XI—XII вв., в течение которых формы старой основы могли в живом языке быть употребительными. Однако есть все основания считать членные формы

[15] Заметим, что ввиду совпадения старых форм членной и нечленной разновидностей в им.-вин. п. ед. ч. муж. и ср. рода (кроме формы ср. р., восходящей к образованиям с суффиксом -**jes*: *мьнеѥ* при нечленной *мьне*) выделение материала на употребление членных форм производится до некоторой степени условно, в особенности, если принять во внимание тот факт, что в функции определения могли быть употреблены и нечленные формы. Редкое употребление нечленных форм в этой функции, о котором свидетельствует материал тех падежных форм, где членная и нечленные разновидности различаются, дает определенную гарантию в том, что в приведенном материале в атрибутивной функции по крайней мере большая часть форм соответствует членным.

им.-вин. падежа ед. числа муж. и ср. рода старой основы неупотребительными в живом языке XIII в. и позже. В более позднее время в письменности такие формы продолжают встречаться, но они характеризуют лишь памятники, связанные с церковно-книжной традицией; ср., например:

и ѥко възвысисѧ огнь въспарѧ на *высочеѥ* (Пам. отр. лит., т. I, V_1, сп. XIV в.); а предавый мя тобѣ *болии* грѣхъ имать (К.-Печ. пат., л. 167); тако же вписахъ азъ грѣшный Нестеръ, *мний* всѣхъ в манастыри (там же, л. 93); и господинъ всему стяжанию моему будеши... и *старѣи* бояромъ (там же, л. 164); акы *старѣи* разбо́иникомъ, съмущаа гра́ды (Алекс., I, 36); и того ради *болiй* грѣхъ сами на ся влечемъ (Сказ. Авр. Пал.) и др.

Изредка эти формы встречаются и в позднейших летописных сводах: азъ Киева не собѣ ищю. оно оу мене бра *старѣи* Вѧчьславъ (Ипат. лет., 6659 г.); и оноя прелестныа жены Марфы *старѣи* сынъ ея Дмитрей приведенъ бысть (Соф. врем., 1471 г.); в нихъ же *старѣи* именемь Василеи Руманець (Твер. лет. 1392 г.).

Однако даже и в памятниках этих жанров старые формы им.-вин. падежа единичны при постоянном употреблении форм от основы косв. падежей. К концу же XVII в. они полностью выходят из употребления.

Заметим, что старая основа продолжала дольше употребляться в форме им.-вин. падежа ед. числа муж. рода, тогда как в форме ср. рода она была вытеснена основой косв. падежей значительно раньше. Даже из древнейших памятников мы смогли привести всего четыре примера старой основы в формах ср. рода, см. выше: *вѧщеѥ*[16] (Злат.); *бол'еѥ*, *хоуждеѥ* (Изб. Свят.); *лiшеѥ* (Гал. Ч.-Ев.); при этом формы ср. рода другого типа образования (со старым суффиксом *-*ejьs* *старѣе*, *свѣтлѣе* и т. п.) в качестве атрибута совершенно отсутствуют.

Возможно, что почти полное отсутствие в памятниках форм им.-вин. падежа среднего рода старой основы связано с преимущественным употреблением этих форм в качестве субстантивированных прилагательных, которые развились из атрибутивно употребленных прилагательных. Ранняя преимущественная связь с функцией определения, видимо, и объясняет оформление основы форм им.-вин. падежа ср. рода средствами, которые стали характеризовать формы ср. степени прилагательных в атрибутивной функции.

На основании всех рассмотренных фактов можно с полным основанием утверждать, что старая основа им.-вин. падежа муж. и ср. рода уже в эпоху первых памятников древнерусского языка занимала в языке подчиненное положение; для эпохи XIII—XIV вв. можно с уверенностью говорить об отсутствии форм старой основы в живом языке, полностью уступивших место формам с основой косв. падежей.

Обобщение основы косв. падежей во всех формах членной разновидности ср. степени привело к тому, что отдельные формы перестали быть противопоставленными друг другу вариантами основ. А это значит, что элементы *-ьш-(-ш-)* и *-ьйш-* перестали играть синтаксическую роль (как признак отдельной падежной формы). Тем самым эти элементы стали словообразовательными, отличающими основу членных форм ср. степени от основ соответствующих прилагательных положи-

---

[16] Формы с основой на *щ* (*вящее*, *-ий*, *-пущее*, *-ий*) в более поздних памятниках, относящихся к эпохе после падения редуцированных, нельзя рассматривать как формы старой основы им.-вин. падежа ед. числа: основа *пущ-*, *вящ-* проходит по всем падежам и является закономерным фонетическим развитием основы *пущьш-вящьш-*, после падения редуцированных.

тельной степени. Ввиду этого по обобщенному в них суффиксу членные формы ср. степени будем в дальнейшем изложении называть: членные формы с суффиксом *-ш-* и членные формы с суффиксом *-ѣйш-*[17].

2. Судьба членных форм сравнительной степени.

Членные формы в памятниках древнерусского языка характеризуются большим своеобразием в употреблении.

Для того, чтобы получить представление о специфике истории членных форм ср. степени на русской почве, следует проследить их судьбу в разных жанрах письменности изучаемого периода.

В жанрах древнейшей русской письменности, наиболее тесно связанных с церковной традицией, употребление членных форм целиком зависит от их употребления в старославянском языке. Как уже показано выше, узость синтаксической функции, в которой они могли выступать, обусловливала их малую употребительность в языке старославянских памятников, а следовательно, и древнейших русских памятников, особенно сильно подвергшихся их влиянию: в переводных с греческого богослужебных и других текстах религиозного содержания, в русских списках со старославянских памятников. (См. выше анализ употребления членных форм в Галицком четвероевангелии.)

Однако при малой употребительности членных форм в старославянском языке, как и в языке памятников древнерусской письменности, подверженных церковнославянской письменной традиции, не наблюдалось тенденции к лексическому ограничению в их употреблении. Приведем примеры употребления членных форм в этих памятниках[18].

При повсеместном употреблении членных форм от основ *меньш-*, *больш-*, *лучьш-* в памятниках употребляются также членные формы от других основ (данные приводятся не исчерпывающе).

В образованиях по типу с суффиксом **-jьs*:

тѧжьшихъ (Срезн.—Ефр. корм., крѳ, 134); *лишшее* (М. Гр., I, 172); *вышьшеѥ* (Изб. Свят., 43); *лоущьшии* (Злат., VIII, стр. 96, со значением 'лютейший'); *хоужьшааго* (Изб. Свят.); *гоушьшаѧ* (Хр. Георг. Ам., сп. XIII—XIV вв.); *вѫщьшаѧ* (Сл. мин.), *вѫщьшии* (Злат.); *глоубьшихъ* (Панд. Ант.); *требльшаѧ* (Срезн.—Апост. XIII в.); *требльшаѧ*, (Срезн.—Кир. Иерус., Огл.); *крѣпльшимъ* (Изб. Свят.); *уньшии* (Злат., Панд. Ант., Изб. Свят.); *поущьшаго* (Сл. мин., окт. 586);

В образованиях по типу с суффиксом **-ě̄jьs*[19]:

главнѣишааго (Изб. Свят., 9); *богатѣишимъ* (там же, 149б—150а); *простѣишааго* (там же, 30б); *старѣишаѧ* (там же, 112б); *чьстьнѣишимъ* (там же, 9 б); *чьстьнѣишоую* (Сл. Мин., 52 б); *пространѣишиѧ* (там же,

[17] В ряде случаев членные формы, выступающие в поздних памятниках с тем или другим суффиксом, не соответствуют первоначальным формообразовательным отношениям (ср., например, формы *нижайший*, *ближайший*, *худѣйший* при первоначальных *нижьший*, *ближьший*, *хужьший* или, наоборот, *старший* при первоначальной *старѣишии*). История этих отношений изложена в моей указанной выше статье: „К истории образования форм сравнительной степени в русском языке". В настоящей статье эти формы рассматриваются наряду со всеми другими формами с теми же суффиксами вне зависимости от их более раннего вида.

[18] Приводим лишь формы от основ косв. падежей, так как формы от основы им.-вин. падежа ед. числа муж. и ср. рода уже охарактеризованы выше; однако в вопросе употребительности членных форм они должны быть учтены наравне с приводимыми здесь формами.

[19] Ввиду обилия образований этого типа, объясняющихся значительно более широкой сферой употребления суффикса **-ějьs* приводим примеры только из сборников Святослава и Служебных Миней.

1176); *соушашаѧ* (там же, 736); *множашами* (там же, 1156); *придивьнѣишиѧ* (там же, 72 б).

Приведенный материал указывает на свободное образование членных форм обоих типов от любых основ без какого бы то ни было ограничения их по значению или другим признакам.

За пределами древнейших памятников, тематика и происхождение которых обеспечивали возможность проникновения в них элементов, не свойственных живому языку (а именно тех, которые непосредственно шли от старославянского оригинала или появлялись под влиянием старославянских образцов), такое свободное, лексически не ограниченное употребление членных форм характеризует лишь язык поздних списков переводных памятников, например, Хронику Георгия Амартола в сп. XIII—XV вв., Александрию, произведения Иосифа Флавия, или памятников узко религиозного содержания, где особенно строго соблюдались каноны старославянской письменной традиции.

Однако данные этих памятников ни в коей мере не отражают судьбу членных форм на русской почве. В русском языке, наоборот, имело место чрезвычайное сужение сферы их употребления, проявившееся в возможности их использования лишь от очень ограниченного круга основ[20]. Тенденция к ограничению в употреблении членных форм от большей части основ, видимо, начала действовать еще в древнейший период, который из-за недостаточного количества памятников, отражающих живой народный язык той поры, не может быть изучен в интересующем нас плане. Эта тенденция уже дала свои результаты к началу той эпохи, для которой мы имеем более или менее достаточный материал памятников, отражающих нормы живой речи, а именно к концу XIII—началу XIV вв.

Ясно, что поскольку речь идет не о наличии, а об отсутствии определенных фактов в живой народной речи, имеющих место в письменной традиции (а именно, о лексически ограниченном использовании членных форм), то материалы памятников церковно-книжной традиции ничего не могут дать для изучения этого вопроса. Поэтому, для того чтобы выяснить ряд вопросов, связанных с особой судьбой членных форм в русской письменности более позднего периода (XV—XVII вв.), в частности, вопрос о появлении в жанрах книжно-литературного языка особой стилистической функции у членных форм с суффиксом *-ѣйш-*, следует прежде всего обратиться к памятникам древнерусской письменности, лучше всего отражающим живой народный язык, а именно к деловой письменности.

Изучение этих материалов, более или менее систематически представленных лишь со второй половины XIV в., показывает, что к этому времени в живом языке были употребительными членные формы всего лишь от нескольких основ: *меньший (меньшой), больший, лучший, пущий, молодший, старѣйший.*

Так, в изученных нами сводах деловых документов представлены следующие формы. Дух. дог. гр.: от основ *молодш- (молодч-), меньш-, больш-;* РИБ-акты: *меньш-, лутч-, молодш- (молотч-), больш-, пущ-;* Р.-Л. акты: *лутч-, больш-, навышш-*[21], *лепш-*[22]; Акты арх. эксп.: *лутч-, молодш- (молотч-), меньш-, больш-;* Юр. акты: *меньш-, больш-.*

---

[20] Факт чрезвычайно ограниченного использования членных форм в русском языке давно обращал на себя внимание исследователей русского языка. Замечания об этом находим еще у Ф. И. Буслаева (см. его „Историческую грамматику русского языка". М., 1959, §§ 69 и 225).

[21] Эта основа представлена единственным примером в контексте: „избранному цесарю римскому и навышшему Королю" (CCCLVIII, 1517 г.)

[22] Также единичная форма: діля лепъшее твердости (CCLXV, 1478 г. Полоцк).

Во всех этих памятниках находим также формы от основы *старѣиш-*; это единственная основа с суффиксом *-ѣйш*, широко представленная в документах делового характера. Все остальные случаи употребления членных форм с суффиксом *-ѣйш* относятся в данных памятниках в основном к текстам грамот лиц высшего духовного звания и царей, где встречаются в их титулах. Приводим весь имеющийся материал на употребление членных форм с суффиксом *-ѣйш-* из перечисленных выше сводов деловых документов: благословляетъ *честнѣишаго* въ священникахъ (имярекъ) въ отце духовного (Юр. акты, № 24, XV—XVI вв, — грамота благословенная в духовные отцы); *святѣйшую* митрополію Русьскую (Акты арх. эксп., № 184, 1539 г., — митрополит Иосаф); пребывати же ему внутрь монастыря съ великою крѣпостію и *множайшимъ* хранениемъ (там же, № 239, 1554 г., — соборная грамота в Соловецкий монастырь); богомерзкие латыни, *злѣишіи* иконоборцы (там же, № 267, 1564 г.); выя и перси.... чресла.... нозе течением *быстрейших* ко всякому злу (Дух. дог. гр., № 104, 1572 г., — Иван IV); богу скаредными делы паче мертвеца *смраднеишій* и *гнуснейший* (там же); лучше бо ту куповати, паче злата и сокровища многа, *честнейшии* же суть камения многоценна (там же); не сѣлъ, покамѣста пѣли *святѣишему* (РИБ-акты, № 103, 1589 г., — патриаршия грамота); онъ посулилъ *пресвятѣишему* и вселенскому патріарху (там же, № 150, 1632 г.); пѣть государьское имянованіе многолѣтного, *благочестивѣишаго*, *тишаишаго*, *самодержавнѣишаго* царя и великого князя Ѳеодора и *благочестивѣйшую* царицу княгиню Наталию (Юр. акты, № 55, XXVII, 1676 г., — патриаршая грамота); брату своему *наяснѣишему* и *державнѣишему* великому государю Августу Второму (там же, № 172, 1698 г., — наказ послам); *пресвѣтлѣйший* и *державнѣйший* великий государь (там же).

Специфика приведенного выше материала не позволяет считать употребление этих форм характерным для живого народного языка.

Таким образом, безусловно употребительными в народном языке следует считать только формы: *меньший*, *больший*, *лучший*, *пущий*, *молодший (молотчий)*, *старѣйший*. Весь этот узкий круг форм отражает самые основные качественные понятия (количества или величины, качества и возраста) и представляет собой три пары антонимов. Среди них большая часть основ относится к образованиям с суффиксом *-ш-*. Единственная основа *стар-*, выступавшая с суффиксом *-ѣиш-*, и та приобретает в конце XIV—XV вв. суффикс *-ш-*, причем причиной этого является ее единичность в языке среди остальных членных форм с суффиксом *-ш-*[23], а также отсутствие суффикса *-ѣйш-* в составе несогласуемых форм в основной части русских говоров.

Данные современных говоров подтверждают факт весьма ограниченного использования членных форм в народной речи. Изучение опубликованных диалектных данных показывает, что в говорах, помимо антонимической пары *лучший — пущий* в значении элатива, выступают две антонимические пары: 1) *молодший*, *младший (младшбй)* — *стáрший (старшбй)* и 2) *меньший (меньшбй)* — *больший (большбй)* — причем последняя пара в говорах также в основном выступает в значениях 'младший' — 'старший'. Значение этих форм не имеет по существу отношения ни к сравнительной, ни к превосходной степени[24]. Об этом свидетельствует отсутствие у этих форм соответствующей им положитель-

[23] См. об этом в указанной выше статье „К истории образования форм сравнительной степени в русском языке", стр. 444—449.

[24] Подробнее об этом см. там же, в разделах, посвященных основам *молод-*, *стар-*; в разделе, посвященном основе *бол-*, см. о происхождении прилагательного положительной степени *большбй* из членной формы ср. степени *больший*.

ной степени, а также соотносительность по значению с прилагательным *средний*: ср. *младший — средний — старший* (сын) или *меньший — средний — больший* (сын)[25]. Эти прилагательные часто также оформляются, как прилагательные положительной степени, ср. перенос ударения на окончание, не свойственный формам ср. степени.

Обращаясь к жанрам русской письменности, в которых стихия живой народной речи находит в той или иной степени отражение, можно сделать следующие наблюдения. Во всех памятниках такого характера перечисленные выше формы, свойственные живой речи, являются широко употребительными. Отличия имеются лишь в употреблении некоторых форм.

Форма *пущий* и в документах делового характера представлена довольно ограниченно. Она, видимо, не имела общерусского распространения, а характеризовала отдельные диалекты. В памятниках, в большей мере примыкающих к литературно-книжной традиции, в этом же значении используются формы *хужьший (худший), горьший*, неупотребительные в живой народной речи. Форма *горьший* относится к книжной лексике и является в ней старославянизмом.

В тех же памятниках неупотребительной является форма *молодший (молодчий)*, в этом значении выступает форма *меньший*; образований от неполногласной основы *(младший)*, впоследствии утвердившихся в литературном языке, также не отмечено.

Часто вместо формы живого языка *лучший* в отдельных памятниках выступают формы *вячьший (вятший), лепший, уньший*. Первые две формы более свойственны языку летописей. Форма *вячьший (вятший)* характеризует, главным образом, Новгородскую I летопись, форма же *лепший* встречается в Новгородской I, Суздальской, Тверской и, в особенности, Ипатьевской летописях). Форма *уньший*, являясь лексическим заимствованием из старославянского языка, характеризует книжную струю в лексике оригинальных русских памятников. Формы этих основ не вошли в состав литературного языка, видимо, вследствие их чужеродности в русском языке.

Членные формы с суффиксом *-ш-* со значением, выходящим за пределы трех антонимических пар: 1) *меньший — больший*; 2) *худший (пущий) — лучьший (лѣпший, вячьший)*; 3) *молодший (меньший) — старший*, очень ограниченно представлены в произведениях оригинального характера всех жанровых разновидностей. Сюда из более или менее часто встречающихся форм можно отнести лишь формы *вышьший (высший), нижьший (нисший)*, вошедшие впоследствии в состав литературного языка.

Таким образом, более или менее свободное использование членных форм с суффиксом *-ш-*, возможность их образования от относительно широкого круга основ, не ограниченных по значению, характерно только для тех памятников, которые имеют яркий отпечаток влияния церковнославянского языка. Уже в ранних произведениях оригинального характера, даже из числа тех, которые тесно связаны по своей тематике с произведениями церковно-книжной традиции, заметно резкое сужение в возможностях использования членных форм. Круг образования членных форм в этих памятниках приближается более или менее к тому кругу основ, от которых возможно образование этих форм в живом народном языке. При этом возможные различия в круге основ по памятникам разной жанровой приуроченности носят лексический характер

---

[25] Ср., например: *бо́льшей* (брат) туляэтца за *среднего*, а *средній* туляэтца за *меньшого* (См. записи А. А. Шахматова по Олонецкой губ. в сб. Н. Е. Ончукова „Северные сказки". „Записки Имп. РГО", т. XXXIII. СПб., 1908, стр. 309).

и осуществляются главным образом в том же круге значений, в пределах которого членные формы были известны живому языку.

Интересно, что в самом конце изучаемого периода (с конца XVI по начало XVIII в.) в деловом и научном языке Петровской эпохи становятся употребительными от ряда основ членные формы с суффиксом *-ш-*, неизвестные живому языку и носящие на себе в связи с этим отпечаток искусственности, книжности. Помимо форм *высший* и *низший*, встречающихся в более широком круге памятников книжного характера, здесь отмечены, например, следующие образования: *далшого* произверженія (Кугорн, Нов. креп., 1709 г.); *далшихъ* распръ (Пис. Птр., 1724 г., 539—540); *дальшее* намѣренія (Птр., V, 366); одежды *кратшія* (Гражд. об. дет., 43); посре[к] сторона *шир'шаѧ* права *оуж'ша* (Лопаточник, XVI в.); говорять же что былъ есть, аки Маргаріта, но вдвое *ширши* и должайшіи ординарныхъ другіх людей (Систима, 30, 1722 г.); въ *крѣпльшихъ* хранилищахъ (Арифм. Магн., 16); трубы были *тон'шие* (Нзр., 37б., XVI в.); ежели *дальшія* запрещаются, то кольми паче *близшія* (Мат. ком. ул., 43, 1767 г.).

Все они оказались, однако, не вошедшими в состав лексики формирующегося литературного языка.

Благодаря тому, что круг основ, от которых возможно образование членных форм с суффиксом *-ш-*, в общем является близким во всех жанрах древнерусской письменности (за исключением тех, которые имеют непосредственное отношение к старославянским оригиналам), членные формы с суффиксом *-ш-* являются стилистически нейтральными; среди них лишь лексически выделяются отдельные формы, свойственные одним жанрам и неупотребительные в других, например, формы *высший*, *низший*, употребительные в книжной речи и несвойственные народной.

Совершенно иную картину дают членные формы с суффиксом *-ѣйш-(-айш-* после шипящих). Как показано выше, эти формы оказались полностью вытесненными из живой народной речи. Переход в живой речи членной формы от основы *стар-* в другой тип образования (что выразилось в замене формы *старѣиший* формой *старший*) фиксирует окончательное вытеснение этого словообразовательного типа. Данные современных народных говоров подтверждают это положение. Подавляющей части русских говоров, в частности говорам центральных областей, на основе которых формировался язык великорусской народности (говоры Ростово-Суздальской Руси, язык Москвы), членные формы с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*) не известны. Они встречаются лишь в областях, примыкающих к территории распространения современных белорусских и украинских говоров, где членные формы обоих типов образования получили большее развитие в связи с употреблением их не только в качестве определения, но также и в предикативной функции[26]. Так, материалы, собранные для диалектологического Атласа русского языка, указывают на наличие в отдельных говорах Великолукской, Смоленской, Брянской, Орловской и Белгородской областей членных форм с суффиксом *-ейш-*[27]. Чуждость членных форм с суффиксом *-ѣйш- (-айш-)* основному массиву русских народных говоров подтверждают и некоторые другие, косвенные данные.

---

[26] См. Т. П. Ломтев. Белорусский язык. Изд. МГУ, 1951, стр. 170; „Курс сучасної української літературної мови", т. 1. Под ред. Л. А. Булаховского. Київ, 1951, § 8, стр. 378—380.

[27] См. нашу статью „Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа" (в сб. „Материалы и исследования по русской диалектологии. Институт русского языка АН СССР", т. 1. М.—Л., 1959, стр. 62).

Интересно, что в некоторых говорах имеется своеобразная членная форма ср. степени со значением превосходной, обязанная своим возникновением, как прототипу, формам на *-ѣйш-* литературного языка. Это форма с суффиксом *-еющ-*, употребляющаяся в народном языке от тех же основ, что и соответствующие формы на *-ѣйш-*, *-айш-* в литературном языке, ср., например, такие образования, как *богатеющий*, *добреющий*, *стареющий*. Внешне эти образования совпадают с формами причастий настоящего времени действительного залога литературного языка, однако имеют значение 'самый богатый' или 'очень богатый' и т. п., т. е. значение элатива. Суффикс *-еющ-*, выступающий в них, представляется как бы отвлеченным из образования причастий от глаголов II продуктивного класса (типа *уметь — умею*)[28]; возможность же его присоединения к основе прилагательного объясняется наличием в языке глагольных образований от основ качественных прилагательных (*стареть*, *добреть*, *богатеть* и т. п.), являющихся в цепи словообразования как бы соединительным звеном между формами ср. степени на *-ѣйш-* и причастиями. Поскольку же обе эти категории, тесно объединенные в литературном языке словообразовательными связями, в одинаковой степени чужды народному языку, то на его почве и могла возникнуть форма, своеобразно сочетающая признаки этих категорий: суффикс причастия выступает для образования членной формы ср. степени со значением элатива.

Памятники письменности не отражают этой формы, получившей распространение в некоторых диалектах, однако один пример из Жития Стефана Пермского по списку XV—XVI вв., возможно, свидетельствует о наличии таких форм в народном языке ко времени появления этого списка; постановку формы с суффиксом *-ѣющ-*, вероятно, следует приписывать переписчику, подменившему ею членную форму с суффиксом *-ѣйш-*, чуждую его речи: ѥко мѵ́нчески во́лею вда́лсѧ еси в роукы лю́демъ *сѣвр҃пѣющимъ* на моуку и ѥко ѡвца посрѣ́дѣ во́лкъ дер҃зноу́лъ еси на стрти (стр. 103). Отсутствие членных форм с суффиксом *-ѣйш-* в народной речи обусловило их особую судьбу в книжных памятниках.

В оригинальной русской письменности до XV в. членные формы с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*) мало употребительны. Это связано не только с малой употребительностью членных форм вообще в живом русском языке, но и с тем, что в старославянской письменности, накладывающей в той или иной степени свой отпечаток на русские оригинальные произведения, употребительность членных форм также не велика, хотя старославянский язык и не имеет тех лексических рамок в их употреблении, которые обнаруживаются в русском языке. В древних летописных сводах примеры употребления этих форм единичны, за исключением обильно представленной во всех сводах формы *старѣишии*. В Новгородской I летописи есть всего один пример в списке XV в.: молитвами твоими съхранена буду *честнѣишии* владыко (Ком. сп. 955 г.); в Лаврентьевской один пример: и рѣша *оунѣишии* Оурсобѣ (278); в Суздальской также один пример: дерзновенье имѣы ко всемогущему и *батѣишему* (371). В ранних летописных сводах отсутствуют и нечленные формы с суффиксом *-ѣйш-*, используемые атрибутивно (их употребительность также следует учитывать при изучении истории членных форм на *-ѣйш-*, поскольку позже нечленные формы в этой функции были вытеснены в памятниках изучаемых жанров соответствующими членными). Мы имеем всего лишь один пример из Лаврентьевской ле-

[28] В причастиях (например, *умеющий*) звук *е*, являясь тематическим гласным, принадлежит глагольной основе; в ср. степени его следует относить к суффиксу.

тописи: подобаше нам [преданнымъ быти] в руки языку странну и *безаконьнѣишю* всѣ замл҃ (223).

В оригинальной литературе религиозного содержания членные формы с суффиксом *-ѣиш-* (*-аиш-*) употребляются также весьма ограниченно. В таких произведениях, как Поучения Серапиона Владимирского, Сказания о Борисе и Глебе (а также во всей другой литературе об этих святых раннего периода), сочинения Кирилла митрополита Туровского, Житие Андрея Юродивого, имеется лишь один пример употребления этих форм: да *свѣтлѣиши* ѿ Г҃а венець сподобѧть (Серап. Влад., II).

Нечленных форм с суффиксом *-ѣиш-* (*-аиш-*), выступающих в качестве определения, отмечено в тех же произведениях несколько больше: Нама убо съпящема и инѣмъ *мъножаишемъ*... внезапу бысть якы отъятъ покровъ (Б. и Г., стр. 61); и начаты пострѣкати вящьша и горьша съдѣяти и *множаиша* убииства (там же, стр. 38); *Честнѣишу* херувимь и *славнѣишу* серафімъ... въсхвалимъ, там же стр. 169, *мъножаиша* же бра҃ и ча҃ на҃ въ плѣнъ ведени бы҃ (Серап. Влад., III).

Таким образом, помимо формы *старѣиший*, которая употребительна в народном языке (см. выше), в русской оригинальной литературе раннего периода (до XV в.) членные формы на *-ѣйш-*, *-айш-* употребляются очень редко. Однако положение резко меняется, как только мы обращаемся к памятникам, на которых в той или иной степени отразилось второе южнославянское влияние. В большей части произведений книжно-литературного характера, относящихся к XV в. и позже, обильно используются членные формы с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*). Не только памятники религиозного содержания, в которых эти формы начинают встречаться в большом количестве, но и поздние летописные своды и памятники светского содержания изобилуют членными формами с суффиксом *-ѣйш-*. Ср. примеры.

Из памятников религиозного содержания: Пам. кан. пр.: *сладцѣишій* и *благоразумнѣйшій* (обращение к Григорию Богослову), № 39; с *множайшими* святителми, № 34; *множайшая* сихъ (субст.), № 39; *лютѣйшая* (субст.), № 39; *лютѣйшому* сихъ проклятію, № 42; *дрѣжавнѣйшаго*... самодръжьца, № 40; доброты... *свѣтлѣйшіа*, № 35; *потребнѣйшемъ* (субст.), № 35; *известнѣишему*... виденію, № 35; Жит. Стеф. Перм.: и инаѧ *множаишаа*, стр. 17; некоемꙋ *добрѣишемоу* и мѫ*дрѣишемоу*, стр. 111; *соуровѣишіи* моужи, стр. 31; ѿче *чтнѣишій*, стр. 102; Жит. Ал. Нев.: Житие... *высочайшее*; съ *благороднейшима* сынъми; мнѣ *грѣшнейшему*; *дражайшій* господине наю; *дражайшому*; *злѣйшимъ* коварствомъ; *злѣишихъ* крамольниковъ; звѣря *лютѣйшаго*; *множаишаа* исправленіа; *множайшая* исцѣленіа *мучительнѣйшаго* варвара; *началнѣйшее* отеческое благородіе; два *старѣишаа* твоя сына; *пресвятѣишему* митрополиту Макарію; *храбрейшихъ* рускыхъ сыновъ; *тяжчайшая* напасти; *тяжчайшимъ* наказаніем; рукою многогрѣшнаго паче всѣхъ *худѣишего*; *честнѣйшая* супружница; *царственѣйшихъ* араматъ;

Из летописных сводов: *окаяннѣишіи* (Воскр. лет., 1160 г.); *множайшая* убійства (там же, 1015 г.); *окааннѣйшій* царь Батый (там же, 1247 г.); *новѣйшее* чюдо (Львов. лет., ч. I, 264); по *далечейшимъ* пустынямъ (Патр. лет., 1530 г.); постничествомъ... *жесточайшимъ* (там же, 1530 г.); О, *славнѣишіи* граде Пскове Великій! (Пск. I лет., 1510 г.); *пречестнѣйшую* вѣру (Патр. лет. 1552 г.); *начялнѣйшій*... самодержець (там же, 1518 г.); *святѣйшій* Варламъ митрополитъ (там же, 1518 г.); *честнѣйшіа* тоя обители (там же, 1519 г.); и прислахъ... два *хытрѣишаа*, Галда и Гемонта (Твер. лет., 1252 г.); *лукавнѣйшій* царь, (Летописец Твер. княж., 1328 г.); не сами точію едини, безъ *искуснѣйшихъ* вся *простѣйшіи* отъ своеа мудрости самочинную (тъ) (там же, 1408 г.).

Для характеристики памятников светского характера со стороны употребительности в них членных форм ср. степени с суффиксом *-ѣйш-* приведем материал из переписки А. Курбского с Иваном Грозным и „Истории о великом князе Московском" А. Курбского (из Сочинений князя Курбского, т. I): *малѣйшихъ* служителей, стр. 15; *горчайшее* согрешеніе, стр. 17; *злѣйшее* мучение, стр. 37; *худѣишимъ* рабомъ, стр. 46; *зельнѣишимъ* плененіемъ, стр. 53; *убожаищую* чадь, стр. 58; *скудожаишихъ* умовъ, стр. 60; *множаишихъ* ... человѣкъ, стр. 68; *свѣтленишихъ* вещей, стр. 145; *далечаишѣе* разстояніе, стр. 90; *вѣрнеишихъ* слугъ, стр. 91; *срамотнѣишаго*, стр. 130; *прескверньйшую* погибель, стр. 149; *накрепчаишее* (субст.), стр. 150; срамоту ... *срамотнѣишую* и тысяща кратъ *беднѣишую*, стр. 150; у *мудрѣишихъ* (субст.), стр. 152; воинство *множаишге и храбрѣишее*, стр. 174; хлѣбъ *сладостнѣишій*, стр. 178; *старѣйшихъ* (субст.), стр. 213; *глубочайшаго* ... совѣта, стр. 216; *надражайшіе* крови, стр. 308; *дражайшіе* вина, стр. 241; братия ... *мнѣйшая*, стр. 243; к *нижайшимъ* вратомъ, стр. 194; на *высочаишѣе* мѣсце, стр. 185; *прѣбогатѣишіе*, стр. 249; *претягчаишіе* дерзости, 311; *прелютѣйшаго* звѣря, стр. 311; *должаишіи* путь, стр. 329; *лехчаишую* темницу, стр. 296; с другимъ *юнѣишимъ* (субст.), стр. 309; *превозлюбленнѣишіи* и *пренадслачайшіи*, стр. 345.

Через посредство литературно-книжной речи членные формы с суффиксом *-ѣиш-* (*-аиш-*) проникают в научно-деловую сферу языка XVII—нач. XVIII в., в приказный язык эпохи Петра I; ср. примеры: который бродъ бывалъ на дорогѣ *простѣйшой* (Пам. дипл. М. Г., III, 1570 г.); симъ *простѣйшимъ* и нехитрословнымъ писаніемъ возвѣстити (Чел. Ник., 1615 г.); и начать болѣти нечеловѣчески *лютѣйшею* болѣзнью (там же, 1665 г.); послѣдній богомолецъ твой, *худѣйшій* діакон Ѳеодоръ Иванов, (С. VI, 1666 г.); поставилъ в посолскомъ приказѣ байберку жъ 94 аршина шолкомъ *тяжелѣишаго* (ДАИ, X, 1686 г.); атласъ меньшій *новѣйшія* и самыя *нужнѣйшія* свѣтскихъ вещей табулы географическія содержащій, (Док. в Сенате, II, 1, 1712 г.); Доносилъ я Вашему Высочеству через *покорнѣйшѣе* писмо свое ... (Переп. Ал. Петр., 1708 г.); *покорнѣйшѣе* наше мнѣніе доносили (Пох. Журн., 1722 г.); О семь моемъ *покорнѣйшемъ* прошеніи прошу *милостивѣйшее* рѣшеніе учинить (Мат. ист. АН, I, 1728 г.); всегдашній и *покорнѣйшій* слуга вашей свѣтлости Piter (Птр., I, 226); воображеніе вашего царского величества въ *дражайшемъ* металѣ натисненное, еже мнѣ есть в *дражайший* залогъ вашего ... величества пріязни, (Птр., II, 456); съ *покорнѣйшимъ* почитаніемъ подданскимъ (Птр., VII, 268, — Мазепа); коричное древо подобно бобковому древу токмо листь *густѣйшій* (Косм., конец XVII в.); *дражайшыя* вещи (Косм., конец XVII в.); *дражайшыя* вещи въ *честнѣйшихъ* и крѣпльшихъ хранилищахъ сохраняти (Арифм. Магн.-Предисловие, 16; *толстѣишыя* ... воды частицы своею си тягостію оттягчаются ... прочая же вода остается *чистѣишая* (Систима, 31); да бы таковаго остроумія не знали и *простѣіши* бы въ томъ были (там же, 230); обложіша его желѣзными оными и еще *густѣішіми* решетками (там же, 194) и др.

Членные формы с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*), как известно, утвердились в русском литературном языке. Однако употребление их в нем имеет определенные лексические рамки и ограничено стилистически. В изучаемую же эпоху, в особенности в период конца XV—начала XVI в., употребление этих форм в жанрах, связанных с высокой тематикой, да и вообще в литературно-книжном языке того времени, не имеет таких ограничений.

Членные формы с суффиксом *-ѣйш-* образуются от любой основы, которая может быть употреблена со значением качества. Это объяс-

няется тем, что формы на *-ѣйш-* (*-айш-*), чуждые народному языку, приобрели особую стилистическую функцию, став элементом возвышенно-архаического строя речи. Чуждый народному языку характер этих форм и обусловленность стилистическим заданием объясняют ту особенность их употребления, которую следует рассматривать как употребление формы ради формы, не вытекающее непосредственно из необходимости выразить соответствующее значение.

II. НЕЧЛЕНЫЕ ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ

1. Установление первоначальной базы формирования несогласуемой формы сравнительной степени

В данном разделе нас прежде всего интересуют случаи предикативного употребления нечленных форм ср. степени. Именно в этой функции потеря формы согласования привела к выработке несогласуемой формы ср. степени, проблема образования которой и ставится здесь в центр внимания. Предикативное употребление связано в первую очередь с функцией именительного падежа; это те случаи, где форма ср. степени выступает в качестве сказуемого или именной части составного сказуемого. Предложения, в которых формы ср. степени относятся к дополнению, стоящему в косв. п., и обладают также определенной предикативностью, относительно редко встречаются в текстах (ср., например: не даи чл҃вкоу *крѣпльшѣ* тебе въ заимъ (Сб. Свят., 1626); въселивъсѧ въ црво двыа, и тоу *ширьшоу* нбсъ ѥвль (Сл. мин., сент. 96); пакы посла ины рабы *множаишѧ* первыхъ (Гал. Ч.-Ев., Мат., XXI, 36); тъгда идеть и поиметь дроугы *горьшь* себе седмь (там же, Лук., XI, 26); *большѧ* сею иноѧ заповѣдї нѣсть (там же, Марк, XII, 31). Так, на 60 предикативно употребленных форм в Галицком Четвероевангелии всего 7 случаев приходится на формы косвенных падежей. Господство именительного падежа в предикативной функции определяет его значение в процессе формирования несогласуемой ср. формы. Поэтому представляется важным определить в этом процессе удельный вес двух разновидностей основ в формах им. падежа, употребляемых предикативно. Установление того, в какой мере к моменту распадения системы согласования в существующей еще парадигме сохранились формы исконной основы им.-вин. падежа в муж. и ср. роде (т. е. формы, восходящие к чистым основам на согласный, не осложненные суффиксом *-*jo*), поможет определить элементы, на базе которых складывалась несогласуемая форма ср. степени.

Вопрос стоит именно о сохранении форм с основой, образованной без элемента *-*jo*, так как сохранение основы на *-*jo* (в частности, в форме им. п. ед. ч. жен. р. и в форме им. п. мн. ч.) отражается в памятниках периода до XIV в. совершенно последовательно.

Обратимся к материалу памятников XI—XIV вв.[20], т. е. того периода, когда согласование форм ср. степени, употребляемых предикативно,

[20] Для большей показательности материала использовались полностью все примеры по формам ср. степени определенного круга памятников этого периода; сюда вошли: Остромирово евангелие; Служебные минеи 1096—1097 гг.; Златоструй; Пандекты Антиоха, сп. XI в.; Изборник Святослава 1073 г.; Сборник Святослава 1076 г.; Галицкое Четвероевангелие 1144 г.; Синайский патерик; Сборник XII века Московского Успенского собора; Сочинения Кирилла Туровского; Слово Ипполита по сп. XII—XIII вв.; Житие Андрея Юродивого сп. XIII—XIV вв.; Новгородская I летопись по Синодальному списку XIII—XIV вв.; Хроника Георгия Амартола, сп. XIII—XIV вв., Поучения Серапиона Владимирского, сп. XIV в.; Сборник Царского, XIV в.; Жития

еще сохранилось в языке, как об этом свидетельствуют памятники, более последовательно отражающие нормы живой речи. В связи с тем, что в истории языка роль основы им.-вин. падежа муж. и ср. рода и основы косв. падежей в двух типах образования форм ср. степени была различной, на что ясно указывают данные современного русского языка[30], материал по двум типам образования (с суффиксами -**jьs* и -**ějьs*) дается раздельно.

Ниже приводятся случаи предикативного употребления нечленных форм ср. степени, образованных от основы косв. падежей, в формах им. падежа[31] муж. и ср. рода.

В образованиях по типу с суффиксом -**jьs*:

им. п. ср. р.: что бѣсованиѥ сего *хоужьше* и лютоболѣзньно (Хр. Георг. Ам., 78а, сп. XIII—XIV вв.);

им. п. муж. р.: зълъ человѣкъ, тѫщася на злое не *хужеши* есть бѣса (Б. и Г., стр. 38); кыи бо *вѫщши* (Нов. Зав. св. Ал., Лук., XXII, 27); или конь *болши* вельблоуда или *болши* оселъ рыбы (Хр. Георг. Ам., 233 г, сп. XIII—XIV вв.); се бо всѣхъ *вышьши* градъ славою възнесенъ еси (Б. и Г., стр. 26); акы послѣдний *хужьши* всѣхъ (К.-Печ. пат., л. 97).

В образованиях по типу с суффиксом **-ějьs*:

им. п. ср. р.: скърбьно соуще мѣсто и *тѣснѣише* паче инѣхъ мѣстъ (Усп. сб., стр. 111); еже всѣхъ *лютѣише* бесчестіе церкви кіевской (Пам. кан. пр., № 38); но молныі что огньнѣк или воды *стоуденѣиша* (Хр. Георг. Ам., 183 г., сп. XIII—XIV в.); что оубо лоуче бж̃твьныхъ глъ и *ѩвлѣиша* ли *истиньнѣиша* будет (там же); еже (зерно) *меньши* кѣть всѣхъ сѣменъ (Нов. Зав. св. Ал., Мат. XIII, 32).

им. п. муж. р.: в ранних памятниках случаев предикативного употребления формы, образованной от основы косв. падежей, не отмечено.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что употребление форм с основой косв. падежей на месте форм со старой основой им. падежа носит в памятниках XI—XIV вв. буквально единичный характер. Из материала, содержащего сотни предикативно употребленных форм им. падежа муж. и ср. рода, нашлось всего 12 форм, образованных от основы косв. падежей. При этом следует учесть, что основная масса примеров падает на памятники относительно более позднего времени (XIII—XIV вв.). В большей части памятников, в особенности относящихся к раннему периоду, такие формы вовсе отсутствуют. Исторически закономерные формы им. падежа муж. и ср. рода, безраздельно господствующие в древнейших памятниках (XI—XIII вв.), даже в памятниках XIV абсолютно преобладают над формами от основы косв. падежей.

Бориса и Глеба по ред. и сп. XII—XIV вв.; Лаврентьевская и Суздальская летописи; Памятники древнерусского канонического права по рук. и сп. XII—XIV вв.; Киево-Печерский патерик, сп. 1406 г. Используются также выборки из документов делового характера, относящиеся к этому периоду (РИБ, акты, Дух.-дог. гр., Новгородские и Двинские грамоты, Юридические акты, Акты арх. экск. и др.).

[30] Ср. при наличии форм с основой косв. падежей в образованиях по типу с суффиксом -**jьs* (например, *меньше*, *раньше*, *тоньше*) отсутствие таких форм в образованиях по типу с суффиксом -**ějьs* (т. е. отсутствие форм типа *светлейше*, *белейше*).

[31] Форм вин. падежа в материалах ранних памятников, имеющихся в нашем распоряжении, не встретилось.

Таким образом, факты свидетельствуют о большой устойчивости в распределении вариантов основ между отдельными формами парадигм в рассматриваемый период времени. Это и понятно, так как сохранение этого противопоставления являлось необходимым условием для сохранения согласования предикативно употребляемых нечленных форм ср. степени. Действительно, если рассмотреть систему средств, служащих для противопоставления шести форм именительного падежа (для трех родов и двух чисел), то становится очевидным, что употребление в единственном числе как мужского, так и среднего рода форм, образованных от основы косв. падежей (в приводимой таблице они заключены в скобки), ведет к морфологической омонимии:

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Ед. ч.	*-ии, -ѣи (-ьши), (-ѣиши)*	*-е, -ѣе (ье), (-ѣише)*	*-ьши, -ѣиши*
Мн. ч.	*-ье, -ѣие*	*-ьша, -ѣиша*	*-ьшѣ, -ѣишѣ*

В результате вторжения основы косв. падежей, вместо первоначального четкого противопоставления всех шести форм, возникло бы совпадение форм им. п. ед. ч. муж. и жен. р. в форме *меньши* или *новѣиши*, а также совпадение форм им. п. ед. ч. ср. р. и им. п. мн. ч. муж. р. в форме *меньше* или *новѣише*.

Совпадение форм мужского и женского рода в единственном числе — особенно неблагоприятное. Сравним в истории русского языка четкое сохранение этих родовых различий в формах единственного числа прилагательных при унификации их во множественном числе. Представляется поэтому закономерным, что аналогичные процессы, приводящие к созданию омонимических форм в пределах таких важнейших противопоставлений, как противопоставление форм мужского и женского рода, не могли сколько-нибудь широко осуществляться в период наличия согласования у нечленных форм ср. степени. Приведенные выше примеры проникновения основы косв. падежей в формы им. падежа муж. и ср. рода, как нам кажется, следует рассматривать как факты, свидетельствующие о начале разрушения системы согласования. Сама возможность употребления в им. падеже ед. числа муж. рода формы, образованной от основы косв. падежей, совпадающей с формой жен. рода, говорит об ослаблении тех связей, в которых обнаруживалась природа этих форм как имен прилагательных (как известно, различия в роде являются одним из важнейших признаков их грамматической характеристики). В этой связи интерес представляет тот факт, что в памятниках XIV в. формы им. падежа муж. и ср. рода, образованные от основы косв. падежей, одновременно выступают и с флексиями, не соответствующими родовой форме (см. некоторые примеры выше), т. е. прямо сопряжены с утратой согласования.

В целях выяснения словообразовательной базы формирования несогласуемой ср. степени обратимся также к изучению наречной формы ср. степени.

Как известно, ср. степень наречия по форме представляла им. падеж ед. числа ср. рода прилагательного, т. е. образование с суффиксами -**jes* или -**ějes* (ср. *мьне* и *добрье*). Эта форма издавна упо-

треблялась в качестве определения, относящегося к глаголу. Эта же форма могла выступать и как именная часть составного сказуемого в инфинитивных и др. бессубъектных предложениях. Ср. примеры различного употребления наречных форм ср. степени: не обьште ли сл҃нце намъ вьсегда прѣдълежить тожде, ни овомоу *хоужде*, овомоу же *боле* сиѥ҃ть (Изб. Свят., 38); къждо бо насъ къ своѥ҃му коньцю *ближе* подступаѥ҃ть (Злат., V, стр. 66); сильнии бо *сильнѣѥ҃* испытаѥ҃ми боудѫ҃ть (Сб. Свят., 78 а); чьсо ради боу не даѥ҃ши *вѫ҃ше* дающемоу (Злат., X, стр. 118); *оудобѣѥ҃* ѥ҃сть вельбоудоу сквозѣ иглїнѣ оушї проїтї неже богату въ цр҃сьѥ҃ бжьѥ҃ вънїтї (Гал. Ч.-Ев., Марк, X, 25); *оунѣѥ҃* (=лучше) ѥ҃сть кдїномоу чл҃коу оумерстї за люди (Остр. Ев., И., XVIII, 14); *нераднѣѥ҃* боудеть земли содомьсцѣ и гоморьсцѣ въ дьнь соудьныи неже граду тому; *оунѣѥ҃* кмоу ѥ҃сть да обѣсѧ҃ть на выи кго жьрнъвъ осьлии (Гал. Ч.-Ев., Мат., XVIII, 6).

Особо следует выделить несогласованное употребление форм ср. степени от основ *бол-*, *мьн-*, *множ-*, служащих выражением количества при родительном падеже, обозначающем исчисляемые предметы, например: Аже надобѣ кмоу *болше* помъчи (Р.-Л. акты, 1229 г.); ледъ снесло и *множае* шкоты учинило (Пск., I лет.). Эта конструкция зарождается в исторический период, заменяя собой конструкцию, в которой форма ср. степени со значением количества согласуется с существительным, выражающим исчисляемые предметы, относясь к нему, как определение к определяемому; например: ісъ *множаишѧ* оученѣ҃кы творїть (Гал. Ч.-Ев., И., IV, 1, — вм. современного „больше учеников“) или: *болшѧ* сеѧ любъве никъто же не имать (Остр. Ев., И., XV, 13, — вм. современного „больше этой любви“)[32]. В этих случаях употребления несогласованную ср. степень, выступающую в форме наречия, условно, по признаку ее неизменяемости, также называем наречной формой ср. степени.

В памятниках выделенного нами периода (до XIV в. включительно) наречные формы ср. степени в отношении образования не испытывают влияния форм ср. степени прилагательных, образованных от основы косв. падежей. Во всех древних памятниках формы типа *мене*, *добрѣе* представляют единственно возможный способ образования наречной формы ср. степени.

Из сотен примеров употребления наречной формы ср. степени случаи образования ее от основы косв. падежей ср. степени прилагательных представлены единичными примерами из двух памятников относительно позднего времени, причем один из этих памятников — Хроника Георгия Амартола — представляет собой перевод с греческого произведения религиозной тематики и по характеру языка очень далек от правильного отражения норм живой речи того времени. Приводим исчерпывающе эти примеры.

В образованиях по типу с суффиксом -**jьs*:

или *лоучши* съпати, а не лоуче Бога молити (Пам. кан. пр., № 2, сп. XIII в.); а *лѣпше* иного человѣка въскоупити, абы сѧ и дроугы҃ на томь казнила (там же);

---

[32] Подробнее об этих конструкциях см. в нашей статье „К истории образования форм сравнительной степени в русском языке“ разделы, посвященные основам *бол-*, *мьн-*, *мъног-*.

Ѥже побежати... всѣхъ оубѣжаѥ *первѣиши* и *добрѣиши*, а Ѥже побѣжати самъ ѡ собѣ скверьно ѥсть и зло (Хр. Георг. Ам., 47 в., сп. XIII—XIV вв.); ихъ же и бжт҃вьныи Златоустець *дѣльствѣнейше* вѣскрываѥть (там же, 169 б); бещислено бо бѫхоу по градомъ оумирающе, *множаише* же по селомъ (там же, 202 в); мы, о старче, *множаише* пожихомъ (там же, 277а); и стоую трꙋю исповѣдаютъ *чистѣише* и *свѣтлѣише* (там же, 221 г).

Изложенное выше показывает, что за весь прослеживаемый по памятникам письменности период наличия согласования у нечленных форм ср. степени, употребляемых предикативно, не произошло сколько-нибудь существенных сдвигов ни в образовании отдельных форм их парадигм (в частности, форм именительного падежа), ни в структуре наречной формы ср. степени. Распределение форм с исконным суффиксом -**jo* (формы им. п. ед. ч. жен. рода и им. п. мн. ч.) и не имевших этого суффикса (формы им. п. ед. ч. ср. р.), осталось фактически неизменным. Из этого следует, что вплоть до разрушения системы согласования в предикативном употреблении имелись формы, образованные от обеих основ; наречная же форма ср. степени совпадала по основе с формой им.-вин. падежа муж. и ср. рода сравнительной степени прилагательных. Таким образом, к началу процесса выработки несогласуемой формы ср. степени ее словообразовательная база располагала обеими разновидностями основы как в том, так и в другом типе образования.

В целях выяснения роли бывшей основы косв. падежей в разных типах образования рассмотрим вначале ранние случаи отсутствия согласования. Ниже приводится материал памятников первого периода (XI—XIV вв.)[33]:

не *довълѣѥ* ли ѥмоу та *доброта* едина (Злат., IX, стр. 104); *истовѣе* же вьсего ѥсть *мѫдрость* (Изб. Свят., 151); а зълъ наоукъ ноудить чловка. ыкоже дивола паче *зълѣѥ* ѥсть *наоукъ* и крѣплии (Сб. Свят., 190 б); *лоуче* ѥсть *сѣмьрть* паче живота горька (там же, 165 б); *оуне* ѥ *тать* лъжѧ присно (там же, 170 б); *Лоуче* бо ѥ *одинъ*. нежели тысѧщи (там же, 168 б); *Лоуче чловкъ* сѫкрываѩи ѥсть свою мысль сѫкрываѩ моудрость свою (там же, 179); разоумѣи ѥко пакы *боле* вьсего ѥсть зълаѩ *ненависть* братьнѧ (там же, 188а); Вьсесрдчьнѣи очи вꙁведѣша двыѭ къ *выше* оума *слову* (Сл. мин., сент., 69 б); *горьчѣе* паче сѫмрьти *бесѣда* женьска (Панд. Ант.); вꙁведе мѧ на четвьртоѥ *нбо* многъмь *больша* бѣаше (Усп. сб., стр. рлл); всего же *горѣе* есть *гордость* (Кир. Тур., XI сл., стр. 90); паче же всего того *луче* есть *кротость* добрая (там же, сл. XI, стр. 91); Святопълкъ вѣдае створи и обою сию *горши* бысть *мука* (Б. и Г., стр. 121, сп. XIII в., — по сп. Л. — *горше*); *градъ* же яко ябълъковъ *боле* (Новг. I лет; Син. сп., 1157 г.); а тамо того *силнѣе огнь*, (Новг. I лет., сп. XIV в.; 1273 г.); *Кто* же Соломона *бѫжаѥ* (Хр. Георг. Ам., 99 а, сп. XIII—XIV вв.); *Кто* Петра *ревнітелѣе* (там же); и быша *множаиша* (субст., им. п. мн. ч. муж. р.) оумерше градомь камѧнымъ (там же, 71 г); но молньы *что* огньнѣѥ или воды *стоуденѣиша* (там же, 183 г); *овъ* бо *тнѣѥ*, *инъ* же *толщѣѥ*, етеро же стоуденѣѥ, *ово* же *сушеиши*, другыи же мокрѣи, *инъ* же *теплѣѥ* (там же, 184 г); *что* оубо лоуче бжтвьныхъ [сих] тѣ҃ъ и кавлѣиша ли *истиньнѣише*

---

[33] В приводимом ниже материале выделяем курсивом также и член предложения, к которому относится форма ср. степени.

(там же); *никто* же *боле* бо҃щагосѧ г҃а (Пам. отр. лит., т. I, II_2, рук. XIV в.); *дхъ* с҃тый *выше* вина ѥсть (там же, т. II, VIII, рук. XIV в.); ѵ бо҃ше по рѣцѣ тои *свѣтъ* седмирицею сего свѣта *свѣтлѣе* (там же, VII, рук. XIV в.); иже нарекутсѧ *поѥси* четыре *свѣтлѣиша* и *дивнѣиша* сихъ (там же, т. I, VIII_1, сп. XIV в.); *древа болши* сихъ ѵ *краше* ѵ *частѣиши*... ѵ *горы выше* сихъ (там же, т. II, VII, рук. XIV в.); се бо *зухе* б҃а арона брата твоѥго *чтнѣѥ* ѥсть марумафа б҃а твоѥго (там же, т. I, V_1, сп. XIV в.); *огнь чтнѣѥ* суще образовании (там же); і *ча* часа такоже и *члвкъ* члвка *чтнѣѥ* ѥсть (там же, т. I, II_2, рук. XIV в.); се слышавше ту *казнь* прѷмѣ. но и *больши* сее (Лавр. лет., 145); тѣмъ же почтенъ есть *манастырь* Печерьскый *старѣе* всего (там же, 160; по сп. Р. А.—*стареи* всѣхъ); *брань* славна *луче* ѥ мира студна (Суздл. лет., 468, 403, 163 об.); *ты* еси *старѣе* в братьи своеи (там же, 375); аще что обрящеть у кого или брашно снѣдно, или *одежею лише* уставныя одежа... сия вземъ, в пещь вмѣташе (К.-Печ. пат., л. 61); уча братию... смирену быти мниху и *самому менши* быти всѣхъ творѣтися (там же, л. 52); си глаголаше и *ина множае* сихъ къ сущимъ с нимъ (там же, л. 130); *кто чтнѣѥ* тебе боудеть (Нов. Зав. св. Ал., Лук. XIV, 8); *еже* (зерно) *меньщи* ѥсть всѣхъ сѣменъ... (там же, Мат., XIII, 32); *глубльше* (субст., род. мн. ч. муж. р.) себе не ищи и *крѣпльше* (то же) себе не пытай (Панд. Ант., сп. XIV в.); *весу* Полоцкому быти Ризького полупудомъ *болши* (Р.—Л. акты, CLXIV, 1407 г); што же нашь *берьковескъ* восковыи *болши* вашего берьковьска полупудомъ Ризького весу (там же, CLIV, 1405 г.);

При изучении приведенного выше материала бросается в глаза весьма интересный факт, что в наиболее древних случаях отсутствия согласования (в памятниках XI—XIII вв.) исключительно последовательно в качестве ср. формы выступает форма наречия (или форма им. п. ед. ч. ср. р.); лишь в более поздних памятниках, в основном XIV в. появляются другие формы (см. о них ниже), хотя также при явном преобладания форм типа наречия. Такая картина является достаточно убедительным указанием на то, что основой формирования несогласуемой ср. степени была наречная форма (=форме им. п. ед. ч. ср. р.). В действующей еще системе согласования факты, указывающие на отсутствие согласования, проявляются не в виде беспорядочного употребления не соответствующих данному роду и числу форм, а в виде последовательного использования одной формы. Вопрос о том, надо ли возводить ее к форме наречия или же считать ее преемницей формы им. падежа ед. числа ср. рода сравнительной степени прилагательных, являлся бы схоластическим, так как никаких критериев для его решения в языке нет. Однако факт выбора именно этой формы при нарушении согласования представляется не случайным, если иметь в виду, что эта же форма уже использовалась в языке как неизменяемая часть речи — наречие.

Следует подчеркнуть, что первые примеры употребления несогласуемых форм, совпадающих с формой наречия, в памятниках XI—XIII вв. выступают на фоне выдержанной в общем довольно последовательно системы согласования предикативно употребляемых форм ср. степени. Вероятно, в эту эпоху при действующей, но уже поколебленной системе согласования появилась возможность наряду с закономерными согласуемыми формами использовать форму без признаков согласования. Возможность употребления несогласованной формы в это время не исключала использования закономерных согласованных форм. Это была эпоха

своеобразного сосуществования старой системы с нарождавшейся новой закономерностью.

Разрушение системы согласования нечленных форм в предикативном употреблении, явившееся предпосылкой для выработки единой несогласуемой формы ср. степени, имело и более общее, принципиальное значение для всей системы образования форм ср. степени.

Если в период согласования нечленных форм ср. степени наличие двух вариантов основ, как указывалось выше, являлось способом противопоставления разных форм одной парадигмы, т. е. средством выражения синтаксических отношений, то с утратой согласования эти средства перешли в разряд словообразовательных. На базе этих средств протекало формирование несогласуемой ср. степени, а выбор их в этом процессе зависел от тенденций, возобладавших в каждом из типов образования (с суффиксом *-*jьs* и *-*ějьs*) применительно к разновидностям корней-основ.

Возникшие в языке новые отношения требуют применения новой терминологии для обозначения основных морфологических частей формирующейся несогласуемой ср. формы, такой терминологии, которая отвечала бы строению этой формы в ее разновидностях. В условиях отсутствия согласования и использования его средств (бывших суффиксальных вариантов основы) в качестве словообразовательных (точнее формообразовательных) элементы несогласуемых форм — *-е*, *-ѣе*, *-ше*, *-ѣйше*[34] (ср. *шире*, *добрѣе*, *тоньше*, *добрѣйше*) — должны, исходя из сопоставления их с соответствующими однокоренными образованиями (в первую очередь с формой „положительной" степени) рассматриваться как суффиксы несогласуемой формы ср. степени.

При характеристике способа образования несогласуемых форм ср. степени с суффиксами *-е* и *-ше* должно учитываться также качество конечного согласного основы. Так, например, в современном русском литературном языке для форм с суффиксом *-е* и *-ше* характерно наличие шипящих согласных в соответствии с зубными и задненебными в форме положительной степени, а для форм с суффиксом *-ше* — также мягкость сонорных *р*, *н*, *л*, исторически восходящая к сочетаниям с начальным *j* суффикса ср. степени *-*jes*, сохраняющаяся в литературном языке только для *н* и *л* (ср. *меньше*, *больше*, но *старше*)[35].

В соответствии с этим в последующем изложении основы форм типа *ниж-е*, *суш-е* именуются основами на шипящий, как и основы форм *рыж-ее*, *свеж-ее*; указания на соотнесенность первых с основами положительной степени на зубные и задненебные согласные, а вторых — с основами положительной степени на тот же шипящий даются только по мере надобности.

2. Роль элементов бывшей основы косвенных падежей в дальнейшей судьбе несогласуемых форм

Однородность формы несогласуемой ср. степени, которая первоначально формировалась только на базе наречной формы, сохранилась лишь до эпохи окончательного распада системы согласования. В результате утраты согласования элементы, связанные в прошлом с двумя вариантами основ (основы им.-вин. падежа муж. и ср. рода и основы косв. падежей), освободившись от функции противопоставления отдель-

[34] О роли последних двух элементов в дальнейшем процессе развития несогласуемой формы см. ниже.

[35] По говорам процесс отвердения сонорных перед *-ш* суффикса (где этот согласный твердый) захватывает и согласные *н* и *л* (*меньше*, *ранше*, *болше*). Вместе с тем есть и говоры, где мягкость *р* сохраняется (*ширьше*).

ных форм парадигмы, приняли активное участие в процессе образования несогласуемой формы ср. степени. Уже памятники XIV в. указывают на то, что в процесс образования несогласуемой формы ср. степени включились формы распавшейся парадигмы с основой косв. падежей (см. выше); материалы же более поздних памятников свидетельствуют о том, что роль элементов *-ше* и *-ѣйше* в этом процессе была резко различной как с точки зрения их продуктивности в изучаемую эпоху, так и с точки зрения жанрово-стилистической приуроченности.

Для изучения этих отношений обратимся к материалу памятников позднего периода (в основном XV—XVII вв.). В приводимых примерах выделяем несогласуемую форму ср. степени в функции определения и в функции наречной. Для первой из этих функций учитываем только примеры явного отсутствия согласования, чтобы быть уверенными в том, что имеем дело с несогласуемой формой, а не с реликтами согласованных форм, которые еще некоторое время продолжают давать о себе знать в памятниках высоких жанров [35].

Образования с суффиксами *-е* и *-ше* (*-ши*)

Формы с суффиксом *-ше* (*-ши*) в функции определения: и самому *менши* быти всѣхъ творѣтися (К.-Печ. пат., 52 л.); смрѣть свободно есть *лучьше* ми твоего цр҃ства (Иос. Флав., кн. I, XVI, сп. XV в.); бо цр҃ь земнымъ подобенъ ... властью же сана *вышьши* (Ипат. лет., 6683 г.) то ти *менше* есть (там же, 6636 г.); *лучьши* есть чести временныя день единь въ дому Божіа Матере (Посл. еп. Сим. Вл.); даите др҃гую пилу *болше* прьвыѧ (Пам. отр. лит., т. II, XIII, рук. XV в.); кто есть *лоучши* (там же, т. I, XI, сп. XVI в.); аще другы ча *хоуше* є (там же, XVII, сп. XVI в.); что убо его *больши* (Жит. Ал. Нев.); желаетъ инъ получити ловъ *горши* перваго (там же); яко *болши* перваго крещенія сіе божественное крещеніе (Пов. рел. сод., сп. XVI в.); что сего *лучши* есть (там же); *лучши* бо злои звѣрь на дворѣ, неже в дому жена злообразна (Посл. Дан. Зат., XXVII); *лѣпше* бы ми смерть ниже Курское княжение (Сл. Дан. Зат., XI, стр. 10); грозди родятся и всякія овощи *лучше* бо всѣхъ овощовъ на земли (Пут. иг. Дан.); въ рѣкахъ воды быша *болши* вешнихъ (Патр. лет., 1518 г.); прислалъ своихъ болшихъ пословъ добрыхъ людей *лучши* Игнатіа Яхонтова (там же, 1539 г.); ничтоже тоя любьви *болши* (там же); лутше смерть, неже животь тлѣнной (там же); хто съ кѣм въ одномъ полку посланъ, тотъ того и *менши* (там же, 1556 г.); не наведемъ на ся казни *горши* первой (Пск. I лет., 1510 г.); и бысть волненіе *болши* старого (там же, 1466 г.); и възложи на нихъ дань *болши* Ольговы (Твер. лет., 913 г.); межи ими шишкы яко древа *вышши* мужа (там же, 1204 г.). Злыи же человѣкъ тщашася на злое, не *хуждьше* есть бѣса (там же, 1015 г.); не прелщайтеся пустошію, славою свѣта сего, еще *хѹ́ждьше* паучины (там же, 1270 г.); восмь вѣнцовъ, техъ *поменши* серебряныхъ (РИБ-акты, № 268, 1641 г.); да блюдо *болшее*, да другое *поменши* (там же); Иванъ Ондрѣевичь Бутурлинъ был *менши* дѣда его меншого Ѳедора Игнатьевича Салтыкова (Юр. акты, № 48, 1646 г.); прадедъ его родной Ивана Ляцкого мѣстом *болши* (там же); и исповедь... новоучинена *ширше* (ДАИ, V, 1666 г.); а кому будет ... дѣло *менши* двадцати руб-

[35] Поясним эту мысль примерами: так, формы на *-е* или *-ѣе*, относящиеся к существительному ср. рода в форме им. падежа ед. числа, могут обозначать как несогласуемую, так и согласуемую форму; то же надо сказать и о формах на *-ше*, относящихся к существительному муж. рода в форме им. падежа мн. числа и о некоторых других.

лей (Юр. акты, № 58, II, 1696 г.); несть рабъ боле г̑дна своего ни сн̑ъ *болше* отца своего (Девг. Деян., 147); и бывают тому человѣку послѣдняя *горше* первыхъ (Авв., стр. 318); которая земля *лучше* (там же, стр. 285); но ища себѣ равные или паче *нижши* себя (Пос., Отеч. поуч.).

Формы с суффиксом *-ше* и его вариантами в наречной функции: а заѣзда три денги, а *болши* того ненадобѣ ничто (Акты арх. эксп. № 9, 1389—04 гг.); также серебрьныи вѣсы у Ризѣ дѣржяти полузолотникомъ *болши* во одного рубля (Р.—Л. акты, CLXIV, 1407 г.); а *болши* дву мѣсяць не волочити (Акты арх. эксп., № 91, 1471 г.); а обѣту *болши* трехъ денегъ не быти (там же); а будетъ ѣзду *больши* рубля или *меньши* до которого города... (Суд. И. III, 1497 г.); а намъ *лучьше* въ чюжю голову нежели въ свою (Ипат. лет., 6677 г.); *лѣпши* бы не живъ былъ (там же, 6795 г.); *лучше* е единому оубѣну быти за многых (Пам. отр. лит. т. I, XII, сп. XV в.); азъ же *болше* тебе прилежа ремествѣ своемъ обнищахъ уже (Пам. ст. лит., О двух сапожн., сп. XV в.); яко *лушъши* бы ему не родитися (Пам. кан. пр., № 2, сп. XV в.); и да *болши* преумножится въ васъ цвѣтуша... благодать (там же, 1416 г.); *лучши* ми было подъ ногами твоими умерети (Акты арх. эксп., № 138, 1503 г.); пуда по два и по три и *болши* (там же, № 211, 1546 г.); всего же *болши* гоните и утвержайтеся и разумейте... (Дух. дог. гр., № 104, 1572 г., — Ив. Грозный); и оттолѣ нача *поменше* мерети (Пск. I лет.; 1466 г.); а всѣхъ 20 мужь паде съ Ладожаны, или *меншu* (Воскр. лет., 1241 г.); *лучше* непра̀ведиаго бога̀тества аще и в праведномъ оубо̀жестве (Дом., ѯ̀д); или шелку цвѣтно́го ли́тра или *бо̀лши* золота (там же, мо̀); тѣмъ же *лучше* тебѣ солгавшу животъ получити, нежели истиньствовавшу погибнути (Соф. врем., 1480); во едину надѣлю и *меншu* развали (там же, 1475 г.); и *больши* дву сотъ человѣкъ людей сгорѣ (там же, 1493 г.); *лѣпши* пира слышати прения умных (Сл. Дан. Зат., XXX); *лѣпше* есть камень долоти нижели зла жена учити (там же, XLII); сам в слѣд не ленися, да не *болши* труда пріимешь (Посл. Дан. Зат., LV); *лучши* вода пити на своеи воли, ниже медъ в работѣ (там же, XX); *лучше* бы ми желѣзо варити, нежели со злою женою быти (там же, LXIX); *лоу̀ши* есть не wбѣщатисѧ, не́жели wбѣща́вшоусѧ и не возда́ти (Жит. Стеф. Перм., стр. 79); *лоу́чши* бы бы́ло намъ да бы былъ гробъ твой в земли нашей (там же, стр. 88); помысли, чадо, и *больша* како Господъ нашь смири себе (Посл. еп. Сим. Вл.); и подъемъ его *вышши* себе (Пов. рел. сод., О Ионе, сп. XVI в.); а того *болши* хочетця мнѣ попытати плеча своег (Урус. Залаз.); тог *болши* смотри, чтоб не ушел Ѳеодул змей (там же); *болши* де мнѣ того Государю служить нельзя (Пис. рус. гос., № 14, прилож., 1619 г.); дать большимъ *побо̀лши*, а меньшимъ *поменши* (там же); дать Государева жалованья *побо̀льши* (там же); лѣтъ *менши* двадцати (там же, № 310, 1630 г.); по смерти отца наипаче *болше* зла твориті начнетъ (Катош., гл. I, стр. 4); мертвыхъ людей... *болши* ста человѣкъ (там же, стр. 21); к которому петенату *болши* чести воздаютъ, а иному *менши* (там же, гл. III, стр. 39); в четвертую долю квартаря или малым *болши* (там же, гл. XIII, стр. 148); по і̑ и по є̑ рублевъ и *менши* (там же, гл. I, стр. 14); ту начаша приходити к нему, якоже и *болши* прежняго (Авр. См., IV, 38); и прибытковъ воспріемаху десятирицею и *вящши* (Сказ. Авр. Пал.); *лутше* есть с покоемъ царствовати, нежели съ малоумиемъ излияти кровь человѣческу... (РБЭ, Посл. Спир. Саввы, сп. XVII в.); обыскныхъ людей будетъ *болши* (Улож. Ал. Мих., X, 161); а *меньши* дву человѣкъ... не писати (там же, X, 240); доведется иску его доправить *меньши* того, чего онъ искал... (там же, X, 19); *болши* тово жить не оумѣю (Авв., стр. 67); Онъ кудесилъ не *менши*

антихриста (там же, стр. 463); а онѣ *болши* ихъ обличаютъ (там же, стр. 499); потрудится *больше*, *больше* и пріиметъ (там же, стр. 559); другъ друга *болши* ставить и почитать и слушать (Юр. акты, 1654 г.); а денегъ за дворы ихъ дадутъ *болши* тѣхъ долговыхъ (там же, 1646 г.); *лучши* есть нам [не] кланятися (Твер. лет., 1246 г.); взялъ полону *болши* сорока тысячь (Патр. лет., 1558 г.); *дальше* моря *меньше* горя (Сим., Посл., 221).

Материал показывает, что формы с суффиксом *-ше* (*-ши*) характеризуют все жанры письменности; однако в ранний период они встречаются в основном в деловой письменности, что свидетельствует об их связи по происхождению со стихией живой народной речи.

Материал, приведенный на функцию определения и на наречную функцию, совершенно одинаково характеризует несогласуемую форму ср. степени со стороны ее образования, подтверждая еще раз, что мы имеем дело с формированием единого словообразовательного типа, объединяющего две синтаксические функции.

Формы с суффиксом *-ше* (и вариантами) в обеих синтаксических функциях употребляются от круга основ, чрезвычайно лексически ограниченного.

По существу довольно последовательно встречаются лишь формы *больше* (*-ши*), *меньше* (*-ши*), *лучше* (*-ши*), причем, если в XIV—XV вв. эти формы еще относительно редко встречаются наряду с более систематично выдержанными формами *боле*, *мене*, *луче*, то позднее они становятся преобладающими[37].

От других основ формы с суффиксом *-ше* (и его вариантами) встречаются единично. К ним относятся формы *вышьши* (Ипат. лет., Твер. лет., Пов. рел. сод.), *нижши* (Пос., Отеч. поуч.), *хоуше* (Пам отр. лит.), *хуждьше* (Твер. лет.), *горша* (*-ши*) (Пов. рел. сод., Пск. I лет., Авв.), *лепше* (*-ши*) (Сл. Дан. Зат., Ипат. лет.), *вяшши* (Сказ. Авр. Пал.).

В научной литературе по традиции формы на *-ше* принято толковать как старые формы им. падежа мн. числа муж. рода[38].

Такое утверждение, исходящее из внешнего совпадения формы, не согласуется с данными памятниками и не объясняет причин ограниченного употребления форм на *-ше* только от отдельных основ.

Тот факт, что из форм с суффиксом *-ше* (и его вариантами) устойчиво употребляются во всех жанрах письменности по существу только три: *больше* (*-ши*), *меньше* (*-ши*), *лучше* (*-ши*) — свидетельствует о том, что формы бывшей основы косв. падежей очень слабо повлияли на формирование несогласуемой ср. степени в пределах образований с суффиксом *-*jьs*. Наличие форм *больше* (*-ши*), *меньше* (*-ши*), *лучше* (*-ши*) при отсутствии форм с этим суффиксом от других основ трудно объяснить, не выходя за пределы форм несогласуемой ср. степени. С точки зрения структуры среди этих форм две — с основой на сонор-

---

[37] Материал по соотношению форм *мене*, *меньше* (*-ши*), *боле*, *больше* (*-ши*), *луче*, *лучьше* (*-ши*) и др. вариантов см. в нашей работе „К истории образования форм сравнительной степени в русском языке".

[38] См., например, у А. И. Соболевского: „Современный русский язык знает только две формы сравнительной степени — старую имен.-вин. ед. средн. р.: *выше*, *сильнее*, и старую имен. множ. муж. р.: *лучше*, *больше*, которые употребляются безразлично". („Лекции по истории русского языка". М., 1907, стр. 227.) Это же утверждение повторяется и позже в общих курсах истории русского языка. См., например, у Л. А. Булаховского („Исторический комментарий...". Киев, 1950, § 22, стр. 171), правда, не в такой категоричной форме. Из более новых курсов, повторяющих это утверждение, можно назвать „Историческую грамматику русского языка" П. С. Кузнецова (изд. МГУ, 1953, стр. 157).

ный (*бол-*, *мен-*) и одна — с исходом на шипящий (*луч-*); при этом прочие основы на шипящий не имеют тенденции выступать с суффиксом *-ше* (*-ши*), ср. *ниже*, *тише*, *у́же*, *круче* и др., а остальные основы на сонорный получают это оформление значительно позже: вм. форм *дале*, *доле*, *тоне* и т. п. формы *дальше*, *дольше*, *тоньше* и т. п. появляются лишь в самом конце XVII в., в основном же их употребительность проявляется за пределами изучаемого периода. Формы *меньше*, *больше*, *лучше*, таким образом, являются для изучаемого периода исключением в системе форм несогласуемой ср. степени. Объяснение этому факту находим лишь при обращении к истории родственных (также восходящих к типу с суффиксом *-*jьs*) членных форм. Как показано в разделе, посвященном членным формам, образования с суффиксом *-ш-* закрепились в живом русском языке за чрезвычайно ограниченным кругом основ и представлены только формами *больший*, *меньший*, *лучший*, *молодший*. В языке литературно-книжном в их число входят также *хужьшии* (*худший*), *вышьшии* (*высший*), *нижьшии* (*нисший*); сюда же следует отнести и заимствования из старославянского *горьший* и *вяшьший* (*вящий*), распространенные в литературно-книжных памятниках, а также западнославянское *лепший*, встречающееся лишь в отдельных памятниках. От других основ членные формы с суффиксом *-ш-* вообще не употребительны. Наличие несогласуемых форм с суффиксом *-ше* (*-ши*) как раз от тех же основ несомненно свидетельствует о том, что эти формы находятся в зависимости друг от друга, а именно, что суффикс *-ше* (*-ши*) в несогласуемых формах утвердился при явном воздействии соответствующего элемента в составе членных форм. В формах *лучьше*, *меньше*, *больше* этот суффикс прочно закрепился благодаря употребительности соответствующих членных форм *лучьший*, *меньший*, *больший* в живом народном языке. Не исключена также возможность, что закрепление его за этими основами связано косвенно и с отсутствием положительной степени от тех же корней, из-за чего круг словообразовательных связей для этих образований ограничен только формами ср. степени и поэтому морфологическое взаимодействие между ними проявляется особенно интенсивно.

Малая употребительность других несогласуемых форм с суффиксом *-ше* (*-ши*), которые встречаются только в памятниках литературно-книжного характера, объясняется тем, что соответствующие им членные формы имели в живом языке ограниченное распространение, характеризуя исключительно книжную стихию речи. Суффикс *-ше* (*-ши*) в их составе не утвердился в языке (ср. *ниже*, *выше*, *хуже*); остальные формы вообще вышли из употребления[39].

Продуктивность образований с суффиксом *-ше* относится к позднему времени. Она охватывает почти исключительно формы с основой на сонорный согласный (ср. формы *дальше*, *дольше*, *тоньше* и др.), которые начинают появляться в памятниках только к самому концу изучаемого периода. Образцом для распространения суффикса среди этих основ несомненно послужили очень употребительные в языке формы *меньше*, *больше*. Сам же процесс явился тем этапом в истории несогласуемых форм ср. степени, восходящих к типу образования с суффиксом *-*jьs*, в результате которого все формы этого типа перед конечным гласным стали иметь шипящий, только в одних из этих форм шипящий является конечным согласным основы, в других — относится к суффиксу (ср. *ниж-е*, *ближ-е*, *хуж-е*, но *даль-ше*, *рань-ше* и др.). В современ-

---

[39] О судьбе форм *горьше*, *вящьше*, *лепше* см. в соответствующих им разделах нашей работы „К истории образования форм сравнительной степени. . .".

ном русском литературном языке лишь форма *шире* представляет в этом отношении исключение[40].

В диалектах формы с основой на сонорный могут и в настоящее время свободно выступать с суффиксом *-е* (или заменами этого звука) соответственно законам вокализма конечного заударного слога этих говоров. Распространение форм с суффиксом *-е* от основы на сонорный не имеет четко выраженных границ. Как архаизм эти формы сохранились в большей или меньшей степени в говорах и севернорусского и южнорусского наречия[41].

Процесс распространения суффикса *-ше* на основы с исходом на сонорный можно проследить и в диалектах, где он захватил значительно большее число основ, чем в литературном языке. Продуктивность суффикса *-ше* в части говоров выводит его за пределы основ на сонорный и вообще за пределы образований со старым суффиксом **-jьs*.

Так, в южновеликорусских говорах (кроме западной их части) широкое распространение имеют формы с суффиксом *-ше* от ряда основ, объединенных в прошлом в акцентном отношении (наличием ударения на основе в составе форм прилагательных и ср. степени), ср. формы *тяжельше, здоровше, дешевше, длиньше, слабше (слапше* или *слабже)* и некоторые другие. Продуктивность суффикса *-ше*, главным образом в южновеликорусских говорах, проявляется и в возникновении форм ср. степени типа *крепше, легше* от прилагательных, включающих в состав основы положительной степени суффикс *-ък* (совр. *-ок*|*-к.*)[42].

Уже начиная с первых случаев проникновения суффикса в состав несогласуемой формы ср. степени, он выступает в двух разновидностях *-ше* и *-ши*.

Если само наличие суффикса с элементом *ш* следует отнести за счет влияния соответствующих членных форм ср. степени, то его разновидности, выражающиеся в вариантах конечного гласного, могут быть объяснены, конечно, только исходя из тех отношений, на почве которых возникла несогласуемая форма.

Как уже установлено выше, эти отношения складываются из отношений наречной формы к формам распавшейся парадигмы, в которой основную роль в предикативной функции играли формы им. падежа. Исходя из этого, рассматриваемые нами разновидности суффикса следует интерпретировать следующим образом. Если формы на *е* (т. е. с суффиксом *-ше*) можно рассматривать как подравнивание под другие формы наречного типа[43], то в формах на *и* (т. е. с суффиксом *-ши*) следует видеть факт влияния одной из форм парадигмы. Ближайшим их прототипом следует считать, вероятно, форму им. падежа ед. числа жен. рода. Естественно, что в условиях еще шедшего процесса распада парадигмы формы с суффиксальным *ш*, утверждающимся в результате влияния соответствующих членных форм, связывались первоначально с формой им. падежа ед. числа жен. рода, которая одна среди форм им. падежа ед. числа, наиболее употребительных в преди-

---

[40] Сходная с ней по своей структуре форма *дешевле* исторически, вероятно, была связана с другим типом образования (с суффиксом *-ějьs*) и лишь позже приобрела суффикс *-е*.

[41] Ср. характеристику употребительности этих форм в современных говорах: С. В. Бромлей. Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа. „Материалы и исследования по русской диалектологии", том 1, 1959, стр. 68 и 79.

[42] См. там же, стр. 76—79, а также карты № 2 и № 3.

[43] Выше было установлено, что первоначально несогласуемая ср. степень выступала в форме наречия.

кативной функции, включала в состав основы элемент *ш*[44]. Употребление форм на *-ши*, таким образом, характеризует переходный этап, представляя собой в структуре новой несогласуемой формы ср. степени остаточное явление эпохи наличия согласования.

Следует заметить, что фонетическая трактовка форм на *-ши*, как отражающая редукцию конечного гласного в суффиксе *-ше*, неприемлема, так как в этом случае редукция отражалась бы и в других несогласуемых формах — с суффиксом *-е*. Однако в той же фонетической позиции, после шипящих в конечном заударном слоге, но в формах, где шипящий принадлежит основе, например, в несогласуемых формах *выше*, *ниже*, *суше*, *круче* и др., никогда не бывает конечного гласного *и*. Ср., например, в одной и той же фразе в формах ср. степени *и* после *ш* суффиксального и *е* после шипящих, принадлежащих основе: а будет дѣло *выше* рубля или *ниже* рубля и имъ имати пошлины по розчету, а *болши* имъ того не имати (Суд. Ив. IV, 1550 г.). В несогласуемых формах, где суффиксальное *ш* отсутствует, конечный гласный последовательно выступает в виде *е* (редко *ѣ*).

В заключение укажем на одну частную особенность, касающуюся истории форм двух основ, причины которой остались нам не ясны. Речь идет о том, что две основы *бол-* и *мьн-* (*мен-*), связанные между собой антонимически по значению, тождественные по образованию, а также употреблению, в некоторой степени расходятся в ходе конкретной истории образования несогласуемой формы. Бросается в глаза тот факт, что основа *бол-* гораздо дольше продолжает употребляться в памятниках письменности в форме *боле*; наоборот, основа *мьн-* (*мен-*) — в форме *мьне* (*мене*) известна только в самых ранних памятниках, где безусловно еще сохраняется согласование, и с первых же шагов формирования несогласуемой ср. степени выступает уже с суффиксом *-ше* (*-ши*). Из поздних памятников форму *мене*, при огромной употребительности вообще несогласуемой ср. степени данной основы, можем привести только в трех случаях: созда же церквь:... величествомъ и красотою не *мене* сущихъ древних (Ипат. лет., 6768 г.); *мене* хлопотов ино лутьчи (Акты арх. эксп., № 239, 1554 г.); прислуживати целование в рублѣ, а *менѣ* рубля съ жеребья право (там же, № 255, 1560 г.).

Несмотря на то, что форма *больше* (*-ши*) появляется в памятниках письменности одновременно с формой *меньше* (*-ши*), форма *боле* также не теряет своей употребительности, выступая наряду с формой *больше* (*-ши*), вплоть до XVI—нач. XVII в.[45] В деловых документах сплошь и рядом в одной и той же фразе, в одной и той же синтаксической функции, форма *меньше* (*-ши*) встречается рядом с формой *боле*, ср. примеры:

А то возмут в тысѧчю руб., а будет *боле* или *менши*, ино по тому разочту (Дух. дог. гр., 1389 г.); А кого утяжутъ въ рублѣ, и намѣстникомъ вины полтина, а того *болѣ* или *менши*, ино по тому же (Акты арх. эксп., № 13, 1398 г.) и др.

В конце изучаемого периода обе основы выступают уже довольно последовательно с суффиксом *-ше* (*-ши*); поздние примеры наличия у этих основ суффикса *-е* носят, видимо, диалектный характер; однако форма *боле* еще долго продолжает оставаться употребительной, при полном отсутствии в формирующемся литературном языке формы *мене*

---

[44] На связь форм на *-ши* с формой им. падежа ед. числа жен. рода указывает Л. А. Булаховский в своем „Комментарии...“ (стр. 277), не указывая, однако, на их лексическую ограниченность и ее причины.

[45] См. нашу статью „К истории образования форм сравнительной степени...“, стр. 421, 422.

(ср. отсутствие формы *мене* при наличии формы *боле* в языке А. С. Пушкина по данным „Словаря языка А. С. Пушкина", тт. I, II).

Данные современных русских говоров также свидетельствуют о более широком распространении формы *боле* по сравнению с формой *мене*[46].

Образования с суффиксами *-ѣе* (*-ае*) и *-ейше (-айше)*

Выше было уже установлено, что первоначальной основой формирования несогласованной ср. формы являлась наречная форма, т. е. форма с суффиксом *-ѣе* с вариантом *-ае* после шипящих. Оба эти варианта форм имели, однако, много разновидностей и находились между собой в сложных отношениях. При изучении этих отношений следует, с одной стороны, выделить процессы, связанные с морфологической аналогией — проникновение одного варианта суффикса в словообразовательную сферу другого, с другой стороны, — процессы, пережитые обеими разновидностями суффиксов, главным образом фонетического порядка.

Процессы аналогического характера, выражавшиеся в обобщении *ѣ* суффикса ср. степени, т. е. распространении его на основы с исходом на шипящий, в которых, согласно фонетическим закономерностям общеславянской эпохи, было представлено на месте *ē* — *а*, широко характеризуют уже древние памятники, хотя формы с *а* после шипящих все же резко преобладают[47]. Вероятно, этот процесс характеризовал уже некоторые диалекты древнерусского языка. Однако в памятниках примерно с XV в. можно заметить действие тенденции к устранению *ѣ* из состава суффикса, выступающего в основах на шипящий. В памятниках XV—XVII вв. количество форм с *ѣ* (и его заменами) после шипящих резко сокращается. С конца XV в. количество примеров этого типа образования становится очень ограниченным: *дражѣе* (Библ. Генн., 1499 г.); *ближее* (Пос., Отеч. поуч., 41); *вышее* (Пам. отр. лит., т. II, XVII в.); *хорошее* (Урус. Залаз.); *хужее* (Птр., I, 795); *глубжѣе* (Прот. Верх. Тайн. Сов., I, III, 1726 г.).

Формы на *-ае* представлены значительно шире: *множае* (К.-Печ. пат., л. 130); *нижае* (Пов. рел. сод., сп. XV в); *боржае* (АИ, 147, — Геннадий архиеп., 1496 г.); *лъжае*, (Библ. Генн., 1499 г); *множае* (Пов. рел. сод., сп. XVI в.); *множае* (Соф. врем., 1438 г.); *множае* (Пск. I. лет., 1479 г.); *множае* (Авр. См.. VII., 97); *хорошае* (Пам. ст. лит.); *тишае* (Спафарий, Китай); *боржае* (Евфр., Отразит. пис., 1691 г.); *ніжае* (Укр. гор. Воб., 18); *глубжае* (там же, 131); *нижае* (Кугорн, Нов. креп., 1702 г.); *жарчае* и *сушае* (Кн. землед., 116 об.); *дражае* (там же, 66 об.); *блажáе* (Арифм. Маги., Пред., 12); *дражае* (Мат. ист. АН, 1721 г., т. I, 6); *нижае* (Аполлодор, 1725 г., стр. 356).

Особую и довольно обширную группу основ на шипящий, где также широко представлен суффикс *-ае*, составляют основы с суффиксом *-ък*, *-ок* (*крѣпъчае*, *высочае* и др.).

При оценке приведенного выше материала следует учитывать, что в живом языке очень рано основы на шипящие стали проявлять тенденцию к переходу в тип образования с суффиксом **-jьs*, т. е. образовывать несогласуемую форму ср. степени с суффиксом *-е*[48]. Во всяком

---

[46] См. нашу статью „Формы сравнительной степени в русских говорах...", стр. 68.

[47] См. нашу статью „К истории образования форм сравнительной степени...", стр. 368—389.

[48] См. там же, стр. 401.

случае к XIV в. — времени появления массового материала деловых памятников, близко отражающих нормы живого языка, формы с суффиксом *-е* после шипящих широко утвердились в языке; формы на *-ае* в этих памятниках не употребительны. Конечная судьба этих образований в литературном языке, откуда их полностью вытеснили образования с суффиксом *-е* (*ниже, суше, громче, легче*), говорит о том, что говоры, легшие в основу русского литературного языка, уже, видимо, не знали форм на *-ае* (см. ниже диалектный материал). Поэтому наличие в письменности форм на *-ае* следует возводить к книжной традиции или, в особенности в позднейших памятниках Петровской эпохи, относить за счет проникновения норм севернорусских говоров (см. ниже), которые в раннюю эпоху формирования литературного языка отражались в нем шире, чем впоследствии. Те немногие основы на шипящий, которые продолжают образовывать формы исконного типа (с суффиксом **-ějьs*), имеют в качестве суффикса не *-ае*, а *-ѣе*; такие формы образуются от группы основ с исконным шипящим в основе, типа *рыжее, свежее*, и от отдельных основ, распространенных суффиксом *-ък*; однако эти образования, как правило, представляются или устаревшими (*звончее*) или просторечными (*бэйчее, ловчее*).

В диалектах образования по типу с суффиксом **-ějьs* после шипящих имели другую судьбу. Формы на *-ае* и *-ѣе* после шипящих, наряду с образованиями от тех же основ на *-е*, продолжают существовать в говорах. Формы на *-ае* широко употребительны в севернорусских говорах. Особенно последовательно они представлены в основах, распространенных суффиксом *-ък*, однако встречаются такие образования и от основы-корня (например, *строжае, нижае*).

Формы на *-ѣе* (*-ее*) после шипящих (например, *громчее, должее*) встречаются, наоборот, по преимуществу в южнорусских, а также среднерусских говорах.

Суффикс *-ѣе* в памятниках письменности, помимо приведенных выше случаев проникновения его в формы с основой на шипящий, характеризует по преимуществу основы на сонорные (*старѣе, новѣе, сильнѣе* и т. п.), значительно реже выступает с основами на губные (*глупѣе, грубѣе* и т. п.) и лишь в отдельных формах с основами на зубные (*лютѣе, богатѣе* и др.). Формы с суффиксом *-ѣе* не после шипящих характеризуют прежде всего живую стихию народной речи; они целиком господствуют в памятниках деловой письменности, преобладают в летописях и являются во всех жанрах стилистически нейтральными.

Особый книжный характер носят лишь отдельные формы на *-ѣе*, образованные от группы основ на сонорный, иконы принадлежавших другому типу образования ср. степени — с суффиксом **-jьs*; в кругу этих основ лишь в позднее время в памятниках официально-научного языка появилась тенденция к образованию несогласуемой формы с суффиксом *-ѣе* (*ее*), ср. формы *более, менее, ранее, долее, далее, тонее, ширее* при более ранних *боле, мене, ране* и т. п. или *больше* (*-ши*), *меньше* (*-ши*) и т. п.

В самом конце изучаемого периода (XVII в.—начало XVIII в.) в памятниках письменности начинают встречаться формы от основ „не на шипящий", образованные с суффиксом *-ае*. Ср. материал памятников: ино то вам *прибылняе* (Дух. дог. гр., 1572 г., № 104, — Ив. Грозный). А *скоряя* того тѣхъ денегъ собрать (Ворон. А., 1688 г.); Лукь к бѣдре повешай, копие же *скоряе* в руку (Евфр., Отразит. пис., 1691 г.); бутто лутче и *мудряе* ево никто не бывалъ (С., IV, Чел. Ник.); родомъ съ нимъ ровен или *честняя* (Катош., 46); како бы *скоряе* дѣло вершить (Пос., О скуд. и бог.); На что *бодряе* и разумнѣе Господина Князь Дмитрія Михайловича Голицина! (там же); какъ возможно *ско-*

ряя то исполняйте (Пис. Птр., 1711 г.); в Питербурхѣ корпусъ *сильняя* умножить (там же, 1713 г.); кормъ конскій *дешевяе* (Дух. реглам., 1712 г.); как *скоряя* возможно вѣдомость учинена будетъ (Птр., 436); чтобъ вы не медля какъ возможно шли *скоряя* в Гродню (Птр., VI); не болѣе недѣли времени ежели *скоряя* нельзя (Ген. регламент., 1720 г.); когда ихъ потребуютъ генералъ князь Долгорукой тобъ могли *скоряе* къ транспорту в готовности быть (Прот. Верх. Тайн. Сов., I, 1726 г.); немецкия лошади къ ѣздѣ *смирняе*, к плоду *прибыляне* (Флор. ек.); кладеные (быки) *смирняе*, въ работѣ прилѣжнѣе, *сильняе* и мясомъ слаще бываютъ (там же); чѣмъ болѣе мокрота збирается, тѣмъ грудная болѣзнь *сильняя* бываетъ (там же).

Явление это связано с возникшей в севернорусских говорах тенденцией к расширению продуктивности суффикса *-ае*, который, выходя за пределы основ на шипящий, становится универсальным вариантом суффикса *-ѣе* под ударением (это подтверждает материал севернорусских диалектов, где формы на *-ае* выступают всегда под ударением). Таким образом, если для древних эпох было отмечено взаимодействие между образованиями с *ѣ* и с *а* только в направлении замены *а* через *ѣ* (т. е. наличие *ѣ* в образованиях от основ на шипящий), то в XVII в. процесс идет в противоположном направлении[49].

Как показывает приведенный материал, новые формы на *-ае* (не после шипящих) широко использовались в деловом, научном и официальном языке Петровской эпохи. Как известно, эта форма и позже, в эпоху Ломоносова, была широко употребительна, причем ее употребление не возбранялось даже в произведениях высокого стиля. Есть все данные считать, что форма на *-ае* проникла в литературный язык в силу того, что уже в XVII в. была известна в говорах, принимавших участие в формировании литературного языка. Ср. по этому поводу у П. Я. Черныха: „...форма на *-яе* (как и ее прототип на *-ае* после шипящих) была в разговорном языке известна в Москве и в подмосковных говорах уже в середине XVII в. Например, в одном письме Б. Морозова 1660 г.: чтоб *поскоряе* отказали и т. п. Впоследствии эта форма долго держалась в Москве (почти до конца XVIII столетия"[50]. В диссертации К. В. Горшковой[51] показано, что формы ср. степени на *-ая*, *-яя* были характерны для московского говора конца XVII — начала XVIII в. Лишь к концу XVIII в. эти формы оказываются снова вытесненными формами на *-ее* из литературного языка, возможно, в связи с общим усилением влияния южнорусской диалектной стихии на литературный язык. Уже Ломоносов признает в правах формы на *-ѣе* (*-ее*): „Нередко ради двух или трех *е* первые склады составляющих, вместо *ѣе* употребляется *яе*: *блекляе*, *свѣтляе*, однако и *блеклѣе*, *свѣтлѣе* равное или лучшее достоинство имеют"[52].

Народный характер формы на *-ае* не после шипящих (возникновение их в позднее время на диалектной почве) сказывается в том,

---

[49] См. у А. М. Селищева: „На связь в образовании форм сравнительной степени с *ѣ* и *а* после *ч*, *ж*, *ш* указывают и северновеликорусские говоры: они представляют то же объединение в отношении гласного в суффиксе сравнительной степени; только направление в обобщении было не одинаково: в северновеликорусских говорах объединение было по формам с *а*: *легчáje*, *м'акчáje*, *громчáje*, *добр'áje*, *сил'н'áje*, *скор'áje*" („Старославянский язык", ч. II. Учпедгиз, 1952, стр. 140).

[50] П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Учпедгиз, 1952, стр. 186.

[51] См. К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII—начале XVIII века. Язык „Писем и бумаг Петра Великого" (автореферат канд. дис.). „Вестник МГУ", № 10, 1947.

[52] „Российская грамматика", § 218. См. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, М. — Л., изд-во АН, 1952.

что они не имеют соотносительных форм членной разновидности типа *светляйший*: просторечный характер этих форм находится в противоречии с высокой стилевой функцией, характеризующей членные формы на *-ѣиш-*, *-айш-*. В этом отношении формы типа *миляе*, *светляе* отличаются от форм типа *громчае*, *сушае* тем, что вторые являются не только архаической чертой севернорусских диалектов, но одновременно и традиционными формами книжных памятников; поэтому членные формы на *-айш-* с основой на шипящий употребительны наряду с членными формами на *-ѣйш-* с той же стилевой окраской.

В перечне севернорусских особенностей, данных в „Опыте диалектологической карты русского языка в Европе“[53] сказано: „С.-в.-р. говорам (восточным более, чем западным) свойственно окончание сравн. степ. прилагат. на *-ае*: *беляе*, *громчае*, неизвестное в ю.-в.-р.“ (стр. 18); далее, уточняя распространение отдельных особенностей, в связи с определением отдельных групп говоров северновеликорусского наречия, авторы „Опыта“ отмечают эту особенность для Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, части Пермской, Уфимской, Новгородской, Ярославской, Костромской губерний, а также части владимиро-поволжских говоров[54].

Вопрос о характере бытования форм на *-ае* в северновеликорусских говорах, в частности об обобщении *-ае* для основ на нешипящий согласный, требует специального исследования. Особого внимания, как нам кажется, заслуживает факт совмещения во многих северновеликорусских говорах форм типа *беляе*, *скоряе* и результата изменения *а* в *е* между мягкими согласными[55]. Детальное изучение этого вопроса, с учетом также и судьбы старого *ѣ* в этих говорах, могло бы привести к интересным выводам, касающимся относительной хронологии фонетических и морфологических процессов. Такая возможность откроется после завершения сбора материалов для диалектологического атласа северных территорий.

Среди других вариантов суффикса *-ѣе*, большая часть которых носит фонетический характер, особых замечаний требует вариант *-ѣи* (*-ѣй*) в связи с неправильной трактовкой его в научной литературе. Примеры несогласуемых форм с суффиксом *-ѣи* (*-ѣй*) встречаются в памятниках, начиная с XIV в.: *далеи* поидя на правую руку олтаря есть Троица святаа икона (Сказ. о св. местах, стр. 129); *далеи* пойдя в кут церкви:.. есть желѣзный одръ (там же); *далеи* пойдя по лѣвой стороне есть теремець (там же); нъ *тяжелѣй* нашего полупуда тот товар (Р.-Л. акты, LXXIV, 1330 г.); какъ и *пѣрвѣи* перед симъ было (там же, CCLXIII, 1475 г.); што *первеи* того были торговали (там же, CCLXV, 1478 г.); и святые книги писаше *хитрѣй* гораздо и борзо (Пов. рел. сод.,— О Стеф., сп. XVI в.); тѣло бо его *скуднѣи* Александрава тѣла бѣше и робовидімо (Иос. Флав., кн. 2, VII, сп. XVI в.); как *вышей* про дворянъ... написано (АИ, т. II, 1611 г.); за денежные доходы взяти хлѣбомъ *прибылнѣи* (РИБ-акты, № 114, 1617 г.); а егда их *болѣй* умно-

[53] См. Тр. МДК, вып. 5. М., 1915.

[54] Формы с суффиксом *-ае* (*-ай*) отмечены в отдельных случаях и в южновеликорусских говорах. Однако они совершенно другого происхождения. Там этот суффикс возник в результате переноса в позицию под ударением варианта безударного суффикса с гласным *а* на месте заударного *е* (из *ѣ*): при формах *крéпчайа*, *бóл'ай*, *стáр'ай* (из *крéпчее*, *бóлее*, *стáрее*) по аналогии возникли формы типа *м'ел'чáйа*, *скар'áйа*, *трудн'áй*. См. об этом в нашей статье „Формы сравнительной степени в русских говорах...“, стр. 60.

[55] См., например, указания на подобные говоры в Архангельской, Вологодской, Вятской губерниях: Тр. МДК, вып. XI. Л., 1930; там же, вып. XII, Л., 1931; „Материалы для изучения великорусских говоров“, вып. IX. Сб. ОРЯС, т. 87, № 5, 1910, а также в описаниях отдельных говоров северных территорий.

жишася... тогда уже царемъ его именоваху (Твер. лет., 1395 г.); много обоихъ паде, но суздальцей *болѣи* бес числа (там же, 1149 г.); но о семъ Богъ дастъ *ширей* устъ (Курб., Пис., 63—64); Луна есть меншая планита и течетъ *нижеи* всѣхъ къ землѣ (Лож. отр. кн., Беседа 3-х свят., сп. XVII—XVIII вв.); *Лутчей* всего на земли человькъ (там же); аще великой здѣлать цiркуль то *кручей*, а ежели малой цiркуль, то *положей* витiе будеть (Архит. Бароц., 1709 г.); наипаче, что ожидали мы ѣхать во страны сiя и, будут *ближей*, писати бъ пространиѣе (Птр., VII, 467, 1707 г.); может быти не токмо *ближей* къ получению своих рекрутовъ, но и с войски нашими (Птр., IV, стр. 20); Асмотря что подъ Вилною и *далей* (Птр., V); ныне что *далей*, то болшiе показуются его хитрости и измены (там же, 745); А чтобъ намъ *чащей* писать къ великому государю (Птр., VII, 473).

Все остальные примеры подобных форм относятся только к одному памятнику — Слову Даниила Заточника по сп. XVII в.:

что змии *лютѣи* в ползущих по земли, XLIV; нѣсть на земли *лютѣи* женской злобы, там же; нашь царь *богатѣи* тебе..., XXII; *дивнѣи* дива иже кто жену поимаеть злобразну прибытка дѣля, XXXV; всего того *злѣи* зла жена, XLIV; кому Бѣло озеро, а мнѣ *чернѣи* смолы, IX; что лва *злѣи* в четвероногих, XLIV.

В научной литературе встречаются утверждения, что формы на *-ѣй*, известные широко и в говорах (в особенности, но не исключительно, южнорусских) и в литературном языке, восходят непосредственно к форме им. падежа ед. числа муж. рода[50]. Это предположение, как нам кажется, не имеет под собой достаточных оснований.

Против этого предположения говорят следующие факты. Во-первых, как было уже показано выше, основой формирования несогласуемой ср. степени явилась с первых же этапов утраты согласования форма им. падежа ед. числа ср. рода. Употребительность же форм на *-ѣи* (*-ѣй*) падает в основном на поздние века (для XIV в. имеем лишь отдельные примеры таких форм), когда о форме им. падежа ед. числа муж. рода, как и вообще о любой отдельной падежной форме, речи быть не могло.

Во-вторых, этому предположению противоречит тот факт, что соответствующего явления в формах другого типа образования (с суффиксом **-jьs*) не зафиксировано, т. е. в качестве несогласуемой формы ср. степени совершенно не встречаются формы типа *мении (-ий)*, *вышии* (*-ий*) и т. п., которые можно бы было возводить к формам им. падежа ед. числа муж. рода.

С другой стороны, есть факты, позволяющие наличие суффикса *-ѣи* (*-ѣй*) трактовать как отражение фонетического явления.

Изучение приведенного выше материала показывает, что все формы с указанным признаком (суффиксом *-ѣи*, *-ѣй*), за исключением трех форм из Слова Даниила Заточника, относятся к случаям, где следует предполагать наличие ударения на основе, а не на суффиксе. Действительно, формы *далеи (далей)*, *вышей*, *болей*, *ширей*, *нижеи*, *кручей*, *ближей*,

---

[50] Ср., например, у Л. А. Булаховского: „В других случаях выступают формы на *-ѣе*, *-ѣй*: *новее (новѣе)*, *новей* (*новѣй*) и под. Первые восходят к именительному падежу ед. ч. среднего рода на *ії*, вторые к именительному падежу ед. ч. мужского рода или к той же форме средн. рода, утратившей конечный гласный в духе обычной деформации наречий" („Исторический комментарий...", § 22, стр. 171). Последнее предположение совпадает с нашим (см. ниже). Очень часто такого рода толкования можно встретить в описаниях говоров, где встречаются формы на *-ей*. Ср., например, у Е. Ф. Будде в работе „К диалектологии великорусских наречий" (Варшава, 1892): „В настоящее время почти исключительно известно только стр. сл. (старославянское. — *С. Б.*) окончание ср. степени муж. р. *-ѣй*, иногда окончание, бывшее для ср. р. *-ѣе*". См. также: К. Филатов. „Очерки народных говоров Воронежской губернии". РФВ, т. 39, Варшава, 1898, № 1—2.

чащей относятся к основам, имевшим исконный тип образования форм ср. степени с суффиксом **-jьs* с постоянным ударением на основе. Переходя в другой тип образования (с суффиксом **-ě̌jьs*), они сохраняли ударение на основе (по крайней мере в тех случаях, если этот переход совершался не в древнейшую эпоху). Об этом свидетельствует место ударения в таких формах этого типа, которые сохранились в русском литературном языке до настоящего времени. Ср., например: *бóлее, мéнее, дáлее, дóлее, рáнее*. Формы *первы̀и, хитры̀й, скудны̀й, прибыльны̀и, тяжелы̀й, положей* также первоначально должны были иметь ударение на основе[57]. Выпадают из этой закономерности лишь некоторые примеры из позднего списка Слова Даниила Заточника, в которых ударение безусловно исконно принадлежало суффиксу. Это формы *злы̀и* и *чернь̀и*.

Весь остальной обширнейший материал, относящийся к формам, где ударение закономерно должно было с древнейшего времени быть на суффиксе, дает исключительно формы с суффиксом *-ь̀е*.

Такое распределение материала говорит, по нашему мнению, о том, что оформление суффикса несогласуемой формы ср. степени в виде *-ь̀и* (*-ь̀й*) следует рассматривать как отражение явления фонетики — редукции до нуля конечного гласного суффикса *-ь̀е* (фонетически *-гје*), начавшей проявляться в истории русского языка сначала в условиях безударности суффикса. Интересно отметить, что и в некоторых современных русских говорах наблюдается подобное же явление, т. е. связь редукции конечного гласного в формах ср. степени на *-ь̀е* (*-ее*) с местом ударения. Так, например, исследователь народных говоров Филатов отмечает для воронежских говоров: „Сравнительная степень всегда является в древней форме именительного падежа на *-ь̀й* (мужского рода) или на *-ь̀е* (среднего рода), причем *-ь̀е* в окончаниях сравнительной степени является в том случае, когда ударение стоит на первом гласном окончания“[58].

Анализ современного диалектного материала, со своей стороны, также подтверждает это предположение, так как соотношение форм на *-ее* и на *-ей* в условиях ударенности или безударности суффикса указывает на резкое преобладание форм на *-ей* при безударном положении суффикса[59].

Роль суффикса *-ейше* в выработке несогласуемой ср. формы резко отлична от роли в том же процессе суффикса *-ше*. Ниже постараемся вскрыть причины этого различия и показать общие закономерности, определившие соотношение форм на *-ше* и *-ейше*.

Как покажет анализ приводимого ниже материала из памятников XIV—XVII вв., несогласуемые формы на *-ь̀йше* и формы на *-айше* не имеют в своей истории сколько-нибудь существенных различий (в противоположность формам на *-ь̀е* и *-ае*). Поэтому при изложении материала обе разновидности несогласуемых форм ср. степени на *-ь̀йше* и *-айше* даются вместе.

Формы ср. степени с суффиксом *-ь̀йше* и его вариантами в функции определения: Кто будетъ *старѣиши*, тому пол тамги (Дух. дог. гр., 1350 г.); бѣ бо вои Даниловъ болши и *крѣпльиши* (Ипат. лет., 6719 г.); *Чтнеише* землѧ сльнце (Лож. отр. кн., Об Авр., сп. XV в.); огнь *чтнѣиши* е твои златы серебрены и каменны

[57] См. нашу статью „К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке“. „Доклады и сообщения Института языкознания“, вып. 8, 1955.

[58] К. Филатов. Очерки народных говоров Воронежской губернии, стр. 188.

[59] См. нашу статью „Формы сравнительной степени в русских говорах. . .“, стр. 58—60.

(там же); *чтнѣиши* его соу воды (там же); зане ина мука *злѣише* бес конца (Хр. Геор. Ам., 296 г., сп. XV в.); ихъ и зракъ точию *лютѣиши* всѣ моукъ бѣше (там же, 307 г.); ничсо же поистинѣ скверньє и *нечистѣише* тако шествующимъ (там же, 298 а); но и благотныи проповѣдникъ хероувимь *славнѣиши* наретсѧ (там же, 347 б); думающи на нею *лютѣиши* мачехы и ненавидѧши цѣсаревичю поуще (Иос. Флав., Кн. 1, XXIV, сп. XV в.); Видѣнїе бѡ есть *вѣрнѣищи* слышанїа (Жит. Стеф. Перм., стр. 1); азъ ли *добрѣиши* сихъ wбрѧщоусѧ (там же, стр. 50); иже бяше имъ настоящее сіе время *горчайши* желчи (Жит. Ал. Нев.); Что убо суть сихъ *честнѣиши* (там же); солнце... невидимо бываетъ и паки является *свѣтлѣиши* бываетъ (там же); древа болши сихъ і краше и *частѣіши* (Лож. отр. кн., О рае, сп. XIV в.); азъ есми *юнѣиши* преже мене державствовавшихъ (РБЭ, о кн. Владим., сп. XVI в.); Блазіи бо *блажѣиша* бывают (Иос. Флав., кн. 2, VIII, сп. XVI в.); сіе было всего *благодарнѣйши* и *радостнѣиши* (Курб., стр. 178); А мѣсто оно не мало, мало что отъ Виленского *мнѣише* (там же, стр. 196); у него жъ, рече, очи седмъ кратъ солнца *свѣтлѣиши* (там же, стр. 208); мнѣвъ себѣ *мудрѣиши* паче всѣхъ (Львов. лет., ч. I, 240); что же Израиля Богу *любезнѣйше*? (Патр. лет., 1552 г.); *краснѣйши* Соломона одѣніе ношаше (Сл. о жит. Дм. Ив.); нѣсть ничто же славы *честнѣйши* (Твер. лет.); и одежу белу, яко *подобнѣишу* снѣгу белѣиша (Авр. См., VI, 68); что *сладчайши* рожденнаго (Пис. рус. гос., № 58, 1619 г.); что же ли въ человѣческомъ естествѣ *любезнѣйши* рожшаго (там же); ничтоже несумѣнныя вѣры *крѣпчайше*, (Авв., стр. 874); Али мнится *крѣпчайше* отецъ своихъ и братій (там же, стр. 674); якоже оны силы, елико *чистѣйша* и *прозорливнейше* человѣческаго суть естества (там же); а якожде Москвѣ тогда седмицею *злѣиши* Новагорода разтлѣніе бысть (Сказ. Авр. Пал.); ибо змиінъ родъ... *зълѣіши* иныхъ годовъ (Пам. ст. лит., О жен. злобе); что на земли всего *честнѣиши*? (Лож. отр. кн., Беседа 3-х свят.).

Формы ср. степени с суффиксом *-ѣише* и его вариантами в наречной функции: и бѣде имъ *горчаиши* стократицею (Пам. отр. лит., т. II, XVIII, рук. XV в.); ꙗко *множаише* благости приахомъ егда же и *множаше* и больша съгрѣшаемъ wнѣ (Хр. Геор. Ам., 296 а, сп. XV в.); и той самый презвитеръ да соблюдаетъ себя *твердѣиша* (Акты арх. экеп., № 239, 1554 г. — Соборн. гр.); полк, аки шесть тысещеи, або мало *мнѣише* (Курб., стр. 201); тогда тѣмъ сильнѣе и *частѣише* отовнее наѣзжали (там же, стр. 187); и я потому *жесточаише* почалъ противъ васъ стояти (там же, стр. 121); подобаетъ *смиреннѣише* вещати (там же, стр. 85); яко же выше рѣхъ... *пространнеише* изобличити (там же, стр. 57); храброваніемъ же *множаише* хуже отца своего (там же, стр. 88); и мужскихъ сердца женскихъ сердецъ *слабѣиши* явишася (Курб., Пис., 17—18); онъ паче всѣхъ *острѣиши* ихъ ересь обличаетъ (там же, 70); *яснѣиши* и близши узрю (Срп. Н., 25, XVI в.); wт дѣиства ꙗко огню *горѣйше*, носитися (ВМЧ, дек. 1—5); о чюдо всѧческы чюдесъ *новѣйше* (Требник, 368, XVI в.); а еже сего *страшнѣиши*, яко повнегда черньцемъ начати селы владѣти (Пам. кан. пр., № 32, сп. XVI в.); побѣгнемъ *быстрѣише* (Патр. лет., 1522 г.); верніи же *вѣрнѣйше* пожрутся (Соф. врем., 1462 г.); зрѣти же *чистѣиши* и *яснѣиши* желахъ... (там же, 1430 г.); *легчайши* бо есть преступити ко Ярославу цѣлование, нежели... (Воскр. лет., 1127 г.); и дворъ его день отъ дне *множаише* крѣпляшеся (Летописец Твер. княж., 1363 г.); *швьственѣйше* показа, ꙗко раздѣлися на четыре

чáсти цáрство алеѯандрово (Сл. Ипп., 198); создавшему же всѣхъ сего *мерзостнѣиши* есть (Сказ. Авр. Пал.); та бо погубляетъ человѣки *острѣиши* меча (Пам. ст. дит., — О жен. злобе); Вашему Высочеству *нижайше* доношу (Переп. Ал. Петр., 1708 г.); только *нижайше* донесу, что... (АК., IV, 431, 1711 г.); и тѣмъ Вашу Свѣтлость *нижаише* поздравляю (там же, IX, 139, 1713 г.); и впредь *нижаише* прошу оными меня не оставить, (Пис. рус. гос., II, 46 — Переп. ц. Прасковьи).

Подтверждая еще раз отсутствие всяких различий в образовании наречных форм и несогласуемых форм ср. степени, служащих в качестве определения, материал указывает вместе с тем на очень определенную жанровую ограниченность в употреблении форм с элементом *-ѣиш-* (*-айш-*). Эти формы встречаются почти исключительно в памятниках, язык которых подвержен влиянию церковно-книжной традиции, в связи с чем формы на *-ѣише (-ѣиши), -айше* (*-айши*) приобретают яркую стилистическую окраску, составляя один из элементов возвышенно-архаизирующей манеры речи того времени. Можно назвать целый ряд памятников, в которых совершенно отсутствует словообразовательный дублет с суффиксом *-ѣе* (*-ае*); все формы, восходящие к древнему типу образования с суффиксом **-ĕjьs*, образуют в них несогласуемую форму ср. степени с суффиксом *-ѣише* (*-ѣиши*). Приведем в качестве примера два памятника. Первый из них является списком XVI в. „Жития Александра Невского". При полном отсутствии форм с суффиксом *-ѣе* в нем имеются следующие примеры употребления форм с суффиксом *-ѣиши*:

иже бяше имъ настоящее сіе время *горчайши* желчи и пелыни; солнце... невидимо бываетъ, и паки является *свѣтлѣиши* бывает; что убо суть сихъ *честнѣиши*, яко приобрѣте съ земным царствомъ и небесное.

Ту же картину имеем и в „Сказании Авраамия Палицина" (XVII в.); ср. примеры:

и во вторый (год) *злѣйши* бысть, такожде и в третьее лето; съ Лютори *злѣиши* того содѣяша; якожде Москвѣ тогда седмицею *злѣиши* Новагорода разтлѣніе бысть; создавшему же всѣхъ сего *мерзостнѣйши* есть; *сквернѣйши* бо иновѣрныхъ есмы.

Некоторые памятники, в которых стихия живого языка находит в какой-то мере отражение, очень наглядно показывают, насколько формы с элементом *-ѣиш-* обусловлены стилистически; эти формы характеризуют те места из памятников, которые по содержанию требуют употребления языковых средств, создающих приподнятость и торжественность речи.

К таким памятникам относятся летописи поздних изводов, например: Софийский временник, Тверская, Патриаршия, Псковская I, Воскресенская летописи. Примеры такого стилистического расхождения форм с суффиксом *-ѣе* и *-ѣише* (*-ѣиши*) обильно представлены в сочинениях протопопа Аввакума.

Употребление нечленных форм на *-ѣиш-* характеризует главным образом те места его сочинений, которые связаны по содержанию с его религиозными прениями:

всякого добра *добрѣиша* суть книжное поученіе, стр. 256; елма и *лютѣйша* бѣса нечестіе, стр. 607; яко оны силы елико *чистѣйша* и *прозорливнейша* человѣческого суть естества; и се не *явленнѣйша*, стр. 600; егда *уготовлѣннѣйша* бѣ ему душа, стр. 601; таковаго видѣнія пріятно оть поста *легчайши* и *духовнѣйша* бывши, стр. 601; али мнится *крѣпчайше* отецъ своихъ и братій, стр. 674; и того *нужнѣйше* сугубо, стр. 692; едино, свѣтящее, обновитъ и паки седмицею *свѣтлѣиши* устроитъ, стр. 549.

Интересно сравнить в этом памятнике употребление форм на *-ѣе* от того же типа основ; они появляются обычно в тех местах, где

в пылу полемики Аввакум переходит к живым, хлестким, грубоватым формам свойственного ему бытового языка. Эти же формы зачастую проникают и в те места его сочинений, где речь идет о высоких материях. Характер их употребления совершенно явно свидетельствует о безраздельном господстве в речи Аввакума неизменяемой формы на *-ее* (*-ѣе*).

а ты — мужикъ, да *безумнѣе* бабъ и не имѣешь цѣла ума, стр. 253; а ты почему их *мудрѣе*, стр. 605; только сей Ѳеодора *посмирнѣе* и въ подвиге *малехнее* покороче, стр. 57; малая вещь *сильнѣе* болшія: левъ звѣрь *сильнѣе* осляти и велбуда, такоже орель и соколъ *сильнѣе* лебедя и гуся. Да и много-тово есть въ видимой твари — малая вещь *сильнѣе* болшія, стр. 604; воспой пречистую воистинну *славнѣе* и *преславнѣе* серафимъ, стр. 686; дай премудру вина и *премудрѣе* будешъ, стр. 495.

В памятниках деловой письменности несогласуемые формы с элементом *-ѣиш-* практически отсутствуют, несогласуемые формы ср. степени, восходящие к древнему типу образования с суффиксом *-*ějьs*, образуются в них только с суффиксом *-ѣе*. Из материала всех изученных нами документов делового содержания мы смогли извлечь лишь 5 примеров несогласованных форм на *-ѣиш*:

кто будет *старѣиши*, тому пол-тамги (Дух. дог. гр. 1350—51 г.); аще дарѣетъ бгъ женѣ добру́, *дражаиши* есть ка́мени многоцѣннаго (Дом., к); также и той самый презвитеръ да соблюдаетъ себя *твердейша*, предреченныя ради вины (Акты арх. эксп., № 239, 1554 г., — Соборная грамота); подобает же и надъ сими смотрити *твердѣиша* (там же); что убо сего *злеиши*, еже отъ бога отлучитися (Дух. дог. гр., № 104, 1572 г., — Иван Грозный).

Каждый из этих примеров, однако, при индивидуальном рассмотрении оказывается не показательным. Форма *старѣиши* связана с продолжительным бытованием в живом народном языке членной формы *старѣиший*, единственной из членных форм на *-ѣиш-*, употреблявшихся в живом языке XIV—XV вв., и вытесненной впоследствии формой с суффиксом *-ш-*[60]; форма *дражайши* в примере из Домостроя выступает в ходовой цитате из популярного произведения религиозного содержания (ср. в летописях обороты: драгъши есть каменьи многоцѣньна, — Лавр. лет., 80; дръжайши есть каменіа многоцѣннаго, — Твер. лет., 980 г.); остальные примеры также отражают книжный стиль речи: форма *твердейша* употреблена 2 раза в Соборной грамоте Соловецкому монастырю, форма *злеиши* принадлежит языку бумаг Ивана Грозного.

В таких памятниках, как Судебники Ивана III, Ивана IV, Русская Правда, Уложения Алексея Михайловича, несогласуемые формы ср. степени с суффиксом *-ѣише* полностью отсутствуют. Однако они все же проникли в приказно-канцелярский язык Петровской эпохи; ср., например, широко употребительную в качестве наречия форму *нижайше*, представленную в деловых документах конца XVII — нач. XVIII в. Ср. также строго ограниченные лексически обороты типа „*строжайше* запрещаю“, „*покорнейше* прошу“, известные до самого недавнего времени в рамках канцелярского языка.

В заключение заметим, что сфера употребительности несогласуемых форм ср. степени с суффиксом *-ѣише* (и его вариантами) совпадает полностью со сферой употребительности членных форм ср. степени

---

[60] См. нашу статью „К истории образования форм сравнительной степени...“, стр. 444—449.

с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*), что связано со сходством их стилистической функции (см. об этом подробнее ниже).

По кругу основ, от которых они образуются, формы на *-ѣише* (*-ѣиши*) совпадают с образованиями на *-ѣе*[61]. Исключение представляет лишь группа основ, образующих в поздних памятниках формы на *-ѣе* (*болѣе, менѣе, ранѣе, далѣе, долѣе, ширѣе, тонѣе*[62]), но не выступающих никогда с суффиксом *-ѣйше*.

Формы на *-айше* (*-айши*) употребляются от основ на шипящие, являясь дублетными образованиями к формам типа *блажае, крепчае* и т. п.; формы на *-айше* (*-айши*) после других согласных (т. е. формы, которые соответствовали бы формам типа *миляе, сытяе*) отсутствуют.

Сравнивая роль суффикса *-ше* (*-ши*) и суффикса *-ѣйше* (и его вариантов) в образовании несогласуемых форм ср. степени, следует отметить моменты их резкого расхождения в отношении употребительности от разных основ и в сфере их использования.

Если формы с суффиксом *-ше* (*-ши*) употребительны в изучаемый период лишь от весьма ограниченного круга основ (это, в основном, формы *больше, меньше, лучше*), то формы с суффиксом *-ѣйше* (и его вариантами), наоборот, образуются от всех основ, исконно шедших по типу образования форм ср. степени с суффиксом *-*ĕjьs* или же достаточно древних аналогических образований этого типа (ср., например, формы *нижайше, дражайше, твердѣише, крѣплѣиши* и др. при древних *ниже — нижьши, дражьши, твьрже, крѣпле — крѣпльше*). Отсутствие форм на *-ѣише* от основ, выступающих в формах *более, ранее* и т. п., а также форм на *-айше* от основ не на шипящий характеризует лишь жанровую ограниченность форм на *-ѣйше, -айше*, обусловившую их неспособность вступать в отношения с теми элементами, которые возникли в сфере живой народной речи.

Если формы с суффиксом *-ше* (*-ши*) являются жанрово и стилистически нейтральными, то формы с суффиксом *-ѣише* (и его вариантами) представляют собой принадлежность лишь высокого слога речи, характеризуя произведения литературно-книжного характера. Оба эти различия, как нам кажется, объясняются одной и той же причиной.

Как было показано выше, несогласуемые формы на *-ше* (*-ши*) первоначально возникли под влиянием членных форм с суффиксом *-ш-*. Такое же отношение и между членными формами с элементом *-ѣйш-* и несогласуемыми формами с суффиксом *-ѣйше*. И сфера употребления, и круг основ, от которых идет образование, являются общими для членных и несогласуемых форм, объединенных наличием в них элемента *-ѣйш-*(*-айш-*). Связь этих образований в истории русского языка XIV—XVII вв. является несомненной. Действительно, поскольку первоначально базой формирования несогласуемой ср. степени данного типа образования была наречная форма с суффиксом *-ѣе*, в то время как членные формы очень рано обобщили суффикс *-ѣиш-*(*-айш*), то представляется безусловным, что суффикс *-ѣише* (и его варианты) в составе несогласуемой формы ср. степени следует объяснять влиянием соответствующих членных форм. Связь с членными формами обусловила и специфику употребления несогласуемых форм с суффиксом *-ѣйше* (и его вариантами), в отличие от параллельных им форм другого словообразовательного типа — с суффиксом *-ше* (*-ши*). Все сказанное об особенностях в употреблении членных форм с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*), об их связи с произведениями тех жанров, где наиболее сильно

---

[61] Степень проникновения суффикса *-ѣйше* в основы на шипящий та же, что и у суффикса *-ѣе* (см. выше).

[62] О их позднем происхождении аналогического характера см. выше.

сказалось второе южнославянское влияние, и о вытекающей отсюда их особой стилистической функции можно целиком отнести и к несогласуемым формам на *-ѣйше*.

В результате обобщения в жанрах литературно-книжного характера элемента *-ѣиш-* в составе несогласуемых форм ср. степени по образцу членных форм с суффиксом *-ѣйш-*, укрепившихся в этих жанрах, создалась категория слов, объединенных этим элементом, с особой стилистической функцией, характеризующей архаизирующую возвышенную манеру речи. Происхождение этой функции связано с двумя обстоятельствами.

Во-первых, элемент *-ѣйш-* не получил широкого распространения в живом народном языке, в частности, он совершенно отсутствует в тех говорах, которые на ранних этапах формирования государственного и литературного языка принимали участие в этом процессе. Прежде всего здесь имело значение весьма ограниченное употребление *членных форм* в живом народном языке вообще, и в частности — членных форм с суффиксом *-ѣиш-*, что можно проследить по памятникам уже с начала письменного периода[63]. Поскольку же элементы *-ш-* и *-ѣйш-* приняли участие в формировании несогласуемой ср. степени в обоих типах образования только в той мере, в какой последние испытали влияние соответствующих членных форм с этими суффиксами, то отсюда становится вполне понятным и отсутствие несогласуемых форм с суффиксом *-ѣйше* в живом народном языке (по крайней мере, в большей части его говоров), где соответствующие членные формы также отсутствуют.

Во-вторых, в противоположность живому русскому языку, в языке церковнославянских памятников, который служил образцом при создании произведений высокой тематики, употреблялись формы на *-ѣйш-*, как членные, так и нечленные. Однако по существу их употребление коренным образом отличалось от того, которое можно наблюдать в русских памятниках литературно-книжных жанров XV—XVII вв. Употребление членных форм в старославянском языке было гораздо более ограниченным (см. об этом выше); наличие же нечленных форм от основ на *-ѣйш-* (*-айш-*) в предикативной функции целиком было обусловлено сохранившимся согласованием их в роде, числе и падеже с тем существительным, к которому они относятся. Совершенно ясно, что в русском языке XV—XVII вв., когда согласование в живом языке было уже полностью утрачено, употребление несогласуемых форм на *-ѣйш-* (*-айш-*) не имело уже ничего общего с употреблением нечленных форм на *-ѣйш-* (*-айш-*) в старославянском языке.

Оба изложенных выше обстоятельства в их совокупности (т. е. отсутствие форм на *-ѣйш-* в говорах, легших в основу формирования русского литературного языка, и, в противовес этому, употребительность их в языке церковнославянских памятников) обусловливали возможность использования форм на *-ѣйш-* в качестве стилистического средства, придающего речи возвышенно-архаичный характер. Наиболее ярко такое использование форм на *-ѣйш-* выступает в некоторых жанрах письменности, особенно подверженных распространившемуся в эту эпоху второму южнославянскому влиянию; при этом чисто внешний характер сходства с соответствующими явлениями церковнославянской письменности нисколько не мешал выполнению формами на *-ѣйш-* определенной функции, обусловленной стилистическим заданием.

Именно этими обстоятельствами, а никак не тем, что элемент *-ѣйш-* в составе форм ср. степени является заимствованным, можно объяснять

[63] См. раздел, посвященный членным формам, где показано что из членных форм с суффиксом *-ѣиш-* в живом народном языке древнерусского периода употреблялась только форма *старѣйший*, вытесненная впоследствии формой *старший*.

специфику употребления этих форм и принадлежность их только высоким жанрам.

Обособленность форм на *-ѣйш-* в пределах лишь определенных жанров письменности давно отмечалась в грамматической литературе. Заметки об особой стилистической роли этих форм имеются у Буслаева, который писал: „Хотя и в разговоре употребляется: *огромнѣйший, счастливѣйший* и др. формы, но они взяты из языка книжного и остаются чуждыми простому народу“[64]; эту же мысль можно найти и в его „Кратких правилах российской грамматики“ (М., 1845), а также в отдельных статьях, посвященных формам ср. степени, например, у Болдырева[65] и Желтова[66]. Их употребительность лишь в книжном языке наводила некоторых исследователей на мысль о заимствованном характере форм с суффиксом *-ѣйш-*.

В позднейшее время эту мысль находим в развернутом виде в монографии А. С. Никулина[67]: „Кажется ясно, что книжное происхождение суффиксов *-ейш-*, *-айш-* на русской почве не оставляет никаких сомнений. Ясно, кажется, что суффиксы эти до самого последнего времени оставались достоянием языка господствующего класса. Таковы факты. Возникают вполне обоснованные сомнения в исконно-русской природе суффиксов *-ейш-*, *-айш-*, которые по непонятной причине исчезают именно там, где архаические элементы удерживаются более всего. Это тем более странно, потому что суффиксы *-ейш-*, *-айш-* не сохранены ни в одной группе крестьянских говоров“ (стр. 63) и далее: „Если при этом учесть, что крестьянские говоры вовсе не знали суффиксов *-ейш-*, *-айш-* и что эти суффиксы сами по себе являются заимствованием, то из всего этого нетрудно вывести заключение, что, следовательно, и разбираемые образования оставались чуждыми исторической природе русского языка, а их появление на русской почве можно расценивать только как результат влияния тех языковых стихий, в окружении которых складывался литературный русский язык“ (стр. 64). Ниже, как на непосредственный источник такого рода заимствования, помимо влияния славянского окружения, где были известны эти формы (польский, украинский, белорусский языки), он указывает на древнеболгарский язык.

В своем антиисторическом утверждении А. С. Никулин стремится опереться на имена солидных исследователей русского языка. Так, например, он ссылается на Ф. И. Буслаева и П. Лавровского[68], желая подкрепить этим свое утверждение о том, что суффикс *-ѣйш-* в русском языке более позднего происхождения, чем суффикс *-ѣй*. Для этого он пытается использовать совершенно правильное наблюдение П. Лавровского, что исконная форма им. падежа ед. числа муж. рода типа *святѣи* в более поздних памятниках заменяется формой на *-ѣйш-* вследствие распространения основы на *-ѣйш-* на все падежные формы склонения. П. Лавровский пишет: „... что формы: *святѣи, веды* и др. не позднейшего происхождения, в этом убеждает история употребления их: в самых древнейших памятниках церковнославянских, равно и отечественных, встречаем постоянно для неопред. вида именит. муж. рода, только одну эту форму, и никогда *святѣишь, ведущь*; напротив, чем

---

[64] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр 425.

[65] Болдырев. Нечто о сравнительной степени. „Труды общества любителей российской словесности“, ч. 15, М., 1819.

[66] И. М. Желтов. Грамматические заметки. О степенях сравнения. „Филологические записки“, вып. II, Воронеж, 1862.

[67] А. С. Никулин. Степени сравнения в современном русском языке. М.—Л., 1937.

[68] П. Лавровский. О языке северно-русских летописей. СПб., 1852.

позже памятник, тем более попадается случаев, когда и в неопред. форме сравнит. и причастий для именит. муж. рода является нарощение..." (стр. 71).

А. С. Никулин, используя эти высказывания, пишет: „...Буслаев различал два периода в истории их развития — древнейший и позднейший периоды. К первому, т. е. к древнейшему периоду, он относил образования кратких форм, напр., *крѣпл-ии, крѣпл-ьш-и* и *крѣпл-ѫ*, или *бол-ии, бол-ьш-и* и *бол-ѫ*, а к периоду позднейшему — формы полные, напр., *добр-ѣи, добр-ѣиш-и, добр-ѣѫ* и пр. Для нас в этой схеме важен последний тезис, т. е. отнесение полной формы к позднейшему периоду образования. Это, между прочим, полностью подтверждается П. Лавровским, который краткую форму, напр. *свят-ей*, также считает гораздо более древней по отношению к *свят-ейший*, потому что в памятниках письменности эта последняя, т. е. полная форма, встречается тем чаще, чем позднее памятник, и наоборот" (стр. 64).

В этих рассуждениях все от начала до конца напутано. Используя термины „полная" и „краткая" формы, которыми Буслаев обозначает соответственно два типа образования, связанных с суффиксом *-*ě̆jьs* и **jьs*, А. С. Никулин в одном случае форму *добрѣи* относит к полной (как это и есть по Буслаеву), а делая выводы из периодизации Буслаева, тождественную по образованию форму *святей* называет уже краткой; ссылаясь же на П. Лавровского, представляет дело так, будто бы формы без суффикса *-ѣиш-* (например, *святей*) П. Лавровский считает более ранними, чем формы с суффиксом *-ѣиш-* (например, *святейший*), тогда как П. Лавровский, как видно из приведенной выше цитаты из его труда, говорит только о форме им. падежа ед. числа муж. рода как таковой. Кроме того, периодизацию Буслаева Никулин преподносит так, будто она относится к истории русского языка, тогда как Буслаев эти два периода выделял применительно к фактам церковнославянского языка, имея в виду, видимо, происхождение суффиксов на почве общеславянского [69].

В формулировке своего окончательного вывода А. С. Никулин пытается привлечь и имя А. А. Шахматова. Он пишет: „Вот сумма фактов, позволяющих утверждать, что суффиксы *-ейш, -айш*, „не принадлежали живому языку", — по замечанию Шахматова, — и явились из церковнославянского...".

Уже сам способ цитирования, при котором подлежащее автора заменяется собственным, внушает недоверие. Учитывая то обстоятельство что А. А. Шахматову приписывается совершенно антиисторическое утверждение, мы обратились к тексту работы А. А. Шахматова. Часть фразы, приведенная А. С. Никулиным, взята из § 38, посвященного склонению имен прилагательных, в частности — соотношению элементов именного и местоименного склонения в Новгородских грамотах. Приведем полностью фразу: „Относительно форм, как *новгородьскыихъ*. №№ 6, 7 (два раза), *мѣньшихъ*, № 6, *старѣишихъ*, № 7 надо думать, что они не принадлежали живому языку и явились из церковнослав., также как *тысѧцьскаго* №№ 1, 2, *новгородьскы*, № 9, 10 (два раза)" [70].

Как ясно из контекста, речь идет об отражении церковнославянского влияния в области склонения имен прилагательных. Никакого отношения к суффиксу *-ѣиш-* в случайно фигурирующей в качестве примера форме *старѣишихъ* высказывание не имеет. Такой способ

[69] См. Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 145: „В церковнославянском языке надлежит отличать два периода в образовании сравнительной степени..."

[70] А. А. Шахматов. О языке Новгородских грамот. „Исследования по русскому языку", I, СПб, 1895, стр. 205.

цитирования свидетельствует о недобросовестности А. С. Никулина в построении своего вывода о заимствованном характере суффиксов *-ѣйш-* (*-айш-*) в русском языке.

Полная антиисторичность мнения о том, что формообразовательные элементы, которые искони характеризовали все славянские языки, в составе русского языка являются старославянизмом, является очевидной. Как известно, древнерусский язык, как и старославянский, имел два типа образования форм ср. степени. Одним из них был тип с суффиксом *-*ějьs*, которому обязан своим происхождением элемент *-ѣйш-* в составе определенных форм в парадигмах членной и нечленной разновидностей ср. степени. Поэтому до тех пор, пока в живом языке в какой-то мере сохранялись членные формы ср. степени, а также пока сохранялось согласование нечленных форм, формы с элементом *-ѣйш-* не могли не быть элементом живого русского языка, ибо именно в противопоставлении этих форм (например, *новѣйши* — им. п. ед. ч. жен. р.) формам на *-ѣе* или *-ѣи* (например, *новѣе* — им. п. ед. ч. ср. р., *новѣи* — им. п. ед. ч. муж. р.) и выражалась в языке система согласования форм ср. степени. Следовательно, считать элемент *-ѣйш-* по своему происхождению в русском языке старославянизмом значило бы отрицать наличие согласования нечленных предикативно употребляемых форм на начальном этапе существования русского языка, т. е. отрицать явление, которое легко прослеживается по памятникам вплоть до XIV в. включительно (ср. например, довольно последовательно проведенное согласование в Новгородской I, Лаврентьевской и Суздальской летописях, нарушаемое еще очень незначительным количеством случаев).

Лучшим подтверждением того факта, что элемент *-ѣйш-*(*-айш-*) нельзя считать заимствованием, является распространение его в определенной части современных говоров. Указания на это имеются в литературе, см.: *b'il'ěišy, stražeišy t'ib'e*, Калуж. губ. Мосальск. у. (Брок., Мос.); *поживѣйши, поскорѣйши*, Калуж. губ. Мещев. у. (Мат., XI); *паскарѣйша*, Кур. губ. Грайвор. у. (Мат., IX); *старѣиши, сильнѣйши, хитрѣйши*, Орл. губ. Брян. у. (Мат., IX); *поплошѣишы, опослѣйша*, Брян. и Карач. уу. (Будде, Тул. и Орл.); *скорейша, побѣдьнѣйши, апасьлѣйша, скарѣйшы, папрясьнѣйшай, пъкрупнѣйшы*, Тул. губ. Новосильск. у. (Будде, Тул. и Орл.) и др.

Это однако не мешало А. С. Никулину в указанной работе писать: „Суффиксы *-ейш*, *-айш* еще сравнительно недавно оставались чуждыми народным говорам" (стр. 62). Далее, приведя четыре примера несогласуемых форм на *-ейшы* (*-айша*) из говоров Тульской губ. (по Будде), он замечает: „Этот материал не только известной случайностью, но и тем, что суффикс *-ейш-* здесь выступает всего только в функции сравнения первой степени, достаточно ясно характеризует природу данного суффикса как суффикса заимствованного и, следовательно, не имеющего ничего общего с действительной природой крестьянской речи" (стр. 71). Материалы, собранные за последние годы для составления „Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы", как и материалы „Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР" свидетельствуют о довольно значительном распространении несогласуемых форм ср. степени на *-ѣйше* на территориях Орловской, Курской, Калужской, Брянской областей, что совершенно опровергает положение А. С. Никулина об исконной чуждости элемента *-ѣиш-* русскому языку и его заимствованном характере[71]. Утверждая неисконный, недавний их характер в русских народных

[71] См. карту № 1 в нашей статье „Формы сравнительной степени в русских говорах. . ." (стр. 59) показывающую распространение в говорах форм на *-ейше*.

говорах и одновременно говоря об их заимствовании, А. С. Никулин приходит к неразрешимому противоречию: откуда могло идти заимствование русскими говорами форм на *-ѣиш-* в недавнее время? Такое влияние можно было бы предполагать только со стороны русского литературного языка, да и то лишь в самое недавнее время в период после Великой Октябрьской социалистической революции. Однако, во-первых, такое влияние не могло, распространяясь на одни территории, совершенно не коснуться других, а, во-вторых, элемент *-ѣйш-* известен литературному языку только в составе членных форм ср. степени, тогда как в народных говорах элемент *-ѣйш-* выступает главным образом в составе суффикса несогласуемой ср. степени.

Объяснение причин бытования в русских народных говорах несогласуемых форм на *-ѣиш-* следует, конечно, искать в самом русском языке. Эти формы, по-видимому, ведут свое начало от форм с основой косвенных падежей в составе парадигмы согласования, утраченного русским языком не раньше конца XIII—начала XIV в. Наличие этих форм главным образом в западных областях распространения русского языка, частично примыкающих к Украинской и Белорусской ССР, говорит лишь о том, что утверждение в русских говорах элемента *-ѣиш-* в несогласуемой ср. форме относится к тому времени, когда связи с говорами, легшими в основу украинского и, тем более, белорусского языков, еще были достаточно прочны и процесс обобщения элемента *-ѣйш-* в несогласуемой форме был процессом, который русские говоры переживали еще совместно с говорами, впоследствии вошедшими в состав украинского и белорусского языков. Известно, что формы на *-ѣйш-* (*айш-*) широко употребительны в украинском языке как в несогласуемой, так и в членной формах; белорусский язык также знает такие образования.

Из всего сказанного выше следует, что относительно форм на *-ѣйш-* как членных, так и нечленных (несогласуемых) следует строго различать два момента — происхождение и употребление. Если вопрос о нерусском происхождении форм на *-ѣйш-* совершенно снимается, то употребление этих форм в памятниках, действительно, в силу ряда причин носит на себе печать книжности.

По существу, проблема использования форм ср. степени на *-ѣйш-*, в особенности в составе членных форм, в русской письменности XIV—XVII вв. (а для членных форм — и ранее) относится скорее к истории формирования русского литературного языка, так как употребление форм на *-ѣйш-* является одной из черт, характеризующих книжный язык в отличие от народно-разговорного. Именно из книжного языка они проникли в состав литературного и характеризуют его до сих пор в отличие от народных говоров.

III. Краткие выводы

Взаимодействие основы им.-вин. падежа ед. числа муж. и ср. рода и основы косвенных падежей отмечается в формах ср. степени уже в древнейших памятниках русской письменности. Однако оно по-разному представлено для членных и нечленных форм.

1. Закономерности, связанные с членными формами

1. В пределах членных форм основа им.-вин. падежа в живом народном языке очень рано выходит из употребления (в XIII—XIV вв. процесс можно считать полностью законченным); особенно рано были вытеснены формы им.-вин. падежа ср. рода старой основы. В жанрах

литературно-книжного языка формы от основы им.-вин. падежа ед. числа муж. рода типа *мений*, *старьй* встречаются позже, до XVI в. включительно.

2. Процесс раннего устранения основы им.-вин. падежа следует связывать с обособлением атрибутивного употребления от предикативного; это доказывается тем, что нечленные формы в атрибутивной функции переживали вытеснение основы им.-вин. падежа муж. и ср. рода основой косвенных падежей вместе с членными формами, в то время как в предикативно употребляемых формах ср. степени параллельный процесс начался значительно позднее и имел другие причины.

3. Установление во всех формах членной разновидности ср. степени основы косвенных падежей сделало элементы, характеризующие основу косвенных падежей (*-ьш-*, *-ьйш-*, *-айш-*), словообразовательными элементами — суффиксами, отличающими основу ср. степени в ее членной разновидности от основы соответствующего прилагательного.

4. Русский язык уже в древнейшую пору, по сравнению со старославянским языком, отличался чрезвычайной лексической ограниченностью в употреблении членных форм ср. степени. Так, в XII — XIV вв. в жанрах письменности, ближе всего отражающих живую народную речь, известны членные формы только следующих основ: *меньший*, *больший*, *лучший*, *пущий*, *молодший*, *старьйший*, т. е. три антонимические пары, выражающие основные понятия, связанные с качественными отношениями (выражение величины, качества, возраста).

5. Изолированность формы *старьйший* по способу образования (единственная из бытовавших в народной речи членных форм с суффиксом *-ьйш-*) привела к замене ее в конце XIV в. формой *старший*, что ознаменовало собой полное вытеснение образований с суффиксом *-ьйш-* из состава членных форм в живом народном языке, в котором остались употребительными только некоторые формы с суффиксом *-ш*.

6. На почве народного языка членные формы с суффиксом *-ш* утратили значение сравнительности и превратились в прилагательные. В народных говорах это проявилось и в плане их оформления — в переносе ударения на окончание: *меньшóй*, *старшóй*, *большóй*; последняя форма и в литературном языке приобрела значение прилагательного.

7. Такая судьба членных форм в живом народном языке обусловила резкое расхождение в употреблении и стилистическом использовании членных форм двух разновидностей образования в различных жанрах письменности, связанных с литературно-книжной традицией.

а. Членные формы с суффиксом *-ш-* не получили развития в этих жанрах письменности. По кругу основ, от которых эти формы были употребительны, расхождения с картиной, представленной в живом народном языке, небольшие. Они выражаются в употреблении в ряде случаев других лексических вариантов в пределах того же круга значений, который характеризует членные формы с суффиксом *-ш-* в народном языке (например, употребление формы *худший*, вместо народной *пущий*, *меньший* вместо *молодший*, в отдельных памятниках *лепший*, *уньший* вместо *лучший* и некоторые др.). Из форм, неизвестных в живом народном языке, в жанрах книжно-литературной традиции постоянно употребительны также формы *низший*, *высший*. Членные формы с суффиксом *-ш-* от других основ употребляются эпизодически и главным образом в жанрах письменности, самым непосредственным образом примыкающих к церковнославянской традиции. Ввиду того, что круг основ, от которых образуются членные формы с суффиксом *-ш-*, оказался в разных жанрах речи в общем соотносительным, членные формы с суффиксом *-ш-* явились стилистически нейтральными.

6. Членные формы с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*), вследствие их полного вытеснения из живой речи при употребительности в церковно-славянском языке, оказавшем сильнейшее воздействие на формирование книжно-литературных жанров русской письменности, приобретают в этих жанрах особую стилистическую функцию, связанную с созданием приподнятости слога и его архаизацией. Благодаря этому членные формы с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*), очень ограниченно представленные в оригинальных русских памятниках начального периода письменности, начинают широко употребляться примерно с XV в. — эпохи второго южнославянского влияния.

Существенную роль в приобретении членными формами на *-ѣйш-* (*-айш-*) в этих жанрах особой функции, связанной с архаизацией слога, играл тот факт, что с утратой форм согласования нечленной разновидностью ср. степени (с конца XIV в.) элемент *-ѣйш-* (*-айш-*), характеризовавший до этого времени основы определенных падежных форм, не принимает фактически участия в формировании несогласуемой ср. степени, по крайней мере для большинства говоров русского языка, в частности — для тех, которые легли в основу формирования литературного языка. Это позволяет использовать образования с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*) в той же функции, что и старославянизмы, а также обусловливает употребительность и даже продуктивность членных форм на *-ѣйш-* (*-айш-*) в произведениях позднего периода (XVI—XVII вв.), претендующих на возвышенность слога.

2. Закономерности, связанные с нечленными формами

1. Материал памятников первой половины изучаемого периода свидетельствует о том, что в системе действовавшего согласования нечленных форм ср. степени первичное распределение вариантов основ между отдельными формами парадигмы не было серьезно поколеблено. В частности, формы им. падежа, особенно важные для изучения вопроса утраты согласования, сохраняли исконное распределение вариантов основ. Наряду с этим наречные формы также сохраняли старую основу (*мене*, *добрѣе*).

Следовательно, к моменту распада системы согласования формы, имеющие отношение к формированию несогласуемой ср. степени, имели оба варианта основ.

2. Анализ ранних случаев утраты согласования показывает, что первоначальной базой формирования несогласуемой ср. степени являлись наречные формы обоих типов образования, совпадавшие с формой им. падежа ед. числа ср. рода.

3. Разрушение системы согласования превратило элементы, которыми раньше различались варианты основ, из средств синтаксических (признаков отдельных форм парадигмы) в средства словообразовательные. Элементы *-ше*, *-ѣйше*, *-ѣе*, *-е* стали суффиксами формирующейся несогласуемой формы ср. степени.

4. Дальнейшая судьба наречных и несогласуемых форм указывает на то, что процесс формирования несогласуемой ср. степени явился по существу процессом выработки общей формы для наречных и несогласуемых форм ср. степени прилагательных.

5. Установлено, что проникновение элементов *-ше* и *-ѣйше* в состав формирующейся несогласуемой формы связано со взаимодействием их с основами соответствующих членных форм ср. степени. Это же обстоятельство определяет и резкое расхождение роли суффиксов *-ше* и *-ѣйше* при оформлении несогласуемой ср. степени в разных жанрах русской письменности.

Для форм с суффиксом *-ше* (*-ши*) характерны следующие особенности

а) Чрезвычайная лексическая ограниченность, объясняющаяся тем, что соответствующие им членные формы (с суффиксом *-ш-*) существовали в языке лишь от нескольких основ. Первоначально суффикс *-ше* (*-ши*) выступал только в формах *больше* (*-ши*), *меньше* (*-ши*), *лучше* (*-ши*). Лишь к концу изучаемого периода (конец XVII—начало XVIII в.) намечается продуктивность образований с суффиксом *-ше* в пределах основ на сонорные, исторически принадлежащих типу с суффиксом *-*jьs*. По образцу форм *меньше*, *больше*, *лучше* появляются формы типа *дольше*, *тоньше*, *раньше* вместо *доле*, *тоне*, *ране*. Утверждение суффикса *-ше* в этих основах ознаменовало собой окончательное установление в образованиях типа с суффиксом *-*jьs* модели, характерным признаком которой является наличие шипящего перед конечными гласными: в одних случаях он принадлежит основе (*ниже*, *круче*), в других — суффиксу (*меньше*, *дольше*).

б) Возникшие в живой народной речи несогласуемые формы с суффиксом *-ше* распространились в письменности всех жанров и явились стилистически нейтральными.

Примечание: В диалектах имеем, с одной стороны, сохранение образований *боле*, *мене*, *доле*, *тоне* (главным образом в севернорусских), с другой стороны (главным образом в южнорусских), — более широкое распространение образований с суффиксом *-ше*, выходящее за пределы основ на сонорный.

Для форм с суффиксом *-ѣйше* (*-айше*) характерны следующие особенности

а) Отсутствие несогласуемых форм ср. степени с суффиксом *-ѣйше* в письменности, отражающей нормы живой народной речи.

Наличие нечленных форм ср. степени с суффиксом *-ѣйше* в некоторых народных говорах следует объяснить тем, что процесс формирования несогласуемой формы шел в них другим путем, с участием бывшей основы косвенных падежей нечленных форм ср. степени прилагательных. Его можно относить к тому периоду, когда соответствующие говоры находились в более тесных связях с соседними им говорами, которые позже вошли в состав украинского и белорусского языков. В диалектах несогласуемые формы на *-ѣйше* характерны для территориально ограниченных групп говоров русского языка в зонах, близких к территориям распространения украинского и белорусского языков.

б) Широкая, лексически не ограниченная употребительность этих форм в книжно-литературных жанрах письменности XV—XVII вв. Отдельные лексически ограниченные образования проникают отсюда и в приказно-канцелярский язык Петровской эпохи.

в) Особая стилистическая функция несогласуемых форм с суффиксом *-ѣйше*, благодаря наличию которой они способны выступать как элемент возвышенного стиля речи и использоваться наряду со старославянизмами в целях архаизации речи.

Несогласуемые формы с суффиксом *-ѣйше* (*-айше*) разделяют все особенности соответствующих членных форм с суффиксом *-ѣйш-* (*-айш-*) (по своим словообразовательным связям, кругу употребления и стилистической функции). В связи с этим формы с приметой *-ѣйш-*, как членные, так и несогласуемые, образуют в письменности XV—XVII вв. высоких жанров особую группу форм, которые, ввиду устранения их из народной речи при одновременном наличии в старославянской пись-

менности, выполняют стилистическую функцию старославянизмов. Бытование форм на *-ѣйш-* в русской письменности следует рассматривать как факт истории формирования литературного языка, начавший проявляться в памятниках с древнейшей поры.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Авв. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное; челобитные, послания, поучения и письма. Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. РИБ, т. XXIV. Л., 1927.

Авр. См. — Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Подготовил к печати С. П. Розанов. „Памятники древнерусской литературы", вып. 1. СПб., 1912.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I—V. СПб., 1841—1842.

АК — Архив кн. Ф. А. Куракина [1661—1727], кн. I—X. СПб., 1890—1902.

Акты арх. экспед. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Академии наук, т. I. СПб., 1836.

Алекс. — Истрин В. Александрия русских хронографов. М., 1893 (1-я редакция).

Аполлодор — Аполлодора Грамматика Афинейского библиотеки или о богах. М., 1725.

Арифм. Магн. — Арифметика, сиречь наука числительная... Леонтия Магницкого. М., 1703.

Архит. Бароц. — Правило о пяти чинех архитектуры Якова Бароция де Вигнола. М., 1709.

Библ. Генн. — Книги Ветхого и Нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде при дворе архиеп. Геннадия. Рук. б. Синод. б-ки, № 1.

Б. и Г. — Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Изд. ОРЯС. „Памятники древнерусской литературы", вып. 2. Пг., 1916.

Брок, Мос. — О. Брок. Говоры к западу от Мосальска. Пг. 1916 г.

Будде, Тул. и Орл. — Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний (материалы, исследования и словарь). Сб. ОРЯС, т. 76, № 3. СПб., 1904.

Булав. восст. — Булавинское восстание. „Тр. Ист.-археограф. Ин-та АН СССР", т. XII. М., 1935.

ВМЧ — Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии (XVI в.), вып. I—XIII, 1868—1910.

Ворон. А. — Воронежские акты [1599—1705]. Материалы для истории Воронежской и соседних губ., т. I. Воронеж, 1887.

Воскр. лет. — Летопись по воскресенскому списку. ПСРЛ. Изд. Археографической комиссии, т. VII. СПб., 1856.

Гал. Ч.-Ев. — Четвероевангелие Галическое 1144 г. Изд. Амфилохием Сергиевским, т. I. М., 1882; т. II. М., 1883.

Ген. регламент — Генеральный регламент или устав. СПб., 1720.

Гражд. об. дет. — Гражданство обычаев детских (конец XVII в.). В. В. Буш. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией, т. I—XII. СПб., 1846—1872.

Двин. грам. — А. А. Шахматов. Исследование о языке двинских грамот XV в. „Исследования по русскому языку", т. II, вып. 3. СПб., изд. ОРЯС АН, 1903.

Девг. деян. — Девгениево деяние. Сперанский М. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. Сб. ОРЯС, т. 99, № 7, II, 1923.

Док. в Сенате — Доклады и приговоры, состанлявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Под ред. Н. В. Калачова, т. I—VI. СПб., изд. АН, 1880—1901.

Дом. — Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., Изд. ОИДР, 1908.

Дух. дог. гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л., 1950.

Дух. регламент — Духовный регламент. СПб., 1721.

Евфр., Отразит. пис. — Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей... Сообщение Х. Лопарева. СПб, 1895 (Пам. древн. письм., № 108).

Ерм. лет. — Ермолинская летопись (XV в., сп. XV—XVI вв.). ПСРЛ, т. 23. СПб., 1910.

Жит. Ал. Нев. — В. Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913.

Жит. Андр. Юр. — Отрывки из Жития Андрея Юродивого по спискам XIII, XIV и XVI вв. Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXXI—XC. СПб., 1879.

Жит. Стеф. Перм. — Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием премудрым. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897.

Злат. — Десять слов Златоструя XII века. Труд Малинина В. Н. СПб., 1910.

Изб. Свят. — Изборник великого князя Святослава Ярославича, 1703 г. с греческим и латинским текстами с предисловием Барсова и запискою А. А. Дювернуа. Чтения ОИДР. изд. Барсова, кн. 4. М., 1883.

Иос. Флав. — La prise de Jerusalem de Josephe le Juif. Texte vieux-russe publ. intégralement. Par V. Istrin, t. 1—2. Paris, 1934—1938.

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II. СПб., 1908.

Катош. — Катошихин Григорий. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1894.

Кир. Тур. — Кирил митрополит Туровский. Соч. Калайдовича. Памятники российской словесности XII века. М., 1821.

Кн. земл. — Книга зовомая земледателная... Сложенная Агапием монахом критским... в Венетии 1674... переведеся в Великом Новеграде 1705 лета... Рукопись БАН 34.5.23.

Кон. зав. — Рукопись о конских заводах в 74 главах из собр. Перетца В. Н., № 23 (XVIII в.).

Косм. — Книга глаголемая космография, сиречь описание сего света, земель и государств великих (сп. 1670 г.). СПб., 1878—1881.

К.-Печ. пат. — Киево-Печерский патерик. Памятники славяно-русской письменности. Изд. Археографической комиссии, т. II. СПб., 1911 (Арсениевская ред.).

Кугори, Нов. креп. — Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте. Кугорна. М., 1709.

Курб. — Сочинения князя Курбского, т. I. Сочинения оригинальные. РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.

Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926.

Летописец Твер. княж. — Летописец тверского княжения. ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.

Леч. — Русские лечебники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности Л. Ф. Змеева (XVII—XVIII вв.). „Пам. древн. письм.", № 112, СПб., 1895.

Лож. отр. кн. — Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб.. 1862.

Лопаточник — Из истории отреченных книг. III. Лопаточник (XV в., сп. XVI в.). Текст и материал. Собрал и приготовил к изд. М. Сперанский. СПб., 1900 (Пам. древней письм. и иск., № 137).

Львов. лет. — Львовская летопись, ч. 1—2 (сп. XVI в.). ПСРЛ, т. XX. СПб., 1910—1914.

Мат. — Материалы для изучения великорусских говоров под ред. А. А. Шахматова, вып. VI. ИОРЯС, т. IV, кн. 2, 1899; вып. IX. Сб. ОРЯС, т. 87, № 5, 1910; вып. XI. Сб. ОРЯС, т. 99, № 3, 1922.

Мат. ист. АН — Материалы для истории имп. Академии наук, т. I—III. СПб., 1885—1886.

Мат. ком. ул. — Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения [1767—1768 гг.]. Сб. „Русск. ист. об-ва". СПб., 1869—1911.

М. Гр. — Сочинения преподобного Максима Грека (сп. XVI—XVII в.), ч. 1, изд. 2-е. Казань, изд. при Каз. дух. акад., 1894.

Нзр. — Книга глаголемая „Назиратель", сиречь „Уряд домовных детель" (2-я половина XVI в.). Рукопись Барсова (Исторический музей), № 371. Перев. с лат.

Новг. гр. — А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв., „Исследования по русскому языку", т. 1. Изд. ОРЯС АН, 1885—1895.

Новг. I лет. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Нов. Зав. св. Ал. — Новый Завет... святителя Алексія (1355 г.) изд. фототипически митрополитом Леонтием. М., 1892.

Остр. Ев. — Остромирово евангелие, изд. Востоков. СПб., 1843.

Пам. дипл. М. Г. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским [1560—1571], т. III. М., 1892.

Пам. кан. пр. — Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского и других иерархических лиц. Памятники древнерусского канонического права. РИБ, VI. СПб., 1880.

Пам. отр. лит. — Памятники отреченной русской литературы, собраны и изданы Тихонравовым Н., т. I. СПб., 1863; т. II. М., 1863.

Пам. ст. лит. — Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, под ред. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи, вып. 1—2. СПб., 1860.

Панд. Ант. — Пандекты Антиоха по сп. XI в. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. М., 1913.

Патр. лет. — Патриаршая или Никонова летопись. ПСРЛ, т. XIII.

Переп. Ал. Петр. — см. Пис. рус. гос., т. III.

Пис. подм. — Подметные письма Голосова, Посошкова и др. (1700—1705 гг.). Чтения ОИДР, 1888, кн. 2.

Пис. Птр. — Письма, указы и заметки Петра I (1704—1725 гг.). Собраны и изданы Бычковым А. Ф. Сб. Рус. ист. об-ва, т. 11. СПб., 1873.

Пис. рус. гос. — Письма русских государей и других особ царского семейства. Изд. Археографической комиссии, т. I. М., 1848; т. II. М., 1861; т. III. М., 1862.

Пов. рел. сод. — Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Николаем Костомаровым. „Памятники старинной русской литературы". Изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862.

Пос.. О скуд. и бог. — Книга о скудности и богатстве [1724]. Сочинения Ивана Посошкова. Изд. М. Погодиным. М., 1842.

Пос., Отеч. поуч. — Завещание отеческое. Сочинение И. Т. Посошкова (1719 г.). Изд. под ред. Е. М. Прилежаева. СПб., 1893.

Посл. Дан. Зат. — см. Сл. Дан. Зат., вып. 2. Послание Даниила Заточника.

Посл. еп. Сим. Вл. — Послание смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу черноризцу Печерскому, Калайдович. Памятники российской словесности XII века. М., 1821.

Пох. журн. — Походный журнал 1695—1726 года. СПб., 1853—1855.

Прот. Верх. Тайн. Сов. — Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета [1726—1730], изд. под. ред. Н. Ф. Дубровина. Сб. Русск. ист. об-ва, т. I—VIII. СПб., 1886—1898.

Пск. I лет. — Псковская первая летопись, ПСРЛ, т. IV, 1848.

Птр. — Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. I—IX. СПб., М.—Л., 1887—1950.

Пут. иг. Дан. — Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. (Путешествие игумена Даниила), т. II, кн. 5—8. СПб., 1849.

РБЭ — Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.

РИБ-акты — Акты, касающиеся событий со второй половины XIV века до половины XVII века. РИБ, т. II, 1875.

Р.-Л. акты — Русско-ливонские акты. Изд. Напьерский. СПб., Археографическая комиссия, 1868.

С. — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Субботина. т. I—VIII. М., 1875—88.

Сб. Свят. — Сборник Святослава, 1076. В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1894.

Сб. Царск. — Сочинения митрополита Илариона по сборнику XIV в., называемому сборником Царского. Изд. Бодянский О. М. „Чтения ОИДР", 1848, № 7.

Серап. Влад. — Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888 (приложения: сб. XIV в. „Златая цепь").

Сим., Посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П. Симони, т. I—II. Сб. ОРЯС, т. 66, № 7. СПб., 1899.

Син. Пат. — Из Патерика Синайского. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXXI—XC. СПб., 1879.

Систима. — Книга Систима или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722.

Сказ. Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына (сп. XVII в.). Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени, т. 13, РИБ, 1925.

Сказ. о св. мест. — Сказание о святых местах. М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., Изд-во АН СССР, 1934.

Сл. Дан. Зат. — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. „Памятники древней русской литературы", вып. 3. Л., Изд-во АН СССР, 1932.

Сл. Ипп. — Слово святого Ипполита об Антихристе в славянском переводе по списку XII в. К. Невоструева, М., 1868.

Сл. мин. — Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. Труд Ягича. „Памятники древнерусского языка", т. I. СПб., 1886.

Сл. о жит. Дм. Ив. — Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского. ПСРЛ, т. IV, прибавления. СПб., 1848.

Соф. врем. — Софийский временник, изд. П. М. Строевым, ч. II. СПб., 1821.

Спафарий, Китай — Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678 гг.). Изд. Ю. Арсеньева. Вестн. археол. и ист., вып. 17, отд. 2. СПб., 1906.

Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1890—1912. Сохраняются сокращения, принятые Срезневским (см. т. I, Указатель сокращений, стр. 1—49).

Срп. Н. — Житие Серапиона архиепископа новгородского, XVI в., Рук. Ундольского, № 357.

Суд. Ив. III — Судебник Великого князя Иоанна Васильевича (III). Собрание важнейших памятников по истории древнерусского права. СПб., 1859.

Суд. Ив. IV — Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича (IV). Собрание важнейших памятников по истории древнерусского права. СПб., 1859.

Суздал. лет. — Суздальская летопись по академическому списку. ПСРЛ, т. I, вып. 2.

Твер. лет. — Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.

Требник — Требник. Рукопись БАН, Арханг. собр. (Кандалакшский монастырь) Д. 72, инв. № 4146 (2-я пол. XVI в.).

Тр. Л. — Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина, 1534 г. Рукопись Уварова А. С., № 2192, XVII в.

Тр. МДК — Труды Московской диалектологической комиссии, вып. II. Варшава, 1910; вып. V. М., 1915; вып. VIII. М., 1919; вып. IX. Л., 1927; вып. XI. Л., 1930.

Укр. гор. Воб. — Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана... СПб., 1724.

Улож. Ал. Мих. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649 г.). М., Ист.-филол. фак. МГУ, М., 1907.

Урус. Залаз. — Сказание о Еруслане Лазоревиче. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. II. М., 1859.

Усп. сб. — Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. I. Изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова Обществом истории и древностей российских. М., 1889.

Флор. ек. — Флоринова экономия. Изд. 3-е. СПб., 1775.

Хр. Георг. Ам. — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Л., 1930.

Чел. Ник. — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под. ред. Н. Субботина, т. IV, 1883.

Юр. акты — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Калачова Н. В., тт. I, II. СПб., 1857.

А. И. ТОЛКАЧЕВ

ОБ ИЗМЕНЕНИИ *-ОГО* > *-ОВО* В РОДИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА МУЖСКОГО И СРЕДНЕГО РОДА ЧЛЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Вопрос об изменении *-ого* > *-ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и неличных местоимений русского языка, несмотря на то, что он был предметом многочисленных исследований, не может быть признан окончательно решенным. Поэтому критическое рассмотрение накопившейся литературы и попытка как-то по-иному осветить данный вопрос являются, на наш взгляд, не лишними [1].

В трудах наших первых ученых-славистов, таких как Ф. Буслаев, И. Срезневский, Б. Лавровский и др., интересующий нас вопрос не был предметом специального исследования. В лучшем случае об окончании *-ово* говорилось в плане констатации данного факта в живой литературной речи и в говорах русского языка: ср., например, краткие упоминания о данных формах у Ф. Буслаева [2] или в статье В. Даля [3]. Ф. Миклошич в своем труде „Сравнительная грамматика славянских языков“ [4] ограничился лишь ссылками на Буслаева и Даля. Одной из первых хронологически работ, специально посвященных вопросу о про-

---

[1] В настоящей статье рассматриваются лишь важнейшие теории. Более подробный разбор взглядов по данному вопросу ученых XIX и начала XX в. см. в работах: 1) M.Z.P. Kryński. Końcówka *-go* w dopełniaczu deklinacji zaimkowej języków słowiańskich. „Prace filologiczne“, t. VIII, zesz. 2, Warszawa, 1915, стр. 439—625. 2) Г. А. Ильинский. Сложные местоимения и окончания родительного пад. ед. ч. м. и ср. р. неличных местоимений в славянских языках. Изд. 2. М., 1905 (см. „Введение“, стр. 1—18 и др.).

Правда, Крынский излагает эти теории слишком „эпически“, вскрывая их достоинства и недостатки и не выражая явно своих симпатий и антипатий по отношению к каждой из них; свои собственные взгляды автор собирался изложить особо, во II части исследования. Ильинский же рассматривает все существующие взгляды с точки зрения своей теории происхождения местоимений в славянских языках, с которой не соглашается большинство ученых (см. ниже).

[2] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, т. I, изд. 5. М., 1881 (см. § 102, примеч. 2).

[3] В. Даль. О наречиях русского языка. СПб., 1852, стр. 21, 31, 35, 38.

[4] Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen, III. Wien, 1876, стр. 309.

исхождении окончания *-ово* на месте старого *-ого* в русском и соответствующего окончания в кашубском языке, является статья Л. Малиновского[5].

Отвергая фонетическое объяснение перехода *г* > *в* (*-ого* > *-ово*) в род. падеже прилагательных, поскольку в русском языке не наблюдается закономерного изменения *г* в других, аналогичных случаях (например: *строго*, *дорого* и т. п.), автор статьи высказывает предположение, что рассматриваемые формы возникли не фонетическим, а морфологическим путем, — по аналогии с формами род. падежа притяжательных прилагательных: так, под влиянием форм типа *Иванова* (род. пад. муж. р.) возникло сначала чередование: им. пад. *Толстой* — род. пад. *Толстова*, а под влиянием последних: им. пад. *зеленой* — род. пад. *зеленова* и т. п.

Эта теория была отвергнута рядом ученых. М. Колосов[6] считает ее неубедительной, так как остается непонятным: почему именно от фамильных имен произошла эта аналогия, почему из всех славянских языков указанная аналогия имела место только в русском и кашубском языках, причем в русском языке только в части говоров, почему эта аналогия проявилась так поздно — только с XV в. Позже И. Бодуэн де Куртене[7] указывал, что эту теорию нельзя принять из-за кашубского языка, где нет патронимических имен на *-ов*.

Изложенные взгляды Малиновского были единственным в своем роде объяснением формы род. падежа муж. и ср. рода прилагательных без учета и исследования местоименного склонения, а исключительно лишь путем изучения взаимодействия между различными разрядами прилагательных: притяжательных и качественно-относительных.

Однако большинство ученых изменение *-ого* > *-ово* в род. падеже прилагательных исследует в связи с историей род. падежа неличных местоимений. Так как окончание *-ого* и в местоимениях, и в прилагательных генетически восходит к одному и тому же источнику, именно к окончанию род. падежа неличных местоимений, то усилия большинства исследователей были направлены на выяснение вопроса о происхождении форманта *-го* в форме род. падежа и о звуковом качестве *г*, поскольку и то и другое позволяет объяснить причину и сам характер изменения *г* > *в* в рассматриваемой нами форме.

Целый ряд ученых: А. Шлейхер[8], Смит[9], Г. Малов[10], Ф. Шкрабец[11] и др., — сближая старослав. to-go с греч. τοῦο и санскр. tá-sya, выводят формант *-go* из индоевропейского окончания *-sio* или *-so*. Образование *-go* на месте *-sio* они объясняют тем, что индоевропейское *s*

---

[5] L. Malinowcki. Über die Endung des Genitivs sing. mask. neutr. der pronominalen und zusammengesetzten Deklination im Russischen und Kaschubischen. „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen", Bd. VIII, 3. Berlin, 1875, стр. 356 и сл.

[6] М. Колосов. Почему в родительном падеже единственного числа прилагательных и местоимений окончание *го*, (*аго*, *ого*) сменилось на *во*, (*аво*, *ово*)? — „Филологические записки", т. XVI, вып. 2. Воронеж, 1877, стр. 71 и сл.

[7] И. А. Бодуэн де Куртене. Кашубский „язык", кашубский народ и „кашубский вопрос". ЖМНП, ч. CCCXI, 1897, май, стр. 100—101.

[8] A. Schleicher. Die Formenlehre der altkirchenslavischen Sprache. Bonn, 1852, стр. 235; его же. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 4-te Auflage. Weimar, 1876, стр. 612—613.

[9] C. W. Smith. Bemerkungen über die primitive Fürwörter der baltischen und slavischen Sprachen. „Beiträge zu vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen", Bd. III. Berlin, 1863, стр. 135—136.

[10] G. Malow. Die langen Vocale *a*, *e*, *o* in den europäischen Sprachen. Berlin, 1879, стр. 165.

[11] F. Škrabec. Über einige schwierigere Fragen der slovenischen Laut- und Formenlehre. ASPh, Bd. XIV. 3—4, Berlin, 1892, стр. 339—341.

утратилось, а *j* изменилось в *g* (см. Смит, Шкрабец) или ассимилировалось. В качестве свидетельства такого перехода *j* > *g* они приводят некоторые случаи взаимной мены *j* и *g* в славянских языках: например, старослав. *параскевги* и олонецк. *дружи* вм. *друзья* (Шлейхер), русск. *генварь* вм. *январь* (Смит), совр. болгарск. *гяз, гедно* вм. *яз, еднпо* (Малов).

Иное объяснение происхождения форманта *-го* и формы *того* в славянских языках дал Ф. Фортунатов[12]. Он предполагал, что в общеиндоевропейском языке в род. падеже мужского рода была форма **ta°-sya°*, которая впоследствии под влиянием род. падежа на *-a°* основ на *-a°* преобразовалась в **ta°-ja°*, откуда фонетическим путем получилось **ta°-ha°*, общеслав. **to-ɣo*. По мнению А. Шахматова[13], исконной индоевропейской формой род. падежа мужского рода неличных местоимений является **toso*, что подтверждается формами готск. *þis*, др.-в.-нем. *des*, гомер. *τεῖ'ο*; в дальнейшем под влиянием тех форм этого местоимения, в которых не было звука *s*, именно под влиянием твор. падежа ед. числа женского рода **tojǫ*, утратилось *s* и в **toso* — так возникла форма **too*, в которой для избежания зияния между гласными развивается *h*: **toho*, а затем в некоторых диалектах общеславянского языка **toɣo*, откуда too, tovo[14]. В некоторых говорах (олонецких, поморских) произошло, по мнению Шахматова, изменение *ɣ* фрикативного в *g* взрывное: ср. современные формы на-*ого* с *г* взрывным в этих говорах.

Все изложенные выше объяснения имеют в своей основе правильное предположение о том, что в индоевропейском праязыке была форма род. пад. мужского рода[15] **tosjo* или **toso*[16]. Однако объяснение дальнейших изменений этой формы и условий образования **toɣo*, **togo* и tovo не может быть признано удовлетворительным.

Объяснения Шлейхера, Смита и других не могут быть приняты потому, что их авторы не учитывают некоторые закономерности в изменении фонетического строя славянских языков. Например, совершенно неудовлетворительным нам представляется предположение о переходе *j* > *g*. Поскольку *j* был звуком среднеязычным, то мы должны были бы ожидать образования на его месте мягкого *g'*. Из этого *g'* в славянских языках не могло получиться твердое *g*, потому что оно или переходило в *z* (ср. греч. gignōscō, слав. *знати*), подчиняясь общему закону перехода *ĝ* в *z*, если этот процесс изменения индоевропейского *ĝ* на славянской почве (или на почве балто-славянского единства языков) происходил до палатализации *k*, *g*, *ch*, или же изменялся в *ž'*, *z'* в период действия закона палатализации *k*, *g*, *ch*. Ссылки же на примеры типа *гяз* вм. *язъ*, *генварь* вм. *январь* и т. п. ничего не доказывают, поскольку мы здесь имеем мену *j* и *g'* мягкого, а не *j* и *g* твердого, о котором идет речь при объяснении изменений. Нельзя согласиться и с объяснением Фортунатова. В свое время против его теории выступил

---

[12] Ф. Ф. Фортунатов. Об ударении и долготе в балтийских языках. РФВ, т. XXXIII. Варшава, 1895, стр. 288—289.

[13] А. А. Шахматов. Заменички словенски наставак gen. sing., masc. и neutr. „Јужнословенски филолог", кн. I, св. 1—2. Београд, 1913, стр. 21—26; его же. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 33—34.

[14] Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. стр. 295—296.

[15] Мы опускаем вопрос о происхождении этой формы. Из новейших работ, посвященных данному вопросу, следует отметить: F. Spest. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 363 и сл.; J. Knobloch. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitifs der *ō*-Stämme auf-*sjo*. „Die Sprache", Bd. II, H. 3, 1951.

[16] Форма **toso*, вероятно, является более поздним новообразованием.

целый ряд ученых: И. Ягич[17], А. Рейхельт[18], позже А. Шахматов[19], А. Мейе[20] и другие[21]. Высказывалось, например, сомнение в правильности предположения Фортунатова о том, что в индоевропейском праязыке наряду с обычно предполагаемой формой *tosio, засвидетельствованной санскр. tásya, греч. гомер. τοῖο (< *tosio) возникла параллельная форма *toio, к которой, по его мнению, восходит греч. аттич. τοῦ (< *too < *toio) и славянск. *togo[22].

Точно так же были возражения и против теории Шахматова. И Фортунатов, и Шахматов приходят, хотя и разными путями, к тому выводу, что в праславянском языке в род. падеже мужского и среднего рода неличных местоимений произносилось окончание -ogo с γ фрикативным, а впоследствии то же окончание произносилось в род. падеже членных прилагательных. С этой теорией никак нельзя согласиться. Ее нельзя принять не только по тем причинам, на которые указывали в свое время Ягич, Мейе и другие ученые (см. выше), но и потому, что она не удовлетворяет некоторым общеметодологическим принципам. Основной порок этой теории заключается в том, что вопрос о звуке γ в окончании -ogo рассматривается в отрыве от вопроса о характере звука *g* как самостоятельной фонемы в общеславянском языке. Этот недостаток объясняется тем, что в ту эпоху, когда протекала научная деятельность Фортунатова и Шахматова, на фонологическую сторону, на системный характер звуковой стороны языка обращали мало внимания.

Поскольку фонетический строй любого языка представляет собой строгую структуру, использование элементов которой определяется не потребностями выражения при посредстве звуков частных грамматических значений, а общими смыслоразличительными функциями данных звуков и общими фонетическими закономерностями, характерными для системы языка данного периода, то поэтому нам представляется совершенно неубедительным основное положение Фортунатова и Шахматова о существовании в праславянском языке звука γ, фрикативного в окончании -ogo прилагательных и местоимений, в противоположность звуку *g*, взрывному во всех других положениях.

Мало убедительным является предположение Шахматова относительно изменения *toso с *s* в форме, по аналогии с tojǫ без *s*, в результате чего возникла форма без *s* — *too. Нам представляется сомнительным, чтобы могла осуществиться такая аналогия, в результате которой возникла бы форма с окончанием, совершенно отсутствовавшим в грамматической системе праславянского языка: *to-o. Ведь аналогия, как факт грамматически-структурного взаимодействия между различными, но имеющими что-то общее, разрядами слов, обычно (как показывает, например, история словоизменения имен, местоимений и глаголов в славянских языках) имеет дело со структурными элементами, которые уже наличе-

[17] См. V. Jagić. Ljapunov. Die Formen der altksl. Deklination. — ASPh, Bd. 28, Hf. 1, Berlin, 1906, стр. 119 и сл.

[18] A. Reichelt. Die Genitive auf *-oio* und Verwandtes bei Homer. „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen", Bd. 43, Göttingen, 1910, стр. 55 и сл.

[19] А. Шахматов. Заменички словенски наставак gen. sing., mask. и neutr. „Јужнословенски филолог", кн. 1, св. 1—2, Београд, 1913, стр. 24.

[20] A. Meillet. Sur la prononciation du génitif *togo* en russe. „Mémoires de la société linguistique de Paris, t. XIX. Paris, 1914, стр. 115 и сл.

[21] Более подробные данные по истории вопроса см. в кн.: O. Hujer. Slovanská deklinace jmenná, Praha, 1910, стр. 112 и сл.

[22] Взгляды Фортунатова были отвергнуты наукой. Одним из немногих, кто решительно защищал Фортунатова, был Б. Ляпунов (см. Б. Ляпунов. Формы склонения в старославянском языке. 1. Склонение имен. Одесса, 1905, стр. 6—10). Против положений Ляпунова возражал Ягич (см. его цит. рецензию в ASPh, Bd. 28, Hf. 1, Berlin, 1906, стр. 119).

ствуют в языке, и роль грамматической аналогии заключается в перераспределении сфер употребления уже готовых элементов, в расширении сферы употребления одних и сужении сферы употребления других. Сама по себе аналогия, при всем разнообразии ее типов[23], не создает, однако, новых окончаний: это функции других факторов исторического развития языков. Поэтому предположение Шахматова об изменении *toso > *too, из которого впоследствии развилось *toǫ, нам кажется маловероятным.

Другая группа ученых за основу объяснения интересующей нас формы взяла предположение о том, что форма togo представляет собой словосложение, в котором первая часть (*to-*) восходит к падежной форме указательного местоимения, а вторая (*-go*) является по своему происхождению или частицей, или местоимением. Такого мнения придерживались, с одной стороны, Ф. Миклошич и вслед за ним Маретич, а с другой стороны — Г. Ильинский.

Совершенно неудачной и неверной по существу была теория Ильинского, сущность которой, изложенная автором в целом ряде работ[24], сводится к следующим положениям: 1) в праславянском языке существовали самостоятельные местоимения *gъ, *vъ; 2) местоименная падежная форма *кого, ково* и т. п. является по своему происхождению формой не родительного, а именительного падежа, возникшей в результате сложения вопросительного (или иного) местоимения с именительным падежом местоимения go (vo); 3) в праславянском языке было два типа членного склонения прилагательных: а) с местоимением *jь (формы склонения данного типа образовывались путем соединения падежной формы именного прилагательного с соответствующей падежной формой местоимения *jь), б) с местоимением *gъ, *vъ: *четвьргъ, иногъ, дурковъ* и т. п.; 4) род. падеж прилагательных на -ово не является рефлексом формы на -ого, а представляет собой остаток старого склонения прилагательных с местоимением *vъ.

Таким образом, современная система членного склонения прилагательных по своему происхождению является сложным целым: большинство падежных форм представляет собой континуанты падежных форм членного склонения с местоимением *jь, а род. падеж муж. и ср. рода восходит к склонению с местоимением *vъ.

Как известно, взгляды Г. Ильинского относительно происхождения местоимений, в частности формы род. падежа муж. и ср. рода неличных местоимений, получили отрицательную оценку в свое время со стороны таких ученых, как Е. Карский[25], И. Ягич[26], С. Бу-

---

[23] Еще в старой работе Мистели (F. Mistelі. Lautgesetz und Analogie. „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft", Bd. XI, № 4. Berlin, 1880, стр. 365—475) мы находим характеристику целого ряда видов грамматической аналогии.

[24] Г. А. Ильинский. Родительный ли падеж местоимение *чесо*? ИОРЯС, т. VI, кн. 2, 1901 стр. 222—234; его же. О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Прага, 1902; его же. Сложные местоимения и окончания родительного пад. ед. ч. м. и ср. р. неличных местоимений в славянских языках. Варшава, 1903; то же, изд. 2. М., 1905; его же. Patronymica на *-ово* в русском языке. — ИОРЯС, т. XI, кн. 4, 1906, стр. 144—156; его же. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, § 273; его же. Сербо-хорватские прилагательные с суффиксом *-ovъ* и русско-кашубские окончания род. падежа ед. числа муж. и ср. рода *-va/-vo*. „Јужнословенски филолог", т. V. Београд, 1925/1926, стр. 68; его же. Slavische Etymologien, VI. Mittelbulgarische *чьтомоу- чемоу*. ASPh, Bd. 28, стр. 461—462

[25] Е. Карский. Г. А. Ильинский. Сложные местоимения и окончания родительного падежа ед. ч., м. и ср. р. неличных местоимений в славянских языках. — РФВ, т. 53. Варшава, 1905.

[26] V. J[agić]. О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Морфологические этюды Г. А. Ильинского. Прага, 1902. — ASPh, Bd. 24. Berlin, 1902, стр. 579—586.

лич[27], Э. Бернекер[28]. Что же касается его предположения о происхождении формы род. падежа муж. и ср. рода местоименных прилагательных, то они заслуживают тоже отрицательной оценки, потому что мы не располагаем никакими данными для утверждения, что членное склонение с местоимением *vъ действительно существовало в праславянском языке и что род. падеж на *-ово* восходит к этому склонению[29].

Совершенно иное объяснение интересующих нас форм мы находим в трудах Ф. Миклошича, Т. Бенфея, Маретича и других. Ф. Миклошич[30] впервые предположил, что формант *-go* в togo является по происхождению частицей *ga, близкой к древнеинд. gha, ghā, ha, hā, hi, греч. γε, литовск. ga, gi, gu, готск. *k* в mi-k и т. д.

Эта точка зрения Миклошича встретила поддержку со стороны Бенфея[31], который, однако, указывал, что *go присоединялось не к *to, а к *toso, в результате чего получалась форма *tosogo, а впоследствии, подобно тому как **чесого* дало *чего*, на месте *tosogo возникло togo.

Теорию Миклошича и Бенфея подверг критике А. Лескин[32]. Он признал мнение Бенфея и его ссылки на форму *чего* при объяснении togo ошибными по той причине, что в старославлянских памятниках местоимение *чего* не встречается, а представлено только *чесо* (*чьсо*), являющееся, следовательно, более древним образованием. Что же касается теории Миклошича, то Лескин, допуская возможным происхождение *go из *ga, отмечает в этой теории ряд слабых моментов, которые не позволяют признать ее окончательным решением проблемы. Он указывает, что для того, чтобы признать *go (<*ga) по происхождению частицей, сторонники этой теории должны доказать, что в *to представлен какой-то падеж, потому что частица go, несомненно, могла присоединяться к падежной форме, а не к какой-то неизменной основе.

И исследования других ученых — сторонников Миклошича — были направлены на объяснение формы *to. Одни исследователи видели в *to старый вин. падеж. ед. числа ср. рода[33], но большинство ученых в славянском *to видит старый аблатив. Бодуэн де Куртене славянское togo возводил к аблативу *tād с частицей *ghā: tād-ghā, из которого после сокращения *a* в положении перед ударяемым слогом получилось славянское togo.

---

[27] С. Булич. Г. А. Ильинский Сложные местоимения и окончания родительного пад. ед. ч., муж. и ср. рода неличных местоимений в славянских языках. Варшава, 1903. ИОРЯС, т. IX, кн. 3. СПб., 1904.

[28] Э. Бернекер. Старославянские *чесо, чьсо.* — РФВ, т. 48. Варшава, 1902, стр. 219 и сл.

[29] Подробнее см.: А. И. Толкачев. Об одной ошибочной теории происхождения члена (артикля) сложных прилагательных общеславянского языка. „Ученые записки Смоленского Гос. пед. ин-та им. К. Маркса", вып. IX. Смоленск, 1958, стр. 59—67.

Положительно оценивал работу Ильинского о сербо-хорватских прилагательных на *-ovъ* И. Леков (И. Лекова. Окончание *-ов-* за род. п. мн. ч. в славянските езици. „Сборник в чест на проф. Л. Милетич". София, 1933, стр. 291—292). Правда, он взял из этой теории одно более или менее правдоподобное предположение о том, что всякое прилагательное праславянского языка могло иметь суффикс *-ov-*. Однако продуктивность *-ov-* как словообразовательного суффикса еще не дает нам права говорить о нем как о члене (артикле) при образования особого типа сложного склонения прилагательных.

[30] Fr. Miklosich. Über die Genitivendung *-go* in der pronominalen Declination der slavischen Sprachen. „Sitzungsberichte der phil. -hist. Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien", Bd. 62, 1869, стр. 48—52.

[31] Th. Benfey. Über die indogermanischen Endungen des Gen. Sing. -iāns-iās, „Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen," Bd. XIX. Göttingen, 1874. Historisch-philologische Classe, стр. 25.

[32] A. Leskien. Die Declination im Litu-Slavischen und Germanischen. Leipzig, 1876, стр. 111—113.

[33] A. Bezzenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI und des XVII Jhs. Cöttingen, 1877, стр. 169.

Маретич[34] тоже исходил из аблатива *tād-go, общеслав. *tago, заменившегося формой togo под влиянием других косвенных падежей (tomu, tomь). Теорию Миклошича, Бодуэна де Куртене и Маретича приняли (с разными поправками и оговорками) А. Мейе[35], В. Вондрак[36], В. Богородицкий[37], А. Погодин[38], С. Кульбакин[39] и другие[40].

Из всех выше приведенных объяснений происхождения формы togo и т. п. и форманта *-go* в род. падеже муж. и ср. рода местоимений нам представляется правильным объяснение Миклошича, Маретича и Бодуэна де Куртене, согласно которому славянское *-go* не является континуантом праиндоевропейского окончания род. падежа *-sio*, а восходит к усилительной частице go, присоединявшейся к падежной форме местоимения (рефлексы этой частицы мы находим в ряде отдельных индоевропейских языков: санскрите, литовском, готском, греческом и других[41]).

Присоединение частицы go к форме местоимения не представляло собой что-то необычное для грамматического строя славянских языков, а было одним из распространенных явлений, связанных с тенденцией в языке против фонетического, а следовательно, и семантического ослабления слова, против превращения в энклитики некоторых важных грамматических форм. Примеры такого смыслового усиления отдельных категорий слов при помощи частицы мы находим в памятниках старославянского, древнерусского и других славянских языков. Аналогичные явления отражаются и в других индоевропейских языках, что уже не раз отмечалось в научной литературе.

Сам процесс соединения падежной формы местоимения с частицей go можно представить следующим образом. В качестве исходного пункта следует принять тот факт, что в балто-славянском праязыке накануне того периода, когда выделилась славянская группа языков и когда в них стала образовываться форма *togo (*tād-go), существовала форма род. падежа местоимений *tо-so, представляющая собой или образование, параллельное индоевропейской форме *to-sio (ср. санскр. tásya), или же новообразование[42], засвидетельствованное формами древнепрусск. stessei, stesse, steise, steisei (различные орфографические варианты), д.-в.-нем. de-s (< прагерманск. *de-so), старослав. *чесо* (и более позднее по своему образованью *чьсо* — новообразование, возникшее, видимо, по аналогии с *чьто*[43]. То же окончание *-so* имели и *ŏ*-основы имен существитель-

[34] „Rad Jugoslavenske Akademije", т. 112, стр. 80.

[35] A. Meillet. Recherches sur l'emploi gu génitif-accusatif en vieux-slave. Paris, 1897, стр. 116; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 348 и сл.

[36] W. Vondrák. Einige Bemerkungen anlässlich Meillet's. „Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave". Paris, 1897. — ASPh., XX. Berlin, 1898, стр. 331 и сл.; ср. также: J. Zubatý. „Rechesches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave", par A. Meillet. Paris, 1897. — ASPh, XX, стр. 394.

[37] В. А. Богородицкий Склонение в ариоевропейских языках. Казань, 1902, стр. 35.

[38] А. Л. Погодин. К истории форм славянских языков. „Варшавские университетские известия", 1903, № 4, стр. 5. — Правда, Погодин считал, что к падежной форме местоимения присоединялась частица γo, и в конце концов в праславянском языке возникла форма toγo с γ фрикативным, что предполагали Фортунатов и Шахматов и с чем мы никак не можем согласиться.

[39] С. М. Кульбакин. Древнецерковнославянский язык. Изд. 2. Харьков, 1913, § 57; ср. также И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, стр. 186 и сл.

[40] Совсем недавно совершенно аналогичный взгляд на происхождение togo путем сложения местоименных слов *to и *go высказал Ф. Шпехт (Указ. соч., стр. 364—365).

[41] См.: F. Miklosich. Über die Genitivendung *-go* in der pronominalen Declination den Slavischen Sprachen, стр. 48 и сл.; F. Specht. Указ. соч., стр. 364—365.

[42] По мнению Бругмана, *-so* вм. *-sio* возникло по аналогии с род. пад. мн. ч. *-sŏm* (см.: K. Brugmann und Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, 2, 1-te Aufle. Straßburg, 1882, § 418.

[43] В пользу более позднего происхождения формы *чьсо*, по сравнению с *чесо*, высказались например ученые: Э. Бернекер (Старослав. *чесо*, *чьсо*. — РФВ, т. 48.

ных, которые это окончание заимствовали из местоимений. Однако исконные формы род. падежа муж. и ср. рода имен на *ŏ* и местоимений балто-славянского языка с формантом *-so* в славянских (за исключением реликтовой формы *чесо*), а также в литовском и латышском языках не сохранились: старые формы род. падежа *vilko-so *to-so заменились формами аблатива *vilkōd, *tōd[44], и, таким образом, форма аблатива или, иначе говоря, позднейшая исторически засвидетельствованная форма генитива стала выполнять двоякого рода синтаксические функции: аблативные и генитивные (последнее подтверждается фактами грамматического строя старославянского и других славянских языков[45], а также фактами балтийских языков[46]).

Позднее в местоимениях вместо формы род. падежа *tōd и т. п. фонетически возникло в литовском tō и т. п., в латышском tá[47]; что же касается древнепрусского языка, то в нем, в отличие от литовского и латышского, сохранилась архаическая форма род. падежа stessei, stesse и т. п. Точно так же в праславянском языке вместо *tōd появились формы генитива *tā, *jā и т. п. — формы, аналогичные род. падежу существительных *ŏ*-основ (*vilkōd $>\ldots>$ *vilkā). Исключение составило лишь местоимение *чесо*, которое грамматически было мало связано с существительным и потому сохранилось в неизмененном виде. Позднее по аналогии с *чьто* возникла форма *чьсо*[48].

Впоследствии в основной группе неличных местоимений (кроме *чьто*) род. пад. *tā, *jā осложнился в праславянском языке усилительной частицей go. Так возникли формы *tāgo, *jāgo (или, если соединение местоимения с частицей совершилось раньше утраты конечного *-d (-t)* *tādgo, *jādgo), на месте которых по аналогии с формами, в которых было *ŏ* (*tomь, *tomu), возникло togo.

Соединение частицы go с формой местоимения было связано с ее синтаксическим употреблением (в частности, с порядком слов в предложении). Сама по себе эта частица не дает материала для решения данного вопроса, потому что она в современных славянских языках употребляется только в одном тесном сращении — в составе форм togo, jego и т. п., в которых первоначальное значение go не сохранилось. Более показательной в этом отношении является частица *же* ($<$ *ge), с которой go находится в этимологической связи. Частица *ge (*же*)

Варшава, 1902, стр. 232—233); И. Курц (J. Kurz. Staroslovenské formy gen. sg. česo — čьso, ničesože — ničьsože. „Sborník Slavistických prací věnovaných IV Mezinarodnímu sjezdu slovistů v Moskvě". Universita Karlova, 1958, стр. 18—24).

[44] Опускаем частные вопросы, касающиеся звуковой формы окончания *-ōd* (литературу см. в работе: O. Hujer. Slovanská deklinace jmenná. Praha, 1910, стр. 112 и сл.

[45] Материал по данному вопросу, кроме старых работ, см. в недавно опубликованной статье: А. Правдин. Аблативные значения род. падежа в старославянском языке. „Краткие сообщения Ин-та славяноведения", вып. 2, М., 1958, стр. 23 и сл.

[46] См. E. Fraenkel. Syntax der litauischen Kasus. Kaunas. 1928, § 62, 63; I. Endzelīns. Lekcijas par baltu valodu salīdzināmo gramatiku. Rīgā, 1927, стр. 107—108; его же. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, § 407, 408; см. также старую работу: A. Bezzenberger. Lettische Ablative. „Beiträge zur Kunge der indogermanischen Sprachen", Bd. IX. Göttingen, 1885, стр. 248—249.

[47] Форма tō в литовском языке не легкая для объяснения с фонетической стороны — см.: Б. М. Ляпунов. Формы склонения в старославянском языке, стр. 9—10, а также И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, стр. 132 и сл. — Однако, несмотря на трудности, многие ученые возводят лит. tō к аблативу. Вполне определенно высказался Эндзелин (I. Endzelīns. Lekcijas par baltu valodu salīdzināmo gramatiku, стр. 107—108). Я. Отрембский (J. Otrebski Gramatika języka litewskiego, t. III. Warszawa, 1958, стр. 13—14) считает эту форму не совсем ясным балто-славянским новообразованием.

[48] О более позднем происхождении звука *ь* свидетельствует тот факт, что мы не наблюдаем в этой форме перехода *s* $>$ *ch* в положении после *ь*, как это имело место в определенную эпоху развития праславянского языка.

является вариантом частицы go, и поэтому на основании значений и употребления частицы *ge (*же*) мы можем судить и о частице go. В старославянском, древнерусском и других славянских языках частица *же* употреблялась для усиления того или иного слова в предложении и стояла обычно после этого слова.

Частица *go, видимо, имела то же значение, что и частица *ge, и также стояла после того слова, усилению которого она служила. Возможно, первоначально обе эти частицы не разграничивались по своему употреблению и каждая из них могла стоять после любого слова или грамматической формы для их усиления. Косвенное подтверждение этому мы находим в литовском языке, в котором есть частицы ga, go, gi, gu [49], имеющие примерно одно и то же значение и синтаксическое употребление [50]. Однако впоследствии частицы *go и *ge (> *же*) разошлись по своему употреблению. Частица go стала употребляться по преимуществу (не ясно, каковы для этого были причины) для усиления грамматической формы род. падежа, или, иначе говоря, старого аблатива величного местоимения *jād, *tād или *jō (> *jě), *tā (> *to) и очень скоро вместе с последним превратились в тесное сращение — в одно слово. Между тем частица *ge (> *же*) сохранила и более широкое значение — значение усилительного средства любого слова вообще: местоимений, имен и т. д., с частью из которых — с местоимениями, она образовала более или менее тесное словосочетание, не превращаясь, по крайней мере в языке древнейших славянских памятников, в тесное сращение (ср. *и-же*, *кто-же*, *в-же* и т. п.), а в сочетании с другими словами сохраняя свое значение отдельного служебного слова. Такой процесс сращения частицы *go с род. падежом местоимений не представляет собой ничего неожиданного и удивительного в истории развития грамматического строя славянских языков. В более поздний, засвидетельствованный письменными памятниками период имели место случаи образования подобного, совершенно аналогичного рода сращений (ср. образование таких сращений, как *ибо*, *или*, *тоже*, *также*, *чтобы* и др. в русском языке). Аналогичные случаи могли быть и в праславянский период.

В связи с историей род. падежа муж. и ср. рода неличных местоимений остается неясным, почему частица *go образовала тесное сращение с падежной формой местоимения только в славянских языках и не образовывала его в языках балтийских, почему в славянских языках получилась togo, jego, а в литовском tõ, jõ, в латышском tá — без *-ga*, *-ge* и т. п.

Возможно, известную роль тут сыграло различие в грамматическом взаимодействии между именами и не личными местоимениями в славянских и балтийских языках.

Местоимения в балтийских языках подпали под сильное влияние именных основ и уподобили свои падежные окончания окончаниям соответствующих падежей имен существительных. Поэтому форма род. падежа (tõ), будучи совершенно аналогичной род. падежу имени (vilkõ) и находясь с последней в очень тесной структурно-грамматической связи, поддерживавшейся аналогичными связями в других падежах, не могла образовывать сращения с другими частицами и тем самым видоизменять свою грамматическую форму, потому что тогда нарушалась цепь совершенно аналогичных по своей структуре пар, состоящих из падежа имени и местоимения.

---

[49] В латышском языке на месте этих частиц сохранилась частица *-g*.

[50] Подробнее см. в кн.: E. Hermann. Litauische Studien. Berlin, 1927, стр. 103—398.

Между тем в славянских языках связь местоимений с именами, хотя и существовала, не была, однако, такой сильной, как в балтийских именах. Поэтому в сознании говорящих на славянском языке древнейшего периода неличные местоимения воспринимались как категория слов, довольно самостоятельных[51] по отношению к существительным, структурно в значительной мере независимых от существительных. Эта независимость и грамматическая обособленность имен и местоимений проявлялась в том, что не было большого параллелизма в окончаниях обоих разрядов слов, что давало простор для самостоятельного видоизменения в системе окончаний как тех, так и других. Это же обстоятельство облегчило возможность присоединения частицы *go* к форме местоимения, потому что этот факт не вносил никаких существенных изменений в соотношение словоизменительных структур имен и местоимений.

Особый интерес представляет вопрос о характере звука *г* в форманте *-го*, потому что в зависимости от того, какой звук мы будем предполагать, мы можем по-разному объяснять изменения форманта *-го* в более поздний период. При решении этого вопроса особенно важно установить, какого способа образования заднеязычный согласный выступал в качестве основной самостоятельной фонемы в праславянском языке, потому что *г* в составе форманта *-го* был, несомненно, одним из обычных, встречающихся и в других положениях слова проявлений фонемы *г*, а не особым звуком, представленным лишь в определенной грамматической категории. По этому вопросу мнения исследователей расходятся.

Существуют следующие предположения относительно характера звука *г* в праславянском языке[52]: 1) для звуковой системы праславянского языка было характерно фрикативное γ, а не взрывное g[53]; 2) для звуковой системы праславянского языка был характерен звук g взрывное, но он еще в общеславянский период стал изменяться в γ (фрикативное)[54]; 3) в праславянском языке был звук g взрывное, и его изменение в γ фрикативное происходило позже, в отдельных славянских языках, в период их самостоятельного развития после выделения из праславянского языка[55].

Не вдаваясь в подробное рассмотрение этих взглядов, поскольку это — не непосредственная задача настоящей статьи, мы только отметим, что присоединяемся к мнению тех ученых, которые предполагали для праславянского языка существование звука g взрывного как самостоятельной фонемы, а изменения $g > \gamma$ по говорам праславянского языка, или в развившихся из них отдельных славянских языках, относили к более позднему периоду.

Учитывая этот основной факт, а также принимая во внимание факты структурно-грамматического характера (см. выше анализ взглядов Шах-

---

[51] Будучи более самостоятельными по своей грамматической роли, местоимения впоследствии даже оказали значительное влияние на имена прилагательные.

[52] Изложение этих мнений см. в статье P. Крайчовича (R. Krajčovič. Zmena $g > \gamma$ ($> h$) v západoslovanskej skupine. „Slavia", XXVI, № 3, 1957, стр. 341 и сл.).

[53] L'. Novák. Neznáme nemecké vplyvy na západoslovanský, východoslovanský a mad'arský konsonantizmus. „Linguistica slovaca", 1—2, 1939/1940, стр. 109—110.

[54] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 35—36, 40; P. Якобсон. Fr. Trávníček. Příspěvky k nauce o českém přízvuku. „Slavia", IV, 1925/1926, стр. 812—814; N. Trubetzkoj. Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen. „Сб. в чест на проф. Л. Милетич", София, 1933, стр. 267 и сл.

[55] Fr. Trávníček. Historická mluvnice československá, стр. 123 и сл.; T. Lehr-Spławiński. Stosunki pokrewieństwa, języków ruskich. „Rocznik Slawistyczny", t. IX, 1. Kraków, 1921, стр. 56—58; А. Селищев. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. „Slavia". VII, 1. Praha, 1928, стр. 35.

матова), мы имеем основания полагать, что в общеславянском языке не мог возникнуть формант *-γo* с фрикативным *γ*. Исконность взрывного *g* в форманте *-go*, а также произношение взрывного *g*, как основного вида фонемы в праславянском языке является основным фактом, исходя из которого можно объяснить дальнейшую судьбу окончания *-ogo*, *-ego* и т. п. в различных славянских языках исторического периода. При этом надо иметь в виду другой чрезвычайно важный факт — именно то, что фонетический и грамматический строй любого языка представляет собой строгую систему и что звуковые изменения носят тоже системный характер, т. е. совершаются не в определенных грамматических категориях, а независимо от них, имея характер фонетических законов.

Системный характер языка проявляется и в судьбе звука *g* форманта *-go* в славянских языках. В большинстве славянских языков мы не наблюдаем изменения звука *g* (или γ, *h*) в окончании *-ego* и т. п. в *v*, потому что звуки *g*, γ, *h* в указанном окончании не были особыми звуками, нигде в других положениях не встречающимися, а представляли собой одно из обычных проявлений фонемы, как вполне определившегося и потому устойчивого элемента в фонетической (фонологической) системе данного языка.

Так, в говорах польского языка, сохранивших вообще без изменения звук *g* как фонему, переход $g > v$ не имеет места. По той же самой причине сохранился звук *г* в окончаниях род. падежа *-oга*, *-eho* в сербохорватском, словенском[56] и в нижнелужицком языках.

Чешский, словацкий и верхнелужицкий языки в этом отношении принципиально не отличаются от языков польского, сербо-хорватского, словенского и нижнелужицкого. Правда, в этих языках произошел фонетический переход $g > \gamma$ ($> h$), однако звук γ (*h*) в окончаниях род. падежа муж. и ср. рода прилагательных и местоимений был обычным проявлением фонемы γ (*h*) и поэтому не изменялся.

Таким образом, данные славянских языков свидетельствуют о том, что изменение *-go* > *-vo* не было связано в принципе с природой, с фрикативным характером звука γ или *h*. Все определялось тем, что звуки *g*, γ, *h* в составе форманта *-go*, *-γo*, *-ho* ничем не отличались от звука *g*, γ, *h* во всех других положениях и поэтому носили устойчивый характер.

Гораздо сложнее объяснять формы восточнославянских, и прежде всего великорусских, говоров, а также формы в говорах кашубского языка[57]. При объяснении восточнославянских форм трудность заключается в том, что в украинском и белорусском языках звук *h* (< γ) окончания *-oho*, будучи обычным проявлением фонемы *h*, сохраняется без изменения, в то время как в северновеликорусских (и южновеликорусских) говорах звук *g* (γ) окончания *-ogo* (*-oγo*), будучи тоже обычным проявлением фонемы *g* (γ), переходит в *v*: в северновеликорусских говорах почти повсеместно, в южных — в значительной части говоров (при сохранении *-oγo* во многих других).

Различия в образовании форм род. пад. муж. р. прилагательных и местоимений в восточнославянских языках (*-ogo*, *-oγo*, *-oho*, *-ovo*) объясняются исторически. Как известно, современные украинские, белорусские

---

[56] Правда, в некоторых говорах словенского языка отмечается утрата согласного в окончании *-ega*, однако эта утрата *g* (> γ) имеет характер более общей фонетической закономерности, о чем свидетельствуют следующие примеры: drúzaa вм. druzega, öra вм. gora, örý вм. gori, oðn' вм. ogenj, boåt, bát вм. bogat и т. д. (подробности см. в книге: Fr. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika, II, Konzonantizem. Ljibljana, 1924, стр. 233—234).

[57] В настоящей статье мы не будем касаться кашубских форм, заслуживающих особого рассмотрения.

и великорусские говоры восходят к древнерусским говорам, не однородным по своему характеру в отношении произношения *г*. Относительно классификации древнерусских диалектов и происхождения современных восточнославянских языков взгляды А. А. Шахматова[58], Т. Лера-Сплавинского[59], Р. И. Аванесова[60] и других расходятся; однако всеми ими признается тот факт, что украинские, белорусские и южновеликорусские говоры восходят к тем древнерусским говорам, в которых взрывное *g* рано изменилось в *γ* фрикативное, а северновеликорусские говоры восходят к говорам, сохранившим в своей фонетической системе исконное *g*.

Что касается звука *γ* в окончании *-ого* украинских и белорусских говоров, то он сохранился в них по той же причине, что и в чешском и словацком языках: он был одним из проявлений фонемы *γ* и был устойчив по своему характеру.

Совершенно иной была судьба формы род. падежа мужского рода местоимений и прилагательных в великорусских говорах. В северно-великорусских говорах, как известно, совершился почти повсеместо переход *г* в *в* в окончании *-ого*, в южновеликорусских говорах в настоящее время широко представлено окончание *-ово* (фонетически *-ова*, *-овъ*, *-овъ* и т. п.), хотя во многих говорах сохраняется в этом окончании звук *γ*.

Существует два[61] основных объяснения перехода *-ого* > *-ово* в говорах русского языка: М. Колосова[62], И. Бодуэна де Куртене[63], А. Соболевского[64], с одной стороны, Л. Васильева[65] — с другой.

Л. Васильев образование *-во* в род. падеже местоимений и прилагательных связывает с характером ударения в этих формах. Он указывает, что в севернорусских говорах долго сохранялось напряженное *о́* на месте *о* под восходящим ударением в местоименном окончании *-го*: *того́*. Звук *о* в этом форманте впоследствии распался на *уо*, которое

---

[58] См.: А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919 и целый ряд других работ.

[59] T. Lehr-Spławiński. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. „Rocznik slawistyczny", t. IX, 1. Kraków, 1921, стр. 23—71; его же. Kilka uwag o wspólności językowej praruskiej. „Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского". Л., 1928, стр. 371—377; его же. Początki języka ukraińskiego. В кн.: T. Lehr-Spławiński, P. Zwoliński, S. Hrabec. Dzieje języka ukraińskiego w zarysie. Warszawa, 1956, стр. 5 и сл.

[60] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка и его говорах. „Вестник Московского университета", 1947, № 9; его же. Лингвистическая география и история русского языка. „Вопросы языкознания", 1952, № 6; и целый ряд других его работ.

[61] Опускаю неубедительное, не подтвержденное памятниками письменности высказывание К. Мейера (K. H. Meyer. Historische grammatik der russischen Sprache. Bonn, 1923, стр. 79), считавшего, что в образовании форм *нового* вм. *нового* играла роль или ассимиляция (nova[je]go > novavo > novovo), или диссимиляция.

Объяснение Шахматова, касающееся непосредственно перехода *-ого* > *-ово*, ничем не отличается от объяснения Соболевского; различие между ними заключается только в том, что Шахматов образование фрикативного *γ* в *-ого* относил к доисторическому периоду, а Соболевский к более позднему периоду, непосредственно предшествовавшему переходу *-ого* > *-ово*.

[62] М. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878, стр. 172; его же. Почему в родительном падеже единственного числа прилагательных и местоимений окончание *-го* (*-аго*, *-ого*) сменилось на *-во* (*-аво*, *-ово*). „Филологические записки", XVI, вып. 2. Воронеж, 1877, стр. 73.

[63] И. Бодуэн де Куртене. Кашубский „язык", кашубский народ и „кашубский вопрос", стр. 100—101.

[64] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 3. М., 1909, стр. 123 и сл.

[65] Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. „Сборник по русскому языку и словесности", т. I, вып. 2. Л., 1929, стр. 232—233.

затем изменилось в *в*(о), вытеснившее *г*: *кого* > *когуо* > *коуо* > *ково*. Тот же процесс (а не влияние местоимений) наблюдался и у прилагательных, которые, по мнению Л. Васильева, имели еще в XVI в. ударение на *-го*. В доказательство он приводит фамильные имена типа *Дурново́*, *Благово́*, *Сухово́*, а также написания с каморой в Псалтыри XVI в.: *обидѫщагѡ* (93 об.), *праведнагѡ* (101 об.), *вышнягѡ* (103 об.).

Это объяснение представляет интерес, однако ему едва ли можно верить. Во всяком случае мы не располагаем надежными фактами из памятников письменности и данными из диалектологии в пользу этого предположения.

Мало вероятным нам представляется основной, исходный пункт в теории Васильева — предположение о том, что в род. падеже прилагательных ко времени изменения *г* > *в* было ударение на конце слова: *доброго′*. Фонетически это не подтверждается. В падежных формах сложных прилагательных место акцента сохранялось на именной части и не переходило на местоименную; это находит подтверждение, в частности, в более архаических по своему характеру литовских формах сложных прилагательных с ударением на именной части. Возможно, местоименная часть сложных прилагательных славянских языков в тот период, когда еще не было слияния местоимения и имени в одно слово, имела побочное ударение; таким образом, можно предполагать род. падеж *dobra′ — jego′ > *dobra′go, однако на месте этой формы едва ли могла фонетически возникнуть форма с ударением на конце слова: *dobrogo′[66].

Правда, можно предполагать, что конечное ударение прилагательных (*dobrogo′) возникло по аналогии с ударением в местоименных формах: *того′*, *сего′*, *его′ всего′* и т. п.; поскольку в исторический период наблюдается факт унификации окончаний в некоторых падежах сложных прилагательных и неличных местоимений, то такая унификация (по крайней мере, в тот период, когда действовала аналогия) могла коснуться и места акцента. Об этом, возможно, свидетельствуют формы *Дурново′*, *Хитрово′* и т. п., на которые ссылаются Васильев и Соболевский[67]. Однако эти формы сами по себе еще не являются бесспорным свидетельством в пользу теории Васильева: мы не знаем, возникли ли они еще до изменения *-ого* > *-ово*; если предположить, что они уже возникли, то тогда остается неясным, как широко они были представлены в языке. По-видимому, названные формы были распространены в ограниченном числе говоров и сравнительно скоро в них утратились. В памятниках письменности мы уже не находим случаев, свидетельствующих о том, что ко времени изменения *-ого* > *-ово* в род. падеже прилагательных сохранялось ударение на конце слова: *-ого′* (*доброго′*). Примеры из Псалтыри XVI в. (*праведнагѡ* и т. п.) ничего не доказывают: значки над *-гѡ* не обозначают ударения, а представляют собой немые надстрочные знаки, широко употреблявшиеся русскими книжниками того времени. Очень характерно, что во всех примерах, приведенных Васильевым, кроме знаков над *-гѡ*, имеется еще знак (′) на других слогах слова, указывавший, по-видимому, на его реальное ударение.

Можно также предполагать, что ко времени изменения *-ого* > *-ово* местоимения и прилагательные различались местом акцента в род. па-

---

[66] См. Chr. S. Stang. Slavonic Accentuation. Oslo, 1957, стр. 100—104, 169; J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européenne. Kraków, 1952, стр. 246 и сл., 270 и сл.

[67] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 271; его же. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике. РФВ, т. 64. Варшава, 1910, стр. 144—145.

деже (*до'брого*, но *того'*) и что окончание *-ово* сначала фонетически возникало в неличных местоимениях, а потом по аналогии распространялось и на прилагательные. Однако это предположение, имеющее в своей основе объяснение Васильева, можно принять лишь в том случае, если будет известно, что изменение *-ого* > *-ово* сначала коснулось местоимений, а затем прилагательных. Однако данные древнерусской письменности не говорят в пользу этого предположения. Древнейшие случаи написаний с *-ово* в род. падеже относятся именно к прилагательным: великово Новагорода (Новгородский пролог 1432 г.), *богоявлѣнново* преображения (надпись на кресте 1445 г.), *правово* (грам. 1445 г.)[68].

Более правильным нам кажется объяснение М. Колосова, И. Бодуэна де Куртене и А. Соболевского, к которому впоследствии и присоединился в основном А. Мейе[69] и Н. ван-Вейк[70].

Колосов рассматривал окончание *-ово* и т. п. как следствие звуковой мены, совершившейся независимо от действия аналогии. Основная идея Бодуэна де Куртене заключалась в том, что изменение *-ого* в *-ово* произошло в результате фонетического ослабления согласного в данном окончании. Впоследствии Соболевский более подробно показал, как протекал этот процесс: *-ogo* > *-oγo* > *-oo* > *-ово*. Мейе, говоря об изменении *-ого* > *-ово* в местоимениях, указывал, что второстепенные слова (mots accessoires) могут фонетически ослабляться в связанном потоке речи. Ван-Вейк тоже говорил о фонетическом ослаблении согласного звука в рассматриваемом окончании, сопоставляя этот факт с ослаблением согласного в некоторых местоименных формах: диалектные *mejé*, *cejé*, *majé*, *cajé* вместо *тебе*, *себе* и т. п.

Бодуэн де Куртене и Соболевский, говоря о фонетическом ослаблении *g* > *γ*, не дают четкой его локализации. Одним из первых исследователей, подчеркнувших важность вопроса о территориальном распространении данного явления, был Ильинский, который, правда, разрешил этот вопрос неудовлетворительно (см. ниже).

Позже этой проблемой вновь занялся ван-Вейк, который пришел к выводу, известному, впрочем, и до него, что изменение *г* > *в* в окончании *-ого* было историко-фонетическим фактом северновеликорусского наречия, в противоположность южновеликорусскому, где все случаи (или по крайней мере, большинство случаев) такого перехода могут рассматриваться как результат влияния северновеликорусских говоров или литературного языка.

В этом объяснении ван-Вейка есть положительные и отрицательные стороны. Мы считаем верным основной его тезис о северновеликорусском происхождении окончания *-ово* (подробнее см. ниже), однако его сопоставление ослабления *g* > *γ* в окончании *-ого* с формами *majé*, *cajé*, *mejé*, *cejé*[71] и т. п. едва ли можно признать убедительным на том основании, что изменение *g* > *γ* последовательно проведено прежде всего в северновеликорусских говорах, в то время как формы *majé*, *mejé*, *cajé*, *cejé* и т. п. спорадически представлены как в северных, так и в южных говорах. Точно так же следует оговорить и объяснение

[68] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 125.

[69] A. Meillet. Sur la prononciation du génitif *togo* en russe. „Mémoires de la société linguistique de Paris", t. XIX, 1914, стр. 115—118.

[70] N. van Wijk. Die großrussische pronominale Genitivendung *-vo*. „Streitberg-Festgabe". Leipzig, 1924, стр. 410—417.

[71] Ср. А. И. Соболевский. Исследования в области русской грамматики. РФВ, т. 6. Варшава, 1881, стр. 225—226; его же. Заметки по славянской грамматике.—ЖМНП, 1895, май, стр. 90—91 (ср. V. O[blak]. Bibliographischer Bericht. ASPh, Bd. XIX, Berlin, 1896/1897, стр. 279—280); его же. Мелкие заметки по морфологии. — РФВ, т. 64. Варшава, 1910, стр. 153.

Мейе. Трудно согласиться с его высказыванием об ослаблении согласного во второстепенных словах-местоимениях как об исходном пункте в образовании окончания *-ого* в падежнородовых словах по той причине, что переход *-ого* > *-ово* совершался не только в словах полуэнклитического характера (mots accessoires: *того* > *тово* и т. п.), но, как показывают памятники письменности, одновременно, а может быть и раньше, — в прилагательных. Поэтому, соглашаясь в принципе с общей локализацией этих явлений, мы все-таки склонны объяснять расхождение между северновеликорусскими и южновеликорусскими говорами другими причинами.

Основная причина расхождений между северновеликорусскими и южновеликорусскими говорами в отношении *-ого* объясняется тем, что была различной фонетическая и фонологическая природа согласного в данном окончании. В южновеликорусских говорах в связи с общим изменением *g* в *γ* в окончании *-ого* стал произноситься звук *γ*, который, представляя собой одно из обычных проявлений фонемы *γ*, был устойчив и в принципе не должен был подвергаться никаким изменениям (об окончаниях *-ова*, *-ава* и т. п. в южновеликорусских говорах см. ниже). В северновеликорусских говорах в качестве основной фонемы был звук *g*, который первоначально звучал и в окончании *-ого*. Этот звук, ослабляясь, изменялся в фрикативный *γ*, который был необычным, спорадическим для этих говоров звуком. Это обусловило неустойчивость *γ* в окончании *-ογο*, и поэтому он в устах говорящих или вновь заменялся далеко не последовательно звуком *g*, в результате чего возникла дублетность *-ого* ‖ *-ογο*[72], или же выпадал, и тогда на стыке двух гласных развивался в конце концов более привычный звук *в*: *-ово*. Возможно, появление *в* было связано с образованием призвука перед вторым *о* и его дальнейшей фонетической эволюцией: *-оо* > *-оᵘо* > *-оўо* > *-ово* (> *-ова*).

В связи с вышесказанным большой интерес представляет вопрос о качестве звука *γ* в окончании *-ογο* северновеликорусских говоров и о качестве звука *γ* как фонемы в говорах южных. Специально этим вопросом занималась З. Плотникова[73], которая указывала, что в части олонецких говоров (говоры Толвуйской и Кижской волостей Петрозаводского уезда и говоры по реке Свири) встречается характерное по своей неустойчивости фрикативное *γ* (или ослабленное *g* взрывное), отличающееся от южновеликорусского *γ* и от украинского и белорусского *h*. Однако для решения вопроса об изменении *-ого* > *-ово* материал этих говоров едва ли показателен, поскольку в большинстве северных говоров *g* взрывное сохраняется как самостоятельная фонема, а в окончании *-ого* изменяется в *γ* > ... > *υ*, в то время как в указанных олонецких говорах *γ* фрикативное произносится не только в окончании род. падежа, но и в целом ряде других случаев, причем происхождение *γ* и общее направление в изменении звука *г* (*g* > *γ* или *γ* > *g*) в этих говорах, с их иноязычным окружением, для нас не ясны.

В свое время против фонетической теории в том виде, как она была сформулирована А. Соболевским, выступил Г. Ильинский[74]. Прежде всего, по мнению Ильинского, эта теория не объясняет непоследовательности перехода *г* в *в*, иначе говоря того, почему в *до-*

---

[72] Примеры такой дублетности мы встречаем в некоторых северновеликорусских говорах.

[73] З. Плотникова. К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. муж. и среднего рода местоимений и сложных прилагательных. Изв. ОРЯС, т. XXIV, кн. 1, 1919. Пг., 1922, стр. 285—304.

[74] Г. А. Ильинский. Сложные местоимения и окончания род. пад. ед. ч. м. и ср. р. неличных местоимений в славянских языках, изд. 2-е, стр. 3—6.

брого, *кого* *г* переходит в *в*, а в *строго*, *много* и т. п. сохраняется без изменения.

Это возражение нисколько не опровергает точки зрения Соболевского, потому что указанная Ильинским „непоследовательность" в изменении *г* > *в* находит свое объяснение. Переход *г* > *в* в *строго*, *дорого* и т. п. не совершился потому, что корень *строг-*, *дорог-* был связан через посредство морфологических чередований *г*‖*ж* и т. п. с другими словами, которые не допускали обособления слов *строго*, *дорого* в виде *строво*, *дорово*. Кроме того, форма *строго*, *дорого* была морфологически связана с *строг*, *дорог*, в которых к тому времени, когда совершался переход *-ого* > *-ово* (XV в.), конечное *г* фонетически (т. е. в положении не между согласными) сохранялось без изменений[75].

Ильинский далее указывает, что „если звуку *в* хронологически предшествовал в русском языке *γ*, то мы ожидали бы встретить флексию *-ово* скорее всего в малорусском, белорусском и южновеликорусском наречиях, чем в северновеликорусском, где фрикативное *г* сравнительно мало известно". Однако в свете вышесказанного о фонологической природе спорадически возникающего звука *γ* в северновеликорусских говорах и звуке *γ* как фонеме в фонологической системе южновеликорусских говоров нам представляется возражение Ильинского совершенно неубедительным. Рассматривая северновеликорусские и южновеликорусские говоры, а также говоры белорусского и украинского языков с точки зрения фонологической, мы должны скорее ожидать изменение *-ого* > *-ово* в род. падеже именно в северновеликорусских говорах.

Ильинский пишет, что фонетическая теория не выдерживает критики потому, что промежуточная форма *доброо*, *хорошоо* и *моео* с пропуском *г* и р а з у (выделено Г. Ильинским. — *А. Т.*) не встречается в древнерусских памятниках, хотя в них есть формы типа *Боушь* вместо *Богушь*. Этот факт объясняется, видимо, привычностью или непривычностью тех или иных орфограмм. Написание *-ого* в прилагательных и местоимениях поддерживалось многочисленными, встречавшимися на каждом шагу написаниями с *-ого*, а также формами на *-аго*, которые, правда, иногда могли заменяться написаниями с *-ово*, ставшими впоследствии тоже обычными. В результате этих многочисленных примеров, которые встречались в старых книгах, у писцов складывалось привычное представление о том, что в окончании род. падежа ед. числа муж. и ср. рода прилагательных был какой-то определенный согласный (*г* или *в*) в окружении двух гласных (*о*—*о* или *а*—*о*). Сохранение написаний с *-ого* вследствие традиционности и частоты употребления орфограммы поддерживалось, возможно, и тем, что произношение *-оо* в род. падеже едва ли было без исключения господствующим в этой форме. В современных русских говорах окончание *-оо* встречается лишь спорадически, наряду с другими окончаниями. То же самое мы можем предполагать в языке писцов, которые, кроме того, как грамотные люди, легко могли подпасть под влияние литературного языка и письменности и не иметь в своем языке форм на *-оо*. Что же касается указанных Ильинским слов типа *Боушь* вместо *Богушь* или *Богоушь*, то появление подобных фонетических написаний, в отличие от постоянства традиционного нефонетического *-ого*, объясняется тем, что слово *Боушь*, в котором фонетически выпало *г*, могло утратить связь со словом *Богъ* (*Богоуславъ*), и особенно тем, что слово *Богоушь* было

[75] Правда, в некоторых говорах, несмотря на указанные обстоятельства, все-таки имел место фонетический переход *г* > *в*: *мново* (Онежские говоры — см. М. Колосов. Указ. соч., стр. 73, примечание).

очень редким и о какой бы то ни было привычности в написании этого слова не приходилось и говорить.

Недостоверными Ильинский считает все случаи перехода *г* > *в*, указанные Соболевским: *коровод*, *ковда*, *товда*, псковск. *воспода*, белорусск. *вусли*, древнерусск. *повостъ* (в Лавр. летописи) вм. *погостъ*. Некоторые случаи, например *коровод*, *воспода*, действительно можно объяснить иначе, однако если говорить о возражениях Ильинского в целом, то следует сказать, что они едва ли могут поколебать фонетическое объяснение изменения *-ого* > *-ово*, предложенное Соболевским.

Все сказанное выше в общем плане о различиях в окончании род. падежа местоимений и прилагательных в северновеликорусских и южновеликорусских говорах можно иллюстрировать конкретными данными современной диалектологии. Как указывалось, в отношении судьбы старого окончания *-ого* (*-оγо*) северные и южные говоры русского языка существенно отличаются друг от друга. Бросается в глаза прежде всего тот факт, что почти во всех севернорусских говорах представлено окончание *-ово*, *-ова*. Незначительное исключение составляют лишь говоры в северо-западном углу Европейской части СССР, где в род. падеже употребляются формы на *-ogo*, *-oγo*, *-oo*.

Окончание *-ого* с взрывным *г* (*спелóго*, *дóброго* и т. д.) отмечено в следующих местах:

Архангельская губ. Онежский у., с. Чекуево. (Мат.[76], вып. V, № 41); с. Порог (там же, вып. IX, № 260, стр. 2); северная часть Шенкурского у. (Мансикка, стр. 105—106); говоры Холмогорского у.; *-ого* при более редком *-ово*, *-оо* (Мат., вып. VIII, № 50); говоры Верхней Пинеги (Кузнецов, стр. 25—26).

Олонецкая губ. Вытегорский у., с. Ежезеро (ТДК, вып. 12, № 133); Повенецкий у., Римская вол., с. Пудожская гора (там же, № 135); Петрозаводский у., Кижская и Толвуйская вол.: отмечено ослабленное *г*, переходящее в *γ* (З. Плотникова, ук. соч., стр. 287); некоторые говоры Каргопольского у. (Светлов, стр. 158; Мат., вып. IX, № 106); с. Семеновское на реке Водле около Онежского озера (Аванесов. Водл., стр. 249).

Вологодская губ. Сольвычегодский у., Гавриловская вол.: наряду с *-ого* встречается и *-ово* (ТДК, вып. 11, № 46).

Примерно в тех же самых говорах распространено в окончании род. падежа фрикативное *γ*, или, как обозначают наблюдатели, *h*:

Архангельская губ., Шенкурский у. (Мат., вып. IX, № 235, стр. 5); г. Кемь (там же, № 104).

Олонецкая губ. Петрозаводский у.: *-oho* (там же, № 15); г. Олонец: наряду с *-оγо* встречается и *-ово* (там же, вып. IV, № 29); Кондопога: *-оγо* (Шахматов. Фольклорн. записи, стр. 56, 59); Заонежье (там же, стр. 70, 75); ср. *-ого* (там же, стр. 38, 39, 40, 46).

Вологодская губ. Никольский р-н., с. Пермас: *-оγо* (Орлова, стр. 62).

Окончание *-оо* (при параллельных *-ого*, *-ово*) отмечено в следующих местах:

Архангельская губ. Холмогорский у. (Грандилевский, гл. IX); с. Елецкое и Куростров (Мат., вып. VIII, № 50); говоры Верхней Пинеги и Верхней Тоймы (Кузнецов, стр. 25—26).

Новгородская губ. г. Устюжна: *доброо* и *доброа*, *худоо* и *худоа*, „при быстрой речи" (Мат., вып. III, № 28); Белозерский у., Семеновская вол. (ТДК, вып. 12, № 117); д. около Шолы (Мат.,

[76] См. список сокращений в конце статьи.

вып. IX, № 166, п. 4, 31, 35); Кирилловский у., Талицкая вол., д. Займище и др. (ТДК, вып. 12, № 126; Мат., вып. IX, №№ 170. 163, 215). Впрочем, в ряде говоров Кирилловского уезда образование форм на *-оо* связано не с утратой фрикативного *γ*, а с общим процессом выпадения интервокального *в*, о чем свидетельствуют примеры: *бэроа, короай, ниа* ('нива') (там же, № 170), *сухоо, белоо, короа* (там же, № 215); д. Ольховица: *доброо, синёо, вдóушка, сóушка* (там же, № 167).

Эти архаические говоры составляют лишь небольшую группу в составе северновеликорусских говоров; в большинстве же из них представлено окончание *-ово* (*тово, доброво*) или его более поздний вариант *-ова* (*доброва*).

Говоря о северновеликорусских говорах в целом, следует заметить, что процесс перехода *-ого* в *-ово* в разных говорах совершился в разное время. В говорах вологодско-кировской и владимирско-поволжской групп этот процесс закончился (ср. господство окончания *-ово, -ова*). Этот процесс не закончился в некоторых новгородских, архангельских и олонецких говорах, где и сейчас наблюдается колебание в употреблении форм на *-оо, -оγо* (и *-ого*). И, наконец, есть такие архангельские и олонецкие говоры, в которых до сих пор сохранилось исконное *-ого* с взрывным г.

Совершенно иная картина употребления окончаний в род. падеже представлена в южновеликорусских говорах. На юге, почти во всех типичных южновеликорусских областях, встречается в говорах окончание *-бγа* с г фрикативным.

Правда, почти во всех говорах употребляется параллельно и окончание *-вó, -ва*. Распространение этих окончаний представляется в следующем виде.

Смоленская губ. Во всех уездах употребляются формы на *-вó, -ва* и на *-гó, -га*. Бельский у., Болшовская вол., д. Урово: *етыва, тогó* (ТДК, вып. 10, № 50); с. Шоптово: *таго, курлынскага, сумасшедшига* (Добровольский. Смол. этн. сб., I, стр. 331, 332, 333, 594, 595); но *таво, раненыва* (там же, стр. 331, 350, 352, 594, 596); Вяземский у., г. Вязьма: *-вó, -ва — трет'т'ива* (ТДК, вып. 10, № 54); в другом ответе на Программу приводятся говоры Вязьмы и окрестных деревень: *добрава, белыва, маво, каво*, иногда в местоимениях: *каγó, яγó* (там же, № 127); Дорогобужский у., с. Шиловичи: *маладóга*, (Добровольский. Смол. этн. сб., II, стр. 211); Смоленский у., с. Плоское: *милинькыга, високага* (там же, стр. 5, 27); с. Даньково: *родныга, чужога* (там же, стр. 48, 74); с. Шаталово: *зяленыга, заезжага* (там же, стр. 17); *нечистыга, яго* (Добровольский. Смол. этн. сб., I, стр. 224); д. Медведовка: *отчаго, старага* (там же, стр. 714, 715); с. Киселевка: *яго, яво, сяребриныва* (там же, стр. 411, 415); д. Чепищево: *яго, яво, каторава* (там же, стр. 659, 663, 660); Духовщинский у., с. Пречистое: *яго, яво, сваиго, аднаво, парядышныга, правидныва* (там же, стр. 311, 312, 662, 713); Поречский у., с. Иньково: *етыва* и т. п. (там же, стр. 174, 189, 213); но и *ат синига, сляпога* (там же, стр. 174); Краснинский у., с. Каблуково: *малыва, малыга* (Добровольский. Смол. этн. сб., II, стр. 3); Юхновский у.: *каго, каво* (там же, стр. 334); Ельнинский у., д. Сухой Починок: *свайво, великыга* (Добровольский. Смол. этн. сб., I, стр. 171, 183); д. Бердебяки: *яго, свайго, святога, третьига* (там же, стр. 277, 181, 338, 195), но и *каво, етыва, каторава* (там же, стр. 195, 337, 172, 340, 473); с. Проверженка: *усякыга, ягó, атчавó* (там же, стр. 192, 586, 236); Ивонинская вол., с. Нежода и др.: смешиваются *-вó, -ва*, с *-гó, -га* (ТДК, вып. 10, № 85); Рославльский у., с. Красноза-

борье: *мыяво*, *яво*, *приятныва* сна (РФВ, т. 12, стр. 55—56), но и *майго прежнига* друга, *ближнига*, *ожинатыга*, *хыластога* (там же, стр. 57—59); с. Летошники: *маладога*, *добрыга* (Добровольский. Смол. этн. сб., II, стр. 191); с. Михайловка: *такóга* (Добровольский. Смол. этн. сб., I, стр. 177); с. Митюли: *такóга* (там же, стр. 190).

Калужская губ. В одних говорах употребляются по преимуществу окончания *-óва*, *-ава*, а в других — *-ога*, *-ага*. Окончания *-óва*, *-ава* отмечены в следующих местах: Боровский у., Чубаровская вол., с. Чубарово (ТДК, вып. 10, № 100); Рощинская вол., с. Митяево: *ничиво*, *середнява*, *прежнява* (Чернышев. Боровск., кн. 1, стр. 275); Рождественская вол., д. Кузьминка: *этава*, *гарячява* (стр. 281, 283); той же вол., д. Мальково: *яво*, *чяво* (там же, стр. 284); Медынский у.: обычно *-вó*, *-ва* — *маво*, *моево*, *таво*, *добрава*, *слепова* (Мат., вып. XI, № 263, п. 105); Пушкинская вол., д. Пушкино и Марьинка (ТДК, вып. 10, № 111); Дороховская вол., д. Дороховая (там же, № 109); Троицкая вол., с. Кондрово и др. (там же, № 105); Малоярославецкий у., Абрамовская вол., с. Мосолово и др. (там же, № 74а); Перемышльский у., Кумовская вол., с. Спас при Угре (там же, № 112).

В западных и юго-западных калужских говорах сохраняется *-гó*, *-га*. Сюда относятся говоры следующих уездов: Мосальский у., Парфеновская вол., д. Утриково: всегда *-га*, *-гó* (там же, № 72), но в других местах того же уезда встречаются формы на *-вó*, *-ва*; д. Ивонино (рядом с Мосальском): tr'ét'iva, náśyva, kawó, mъi̯avó, при i̯awó есть и i̯aγó (i̯aγʷó) (Брок. Мосальск., стр. 36, 37); в говорах западнее Мосальска обычно *-гó*, *-га*; с. Кобылье и Котово: taγó, i̯etъγъ; в говоре с. Кобылье *-γo*,- *ɯo*, *-υo* употребляются часто рядом другие примеры: xramóγa, dóbъrγъ, s'ín'iγъ (там же, стр. 68, 69); с. Пятницкое: *у нашыва у ясныва* (Добр. Свадебн. обряд, стр. 219, 221, 222); с. Жерелево: *майга каторыга* (там же, стр. 231); д. Высокая гора: *jeγó*, *свajeγó*, *ч'иγó* (Гринкова. Калуж., стр. 250); Козельский у., Уколицкая вол., с. Кирейково: в местоимениях *-гó* — *таго*, *яго* при форме *таво*, а в прилагательных *-вó*, *-ва* — *добрава*, *белыва* (ТДК, вып. 10, № 71); та же волость, с. Уколицы и др.: всюду *-вó*, *-ва* — *таво*, *белава*, *сляпова* (там же, № 101); Касьяновская вол., д. Должанка: в местоимениях *-гó* — *таго*, *каго*, *энтаго* (там же, № 88б); Жиздринский у.: по данным А. Никольского, в жиздринских говорах господствуют окончания *-ага*, *-яга*, *-óга*, *-ыга* — *синяга*, *старóга*, *упрямыга*, *маго*, *маяго*; кроме того, наблюдаются формы на *-ва*, которые, по мнению того же исследователя, господствуют в мещанском говоре: *инова*, *младова*, *никаво* (Никольский. Жиздр., т. 49, стр. 326—327 и сл.; т. 47, стр. 172); во многих местах, видимо, представлены оба дублета — с. Тербень: *милыга*, *милыва*, *того*, *родныга*, *большова* (Добр., Жиздр., стр. 392); с. Палех: *у няго*, *на иво*, *ничаво*, *етыга*, *некыга*, *этыва*, *усяго*, *свайво*, *большыга*, *дарагова*, *старыга* и *малыга*, *всякыва* (Добр. Палех., № 1, стр. 12—16); Дубровский р-н, с. Дуброво: обычно *-γó* — *каγó*, *краснъγа*, однако употребляются параллельно и *-ва*, *-вó* в говоре одного и того же лица — *ничγóга*, *ч'аγо*, *мъладова*, *маивó* (Гринкова. Калуж., стр. 244); Мещовский у.: обычно употребляются формы на *-ва*, *-вó*, но встречаются и формы на *-гó*; Чернышев указывает лишь форму на *-ва* — *дозавтрива*, *добрава* брата (Чернышев. Мещовск.); в Материалах, XI, № 150 обычно указываются формы на *-ва* — *слепова*, *добрыва* и очень редко на *-го* (с. Бедрицы).

Тульская губ. Обычное окончание *-вó*, *-ва*, *-гó* в следующих говорах — Крапивенский у.: *чагó* и *мавó*, *зялёнава* (РФВ, т. 10, стр. 26, 29); сс. Долгое, Бородино, Головлино и др.: *-γó*, *-ва* (ТДК 1, стр. 89); Новосильский у.: *явó* и *няhó* (Будде. Тул. Орл., стр. 31, 27);

с. Паньково: *-ва, -га — этыго, умныго* и *тавó, слепóва* и т. п. (Мат., VIII, № 77, §§ 14, 16, 71); с. Пятушки: *каћо, чяћо* (Будде. Тул. Орл., стр. 12, 13); с. Нижняя Залегошь: *ничиво, кислова*, но и *с'ам'ейнаγа* (Черных. Южнорусск., стр. 262—263); ср. в записях Будде: *нижняћа, ничяћó, таћó* (Будде. Тул. Орл., стр. 20). Кроме говоров, в которых сохранилось в род. падеже *-гó*, *-га*, в Тульской губ. (обл.) известен ряд говоров, в которых замена окончания *-го* на *-во* произошла совсем недавно. Таков говор с. Непрядева (Новосильевский у.), в котором Будде отметил окончание *-óγа, -ъγа*[77], а позже В. Сидоров — окончание *-óва, -ъва*[78]. Сюда же относится говор *д.* Селино, Дубенского р-на, в котором сейчас представлено окончание *-ово — тавó, красныва*, а сравнительно недавно было окончание с *γ*[79].

Рязанская губ. Сложную картину представляют собой рязанские говоры. Почти во всех говорах, различных по своему происхождению, употребляется в род. падеже окончание *-вó, -ва*, однако во многих говорах, тоже разных по своему характеру, представлено *-гó, -га*, а также формы с пропущенным согласным. Егорьевский у., с. Лека: *тавѡ, милѡва* (Шахматов. Лека, стр. 186—188, 203); Зарайский у., с. Матыр: *мавó, твайевó* (Петровская); Касимовский у., *д.* Ветчаны (аканье: *друк, сапок*, но и *друх, сапох*): *маво, яво, слепова* (Мат., вып. XI, № 111а); Ветчанская вол., с. Ивановское: *темнава* (Будде. Касим., стр. 367); *д.* Китово: *цаво у кó* (там же, стр. 363); с. Китово: *сваво, старава* (там же, стр. 364, 365); *д.* Урядино (в глубине уезда): *у ко цоо* есь, *нич"яво* (там же, стр. 363); *д.* Бельково: *ницаво, цорнова, нашава* (там же, стр. 362); *д.* Уланова Гора (около г. Касимова): *яо* (ср. *паойники*), *яво, малодинькава* (там же, стр. 350—351); *д.* Шостья: *цао, у ко, биз милоо-(а), сваво цорнава* (ср. *галоушка*, пасля *хролауа* дня) (там же, стр. 341, 342, 346, 348, 349); Куземкино: *за другоа, у ко* есть, *у ко* нет (там же, стр. 34); Ерахтур: *за нявó, у кав, у кавó, ницаó, цавó-то, у няó, явó* (там же, стр. 334—336, 340); Нармушадь: *яво, у няво, ницаво, цыво, цево, каво* (ср. *целаэк*) (там же, стр. 334, 336, 337); Погостинская вол., *д.* Тимохино: *маво, харошава* (Мат., вып. VIII, № 47 — См. § 58, 67, 71); Рязанский у., с. Новоселки: в женском говоре *добрага, маго, каго*, в мужском говоре *злова, добрава, каво, чаво* (Тоньшин. ТДК, вып. 3, стр. 57—60); с. Ирцы (аканье, *г* фрикативное): *-ово, -ова — чужова, сваво* (ТДК, вып. 10, № 126); с. Кидусово (аканье, *г* фрикативное, цоканье — *доцка*): *-óва, -óвъ, -ъва, -ъвъ — мъладова, харбшъвъ, из ыжъскъва* (Аванесов. Мещера, стр. 214); Спасский уезд, *д.* Тонино (аканье, *г* фрикативное, цоканье — *цасто, доцка*): *кавó, бéлыва, добрава* (ТДК, вып. 10, № 57); Михайловский у., с. Токарево (аканье, *г* фрикативное): *-во, -ва* (там же, № 80); Пронский у., с. Дурное-Никольское (аканье, *г* фрикативное): *дўбрава, злўва*, но в местоимениях *-аго — тагўо, кагўо, чагўо* (там же, № 120а); Скопинский у.: *-ва, -во — у аднавá, явó, этава, инова* (Будде. Скопинск., стр. 143, 146, но в местоимениях *-го — ничаћó, не ф чећа* (там же, 145); Ряжский у., Коноплинская вол., с. Старое-Коренное (аканье, *г* фрикативное): *ково, тово, злова, доброва* (ТДК, вып. 10, № 81); Сапожковский у., с. Завидово (аканье, *г* фрикативное): *таво, добрыва* (там же, № 123); Кутлово-

---

[77] Е. Ф. Будде. О народных говорах в Тульской губ. Изв. ОРЯС, т. III, кн. 4, стр. 1278.

[78] В. Н. Сидоров. Об одном тульском говоре с гласной *е*, не изменившейся в *о*. „Материалы и исследования", т. II. М.—Л., стр. 286.

[79] Ф. П. Филин. Говор *д.* Селино Дубенского района Тульской области. „Материалы и исследования", т. I, стр. 299.

Барковская вол., с. Желбовы-Борки (аканье, *г* взрывное, но *лух*): *-во, -ва* (там же, № 122); с. Большие Можары: род. пад. *-уо (но яво) — этава, этъва, яво, яґо́, ничаво́* (Ж. Ст, 1907, № 3, стр. 70—71); *д.* Ляпуновка: *сваво, маво, чаркасскяго* сядла (Ж. Ст, 1894, IV, 2, стр. 287, № 1); Данковский у., с. Баловнево (аканье: *нох, врах*): *злова, добрава* (ТДК, вып. 10, № 83); Чучковский р-н (бывш. Касовский у., Чучковская вол.), с. Мелехово (аканье, *г* взрывное, *цалнок*): *-ова (-ва) — другóва, лишнъва, етъва, цаво́* (Сидоров. Ряз. Мещера, стр. 119).

Орловская губ. В говорах Орловской губ. встречаются как в прилагательных, так и в местоимениях окончания *-го́, -га, -ва, -ўо́*. В некоторых говорах имеет место пропуск интервокального согласного, как в северновеликорусских говорах, однако здесь это совершенно иное явление (см. ниже). Окончания *-ґо́, -ґа* отмечены в следующих местах. Брянский у.: исследователь говоров Брянского у. П. Тиханов указывает, что вообще в деревнях этого уезда обычно произносится в окончаниях *-го́, -га — сля́по́ha, бо́льшига, яко* и *яво*, а в г. Брянске *-ва, -во́* (Сб. ОРЯС, т. 76, № 4, СПб., 1904, стр. 20); Вороновская вол., с. Троицкое: *добрава, добрага, маяго, маяво* (Мат., вып. IX, № 259); Полпинская вол.: *багáтаha, добрäha* (Будде. Тул. Орл., стр. 79); Акулицкая вол. (на границе с Черниговской губ.): *каhó, Пятроваha, майво, у котóрьha* (там же, стр. 84—86); Салынская вол.: *этäha* (там же, стр. 89); Любохонская вол.: прилагательные и местоимения имеют *-га* (задненебное и гортанное) и *-ва — свайго́, майго́, нéчива* (Голанов. Заметка); Бобыневская вол.: *слипоha* (Пруссак); Карачевский у., Шаблыкинская вол., с. Герасимово: *-ого, -ога* (ТДК, вып. 10, № 113); в ряде сел: *-ва, -во́ — женскъва, сильнава, яво* (Будде. Тул. Орл., стр. 66, 71); Бощинская и др. волости: встречаются формы на *-го́, -га — тэhó, кажнаha, таhó* (там же, стр. 67, 69, 74, 76); встречаются и формы на *-уо́ — ничауо́* (там же, стр. 67 и др.); Трубчевский у., *д.* Темная: *таго, харошего* (ТДК, вып. 10, № 119а); Севский у., Витичная вол., *д.* Бордаковка: *хорошаго, доброга, черныга* (там же, № 118а); Малоархангельский у.: род. пад. на *-во́ — яво* (Соболевский. Русск. диал., стр. 16); Верхососенская вол., с. Топки: *-ва — белава* и *белыва* („скорее среднее между *а* и *ы*“) (ТДК, вып. 10, № 114); в некоторых говорах Малоархангельского у. произносится *-ога, -ага* при более частом *-ава — добрава, таво* (там же, № 116а); Ливенский у., с. Грязцы и др.: *-во́, -ва — злова*, в местоимениях *-го́, -га — таго, каго* (там же, № 75); в южной части уезда в говоре цуканов: *маво, тваво*, а в говоре однодворцев: *мајво́, твајво́, таво́* (Селищев. Ливенск., стр. 465, 476); Елецкий у., с. Казаки: *добрава, доброга*, в местоимениях *таго́* (ТДК, вып. 10, № 53а); Казинская вол., с. Запольный Тербунец: *маяго́, доброго* (Мат., вып. XI, № 1116, п. 71).

Курская губ. В курских говорах употребляются в род. падеже и прилагательных, и местоимений окончания *-о́га, -ага, -аго́* и *-о́ва, -ава, -аво́*. Дмитриевский у., с. Меньшиково: *слепова* и *слепога, таго́, маво́* (Мат., вып. IX, № 236); *д.* Дерюгино: *злога, доброга, таго* (ТДК, вып. 10, № 69); *д.* Новый Бузец: *-о́га, -аґа — во́рънаґа, мъладо́ґа, м'илаґа*, но есть и дублеты на *-ва — во́рънава, малодо́ва*. По мнению наблюдателя, эти дублетные формы разграничиваются стилистически. Формы на *-га* обычны в разговорной речи, а формы на *-ва* появляются в „высокой“ речи (Дмитриев, стр. 42). Щигровский у.: обычно *-во́ — яво* (Соболевский. Рус. диал., стр. 17); в говорах „саянов“: *старыва* (Халанский. Курск., стр. 39, 41); Льговский у., с. Ивановское: *маго, маяго, сляпога, доброга* (Мат., вып. VIII, стр. 230); Курский у., с. Будановка („саяны“): *таго, маго, нáшага, сляпога* (Халанский. Курск., стр. 45); Тимский у., с. Двоелучное: *слепога, таго, маяго,*

этыго, умныга, синиńькага (Мат., вып. IX, № 246 и 249); *-ава, -ява — добрава, синява* (Халанский. Курск., стр. 14); Путивльский у.: окончания *-ага, -яга, -óга* (Халанский. Свед. и зам., II), примеры из песен: *чаго* (№ 1), *роднага* (№ 2, 18), *маяго* (№ 5), *желтага* (№ 7), *маго* (№ 22); Суджанский у.: *яго, добрага* (Соболевский. Рус. диал., стр. 17); дд. Масловка и Хитровка: *етава, маво, таво, нашаво, вумнава, малиńькава, сляпова* (ИОРЯС, XVII, 1, стр. 236). В других местах Суджанского у. употребляется *-гó, -га — туго, кую, ни чиркецкага* сидла (Халанский. Курск., стр. 32, 33), *маладóга* (там же, песня № 279); Обоянский у.: *ягó, дóбрага* (Соболевский. Рус. диал., стр. 17); другие наблюдатели указывают, что в говорах Обоянского уезда почти всегда сохраняется в произношении звук *г — добрага, палкавога* и т. п., *яго, иго, иво, маиво, сваиго, несчига, пэлятучаго*, редко — *приданава, маладова* (Резанов. Обоянск., стр. 116, 117 и 88, 89). Формы на *-га* и *-ва* встречаются и в записях Машкина: *зимлянова* (Машкин, Песни, № 42), *белава* (там же, № 23, 37), *свято̀га* (Машкин, Мат., стр. 17, 63); ср. также в песнях Халанского — *съ чиго* (Халанский. Курск., № 314), *крутиńькига* (там же, стр. № 315), *духовнага* (там же, № 316); Корочанский у., Лесковская вол., с. Шахово: *этава* (ТДК, вып. 3, № 2); Халанский отмечает как характерную черту говоров этого уезда сохранение *г* в окончании *-ого — чиго, синяга, иго* (Халанский. Курск., стр. 32); Новооскольский у.: род. пад. на *-ho — ягó*, но *эглянóва* (Соболевский. Рус. диал., стр. 17); с. Проточное: *не синяга* моря, *за старага* (Попов, песня № 2, № 10); Белгородский у.: *ивó, свавó, дóбрава* (Соболевский. Рус. диал., стр. 18); Шебекинская вол., с. Старая Таволожанка: *-ва — злова, добрава, белыва* (ТДК, вып. 10, № 102а); Бесединский р-н, с. Троица: *добрава, синива* (Денисевич, стр. 94); Старооскольский у.: род. пад. на *-hó — яhó* (Соболевский. Рус. диал., стр. 17); Грайворонский у., Дорогощанская вол., с. Смородина: *тёпленькага, маханькага, сляпога, яго, тваяго, таго, маго* (Мат., вып. IX, № 279).

Воронежская губ. По мнению исследователя воронежских говоров Филатова, во всех этих говорах в род. падеже встречается *-hа — милаhа, дараhоhа, харошиńькяhа*, в местоимениях *каhó, яhó* (РФВ, т. 38, стр. 284—285). Однако очень часто в этих окончаниях, по его мнению, слышится и *-ва*. Задонский и Землянский уу.: *ягó, егó, аднагó, тагó, тавó, красúвава, бальшýва* (Тростянский. К изучению), из песен — *милава, милýва* (Сб. ОРЯС, т. 95, № 1, стр. 5), *маладýва* (там же, стр. 15), *дарагýва, раднýва* (там же, № 35), в местоимениях *у нево, ево* (там же, № 6), *этаго* (там же, № 24); из песен по Задонскому у. — гостя *майвó дарагýга* (Тростянский. Этн. мат., № 29), *его* (там же, № 21), *гнядýва* (там же, № 2); Нижнедевицкий у., с. Рогаватое-Погорелое: *-гó, -га — злога, добрага, таго* (ТДК, вып. 10, № 65); Бобровский у.[80], с. Сергеевка: обычно *-вó, -ва — тавó* (Прядкин, стр. 586), из песен — *милава, сваво* (там же, № 2), *чаво* (там же, № 7), *б'элава* (там же, № 20); Коротоякский у., Хворостань: обычно употребляется окончание *-ава, -ява*, в местоимениях *-явó, -ягó*, ср. *малюсичькяго* (Путинцев). Исследователь коротоякских говоров Н. Гринкова указывает, что вообще в них в род. пад. прилагательных и местоимений употребляется *-уó, -уа*; окончание *-вó* встречается спорадически и по преимуществу в местоимениях — *ево, чево, каво* или же у лиц, на язык которых оказало влияние городское наречие (Гринкова. Коротоякск., стр. 569—570).

---

[80] По мнению Соболевского, Нижнедевицкий и Бобровский уезды близки по говорам к Шигровскому у. (Соболевский. Русская диалектология, стр. 19).

Тамбовская губ. В говорах Тамбовской губ. в окончаниях род. падежа мужского и среднего рода прилагательных обычно бывает *-во́*, *-ва*; в говорах Лебедянского и Кадомского уу. *-го*. Спасский у., д. Самбор: *-в-* — *этава* (ТДК, вып. 10, № 106); Шацкий у.: *милова, сир'д'и́тыва, пер'въва* (Дурново. Шацк.); Новоберезовская вол., с. Малый Студенец: *-ово, -ова* (ТДК, 10, № 128); Лебедянский у., Шовская вол., с. Шовское: *элóва, дóбрáва, бéлыва* (там же, вып. 10, № 51); с. Борисовка: *втарога, чяго* и *чяво* („*в* в этом окончании редко") (там же, № 108); Кадомский у.: *яно́* (Соболевский. Рус. диал., стр. 19); Липецкий у.: *э́нтыва, яво́* (там же, стр. 19).

Из представленного выше обзора[81] форм род. падежа прилагательных в северновеликорусских и южновеликорусских говорах, четко выявляется различие между ними: почти повсеместная утрата *-ого* и распространение *-ово* (*-ова*) в одних и сохранение (в той или иной степени) старого окончания в других. Окончания *-ово* (*-ова*) и *-о́га* и т. п. являются отличительными признаками двух наречий даже и сейчас, когда во многих южновеликорусских говорах первоначальная форма на *-ого* не сохранилась. Это расхождение языка проявляется в пограничных областях. Характерны, например, в этом отношении говоры Пензенской области. Большинство говоров этой области имеет связь с северновеликорусским наречием, и в них представлено окончание *-во, -ва*. Однако по соседству с ними, в юго-западном углу области (Чембарский у.), находятся южные говоры[82], в которых представлено окончание *-го́, -га*. Точно так же в акающем говоре жителей Александровского района Оренбургской губернии — переселенцев из Пензенской губернии — тоже встречаются формы на *-го́*: *таго, йаго, дóбръго* (Бюлл., вып. 6, стр. 35).

Довольно определенное расхождение между северными и южными говорами в отношении род. падежа прилагательных свидетельствует прежде всего о том, что утрата старых форм протекала в различных говорах в разное время: в северных они исчезли гораздо раньше, чем в южных, где этот процесс утраты еще протекает в настоящее время и далек до завершения.

Причины исчезновения форм на *-ого* (*-ого*), несомненно, тоже различны. В северных говорах это был чисто фонетический процесс, отдельные этапы которого отражаются в современных архаических архангельских и олонецких говорах: *-ого* > *-ого* > *-оо* > *-ово*.

Между тем в южных говорах мы не находим свидетельств изменения *-ого* > *-ово* тем же путем, что и в северных говорах. В южновеликорусских говорах нет форм род. падежа с пропуском *г*, генетически тождественным пропуску *г* в говорах северных. Правда, в некоторых южновеликорусских и средневеликорусских говорах встречаются формы с окончанием *-аво* и т. п., однако они находят другое объяснение. Подобные формы представлены в следующих говорах.

Орловская губ. Брянский у. (на границе со Смоленской губ.): *у каво* (Будде, Тул. Орл., стр. 89); Мценский у., Тельчинская вол.: обычно *-ёво* — *яёво, усяёво, ничяёво, у милóёва* (там же стр. 45, 46, 50), *каво* (там же, стр. 47); Чиченевская вол.: *ат лихóёва, у каво* (там же, стр. 58, 55); Карачевский у.: в ряде мест формы на *-ёво* — *ничаёво* (там же, стр. 67 и др.) при формах *кано́, кáжнана* (там же, стр. 67,

[81] Ввиду ограниченных рамок статьи мы дали этот обзор очень сжато, особенно в той части, которая посвящена северновеликорусским говорам, хотя располагаем материалами из разных печатных источников, касающимися говоров южновеликорусских, северновеликорусских, средневеликорусских, а также сибирских.

[82] Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915, стр. 17.

69, 74 и 76); Орловский у., Плещеевская вол.: *явó*, *ничяўó* (там же, стр. 37); Лавровская вол.: *у каó* (там же, стр. 41).

Образование приведенных форм не имеет никакой связи с утратой фрикативного *γ*, которое в южновеликорусских говорах носит устойчивый характер и не исчезает. Эти формы объясняются особым произношением звука *в*, билабиального по своему характеру и поэтому легко переходящего в *ў* неслоговое или же вообще исчезающего в произношении. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры в записях Будде, сделанных им в Брянском, Мценском и Карачевском уездах: брянск. *дуброушка*, *ўарўарушка*, пятай *ўоз*, *паойник*, *ўолку* (Будде, Тул. Орл., стр. 81, 80, 89); мценск. *паозку* ('повозку') (там же, стр. 47); карачевск. *ноай* ('новый') (там же, стр. 71).

Формы с пропуском *г* (*в*) встречаются в говорах на границе между северновеликорусскими и южновеликорусскими говорами.

Пензенская губ. Спасский у., с. Куземкино (переходные говоры): *цаó* (Мат., вып. XI, № 230,); Чембарский у., с. Куликовка (переходные говоры): *тавó*, *дóбрао*, *белова* (там же, № 229); Наровчатский у., Зубовская вол., с. Засечное (аканье; *астрок*, *друк*): *тао*, *као*, *злова*, *добрыва* (ТДК, вып. 10, № 79).

Псковская губ. Холмский у., Загорская вол., ряд деревень (аканье): *таўó*, *маўó*, *дóбраўа*, *злóўа* (там же, вып. 12, № 160).

Рязанская губ. В ряде говоров Касимовского уезда встречаются формы без *г* (*в*) и со стяжением двух *о*: *цаó*, *цоó*, *каó*, *у кó* и т. п. (см. выше). Во всех этих говорах утрата согласного в окончании *-ого* объясняется связью данных говоров с северновеликорусскими.

Представленный выше материал свидетельствует о том, что в южновеликорусских говорах в принципе не имело место выпадение *γ* в окончании *-оγо*, как в северновеликорусских говорах.

Поскольку звук *γ* как самостоятельная фонема является в этих говорах звуком устойчивым, то выпадения *γ* (образования *-оо*) и не могло быть. Поэтому следует признать, что формы на *-вó*, *-ва* в южных говорах не могли возникнуть фонетическим путем — тем путем, который предполагал Соболевский в отношении всех говоров.

Нам кажется, что эти формы в южновеликорусских говорах обязаны своим происхождением влиянию северновеликорусских говоров, где окончание *-ово* возникло к концу XIV — началу XV столетия, влиянию литературного языка, а еще раньше влиянию языка деловой письменности Московского государства — так называемого приказного языка, в котором господствовал род. падеж на *-ово*[83].

Влияние языка деловой письменности Москвы на живую народную речь наблюдается рано. Так, в деловых памятниках XVI—XVII вв., на-

[83] Сравнительно недавно С. И. Котков (см. С. И. Котков. К изучению орловских говоров. „Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та", т. VII, кафедра русского языка, вып. 3., 1952. стр 125—127) высказал предположение, что „окончание *-ово* в русском литературном языке представляется возможным выводить не обязательно из говоров северновеликорусского наречия, но и с известным основанием и из южновеликорусского". Иначе говоря, он допускает, что и в южновеликорусском наречии было фонетическое изменение *г* > *в* в окончании *-ого*, протекавшее независимо от аналогичного изменения в северных говорах. В качестве доказательства этого положения он приводит данные современных орловских говоров, в которых, по его мнению, господствует окончание *-ово*, а также данные памятников деловой письменности XVII в., написанных в пределах Орловской области. Нам представляется высказанное положение Коткова едва ли верным, а те факты, которые он приводит в качестве доказательства, мало убедительными. Взгляды Коткова относительно рассматриваемых форм подверг критике П. Я. Черных в статье „О начале и характере формирования русского национального языка" (см. „Научные доклады высшей школы". Филологические науки, 1958, № 3, стр. 135—136, 140). Эта статья в своей положительной части содержит ряд спорных пунктов, однако возражения, высказанные в опровержение взглядов Коткова, нам представляются справедливыми.

пример, в Тульских писцовых книгах[84], наряду со старыми написаниями *-ого, -аго* в прилагательных, и написаниями типа *таго*, ясно указывающими на живую разговорную форму, встречаются формы на *-ово, -ова*, заимствованные писцами из широко распространенного и поэтому хорошо им известного приказного языка. Примеры из Писцовых книг Тульского края: из записей по Ряжскому уезду: *до таго* столба (ч. I, стр. 243), от *таго* вертеба (там же стр. 241) при параллельных: из *чорнаго* лесу (там же стр. 241), от *гниловозного* омута (там же, стр. 240), *-во* только в слове *ево* (там же, стр. 242); из записей по Алексинскому уезду: *таго* же селца (несколько раз) (там же, стр 176 и др.), у *таго* пня (там же, стр. 175); реже *тово — тово* Павшинского стану (там же, стр. 249); в прилагательных *-ого — писцового* наказу (там же, стр. 172), двор *задворного* человека (там же, стр. 209), *Гниловского* верха (там же, стр 174); чаще образования на *-ова*: *до старова* писцовова кургана (там же, стр. 173), до *маладова* дубка (там же стр. 175 (здесь в корне слова отражается живое акающее произношение, а в окончании — влияние делового письменного языка), полселца *Григорьевскова* (там же, стр. 260); редко *-ово* — двор *задворново* человека (там же, стр. 203), *ево* (несколько раз) (там же, стр. 176 и др.).

Влияние языка Москвы наблюдалось и в более позднее время. Так, факт воздействия русского национально-литературного языка XIX — XX вв. на живую народную речь отмечался не раз в работах К. Филатова[85], В. Сидорова[86], Н. Гринковой[87], Ф. Филина[88] и др.

Прежде всего и больше всего это влияние проявилось в соседней с Москвой — Тульской области, где уже к XIX в. окончание *-оуо* было почти полностью вытеснено окончанием *-ово*, в то время как в областях более отдаленных, таких как Орловская, Курская, Воронежская, а также Калужская и Смоленская, в значительной мере сохраняется исконное *-оуо*. Что же касается Рязанской области, то повсеместный там переход *-ого* в *-ово* объясняется, вероятно, тем, что известная часть рязанских говоров имеет связь с северными говорами.

В свою очередь северные говоры, пограничные с южными, в частности, владимирско-поволжские говоры, испытали влияние со стороны южных. Правда, это влияние коснулось качества гласных в составе окончания *-ого*. Так, возникли формы на *-ава, -ыва, -ива* в различных владимирско-поволжских говорах, характеризующихся неполным оканьем, а также в некоторых окающих говорах.

Ярославская губ. В некоторых окающих говорах встречаются формы на *-ава* и т. п.; Ярославский у.; Еремеевская вол., ряд деревень: *добрава, белова* (ТДК, вып. 12, № 193); Ростовский у., Ильинско-Хованская вол., с. Назорное и д. Никитское: *белыва, краснова, синива* и *золотова, доброва* (там же, № 190).

Владимирская губ. В этих говорах, находящихся на границе с переходными и южновеликорусскими говорами, встречаются и типично севернорусские формы, и формы, в которых отражается влияние южнорусских говоров. В некоторых говорах встречаются архаические формы прилагательных на *-ого*. Судогодский у., Тучковская вол. (оканье) (ТДК. вып. 11, № 28), однако здесь есть формы на *-ово — доброво* (там же); г. Киржач (*пъм'отý, хымуты, бóрыды*): *дóброо*,

---

[84] Писцовые книги Тульского края, ч. I, II. Тула, 1914.

[85] К. Филатов. Очерк народных говоров Воронежской губернии. РФВ, т. 38, Варшава, 1897, стр. 285.

[86] В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 286.

[87] Н. П. Гринкова. О русских говорах б. Коротоянского уезда Воронежской губ. „Известия по русскому языку", т. III. Л., 1930, стр. 569—570.

[88] Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 299.

моб, тоб, добрыва (там же, № 23). В некоторых говорах сохраняется *г* (*-го*) в местоимениях (*того*), но встречаются формы с переходом *г* > *в* в прилагательных — г. Вязники и окрестные деревни: *доброва*, но *того, кого* (там же, № 13); Покровский у., Филипповская вол., с. Заречье (неполное оканье: *из города, горыда*): *злова, добрава, добрыва*, но *того, кого* (там же, № 25); Ягодинская вол., Судогодский у., с. Пустоши: coγuó, koγuó, toγuó, но etava, samava, zluóva; covuó, tovuó (Бубрих. Пустоши, стр. 328). В большинстве же говоров произошел переход *г* в *в* как в прилагательных, так и в местоимениях. В прилагательных обычно бывает *-ова*, в редких случаях *-ово*, причем северно-русские формы без редукции гласного *о* встречаются сравнительно редко. Сюда относятся следующие говоры: Покровский у., Воронцовская вол., д. Арханино: *слепова, среднево* (Мат., вып. I, № 10); Копнинская вол., д. Копнино: *-ова, -ово — тово* (ТДК, вып. 11, № 24); Судогодский у., Бережковская вол., д. Галанино (оканье, в заударном положении *о* „неясно"): *-ово, -ова — доброва* (там же, № 26); Большегригоровская вол., д. Эсипово и др. (полное оканье): *доброва, злова, тово* (там же № 27); г. Муром: *доброва* (Мат., вып. XI, № 93). В большинстве говоров обычно имеются при старых формах на *-ово* также и формы на *-ава, -ыва* с редукцией *о* в заударной позиции. Шуйский у., Шуя и окрестности: *доброва, синева*, (ср. *крепкай*) (Мат., вып. II № 19); Афанасьевская вол., д. Кочнево и др. (неполное оканье: *борода, кывырять*): *мово, сухова, добрава*, (ТДК, вып. 11, № 29); Переславский у, с. Купань (неполное оканье: *хамуты, палкай*): *-ово, -ова — этава* (там же, № 20); Половецкая вол., с. Половецкое, д. Скоморохово (неполное оканье: *борады, голас*): *этава, добрава*, (там же, № 21); с. Заболотье: *доброва* и *добрыва* (Кашин); Александровский у., д. Новинки-Абрамовы (неполное оканье, в заударном положении: *горыда, этат горад*): *-ово, -ова, добрыво* (ТДК, вып. 11, № 12); Ботовская вол., с. Площево (неполное оканье: *борода, в горыде, горад*): *доброва, белыва, тово* (там же, № 11); Ковровский у., д. Микшино (оканье): *злова, добрава белыва* (там же № 15); с. Лежнево (оканье, во втором предударном слоге *о* „неясно"): *тово, злова, белыва* (там же № 14); Покровский у., д. Архангелово (оканье, но *убраза, ветир*): *доброва* и *добрава, слепова* (Мат., вып. IX, № 244); Завалинская вол. (неполное оканье: *говорит, гылова, борыды*): *злова, добрава* („ближе к *добрыва*") (ТДК, вып. 11, № 22); Муромский у., Новосельская вол., с. Вача: *добрыва, худова* (Мат., вып. II, № 100); Позднякоская вол., д. Кравково (неполное оканье: *быродa, из горыда, горада*): *этыва* и *этава, добрыва* (ТДК, вып. 11, № 19); Ковардицкая вол., д. Александровка (неполное оканье: *борыды, горат, бырода*): *ево, белыва* там же № 18); Тейковский у., Аньковская вол., с. Аньково и др. (неполное оканье: *палычка*): *добрава, белыва* (там же, № 59); Меленковский у., с. Илькино (неполное оканье: *горыда*): *чево, слепова, середнева, цово* (Мат., вып. IX, № 247); Заколпинская вол., с. Заколпье и Константиново (неполное оканье: *мылодёц, горыд*): *доброва, добрыва, тово* (ТДК, вып. 11, № 16а); г. Меленки и окрестные деревни (оканье; *борода, этот*, но *голъс*): *-ово, -ова — доброва, этыва* (там же, № 17); Юрьевский у., Родниковская вол., д. Малышево, Борщево и др. (оканье: *пыскорей, горыда*): *добрава, белава* (там же, № 85); Есиплевская вол., ряд сёл (неполное оканье): *ёво, ничово, всёо, эфтава* (Чернышев. Юр. Суздал. Влад., стр. 3, 5, 6, 14); Суздальский у., ряд сел (неполное оканье): *цово* (там же, стр. 17); г. Суздаль (неполное оканье): *нашова, этово,*

нашава (там же, стр. 22, 23); Владимирский у:, род. пад. на *-ава, -ява, -яво — кажняво* (там же, стр. 28).

Нижегородская губ.: обычно здесь употребляется форма на *-ова*, очень редко *-ово*: почти во всех говорах отражается редукция гласного *о* в окончании. Севернорусские формы (без редукции *о* в окончаниях) встречаются лишь в некоторых говорах Семеновского у.— Хохломская вол., с. Хохлома: *доброво, светлова, мово* (ТДК, вып. 12, № 112[80]).

В других говорах как Семеновского, так и остальных уездов (умеренно окающих и акающих) отражается редукция гласного звука в окончаниях — Семеновский у., с. Бор: (неполное оканье: *гылосá*): *-óва, -ава* (там же, № 113а); Кантауровская вол., с. Линдо-Пустынь (*водóй, бородá* — среднее между *о — а*): *злова, добрава* (там же, № 111а): Макарьевский у., г. Макарьев (*пойдём, гóрыт*): *добрыва, тово* (там же, № 109а); Марьинская вол. (полное оканье, *поле*): *-ова* (там же, № 110); Сергачский у., Кечасовская вол., с. Абаимово (аканье): *добрыва, злова* (там же, № 114); Староахматовская вол., с. Аносово (аканье): *добрава, белыва, таво* (там же, № 115а); Лукояновский у., г. Починки (аканье): *ничево, этава, на кажнева* (Покровский); Михаловская вол.: *сваевó, ётава, ничаво* (там же); Арзамасский у.: в некоторых говорах этого уезда сохраняются исконные северные формы. Спасская вол., д. Кержемка (*о* во всех позициях): *этово* (ТДК, 12, № 105); Абрамовская вол., с. Абрамово (оканье, но *гóрад*): *-ово, -ова, тово* (там же, № 95); Мотовиловская вол., с. Волчиха (всегда *о*: *бороды, из гóрода*): *-ова, -ово — этово* (там же, № 101); Чернухинская вол., с. Селема (оканье): *этово* (там же, № 107а). Однако в ряде говоров есть формы на *-ыва, -ава* и т. п., возникшие в связи с редукцией гласных. Великовражская вол., с. Вечкусово (полное оканье): *добраво, харошаво, мовó, тєовó, этовó*[90] (там же, № 99); Гарская вол., с. Холостой Майдан и др. (оканье, но *дурычка*): *тово, злово, добрыва, этыва* (там же, № 100); Пановская вол., д. Ратманово: *добрава, белыва, тово* (там же, № 104); Вадская вол., сс. Крутой Майдан и Салалей (оканье, но *горад*): *злова, добрыва, тово* (там же, № 98); Мотовиловская вол., д. Криуша (*водой, бырода*): *добрыва, добрава, того́* (там же, № 102); Аратская вол., с. Арать (аканье): *добрава, золотова, кавó* (там же, № 97).

Казанская губ. В казанских говорах встречаются как типично северные формы на *-ово, -ова*, так и формы, отражающие редукцию гласных[91]. Эти формы встречаются по преимуществу в северозападном углу Казанской губ., в бывшем Царевококшайском у.: Арбанская вол. (неполное оканье): *етава* (там же, вып. 11, № 64а); Моркинская вол д. Черемисские Кужеры (полное оканье): *-ова — этово, доброво* (там же, № 67); Петриковская вол., д. Ежева (оканье): *этово, доброва* (там же, № 68). Особо отметим формы на *-ого, -аго, того, кого* в Царевококшайском у., Себеусадской вол. (в ряде деревень оканье) (там же, № 73). Сохранение этих форм объясняется тем, что население здесь не русское, а черемисы, которые удержали

---

[89] Возможно, то же самое наблюдается и в говорах Балахнинского у., ср.: *хорошенькова, белова, мово* (Покровский).

[90] Может быть ударение *этовó* возникло под влиянием *товó, ковó*, но могло быть и влияние ударения основного здесь мордовского языка, где оно на конце слова.

[91] Будде отмечает повсеместное употребление окончания *-ово* в Казанской губ.: *доброво*[a], *товó* (Будде. Казанск.).

старое *ѣ*, встречающееся иногда и в других местах (см. ниже). В большинстве же говоров Казанской губ. встречаются формы на *-ава*, *-ява*, отражающие редукцию заударного гласного. Царевококшайский у., Шиньшинская вол., д. Нуж-Ключ (оканье: *поскорей*, но *озира*, *прежниму: злова*, *добрава*, *белыва* (там же, № 74); Петриковская вол., д. Михайловка (оканье, но *бирегу*, *дениг*, *озира*): *добрава*, *добраво*, *белыва*, но *того*, *кого* (там же, № 69); Свияжский у., с. Верхний Услон (оканье: *хороши хомуты*, но в заударной позиции *палычка*, *нада*): *тово*, *злова*, *белыва* (там же, № 60а); Тетюшский у., Краснополянская вол., с. Монастырское (оканье, но *весило*, *ветир*): *добрава*, *белыва* (там же, № 63); Колунецкая вол., д. Баиковка и с. Яшевка (оканье, но *паскорей*, *город*, *в городе*): *злова*, *тово*, *добрава белыва* (там же, № 62); Казанский у., д. Белая: *убитыва*, *кажныва*, *тово* (Богородицкий. Говор д. Белой. РФВ, 71); с. Параты (оканье, но *прежниму*; вообще о говоре данного села имеется очень мало сведений): *мово* (Мат., XI, № 94, п. 100); Кулаевская вол., с. Богородское (неполное оканье: *пылечу*, *стораж*): *тово*, *краснява*, *белыва* (там же, № 92).

Особые замечания необходимо сделать относительно форм на *-ва* (*-ова*), которые встречаются во многих северновеликорусских говорах, включая и некоторые олонецкие; только в архангельских говорах, по всей вероятности, окончания *-ова* нет; однако и в Шенкурском уезде подобные формы встречаются. Существуют различные объяснения происхождения окончания *-ова* в севернорусских говорах. А. Шахматов[92] предлагает фонетическое объяснение: по его мнению, здесь имела место редукция безударного *о* в конечном открытом слоге. Того же взгляда, видимо, придерживался и Е. Карский[93]. Эту теорию нельзя признать правильной хотя бы уже потому, что окончание *-ва* произносится в типичных севернорусских говорах, где никакой редукции заударного *о* не бывает, именно в говорах Вятской, Костромской, Пермской, Вологодской и других губерний.

Есть и другое объяснение, морфологическое. Например, А. Селищев[94] считает, что конечное *-ва* появилось под влиянием родительного падежа существительных. При этом толковании нельзя объяснить тот факт, что *а* появляется только после перехода *-ого* в *-ово*. Если бы это было действительно так, то мы ожидали бы переход *-ого* в *-ога*, который не отражен в многочисленных памятниках. Между тем в связи с переходом *-ого* в *-ово* почти одновременно появляются формы на *-ова*. Кроме того, если бы действительно родительный падеж существительного влиял на родительный падеж прилагательного (*брата доброва*), то мы ожидали бы переход *тово* в *това*, чего нет в громадном большинстве русских говоров, за исключением некоторых сибирских, на которые указывает А. М. Селищев[95]. Влияние существительных на прилагательные в современном русском языке едва ли возможно: эти категории слов слишком далеко разошлись в своем развитии, и поэтому в современных русских говорах имеется очень мало фактов такого взаимодействия между ними. Более тесная связь наблюдается между некоторыми местоимениями и прилагательными, что обусловило и их взаимное влияние друг на друга, в частности появление форм местои-

[92] А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 298.

[93] Е. Ф. Карский. Русская диалектология. Л., 1924, стр. 60.

[94] А. М. Селищев Диалектологический очерк Сибири, вып. I. Иркутск, 1921, стр. 12, 31—32.

[95] Ср. *кова*, *тоjова*, *твоjова*, *своjова* — не ясно, где стоит в этих словах ударение (См. А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, стр. 102).

мений по аналогии с формами прилагательных *тый, тыи, тыих* и т. д.; эти формы отражаются уже в памятниках древнерусского языка.

Проф. Ф. Филин[96] появление *-ва* в род. падеже объясняет влиянием акающих говоров. Формы на *-ва*, по его мнению, возникли в среднерусской полосе и оттуда распространились на север. Это предположение нельзя признать правильным по следующим соображениям. Нам кажется совершенно невозможным, чтобы влияние акающих говоров проявилось в одной морфологической категории. Если бы влияние акающих говоров на северные окающие действительно имело место, то мы ожидали бы следы аканья и в других категориях слов, и в других фонетических позициях. Правда, говоры могли заимствовать лишь одну морфологическую категорию, однако в таком случае оказывается непонятным, почему из нескольких вариантов окончания род. падежа: *-ова* (*молодова*), *-ава* (*краснава*) — было заимствовано лишь одно окончание *-ова* (*молодова, краснова*), в то время как окончание *-ава*, которое произносилось во многих прилагательных в среднерусских говорах, не было заимствовано. Теория Ф. Филина опровергается и фактами древнерусских памятников. Окончание *-ова* появляется приблизительно в одно время с *-ово*. Так, почти одновременно это окончание появляется в начале XVI в. в новгородских памятниках, отражающих те говоры, в которых едва ли можно предполагать влияние со стороны говоров южных.

И, наконец, проф. П. Черных[97] образование форм на *-ва* связывает с влиянием род. падежа притяжательных прилагательных на *-ов, -ев* (*отцов, царев* — род. пад. *отцова, царева*) и местоимений *таков, каков* (род. пад. *такова́, какова́*). Что касается местоимений *таков, каков*, то их влияние на прилагательные едва ли имело место. Дело в том, что этим местоимениям свойственна система ударений, совершенно отличная от системы ударений членных прилагательных: ср. им. пад. ед. ч. муж. р. *тако́в*, жен. р. *такова́*, род. пад. муж. р. *такова́*, дат. пад. *такову́*, местн. пад. *в таковѣ́* и т. д. Это большое расхождение в системе ударений и не меньшее расхождение в системе окончаний (ср.: им. пад. *таков — доброй*, род. пад. *такова — доброва*, дат. *такову — доброму*, местн. *таковѣ — доброму*) могло способствовать тому, что эти слова воспринимались как особые образования: *доброй* как членное прилагательное, а *таков* (в отличие от *такой*) как местоимение с именными формами склонения. О том, что местоимения *таков, каков* воспринимались в качестве особых слов, говорит их дальнейшая судьба в истории русского языка: они перестали склоняться, как и именные прилагательные и причастия. Ввиду этих соображений нам кажется сомнительным предположение о влиянии форм род. пад. *таков-а, каков-а* на формы прилагательных *добр-ово, красн-ово*.

Вызывает сомнение также предположение о влиянии притяжательных прилагательных (род. пад. *отцова, царева*) на другие прилагательные (*доброво*). Непонятно, каким образом и почему происходило это влияние. Всякая грамматическая аналогия связана с выравниванием морфем (основ и окончаний). Например, под влиянием *плеска-ть* появляется *плеска-ю* вместо старого *плещу*, под влиянием *добр-ому* появляется *отцов-ому* вместо старого *отцов-у* и т. д. Но как происходило обобщение форм типа *отцов-а* и *добр-ово*, остается совершенно непонятным. Кроме того, наличие часто употребляющихся местоименных форм на *-во* (*моево, твоево, своево, ево, тово, ково* и т. д.) заставляет еще раз усомниться в возможности влияния притяжательных прилагательных на другие группы прилагательных.

[96] Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 299—300, примечание.

[97] П. Я. Черных. Язык Аввакума. „Сборник трудов Иркутского государственного университета", вып. XII, 1927, стр. 92.

Образование форм на *-ва* в севернорусских говорах до сих пор остается загадкой. Нам кажется, что возникли они фонетическим путем — в результате расширения узкого лабиализованного *о* в конечном открытом слоге: *-ово* > *-ово*^{ᵘ} > *-ова*. Но очень вероятно, что тут имел место процесс прогрессивной диссимиляции: два лабиализованных гласных в соседстве с губным согласным *в* расподоблялись (*-ово* > *-ова*).

О том, что *-ова* возникло именно таким путем, свидетельствуют следующие факты современной диалектологии. Как известно, окончание *-ова* господствует по преимуществу в восточной группе северновеликорусских говоров — в говорах Вологодской, Вятской, Пермской и других областей. Это явление нельзя не сопоставить со следующими особенностями этих говоров. Все северновеликорусские говоры в отношении судьбы старых типов *о—о̂* делятся на две группы: в западной части северновеликорусских говоров (в архангельской, олонецкой и новгородской группах) старые *о* под восходящим и под нисходящим ударением совпали в одном звуке; в восточной части севернорусских говоров, именно в говорах частей Тотемского, Кадниковского, Никольского и Грязовецкого уездов Вологодской губ., частей Кологривского, Ветлужского и Костромского уездов Костромской губ., в значительной части Вятской губ., а также в некоторых говорах Владимирской губ. (Судогодский уезд, с. Пустыши — см. описание Бубриха), имеются рефлексы *о* под восходящим ударением: в одних говорах на месте этого исконного *о* произносится звук *о* очень узкого образования, в других — звук, близкий к *у*, или дифтонг *ȣ̯о̯*[98]. На основании этого можно заключать, что в то время, когда образовывалось окончание *-ова*, в этих говорах в род. падеже слышалось в ударяемых окончаниях *-ово*, где ударяемое *о* было звуком более высокого образования, чем конечное *о*.

Кроме того, многим этим говорам свойственен другой, не менее характерный факт. В говорах Вологодской губ. и принадлежащих к этой группе говорах Архангельской, Олонецкой и Новгородской губ. звук *в* в конце слова перешел в *у* неслоговое (*кроу, домоу, прауда*), а в начале слова перед согласным — в *у* слоговое (*унук, удова*), хотя в говорах Костромской и Вятской губ. эта особенность отсутствует[99]. Это свидетельствует о том, что в говорах восточной группы раньше произносилось билабиальное *в* (*ʍ*) или *у* неслоговое (*u̯*), близкое по артикуляции к *ʍ*[100].

Поэтому можно предполагать, что к моменту образования окончания *-ова* в этих говорах произносили под ударением *-ᵘо̯ʍо* (*-о̂ʍо*, *-о̯о̂о*), а в безударном положении *-ʍо* (*-о̯о*). Скопление чисто губных звуков: сильно лабиализованного *о*, билабиального *ʍ* (или *u̯*) и конечного *о* — могло повести к расподоблению этих звуков: один из них, именно конечный звук *о*, утрачивал лабиализацию.

Таким образом, сопоставление фонетических особенностей разных севернорусских говоров свидетельствует о том, что окончание *-ова* возникло из *-ово* фонетическим путем. Морфологическое объяснение происхождения окончания *-ова* не дает ответа на вопрос, почему это окончание господствует в восточной части севернорусских говоров и отсутствует в западной части — в говорах Архангельской, Олонецкой и Новгородской групп.

---

[98] Об этом см.: Н. Н. Дурново, Н. И. Соколов и Д. Н. Ушаков. Указ. соч., стр. 23; Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 18.

[99] См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Указ. соч., стр. 24; Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 78.

[100] См. В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. „Тр. Ин-та русского языка АН СССР", т. II. М.—Л., 1950, стр. 167 и сл.

В большинстве севернорусских говоров лабиализацию утрачивало конечное *о*. В некоторых говорах процесс шел иным путем: лабиализацию утрачивало первое *о*. Так, нам кажется, объясняются формы на *-аво* в некоторых новгородских говорах Белозерского у., где едва ли можно предполагать редукцию в заударном слоге или влияние акающих говоров. При образовании севернорусских форм род. пад. на *-ова* и *-аво* имел место тот же процесс, что и при образовании некоторых южнорусских форм, именно форм вин. падежа жен. рода прилагательных: *молодуjу* > *молодуjа*, *краснуjу* > *краснаjу*; образование этих форм некоторые ученые связывают с процессами диссимиляции[101].

Обычно в говорах то или иное окончание (*-го* или *-во*) представлено и в прилагательных, и в местоимениях. Но есть говоры, в которых прилагательные и местоимения имеют в конце слова различные элементы. Так, в некоторых говорах при обычном *-во́* прилагательных произносится *-го́* (наряду с *-во*|*-ва*) в местоимениях. Сюда относятся говоры Городищенского у. Пензенской губ., Ржевского у. Тверской губ., Скопинского у. Рязанской губ., Козельского у. Калужской губ., Ливинского у. Орловской губ., Царевококшайского у. Казанской губ., Судогодского у. Владимирской губ. и др. В некоторых говорах при обычном *в* в прилагательных встречаются формы местоимений с пропуском интервокального согласного в окончании (*доброво*, но *тоо*), например, в некоторых рязанских говорах. Это, возможно, свидетельствует о том, что окончание *-го* в местоимениях и прилагательных изменялось в различное время. Возможно, звук *г* сохранялся в местоимениях потому, что он находился перед ударяемой гласной и потому был более устойчив. Но в то же время в определенных контекстах местоимение могло сильно сокращаться, превращаться в энклитику, и тогда возникали формы с пропуском интервокального согласного, а потом со стяжением двух гласных: ср. касимовские формы (Будде) *у кого́*, *у ко́*. Однако мы не располагаем достаточным количеством фактов для суждения об этих формах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ASPh	— Archiv für slavische Philologie, Berlin.
Аванесов. Водл.	— Р. И. Аванесов. Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле. „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. II. М.—Л., 1949.
Аванесов. Мещера.	— Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии Рязанской Мещеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры. „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I. М.—Л., 1949.
Благовещенский	— В. Благовещенский. Черты народного говора в Тульском и Крапивенском уездах Тульской губернии. — РФВ, т. X. Варшава, 1883.
Богородицкий. Говор д. Белой.	— В. А. Богородицкий. Говор деревни Белой Казанской губ. — РФВ, т. 71, кн. 1, 1914.
Брок. Мосальск.	— О. Брок. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
Бубрих. Пустоши.	— В. Д. Бубрих. Фонетические особенности села Пустошей Ягодинской вол., Судогодского у., Владимирской губ. — ИОРЯС, т. XVIII, кн. 4, 1913.
Будде. Казанск.	— Е. Ф. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии. — РФВ, т. XXXII, № 3, 1894.
Будде. Касим.	— Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии, Казань, 1896.
Будде. Тул. Орл.	— Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Сб. ОРЯС, 76, № 3. СПб., 1904.

[101] Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 217.

Будде. Скопинск. — Е. Ф. Будде. Материалы по русской диалектологии. Образцы народного говора Скопинского уезда Рязанской губернии. Этнографическое обозрение, 1894, № II.

Бюлл. — „Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка Академии Наук", вып. 1. М.—Л., 1947; вып. 2, 1947; вып. 3, 1948; вып. 4, 1948; вып. 5, 1949; вып. 6, 1949.

Голанов. Заметка. — И. Г. Голанов. Заметка о говоре некоторых селений Брянского у. Орловской губ. „Труды Московской диалектологической комиссии", вып. 3. Варшава, 1914.

Грандилевский. — А. Грандилевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Сб. ОРЯС, 83, № 5. СПб., 1907.

Гринкова. Калуж. — Н. П. Гринкова. Заметки о калужских говорах. „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I. М.—Л., 1949.

Гринкова. Коротоякск. — Н. П. Гринкова. О русских говорах б. Коротоякского уезда Воронежской губ. „Известия по русскому языку", т. III. Л., 1930.

Денисевич. — Г. В. Денисевич. О работах по диалектологии Курского гос. пед. института. „Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка Академии Наук", вып. 1. М.—Л., 1947.

Дмитриев. — С. И. Дмитриев. Говор деревни Новый Бузец Дмитровского уезда Курской губернии. „Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка Академии наук", вып. 1. М.—Л., 1947.

Добр. Жиздр. — В. Н. Добровольский. Образцы говора Жиздринского уезда Калужской губ. „Живая старина", VIII, 3, 4, 1898.

Добр. Палех. — В. Н. Добровольский. Рассказы о жизни Палех Жиздринского Полесья. „Живая старина", IX, 1, 1899.

Добр. Свадебн. обряд — В. Н. Добровольский. Свадебный обряд в Калужской губернии (Мосальского уезда, сс. Сильковичи, Пятницкое, Жередево и Спас-Деменск). „Живая старина", XII, 2, отд. II, 1902.

Добровольский. Смол. этн. сб. — В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. I. СПб., 1891; ч. II. СПб., 1893.

Дурново. Шацк. — Н. Н. Дурново. Заметка о говоре Шацкого уезда Тамбовской губ. ИОРЯС, т. V, кн. 3, 1900.

Ж. Ст. — „Журнал „Живая Старина".

ИОРЯС — „Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук".

Кашин. — Н. П. Кашин. Заметка о говорах Владимирской губернии. „Труды Московской диалектологической комиссии", вып. 1. Варшава, 1908.

Кузнецов. — П. С. Кузнецов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I. М.—Л., 1949.

Мансикка. — В. В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. ИОРЯС, т. XVII, кн. 2, 1912.

Мат. — „Материалы для изучения великорусских говоров", вып. I—XI.
вып. I — ИОРЯС, т. I, кн. 2; 1896;
„ II — ИОРЯС, т. I, кн. 3; 1896;
„ III — ИОРЯС, т. I, кн. 4; 1896;
„ IV — ИОРЯС, т. II, кн. 1; 1897;
„ V — ИОРЯС, т. III, кн. 1; 1898;
„ VI — ИОРЯС, т. IV, кн. 1; 1899;
„ VII — ИОРЯС, т. V, кн. 2; 1900;
„ VIII — Сб. ОРЯС, 73, вып. 5; 1903;
„ IX — Сб. ОРЯС, 87, вып. 5; 1910;
„ X — Сб. ОРЯС, 99, вып. 2; 1923;
„ XI — Сб. ОРЯС, 99, вып. 3; 1923.

Мат. и иссл. — „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I—III. М.—Л., 1949.

Машкин. Песни. — А. С. Машкин. Песни, собранные в городе Обояни и его уезде. „Курский сборник", вып. 3, 1902.

Машкин. Мат. — А. С. Машкин. Материалы по этнографии Курской губернии. Подготов. к печати В. И. Рязановой, „Курский сборник", в. 4, Курск, 1903.

Никольский. Жиздр. — А. А. Никольский. Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губ. — РФВ, т. 45, 46, 1901, 47, 1902, 49, 1903.

Орлова. — В. Г. Орлова. О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I. М.—Л., 1949.

Петровская. — Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матырь Зарайского уезда. Сб. ОРЯС, т. 99, № 6, 1922.

Покровский. — Ф. Покровский. Образцы народного говора Нижегородской губ. „Живая старина", XX, I, 1911.

Попов. — М. Попов. Народные песни, записанные в с. Проточном Новооскольского уезда Курской губ. — РФВ, т. 12, кн. 1, 1884.

Пруссак. — А. В. Пруссак. О говорах Брянского и Ливенского уездов (Орловской области). Сб. ОРЯС, т. 99, № 2, 1923.

Прядкин. — С. П. Прядкин. Краткий очерк говора села Сергеевки Бобровского у. Воронежской губ. „Воронежский юбилейный сборник", I, 1886.

Путинцев. — А. Путинцев. О говоре местности „Хворостань" Воронежской губ. „Живая старина", XV, 1, 1906.

Резанов. Обоянск. — В. И. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губ. — РФВ, т. 38, кн. 3—4, 1897.

РФВ. — Русский филологический вестник.

Светлов. — Я. Светлов. О говоре жителей Каргопольского края. „Живая старина", II, 3, 1892.

Селищев. Ливенск. — А. М. Селищев. Заметки по русской диалектологии. 1. К изучению типов яканья. „Slavia", VI, 2, 3, 1927.

Сидоров. Ряз. Мещера — В. Н. Сидоров. Наблюдения над языком одного из говоров Рязанской Мещеры. „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I. М.—Л., 1949.

Соболевский. Рус. диал. — А. И. Соболевский. Очерк русской диалектологии. „Живая старина", II, 1, 1892.

ТДК. — „Труды Московской диалектологической комиссии", вып. 1, Варшава, 1908; вып. 2, 1910; вып. 3, 1914; вып. 10. („Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка"), Л., 1928; вып. 11 („Труды Комиссии по диалектологии русского языка") Л., 1930; вып. 12 („Труды Комиссии по диалектологии русского языка") Л., 1931.

Тиханов. — П. Н. Тиханов. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии. Сб. ОРЯС, т. 76, № 4, СПб., 1904.

Тоньшин. ТДК, 3 — „Свод материалов, собранных Комиссией". Серия 2-ая. Южновеликорусские говоры, № 7 (Ответ Ф. М. Тоньшина).

Тростянский. К изучению. — В. И. Тростянский. К изучению местных говоров в Воронежской губ. Сб. ОРЯС, 95, № 2, СПб., 1916.

Тростянский. Эти. мат. — В. И. Тростянский. Этнографические материалы, собранные в Задонском уезде Воронежской губ. по поручению Имп. Акад. наук. Сб. ОРЯС, 95, № 1. СПб., 1916.

Халанский. Курск. — М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. Сб. ОРЯС, 76, № 5. СПб., 1904.

Халанский. Свед. и зам. — М. Г. Халанский. Сведения и заметки о говорах русского языка. (О некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского у. Курской губ.). РФВ, т. 16. Варшава, 1886.

Черных. Южнорусск. — П. Я. Черных. К фонетике южнорусских говоров. „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I. М.—Л., 1949.

Чернышев. Боровск. — В. И. Чернышев. Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по старому Московскому тракту. ИОРЯС, XIII, кн. 1, 3, 1938.

Чернышев. Мещовск. — В. И. Чернышев. Материалы для изучения говора и быта Мещовского уезда. — Сб. ОРЯС, 70, № 7. СПб., 1901.

Чернышев. Юр.Суздал. Влад. — В. И. Чернышев. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов. Сб. ОРЯС, 71, № 5. СПб., 1902.

Шахматов. Лека. — А. А. Шахматов. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. ИОРЯС, т. XVIII, кн. 4, 1913.

Шахматов. Фольклорн. записи — „Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье", Петрозаводск, 1948.

Н. В. ЧУРМАЕВА

К ИСТОРИИ УТРАТЫ РОДОВЫХ РАЗЛИЧИЙ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ У СЛОВ, ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ ПО РОДАМ (УТРАТА ФОРМЫ СРЕДНЕГО РОДА)

К словам, изменяющимся по родам, в русском языке относятся неличные местоимения, прилагательные, причастия, формы прошедшего времени глаголов (в прошлом причастия на *-лъ*) и числительные. В отличие от имен существительных, имеющих свой постоянный — для данного времени и данного говора — грамматический род, эти слова принимают род того имени, к которому они относятся в предложении. Форма слов, изменяющихся по родам, является, таким образом, показателем принадлежности имени существительного к тому или иному роду.

В современном русском языке неличные местоимения, прилагательные, причастия и формы прошедшего времени глаголов не имеют родовых различий во множественном числе. Род имен существительных во множественном числе определяется по соотнесенности с единственным числом. Слова pluralia tantum вообще не имеют грамматического рода.

У слов, изменяющихся по родам, в родительном, дательном, творительном и предложном падежах множественного числа одинаковые формы для всех трех родов существовали издавна. Этого тождества не было в им. и вин. падежах: *ти, вси, мои, добрии, синии, трiи, четыре* — им. падеж мн. число муж. рода; *ты, всѣ, моѣ, добрыѣ, синѣѣ, три, четыри* — вин. падеж мн. числа муж. рода; *ты, всѣ, моѣ, добрыѣ, синѣѣ, три, четыри* — им. и вин. падежи мн. числа жен. рода; *та, вся, моя, добраѧ, синяѧ, три, четыре* — им. и вин. падежи мн. числа ср. рода. Утрата родовых различий в именительном и винительном падежах множественного числа у слов, изменяющихся по родам, произошла в эпоху, засвидетельствованную памятниками письменности. Выразилась она в том, что при определяемых всех родов стали употребляться одни и те же формы. Это были или старые формы: *мои, они, ходили* (им. падеж муж. рода), *всѣ, сыты, добрыѣ* (вин. падеж муж. рода и им.-вин. падеж жен. рода), *три* (вин. падеж муж. рода, им. и вин. падеж жен. и ср. рода), *четыре* (им. падеж муж. рода и им. и вин. падеж ср. рода), ставшие теперь общими для всех родов, или новые, ранее не употреблявшиеся: *тѣ, синиѣ*[1].

Нельзя сказать, что вопрос об утрате родовых различий не разработан в научной литературе. Этого не могло случиться уже потому, что интересующий нас процесс внес большое изменение в грамматиче-

[1] В говорах могли обобщиться другие формы.

скую структуру русского языка. Все авторы известных курсов по истории русского языка говорят об утрате различий во множественном числе в склонении местоимений и прилагательных. Ценные замечания по этому вопросу имеются в исследованиях по языку отдельных памятников и в других работах, например, А. А. Шахматова[2], П. Г. Стрелкова[3], Б. О. Унбегауна[4]. Но некоторые стороны этого вопроса остаются не изученными, поскольку работ, специально посвященных утрате родовых различий во множественном числе, нет.

Утрата родовых различий во множественном числе у слов, изменяющихся по родам, включает в себя, говоря условно, два процесса: утрату различий между формами мужского и женского рода и вытеснение старой формы среднего рода. Исследователи обращали внимание в основном на первую сторону, она представлена в литературе большим материалом из древних памятников[5]. Иначе обстоит дело с изучением утраты формы среднего рода. Примеры, приводимые для иллюстрации этого явления, малочисленны и случайны. Кроме того, в литературе по этому вопросу нигде отчетливо не сказано, что средний род значительно позднее включается в процесс утраты различий в формах слов, изменяющихся по родам. Формы *тѣ*, *мои*, *добрыѣ* (*-ыи*), *пришли* при именах существительных среднего рода начинают встречаться в памятниках письменности полвека спустя после того, как эти формы утвердились при именах существительных мужского и женского рода.

Вопросу утраты формы среднего рода в именительном-винительном падежах множественного числа у слов, изменяющихся по родам, и посвящена данная статья. Здесь рассмотрена утрата форм на *-а*, *-ая* у неличных местоимений, прилагательных, причастий, порядковых числительных и форм прошедшего времени глаголов. Числительные *три* и *четыре* не рассматриваются, так как, во-первых, материал по ним очень мал и почти весь относится к позднему времени, и, во-вторых, у числительных *три* и *четыре* не было особой формы среднего рода, как у других категорий слов, изменяющихся по родам. Работа велась на материале письменных памятников XI—XV вв. с привлечением памятников более поздних (XVI—XVII вв.). Чтобы не перегружать статью, приводятся, в основном, примеры из грамот.

Древнейшие случаи смешения форм именительного и винительного падежей множественного числа у слов, изменяющихся по родам, при именах существительных мужского и женского рода отмечены в памятниках XI — начала XIII вв.: мы же пакы въ твоѥ имѧ *сѣбраны* [вм. сѣбрани] (Житие Феод. Печ., л. 30 об.)[6]; *неислѣдованыя неизмѣрныя* [вм. неислѣдовании неизмѣрнии] чины раставлени быша (Житие Нифонта, 1219 г., л. 113)[7]; хвалы всякоя чистоты исполнені [вм. исполнены] (там же, л. 122) и др.

---

[2] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. В кн.: „Исследования по русскому языку", т. I. СПб., ОРЯС, 1885—1895, стр. 131—285; А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.

[3] П. Г. Стрелков. О языке семи древнейших завещаний Московских великих князей XIV в. Сб. Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском ун-те, в. 2. Пермь, 1927, стр. 107—124.

[4] B. Unbegaun. La langue russe au XVI-e siècle (1500—1550). Paris, 1935.

[5] См., например: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907. — Правда, интересующие нас примеры он рассматривает в плане смешения именительного и винительного падежей множественного числа мужского рода.

[6] Список использованных материалов и принятых сокращений приведен в конце статьи.

[7] Этот и следующий примеры взяты из работы А. И. Соболевского „Лекции по истории русского языка" (М., 1907, стр. 194).

В памятниках второй половины XIII в. таких случаев встречается довольно много.

Грамоты XIV века дают картину полного неразличения форм именительного и винительного падежей множественного числа местоимений и прилагательных при именах мужского и женского рода: А к ... живеть в новоторьськом уѣ ... ѣ у сто спса а *тѣ* [муж. р.] потѫ... т торжьку (Новг. гр. № 14, 1317 г.)[8]; На *тѣ* [жен. р.] ти грамоты... не наступатиѧ (Новг. гр. № 6, 1305—1308 гг.); ми люди *тѣ надобны* [муж. р.] (ААЭ, 1328—1340 гг.); А что головы поимано... а *тѣ* [жен. р.] поидоу к новоугородоу (Новг. гр. № 12, 1314 г.); Кто *мои* [вин. пад. муж. р.] недругы мнѣ выдалъ (там же); на *свои* [жен. р.][9] роукы. (Дух. Климента); А пожнѣ что *твои* [жен. р.] и твоихъ моужь пошло то твоѥ (Новг. гр. № 6, 1305—1308 гг.); А *которыи*[10] люди .... *выиманы* [муж. р.] (Дух. и дог. гр., ок. 1350—51 гг.); тако же мои тивуни и *посельскиѥ* [муж. р.] (там же, 1353 г.) и т. д.

Местоимения и прилагательные при именах среднего рода в памятниках XII—XIII вв. употребляются только со старой флексией *-а, -ая*. Не отмечено новых форм при существительных среднего рода в I Новгородской летописи по Синодальному списку XIII—XIV вв.: отпоусти емоу всѧ прегрешениѧ *вольнаѧ* и *невольнаѧ* (л. 49); и панекадѣла и свѣтилна сребрьнаѧ (л. 70 об.); а иніи *мьртваѧ* мѧ° ... ѣдѧхоу (л. 113 об.); воюѧ села *новгородьскаѧ* (л. 128); села *великаѧ* пожгоша (л. 156 об.); пограбиша *чюжаѧ* имѣни^ѧ (л. 157) и т. д. Только старые формы отмечены нами в таких памятниках, как Русская Правда по Новгородской Кормчей 1282 г., Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Синод. собр. 836), Сборник конца XIV в. (Собр. Тр.-Серг. лавры, № 13), Златая цепь конца XIV в. (Собр. то же, № 11) и др.

Правда, в Галичском евангелии 1144 г. встретился пример с формой *моѣ* при существительном среднего рода: въложи въ ребра *моѣ* (Иоанн, XX, 27). Однако считать его свидетельством начавшейся утраты среднего рода не возможно: утрата формы среднего рода начинается значительно позднее середины XII в., причем везде в памятниках она уступает место форме *мои* [старая форма им. пад. мн. ч. муж. р.][11].

В грамотах XII—XIII вв. примеров именительного и винительного падежей множественного числа прилагательных с существительными среднего рода не встретилось вообще. Только во Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю отмечен один пример, причем со старой формой: Се вѣдале варламе... землю и огородъ и ловища *рыбьнаѧ* и *гогольнаѧ*. Грамота относится к самому концу XII в. или даже к началу XIII в.[12].

Первым случаем употребления формы именительного и винительного падежей множественного числа мужского-женского рода при существительном среднего рода можно считать пример из „Повести

---

[8] Текст грамоты испорчен, однако интересующая нас форма сомнений не вызывает.

[9] Рассматриваем *свои* как форму множественного числа, поскольку существительное имеет форму множественного числа.

[10] Мы не останавливаемся здесь на происхождении форм на *-ыи*. В данном случае важен тот факт, что формы на *-ыи* употреблялись при существительных как мужского, так и женского, а позднее и среднего (см. ниже) рода.

[11] Исключением является пример из Московского летописного свода конца XV в.: холопи его кони Мьстиславли покрадоша въ стадѣ и пятна на них *своѥ* въсклали (л. 95). См. в Тверской летописи: холопи ихъ кони его покрадоша и пятна *свои* вьск(ла)доша (стр. 239—6676 г.).

[12] П. Я. Черных считает, что грамота написана Варлаамом перед смертью, около 1211 г. (см. П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 53).

временных лет" по Лаврентьевскому списку: подражаху же *мои* обличеньи (л. 18 об. — 6493 г.). Другой пример с новой формой при существительном среднего рода — из Духовной Ивана Калиты [13]: А се даю ... 2 селѣ *коломенскии*. Прилагательное здесь стоит не в двойственном числе, а имеет форму множественного числа, но не среднего, а мужского-женского рода [14]. Остальные прилагательные при именах среднего рода в этой грамоте имеют старое окончание среднего рода: далъ есмь кму 3 блюда *серьбрьна*; дал... блюдо серебрьно, а 2 *малаи*; даю ... села *своѥ купленаѥ*.

Только в грамотах второй половины XIV в. новые формы при существительных среднего рода начинают встречаться сравнительно часто: А по ее животѣ *тѣ* села сну (Дух. и дог. гр., ок. 1358 г. 2 экз.); *тѣ* села и починки сну (там же, ок. 1375 г.) В винительном падеже два раза встретилась старая форма именительного и винительного падежей множественного числа женского рода и винительного падежа мужского рода: в *ты* села нам... не въступатисѧ (там же, 1375 г.); а в *ты* села тобѣ сѧ не въступати, а имъ не надобѣ, *тѣ* [им. пад.!] села мнѣ (там же); С тѣми селы, *которыѣ тягли* къ Костромѣ (там же, 1389 г.); А что села отца нашего митрополичи *церковныи, которыи даваны* (ААЭ, 1359 или 1404 гг.); А что села *пошлые монастырскіи* (там же); Рыболове мои... не въѣзжаютъ въ *монастырскіе* озера (там же, 1391 г.); во *всякіе* угодья (там же, 1393 г.).

Однако старые формы среднего рода в грамотах этого периода встречаются все еще значительно чаще, чем новые. Вероятно, не был свободен от форм на *-а, -ая* и живой язык XIV в.: А что сѧ мнѣ достали [!] мѣста *Рязаньскаѧ* (Дух. и дог. гр., ок. 1358 г.); а *инаѧ* мѣста *Рязаньскаѧ отмѣньнаѧ* сыномъ моимъ (там же); а *котораѧ* села *покуплена* при кнѧзи (Новг. гр. № 16, 1368—1371 гг.); или *которыѧ* будуть села отца моего ... или *моѧ* села *купленаѧ*... тѣ [!] села... сыну (Дух. и дог. гр., ок. 1375 г.); и *инаѧ* мѣста *Рязанскаѧ*, котораѧ ни будутъ ... то к Москвѣ (там же, 1382 г.); *та* мѣста к Рязани (там же, 1382 г., сп. конца XV в.); *та* мѣста кнзю [2 раза] (там же); кнзю... *та* мѣста (там же); А *которыѧ* дѣла оучинѧтсѧ (там же, 1389 г.); А *котораѧ* [им. пад.] дѣла оучинѧтьсѧ (там же, 1390 г.); А что кнѧзь... *которыѧ* будетъ мѣста пограбил (там же, 1371 г.); в *та* мѣста (там же, ок. 1374—1375 гг.); А что *Татарскаѧ* мѣста Wтоимал кнѧзь [2 раза] (там же, 1382 г., сп. конца XV в.); *та* мѣста вѣдаетъ кнѧгинѧ (там же, 1389 г.); А по *которыѧ* мѣста ... волостели судили (там же, 1389 г.); волостели судѧтъ по *та* же мѣста (там же); отъступил ти сѧ треть Москвы... и *инаѧ* мѣста, и *отъѣзднаѧ* мѣста (там же, 1390 г.); А наиду собѣ ... *инаѧ* мѣста (там же); *отъѣзднаѧ* [вин. пад.] мѣста (там же).

Отметим, что в грамотах второй половины XIV в. при именах мужского и женского рода в именительном и винительном падежах множественного числа употребляются формы *тѣ, мои, добрыѣ* (*-ыи*) и т. д. Нам встретился лишь один пример из грамоты 1375 г. со старой формой именительного падежа множественного числа мужского рода: А кнѧзи *велиции крстьѧнъстии* и Wрославъстии с нами один чловкъ (Дух. и дог. гр., 1375 г.).

---

[13] См. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 7—9.

[14] Если только здесь не сказалось влияние двойственного числа среднего рода мягкой разновидности. Ср.: далъ есмь ... 2 блюдци *меньшии* (Духовная Ивана Калиты).

В XV в. при существительных среднего рода обычными становятся формы мужского-женского рода: *тѣ, всѣ, добрыѣ* (*-ыи*): *тѣ* села *всѣ* книгнѣ моеи (Дух. и дог. гр., ок. 1401—1402 гг., сп. XV в.); и *тѣ* дшогубства потѧнут к Луже (там же); А что села *кнѧгининские пошлые* то ее и есть (там же, 1406 г.); А *которые*, гне, дѣла учинѧтсѧ (там же, 1433 г.); и *тѣ*... мѣста *всѣ* вотчина твоѧ (там же, 1447 г., сп. конца XV в.); А *которыи* места *потѧгли* будуть ко Тьферы (там же, 1449 г.); и въ дхвноѧ отца нашего *тѣ* села *написаны* (там же, 1473 г. л. 1, правл. сп.) и т. д. Но формы среднего рода все еще встречаются в языке грамот: *инаѧ* мѣста *Рѧзанскаѧ*, *котораѧ* ни будет (Дух. и дог. гр., 1402 г., сп. XV в.); А что будет отнѧл оць твои .... Татарьскиѧ [!] места..., а *та* тобѣ и есть (там же); А что *Мещерскаѧ* мѣста (там же); *та* мѣста к Рѧзани (там же, 1402 г., сп. XV в.); *та* мѣста тобѣ и есть (там же, 1434 г.); *та* мѣста мнѣ (там же); и *та* мѣста к Резани (там же, 1447 г., сп. конца XV в.); *та* [им. пад.] мѣста мнѣ (там же); В *та* мѣста в *Татарьскаѧ* и *Мордовскаѧ* (там же, ок. 1401—1402 г., сп. XV в.); в *та* места (там же, 1402 г., сп. XV в.); оць твои ... воевал Коломну ... и *инаѧ* мѣста (там же); отоимал мѣста *Татарьскаѧ* и *Мордовскаѧ* [2 раза] (там же, 1434 г.); по *та* мѣста (там же, 1445 г.); во *всѧ Новгородьскаѧ* и во *Пъсковскаѧ* места (там же, 1449 г.); и ты ... *церковная* дѣла, и *игуменьская вся* оправданіѧ и *духовная* дѣла ... и *монастырьская вся* [вин. пад.] управливай (Арх. С., 1448 г.) и т. д. Даже во второй половине XV в. старые формы имеют место: во *всѧ Новогородскаѧ* мѣста (Дух. и дог. гр., 1481 г.); А что *Мещерскаѧ* мѣста (там же, 1483 г.); *та* мѣста нам (там же, 1483 г. а и б, сп. конца XV в.); в *та* мѣста (там же); во *вьсѧ Смоленъскаѧ* места (там же, ок. 1483 г.); во *всѧ Новгородскаѧ* и во *Псковскаѧ* мѣста (там же, 1486 г.); и во *всѧ Тферскаѧ* и в *Кашинскаѧ* мѣста (там же) и т. д. Старые и новые формы при именах среднего рода встречаются не только в одной и той же грамоте, но и в одной фразе, буквально рядом. Например: дѣд мои ... отоимал мѣста *Татарскіе* и *Мордовскаа* (там же, 1447 г.); А мѣста *порубежнаѧ*, *котории* будуть ... потѧгли ... (там же, 1449 г.); А мѣста *порубежнаѧ которые* ... (там же, ок. 1483 г.) и т. д. Второй из приведенных примеров интересен еще и тем, что при имени существительном среднего рода стоит форма старого именительного падежа множественного числа мужского рода *котории*, почти исчезнувшая из языка грамот этого периода.

Можно отметить любопытное распределение старых и новых форм прилагательных и местоимений при существительных среднего рода в грамотах XIV в. Новые формы *тѣ, всѣ, которыѣ* (*-ыи*) раньше появляются при существительных с безударным окончанием: тѣ *сéла*; в ты *сéла*; тѣ *сéла* всѣ; с тѣми *сéлы*, которыѣ тѧгли; *сéла* ... церковныи, которыи даваны; *сéла* пошлые манастырскіи; въ монастырскіе *озéра*; во всякіе *угóдья* и т. д. Прилагательные (в широком смысле) со старой формой, как правило, отмечены при определяемых среднего рода с ударением на конце: та *мѣстá*, по та же *мѣстá*; а инаѧ *мѣстá* Рѧзаньскаѧ отмѣньнаѧ; А котораѧ *дѣлá* и т. д. Можно сравнить приведенные выше примеры с формами местоимения *тъ* при существительных с ударением на основе и с ударением на окончании. Формы *ты* и *тѣ* в грамотах XIV в. отмечены только со словом *село* (ты сéла, тѣ сéла) форма *та* — в выражении *та мѣстá*. Пример *тѣ сéла* первый раз отмечен в грамоте ок. 1375 г., пример *тѣ мѣстá* — в грамоте 1447 г. Сочетание *та мѣстá* отмечено в грамотах конца XV в., когда примеры с *та сéла* уже совершенно исчезают. В московских грамотах XV в. встретился 51 пример со старой формой прилагательного при существительных

среднего рода, и во всех этих примерах существительные имеют ударение на конце. По-видимому, форма имени существительного в определенном смысле подчиняла себе форму зависимого слова, и при именах с ударенным *-á* (мѣстá, дѣлá) дольше сохранялась старая форма среднего рода у местоимений и прилагательных [15].

Были ли формы на *-а, -ая* в именительном и винительном падежах множественного числа у слов, изменяющихся по родам, при именах среднего рода в живом языке XV в.? Можно допустить, что в первой половине XV в. формы на *-а, -ая* еще были в употреблении, тогда как подобные примеры в грамотах позднее середины XV в. следует, по-видимому, объяснить письменной традицией (см. примеры с окончанием *-аа*, которого не могло быть в живом языке). Старое окончание среднего рода встречается даже в грамотах XVI в., не говоря уже о летописях и других памятниках. Например, в грамоте 1504 г. (Дух. и дог. гр.): По *каа* мѣста колье бито [2 раза] л. 4; А по *котораа* мѣста дал есми... дворы [2 раза] л. 4; По *котораа* мѣста дал есми... ту слободку [2 раза] л. 4; По *каа* мѣста писал... писецъ наш [2 раза] л. 5, л. 6 (ср. в той же грамоте: *Озеретцкіе* села, *Розсудовские* села, в села в *Московскіе*, даю... *иные* мѣста, *пустые мои* мѣста, *которые* села). Н. Н. Дурново приводит пример со старой формой среднего рода из грамоты 1517 г.: По *которая* мѣста [16].

Выше было сказано, что утрата различий между мужским и женским родами в именительном и винительном падежах множественного числа началась в XIII в. (может быть, даже в конце XII в.) и к середине XIV в. закончилась утверждением общих форм для обоих родов.

Значительно позднее началась утрата старой формы среднего рода. Помимо примеров, помещенных выше, приведем сводную таблицу старых и новых форм местоимения *тъ* в именительном и винительном падежах множественного числа при определяемых всех трех родов.

Век, к которому относятся грамоты	Мужской род						Женский род			Средний род			
	ти		*ты*		*тѣ*		*ты*	*ти*	*тѣ*	*та*	*ты*	*ти*	*тѣ*
	им.	вин.	им.	вин.	им.	вин.							
XIII в.							3						
XIV в.					17	2			10	7	2		3
XV в. (моск. и новг.)			1		22	13	1		28	16	2		43

О более позднем исчезновении формы именительного и винительного падежей среднего рода по сравнению с формой именительного падежа множественного числа мужского рода местоименных прилагательных говорят такие данные:

Памятники	Мужской род		Средний род	
	-ии	*-ыѣ, -ыи*	*-ая*	*-ыѣ, -ыи*
Лаврентьевская лет. . .	64	22	18	—
Московский лет. свод. .	110	52	78	20

[15] Известно, что формы именительного и винительного падежей множественного числа на *-ы* от имен существительных среднего рода раньше появляются у существительных с безударным окончанием.

[16] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 297.

Сравните также количество старых и новых форм именительного и винительного падежей множественного числа притяжательных местоимений при существительных разных родов в Московском летописном своде конца XV в.

Муж. род, вин. пад.		Жен. род, им. и вин. пад.		Сред. род, им. и вин. пад.	
моѣ	*мои*	*моѣ*	*мои*	*моя*	*мои*
59	30	11	13	13	— 1 раз „своѣ“

Употребление старых форм среднего рода местоимений и прилагательных в памятниках XVI в. и позднейших веков объясняется традицией, с одной стороны, и использованием их в интересах стилизации — с другой. Протопоп Аввакум, например, употребляет их только в евангельских изречениях, описаниях деяний бога и святых, вообще в рассуждениях религиозного характера: *Злая* дела творяще (I, стр. 145); За *древлецерковная благочестная* предания (II, стр. 199); Кознования *еретическая* (II, стр. 209—210); На *предыдущая* лета (III, стр. 293); Вы забрала *церковная* и стражи дома господня (III, стр. 318); Возглаголи благая в сердца *наша* (II, стр. 245); Братия и чада *моя* о господе (II, стр. 257—258); Помышляю *моя* деяния (III, стр. 291); Имут сердца *своя* к супружеству (III, стр. 312); О, светила *великая*... и чада *ваша* (III, стр. 318); Телеса *наша* мечи сцеците (III, стр. 318); И подымут *своя* телеса страшно и дивно (III, стр. 340); А словеса *моя* не имут прейти (III, стр. 325); И сожегши *своя* телеса (III, стр. 335); Отпусти ми согрешения *моя* (III, стр. 359); и т. д. Связь этих примеров с церковными писаниями несомненна, так что наличие старых форм здесь является мотивированным, исключая, может быть, один пример: Не сладко и нам, егда ребра *наша* ломают (III, стр. 281). Впрочем, и здесь элемент разговорный соединен с церковно-книжным, что вообще характерно для Аввакума. Повествуя же о мирских делах, автор употребляет только новые формы: Слова *милостивые* говорил (I, стр. 114); И показали-де многие *красные* жилища (I, стр. 152); Тако же и у ног бедры *толстые* (II, стр. 210); Ел я... и *мертвыя* мяса *зверины* (III, стр. 283).

В книге „Учение и хитрость ратного строения пехотных людей“ (1647 г.) обычными окончаниями прилагательных при именах среднего рода являются *-ыя*, *-ые*. Но встречаются и старые формы: во *многая* лѣта, *ратная* оученія, *такая мужественная* дѣла, на *прежняя* мѣста, на *своя прежняя* мѣста, *добрая красовитая* ополченія и т. д.[17].

В сочинении Гр. Котошихина отмечен один пример со старой формой, где последняя стилистически оправдана: Царствова же той царь... *немногa* лѣта, преставися (стр. 2). Примеров же с формой на *-ые* встретилось 117.

Процесс утраты различий между мужским и женским родом в формах именительного и винительного падежей множественного числа зависимых слов сопровождался колебаниями старых родовых форм, их смешением. Например, в ранних памятниках: Въспущая хвалы всякоя чистоты *исполнені* (Житие Нифонта 1219 г., л. 122); Дьяконисы *истязані* будуть (Кормчая 1284 г., л. 59); Сущии въ ніхъ дьяконисы *при-*

[17] См. Chr. S. Stang. La langue du livre. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей 1647. Oslo, 1952.

чтени будуть (там же, л. 56) и т. д.[18] В поздних памятниках: и *затворени* быша двери (Дух. Ив. IV, л. 10).

По памятникам известны случаи, когда старые формы именительного множественного мужского и именительного и винительного падежей множественного числа женского рода, т. е. формы, исчезающие из языка, употребляются при определяемом среднего рода (мѣста... *котории*, пятна *своѧ*). Влияла ли в свою очередь старая форма среднего рода на мужской и женский род?

В памятниках встречаются примеры винительного падежа множественного числа прилагательных мужского рода, по форме тождественные прилагательным среднего рода. Так: Поѣ съ собою моу* новгородьскыѧ *моложьшаѧ* (Син. сп., л. 112 об.); Видѣ ту люди *сущаѧ* (Пов. вр. лет, 3 об.); В *нынешниѧ* вѣки и в *будущаѧ* (там же, л. 14); И *прочаѧ* люди овыхъ изби, а другиѧ работѣ предасть (там же, л. 17); В *послѣднѧѧ* же дни (там же, л. 85 об.); И погубѧть всѧ *творѧщаѧ* беззаконьѧ (там же, л. 28); В *послѣдняя* же дни (Моск. лет., л. 17 об.); И послаше древляне *лучьшая* люди своя (Уст. лет., л. 24 об.); В *прѣчая* грады (там же, л., 220); На *прочаа* грады (Тв. лет., стр. 38); *Прочаа* полкы избыша (там же, стр. 188) и т. д.

Однако это „совпадение" — принадлежность письменного языка, а не живого. Все приведенные примеры, как видим, с основой на мягкий или шипящий и представляют собой не что иное, как старославянские формы (*сиѧѧ*), переданные более обычными для древнерусской графики средствами. Эти случаи, таким образом, не имеют никакого отношения к смешению форм мужского и среднего родов.

В памятниках XV—XVI вв. встретилось несколько примеров с окончаниями *-а*, *-ая* с твердой основой, но они все могут быть объяснены: А серебра головнова пѧтдесѧт рублев *новгородцкаѧ* (АСЭ, ок. 1430 г.); Дати ми... игумену з братьею десѧть рублов заемнаѧ (Дух. и дог. гр., 1506); И ино на мнѣ... взяти дворецкому Ноугородцкому десять рублевъ *Наугородцкая*, а Сергейку десять то рублевъ *Ноугородцкая* (Арх. С., 1532 г.). Прилагательные в этих примерах относятся не к существительному, а к числительному. Как известно, *пѧть* и *десѧть* могли выступать в самостоятельном употреблении как существительные женского рода. И мы имеем основание допустить, что прилагательные здесь имеют форму единственного числа.

В Духовной Ивана Грозного (1572 г.) отмечен пример: Честнейшии же суть камения *многоценна* (л. 4), где прилагательное при существительном мужского рода имеет форму среднего рода. Возможно, из-за окончания *-ия камения* принято за существительное среднего рода (ср. *знамения, зданиѧ* и др.), и определение при нем имеет старую форму, что объясняется высоким слогом, которым написана эта часть духовной[19]. Вообще же в грамоте при существительных среднего рода отмечены лишь формы на *-ые*, *-ыя: пустые* места, *подмосковныя* села.

Особняком стоят два примера из „Слова о полку Игореве": Боянъ же братіе... своя вѣщіа пръсты на *живая* струны въскладаше (стр. 1); Помчаша *красная* дѣвкы половецкыя (стр. 3)[20], в которых при определяемом женского рода (струна, дѣвка) прилагательное стоит в среднем роде. Может быть, эти случаи ошибочны, что легко допустить, помня трудную историю памятника.

---

[18] Примеры взяты из уже названной работы А. И. Соболевского (стр. 194).

[19] Возможны и другие объяснения: *многоценна*, например, может быть рассмотрено как нормальное согласование с собирательным существительным, а *суть* согласовано по смыслу.

[20] Первый отмечен С. П. Обнорским в работе „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода" (М.—Л., 1946, стр. 154).

Формы именительного и винительного падежей множественного числа местоимений и прилагательных на *-а, -ая* до своего полного исчезновения из языка остаются признаком среднего рода, вот почему о полной утрате родовых различий у слов, изменяющихся по родам, во множественном числе можно говорить только тогда, когда эти формы перестают употребляться.

Несколько слов о взаимосвязи двух явлений: утраты родовых различий у слов, изменяющихся по родам, и объединения типов склонений во множественном числе. Утрата родовых различий у слов, изменяющихся по родам, при определяемых мужского и женского рода началась в языке с XIII в. Приблизительно в это же время появляется именительный падеж множественного числа на *-ы* у имен мужского рода. Исходя из материала памятников, имеющихся в научном обиходе, невозможно решить, который из двух процессов начался раньше. Ср. примеры, в которых употребляется: 1) новая форма существительного, но старая форма прилагательного (местоимения): Неисл*ѣ*дованыя неизмѣрныя[!] *чины раставлени* быша (Житие Нифонта, 1219 г., л. 113)[21]; *Вси талщикы* (Новг. гр., № 12); *Четвьрообразнии животы* (Кормчая 1282 г., л. 594)[21]; тѣ[!] *люди* не *надобни* (Дух. и дог. гр., ок. 1358 г.); 2) старая форма существительного — новая форма прилагательного (местоимения): *Страньскыи попове* (Кормчая XII в., л. 85 об.)[21]; *Врази июдовы* (Паремейник 1271 г., л. 83)[21]; *Вънуци аспидовы* (там же, л. 20)[21]; Выидоша *намѣстници михаиловы* (Син. сп., л. 160); *Гроби полны* суть (Ев. 1317 г., л. 50 об., Ев. 1339 г., л. 160 об.)[21]; *Безбожныѣ* же *сняе* измаилеви высѣкоша врата (Пов. вр. лет., л. 77)[22].

Уже тот факт, что оба явления совпадают хронологически, говорит о возможности существования связи между ними. Наличие последней обычно не вызывает сомнений, но о характере ее существуют разные мнения. А. Колосов[23], К. Мейер[24] и П. Я. Черных[25] указывали, что формы на *-ы* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода развивались под влиянием форм женского рода. Однако они не обосновывали свою точку зрения. Более решительно говорит о связи обоих процессов Б. О. Унбегаун, подчеркивая непосредственную зависимость между утратой родовых различий и объединением типов склонений во множественном числе[26]. В последнее время этот вопрос был затронут в кандидатской диссертации Б. И. Скупского[27]. Он отвергает мысль о влиянии утраты родовых различий на совпадение форм существительных в именительном падеже множественного числа, утверждая, что сама утрата родовых различий между существительными мужского и женского родов в именительном падеже множественного числа была обусловлена утратой формальных различий между этими типами склонений.

В связи с поставленным вопросом вызывает интерес сравнение таких явлений, как утрата формы среднего рода у слов, изменяющихся по родам, и появление форм на *-ы* в именительном и винительном падежах множественного числа у существительных среднего рода.

---

[21] Примеры взяты из работы А. И. Соболевского (стр. 194).

[22] Приводятся примеры из памятников до середины XIV в.

[23] А. Колосов. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI ст. Варшава, 1872, стр. 139 и сл.

[24] K. Meyer. Historische Grammatik der russischen Sprache. Bd. I. 1923, стр. 118.

[25] П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, стр. 153 и сл.

[26] B. Unbegaun. Указ. соч., стр. 37—38.

[27] Б. И. Скупский. Совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке. Канд. дис., (машинопись). М., 1953.

В первой половине XIV в. начинают исчезать формы именительного и винительного падежей множественного числа среднего рода у изменяющихся по родам слов. В грамотах конца XV в. при определяемых среднего рода в основном употребляются формы *тѣ, всѣ, мои, добрыѣ*. Таким образом, формы на *-а, -ая* исчезают в период XIV—первой половины XV вв.

Что касается формы имени существительного, то окончание *-ы* в именительном и винительном падежах множественного числа у имен среднего рода появляется в памятниках письменности не раньше XV в. А. И. Соболевский приводит первый пример с такой формой из памятника начала XV в.: *числы* [им. пад. мн. ч.] (Пчела, л. 1 об.)[28]. Правда, в Путешествии новгородского архиепископа Антония по списку начала XV в. есть форма *яблоки*: Овощь же патриархов всякий, дыню и *яблоки* и груши... (по изд. Археограф. комиссии 1876 г., стр. 106)[29]. Однако эта форма могла попасть сюда из языка XV в. или, что более вероятно, существительное *яблоко* было в языке автора не среднего, а мужского рода — *яблокъ*. Подобные колебания в роде известны древнерусскому языку: *облакъ — облако* и др. Форма *ѣбльковъ*, например, отмечена в I Новгородской летописи по Синодальному списку под 6665 годом[30].

С середины XVI в. формы на *-ы* от имен среднего рода встречаются в памятниках довольно часто: *яйцы* (Арх. С., 1590 г.); *блюды* (Домострой, 145); *селищи* и займища (Акты 1610, 1691 г.) и т. д. В „Слове о полку Игореве": взмути рѣки и *озеры*, уныша забралы[31].

Таким образом, если утрата различий в формах именительного и винительного падежей множественного числа прилагательных мужского и женского рода приблизительно началась в одно время с появлением формы на *-ы* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода, то утрата формы среднего рода у слов, изменяющихся по родам, во множественном числе, без сомнения, предшествовала появлению форм на *-ы, -и* в именительном и винительном падежах множественного числа существительных среднего рода. И если в первом случае о характере связи этих явлений можно строить разные предположения, то во втором случае очевидно, что утрата родовых различий у слов, изменяющихся по родам, дала толчок к дальнейшей унификации типов склонений существительных во множественном числе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией, т. I. СПб., 1836.
Авв	— Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Изд. „Academia", под ред. Н. К. Гудзия (I — Житие, II — Книга бесед и книга псалмов, III — Челобитные, письма, пэслания).
Арх. С.	— Архив П. М. Строева, т. I. РИБ, т. 32. Пг., 1915.
АСЭ	— Акты соц.-экон. истории сев.-вост. Руси конца XIV — начала XVI вв., т. I. М., 1952.
Вкл. Варл.	— Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г. — С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I, 1952, стр. 32.

[28] См. А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 211.

[29] Пример взят из работы Л. А. Булаховского „Курс русского литературного языка", т. II (Изд. 4. Киев, 1953, стр. 134).

[30] Слова на *-ко* вообще имеют особую историю развития формы именительного падежа множественного числа.

[31] Примеры из памятников XVI—XVII вв. взяты из работы С. П. Обнорского „Именное склонение в современном русском языке", вып. 2 (Л., 1931, стр. 110).

Гал. ев.	— Четвероевангелие Галичское 1144 года. Труд архимандрита Амфилохия, тт. I—II. М., 1882—1883.
Дух. Ив. IV	— Духовная грамота царя Ивана Васильевича IV. В кн.: „Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв." М.—Л., 1950. стр. 426—444.
Дух. и дог. гр.	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. [Подготов. к печ. Л. В. Черепнин]. М.—Л., 1950.
Дух. Климента	— Духовная грамота Климента новгородца до 1270 г. — М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
Духовная Ивана Калиты	— Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты. В кн.: „Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.". М.—Л., 1950, стр. 7—9.
Житие Феод. Печ.	— Житие Феодосия Печерского XII в. — „Чтения в Имп. об-ве истории и древностей российск.", кн. I. М., 1879.
Котош.	— Гр. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859.
Лавр. лет.	— Лаврентьевская летопись 1377 года. ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927.
Моск. лет.	— Московский летописный свод конца XV в. — ПСРЛ, т. XXV, М.—Л. 1949.
Новг. гр.	— Новгородские грамоты XIII и XIV вв. Изд. А. А. Шахматовым в кн.: „Исследования по русскому языку", изд. ОРЯС, т. I, СПб., 1885—1895, стр. 131—285.
Панд. Ник. Черн. 1296 г.	— Пандекты Никона Черногорца 1296 г. Собр. Исторического музея Синод. собр. 836.
Пов. вр. лет.	— Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872.
Син. сп.	— I Новгородская летопись по Синодальному списку XIII—XIV вв. СПб., 1875.
Тв. лет.	— Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. — ПСРЛ, т. 15, 1863.
Уст. лет.	— Устюжский летописный свод. Архангелогородский летописец. М.—Л., 1950.

Д. Н. ШМЕЛЕВ

К ВОПРОСУ О НАРЕЧИЯХ НА *-Ь* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1

Хорошо известно, что некоторые имена существительные, исчезнувшие из языка, сохраняются тем не менее в наречных образованиях, „застывая", как обычно говорят, в одной (или нескольких) из бывших падежных форм. Значительную группу подобным образом трактуемых наречий представляют префиксальные наречия на *-ь* и на *-и* в русском языке. Их объяснение не вызывает как будто бы особых затруднений.

Согласно тому взгляду, что в префиксальных наречиях именного происхождения следует искать „застывшие", „окаменевшие" падежные формы, слившиеся с предлогами, именная часть этих наречных образований осмысляется как определенная падежная форма имени, а в соответствии с ней реконструируется и внешний облик самого имени. Так, П. С. Кузнецов отмечает: „Этимология некоторых наречий довольно прозрачна, но уже в эпоху древнейших памятников имена, от которых соответствующие наречия образованы, не употребляются. Так, например, мы находим в древнерусском языке наречие *опѧть* в значении 'обратно'... Это наречие, по происхождению, представляет собой сочетание предлога *о* (*об*) и вин. п. ед. ч. существительного с основой на *-ĭ-* (*-ь*) **пѧть*, в древнерусском языке уже не засвидетельствованного...

Известны также наречия *зади*, *на зади*, *съ зади*, *на задь*, представляющие собой различные образования от существительного с основой на *-ĭ-* (*-ь*) **задь*, так же не засвидетельствованного в памятниках. *Зади* представляет собой местн. п. ед. ч. этого существительного, *на зади* тот же падеж в сочетании с предлогом, *съ зади* сочетание род. п. с предлогом, *на задь* сочетание вин. п. с предлогом"[1].

Обычно такое же истолкование дается в курсах современного языка. „В качестве наречий, — пишет А. Н. Гвоздев, — сохранились отдельные формы отсутствующих в современном языке существительных. Например, *вкривь*, *вкось*, *исстари*, *опрометью*, *второпях* представляют

---

[1] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд. МГУ 1953, стр. 285—286. — Последовательно отыменные наречия возводятся к сочетаниям падежных форм существительных с предлогами в следующих работах: Н. С. Рыжков. Морфология и семантика именных и местоименных наречий в древнерусских памятниках XI—XIV веков. Автореферат канд. дис. М., 1952; Н. Н. Светловская. Типы отыменных и отместоименных наречий, засвидетельствованных памятниками русской письменности XV—XVII вв. Автореферат канд. дис. М., 1955; Л. В. Болдырева. Наречия, образованные от имен прилагательных (по памятникам русской письменности XII—XVII вв.). Автореферат канд. дис. Л., 1955.

предполагаемые формы винительного, родительного, творительного, предложного (множ. числа) падежей таких неупотребительных теперь существительных, как *кривь*, *кось*, *старь*, *опрометь*, *тороть*, однотипных со словами *высь*, *гладь*, *новь*“ [2].

Но является ли бесспорным существование в прошлом существительных, вроде перечисленных, и обязательно ли предположение об их существовании для объяснения соответствующих наречий?

Мы, действительно, встречаем в памятниках такие слова, как *прямь*, *утрь*, *старь*, *скользь* и т. п., соотносительные с наречиями *впрямь*, *внутрь*, *встарь*, *вскользь*. Однако сразу же бросается в глаза, что это или существительные с очень конкретным содержанием, как, например, *старь* [ср.: ...лѣсу *стари* на мхѣхъ и на болотѣхъ въ длину 4 версты... (Писц. кн. по Пскову, XVI в., стр. 270 [3]; ...да *стари* 10 дерев... (Лавочн. кн. Новг. В., 1583 г., стр. 115) и т. п.] или же, чаще, это слова, выступающие и сами по себе в функции наречий [ср.: Достоить ли, рече, испрати платъ, иже лежить на трапезѣ согбеныи, въ немже крохотъцѣ? — *Прямь* все, рече, достоить испирывати, развѣ одиного антимиса не достоить прати (Вопр. Кир., 1130—56 гг.); Посемь пред зарями друзии придоста женѣ, и тѣ видѣста *оутрь* во гробѣ два аньгѣла... (Кир. Тур., XII в. сп. XIV в., стр. 31); ...как и *старь* бывало... (А. Писц. д. 1624 г., стр. 287) [4]. Прокофей Жуковъ раненъ из самопала по головѣ *скользь*... (А. И. 1609 г., стр. 279) и т. п.]. Таким образом, эти случаи никак не свидетельствуют о том, что указанные префиксальные наречия представляют собой слившиеся с предлогами падежные формы существительных. Важно отметить и то, что самая дифференциация форм *внутрь* и *внутри*, производящая впечатление какого-то остаточного отражения предложно-падежных значений, является, по-видимому, вторичной и в древнейших памятниках не отмечается (единственный пример на слово *внутри* в „Материалах“ И. И. Срезневского относится к 1480 г.). Наречие на *-ъ* (*внутрь*) первоначально выступает и в направительном и в местном значении („на вопрос куда“ и „на вопрос где“ — см. Срезн. т. 1, 390—391). Это недифференцированное употребление формы на *-ъ* сохраняется, между прочим, и в сочинениях Аввакума: Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, *внутрь* жгом огнем блудным... (Авв. XVII в., 73); ...является ему яко ангел, а *внутрь* сый диявол (там же, стр. 199).

Наряду с *изжтри* в старославянском употреблялось *изжтрь* [5], что свидетельствует, по крайней мере, об „отрыве“ соответствующих наречий, от склоняемых форм со значением „предметности“. Вообще наречия на *-ъ* в памятниках, отражающих старославянскую традицию, представляют довольно обширную группу [6], причем конечное *-ъ* не связано с выражением какой-либо определенной падежной флексии. Большая часть этих наречий может быть сопоставлена с такими сочетаниями, которые не предполагают именных форм на *-ъ*: ср. *особь — о себѣ*,

---

[2] А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. I. М., 1958, стр. 374.

[3] Список использованных материалов и принятых сокращений приведен в конце статьи.

[4] В издании — *истарь*; ср. в той же челобитной: а указали сѣтчи по прежнему, как *истари* бывало (там же, стр. 288). Кажется, прочтение *истарь* является более правдоподобным. В таком случае *истари* и *истарь* являются еще одним примером типа *вькоупѣ — вькоупь*.

[5] См., например: А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. (Русск. перевод). М., 1952, стр. 239; ср. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 1082.

[6] См., например: Chr. S. Stang. Slavische indeklinable Adjektiva auf *-ъ*. „Norsk tidsskrift for sprogvidenskap“, Bind XI. Oslo, 1939, стр. 99.

очивистъ — очи и именная форма глагола *видѣти*, *послѣдъ — по слѣдоу*, *издрѧдъ — из рѧдоу*, *бездобъ — без добы* и т. д.[7].

Многие из подобных наречий продолжают употребляться в древнерусской письменности. Вместе с тем данный тип наречных образований не ограничивается текстами церковнославянского языка и не производит впечатления совершенно непродуктивного. Соответствующие примеры можно привести из памятников, различных по времени и по жанровой принадлежности: сь же жито съсыпа в съсоуды. нача молоти пои плтрь *изоусть* (К-Печ. п., рукоп. 1406 г., л. 188 в); и извыче плтрь *изоусть* (там же, л. 201 б); положивше того Wсобь. ставше издалеча пѣныѥ Wбычноѥ створиша (там же, л. 106 б); и приде к нему *очивистъ* дьꙗволъ со многими бѣсы (Прол. 2-ой пол. XIV в., л. 39 б); і пакы повелѣша ї повѣсїти на древѣ *стремьглавь* (Прол. XV в., л. 2 г); и градъ плѣняху и многїя *окрестъ* града веси (Ж. Стеф. Махр., рукоп. конца XVI в.); занеже Wстрогъ проломити хотѧхоу. *изроучь* бодѧхоусѧ (Ип. л., сп. XV в., л. 272); и волнамъ велыкмъ въставшемъ *засобь*, безбожныхъ Руси корабль смѧте (Лавр. л., сп. 1377 г., л. 7 об.); и с лѣсомъ, которой лѣсъ пришелъ къ тѣмъ пожнямъ ззадѣ и *посторонь* тѣхъ поженъ (Арх. Стр., стр. 312, Купчая 1550 г.); да *посторонь* мелници сушило велико о двухъ подахъ (там же, стр. 481, Купчая 1568 г.); Потом, минув годов с четырнадцеть, *вдругорядь* солнцу затмение было (Авв., XVII в., стр. 67); оттече солнце *вспять* во вторый на десять час дня (там же, стр. 68) Посем вяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле *накось* резан (там же, стр. 136); А ныне у них все *накось* да поперег (там же, стр. 238) и т. п.

Можно заметить, что все эти наречия следуют достаточно определенной словообразовательной модели. Они представляют осложненные (чаще всего — префиксами) именные основы со смягчением конечного согласного. К этому же типу относятся такие, извлекаемые из „Материалов" И. И. Срезневского, образования, как *бездобь* („прилаг. нескл. и наречие", I, 54), *безмьздь* („прилаг. нескл. и наречие", I, 60), *вьроучь* (I, 401)[8], *изрѧдь = издрѧдь* ('милостив издрядь'. — Жит. Ниф. XIII в. 62—1, 1080), *посолонь* (II, 1252), *на съкоупь* (ср. *съкоупъ* — в значении существительного — III, 728), *съмѣсь* ('смешанно', 'вместе'; ср. *съмѣсъ* — в значении существительного — III, 767) и др.

В ряде случаев можно было бы предположить определенное сокращение ставших излишними „окончаний", подобное тому сокращению, какое мы наблюдаем в словах *сквозь*, *лишь*, заменивших *сквозѣ*, *лише*, в суффиксах инфинитива, в современных „вариантных формах", типа *ли — ль*, *уже — уж*, *среди — средь*, в древнерусских *преже — прежь*, *даже — дажь*, *послѣ — посль*, *межи — межь*, *како — какъ* и т. п. Однако этим нельзя объяснить образование большей части перечисленных сочетаний, таких, как *бездобь (безъ добы)*, *безмьздь (безъ мьзды)* и т. д. (ср. современные: *впроголодь* и *голод*), если не допустить воздействия определенной аналогии, т. е., в конечном счете, наличия известной языковой модели. Поэтому, естественно, и самое „сокращение окончаний", которое в некоторых случаях могло бы произойти, вследствие лексикализации наречных сочетаний, должно было бы, так сказать, вовлекаться в сферу указанной словообразовательной модели, косвенно под-

---

[7] Ср. А. Вайан. Указ. соч., стр. 239. Ср. также A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. II, 2. Lyon-Paris, [1958], стр. 682—688.

[8] Ср. „захватил *оберуч* корзоватую уразину и ждет незванных гостей" (А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. 3. М., 1958, стр. 36).

держивая, таким образом, ощущение ее „продуктивности". Формула этой модели — смягчение конечного согласного именной основы и префиксация (или сложение основ) для образования слов наречного значения, — по крайней мере, в ряде случаев лучше объясняет соответствующие наречия, чем допущение самостоятельного существования данных основ в качестве склоняемых имен.

2

Конечно, образование наречных форм часто является результатом сложных процессов и перекрещивающихся аналогий. Наличие в языке наречий на *-ъ* (и остатков таким же образом оформленных прилагательных) должно было сталкиваться с различными группами склоняемых имен существительных с основой на *-ъ*: с продуктивным типом отглагольных существительных и с недостаточно ясными по своим словообразовательным возможностям, различными по структуре группами отыменных существительных как отвлеченного, так и конкретного значения. Ср. *золь*: соблюдеши золь на мѧ (К.-Печ. п., рукоп. 1406 г., л. 179—180); *поустошь*: мнѣ кго поустошь глю҃ща (там же, л. 153 в); *погодь* 'надобность, нужда', (Срезн., II, 1015); *срѣдь* = *средь* 'середина' (Срезн., III, 484); *съвърсть* 'одинаковый возраст' (Срезн., III, 670); *бездънь* = *бездьнь* 'бездна' (Срезн., I, 56); *съгърсть* 'охапка, сноп' (Срезн., III, 696); *новочисть* 'вновь расчищенное место из-под леса' (Срезн., II, 459—460); *заводь* (Срезн., I, 902); *сыромять*: да кольцо ломаное желѣзное, *сыромять* дѣлаютъ (Арх. Стр., стр. 333, Отписной список 1551 г.; *роздереть* (Срезн., III, 154) и др.

Поскольку самый процесс возникновения отыменных наречий связан с изоляцией отдельных падежных форм имени, естественно, что эти „оторвавшиеся" формы могли подвергаться одновременно различным влияниям на основе разного рода формальных и семантических сближений. Тенденция к структурно-семантической дифференциации слов, принадлежащих к разным частям речи, обусловливала закрепление определенных „формул" словообразования за словами, которые осознавались принадлежащими к одной и той же части речи. Отыменные образования на *-ъ* все больше связывались со значением „предметности", это должно было приводить к известному переосмыслению соответствующих наречий, а в результате — нередко и к их формальной модификации. С этим связано параллельное употребление в качестве наречий таких форм, как *самохоть* и *самохотию*, *бездобь* и *въ бездобь*, *искони* и *отъ искони* [что сѧ вамъ мнить о хѣ, ѩко не ѿ *искони* кѣсть съ Бмь (Кир. Тур. XII в., сп. XIV в., стр. 59), замена наречия *изоусть* наречием *наизусть*, дифференциация форм *внутрь* и *внутри* и т. п. Многие наречия приобретают форму „окончания" такую, какой она была бы в предложных сочетаниях соответствующих имен, как, например, в современных *вширь* (при более старом *въ ширь*), *вдаль* — *вдали* (при более старых *дали*, *по дали*, *далѣ*, *въдалѣ*), *наизусть*, *впрямь*, *вкривь*, *вдоволь* (при более старом *доволь*), *внутрь* — *внутри*, *встарь* — *исстари*, *снаружи* — *наружу*, *взаперти*, *искони* и т. п., хотя и остаются такового рода „гибриды", как *впредь*, *впереди*, *спереди* — *вперед*, *сзади* — *назад*, *искони* — *испокон* и т. п.

Многовариантность некоторых наречных форм в древнерусском языке, возможно, этимологически обусловленная отражением дублетных суффиксов, в системе самого языка, несомненно, становится связанной с разными типами наречного словообразования. Об этом достаточно ясно свидетельствуют такие параллельно употребляемые в памятниках

формы, как *зади — задѣ, на зади — на задѣ, съ зади — съ зада, на задъ — на задъ* (Срезн., I, 909—910), *послѣдъ — послѣдь — послѣди — послѣдѣ* (Срезн., II, 1243—1247), *срѣди, среди — срѣдь, средь* (Срезн., III, 482—484), *дотолѣ — дотоли — дотоле* (Срезн., I, 718), *запѧти — запѧтъ — запѧть* (Срезн., I, 942), *подали — подаль — подале — подалѣ* (Срезн., II, 1030), *надобѣ — надобе — надоби — надобь* (Срезн., II, 277—279) и мн. др. Нередко эти параллельные формы встречаются в одном и том же памятнике, иногда почти рядом, ср.: и *последь* патрикиѥмь и воѥводою почьтоша и ..... сего ради много пострада. *последи* с миромь скончасѧ (Лобк. прол. XIII в., л. 41 б); (два брата) зелиѥмь токъмо питаховесѧ въ со҃у и въ не҃. *въ коупѣ* молѧщасѧ ѿ зелы *въ коупь* на мѣсте вькоушаховѣ (там же, 124 в) и т. п. Несомненно, однако, что нет основания связывать подобные колебания с наличием в языке параллельных именных форм. Желание видеть во всех этих наречных сочетаниях „окаменевшие" падежные формы имен существительных с предлогами заставило бы нас реконструировать такие дублеты существительных, как **главь, *рядь, *сторонь, *роучь, *коупь, *голодь (впроголодь), *земь (наземь, оземь)* и др., характерной особенностью которых пришлось бы признать то, что они не встречаются в „свободном" употреблении — вне наречных сочетаний.

С другой стороны, допущение возможности непосредственного производства данных наречий от основы имени в соответствии с регулярной словообразовательной моделью не кажется невероятным, так как о существовании такой модели в славянском (каково бы ни было ее происхождение) свидетельствуют наречия на *-ь*, известные в древнейших памятниках[9], а об ее устойчивости в древнерусском языке хотя бы самый факт наличия колеблющихся и вариантных форм наречий, вроде *ѥжегодь*, наряду с *ѥжегодъ, покамѣсть, докамѣсть*, наряду с *покамѣсто, покамѣсты, покамѣста, покамѣстъ* и т. п., где мягкость последнего согласного проще всего объяснить потенциальной возможностью вовлечения подобных наречных сочетаний в сферу указанного словообразовательного типа. О его продуктивности свидетельствуют также параллельные наречные формы другого рода, вроде *самохотию* и *самохоть* „самовольно, добровольно" (Срезн. III, 253—254), *опрометью* и *опрометь* (Даль. Толковый словарь русского языка, II, 708—709). Весьма показательными представляются и такие случаи, как современное *въявь* (при *наяву*), совершенно определенно заменившее свойственное древнейшим памятникам *ꙗвѣ*[10] через *въꙗвѣ*[11], *наꙗвѣ*, которые, видимо, отразили стремление путем префиксации укрепить (и определенным образом дифференцировать) ставшую непродуктивной наречную форму. Ср.: Слышаста же сия, аки *на яве* мнящемася (Пов. о Марфе и Мар; XVII в., стр. 50); Козма та не знаю коего духа человек: *въяве* уговаривает, а втай подкрепляет меня (Авв. XVII в., стр. 122) и т. п.

Следует обратить внимание и на сравнительно позднее, насколько об этом можно судить по „Материалам" И. И. Срезневского, и карто-

---

[9] Ср. остатки прилагательных на *-ь* в этих же памятниках (см. Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 99—103). Вытеснение последних, как кажется, могло быть связано с кристаллизацией и размеживанием адъективных и адвербиальных форм.

[10] См., например: Не бо притчею, но *ꙗвѣ* показаль ѥси нам (Кир. Тур. XII в., сп. XIV в., стр. 50); се же *ꙗвѣ* бы ѥмоу а не во сн҃ѣ (К.-Печ. п., рукоп. 1406 г. л. 131 в) мн. др.

[11] Из памятников, связанных со старославянской литературной традицией, *въꙗвѣ* встречается только в тексте Апостола — см. Slovnik jazyka staroslověnského, вып. 1. Praha, 1958, стр. 11.

теке ДРС[12], появление таких существительных, как *явь*, а также *высь*, *глубь*, *даль*, *доль*, *кривь*, *ширь*. Во всяком случае, в „Материалах" И. И. Срезневского они не отмечены ни разу, а в картотеке нет ни одного примера из памятников до XVIII в. на их „свободное" (вне сочетаний с предлогами) употребление[13].

На основании всего этого кажется возможным предположить, что самые эти существительные (*явь*, *высь*, *глубь*, *даль*, *доль*, *кривь*, *ширь*, *прямь*, *старь* и некоторые другие) возникли на основе наречных выражений *въявь*, *ввысь*, *вглубь* и т. д., образованных непосредственно от именной основы в соответствии с имеющейся словообразовательной моделью[14].

Даже, если считать, что наиболее древние наречия данного типа должны были представлять собой подлинные падежные формы, слившиеся с предлогами, — их отрыв от парадигмы создавал предпосылки для осознания данного образования именно как наречного и делал возможным независимые от реальных падежных форм образования по аналогии. О возможности аналогичных образований, независимо от реального существования исходной формы, свидетельствуют многие факты. Хорошо известным примером в славянском является образование отглагольных существительных посредством присоединения суффикса *-bje* к страдательным причастиям прошедшего времени, причем вне зависимости от того, употреблялись ли от данных глаголов самые страдательные причастия как таковые[15].

3

В ряде случаев исчезнувшие формы именного словоизменения становятся моделями уже собственно наречных образований, как, например, случилось с наречиями на *-ски* в русском языке (ср. *трагически*, *истерически*, *героически*, *мастерски* и т. д., которые, естественно, никогда не были формами творительного падежа множественного числа, переосмысленную „флексию" которого они восприняли). Но воздействием аналогии может обусловливаться и своеобразное смещение „словообразовательного ряда", т. е. слово может возникнуть в соответствии с существующей словообразовательной моделью, независимо от „свободного" функционирования его, так сказать, „ближайшей" исходной формы[16]. Поэтому и обнаружение в наречиях элементов, соотноситель-

---

[12] Картотека ДРС (Словаря древнерусского языка) в настоящее время находится в Институте русского языка АН СССР в Москве.

[13] *Доль* в значении существительного 'длина' встречается только во 2-й половине XVIII в. (см. А. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1870—1871, стр. 532); *ширь* в памятниках с XVI в., но только в сочетаниях с предлогом *въ* (и один раз с *на*). Для типологии образований ср.: (церковь) ꙗкоу же видиши величьствомъ и высотою размѣривь поиcомъ тѣмь златы .к. *в ширѣ* а .л. *в долже*. *в высоту* стѣны .и. с верхомъ" (К.-Печ. п., рукоп. 1406 г., л. 127б).

[14] Ср. также образование наречия *всерьез* при отсутствии соответствующим образом оформленного существительного; показательно и последующее, в известной степени „субстантивирующее" переосмысление его именной части, как, например, в современном: *на полном серьезе*. Ср. „А многие произведения идут у нас на полном серьезе, отнимая сами у себя могучее средство завоевать доверие читателя" Л. Соболев. — „Литературная газета", 8 декабря 1958 г.).

[15] См., например, А. Мейе. Общеславянский язык. (Русский перевод). М., 1951, стр. 288.

[16] Ср. образованное, в соответствии с моделью тех же наречий на *-ски*, по-видимому, непосредственно от существительного (имени собственного) наречие *давыдски* у Аввакума: „Вот, царю! коли тебя притрапезники те твои Давыдом зовут, сотвори и ты *Давыдски* к богу покаяние о себе и не гневайся на мя, правду свидетельствующу ти" (Авв. стр. 246).

ных с той или иной падежной формой имени, не всегда должно свидетельствовать о наличии в прошлом этой формы в свободном употреблении, а следовательно, и самого соответствующим образом оформленного имени. Нет никаких бесспорных оснований считать, что наречия *впроголодь*, *взаперти* свидетельствуют о существительных **голодь*, **заперть*, наречия *сплэшь*, *настежь* дают возможность реконструировать формы имен **плошь*, **стежь* и т. д. Может быть, не было бы необоснованным предположение о том, что и из наречий других типов, вроде *босиком*, *дурикэм*, *тишком* (ср. *исподтишка*), *тайкэм*, *втихомолку*, *понаслышке*, *живьем*, *невпроед*[17], некоторые генетически не являются „окаменевшими" падежными формзми реально употреблявшихся существительных. Возникновение этих образований непосредственно от именной основы по аналогии с действительно адвербиализовавшейся падежной формой имени, через осознание этой формы как определенной „наречной модели", в некоторых случаях представляется, по крайней мере, более вероятным.

С точки зрения синхронного анализа современного языка все эти образования правомерно объединяются, так как отсутствие или наличие в прошлом исходной формы, как формы регулярно употребляемого имени, не может определять их структурно-семантических особенностей в современном языке. Но это не делает правомерными предположения об их генетической общности.

Следует отметить, однако, что эти предположения, видимо, не могут быть как безусловно доказанными, так и окончательно опровергнутыми. Незафиксированность тех или иных слов в памятниках письменности не может свидетельствовать об их отсутствии в разговорном языке, как, с другой стороны, и обнаружение отдельных существительных, соотносительных с наречиями, не является само по себе доказательством того, что последние представляют собой именно окаменевшие формы этих существительных. Помимо того, что суффиксальные производные могут возникнуть независимо друг от друга, наличие наречных образований с именной основой, совпадающих по форме с падежными формами существительных, может привести к возникновению самого имени.

Как бы то ни было, в пользу высказанного свидетельствует ряд обстоятельств. Во-первых, если считать, что наличие наречий, вроде *искони*, *сзади*, *вкривь*, предполагает в прошлом существование самостоятельно оформленных существительных **конь*, **задь*, **кривь*, то остается трудно объяснимым наличие дублетных форм *кон* — **конь*, *зад* — **задь*, а также таких, как *доба* — **добь*, *ряд* — **рядь*, *глава* — **главь*, *рука* — **ручь*, *сторона* — **сторонь* и т. д., и полное исчезновение именно тех из них, которые, казалось бы, п о д д е р ж и в а л и с ь наречными образованиями. Во-вторых, объединение в этих наречных формах разнооформленных существительных и сведение их к единообразной форме „существительных" женского рода на *-ь* могло бы быть вызванным только какой-то с п е ц и а л и з а ц и е й значения или назначения этих форм. Если такой специализацией признать участие данных форм в образованиях наречного типа, то это, по существу, было бы отрицанием их самостоятельного существования как реальных имен существительных. Во всяком случае именно только такое их назначение отражено в памятниках. В-третьих, „модель" данных образований дается уже древними славянскими наречиями, независимо от того, как

[17] Ср.: "... и не только что хлебушка стало у нее вволю, но и всякого прочего, и всего *невпроед*..." А. Н. А ф а н а с ь е в. Народные русские сказки, т. III, стр. 158).

возникли сами древнейшие славянские наречия на -ъ. Естественно, что для более точных выводов необходима более определенная хронологизация явлений, которую, при недостаточной изученности многих сторон древнерусского словообразования, трудно пока произвести.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А. писц. д.	— Акты писцового дела, т. I. Собрал С. Веселовский. М., 1913.
Авв.	— Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Под ред. Н. К. Гудзия. Изд. „Academia".
А. И.	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, тт. I—V. СПб., 1841—1842.
Арх. Стр.	— Архив П. М. Строева, т. I. РИБ, т. 32. Пг., 1915.
Вопр. Кир.	— Памятники древне-русского канонического права, ч. 1. (Вопросы Кирика). Изд. 2. РИБ, т. VI. СПб., 1908.
Ж. Стеф. Махр.	— Житие Стефана Махрищского. Из собрания Румянцевского музея (№ 2496). Хранится в биб-ке им. Ленина.
Ип. л.	— Ипатьевская летопись (ПСРЛ, т. 2. Изд. 2. СПб., 1908).
Кир. Тур.	— Рукописи графа Уварова, т. 2. СПб., 1858 (Сочинения Кирилла Туровского).
К.-Печ. п.	— Киево-Печерский патерик. Хранится в Публичной биб-ке им. Салтыкова-Щедрина.
Лавочн. кн. Новг. В.	— Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Ред. С. В. Бахрушина. М., РАНИОН, 1930.
Лавр. л.	— Лаврентьевская летопись (ПСРЛ, т. I. Изд. 2. Л., 1926).
Лобк. прол.	— Лобковский пролог. Хранится в биб-ке им. В. И. Ленина.
Писц. кн. по Пскову.	— Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. (Сб. Моск. арх. Мин. юст., т. 5. М., 1913).
Пов. о Марфе и Мар.	В кн.: „Русская повесть XVII века" Л., 1954 г.
Прол. 2-ой пол. XIV в.	— Пролог Рогожского собрания (№ 510), Хранится в б-ке им. В. И. Ленина.
Прол. XV в.	— Пролог из Архангельского собрания (Д № 2). Хран в БАН.
Срезн.	— И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1903.

Д. Н. ШМЕЛЕВ

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ РЕЛИКТОВОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМЫ АОРИСТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Основная форма повелительного наклонения от глаголов совершенного вида, сочетаясь с подлежащим 1-го или 3-го лица, может обозначать неожиданно, внезапно, быстро совершившееся действие: Тут и Варвара подошла к нему, руку на плечо его положила, *да и скажи*: мы, говорит, уже давно поженились, еще в мае, нам только обвенчаться нужно (Горький, Детство); „А у меня денег нет, я их не любила, не копила; вот я, сдуру, *и скажи* ему: нет у меня денег и не дам!" (там же).

Этому употреблению формы давалось различное объяснение. К. С. Аксаков связывал его с древним желательным значением формы[1]. А. А. Потебня[2], Б. Дельбрюк[3], Л. А. Булаховский[4] и другие считают возможным объяснить подобное применение формы из ее побудительного значения. Совсем иное толкование было предложено А. А. Шахматовым. Говоря о различном употреблении повелительной формы 2-го лица единственного числа, А. А. Шахматов заметил: „Возможно, что употребление в значении прошедшего вызвано влиянием аориста..."[5]. Эта точка зрения была впоследствии поддержана А. И. Стендер-Петерсеном[6] и В. В. Виноградовым[7].

Каково бы ни было происхождение форм вроде — *он и скажи*, во всяком случае, то, что они образуются не только от глаголов, где совпадение с аористом могло иметь место, но и от других форм, — свидетельствует о том, что они были осознаны именно как формы повелительного наклонения. Ведь для того, чтобы какие-то формы, исчезнувшие из языка, сохранились все же под видом других, недостаточно их звукового совпадения. Необходимо, чтобы и в самом их употреблении были некоторые точки соприкосновения. Конечно, между формами повелительного наклонения в побуждении и в рассматриваемых конструкциях мало точек соприкосновения в семантическом плане.

[1] К. С. Аксаков. Полное собр. соч., т. II, часть первая. М., 1875, стр. 566—567.
[2] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 184.
[3] B. Delbrück. Vergleichende Syntax der Indogemanischen Sprachen, II, 1897, стр. 397.
[4] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 291—292.
[5] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 200—201.
[6] А. И. Стендер-Петерсен. О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском. «Acta et commentationes Universitatis Tartuensis, Humaniora», XVIII, 1930, стр. 17—41.
[7] В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 551—554.

Однако экспрессивное значение формы в конструкциях типа *он и скажи* точно так же не может быть объяснено и значениями аориста. Следовательно, если даже допустить (а это кажется весьма правдоподобным), что подобная „транспозиция" императива могла совершаться благодаря определенной „поддержке" со стороны аориста, обусловленной звуковым совпадением в части форм, пришлось бы все-таки искать самую возможность „транспозиции" в особенностях употребления именно формы императива. Известно, что формы повелительного наклонения употребляются не только в побудительных предложениях, но также и в условных и уступительных конструкциях. А. И. Соболевский определенно связывал возникновение форм, служащих „для обозначения быстро совершившегося действия", с переходом этих форм из придаточных предложений в главные[8]. Действительно, в то время как между формами повелительного наклонения, в их основном (побудительном) употреблении, и формами вроде *он и скажи* не ощущается в настоящее время какой бы то ни было семантической связи — между последними и формами повелительного наклонения в условно-уступительных конструкциях такая связь легко обнаруживается. Ср.: *Приди он — все было бы по-другому. — А он и приди.*

Тот же оттенок неожиданности, внезапности действия, который отмечается в образованиях типа *он и скажи*, нередко сопровождает эти же формы в условно-уступительных конструкциях. Например: *Войди он* сейчас ко мне в комнату, — не пошевелюсь... делай, что хочешь... (А. Толстой, Хождение по мукам); *Скажи она*: сожги Петербург, Микулай... Кудеяра убей... себя убей!... — все бы сделал! (Леонов, Барсуки) и т. д.

Однако можно было бы, как кажется, допустить, что употребление императива в значении прошедшего изъявительного (со специальным оттенком неожиданности, „немотивированности" действия) способствовало реликтовому сохранению изолированных форм аориста. Другими словами, отдельные формы аориста могли непосредственно сохраниться в языке, примкнув (формально) к формам императива. Это было бы возможно в тех случаях, когда указанный оттенок обусловливался лексическим значением самого глагола и тем самым лексическое значение данной формы непосредственно „ассимилировалось" грамматическому значению рассматриваемых конструкций.

Такой формой аориста, сохранившейся до нашего времени в результате „психологической" контаминации с императивами, нам представляется форма *случись*. Уже А. И. Стендер-Петерсен предположил, что «при постепенном переносе функций аориста на форму императива немаловажную роль сыграли соответствующие формы глагола *случиться*, *приключиться*; среди наших примеров было немало таких, в которых форма *случись* играла роль как бы вводного слова, повествовательной формулы. При изучении разного рода русских „историй" романического содержания оказывается, что они... изобилуют примерами использования вводной формулы указанного рода"[9].

Нужно заметить, что употребление указанной формы не ограничивается „историями романического содержания". Она может быть отмечена во многих древнерусских текстах, при этом для ее понимания важно то, что она никогда не употреблялась в побудительном значении, или, иными словами, не могла совпасть формой «подлинного» императива. Следует обратить внимание на особенности употребления этой формы в современном языке. Во-первых, она широко

[8] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907. стр. 254—255.
[9] А. И. Стендер-Петерсен. Указ. соч., стр. 27.

употребляется со значением действия в прошедшем без поддерживающих слов *и, да, да и* и т. п. Во-вторых, и это едва ли не главное, эта форма повелительного наклонения невозможна в собственно побудительном значении. Ее функции ограничиваются обозначением действия в прошедшем или действия, предполагаемого как условие. Возможно и личное, и безличное ее употребление, причем последнее не производит впечатления не вполне обычного, как в случаях *мне и вообразись*, что..., *тут и рассвети* и подобных, появляющихся гораздо позднее, уже на основе соответствующего особого употребления форм императива. Характерно, что во всех случаях не возникает сомнения в том, что это одна и та же форма того же глагола в том же самом значении. Например, в личных предложениях: И ворчал про себя: „Вот незадача, а? *Случись же такое!*" (Бубеннов, Белая береза); Иной раз и то подумаешь: *случись надобность*, могу и пригодиться (Бажов, Не та цапля); ... а в тот день *случись* воскресенье... (Гоголь, Мертвые души); в безличном употреблении: *Случись* тут Мухе быть (Крылов, Муха и дорожные); *Случись* по делу отлучиться ей, Так он уж загодя скучает — Не ест, не пьет... (Михалков, Лев и Муха) и множество других примеров.

Но самым показательным является, конечно, то, что употребление этой формы аналогично и в древнерусской письменности, на почве закономерных аористных образований. Например[10], Единою же *случись* ему выехати и поби 3 полковъ ратныхъ (Сказ. Ал. Нев.); И иде кождо насъ в жилище свое. иногда же *слꙋчи* ми сѧ быти с нею оу прпбнаго въпросихъ о черницы тои... (Ж. Вас. Нов.); И се ему отъ Божія промысла *случися*, яко да не будетъ оучитель далече отъ града (Ж. Авр. Смол.); Подобно сему *случисѧ*, великому василію бывъшу в кесаріи и тогда бжіимъ попущеніемъ сицево же бысть искушеніе... (Пах. Ж. Алексея); Но не сбылася мысль Митяева и *не случися* ему быти митрополитомъ на Руси (Симеон. лет.); Въ то же время егда стояху людіе царевы подъ Кромами ополчахуся противу врага царева, *случися* Царю Борису... сидѣти за столомъ... и по отшествіи стола того мало времени минувшю... *случися* ему смерть (Хроногр. С. Куб.); В то же время *случися* быти князю нѣкоему на селѣ своемъ... (Пов. Кат.-Ростовского); Всеволодъ же исповѣда брату своему вся бывшая, что *случися* о немъ (Ник. лет.); Того же лѣта *случися* пріити отъ Святослава дань емлюща Яну (там же); *Случіся*, яко рече ему Король Діонісіи, да скажемъ что отъ філософіи... (Апоффегм.)[11] и т. п.

„Императивное" осмысление формы способствовало ее сохранению, но, как можно видеть из примеров, не изменило существенно ее общего значения. Примкнув формально к императивам, она не вышла из сферы внеимперативного употребления последних, причем остаточно сохранила возможность менее конструктивно связанного функционирования.

Таким образом, употребление этой формы является едва ли не единственным примером непосредственного проникновения в современный язык „подлинной" формы аориста, сохранившей в значительной степени свое значение, но, конечно, формально „поглощенной" или ассимилированной другими, продуктивными образованиями.

---

[10] Примеры цитируются по картотеке ДРС, находящейся в настоящее время в Институте русского языка АН СССР. (Список сокращений см. в конце статьи.)

[11] В аналогичных же семантико-синтаксических ситуациях употребляются формы *лучися, прилучися, приключися, ключися*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Апоффегм.	— Апоффегмата, то есть кратких и витиеватых, и нравоучительных речей книги три. СПб., 1723.
Ж. Вас. Нов.	— С. Г. Вилинский Житие св. Василия Нового в русской литературе. 4. II. Тексты жития. Одесса, 1911, стр. 350—623. XIV в., сп. XIV в.
Ж. Авр. Смол.	— Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П Розанов. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1912 (Памятники древнерусской лит-ры, вып. 1). XIII в., сп. XVI в.
Ник. лет.	— Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ, т. 9—14. СПб., 1862—1910, сп. XVI — XVII вв.
Пах. ж. Алексея.	— Житие Митрополита всея Руси святого Алексея, составленное Пахомием Логофетом, вып. 1. СПб., 1877—1878 (Изд. ОЛДП. IV). 1448—1459 гг., сп. XVII в.
Пов. Кат.-Ростовского.	— Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, 1626 г., сп. XVII в. РИБ, т. 13, изд. 3. Л., 1925.
Симеон. лет.	— Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. 18. СПб., 1913. Сп. перв. пол. XVI в.
Сказ. Ал. Нев.	— Сказание о подвигах и жизни святого благоверного и великого князя Александра Ярославича Невского (по списку XIII в.). Сообщил арх. Леонид. СПб., 1882. (Пам. древн. письм., № 36). XIII в., сп. XV в.
Хронограф. С. Куб.	— Из Хронографа Сергея Кубасова. (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1859., стр. 283—315). РИБ, т. 13, изд. 3. Л., 1925. 1626 г., сп. XVII в.

Е. Н. ПРОКОПОВИЧ

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН ГЛАГОЛА В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Развитие системы времен русского глагола тесно связано со становлением и укреплением в языке категории вида (совершенности и несовершенности). Эта связь наблюдается уже в языке древнейших письменно засвидетельствованных русских памятников. В тесном взаимодействии развивались видо-временные отношения и в ходе дальнейшей истории русского языка.

Особенно ярко это взаимодействие проявляется в системе прошедших времен. Так, по свидетельству проф. Л. П. Якубинского, „в древнерусском языке, если отвлечься от некоторых важных частностей, отношение между имперфектом и аористом есть также отношение между прошедшим несовершенного и совершенного вида[1]". Не без основания поэтому некоторые исследователи определяют значения форм аориста и имперфекта как видо-временные[2].

В дальнейшем на смену системе прошедших времен постепенно пришло единое прошедшее время, возникшее на основе старого перфекта. „Так, историческое развитие русского языка привело к дифференциации видовременных значений, бывших слитными в имперфекте и аористе: за видовыми значениями закрепляется один способ выражения — посредством глагольных основ, а значение прошедшего времени стало выражаться только посредством специального суффикса -л-"[3].

Настоящая работа и посвящена наблюдениям над употреблением прошедших времен русского глагола в ряде памятников второй половины XVII в.

XVII век в общественном развитии России, а вместе с тем и в истории русского языка, особенно важный. Он характеризуется укреплением национальных связей в русском государстве. Именно этот период имел в виду В. И. Ленин, когда писал: „Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями ... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом

[1] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 233.

[2] См., например, у С. Д. Никифорова „Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века" (М., 1952); Т. П. Ломтев. Изменения в употреблении глагола относительно категории вида и времени. Сб. „Доклады и сообщения филологич. ф-та", вып. III. М., изд. МГУ, 1947.

[3] С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в., стр. 155.

между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок"[4]. Укрепление национальных связей требовало единства языка. XVII век и был начальным периодом становления русского языка как языка национального. „Русский национальный язык в 17 и 18 вв. образуется на основе синтеза всех жизнеспособных и исторически продуктивных элементов русской речевой культуры, т. е. живой народной речи с ее областными диалектами, устного народно-поэтического творчества, государственного письменного языка и церковнославянского типа языка с их разными функциональными разновидностями"[5].

В связи с этим большой интерес представляют собою не только такие памятники русской письменности второй половины XVII в., как „Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г." или „Грамоты", но и такие, как „Повесть о Ерше Ершовиче", „Повесть о Горе и Злочастии", „Праздник кабацких ярыжек", „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное". Все эти памятники и послужили материалом для данной работы[6].

Во второй половине XVII в. по данным исследованных памятников, уже не приходится говорить о системе прошедших времен, которая была присуща русскому языку в древнейшие периоды его истории. Господствующей формой выражения прошедшего времени к этому периоду стала форма на *-л*, генетически связанная с древним перфектом.

Изменяя в ходе исторического развития как свою структуру, так и древнее свое значение, формы древнерусского перфекта постепенно вытесняют другие формы прошедшего времени, в частности, аорист. Это вытеснение, по свидетельству исследователей, становится особенно заметно уже с XV в., а в живой речи значительно раньше. Так, „изменение значения причастия, входившего в состав сложного прошедшего времени, — пишет В. И. Борковский, — превращение его в глагольную форму, обозначающую действие в его результате, не привели к немедленному устранению аориста, но именно с того времени, когда причастие на *-лъ-* перестало обозначать имя (с XIV в.), находим случаи неправильного употребления форм аориста"[7].

Немногочисленные формы прошедшего времени на *-л* со вспомогательным глаголом, встретившиеся в исследованных памятниках второй половины XVII в. (преимущественно в грамотах), имеют лишь внешнее сходство со старым перфектом. Образованы они как от основ совершенного, так и от основ несовершенного видов. Например: *Пожаловали есмя* нашихъ Царскаго Величества подданных, Богдана Хмельницкаго, гетмана войска Запорожскаго, и писаря... и все войско Запорожское... (СГГД, 512); ...а сбирати тѣ всѣ доходы *указали есмя* по приказамъ тѣмъ людямъ, кѣмъ напередъ сего сбираны (там же, 522); ...*писали есте* къ намъ съ станичники своими... (там же, 427).

Таким образом, по своему значению рассмотренные образования уже не отличаются от форм единого прошедшего времени на *-л*. Глагол же *быть* в их составе можно рассматривать как дань традиции. Так, немногочисленные формы со вспомогательным глаголом в составе одного предложения употребляются рядом с формами без вспомогательного глагола: ... и по своему многому челобитью *поддалися есте* подъ

---

[4] В. И. Ленин. Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? Сочинения, т. 1, стр. 137.

[5] Р. И. Аванесов и В. В. Виноградов. Русский язык. — БСЭ, т. 37, стр. 435.

[6] Список использованных материалов и принятых сокращений приведен в конце статьи.

[7] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Изд. Львовского Гос. унив-та, 1949, стр. 181.

высокую руку Великаго Государя нашего ... и земля ваша не *преизобиловала* ли всякимъ благоденствіемъ и тишиною? (СГГД, 49).

Следовательно, в языке второй половины XVII в. господствует единое прошедшее время на *-л*, которое образуется от основ как совершенного, так и несовершенного видов. Видовые формы этого единого прошедшего времени в живом языке исследуемой эпохи уже устранили необходимость в употреблении старых форм прошедшего времени, выражавших в течение значительного исторического периода различные видовременные значения.

Однако во второй половине XVII в. наряду с живыми продуктивными формами существуют формы непродуктивные, отмирающие. Это ярко обнаруживается и в употреблении форм прошедшего времени. К таким непродуктивным в языке второй половины XVII в. формам относятся, например, формы аориста и имперфекта. Большой интерес в этом отношении представляет язык „Жития протопопа Аввакума", в котором формы аориста и имперфекта представлены довольно широко.

Приведем примеры:

Формы аориста: Азъ же от изгнанія *преселихся* во ино мѣсто... (Аввак., 162). Также во ину нощь забытіемъ ума о крестѣ томъ паки *опечалихся* (Аввакум говорит о себе. — *Е. П.*) и *уснухъ* ... (там же, 229); Онъ же Антонъ *утече* у него, и прибѣжалъ ко мнѣ в церковь (там же, 172); Петръ же Бекѣтовъ, в то время ... горкою смертію *умре* (там же, 173); И не послушавъ полуголова старцова моленія, не *отсѣче* главы его ... (там же, 213); Онъ же, воздохня из глубины сердца, ко мнѣ *проглагола* сице: спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и у двухъ князей бѣсовских! ... (там же, 217); ... вы меня *понудисте* сіе говорить (там же, 223); *Пріидоша* в село мое плясовые медвѣди ... (там же, 165); ... и *умолкоша* уста моя от молитвы ... (там же, 228); ... и *отскочиша* и *исчезоша* бѣси ... (там же, 228).

Формы имперфекта: Она же в скудости *живяше* и *моляшеся* Богу... (Аввак., 161); Отецъ мой *прилѣжаше* питія хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда *учаше* мя страху Божію... (там же, 161). ... стражіе же десятеро с человѣкомъ *стрежаху* темницу (там же, 214).

Формы аориста, имперфекта, а также плюсквамперфекта во второй половине XVII в., как указывалось, не составляли систему времен. Они являлись непродуктивными образованиями, еще сохранившимися в языке как пережитки, остатки предшествующих этапов в развитии грамматического строя русского языка, и употреблялись преимущественно по традиции, а в ряде случаев — в текстах с определенной стилистической окраской. Об этом свидетельствуют многочисленные данные памятников второй половины XVII в.

Прежде всего показательно ограничение в употреблении личных форм этих времен. Оно особенно часто наблюдается в отношении форм имперфекта. Так, если формы аориста употребляются во всех лицах единственного и множественного числа (хотя и преимущественно в III лице единственного и множественного чисел), то все встретившиеся формы имперфекта относятся к 3 лицу обоих чисел (лишь один пример употребления имперфекта в форме 1 лица множественного числа см. ниже).

Многочисленны также факты смешения личных форм при употреблении аориста и имперфекта.

Например: Тутъ мнѣ зѣло было горко, а се, подумавъ, *рече* ... (Аввак., 231) — аорист *рече* употреблен в форме 2—3 л. ед. числа вместо 1 л. ед. числа ... А я осиротѣлъ молодъ, и отъ своихъ соплеменникъ

во изгнаніи *быхомъ* (Аввак., 161) — аорист *быхомъ* употреблен в форме 1 л. мн. числа, вместо 1 л. ед. числа.

А я самъ во дни *отлучашеся* дому своего, токмо в нощи действовалъ надъ нимъ. (Аввак., 221) — имперфект *отлучашеся* употреблен в форме 2—3 л. ед. числа, вместо 1 лица ед. числа.

О том, что рассматриваемые формы не были в языке второй половины XVII в. живыми, а употреблялись по традиции, свидетельствует и тот факт, что немногочисленные формы аориста и имперфекта встречаются в исследованных памятниках в кругу далеко превосходящих их по численности форм единого прошедшего времени на *-л*. При этом формы аориста и имперфекта употребляются в одном временном плане с формами прошедшего времени на *-л*.

Приведем примеры: ...старецъ же, ища себѣ смерти, поперегъ костей *велѣлъ* отсѣщи, и *отсѣкоша* четыре перста (Аввак., 213); Азъ же, пришедъ от церкви, *освятилъ* его масломъ, и паки бѣси *отъидоша*... (там же, 218); ...егда же *возлегъ* (Аввакум. — *Е. П.*) в нощь ту и *умолкоша* уста моя от молитвы, *прискочиша* ко мнѣ бѣсовъ полкъ, и единъ щербатъ черменъ *взялъ* меня за голову... (там же., 228); Егда же азъ *прибрелъ* к Москвѣ, к духовнику цареву, протопопу Стефану, и к другому протопопу, к Неронову Ивану, они же обо мнѣ царю *извѣстиша*, и с тѣхъ мѣстъ государь меня знать *почалъ*. (там же, 165); Егда же *привезоша* мя на дворъ, *выбѣжала* жена ево Неонила... (там же, 166); И на ину нощь единъ бѣсъ в хижу мою *вошелъ* походя и ничево не *обрѣте*... (там же, 229); ...и *раступилася* земля и *пожре* перстъ... (там же, 238); Онъ же Антонъ *утече* у него, и *прибѣжалъ* ко мнѣ в церковь (там же, 172); ...меня ужъ *не тронули* (беси. — *Е. П.*) и *исчезоша*... (там же, 228); ...токмо чотки изъ рукъ моихъ *вышибъ* (бес. — *Е. П.*) и *исчезе*. (там же, 229); ...яко Лазаря во гною у вратѣхъ богатаго пси *облизаху* гной его, отраду ему *чинили*, такъ и я со своею собачкою *поговаривалъ*... (там же, 179); А я самъ во дни *отлучашеся* дому своего, токмо в нощи *дѣйствовалъ* над нимъ (там же, 221).

В этом же плане небезынтересно сравнить редакции „Жития протопопа Аввакума".

Редакция А: Азъ же прилѣжно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенилъ ево и *поклонился* ему (11).

Редакция Б: Азъ же прилѣжно, идучи в то время, молюся Богу, единою рукою осѣнилъ его и *поклонихся* ему. (92).

Редакция В: Азъ же прилѣжно, идучи, молюсь Богу, осѣнилъ ево болною рукою и *поклонился* ему (164).

Редакция А: ...и помиловалъ Богъ: здравъ *бысть* и умъ *исцелѣ* (75).

Редакция Б: ...и помиловалъ Богъ: здравъ *сталъ* и умъ *исцѣлѣлъ*. (140).

Редакция В: ...и помиловалъ Богъ: здравъ *бысть* и умъ *исцелѣ* (222).

Редакция А: Азъ же, на него глядя, поплакалъ и *возрадовался* о величіи Божіи... (75).

Редакция Б: И я, на него глядя, поплакалъ и *возрадовался* о величіи Божіи... (141).

Редакция В: Азъ же окаянный поплакалъ, глядя на него, и *возрадовахся* о Величіи Бога моего... (223).

Наконец, в языке памятников второй половины XVII в., как и в более ранние периоды жизни языка, но еще отчетливее, наблюдаются факты употребления форм аориста от основ несовершенного вида, а форм имперфекта от основ совершенного вида.

Как указывает акад. А. А. Шахматов, „древнейший аорист означал, как можно думать, прошедшее событие как факт, независимо от

способа его проявления, т. е. независимо от видовых различий; но позже он получил значение результативного (т. е. совершенного. — *Е. П.*) вида"[8].

В памятниках русской письменности второй половины XVII в., среди сравнительно немногочисленных форм аориста находим образования главным образом от основ совершенного вида. Однако здесь же встречается ряд форм аориста от основ несовершенного вида.

Например: ...о нихъ же божественный Апостолъ извѣствует: яже око не *видѣ* и ухо не *слыша*... (СГГД, 520); ...и *видѣ* Богъ неправду... (Аввак., 215); Сей Діонисій... бывъ в солнечнѣмъ градѣ, и *видѣ*... (там же, 157); У вдовы начальникъ отнялъ дочерь, и азъ *молихъ* его... (там же, 163); В нощи з горестію великою *молихся* Христу... (там же, 202)[9]; А жена з дѣтми верстъ з двадцать была сослана от меня. Баба ея Ксенья *мучи*, браня, зиму ту тамъ в мѣстѣ пустомъ (там же, 180); ...началъ неудобно кричать и вопить (брат Евфимий. — *Е. П.*), понеже бѣси жестоко *мучиша* его (там же, 215); Он же *отвѣща*: как батюшка мой, протопопъ Аввакумъ, такъ и я крещуся (там же, 205); Пилатъ же *отвѣща* ему, глаголя... (там же, 212); И *отвѣща* другій:... (там же, 161); И Петръ апостолъ нѣкогда убоялся смерти и Христа отрекся, и о семъ *плакася* горько... (там же, 211); ...в ню же нужу *терпеша* (они. — *Е. П.*) глад и наготу и скорбь всяку... (Пр. каб. яр., 91)[10]; Давидъ же *яде*, благодаря яко попъ (Аввак., 154).

Среди еще более немногочисленных в памятниках второй половины XVII в. форм имперфекта находим образования преимущественно от основ несовершенного вида. При этом встречаются и формы имперфекта от основ совершенного вида: ...яко Лазаря во гною у вратѣхъ богатаго пси *облизаху* гной его... (Аввак., 179)[11].

Употребление прошедших времен отличается некоторым своеобразием в грамотах. Прежде всего, нельзя не указать, что в исследованных нами грамотах второй половины XVII в. формы имперфекта не встретились. Не встретились и формы плюсквамперфекта[12]. Это своеобразие отмечается и исследователями более ранних периодов истории русского языка.

Что касается форм аориста, то они встречаются в грамотах, хотя и в небольшом количестве. По сравнению с имперфектом они оказываются более стойкими. Правда, сохранение форм аориста в грамотах некоторые исследователи склонны рассматривать как определенную дань традиции[13].

Следовательно, если в отношении употребления аориста в грамотах XV в. можно говорить о традиции, то употребление форм аориста в грамотах XVII в. тем более может рассматриваться как традиционное.

[8] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, Изд. 2. Л., 1941, стр. 488.

[9] См. в „Житии" форму имперфекта от основы несовершенного вида: Она же в скудости живяше и *молящеся* Богу... (161), и формы прошедшего времени на *л*, несовершенного вида: И много *молился* о томъ. (188) и др.

[10] См. в „Празднике кабацких *ярыжек*" форму имперфекта от основы несовершенного вида: дым же и жар *терпяху* (91), и формы прошедшего времени на *л*, несовершенного вида: Аще бы такие бѣды бога ради *терпели*... (91) и др.

[11] См. специально посвященную этому вопросу статью: Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. „Вопросы славянского языкознания", вып. 1. М., 1954, стр. 68—138.

[12] Попутно отметим наличие форм плюсквамперфекта в некоторых грамотах первой пол. XVII в. Как правило, эти формы употребляются без вспомогательного глагола *есмь* и в значении, присущем обычной форме прошедшего времени на *л*:... пріѣхалъ на Терекъ изъ Астрахани Михалко Черной отъ вора Ивашки Заруцкаго, а съ Терька *поѣхалъ былъ* въ Кабарду... (СГГД, 97); ...какъ мы бояре со всякими чины всею землею великаго Московскаго Государства *изобрали были* на великія Московскія Государства... (там же, 105).

[13] См. В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 163.

Об употреблении форм аориста и имперфекта в определенных стилистических условиях свидетельствуют факты их использования при передаче текстов религиозного содержания, а также в описаниях событий большой важности. Например: формы аориста: Се бо видѣвъ Захарія пророкъ, съходящъ серпъ огнянъ съ небесе на землю, и *вопроси*: что есть Господи серпъ сей? и *рече*: гневъ Божій есть, посылается от руки Божія на тѣхъ, иже ходятъ накриве къ ротѣ... (Соб. Улож., 91); ...*обѣяша* мя болѣзни смертныя, бѣды адовы *обыдоша* мя, скорбь и болѣзнь *обрѣтохъ* (Аввак. 163, Псал. CXIV, 3, 4); ... якоже *рече* праведный Енохъ: не пощадите злата и сребра брата ради... И пророкомъ *рече* Богъ: не пощади сребра человѣка ради; Христосъ же, не токмо сребра, но и душу свою повелѣваетъ по братіи положити; больши бо тая, *рече*, любве никто же не имать, аще кто душю свою положитъ по братіи своей (Соб. Улож., 20); ...а сами, пошедъ, запѣли божественныя пѣсни, евангельскую стихѣру болшимъ распѣвомъ: на гору ученикомъ идущимъ за земное вознесеніе *предста* Господь и *поклонишася* Ему, всю до конца;... (Аввак., 164); ...*ста* Исусъ крестообразно, сирѣчь *разпростре* руце свои... (там же, 158); ...забылъ во Евангеліи писанное, егда Зеведеевичи на посѣлянъ жестокихъ совѣтовали: ...Исусъ...рече имъ: не вѣста, коего духа еста вы: сынъ бо человѣческій не *пріиде* душъ человѣческихъ погубити, но спасти. И *идоша* во ину весь (там же, 188, Лук. IX, 54—56); ...посемъ матимоя *отъиде* к Богу в подвизѣ велице (там же, 162); ...ты по образу, падъ на землю, глаголи: прости мя, Владыко, Христе Боже, елико *согрѣшихъ*, — всю до конца говори... (там же, 230).

Формы имперфекта: Бывало то и на Павла апостола; самъ о себѣ свидѣтельствуетъ сице: внутрь убо страхъ, а внѣ убо боязнь; а в ыномъ мѣстѣ: ужо бо де не *надѣяхомся* и живи быти... (там же, 191, Кор., 1, 8, 10); ...яко Лазаря во гною у вратѣхъ богатаго пси *облизаху* гной его... (там же, 179).

Обращает внимание обилие форм аориста и имперфекта в сатирическом произведении XVII в. „Праздник кабацких ярыжек“ или „Служба кабаку“. Употребление этих форм здесь вероятнее всего объясняется тем, что „Служба кабаку“ — произведение, пародирующее церковную службу[14]. Например:

...злато ваше *изоржаве* [аорист], си ризы ваша молие *поядоша* [аорист], а пьяницы же и пропоицы злату ржавчину *протираху* [имперфект] и своему житию ваятели *являхуся* [имперфект] (67); Тебе ради, кабаче, вся сия *претерпех* [аорист] и други мои и ближнии мои далече от меня *сташа* [аорист], и *гнушахуся* [имперфект] мя... (83); Они же *быша* [аорист] буяви и храбри, *не быша* [аорист] же не древоделцы, ни земледелцы, *взяша* [аорист] же некую часть имения ото отец своих, и *прищдоша* [аорист] на корчмицу, *разточиша* [аорист] же имение свое не бога ради, после же *обнищаша* [аорист] и *взалкаша*... [аорист] (91).

Характерно, что и в грамотах традиционное употребление форм аориста поддерживается стилистической окрашенностью текста. Так, по нашим наблюдениям, формы аориста во второй половине XVII в. употребляются преимущественно в царских грамотах при описании особо важных и торжественных событий.

Великаго государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича, всея Русіи самодержца нестало, оставя земное Царство, *отъиде* въ вечное блаженство небеснаго Царствія... (СГГД, Окр. гр. Ал. Мих.

[14] См. у В. П. Адриановой-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 40.

на Верхотурье, 417); ...православному Царю Рускому и всѣмъ Христіанамъ *даде* на враги побѣду и миръ *дарова*... (СГГД, Речи Вас. Бут., 499); И мы Великій Государь, слыша о таковыхъ его пріятельскихъ замыслѣхъ, а о согласной мысли святѣйшаго Патріарха... ревнуя, *поревновахъ* по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ... (СГГД, Окр. гр. Ал. Мих. Турин. воеводе, 285); Сего ради *умилостивихомся* и *потщахомся*, яко да поможетъ намъ Господь Богъ благоподражательное наше начало сотворити... (СГГД, Уст. гр. Ал. Мих. о злоупотр., 518); ...и обороною Христіанству не противитися, яко противляющіися истинѣ древлѣ *погибоша*... (СГГД, Гр. Ал. Мих. к Малоросс. старш., 211).

Наконец, следует отметить тот характерный факт, что в сатирическом произведении XVII в. „Повести о Ерше Ершовиче" и в „Повести о Горе и Злочастии", книжная основа которой, по словам проф. Н. К. Гудзия, „в такой степени проникнута устно-поэтической традицией, в какой это было возможно только в XVII в."[15], не находим других форм прошедшего времени, кроме единой формы на *-л*[16]. При этом любопытно, что в списке „Повести о Ерше", относящемся ко второй половине XVIII в., встречаются крайне немногочисленные формы аориста, которые употребляются, видимо, в целях стилизации. Например:

И ерш *рече*: „Тут есть у меня купчая да и закладная да и платежницы, что я на Москве государю дань плачю" (154).

Об этом же свидетельствуют факты смешения личных форм аориста в указанном списке „Повести": *Судия* же *повелеша* приставам взяти память... (153).

Здесь же находим глагол *рещи* в форме единого прошедшего времени на *-л*, причем эти формы явно преобладают: Ерш тако *рек*... (155); И ерш тако *рек*... (там же); И лещ так *рек*... (155); Ерш так *рек*... (там же).

Таким образом, старые формы прошедшего времени в языке второй половины XVII в. употребляются по традиции, поддерживаемой в ряде случаев стилистической окрашенностью текста.

Особого замечания требует небольшая группа бесприставочных глаголов несовершенного вида с суффиксами *-ва-*, *-ыва-* (*-ива-*), типа *бивал*, *делывал* (к этой группе принадлежат также такие глаголы, как *едал*, с суффиксом *-а-*).

В лингвистической литературе в течение длительного периода эти образования относили к так называемому «многократному виду». Однако рассматриваемые глаголы не могут быть причислены к видовым образованиям. В русском языке исследуемого периода они представлены лишь формой прошедшего времени. Так, все 16 глаголов данного типа, встретившиеся в памятниках, употребляются только в этой форме.

Вместе с тем известно, что во второй половине XVII в., когда категорию вида можно считать сложившейся, когда все глаголы подводятся под категорию либо совершенного, либо несовершенного вида, каждый глагол, входящий в систему того или иного вида, как правило, имеет ряд форм этого же вида (например: *делать*, *делаю*, *делал*, *делая* и т. д.). Интересующая же нас группа бесприставочных глаголов, как указывалось, в памятниках XVII в. (как и в памятниках XVI в., по данным, которые находим в труде проф. С. Д. Никифорова „Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века"), засвидетельствована только в форме прошедшего времени.

[15] Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе, XI—XII вв. Изд. 4. М., 1947, стр. 342.

[16] Правда, в „Повести о Горе и Злочастии" встречена одна форма аориста: *учинися* имъ злочастие великое... (39).

Причем эта форма являлась выразительницей особого значения. В ней, по мнению исследователей, объединяются, с одной стороны, представление о многократности действия в прошлом и, с другой стороны, о длительности действия, осуществлявшегося в далеком прошлом. (См. об этом в неоднократно цитированном труде проф. С. Д. Никифорова.)

Недифференцированность этих значений, ярко обнаруживаемая в языке второй половины XVII в., позволяет, как думается, говорить о том, что образования типа *бивал, делывал, едал* представляют собой формы прошедшего времени „давнего обыкновения" или „давнопрошедшего времени".

Следовательно, как свидетельствует изученный материал, эти формы фактически оказываются за пределами в основном сложившейся к этому времени системы видовых отношений. Здесь же интересно отметить, что употребляясь с отрицанием, формы прошедшего времени „давнего обыкновения" выражают значение усиленного отрицания названного глагольной основой действия. Примеры:

Бивал

... и по тѣмъ пустымъ дворамъ и по дворовымъ пустымъ мѣстамъ въ тѣхъ крестьянехъ и бобыляхъ суда не давать, для того, что они во многіе годы о тѣхъ своихъ крестьянехъ ни на кого государю *не бивали* челомъ. (Соб. Улож., 80).

Веливал

... тотъ, чья та вотчина, учнетъ на него бити челомъ государю, что онъ той своей вотчины никому самъ не продавалъ... и руки къ купчей, или къ закладной, въ свое мѣсто, прикладывать *не веливалъ*... (Соб. Улож., 118); ... а Великій Государь нашъ Его Царское Величество такого письма къ бывшему Никону Патріарху писать тебѣ *не веливалъ*... (СГГД, 143).

Говаривал

... а иныхъ де, Государь, про васъ Великаго Государя никакихъ речей непристойныхъ *не говаривалъ* (СГГД, 131); ... и онъ окольничій и оружейничій гетману того ничего *не говаривалъ*... (СГГД, 44).

Давывал

... а по Государевѣ жалованной грамотѣ, узорочныхъ и иныхъ своихъ товаровъ, которые въ Государеву казну понадобятся, по прямой заморской цѣнѣ николи *не давывали* (СГГД, 455).

Делывал

... и того, кто такое злое дѣло учинитъ, пытать накрѣпко, напередъ того онъ надъ кѣмъ такова дѣла *не дѣлывалъ* ли... (Соб. Улож., 186).

Едал

... *не ѣдалъ* молодецъ ниполу куса хлѣба... (Пов. о Горе, 42).

Езживал

... а къ Москвѣ и въ иные городы съ товары и безъ товаровъ *не ѣзживали*... (СГГД, 455).

Живал

А у патріарха слободы взяти совсѣмъ опричь тѣхъ дворовыхъ людей, которые *изъстари* за прежними патріархи *живали*... (Соб. Улож., 134); ... и тѣхъ всѣхъ сыскивати и свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто *живалъ* напередъ сего... (там же, 136); Пріѣзжихъ бы мѣщанъ изъ Вильны выслать въ тѣ городы, гдѣ кто *живалъ* (СГГД, 32); Князь же велѣлъ в село ко своимъ ево отслать, гдѣ онъ *живалъ* (Аввак., 223).

Имывал

... и вотчинныхъ грамотъ *не имывали*... (Соб. Улож., 102); ... что воеводы Кіевскіе на городѣ *имывали*... (СГГД, 530).

Менивал

Да будетъ сыщется про то допряма, что тѣ челобитчики отцовскихъ своихъ помѣстей никому *не мѣнивали*... (Соб. Улож., 103).

Мышливал

... и нашимъ Великаго Государя ратнымъ людямъ и казакамъ, которые намъ Великому Государю служили вѣрно, ... никакого зла не токмо дѣлалъ и *не мышливалъ*, а ... обознаго и судей и ясауловъ войсковыхъ... наговаривалъ ко всякому доброму дѣлу... (СГГД, 63).

Писывал

... и не такъ, какъ преже сего, что въ войско Запорожское *писывали*... (СГГД., 241).

Пуживал

А егда еще я попомъ былъ, с первыхъ временъ, какъ к подвигу сталъ касатися, тогда бѣсъ меня *пуживалъ* сице (Аввак., 227).

Сиживал

... и они будучи на сеймахъ *сиживали* въ ровенствѣ... (СГГД., 238).

Служивал

... а какъ они *служивали* напередъ сего и Польскому Королю... (СГГД., 238).

Суживался

... какъ издавна бывало въ войскѣ Запорожскомъ, чтобъ своими правами *суживались* и вольности свои имѣли... (СГГД., 51).

Характерно, что в языке второй половины XVII в. формы прошедшего времени „давнего обыкновения“ употребляются параллельно с формами единого прошедшего времени на *-л*. Например: А которые московскіе и городовые посадскіе люди сами, или отцы ихъ въ *прошлыхъ* годѣхъ *живали* на Москвѣ, и въ городѣхъ на посадѣхъ, и въ слободахъ в тяглѣ, и тягло платили, а иные *жили* на посадѣхъ же и въ слободахъ... (Соб. Улож., 136).

Очень показательно в этом отношении сравнение одного и того же предложения в двух редакциях „Жития протопопа Аввакума":

Редакция Б: Князь же велѣлъ ево в село къ своимъ отослать, гдѣ онъ, Феодоръ, прежде сего *жилъ*... (141).

Редакция В: Князь же велѣлъ в село ко своимъ ево отслать, гдѣ онъ *живалъ* (223).

Формы прошедшего времени „давнего обыкновения" часто выступают (особенно в грамотах) в значении, присущем обычной форме прошедшего времени на *-л*. К числу подобных можно, на наш взгляд, отнести такие формы в отмеченных выше примерах, как *говаривал, давывал, мышливал* и др. Любопытно отметить, что еще Н. П. Некрасов писал: „... форма *хаживать*, известная в наших грамматиках под именем *многократного* вида глагола, не всегда выражает многократность, ...иногда этою формою выражается действие усиленной, так сказать, продолжительности, или усиленного проявления действия"[17].

Таким образом, утрату многократности в форме *хаживать* Н. П. Некрасов связывал с появлением значения усиленной продолжительности действия.

Учитывая тот факт, что в памятниках русской письменности второй половины XVII в. господствуют формы единого прошедшего времени на *-л*, рассматриваемые явления можно квалифицировать как тенденцию к вытеснению форм прошедшего времени „давнего обыкновения" формами прошедшего времени на *-л*. Тем более, что исследователи более поздних периодов истории русского языка (XVIII, XIX вв.) свидетельствуют о постепенном уменьшении употребительности и даже отмирании указанных форм прошедшего времени. Интересно, что по этому поводу пишет акад. В. В. Виноградов: „Отмирание форм этого „прошедшего давнего обыкновения" или давнопрошедшего времени вполне закономерно. Оно свидетельствует о том, что категория вида подчиняет себе все способы образования глагольных основ, всю систему форм времени и вытесняет все пережитки, нарушающие закономерность ее правил. Наличие форм типа — *пивал* — при отсутствии настоящего и будущего *пиваю* и *буду пивать* препятствует уточнению и усовершенствованию правил видового соотношения. Показательно, что уже с конца XVIII в. рассматриваемые формы давнопрошедшего времени замкнулись в узкий круг глаголов с «конкретно бытового действия»[18].

Исследованный материал памятников письменности второй половины XVII в. является ярким свидетельством взаимодействия видо-временных отношений русского глагола.

Становление категории вида, ее дальнейшее упрочение в языке XVII в. (в этот период категорию вида в русском языке можно считать в основном сложившейся) неизбежно влекло за собой изменения во временной системе, в частности в системе прошедших времен русского глагола. Так, опираясь на рассмотренный выше материал, можно сделать заключение о постепенном упрощении некогда сложной системы прошедших времен и развитии на основе старого перфекта единой формы прошедшего времени на *-л*, которая в языке второй половины XVII в. является господствующей.

---

[17] Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб, 1865, стр. 152.

[18] См. „Материалы объединенной научной сессии Отделения лит-ры и языка АН СССР и АПН РСФСР (27—29 ноября 1950 г.)". М., 1951, стр. 77. См. также работу Е. А. Иванчиковой, посвященную употреблению многократных бесприставочных глаголов в русском лит. языке XIX века. (Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. IV. М., 1957).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аввак.	— Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. Археографической комиссии. Пг., 1916.
Пов. о Горе.	— Повесть о Горе и Злочастии. — „Сб. отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 83. СПб., 1907.
Пов. о Ерше.	— Повесть о Ерше Ершовиче. В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М. — Л., 1937.
Пр. каб. яр.	— Праздник кабацких ярыжек. В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века.
СГГД	— Грамоты XVII века. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в гос. коллегии иностранных дел, ч. III. М., 1822; ч. IV. М., 1828.
Соб. Улож.	— Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. Изд. ист.-филол. факультета МГУ. М., 1807.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 3

Л. Н. Карягина. Редуцированные гласные в языке июльской служебной минеи конца XI—начала XII вв. 5

Л. П. Жуковская. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке (По материалам Галичского евангелия 1357 г.) 59

Т. А. Суникова. Чудовский сборник XVI в. (Палеографическое и фонетическое описание) 118

С. В. Бромлей. Образование несогласуемой формы и история членных форм сравнительной степени в русском языке (По материалам памятников письменности XI—XVII вв.) 177

А. И. Толкачев. Об изменении *-ого, -ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка 235

Н. В. Чурмаева. К истории утраты родовых различий во множественном числе у слов, изменяющихся по родам (утрата форм среднего рода) . . . 268

Д. Н. Шмелев. К вопросу о наречиях на *-ь* в русском языке 279

Д. Н. Шмелев. Об одном случае реликтового употребления формы аориста в русском языке 287

Е. Н. Прокопович. Об употреблении прошедших времен глагола в русской письменности второй половины XVII века 291

www.ruslang.ru

Материалы и исследования
по истории русского языка

*

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *З. А. Богданова*
Технический редактор *И. А. Макагонова*

Сдано в набор 14/IV 1960 г. Подписано к печати 22/X 1960 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 19=26,03 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 26,4.
Тираж 2500 экз. Т—12361. Изд. № 4399. Тип. зак. № 688.
Цена 17 руб. С 1.1 1961 г. 1 руб. 70 коп.

Изд-во Академии Наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21.
1-я тип. изд. АН СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

СПИСОК ОПЕЧАТОК:

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
29	1 сверху	от	отъ
30	5 сверху	„i“	„ї“
43	17 снизу	ниже	выше
70	10 сверху	цр/ство	црство
115	16 снизу	имеющимся	имевшимся
128	28 снизу	постановления	поставления
130	14 снизу	ж(т)ню(д)	ѡ(т)ню(д)
136	26 снизу	[å]	[ѳ]
142	17 снизу	вослеДую	вослеДуи
144	20—21 сверху	буква *о* связывалась	буква *о* не связывалась
157	2 снизу	См. карту п.п. 8 (№ 288 и 318)	См. карту № 8 (п.п. 288 и 318)
158	7—6 снизу	пъцалу́йт	пъцалу́йит
161	24—25 сверху	тивирии(д)скою	тивирии(д)ском
174	18 снизу	формы	фонемы
237	6 сверху	јединпо	једно
242	23 снизу	slovistŭ	slavistŭ
243	17 сверху	величного	неличного
248	26 св., 16, 15, 12, 11 снизу	mejé, majé	tejé, tajé
253	26 св.	рядом	рядом;

Заказ 688

Цена 17 руб.

С 1/I-1961 г. — 1 р. 70 к.